

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ

АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ ЕЖЕГОДНИК

ЗА 1988 ГОД

Основан в 1957 г.

академиком

М. Н. ТИХОМИРОВЫМ

Ответственный редактор

доктор исторических наук,

профессор

С. О. ШМИДТ

МОСКВА «НАУКА»

1989

ББК 63.2
А87

Редакционная коллегия:

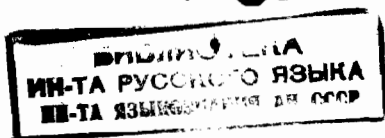
С. О. ШМИДТ (ответственный редактор),
Ю. В. АНДРЮШАЙТИТЕ, Н. А. ДОЛДОБАНОВА (ответственный секретарь),
В. А. ДЬЯКОВ, М. П. ИРОШНИКОВ, С. М. КАШТАНОВ, А. А. КУРНОСОВ,
Б. Г. ЛИТВАК (заместитель ответственного редактора),
Н. Н. ПОКРОВСКИЙ, А. С. ПРОКОПЕНКО, В. А. ЧЕРНЫХ

Рецензенты:

член-корреспондент АН СССР Ю. А. ПОЛЯКОВ,
доктор исторических наук Я. Е. ВОДАРСКИЙ

8(п)

A-87

84363

A87 **Археографический ежегодник за 1988 год.** — М.: Наука, 1989. — 341 с.
ISBN 5-02-009465-X

Ежегодник за 1988 год включает статьи и обзоры по проблемам истории и современного состояния археографии, архивоведения, дипломатики, филигранологии и других историко-филологических дисциплин. Рассматриваются история создания произведений В. И. Ленина, развитие журнальной археографии в России, типология фальсификаций источников эпохи средневековья. Освещается археографическая деятельность дореволюционных и советских ученых. Публикуются отзыв академика С. Б. Веселовского на драму А. Н. Толстого «Иван Грозный» и письма историка П. П. Парадизова из тюрьмы.

Для историков, филологов, архивистов и всех, интересующихся историей.

A 0502000000-263
042(02)-89 75-89-IV

ББК 63.2

ISBN 5-02-009465-X

© Издательство «Наука», 1989

I. СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

Р. М. Савицкая

ПРОИЗВЕДЕНИЯ В. И. ЛЕНИНА ПЕРИОДА ПОДГОТОВКИ ОКТЯБРЯ (март — октябрь 1917 г.). ВОПРОСЫ АРХЕОГРАФИИ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ¹

Труды Ленина периода подготовки Великой Октябрьской социалистической революции в основном вошли в Полное собрание сочинений В. И. Ленина (т. 31—34, 49). Их археографический обзор (по ф. 2, оп. 1 ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС) был сделан В. В. Аникеевым². Им же был составлен и «Указатель произведений В. И. Ленина, написанных и распространенных в 1917 г.»³, в котором учтены первые публикации и переиздания в марте—октябре 1917 г. 306 ленинских статей, речей и писем.

По сравнению с первым изданием Собрания сочинений количество их в пятом издании удвоилось. Каждое последующее издание давало читателю новые произведения Ленина периода подготовки Октября. Если в 1-м издании (т. XIV, ч. 1, 2; т. XX, ч. 2) их было 198, то во 2-м и 3-м изданиях (т. XX—XXI, XXIX) — по 291, в 4-м (т. 23—26, 35—36) — 322, а в 5-м (т. 31—34, 49) — 415.

Необходимо иметь в виду, что целый ряд документов Ленина из числа опубликованных ко времени начала пятого издания Сочинений (в Ленинских сборниках II, IV, VII, XIII, XXI, вышедших в 1925, 1928, 1930 и 1933 гг., и других изданиях) по разным причинам (малый объем, черновой характер, повторяемость содержания и т. п.) не были включены в него. Использование их затруднено тем, что в печати нет их списка. Они отражены лишь в числе других работ в «Хронологическом указателе произведений В. И. Ленина» (М., 1962. Ч. 2). Список всех не вошедших из Ленинских сборников в Сочинения произведений и документов Ленина, число которых превышает тысячу, предполагалось дать во второй части Справочного тома к Полному собранию сочинений, но из-за большого объема тома сделать это не удалось. Список произведений и документов Ленина периода с марта по октябрь 1917 г., не вошедших в пятое издание Сочинений, приложен к настоящей статье.

После завершения 5-го издания Сочинений (1958—1965) Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС продолжал публикацию новых произведений Ленина. Он выпустил четыре Ленинских сборника, 12 томов Биографической хроники В. И. Ленина и другие издания. В них впервые опубликован ряд ленинских документов периода подготовки Великого Октября. В Ленинских сборниках XXXVII и XXXIX (1970, 1980) впервые опубликовано пять таких документов. В сборнике XXXVII — четыре документа: «Опись личных вещей», составленная 24 марта (6 апреля) 1917 г. (с. 56); письма И. Ф. Арманд — от 20 апреля (3 мая),

¹ Статья написана на основе доклада, сделанного на заседании Археографической комиссии 16 июля 1987 г.

² Аникеев В. В. Документы Великого Октября. М., 1977. С. 6—59.

³ Там же. С. 210—237.

ранее 12(25) и позднее 12(25) мая 1917 г.⁴, в которых Ленин сообщал о получении им пакетов для нее, о травле буржуазными газетами, о своем переутомлении (с. 56—58). В сборнике XXXIX — один документ: «Запись прений по докладу о задачах революционного пролетариата на собрании большевиков — участников Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов и цифровой подсчет голосования» — 4(17) апреля 1917 г. (с. 177—178). В докладе Ленин огласил и разъяснил свои «Апрельские тезисы». Он записал также высказывания выступавших о том, что армия не пойдет в наступление, о братании, особо выделив высказывание неизвестного лица за революционную войну. Ленин зафиксировал также итоги голосования: из 46 участников собрания 22 воздержалось, 6 — против, 18 — за.

В Биографической хронике В. И. Ленина опубликовано 26 новых ленинских документов рассматриваемого нами периода, из них 9 — частично, 1 — впервые полностью. Преимущественно это выписки и записи содержания корреспонденций из иностранных газет («The Times», «Le Temps» и др.) о событиях в России вообще и о Совете рабочих и солдатских депутатов в частности, сделанные в Цюрихе в марте 1917 г.⁵ Впервые опубликована запись фактов, сделанная Лениным на основе этих выписок в марте, не позднее 14(27), 1917 г. Они характеризовали плюсы и минусы деятельности председателя Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов меньшевика Н. С. Чхеидзе⁶. Факты эти Ленин приводит в автореферате «О задачах РСДРП в русской революции», написанном 16 или 17(29 или 30) марта 1917 г., говоря о колебаниях Чхеидзе и его сторонников как об одном из направлений в Совете: «...Чхеидзе и его друзья впадают в худшую „луиблановщину“, ведут политику буржуазии, вредят делу революции»⁷.

Впервые полностью опубликована в т. 4 Биохроники записка Ленина издателю книги «Государство и революция», написанная в сентябре, позднее 13(26), 1917 г. Без первых двух слов и последней фразы она была приведена в Примечании 1 к т. 33 Полного собрания сочинений В. И. Ленина⁸. «Если автор слишком опоздает с окончанием этой, VII главы, — писал Ленин, — или если она непомерно распухнет, тогда первые шесть глав надо издать отдельно, как *выпуск первый*. Поэтому набор надо начать тотчас»⁹. Предпоследняя глава, VII, «Опыт русских революций 1905 и 1917 годов» книги «Государство и революция», как известно, не была написана. Сохранились план и две первые фразы главы и план главы VIII — «Заключения»¹⁰.

Помимо первых публикаций документов, в т. 4 Биохроники были введены новые и уточнены некоторые старые даты и факты последнего подполья Ленина¹¹.

Кроме Ленинских сборников и Биохроники В. И. Ленина, ленинские документы периода Октября появились и в других сборниках, монографиях, газетах и т. п. Среди них «Интервью шведскому левому социал-демократу О. Гримлунду», данное Лениным по пути из Мальмё в Стокгольм в ночь с 30 на 31 марта (с 12 на 13 апреля) 1917 г. Оно впервые опубликовано на шведском языке в газете «Stormklockan» («Стурмклокан») 5 мая (22 апреля) 1917 г., на русском языке — в статье Ю. Ф. Дашкова «Ленин в Швеции: четыре поездки. Извест-

⁴ Два последних письма по чистой случайности не были отражены в т. 4 Биографической хроники В. И. Ленина.

⁵ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, 1870—1924. М., 1972. Т. 4. Март — октябрь 1917 г. С. 5, 6, 9, 11—15, 21—23, 25—27, 35, 36. (Далее: В. И. Ленин. Биохроника).

⁶ Там же. Т. 4. С. 23.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 75.

⁸ См.: Там же. Т. 33. С. 345.

⁹ В. И. Ленин. Биохроника. Т. 4. С. 349—350.

¹⁰ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 119, 312—314, 323—324.

¹¹ См. об этом: Кирюхин С. П., Стеллиферовская Е. Н., Яковлев В. М. К уточнению некоторых дат последнего подполья В. И. Ленина // ВИ КПСС. 1974. № 1. С. 109—115.

ное интервью Ильича»¹². В интервью Ленин уточняет позицию большевиков по вопросу о Февральской революции. В дополнение к уже известным нам его высказываниям здесь он еще раз подчеркивает, что самой важной предпосылкой этой революции является революция 1905—1907 гг. «Без революции 1905 года, которая указала путь, расчистила его, быстрая победа в 1917 году была бы невозможна» (с. 197). Затем Ленин характеризует силы, объединившиеся в борьбе против царизма, среди которых главным являлось могучее пролетарское движение.

Ленин показывает отношение пролетариата к правительству Гучкова и Милюкова, подчеркивая, что оно является типичным правительством помещиков и капиталистов. «Всего глупее поэтому, — говорит он, — тактика „поддержки“ правительства, которое не в состоянии отмежеваться от империализма» (с. 198). Ленин отмечает: «...Мы стоим на переходе от первого ко второму этапу революции, от восстания против царизма к восстанию против буржуазии... Поддерживать правительство ради „борьбы с реакцией“ глупо, лучше бороться, вооружив пролетариат» (с. 198).

Ленин подчеркивает: Советы рабочих и солдатских депутатов — это организация, необходимая для другой, настоящей революции. Он показывает отличие большевиков, признающих необходимость государства для революционных преобразований и отрицающих старую государственную машину, как от анархистов, так и от оппортунистов, сторонников Каутского.

В заключение интервью Ленин излагает условия мирной политики большевиков: непризнание царских соглашений, опубликование всех тайных договоров, немедленное перемирие всем народам воюющих стран, освобождение всех колоний и угнетенных наций, недоверие всем буржуазным правительствам и призыв к рабочему классу свергать их, выплата военных долгов капиталистами. Он выражает уверенность, что мирная политика большевиков привлечет большинство рабочих и крестьян на их сторону и обеспечит поддержку всего революционного пролетариата.

В альбоме «Ленин. 1870—1924» (М., 1970) между с. 132 и 133 впервые было опубликовано факсимиле «Опросного листа пассажира русского подданного, прибывшего из-за границы через пограничный пункт Торнео» с ответами Ленина на содержащиеся в листе вопросы 2(15) апреля 1917 г.

Заявление Ленина о согласии баллотироваться в Учредительное собрание в Москве по большевистскому списку, написанное между 12 и 15 (25 и 28) октября 1917 г.¹³, впервые опубликовано 29 октября 1917 г. в газете «Известия Одесского Совета рабочих депутатов и представителей армии и флота».

ЦПА ИМЛ продолжает поиск новых ленинских документов, в том числе и периода Октября. Помощь в этом оказывают напечатанные в томах 5-го издания Сочинений В. И. Ленина «Списки работ В. И. Ленина, до настоящего времени не разысканных», и его Биографическая хроника. В них зарегистрирован и ряд до сих пор найденных ленинских произведений и документов периода подготовки Октября¹⁴: 1) Записка Л. Н. Сталь от 14(27) апреля 1917 г.; 2) проекты резолюций VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б), которые были напечатаны в виде отдельных отгисков (20—30 экз.) и розданы делегатам; сохранился лишь отгиск проекта резолюции по аграрному вопросу, имеющий поправки Ленина; 3) Проект Манифеста к рабочим и солдатам всех стран по поводу созыва международной социалистической конференции,

¹² ЛГ. 1969. 22 янв. Перепеч. в кн.: Дашков Ю. Ф. По ленинским местам Скандинавии. М., 1971. С. 196—200. Далее в тексте указаны только страницы.

¹³ Очерки истории Московской организации КПСС, 1883—1965. М., 1966. С. 270; Ленин в 1917 году: Воспоминания. М., 1967. С. 164—166.

¹⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 494—495; Т. 32. С. 451; Т. 34. С. 449—451.

предложенный Лениным VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б); проект был передан в комиссию; 4) Доклад по аграрному вопросу на Всероссийской конференции фронтовых и тыловых военных организаций РСДРП(б), сделанный между 20 и 23 июня (3 и 6 июля) 1917 г. Доклад назван в повестке дня конференции, но в ее бюллетенях не упоминается; 5) Проекты резолюций VI съезда РСДРП(б). Я. М. Свердлов говорил на съезде «...Будет сделано все, чтобы получить резолюции отсутствующих товарищей»¹⁵. О голосовании на съезде написанных рукой Ленина проектов резолюций говорится и в воспоминаниях А. В. Шотмана¹⁶ и др., но рукописей проектов нет; 6) конец статьи «Задачи нашей партии в Интернационале (По поводу III Циммервальдской конференции)»¹⁷, написанной позднее 28 сентября (11 октября) 1917 г.; 7) глава IV статьи «Кризис назрел»¹⁸, написанная 29 сентября (12 октября) 1917 г. не для печати, а для раздачи членам ЦК, ПК, МК и Советов; 8) письма и записки из подполья Н. К. Крупской и другим деятелям партии.

В 1983 г. была принята на хранение в ЦПА ИМЛ рукопись (25 с.) ленинского «Письма к товарищам», написанного 17(30) октября 1917 г. и опубликованного в газете «Рабочий путь» 19, 20 и 21 октября 1917 г. В нем дан глубокий марксистский анализ сил революции и контрреволюции, обоснована уверенность партии большевиков в победе революции. Письмо, долгое время хранившееся в семейном архиве Е. С. Ляховской и Г. А. Левитана, передано в ИМЛ при ЦК КПСС кинооператор Г. А. Левитан. Местонахождение рукописи около 60 лет оставалось неизвестным. Часть рукописи еще не найдена¹⁹. Имея подлинный ленинский текст письма, исследователи получили возможность выяснить ряд вопросов, связанных с созданием Лениным этого документа²⁰. Ленин писал его не для печати, а «для беседы с членами партии по переписке», но, узнав, что заявление Л. Б. Каменева и Г. Е. Зиновьева с протестом против решения ЦК РСДРП(б) 10(23) октября о вооруженном восстании распространяется во внепартийных кругах, он потребовал напечатать письмо и «возможно скорее»²¹.

Изучение произведений Ленина периода подготовки Октября с точки зрения археографии и источниковедения до 50-х годов велось главным образом Институтом Ленина (с 1931 г. Институтом Маркса — Энгельса — Ленина) в процессе работы по завершению 1-го и подготовке 2-, 3- и 4-го изданий Сочинений В. И. Ленина. Появлялись и работы отдельных исследователей. Так, А. Ф. Ильин-Женевский предпринял попытку выяснить характер правки, внесенной редакцией газеты «Рабочий и солдат» при публикации 4 и 5 августа 1917 г. статьи Ленина «О конституционных иллюзиях», и установить причины этой правки²².

Со второй половины 60-х годов Институт марксизма-ленинизма и отдельные историки (Е. Н. Городецкий, Е. Ф. Ерыкалов, Е. А. Луцкий, Г. Д. Обичкин, А. М. Совокин, В. И. Старцев, В. В. Шиндяева и др.) уделяют большое внимание анализу, датировке работ Ленина периода подготовки Октября. Археографический и источниковедческий анализ многих документов и произведений Ленина вообще и указанного периода в частности был проделан в ИМЛ главным образом при подготовке 5-го издания Сочинений В. И. Ленина. Опыт этой работы обобщен²³. Велась такая работа и при составлении Биографической хроники Ленина.

¹⁵ Шестой съезд РСДРП(б), Август 1917 года: Протоколы. М., 1958. С. 8.

¹⁶ Шотман А. В. Ленин в подполье (июль — октябрь 1917 года) // О Ленине: Воспоминания. М.: Л., 1925. Кн. 3. С. 105.

¹⁷ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 269—271.

¹⁸ См.: Там же. С. 272—283.

¹⁹ См.: Там же. С. 406—411.

²⁰ Колесников С. Лениниана: Новые страницы // Правда. 1983. 22 апр.

²¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 417.

²² Женевский А. Ф. Рукопись В. И. Ленина «О конституционных иллюзиях» // Красная летопись. 1925. № 3. С. 193—196.

²³ Сокровищница великих идей ленинизма: О Полном собрании сочинений В. И. Ленина. М., 1966; 2-е изд. М., 1968.

Больше всего повезло в источниковедческом анализе таким ленинским работам, как «Письмо к товарищам», «Письмо членам ЦК», статья «О компромиссах» и книга «Государство и революция». Из исследователей первым приступил к такой работе Е. Н. Городецкий²⁴. Им были проанализированы произведения и документы Ленина периода февраля—октября 1917 г., начиная с писем И. Ф. Арманд от января 1917 г. и кончая «Письмом к товарищам» от 24 октября (6 ноября), в которых нашла отражение ленинская концепция истории Великой Октябрьской социалистической революции, получившая дальнейшее развитие в его трудах 1918—1923 гг.²⁵ Городецкий предпринял первую попытку источниковедческого анализа «Письма членам ЦК» от 24 октября (6 ноября) 1917 г. и выяснения обстоятельств его написания. На заседании Научного совета АН СССР по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции» (июнь 1963 г.) он изложил вывод, что письмо было адресовано не членам ЦК, как оно озаглавлено в 4-м и 5-м изданиях Сочинений В. И. Ленина²⁶, а в Петербургский и районные комитеты партии Петрограда²⁷. Позднее Городецкий согласился с Е. Ф. Ерыкаловым, который тоже проанализировал названное письмо²⁸, что адресатом письма был также ЦК РСДРП (б)²⁹.

В 1960 г. А. М. Совокин³⁰ первым обратил внимание на то, что письма Ленина «Большевики должны взять власть» и «Марксизм и восстание», напечатанные в 4-м издании Сочинений, по дате их написания оказались впереди статей «Один из коренных вопросов революции», «Как обеспечить успех Учредительного собрания (О свободе печати)», «Русская революция и гражданская война. Пугают гражданской войной», «Задачи революции», которые были напечатаны под датами их первых публикаций в газете «Рабочий путь» — 14, 15, 16 и 26, 27 сентября 1917 г.³¹ А между тем в названных письмах шла речь уже о восстании, а в статьях — все еще о возможности мирного развития революции. Совокин высказал предположение, что эти статьи были написаны Лениным в период между 5 и 12 сентября 1917 г.

Важным вкладом в источниковедение ленинских работ периода подготовки Октября явился анализ резолюции VI съезда РСДРП (б) «О политическом положении», проведенный Совокиным³². В третьей из названных работ он дал сравнительный анализ двух документов, опубликованных в местной большевистской печати. Это «Тезисы» («основные мысли доклада»), которые послал делегат съезда Б. З. Шумяцкий в газету «Красноярский рабочий» (8 авг. 1917), а также проект резолюции

²⁴ Подробнее см.: *Покровский А. С.* Е. Н. Городецкий как археограф и источниковед истории Великого Октября // АЕ за 1987 год. М., 1988.

²⁵ *Городецкий Е. Н.* Революция и ее историческое познание в трудах В. И. Ленина (Февраль — октябрь 1917 г.) // Изд. М., 1969. Т. 84. С. 62; *Он же.* Советская историография Великого Октября, 1917 — середина 30-х годов: Очерки. М., 1981. С. 42—73.

²⁶ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 435—436.

²⁷ *Городецкий Е. Н.* Из истории Октябрьского вооруженного восстания и II Всероссийского съезда Советов // ВИ. 1957. № 10. С. 41—45; *Он же.* Рождение Советского государства, 1917—1918 гг. М., 1965. С. 100—104; Ленин и Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде: Материалы Всесоюзной научной сессии, состоявшейся 13—16 ноября 1962 г. в Ленинграде. М., 1964. С. 478—481.

²⁸ См. об этом: *Городецкий Е. Н.* Историографические и источниковедческие проблемы Великого Октября, 1930—1960-е гг.: Очерки М., 1982. С. 129—134.

²⁹ *Городецкий Е. Н.* Современная советская историография Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде // Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде: Сб. статей. М., 1980. С. 14.

³⁰ *Совокин А. М.* О возможности мирного развития революции после разгрома корниловщины // ВИ КПСС. 1960. № 3. С. 50—64.

³¹ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 200—238.

³² *Совокин А. М.* Разработка В. И. Лениным новой тактики партии после июльских дней 1917 г.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1962; *Он же.* Шестой съезд партии и исторические источники // ВИ КПСС. 1967. № 7. С. 40, 47—49; *Он же.* В преддверии Октября (подготовка победы вооруженного восстания). М., 1973. С. 60—66, 336—341; *Он же.* Резолюция VI съезда партии «О политическом положении» // Источниковедение истории Великого Октября: Сб. статей. М., 1977. С. 9—25.

«О политическом положении», зачитанный на съезде И. В. Сталиным («Голос социал-демократа». Киев, 1917. 13 авг.).

Совокин в статье 1977 г. в результате сравнения тезисов доклада, проекта и окончательного текста резолюции «О политическом положении» высказал предположение, что проект резолюции VI съезда РСДРП(б) был написан Лениным. В этих целях он провел также текстологическое сравнение содержания «Тезисов» о политическом положении с произведениями Ленина того времени и показал их идейное тождество, текстуальную, стилевую, терминологическую близость. Исходя из содержания «Тезисов», автор статьи пришел также к выводу, что они были написаны позднее 25 июля, а получены съездом не ранее 27 — не позднее 29 июля 1917 г. Старцев³³ тоже проследил непосредственную связь работ Ленина периода съезда с его решениями, в частности и с названной выше резолюцией.

Совокин провел также первое источниковедческое исследование найденной в 1973 г. рукописи ленинского «Письма к товарищам»³⁴, обратив внимание на время дня — 17(30) октября 1917 г., когда Лениным написано это письмо, указанное в постскриптуме к нему: «Сейчас 8^{1/2}». В газете «Рабочий путь» (1917, 1, 2, 3 ноября (19, 20, 21 октября) при первой публикации письма это ленинское указание было опущено.

Е. А. Луцкий провел источниковедческий анализ³⁵ статей Ленина «Из дневника публициста. Крестьяне и рабочие» и «Новый обман крестьян партией эсеров»³⁶, определил тематическую структуру, основные источники. Он отметил, что непосредственным поводом к написанию первой статьи явилась публикация в газете «Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов» от 19 и 20 августа 1917 г. «Примерного наказа, составленного на основании 242 наказов, доставленных с мест депутатами на 1-й Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов в Петрограде в 1917 году». Статья же Ленина «Новый обман крестьян партией эсеров» явилась ответом на опубликованный 18 октября 1917 г. в эсеровской газете «Дело народа» законопроект С. Л. Маслова об урегулировании земельных отношений. Луцкий показал значение статей как нового этапа в изучении Лениным аграрного вопроса в России и в разработке политики партии большевиков по отношению к крестьянству, как важнейших источников для изучения истории Октябрьской социалистической революции, в частности борьбы большевистской партии за крестьянство против партии эсеров.

В первой из названных статей Луцкого сделаны важные наблюдения о печатании в Сочинениях других произведений Ленина, даты первых публикаций которых не совпадают с последовательностью их написания. Так, статья «Бумажные резолюции», опубликованная 26 августа 1917 г., и «Письмо в связи с изданием „Листка по поводу взятия Риги“»³⁷, судя по источникам, могли быть написаны одновременно или даже позднее, чем статья «Из дневника публициста. Крестьяне и рабочие».

Луцким была отмечена также описка в письме «В Центральный Комитет РСДРП» от 30 августа (12 сентября) 1917 г. в ленинской фразе: «Я пишу это в среду, 30 августа, читать это будут адресаты не ранее пятницы, 2 сентября»³⁸, ибо пятница была не 2, а 1 сентября 1917 г.

В. И. Старцев опубликовал статьи о работах Ленина первой половины сентября 1917 г.³⁹ В них он провел источниковедческое исследование

³³ Старцев В. И. Источниковедческое исследование произведений В. И. Ленина (5 июля — 14 сентября 1917 года): Дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1973.

³⁴ Совокин А. М. Ленинское «Письмо к товарищам» // ВИ КПСС. 1984. № 4. С. 6—17.

³⁵ Луцкий Е. А. Статья В. И. Ленина «Из дневника публициста. Крестьяне и рабочие» // ВИД. Л., 1969. Т. 2; *Он же*. Статья В. И. Ленина «Новый обман крестьян партией эсеров» // ВИД. Л., 1970. Т. 3.

³⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 108—116, 428—433.

³⁷ См.: Там же. С. 86—89, 94—97.

³⁸ Там же. С. 119.

³⁹ Старцев В. И. О некоторых работах В. И. Ленина первой половины сентября 1917 г. // В. И. Ленин в Октябре и в первые годы Советской власти. Л., 1970;

ленинских статей «Один из коренных вопросов революции», «Как обеспечить успех Учредительного собрания (О свободе печати)», «Русская революция и гражданская война. Пугают гражданской войной», «Задачи революции» и брошюры «Грозящая катастрофа и как с ней бороться»⁴⁰. Особое внимание автор уделил времени и последовательности написания Лениным названных статей, тщательно проанализировал их тексты, цитаты, ссылки на периодическую печать, упоминаемые события и факты, даты, дни недели, разыскал точно датированные источники статей, которые использовал Ленин, сопоставил между собой сходные по смыслу отрывки из статей, установил последовательность их логического развития, сопоставил объем статей.

В результате Старцев пришел к выводу, что первой была написана статья «Задачи революции» (6 сентября), затем — «Один из коренных вопросов революции» (7 сентября) и «Русская революция и гражданская война» (начата 8—9 сентября) и, наконец, «Как обеспечить успех Учредительного собрания» (9 сентября 1917 г.). Он подметил также, что статья «К пересмотру партийной программы» была начата не 6 октября, а днем раньше.

Что касается брошюры «Грозящая катастрофа и как с ней бороться»⁴¹, то Старцев изучил ее рукопись, провел сравнение содержания с предшествующими статьями Ленина и написанными одновременно с ней письмами о восстании. Изучив тщательно почерк Ленина (наклон букв, их плотность и т. п.), Старцев установил, какая именно часть брошюры была написана в каждый из тех пяти дней с 10 по 14 сентября 1917 г., когда Ленин работал над ней. Параллельно автор провел **текстологический** анализ письма Ленина «Большевики должны взять власть» и высказал предположение, что оно могло быть написано вечером 11 сентября, в ночь на 12 сентября, утром 12 сентября 1917 г.

В упомянутой диссертации Старцев исследовал с источниковедческой точки зрения все произведения Ленина за период с 5 июля по 14 сентября 1917 г., уточнил даты многих из них. Так, Старцев доказывает, что «Проект резолюции о современном политическом моменте» был написан, возможно, 4 сентября⁴², а не «не позднее 3 сентября 1917 г.»⁴³.

В специальной источниковедческой работе о ленинских письмах о восстании⁴⁴ — «Большевики должны взять власть. Письмо Центральному Комитету, Петроградскому и Московскому комитетам РСДРП(б)» и др.⁴⁵ — Старцев попытался разрешить ряд вопросов, связанных с историей подготовки, содержанием и переправкой в Петроград названных писем. Говоря о письме «Марксизм и восстание», он убедительно доказал, что выписки из произведения Ф. Энгельса «Революция и контрреволюция в Германии» о восстании как искусстве Ленин сделал не в январе—феврале 1917 г. в Цюрихе, а не ранее 13 сентября 1917 г. в Гельсингфорсе.

Много внимания уделили исследователи⁴⁶ статье Ленина «О compro-

Он же. Работа В. И. Ленина «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» // ВИД. Л., 1970. Т. 3.

⁴⁰ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 151—199, 200—238.

⁴¹ Первая попытка источниковедческого изучения брошюры Ленина «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» была предпринята К. Н. Гарновским (см.: *Гарновский К. Н.* Экономическая и политическая программа социалистической революции: (К 50-летию со времени выхода в свет работ В. И. Ленина «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» и «Удержат ли большевики государственную власть?») // ВИ КПСС. 1967. № 9. С. 29—42), который отметил близкую связь брошюры с произведениями Ленина, написанными в первую декаду сентября 1917 г.

⁴² *Старцев В. И.* Источниковедческое исследование произведений В. И. Ленина, (5 июля — 14 сентября 1917 г.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. С. 30.

⁴³ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 150.

⁴⁴ *Старцев В. И.* Ленинские письма о восстании // Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. С. 87—101.

⁴⁵ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 239—247.

⁴⁶ *Старцев В. И.* Некоторые вопросы истории подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде // Советская историография классово-войсковой борьбы и революционного движения в России. Л., 1967. Ч. 2; *Он же.* Еще

миссах»⁴⁷. Между Старцевым и Славиным развернулась полемика по вопросу о том, что являлось главным в содержании статьи. Старцев считал, что главным в ней было предложение компромисса. Этот взгляд разделяет большинство исследователей. Славин сначала отстаивал тезис, что главным в статье была пропаганда и агитация за восстание. Затем в статье 1982 г. он присоединился к точке зрения Биллика и других о том, что в статье «О компромиссах» вопрос о дальнейшем развитии революции ставился Лениным альтернативно: или мирное развитие революции, или вооруженное восстание. С этим солидаризировалась и Шиндяева.

В кандидатской диссертации Шиндяева⁴⁸ провела источниковедческий анализ шести произведений В. И. Ленина, написанных 1–9 сентября 1917 г.— «О компромиссах», «Проект резолюции о современном политическом моменте», «Задачи революции», «Один из коренных вопросов революции», «Русская революция и гражданская война», «Как обеспечить успех Учредительного собрания»⁴⁹. Она выяснила обстоятельства, побудившие Ленина написать названные работы, место, время и условия их написания, охарактеризовала публикации, уточнила датировку некоторых из них, выявила источники их текста. Автор диссертации подтвердила точку зрения тех авторов, которые считали, что «Проект резолюции о современном политическом моменте» намечавшегося на 3(16) сентября 1917 г. Пленума ЦК был написан 3 сентября, а не 31 августа 1917 г., как предполагал В. В. Сольнов⁵⁰, и доказала, что проект был написан только для членов ЦК. Шиндяева уточнила и отдельные даты из жизни Ленина в подполье.

Начатое Е. Н. Городецким исследование ленинских работ периода мирного развития революции продолжил Л. А. Шитилов⁵¹. Он подсчитал, что июньскому кризису Ленин посвятил 15 статей и документов и что он возвращался к этому событию и в произведениях последующего времени, в частности в книге «Государство и революция». Автор статьи освещает историю первых публикаций и переизданий этих ленинских работ, останавливается на их содержании и показывает значение их в борьбе Ленина, партии большевиков против политики соглашательских партий меньшевиков и эсеров и усиливающейся контрреволюции.

Особенно большое внимание источниковедов привлекла к себе книга Ленина «Государство и революция»⁵². Все названные авторы главное

раз о статье В. И. Ленина «О компромиссах» // Банкротство мелкобуржуазных партий России, 1917–1922 гг.: Сб. науч. тр. М., 1977. Ч. 2; Славин Н. Ф. Статья В. И. Ленина «О компромиссах» // Исторический опыт Великого Октября. М., 1975; *Он же*. Еще раз по поводу статьи В. И. Ленина «О компромиссах» // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1978; *Он же*. К вопросу о путях борьбы за переход власти к Советам после разгрома корниловского мятежа // История СССР. 1982. № 4; Биллик В. О тактике партии в работах В. И. Ленина первой половины сентября 1917 г. и о брошюре «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» // Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. С. 76; Шиндяева В. В. Исследование статьи В. И. Ленина «О компромиссах» в советской исторической литературе // Актуальные проблемы историографии строительства социализма в СССР: Межвуз. сб. науч. тр. Иваново, 1985.

⁴⁷ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 133–139.

⁴⁸ Шиндяева В. В. Произведения В. И. Ленина 1–9 сентября 1917 года: Источниковедческий анализ. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1987.

⁴⁹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 133–139, 144–150, 200–238.

⁵⁰ Сольнов В. В. О дате написания В. И. Лениным «Проекта резолюции о современном политическом моменте» // ВИ КПСС. 1986. № 4.

⁵¹ Шитилов Л. А. Ленинские работы периода июньского кризиса 1917 г. // Лениниана: Продолжение поиска. Л., 1987.

⁵² Городецкий Е. Н. Как Ленин работал над книгой «Государство и революция» // Большевик. 1941. № 4; *Он же*. Первые труды В. И. Ленина по истории Октябрьской революции // История и историки: Историография истории СССР: Сб. статей. М., 1965. С. 48–49, 55–65; Разгон А. И. Подготовительные материалы к VII главе книги В. И. Ленина «Государство и революция» и периодизация истории Советов марта — сентября 1917 г. // В. И. Ленин и историческая наука. М., 1968; Виленская Э. С. О ленинском методе изучения трудов Маркса и Энгельса: (На материалах работы «Марксизм о государстве») // ВИ КПСС. 1970. № 2; Горбунов В. В. К истории написания В. И. Лениным книги «Государство и револю-

внимание уделили подготовительным материалам к книге — тетради «Марксизм о государстве», вариантам плана, конспектам, заметкам и т. п., раскрывающим творческую лабораторию работы Ленина над книгой. Виленская и Обичкин проследили, как при этом Ленин изучал труды К. Маркса и Ф. Энгельса.

Городецкий, кроме того, пришел к выводу, что замысел ненаписанной (VII) главы «Опыт русских революций 1905 и 1917 годов» книги «Государство и революция» Ленин реализовал позднее в книге «Пролетарская революция и ренегат Каутский». Однако Горбунов и Обичкин с этим не согласились.

Горбунов показал основные этапы работы Ленина над книгой, охарактеризовал идейное содержание книги, ее публикации на русском языке и издание переводов у нас и за границей. Старцев из источниковедческого анализа текста книги сделал вывод, что в Разливе Ленин лишь продумал структуру книги, а ее шесть глав были написаны в Ялкала (1—5 августа) и Гельсингфорсе (12—17 и после 24 августа). Обичкин показал значение развитых Лениным в книге идей, охарактеризовал условия, место и время написания книги, согласившись со Старцевым, что книга была написана не в Разливе, а в Ялкала и Гельсингфорсе, но возражал против того, что она писалась только в августе 1917 г., и доказывал это свидетельствами В. И. Ленина и Н. К. Крупской и текстом самой книги⁵³.

Изложенное показывает, что далеко не все произведения Ленина периода подготовки Великой Октябрьской социалистической революции собраны в одном издании, доступном не только исследователю, но и современному массовому читателю. Археографическое и источниковедческое изучение этих произведений проводилось крайне неравномерно. Такому изучению подверглись преимущественно ленинские работы периода с июля по октябрь 1917 г. Что касается произведений Ленина периода с марта до июля 1917 г., то они, кроме Городецкого и Шитилова, почти никем в этом плане не изучались. Поэтому археографам и источниковедам предстоит еще большой объем работы. Прежде всего необходимо собрать в одном издании все произведения Ленина периода подготовки и проведения Октябрьской социалистической революции. Надо издать также хороший, полный, с подлинно научным, отвечающим современным задачам справочным аппаратом сборник произведений Ленина об Октябрьской революции.

Следует продолжить источниковедческий анализ ленинских произведений, особенно периода мирного развития революции — с марта по начало июля 1917 г. Городецкий ставит, например, задачу археографического и источниковедческого исследования письма В. И. Ленина Я. М. Свердлову от 22—23 октября 1917 г., ленинской статьи «Кризис назрел» и др.⁵⁴

Нуждаются в специальном археографическом и источниковедческом анализе такие важные документы партии периода подготовки и проведения Октября, включающие произведения и документы Ленина, как протоколы Петроградской общегородской конференции и VII (Апрельской) конференции РСДРП(б), VI съезда партии, протоколы заседаний ЦК РСДРП(б) 1917—1918 гг. и др.

ция» // ВИ КПСС. 1973. № 2; *Он же*. Книга века: О работе В. И. Ленина «Государство и революция». М., 1973; *Старцев В. И.* Работа В. И. Ленина над книгой «Государство и революция» // ВИД. Л., 1974. Вып. 6; *Он же*. От Разлива до Смольного: Документальный очерк о последнем подполье В. И. Ленина. М., 1977; *Обичкин Г. Д.* Сокровищница марксистско-ленинских идей о государстве: О книге В. И. Ленина «Государство и революция». М., 1980.

⁵³ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 33. С. 30—31, 120; *Крупская Н. К.* О Ленине: Сб. статей. М., 1960. С. 334.

⁵⁴ *Городецкий Е. Н.* Историкографические и источниковедческие проблемы Великого Октября, 1930—1960-е гг. С. 140.

Произведения В. И. Ленина периода с марта по октябрь 1917 г. из Ленинских сборников и других изданий, не вошедшие в 5-е издание Сочинений*.

1. Выписки из иностранных газет. 8–9 (21–22) марта 1917 г. Цюрих // Ленинский сборник XXI. М., 1933. С. 73–74. (Далее: Л. сб.).

2. [Телеграмма] А. М. Коллонтай в Христианию**. [9(22) марта 1917 г. Цюрих] // Л. сб. XIII. С. 256–257.

3. [План третьего «Письма из далека». 10(23) марта 1917 г. Цюрих] // Л. сб. XXI. С. 75. Под загл.: Заметка.

4. Выписка из статьи К. Каутского «Der Eispalast» [«Ледяной дом»] [напечатанной в № 26 журнала «Die Neue Zeit». Позднее 17(30) марта 1917 г. Цюрих] // Л. сб. XXI. С. 76–78.

5. Постановление Заграничной коллегии ЦК о долге Х-са (Г. Л. Шкловского). 19 марта (1 апреля) 1917 г. Цюрих // Л. сб. II. С. 379.

6. Надписи [четыре] на конвертах и папках. Март, ранее 22 (4 апреля), 1917 г. Цюрих // Л. сб. XXI. С. 78–79.

7. Надпись на тетради. [Март, до 27(9 апреля), 1917 г. Берн] // Л. сб. XXI. С. 79.

8. Запись дорожных расходов. 2(15) апреля 1917 г. // Л. сб. XXI. С. 79–80.

9. [План сообщения и Конспект ответной речи на собрании большевиков во дворце Кшесинской]. В ночь с 3(16) на 4(17) апреля 1917 г. // Л. сб. XXI. С. 33.

10. Запись прений на объединенном собрании большевиков и меньшевиков. 4(17) апреля 1917 г. // Л. сб. VII. С. 307–308.

11. [Выступление с предложением присоединиться к резолюции, одобряющей обмен политических эмигрантов на интернированных в России немцев и австрийцев, на заседании Исполнительного комитета Петербургского Совета 4(17) апреля 1917 г. Протокольная запись] // Л. сб. II. С. 455. В ст.: Шляпников А. Г. Приезд В. И. Ленина в Россию в 1917 г.

12. Книжка адресов. [Апрель, позднее 4(17), 1917 г.] // Л. сб. XXI. С. 83–87.

13. [План брошюры «Задачи пролетариата в нашей революции» и два варианта вставки в ее раздел «Революционное оборончество и его классовое значение». Апрель, не позднее 10(23), 1917 г.] // Л. сб. VII. С. 310–311.

14. [Запись прений и план заключительного слова по докладу о текущем моменте на Петроградской общегородской конференции РСДРП(б) 14(27) апреля 1917 г.] // Л. сб. XXI. С. 36–39.

15. Два предложения по поводу выработки проекта резолюции о текущем моменте 14(27) апреля 1917 г. на Петроградской общегородской конференции РСДРП(б) // Петроградская общегородская и Всероссийская конференция РСДРП(б) в апреле 1917 г. М.; Л., 1925. С. 17; То же // Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(большевиков). Петроградская общегородская конференция РСДРП(большевиков). Апрель 1917 г.: Протоколы. М., 1958. с. 22.

16. Три выступления на заседании ЦК РСДРП(б) по поводу автономии Финляндии 19 апреля (2 мая) 1917 г. // Революционное движение в России в апреле 1917 г. Апрельский кризис. М., 1958. С. 108–109.

17. Два выступления по поводу предложения Ф. Борбьерга 25 апреля (8 мая) 1917 г. // Петроградская общегородская и Всероссийская конференция РСДРП(б) в апреле 1917 г. С. 82, 83; То же // Седьмая («Апрельская») Всероссийская и Петроградская общегородская конфе-

* Расположение по хронологии написания. Заголовки и даты принадлежат публикаторам, наши уточнения – в квадратных скобках.

** Ныне г. Осло.

ренции РСДРП(б). Апрель 1917 г. М., 1934. С. 108; То же // Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б). Петроградская общегородская конференция РСДРП(б). С. 122.

18. [Две реплики во время речей П. Г. Смидовича и Михайловой (М. М. Костеловской) по вопросу об отношении к Советам рабочих и солдатских депутатов 25 апреля (8 мая) 1917 г.] // Седьмая («Апрельская») Всероссийская и Петроградская общегородская конференции РСДРП(б). С. 121, 122; То же // Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б). Петроградская общегородская конференция РСДРП(б). С. 137.

19. Выступление с поддержкой предложения о выборах комиссии для выработки резолюции по вопросу об отношении к Советам рабочих и солдатских депутатов 25 апреля (8 мая) 1917 г. // Седьмая («Апрельская») Всероссийская и Петроградская общегородская конференции РСДРП(б). С. 142.

20. Запись докладов с мест [на VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б) 26 апреля (9 мая) 1917 г.] // Л. сб. XXI. С. 46--48.

21. Выступление по вопросу о разбивке на секции для обсуждения проектов резолюций 26 апреля (9 мая) 1917 г. // Петроградская общегородская и Всероссийская конференции РСДРП(б) в апреле 1917 г. С. 98; То же // Седьмая («Апрельская») Всероссийская и Петроградская общегородская конференции РСДРП(б). С. 147; То же // Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б). Петроградская общегородская конференция РСДРП(б). С. 163.

22. [Два выступления по вопросу о порядке работы секций 26 апреля (9 мая) 1917 г.] // Петроградская общегородская и Всероссийская конференции РСДРП(б) в апреле 1917 г. С. 99; То же // Седьмая («Апрельская») Всероссийская и Петроградская общегородская конференции РСДРП(б). С. 148; То же // Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б). Петроградская общегородская конференция РСДРП(б). С. 163, 164.

23. Выступление против поправки Я. Д. Ленцмана к пункту 2-му проекта резолюции по аграрному вопросу 28 апреля (11 мая) 1917 г. // Седьмая («Апрельская») Всероссийская и Петроградская общегородская конференции РСДРП(б). С. 175; То же // Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б). Петроградская общегородская конференция РСДРП(б). С. 190.

24. Из речи Пятакова [на VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б) 29 апреля (12 мая) 1917 г.] // Л. сб. VII. С. 312.

25. Предложение о числе членов ЦК, внесенное на 9-м заседании конференции 29 апреля (12 мая) 1917 г. // Петроградская общегородская и Всероссийская конференции РСДРП(б) в апреле 1917 г. С. 128.

26. [Два выступления при обсуждении кандидатур в состав ЦК РСДРП(б) на 9-м заседании конференции 29 апреля (12 мая) 1917 г.] // Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б). Петроградская общегородская конференция РСДРП(б). С. 322, 323.

27. Поправка к резолюции «Положение в Интернационале и задачи РСДРП(б)». 29 апреля (12 мая) 1917 г. // Петроградская общегородская и Всероссийская конференция РСДРП(б) в апреле 1917 г. С. 147; То же // Седьмая («Апрельская») Всероссийская и Петроградская общегородская конференции РСДРП(б). С. 215; То же // Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б). Петроградская общегородская конференция РСДРП(б). С. 234.

28. Порядок опубликования резолюций Всероссийской Апрельской конференции [Между 29 апреля и 3 мая (12 и 16 мая) 1917 г.] // Л. сб. XXI. С. 55--56.

29. [Запись двух речей Л. Д. Троцкого на конференции «межрайонцев» 10(23) мая 1917 г.] // Л. сб. IV. С. 301--302. Под общ. загл.: Ленин на конференции межрайонцев.

30. План статьи [«О „самочинном захвате“ земли (Плохие доводы

„социалистов-революционеров“)»]. 19 мая (1 июня) 1917 г. // Л. сб. VII. С. 313.

31. План брошюры «Материалы по пересмотру партийной программы» [Май, ранее 20 (2 июня), 1917 г.] // Л. сб. XXI. С. 80–81.

32. Вторая речь по вопросу об органе Петербургского комитета [на заседании Петербургского комитета РСДРП(б) 30 мая (12 июня) 1917 г.] // Красная летопись. 1925. № 3. С. 198–199. В ст.: Куделли П. Ф. Речи Ленина об особом печатном органе ЦК (Эпизод из жизни Петроградской организации РСДРП(б) после Февральской революции); То же // Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 г.: Сб. материалов и протоколов заседаний Петербургского комитета РСДРП(б) и его Исполнительной комиссии за 1917 г. с речами В. И. Ленина. М.; Л., 1927. С. 119–120.

33. Ответ на записку на заседании фракции большевиков I Всероссийского съезда Советов 31 мая (13 июня) 1917 г. // Записки Института Ленина. М., 1927. II. С. 47; То же // Первый Всероссийский съезд Советов р[абочих] и с[олдатских] д[епутатов]. М.; Л., 1930. Т. 1. С. 438.

34. [Две реплики: 1) во время речи И. Г. Церетели и 2) речи А. Ф. Керенского на I Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов 4 (17) июня 1917 г.] // Церетели И. Г. Речи. Пг., 1917. С. 105; То же // Первый Всероссийский съезд Советов р[абочих] и с[олдатских] д[епутатов]. Т. 1. С. 46, 78.

35. Надпись: «Диктатуре буржуазии в революционной России не быть» — на полученной им карикатуре на I Всероссийском съезде Советов 4 (17) июня 1917 г. // В дни великой пролетарской революции: Эпизоды борьбы в Петрограде в 1917 г. М., 1937. С. 57.

36. Выступление с просьбой дать слово вне очереди по поводу отмены демонстрации на заседании Петербургского комитета РСДРП(б) 11 (24) июня 1917 г. // Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 г. С. 153.

37. Список книг и запрос о порядке работы в Публичной библиотеке. Июнь 1917 г. // Л. сб. XXI. С. 81.

38. Беседа двух миллионеров [Июнь, не позднее 3 (16) июля 1917 г.] // Л. сб. VII. С. 316.

39. План письма Заграничному бюро ЦК РСДРП(б) [Не ранее 12 — не позднее 17 (25 и 30) августа 1917 г.] // Л. сб. XXI. С. 71–72.

40. Данные о выборах в Петроградскую городскую думу. [Август, не ранее 24 (6 сентября), 1917 г.] // Л. сб. XXI. С. 83.

В. Ю. Афиани

О ЖУРНАЛЬНОЙ АРХЕОГРАФИИ

Более двух веков отечественные журналы, газеты и другие периодические издания публикуют исторические документы, их описания, исследования по широкому кругу проблем археографии, статьи об археографических находках и т. п. С XVIII в. и до наших дней обнаружено огромное число документальных памятников. Масштабы этой публикаторской работы сейчас еще трудно оценить¹. Публикации и статьи рассеяны по страницам многочисленных периодических изданий, их выявление и изучение затрудняется отсутствием сводных библиографий². Многие из этих публикаций не потеряли практического значения для современных исследователей, так как подлинники документов нередко утрачены или не разысканы. В свою очередь, корпус публикаций прошлых лет является одним из важных источников для изучения процесса распространения исторических знаний в обществе, истории исторической науки (и самой археографии) и др.³ Современные задачи изучения прошлого во всей полноте и противоречивости происходивших процессов, все более расширяющийся поток публикаций исторических документов, особенно в журналах и газетах, рассчитанных на массового читателя, выдвигают необходимость более глубокого осмысления теоретических и методических вопросов, связанных с этим явлением, анализа и усвоения опыта прошлого.

В последние два десятилетия наблюдается рост интереса исследователей к этим проблемам. Накопленные данные выявили определенную специфику «отражения» археографической деятельности в периодической печати на всех стадиях (собрание источников для издания, подготовка

¹ По подсчетам С. С. Дмитриева, с 70-х годов XVIII в. и до 1917 г. выходило более 100 органов отраслевой исторической периодики (Дмитриев С. С. Источниковедение русской исторической журналистики: (Постановка темы и проблематика) // Источниковедение отечественной истории, 1975. М., 1976. С. 282. К этому числу нужно добавить советские исторические издания, а также общественно-политические и литературно-художественные журналы и газеты, публиковавшие исторические документы. Только в периодической печати за 1801—1835 гг. (кроме газет) выявлено более 1500 исторических источников. См.: Афиани В. Ю. Журнальная археография и историческая наука первой трети XIX в. // Вопросы источниковедения и историографии досоветского периода. М., 1979. С. 132.

² По XVIII в. ее в какой-то мере заменяет справочник А. Н. Неустроева «Историческое разыскание о русских повременных изданиях и сборниках за 1703—1802 гг., библиографически и в хронологическом порядке описанных» (СПб., 1874). Опубликованные росписи содержания журналов см.: Машкова М. В., Сокурова М. В. Общие библиографии русских периодических изданий 1703—1954 гг. и материалы по статистике русской периодической печати. Л., 1956. Аннотированный перечень публикаций исторических документов в периодике XVIII—первой трети XIX вв. готовится к печати автором статьи.

³ Шмидт С. О. О методике выявления и изучения материалов по истории советской исторической науки // ТМГИАИ. 1965. Т. 22. С. 3—49; Алаторцева А. И. Историческая периодика и преподавание истории исторической науки // Вопросы историографии в высшей школе. Смоленск, 1975. С. 236; Дмитриев С. С. Указ. соч. С. 297; Шмидт С. О. Некоторые вопросы источниковедения историографии // Проблемы истории общественной мысли и историографии. М., 1976. С. 273; Афиани В. Ю. Документальные публикации в отечественных журналах первой трети XIX в. как историографический источник // XXV съезд КПСС и задачи изучения истории исторической науки. Тезисы. Калинин, 1978. Вып. II. С. 46—47; Он же. Комплексные методы изучения журнальных публикаций источников и некоторые аспекты общественно-исторического сознания русского общества первой трети XIX в. // Комплексные методы в исторических исследованиях: Тезисы докл. и сообщ. науч. совещ. М., 1988. С. 151—153.

к публикации) журнальной археографической работы, а также особенно-сти воздействия этих публикаций на читателя и др. Все это, на наш взгляд, указывает на процесс становления в рамках археографии как специальной научной исторической дисциплины особого раздела — журнальной археографии. Предлагаемый термин образован по типу уже утвердившихся в практике и в научной литературе обозначений главных сфер археографической деятельности — «полевая археография», «камеральная» (описательная) и «эдиционная»⁴.

Для современного состояния научных дисциплин характерны процессы дифференциации научного изучения и одновременно все более усиливающееся тяготение к синтезу для преодоления отрицательных сторон чрезмерной специализации. В области специальных исторических дисциплин это наиболее отчетливо проявляется и осознается в источниковедении. Здесь уже оформился ряд разделов с узкой специализацией по видам и комплексам источников, хотя конституирование таких частных областей исследования далеко не закончено и захватывает не все виды источников⁵. Выдвинуты и обоснованы соображения об интеграции ряда специальных исторических дисциплин⁶.

Тесные связи археографии с источниковедением, реальный процесс ее развития в настоящее время также приводят к самоопределению частных областей (и более дифференцированному их наименованию) археографической деятельности⁷. Так, например, выделяется (и терминологически обозначается) круг вопросов, связанных с описанием и публикацией актовых источников в прошлом и настоящем⁸. Примечательно, что этот вид источников является предметом изучения и одной из старейших источниковедческих дисциплин — дипломатики (актового источниковедения)⁹.

В советской литературе первые статьи, посвященные вопросам публикации архивных документов в периодике, появились еще в 1930-х годах. Тогда же возник и жанр отчетов архивных учреждений, хранилищ об использовании документов, в том числе в периодической печати¹⁰. В связи с задачами широкой пропаганды документальных материалов среди советских читателей на Украине были разработаны «Правила научно-документальных публикаций в журнале „Архів Радянської України“» и «Правила пропаганды архивных материалов в массовой печати», помещенные в 1931 г. в журнале «Радянський архів». Соображения о тематических направлениях публикаций в журналах, отборе документов,

⁴ Шмидт С. О. Деятельность Археографической комиссии АН СССР и задачи развития археографии // Вестн. АН СССР. 1984. № 10. С. 57. Высказываются в печати и возражения против «расширения» предмета археографии за счет включения в него собирания и описания документальных памятников. См.: Фарсобиц В. В. Источниковедение и его метод. М., 1983. С. 167—187.

⁵ Разработка проблем теоретического источниковедения в советской исторической науке (1964—1984 гг.): Аналит. обзор/Сост. И. Л. Беленький. М., 1985. С. 10—11.

⁶ Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. М., 1977.

⁷ Шмидт С. О. Некоторые итоги и перспективы развития археографии отечественной истории // Археография и источниковедение: Северный археографический сб. Сыктывкар, 1977. Вып. 4. С. 19.

⁸ Козлова Н. А. Н. Н. Бантыш-Каменский и некоторые вопросы актовой археографии второй половины XVIII в. // АЕ за 1977 год. М., 1978. С. 98—101; Каштанов С. М. Из опыта актовой археографии // АЕ за 1982 год. М., 1983. С. 52—79. Нельзя не отметить определенную непоследовательность современного понятийно-терминологического аппарата археографии и источниковедения. Явления разных уровней получают однотипные наименования, например «полевая археография» и «актовая археография», «историческое источниковедение» и «актовое источниковедение». Вероятно, следовало бы закрепить за повидовыми подходами к источникам обозначения типа «археография актов», «источниковедение летописей» и т. п.

⁹ Каштанов С. М. Предмет, задачи и методы дипломатики // Источниковедение: Теорет. и методол. пробл. М., 1969. С. 134—170.

¹⁰ Александров Ф. Публикация архивных материалов в газете: (Башкирское центральное архивное управление) // АД. 1936. № 3 (40). С. 101—105; Сальников К. В. Публикация архивных материалов в газете: (Оренбургское областное архивное управление) // Там же. С. 97—101 и др.

замечания о недостатках археографического оформления источников в журнальных публикациях и т. п. появились в рецензиях (прежде всего на публикации в «Красном архиве»), помещаемых во многих журналах тех лет: «Вестнике труда», «Каторге и ссылке», «Красной летописи», «Пролетарской революции». В самом «Красном архиве» стали печататься критические обзоры документальных публикаций журнала¹¹.

Сведения об издании исторических источников в крупнейших дореволюционных журналах стали появляться в обобщающих трудах по источниковедению и историографии¹². С исторической дистанции сжатая характеристика публикаторской деятельности «Красного архива» давалась в известной монографии С. Н. Валка¹³. Тем самым история издания исторических источников в периодической печати вводилась в контекст историко-археографических проблем.

На рубеже 1950—1960-х годов заметно расширяется практика издания исторических источников в научной периодике, а также в журналах и газетах общественно-политического и литературного содержания. Возникают периодические издания нового поколения, имеющие публикаторские разделы и освещающие археографическую деятельность в стране: «Исторический архив», «Вопросы архивоведения» и сменившие их «Советские архивы», «Археографический ежегодник» и др. Возрождается жанр публикаций отчетов архивных учреждений об использовании архивных документов в периодике¹⁴. Тогда же делаются первые попытки осмысления специфики журнальных публикаций источников, обсуждается вопрос о «малых формах» публикаций, в число которых включаются подборки документов в журналах и газетах¹⁵.

Но активнее других направлений развивается изучение историографических аспектов журнальной археографии. По сравнению с довоенными трудами расширяются соответствующие разделы в «Очерках истории исторической науки в СССР», причем упоминается и о публикациях мемуарных и эпистолярных источников в общественно-литературных журналах первой половины XIX в.¹⁶

Отрывочные сведения (главным образом примеры недостатков и «извращений») приводились в очерке П. Г. Софинова. Он считал, что все дореволюционные исторические журналы с точки зрения путей развития методов издания источников «не дают ничего поучительного»¹⁷. Эти схематичные, огульно негативные оценки дореволюционной историко-археографической периодики были пересмотрены в конкретных исследованиях, посвященных крупнейшим журналам того периода: «Русскому архиву», «Русской старине», «Былому» и др. Число таких исследований (статей и диссертаций) особенно увеличилось в последние два десятилетия. Первоначально преимущественное внимание уделялось советским историческим журналам 1920—1930-х годов, публиковавшим исторические документы: «Красному архиву», «Пролетарской революции», «Летописи революции» (Л. П. Грызлова, Т. В. Батаева, Т. Н. Ефременкова, Е. П. Шаталина и др.). Лишь в отдельных статьях затрагивались вопро-

¹¹ *Мороховец Е. А., Никитин С. А., Сивков К. В., Хейфец Ф.* «Красный архив» за 1935—1937 годы // Историк-марксист. 1937. Кн. 5 (63/64). С. 174—180; *Бельчиков Н. Ф., Попов А. Л., Фейгельсон М.* Краткий обзор документов, опубликованных в «Красном архиве»: (К выходу сотого номера журнала «Красный архив») // КА. 1940. № 3 (100). С. 9—35.

¹² *Никитин С. А.* Источниковедение истории СССР, XIX в. (до начала 90-х годов). М., 1940. Т. 2; *Рубинштейн Н. Л.* Русская историография. М., 1941.

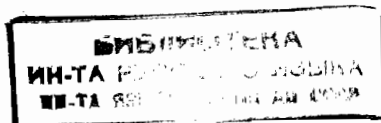
¹³ *Валк С. Н.* Советская археография. М.; Л., 1948. С. 32—34.

¹⁴ См.: Советская археография: Аннот. кат. науч.-метод. лит. (1917—1970 гг.). М., 1974. Вып. 1.

¹⁵ *Эпштейн Д. М.* К вопросу о журнальных публикациях исторических источников // ТМГИАИ. 1957. Т. 8. С. 95—119; *Борохова И. М.* Использование документальных материалов в периодической печати // ВА. 1964. № 1. С. 40—45; *Козловская Э. Л.* К вопросу о малых формах публикаций // Труды научной конференции по вопросу архивного дела в СССР. М., 1965. Т. 2. С. 69—73 и др.

¹⁶ *Очерки истории исторической науки в СССР.* М., 1955. Т. 1. С. 561.

¹⁷ *Софинов П. Г.* Из истории русской дореволюционной археографии. М., 1957. С. 138.

сы издания источников в дореволюционной периодике: революционно-демократической 1850 — начала 1860-х годов и в «Русской старине» (Д. М. Эпштейн, Н. Г. Сими́на).

С 1970-х годов шире разворачиваются исследования археографической журналистики и публикаций в общественно-литературных журналах XVIII — начала XX в. (В. Ю. Афиани, А. Д. Зайцев, М. П. Мироненко, В. С. Свиденко, М. Ф. Шумейко и др.). «Русскому архиву» и «Русской старине» отводятся разделы в учебных пособиях по истории археографии¹⁸. В последние годы в обзорных статьях чаще рассматривается отражение проблем археографии на страницах современных периодических изданий¹⁹.

Таковы в самом общем виде основные этапы, которые прошло изучение проблем журнальной археографии в советское время. Исследования последних лет уже не ограничиваются исключительно вопросами публикации источников. В них анализируется и комплекс журнальных статей, охватывающих теоретические и методические проблемы археографии, собирание и описание памятников письменности и др. Изучение журнальной археографии ведется в рамках нескольких научных дисциплин: археографии, историографии, источниковедения, отчасти журналистики и т. п. Но для всех этих дисциплин, кроме археографии, эти проблемы не являются главными и в большинстве случаев рассматриваются бегло, «попутно». Да и в самой археографии особенности журнальных археографических материалов учитываются недостаточно. Все это, на наш взгляд, позволяет сделать вывод о необходимости конституирования специального раздела — журнальной археографии.

Журнальная археография исторически возникла на стыке исторического познания и журналистики — «общественной деятельности по сбору, обработке и периодическому распространению актуальной социальной информации». Во втором значении журналистика определяется и как продукт «журнальной деятельности», т. е. совокупность произведений, опубликованных в периодике, на радио и т. п.²⁰ Журнальная археографическая деятельность, таким образом, является составной частью этой общественной деятельности, но направляется на сбор, обработку и периодическое распространение актуальной исторической информации, запечатленной в письменных источниках²¹. В современном понимании журналистика охватывает и такие средства массовой коммуникации, как радио и телевидение²². Но археографические аспекты проблем «собира-ния», «обработки» и «публикации» исторических документов в нетрадиционных средствах массовой коммуникации требуют специального рассмотрения²³.

¹⁸ Эпштейн Д. М. История археографии дореволюционной России: Период капитализма. М., 1979.

¹⁹ Князевская О. А., Черных В. А. Вопросы описания документальных памятников в трудах Археографической комиссии // АЕ за 1981 год. М., 1982. С. 247—254; Литвак В. Г. Вопросы публикации источников на страницах «Археографического ежегодника» // Там же. С. 255—260; Белогуров М. Г., Кузьмин С. И. Проблемы отечественной археографии в журнале «Советские архивы» // АЕ за 1983 год. М., 1985. С. 150—156.

²⁰ Советский энциклопедический словарь. М., 1984. 3-е изд. С. 441.

²¹ В литературе уже высказывалось соображение о том, что археография, подобно информатике, имеет дело с «ретроспективной информацией». (См.: Арапова Л. И., Рудельсон К. И. Новый этап развития советской археографии // ВИ. 1971. № 6. С. 68).

²² Березина В. Г. К истории слова «журналистика» // Учен. зап. ЛГУ. 1957. № 218. Сер. филол. наук. Вып. 33. С. 209—212; Федченко П. М. Пресса та її попередники: Історія зародження і основні закономірності розвитку. Київ, 1969; Григораш Д. С. Журналістика у термінах і виразах. Львів, 1974.

²³ Вопрос об этом еще только ставится в печати. См.: Садовский Е. И. Нужен исторический киножурнал // Информ. бюл. ГАУ СССР. 1960. № 5 (15). С. 70; Мочалов В. А. Архивные документы на экране телевизора // ВА. 1961. № 1. С. 78—80; Андронников И. Л. О современных коммуникациях в сфере археографических поисков // АЕ за 1970 год. М., 1971. С. 232—243; Осипов В. История для каждого // ЛГ. 1987. 8 дек. № 49(5167). С. 3.

Специфика журнальной археографии обусловлена закономерностями, самой природой журналистики как общественного явления. Печать, по образной характеристике К. Маркса, это «говорящие узы, соединяющие отдельную личность с государством и целым миром»²⁴. Особенно характерна функция общения, связи — коммуникации — для периодики. Она реализует систему функций социальной информации: коммуникативную, управленческую и отражательную (познавательную) — и множество их разновидностей — политическую, правовую, научную, философскую, эстетическую и др.²⁵

В истории науки появление периодической печати считается важнейшим после изобретения книгопечатания рубежом. С XVIII в. «с выделением переднего края науки книги передают свои коммуникативные функции журналам»²⁶. Осуществляя связь и общение между отдельными членами научного сообщества, периодика играет ведущую роль в сохранении целостности научных дисциплин, противостоит рассредоточенному в пространстве и во времени процессу функционирования дисциплинарного знания. Журналы признаются важным элементом научной коммуникации, которая, в свою очередь, занимает центральное место в социальной системе науки²⁷. Совокупность журнальных публикаций отражает состояние и динамику переднего края дисциплины²⁸. Эти выводы распространяемы и на археографическое сообщество и на археографию, как на одну из научных дисциплин.

Но публикации документов, статьи археографического содержания как в прошлом, так и в настоящем появляются не только в специальных научно-исторических периодических изданиях. Они широко представлены и являются неотъемлемым элементом и общественно-литературной печати, газет и журналов. Периодика — один из каналов распространения исторических знаний среди больших социальных групп общества. Но процесс этот не является односторонним. Такое явление, как «обратная связь» между органом печати и читателем, позволяет периодике «легче выявлять любимые темы общества и точнее отвечать интересам его», чем в форме книжных изданий²⁹. (Об этом подробнее будет сказано ниже.) Читательские запросы во многом определяют тематику публикаций источников в периодической печати, отбор видов документов и т. п. Сами типы периодических изданий складываются в единстве трех важнейших (родовых) признаков: издателя, целевого назначения (функции) и читательской аудитории³⁰. Историческая тематика, естественно, составляет содержание отраслевой, специально исторической периодической печати. Отечественная журналистика знает специальные историко-археографические издания — «Русский архив» П. И. Бартенева, «Красный архив», «Исторический архив», «Археографический ежегодник» и др. Крупнейшие журналы второй половины XIX в. «Русский архив», «Русская старина» во многом выполняли функции и научно-популярных журналов. В наши дни отсутствие таких журналов восполняется частично альманахами «Прометей», «Куранты», в последние годы журналом «Знание — сила» и в перспективе «Наше наследие». Но популяризация истории и

²⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 65.

²⁵ Урсул А. Д. Проблема информации в современной науке: Философские очерки. М., 1975. С. 220—221.

²⁶ Иванова Т. П. Коммуникация как показатель связей в системе научной деятельности // Системные исследования: Ежегодник, 1976. М., 1977. С. 57; Прайс Д. Дж. де С. Тенденции в развитии научной коммуникации — прошлое, настоящее, будущее // Коммуникация в современной науке. М., 1976. С. 95.

²⁷ Уитли Р. Д. Деятельность научных журналов: Анализ двух случаев в британской социальной науке // Коммуникация в современной науке. С. 351.

²⁸ Мирский Э. М. Массив публикаций в системе научной дисциплины // Системные исследования: Ежегодник, 1977. М., 1977. С. 135, 144—145; Он же. Междисциплинарные исследования и дисциплинарная организация науки. М., 1980. Гл. V.

²⁹ Кувшев М. Н. История русской книги в XIX веке. Л., 1927. С. 52.

³⁰ Корнилов Е. А. Типология периодической печати: Основные понятия и категории // Типология периодических изданий. Ростов н/Д, 1984. С. 7—50. См. также: Дмитриев С. С. Указ. соч. С. 275—277; Григораш Д. С. Указ. соч.

ее документальных памятников в периодике, рассчитанной на широкий круг читателей, в традициях отечественной журналистики, берущей начало в XVIII столетии³¹, ведется периодикой общего типа (общественно-политической, литературно-общественной и т. п.). В ней принимают участие как журналы, так и газеты. В XIX в. это были крупнейшие журналы, начиная с «Вестника Европы», «Сына Отечества» и «Московского телеграфа». Их примеру следуют и современные массовые общественно-политические и литературно-художественные журналы: «Огонек», «Новый мир», «Октябрь», «Знамя» и др. Исторические документы широко представлены были в XIX в. в губернских и епархиальных ведомостях. Сейчас документы прошлого регулярно появляются на страницах «Советской России», «Советской культуры», в еженедельниках «Литературная газета», «Литературная Россия», «Неделя» и др. Таким образом, реальный процесс журнальной археографической деятельности далеко не замыкается в границах одной отраслевой журналистики. Устойчивость этого явления, значительные его масштабы показывают важное значение для общества знаний о прошлом, в том числе в виде публикаций подлинных исторических документов, социальной коммуникации. Хотя роль исторического знания в системе современного общества изучена недостаточно, можно предположить, что документальные публикации являются эффективным средством связи человека и общества в целом, современности и прошлого, науки и общества. Периодика дает возможность массовому читателю быть в курсе современных достижений исторической науки, археографических поисков и находок.

Функция управления (социальный контроль, организация, идеологическое воздействие и др.) осуществляется также в масштабах общества и в области науки и культуры. В науке, по мнению исследователей, механизм управления и организации научного знания состоит в том, что журналистика на начальном этапе (прием к печати) производит «отделение более значимых текстов от менее значимых», исходя из представлений о развитии данной области науки, что «делает возможным для научного читателя ориентацию, во-первых в литературе, во-вторых, в современной научной и актуальной проблематике»³². Корпус обзоров литературы (археографических исследований и публикаций источников за определенный период) выполняет «первичные организационные функции», связывает «информацию о направлениях исследований с концептуально сформулированной проблематикой дисциплины»³³.

При отборе исторических документов для публикации в периодике, и в специальной, и в научно-популярной, массовой, оценивается актуальность, научная и культурная значимость потенциальных публикаций, учитывается целый комплекс политических, идеологических, эстетических и других факторов. Сами публикации источников выступают одним из элементов и средств идеологического воздействия и социального управления. Это особенно наглядно видно на примере публикаций в агитационно-пропагандистских целях.

Познавательная (научная, просветительная, образовательная и др.) функция — также неотъемлемое свойство периодики. В специально-исторической периодике публикации документов оперативно расширяют источниковую базу исторических исследований, привлекают внимание специалистов к недавно обнаруженным забытым источникам, содержащим ранее неизвестные исторические факты или освещающим под новым углом зрения исторические события и явления. Задача исследовательской статьи, сообщения — быстрое доведение до сведения историков и археографов результатов проведенного исследования, новых «квантов» знания.

Публикации источников в общей периодике обеспечивают доступ чи-

³¹ См.: Афиани В. Ю. Начало журнальной археографии в России в XVIII в. // АЕ за 1987 год. М., 1988. С. 26—34.

³² Рождественский Ю. В. Проблемы журнальной литературы // Рождественский Ю. В. Введение в общую филологию. М., 1979. С. 159.

³³ Мирский Э. М. Массив публикаций в системе научной дисциплины. С. 147.

тателя к разнообразному кругу «подлинных фрагментов» прошлого, обладающих особой силой воздействия. Это могут быть и уже известные в среде специалистов исторические документы, но не попавшие в поле зрения массового читателя, находки, имеющие общекультурное значение. Современная практика показывает, что общая периодика, отвечая на общественные запросы, быстрее специальной может публиковать документы по животрепещущим вопросам прошлого. Отличительная особенность общей периодики — возможность повторного издания, переиздания исторических документов, в том числе уже появлявшихся в периодической печати. Цель таких публикаций — вернуть в круг современного чтения забытые публикации, ознакомить с ними новые поколения читателей.

Выделение функций периодической печати в «чистом» виде является в значительной мере научной абстракцией. В действительности они переплетаются, перекрещиваются³⁴. Полифункциональность проявляется не только на уровне периодического издания в целом, но и на первичном уровне отдельной журнальной публикации, в том числе публикации исторического источника. В зависимости от типа издания та или иная функция может быть ведущей при сохранении других в менее заметной, неявной форме. Например, в отраслевой, историко-археографической периодике ведущей функцией будет познавательная (научная), но сохраняются и коммуникативная и управленческая (с разновидностями — идеологической, агитационно-пропагандистской и т. п.).

Вопрос о функциях публикаций исторических источников в периодической печати имеет и другую сторону. В историко-литературе высказываются мнения о необходимости различения первичной, «служебной» функции документа («свойств», возникших в процессе его создания, и «вторичных», проявляющихся при обращении к нему историка³⁵). Установлено, что источник «несет в себе двойную информацию» — в нем отражается реальность и субъект, его создавший³⁶. В публикации источника отражается еще и публикатор. В литературе отмечалось привлечение «личных своих особенностей» редакторами и издателями журналов при издании исторических документов³⁷. Еще раньше на это явление обратил внимание А. Е. Пресняков, писавший, что, «в сущности, всякое издание рукописного материала есть уже некоторая его переработка» и публикация «дает историкам результат не только кропотливого и добросовестного труда по упорядочению и охране документа, но и своих знаний, своей общей подготовки»³⁸.

При публикации в периодической печати исторический документ утрачивает свои первоначальные, служебные функции. «Переработка» его, помещение в контекст иных значений наделяет публикацию иногда функциями, прямо противоположными служебным. Это происходило, например, при издании документов правительственных учреждений, органов политического сыска в историко-революционной периодике³⁹. В периодике исторический документ приобретает более ярко выраженные черты публицистичности, чем в отдельных изданиях, так как более тесно связан с общим контекстом материалов органа печати и общественно-историческими интересами данного времени и данных групп читателей.

Функциональный подход подтверждает обоснованность не раз высказывавшихся в литературе сомнений в правомерности включения в область археографического изучения публикаций современных документов, на-

³⁴ Урсул А. Д. Указ. соч. С. 220.

³⁵ Медушевская О. М. Теоретические проблемы источниковедения. М., 1977. С. 19; Тартаковский А. Г. Социальные функции источников как методологическая проблема // ИСССР. 1983. № 3. С. 117 и др.

³⁶ Ковальченко И. Д. Исторический источник в свете учения об информации: (К постановке проблемы) // ИСССР. 1982. № 3. С. 138; *Он же*. Методы исторического исследования. М., 1987.

³⁷ Дмитриев С. С. Указ. соч. С. 297.

³⁸ Пресняков А. Е. Исторические источники и подлинные документы в научной работе // Архивные курсы: Лекции, читанные в 1918 году. Пг., 1920. Вып. I. С. 3 (13).

³⁹ Тартаковский А. Г. Указ. соч. С. 118.

пример законодательных актов⁴⁰. Практика рассмотрения в одном ряду публикаций исторических источников и современных (к моменту опубликования) документов существует и применительно к периодической печати⁴¹. С. С. Дмитриев справедливо подчеркивает существенные различия в методике изучения «асинхронных» и «синхронных» времени издания журнальных текстов⁴². В сложных случаях, когда граница «исторических» публикаций не вполне четко определяется, предложенные С. С. Дмитриевым методы, на наш взгляд, необходимо дополнять изучением ведущих функций данного органа печати, отдела, в котором помещена публикация, и самой публикации.

Полифункциональность, оперативность и периодичность выхода (и воздействия на читателя), наличие «обратной связи» составляют важнейшие отличительные черты журнальных публикаций исторических источников по сравнению с «книжными» формами (отдельными изданиями, неперiodическими сборниками, сериями). Журнальная публикация изначально рассчитана на более широкий круг специалистов-историков или на массового читателя. Этому способствует фактор периодичности издания. Его важность для распространения произведений отмечал К. Маркс в письме к французскому издателю первого тома «Капитала»: «Одобрю вашу идею издать перевод „Капитала“ в виде периодически выходящих выпусков. В такой форме сочинение станет более доступным для рабочего класса, а это для меня решающее соображение»⁴³.

Оперативность распространения актуальной в данный момент исторической информации, публикаций источников дает возможность журналистике реагировать на самые волнующие читателя события и явления, следовать за быстро меняющимися интересами общества. Журнальные публикации исторических документов освещают те или иные общественно и научно значимые темы. Традиционно публикуются документы к крупным юбилейным датам. Публикации документов в периодике, в том числе в специально-исторической, используются и для откликов на современные события. Среди множества такого рода примеров назовем один — публикацию текста капитуляции Берлина русским войскам в 1760 г. в «Историческом журнале» в 1941 г. в первые дни войны и проект продолжения такого рода публикаций в журналах⁴⁴.

Журнальные публикации, особенно в общей, научно-популярной периодике, больше связаны с краткосрочными, изменчивыми общественно-историческими интересами в научно-исторических журналах — с актуальными научными интересами. Более долговременные, сложившиеся потребности науки и общества призваны обслуживать «книжные» публикации. Степень соответствия общественным интересам, естественно, убывает с увеличением временного интервала выхода «единицы» издания (номера, тома, выпуска). Журналы нередко выступают как бы «разведчиками» для будущих отдельных публикаций.

Журналистика накладывает и ряд ограничений на публикации исторических источников. Даже в специально исторических изданиях обычно невозможно осуществить требование «максимально полно представить совокупность документов и материалов»⁴⁵. Для журнальных публикаций характерны известная «локальность», меньшая широта и разносторонность охвата темы. Имеются ограничения на объем и число одновременно публикуемых документов по одной теме.

⁴⁰ Черных В. А. О предмете археографии и ее месте в кругу смежных научных дисциплин // СА. 1976. № 6. С. 52; Литвак Б. Г. Указ. соч. С. 259 и др.

⁴¹ См., например, главы в учебном пособии (Эпштейн Д. М. История археографии дореволюционной России. М., 1979), посвященные публикациям документов в революционно-демократической и социал-демократической печати.

⁴² Дмитриев С. С. Указ. соч. С. 293—294.

⁴³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 25.

⁴⁴ Эпштейн Д. М. К вопросу о журнальных публикациях исторических источников. С. 97; Махнова Г. П. К истории журнала «Красный архив» // История и историки, 1973. М., 1975. С. 70—84.

⁴⁵ Правила издания исторических документов в СССР. М., 1969. С. 6.

В журнальной археографии на всех этапах работы по выявлению, отбору источников, передаче текста, составлению научно-справочного аппарата и т. п. имеется своя специфика. «Внутренние» различия между публикациями в общественно-литературной и специальной историко-археографической периодике, между публикациями научными и научно-популярными не исключают общих черт журнальной археографии. Этап выявления (собирания) и отбора источников для последующей публикации близок общим принципам журналистской работы по сбору информации и материалов. Можно выделить «активную» и «пассивную» формы работы. В дореволюционной периодике в этой области была велика роль редактора — издателя частных журналов. Он нередко предпринимал специальные, целенаправленные разыскания для обеспечения журнала (портфеля редакции) необходимыми документами. Практическая потребность и личные склонности способствовали тому, что многие издатели-редакторы в России стали и крупными коллекционерами. Известно немало фактов, когда издатели-редакторы выступали и «организаторами» создания источников, написания мемуаров. Наиболее обстоятельно изучена в этой области деятельность П. И. Бартенева⁴⁶. Уже на этапе редактирования производился первичный отбор источников. Велика была роль издателя-редактора и в комментировании источников, в распределении их по отделам и рубрикам, в составлении заголовков и подзаголовков публикаций. В дореволюционной периодике был весьма распространен жанр объявлений, публикуемых издателем-редактором, обращений к читателям с просьбой прислать в редакцию исторические документы. В истории советской исторической журналистики известна такая форма, как поиск документов сотрудниками хранилищ «по заранее разработанному плану» для публикации в журнале⁴⁷, практика «заказных» публикаций по той или иной теме к юбилейным датам и т. п. Пассивную организаторскую роль журнал выполняет при так называемой «самотеке», когда публикатор, ориентируясь на профиль издания, предлагает редакции опубликовать тот или иной источник, описание, статью. Публикатор производит как бы «первичный» отбор, а окончательный (прием к публикации или отклонение) решается редколлегией с привлечением экспертов-рецензентов.

Определение значимости, актуальности потенциальной публикации в журнале происходит на основании целого комплекса соображений (научное значение, политическое, идеологическое, степень новизны и т. п.). При всем разнообразии видов и разновидностей публикуемых в периодике источников в литературе давно уже отмечалась специализация журналистики в области публикации источников личного происхождения (мемуары, переписка и т. п.), освещающих историю общественного и революционного движения, литературы и искусства, биографии государственных и общественных деятелей, революционеров и деятелей культуры. Заметен преимущественный интерес к истории относительно недавнего прошлого на каждом этапе развития археографической журналистики.

Таким образом, предметом журнальной археографии является исторический источник (памятник письменности) в специфической области его «бытования» — периодической печати. Журнальная археографическая деятельность является разновидностью общей археографической деятельности по собиранию, описанию и публикации источников в различных типах периодических изданий. Задача журнальной археографии — оперативное удовлетворение текущих потребностей специального и массового читателя в ретроспективной актуальной информации, заключенной в исторически сложившихся формах, видах и разновидностях источников. В рамках этого направления исследований разрабатываются теоретиче-

⁴⁶ Зайцев А. Д. «Русский архив» — исторический журнал (1863—1917): История собирания, организации и издания исторических материалов: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1981. С. 15—19.

⁴⁷ Мазнова Г. П. Указ. соч. С. 76.

ские и методические вопросы, обобщается современный и прошлый опыт.

Развитие журнальной археологии имеет важное значение на современном этапе. На наш взгляд, имеется определенная зависимость между недостаточным вниманием исследователей к теоретическим и методическим вопросам публикации источников в периодической печати, отсутствием в течение длительного времени историко-археологических журналов (научных и научно-популярных) и появлением в предшествующие годы целого ряда недобросовестных публикаций источников, а то и прямых фальсификаций на страницах ряда литературно-художественных, общественно-политических журналов. Достаточно вспомнить серию публикаций и сообщений о «древнем рукописном памятнике» «Велесовой книге» и «обзор-публикацию» документов из архива Раменских⁴⁸. Подъем журнальной археологической деятельности в стране делает актуальной и неотложной разработку всех проблем истории, теории и методики журнальной археологии.

---

⁴⁸ *Маковеев М.* Обратить в пользу потомков... // *Новый мир.* 1985. № 8. С. 195—212; № 9. С. 218—236. Критические статьи на эти публикации см.: *Русская речь.* 1980. № 4; 1985. № 5; ЛГ. 1986. 16 июля.

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ ФАЛЬСИФИКАЦИЙ ИСТОЧНИКОВ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Дипломатика всегда уделяла большое внимание проблеме фальсификации источников. В последнее время интерес к этой проблеме усилился. Ей был посвящен международный конгресс «Фальсификации в средние века», состоявшийся в Мюнхене в сентябре 1986 г. и организованный институтом «Исторические памятники Германии» (Monumenta Germaniae Historica). На конгрессе присутствовало более 600 ученых из 19 капиталистических и 7 социалистических стран. Вопрос о типологии фальсификаций был поднят в заглавном теоретическом докладе итальянского историка и писателя Умберто Эко (Милан). Доклад делился на пять разделов: 1) Семиотика подделок; 2) Типология ложных идентификаций; 3) Историческая правда, традиция и авторитет; 4) Критерии доказательства подлинности; 5) Выводы, касающиеся нашего времени.

В первом разделе автор дал определение дублетов, псевдодублетов и ложных идентификаций. Под дублетами понимаются объекты, имеющие одинаковую физическую природу (однотипное молекулярное строение), одинаковую форму и размеры (конгруэнтность в математическом смысле), например два стула одного образца или два одинаковых листа бумаги для машинописи. Следовало бы, вероятно, добавить, что дублеты не несут на себе какой-либо «преднамеренной информации», призванной отличить один типовой объект от другого, но содержат «непреднамеренную информацию», дающую основания для их различения. Как указывает Эко, дублеты не идентичны между собой в смысле теории Г.-В. Лейбница о неразличимости: это разные физические объекты, а не один и тот же объект.

Автор доклада полагает, что дублеты мало пригодны для фальсификаций, так как они равноценны и взаимозаменяемы. Вместе с тем он ставит вопрос: кто будет судить о подобии или одинаковости объектов? По его мнению, этот вопрос решает сам пользователь или приобретатель вещи. В случае промышленного производства и продажи копий какого-либо предмета приобретатель может считать копию соответствующей его потребностям и удовлетвориться подделкой вместо подлинника — все зависит от вкусов и культурных обычаев той среды, к которой принадлежит приобретатель (пользователь) вещи. Автор делает общий вывод о том, что различение дублетов, будучи в теории проблемой онтологической, является на самом деле проблемой прагматической, т. е. решение вопроса обусловлено интересами потребителя: ради экономии, в силу спондизма, из равнодушия он может приобрести копию вместо подлинника, считая ее равноценной подлиннику, даже когда известно или подразумевается, что она не обладает всеми свойствами подлинника — изготовлена из материала более низкого качества, не абсолютно точно воспроизводит форму своего прототипа и т. п.

Создается впечатление, что здесь у автора произошла подмена одного тезиса другим. Начав с того, что дубликаты хотя и не идентичны, но взаимозаменяемы, он кончил тем, что копия в определенной среде бытования может заменить оригинал и признаваться равноценной ему. Думаем, следует более четко отличать дубликаты как разные экземпляры объектов одного типа от копий как подражаний объектам данного типа. Дубликаты объединяются общностью происхождения, в то время как ко-

пии имеют другое происхождение. Взаимозаменяемость дубликатов и замена подлинного экземпляра копией — явления разного порядка.

Взаимозаменяемость дубликатов порождает соблазн создания таких копий, которые воспринимались бы как подлинные дубликаты. И тут перед фальсификатором открывается широкое поле деятельности. Монеты одного номинала и одной чеканки с одинаковым изображением и легендой не содержат «преднамеренной информации» (номера и т. п.) для отличия одного экземпляра от другого. Фальсификатор, в данном случае фальшивомонетчик, использует это свойство дубликатов для производства большого числа копий — фальшивых монет. Разные экземпляры печатей, оттиснутых одной матрицей, также представляют собой дубликаты. Изготовление копий, претендующих быть дубликатами таких печатей, может диктоваться задачами обмана и являться одной из форм фальсификации. Следовательно, взаимозаменяемость дубликатов не столько ограничивает, сколько расширяет возможность фальсификаций.

Далее автор раскрывает понятие «псевдодубликаты». Под ними подразумеваются такие образцы предметов одного типа, которые имеют признаки уникальности, единственности. Эти признаки могут быть порождены происхождением предмета, его особой судьбой или сложной техникой исполнения, не поддающейся точному воспроизведению в других объектах. По признаку происхождения уникален, например, первый по счету автомобиль, выпущенный фирмой Форда. В банкнотах уникальность создается наличием номера, так что даже при «совершенной подделке» оригиналом будет считаться тот экземпляр, который первым получил данный номер. Событийную уникальность предмета, имеющего многие дубликаты, автор демонстрирует на примере чаши, которой, согласно легенде, пользовался Христос во время Тайной вечери (чаша эта получила название Грааль), и на примере кроватей, на которых спал Наполеон.

Что касается неповторимости техники создания объекта, то здесь автор приводит пример картины, написанной маслом особыми красками на особом холсте специфическими мазками кисти. Материал и способ исполнения, составляющие характерные черты такой картины, невозможно воспроизвести достаточно точно. Нам кажется неоправданным отнесение подобных объектов к псевдодубликатам. Ведь если заранее ясно, что дубликаты в данном случае исключаются (в отличие от случаев с автомобилем, чашей или кроватями), то, следовательно, речь может идти только о копиях или подделках оригинала, но не о равноценных ему по материалу и технике производства объектах. Эко признает, что подобный уникальный объект становится типом сам по себе, и современное представление о произведении искусства как единственном и неповторимом требует для него специального статуса, закрепляющего подлинность авторства, куда входит фиксация, во-первых, происхождения, во-вторых, сложности формы и материальной природы объекта.

Относя уникальные произведения к псевдодублетам, Эко вместе с тем говорит, что концепция уникальности таких объектов не допускает существования дублетов в силу самого содержания понятия уникальности. Значит, всякое воспроизведение уникальных объектов, если оно не сопровождается прямым указанием на то, что это факсимиле или несовершенная копия, сделанная в учебных или иллюстративных целях, представляет собой попытку дать объекту ложную идентификацию. Согласно Эко, ложная идентификация возникает тогда, когда имеются объект O_a , созданный автором a при специфических обстоятельствах t_1 , и объект O_b , созданный автором b при обстоятельствах t_2 , и когда какое-то лицо или группа лиц заявляют, что O_b тождествен O_a в смысле невозможности различить их ни оптологически (т. е. с точки зрения их материальной сущности), ни функционально (т. е. с точки зрения их происхождения и предназначения). Заметим, что это правило подходит не только к тем случаям, когда подделываются уникальные объекты, но и к тем, когда подделываются объекты, существующие или существовавшие во многих экземплярах.

Указывая, что понятие «подделка» предполагает обычно специфическое намерение у фальсификатора, а именно *dolus malus* (злой умысел), Эко говорит, что он не придает значения вопросу, имел ли автор *b*, производитель объекта O_b , такой умысел: *b* знал, что O_b не тождествен O_a , и мог произвести его без цели обмана — для упражнения, ради шутки или даже случайно. Мнение Эко не лишено оснований. Подобные причины возникновения подделок, конечно, бывали, и такое могло происходить прежде всего при подражании шедеврам искусства, однако вопрос о происхождении подделок должен в каждом случае исследоваться конкретно. Эко предлагает отличать производителя подделки, к которому он склонен подходить с позиций «презупции невиновности», от того, кто объявляет, что O_a и O_b идентичны и взаимозаменяемы. Автор, правда, не исключает возможности совмещения этих двух персонажей в одном лице. По его мнению, типология ложных идентификаций должна начинаться с выяснения вопроса о том, что знал автор идентификации о существовании объекта O_a и о происхождении объекта O_b .

Согласно Эко, при ложной идентификации утверждается (с искренней верой в правоту этого утверждения или неискренне), что объект O_b тождествен объекту O_a , который известен как существующий и высоко ценимый, в ситуации, когда *a* — знаменитая и почитаемая личность, а *b* — известный автор. В действительности O_a физически отличается от O_b : между двумя объектами имеется только внешнее, формальное сходство.

Во втором разделе доклада Эко указаны следующие частные случаи ложных идентификаций: 1) неразличение тождества и взаимозаменяемости; 2) преднамеренно ложная идентификация; 3) отождествление по незнанию; 4) переделка оригинала; 5) претензия на взаимозаменяемость. В первом случае происходит смешение понятий: взаимозаменяемость воспринимается как тождество. Например, какой-то человек хорошо знает, что O_a не идентичен O_b , поскольку последний был произведен позже как копия; однако этот человек полагает, что оба предмета взаимозаменяемы с точки зрения их ценности и функции, и, будучи не слишком чувствителен к вопросу о подлинности, он использует один предмет как тождественный другому. Подобный подход был характерен для римских патрициев, которые эстетически удовлетворялись копиями греческих статуй и готовы были принять на веру подпись «Фидий». Аналогичное явление наблюдается у туристов, которые восхищаются статуей Давида работы Микельанджело во Флоренции перед Палаццо Веккио, не смущаясь тем, что это копия, а оригинал находится в другом месте.

Парадоксальным вариантом смешения тождества и взаимозаменяемости являются подделки, выполненные самим автором оригинала. Закончив создание объекта O_a , тот же автор производит в той же манере совершенный дублет O_b , который внешне невозможно отличить от O_a . Онтологически эти объекты различимы в физическом и историческом планах, но с эстетической точки зрения оба они имеют одинаковую ценность. Можно вспомнить полемику о «поддельных» картинах известного итальянского художника XX в. Джорджо де Кирико, во время которой многие критики высказывали мнение, что эти «подделки» написаны самим де Кирико. В связи с такими случаями Эко ставит вопрос о том, насколько вообще правомерно фетишистское почитание художественного оригинала.

Намеренно ложная идентификация имеет место тогда, когда определенное лицо, зная, что объект O_b есть лишь репродукция O_a , не тождественная ему и не замещающая его, тем не менее утверждает с целью обмана, что O_b тождествен O_a . Это фальсификация в узком смысле слова — например представление копии Моны Лизы как оригинала, пуск в оборот подложных банкнот.

С ложной идентификацией по невежеству мы сталкиваемся в тех случаях, когда кто-то не знает, что два объекта не идентичны, или верит, что O_a и O_b тождественны, и принимает O_b за подлинный оригинал.

Такие идентификации имели место обычно в эпоху средневековья, однако и сейчас можно наблюдать ложные отождествления, допущенные в порядке добросовестного заблуждения. К числу их относится, в частности, и восприятие туристами статуи Давида перед Палаццо Веккио как оригинала.

Переделка оригинала состоит в том, что b изменяет O_a , превращая его в O_b . Эко приводит примеры подобных переделок. Так, в XIX в. библиофил Джироламо Либри подвергал определенной обработке рукописи, похищенные им из публичных и частных библиотек. Он разъединял их на части, изменял указания на происхождение и владельческую принадлежность, добавлял ложные колофоны (концовки). Напомним, что наш знаменитый археограф П. М. Строев составлял свои сборники из тетрадей, изъятых из состава монастырских копияных книг и других рукописей. Картины и статуи часто фальсифицировались и восстанавливались таким образом, что произведение изменялось. У статуй нецензурные части тела прикрывались или удалялись; части произведения менялись местами; полиптихи разъединялись на составные части. Все эти изменения могли делаться как вследствие добросовестного заблуждения относительно намерений автора (*intentio auctoris*), так и из сознательного желания переделать объект. В первом случае переделыватель верил, а во втором не верил, что O_b тождествен O_a .

По утверждению Эко, практически все, что мы считаем подлинными произведениями искусства античности, дошло до нас в измененном виде. Эти изменения произошли «в ходе времени» и благодаря вмешательству человека. Мы должны принимать во внимание утрату частей статуй, реставрации, изменение и утрату красок. Неоклассицизм представлял себе греческое искусство «белым», в то время как первоначально статуи и храмы были ярко раскрашены. Автор доклада говорит, что в известном смысле все сохранившиеся произведения античного искусства можно считать фальсифицированными.

Претензия на взаимозаменяемость, являющаяся еще одной формой ложных идентификаций, возникает в тех случаях, когда определенное лицо знает, что O_a и O_b физически различимы, но при этом решает, что в особых обстоятельствах и для особых целей они имеют одинаковую ценность. Данное лицо не утверждает, что указанные объекты тождественны, но заявляет, что они полностью взаимозаменяемы. Часто так оцениваются переводы. Эта оценка переводов особенно характерна для средних веков, когда перевод был единственным доступным читателю источником, откуда он мог почерпнуть представление об оригинале. То же надо сказать о копиях, передававших текст оригинала из одной рукописи в другую; причем переписчик нередко вносил в текст произвольные изменения, сокращения или производил редакторскую правку.

От ложных идентификаций Эко отличает псевдоидентификации, т. е. апокрифы (*аросгурһа*) и псевдоэпиграфы, подделки (*pseudoepigraphica*). Автор не дает определения разницы между ложной идентификацией и псевдоидентификацией. Вероятно, он видит ее в том, что при ложной идентификации имеется в наличии подлинный объект O_a , с которым хотя и отождествить какой-то поддельный объект O_b , а при псевдоидентификации объект O_a отсутствует в природе, но с ним пытаются отождествить какой-то объект O_b . Вот рассуждения автора. Допустим, кто-то утверждает, что объект O_b тождествен объекту O_a , хотя в действительности O_a либо более не существует, либо никогда не существовал, либо известен только по смутным упоминаниям. Чтобы сделать атрибуцию авторства правдоподобной, надо знать какую-то группу объектов A (O_{a1} , O_{a2} , O_{a3} ...), созданных автором a , который знаменит и почитаем. Изучая предметы группы A в целом, можно вывести абстрактный тип A , не учитывающий все особенности каждого предмета O_a , но дающий своего рода средний вывод, т. е. ключ к тому методу, по которому автор a , по-видимому, создавал свои произведения (стиль, характер используемого материала

и т. п.). Когда в соответствии с типом А производится объект O_b , его объявляют ранее неизвестным творением автора a .

Как и в случаях с ложными идентификациями, Эко предлагает различать «добросовестную» и «преднамеренную» псевдоидентификации. Предпосылки «добросовестной» псевдоидентификации таковы: некто знает, что O_a не существует, и ему известен только O_b ; следовательно, он понимает, что O_a не совпадает с O_b , однако «добросовестно» считает, что O_b может выполнять все функции O_a . Поэтому он использует O_b так, как если бы это был O_a . По мнению Эко, к данной категории фальсификаций относятся многие случаи «дипломатических» (т. е. актов) подделок. Эко проводит различие между «чисто формальной фальсификацией» (= «дипломатической») и «чистой фальсификацией» (= «исторической»): «историческая фальсификация» воплощается в формально подлинной грамоте, которая содержит искаженные или придуманные факты (например, подлинное подтверждение фальсифицированной привилегии), в то время как «дипломатическая фальсификация» представляет собой специально изготовленный акт, свидетельствующий о привилегиях, которые вполне могли быть пожалованы в действительности, но документ, где бы они закреплялись, утрачен. Пример тому — подложные грамоты, сфабрикованные монахами, если мы можем доказать, что поддельщики действовали в соответствии с монастырской легендой о некогда пожалованных привилегиях и только стремились предать ее гласности для обоснования своих прав и притязаний.

Предлагаемое Эко различие «дипломатической» и «исторической» фальсификаций соответствует нашему отличию неподлинности от недостоверности. «Дипломатическая фальсификация» — это создание неподлинного, подложного документа. «Историческая фальсификация» — создание источника подлинного, т. е. происходящего от того лица или учреждения, которое называется или подразумевается в качестве автора, но содержащего недостоверную информацию¹.

Считая возможным говорить о «добросовестных» «псевдоидентификациях», Эко вместе с тем признает существование и намеренных дипломатических и стилистических подделок. Они имеют место тогда, когда некто, зная, что объекта O_a нет в природе и что O_a и O_b не взаимозаменяемы, тем не менее утверждает с намерением обмануть и с ясным пониманием ложности своего утверждения, что оба объекта (один реальный, а другой воображаемый) идентичны и что объект O_b является подлинным. К такого рода фальсификациям Эко относит: акты нового времени; подложные родословные древа, призванные обосновать генеалогию, которую нельзя подтвердить иным способом; «преднамеренные» апокрифы (т. е. апокрифические сочинения, авторы которых знали, что они создают именно апокрифы, а не воспроизводят текст, освященный церковью); подделки картин старых голландских мастеров, осуществленные недавно одним талантливым художником. В эту же категорию подделок Эко склонен зачислить сочиненную в XIII в. поэму «De vetula» («О старушке»), которая тогда же была приписана Овидию. Как предполагает Эко, лица, пустившие в оборот в VIII в. так называемый «Corpus Dyonisianum», приписав его ученику св. Павла, отдавали себе ясный отчет в том, что это произведение возникло много позднее, однако они решили выдать его за сочинение такого автора, чей авторитет был бесспорен.

Намеренным «дипломатическим» подделкам Эко противопоставляет «добросовестную подделку грамот». Но чем отличается «добросовестная подделка грамот» от «добросовестной» псевдоидентификации? В отношении последней, как мы помним, Эко постулирует, что определенное лицо знает о несуществовании O_a и имеет дело только с O_b , однако «добро-

¹ Наше определение подлинности и достоверности см.: Каштанов С. М., Литвин А. Л. К проблеме достоверности исторических источников // Из истории Татари: Краевед. сб. Казань, 1965. С. 297; Каштанов С. М. Очерки русской дипломатики. М., 1970. С. 50; Он же. Русская дипломатика. М., 1988. С. 222—223.

совестно» считает его заменяющим O_a во всех его функциях. При «добросовестной подделке грамот» то или иное лицо, напротив, не знает, что объект O_a не существует, и предполагает, что он существует или когда-то существовал. Данное лицо знает, что O_c не отождествляется с O_a , поскольку O_c был произведен позже. Это лицо может, однако, полагать, что оба объекта взаимозаменяемы, так как, по его представлению, сохранившееся предание заслуживает большего доверия, чем содержащая его грамота. Эко допускает и противоположную ситуацию — когда указанное лицо не верит в такую взаимозаменяемость объектов. Сходство двух ситуаций заключается лишь в том, что действующее лицо утверждает, будто оба объекта тождественны и, следовательно, O_c подлинен.

К разряду «добросовестных подделок грамот» Эко относит знаменитый «Константинов дар». При этом он не говорит, какая психологическая ситуация была при его создании: верил или не верил поддельщик во взаимозаменяемость нового текста и предполагаемого подлинника. Еще Лоренцо Валла в XIV в. убедительно показал подложность «Константинова дара»². С тех пор историография вплоть до недавнего времени относилась к нему как к типичной фальшивке, сфабрикованной в интересах папства. Традиционный подход был пересмотрен Х. Фурманом. Он считает, что первоначально этот документ не имел значения грамоты о привилегии, посредством которой папство пыталось добиться установления своих особых политических преимуществ, а был лишь формой фиксации папского самосознания, и только в XI в. «Константинов дар» стал использоваться для подкрепления теократических притязаний римской курии³.

Вводимые Эко психологические критерии различения «добросовестных псевдоидентификаций», «добросовестных фальсификаций грамот» и намеренных «дипломатических» фальсификаций требуют такого глубокого проникновения в психологию фальсификаторов, такого «чтения» в их душе и ясновидения, которое для большинства случаев, относящихся к средним векам, на практике невозможно. Поэтому его классификация фальсификаций носит в значительной мере абстрактно-логический характер⁴. Тем не менее она важна как стимулятор изучения фальсификаций в связи с изучением социальной психологии людей различных исторических эпох⁵.

² Валла Л. Рассуждение о подложности так называемой дарственной грамоты Константина // Итальянские гуманисты XV века о церкви и религии. М., 1963. С. 139—216.

³ Fuhrmann H. Das frühmittelalterliche Papsttum und die Konstantinische Schenkung. Meditationen über ein unausgeführtes Thema // XX settimana di studio del Centro italiano di studi sull' alto medioevo. I problemi dell'Occidente nel secolo VIII. Spoleto, 1973. Т. 1. Р. 257—292, 327—329; ср.: Каштанов С. М. Русская дипломатика. С. 36—37.

⁴ Доклад Эко, распространенный среди участников конгресса 1986 г. в форме брошюры на английском и немецком языках, в 1988 г. был издан на языке оригинала в составе трудов конгресса: Eco U. Tipologia della falsificazione // Fälschungen im Mittelalter. Hannover, 1988. Teil I (Monumenta Germaniae Historica. Schriften. Bd. 33, I). S. 69—82.

⁵ Продолжение статьи см. в АЕ за 1989 год.

О ХРОНОЛОГИИ АКТОВ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ XIV—XV ВВ.

Настоящая статья завершает хронологическое обследование частных актов Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в., не упоминающих настоятеля, под углом зрения вероятности их составления в период отсутствия в монастыре игумена (архимандрита). В предыдущих статьях мы рассмотрели соответствующие акты Троице-Сергиева монастыря за конец XIV—XV в.¹ В статье рассматриваются не упоминающие настоятеля грамоты других корпораций Северо-Восточной Руси. Начнем с установления удельного веса этой группы актов в монастырских архивах, сведя данные о соотношении упоминающих и не упоминающих настоятеля актов в таблицу².

Архивы 39 учтенных корпораций Северо-Восточной Руси (митрополичья и владычные кафедры, монастыри) дают преобладание актов, в которых настоятель упоминается. Грамоты, не упоминающие его, составляют примерно лишь 10% общего числа актов. Преобладание актов, упоминающих настоятеля, прослеживается по всем разновидностям актов. В архивах многих корпораций грамоты, в которых не упомянут настоятель, вообще не представлены.

Архивы некоторых монастырей сохранили незначительное количество актов. Поэтому мы не знаем, когда в них менялись настоятели. Отсутствие упоминания о них в ряде случаев не помогает уточнить датировку соответствующей грамоты. Мы можем сказать это относительно жалованных грамот Тверскому Отрочу монастырю, выданных в 1362—1364 гг. и во второй половине 1430-х годов, относительно жалованной грамоты князя Александра Ивановича Нижегородскому Спасо-Благовещенскому монастырю (около 1418 г.), грамоты ярославского князя Федора Федоровича Толгскому монастырю, трех жалованных грамот другого ярославского князя — Александра Федоровича Спасо-Каменскому монастырю (вторая четверть XIV в.), насчет данной грамоты некоего Н. М. Черноусова Спасо-Прилуцкому монастырю на пожню в устье Лосты (близ Вологды). То же самое мы можем сказать и насчет грамот рязанских князей Солотчинскому монастырю — грамоты Олега Ивановича на Савицкий остров (конец XIV в.) и грамоты Ивана Федоровича на уезд к с. Федоровскому (1427—1456 гг.)³.

Некоторые не упоминающие настоятеля акты точно датированы. Таковы жалованная грамота Д. А. Пенкова Спасо-Каменному монастырю (9 августа 1497 г.) и данная вдовы Ивана Васильевича Федосьи и его сына Ивана на с. Захарьинское в Гуслицкой волости Московского уезда (25 марта 1493 г.), жалованная тверского великого князя Михаила Бо-

¹ Семенченко Г. В. О хронологии троицких актов конца XIV — первой половины XV в. // АЕ за 1984 год. М., 1986; *Он же*. О хронологии троицких актов второй половины XV в. // АЕ за 1987 год. М., 1988.

² При составлении таблицы учтены издания: АСЭИ. М., 1958. Т. II; 1964. Т. III; АФЗХ. М., 1951. Ч. I; 1956. Ч. II; Голубцов И. А., Назаров В. Д. Акты XV — начала XVI в. // СА 1970. № 5. С. 74—89. В таблице нет сведений о вкладах в домовые монастыри митрополичьей кафедры. Некоторые из учтенных монастырей (Нижегородский Спасо-Благовещенский, Саввино-Сторожевский) сначала не были монастырями митрополичьей кафедры, затем стали ими. В таблице учтены данные об актах этих обителей в период, когда они не были митрополичьими монастырями.

³ АСЭИ. Т. III. № 116, 117, 220, 263—265, 274, 325, 329; АФЗХ. Ч. I. № 234.

Акты, упоминающие и не упоминающие настоятеля в церковных архивах
Северо-Восточной Руси

Место	Купчие		Менов- ные		Духов- ные		Данные		Жало- ванные		Всего грамот	
	упоминают	не упоминают	упоминают	не упоминают	упоминают	не упоминают	упоминают	не упоминают	упоминают	не упоминают	упоминают	не упоминают
Кирилло-Белозерский мона- стырь	42	2	6	—	1	1	40	9	124	2	213	14
Ферапонтов монастырь	—	—	—	—	—	—	1	2	7	1	8	3
Симонов монастырь	11	—	2	—	1	—	4	2	24	—	42	2
Суздальский Спасо-Евфимиев монастырь	—	—	4	—	1	2	10	7	32	2	47	11
Московский Чудов монастырь	—	—	1	—	1	—	3	1	4	1	9	2
Михайловский Архангельский собор в Москве	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—
Саввино-Сторожевский мона- стырь	—	—	2	—	—	—	1	—	7	—	10	—
Клинская пустынь	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—
Угличский Покровский мона- стырь	—	—	1	—	—	—	—	—	6	—	7	—
Переяславский Горицкий мо- настырь	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1	—
Никольский Шартомский мо- настырь	—	—	—	—	—	—	—	—	3	—	3	—
Тверской Отроч монастырь	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	2
Кашинский Сретенский мона- стырь	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—
Калязин монастырь	6	—	17	—	1	—	9	1	8	1	41	2
Спасо-Ярославский монастырь	—	—	2	—	—	—	3	—	14	1	19	1
Толгский монастырь	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1
Ройский Иоанно-Златоустов- ский монастырь	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—
Костромской Ипатьевский мо- настырь	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1
Чухломский Покровский мона- стырь	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—
Дионисиев-Глушицкий мона- стырь	—	—	1	—	—	1	1	2	5	—	7	3
Спасо-Каменный монастырь	—	—	—	—	—	—	—	—	7	3	7	3
Спасо-Прилуцкий монастырь	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1
Никола-Мокринский мона- стырь	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—
Устюжский собор	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—
Важский Иоанно-Богословский монастырь	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—
Владимирский Рождествен- ский монастырь	—	—	1	—	—	—	—	—	2	—	3	—
Нижегородский Спасо-Благо- вещенский монастырь	—	—	—	—	—	—	—	—	5	1	5	1
Амвросиев-Никольский Дудин монастырь	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	2	—
Нижегородский Печерский Вознесенский монастырь	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—
Иосифо-Волоколамский мона- стырь	3	—	1	—	—	—	4	—	7	—	15	—
Московский Богоявленский монастырь	1	—	1	—	—	—	1	1	1	—	4	1

Место	Купчие		Менов- ные		Духов- ные		Данные		Жало- ванные		Всего грамот	
	упоминают	не упоминают	упоминают	не упоминают	упоминают	не упоминают	упоминают	не упоминают	упоминают	не упоминают	упоминают	не упоминают
Ольгов монастырь	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—
Солотчинский монастырь	—	—	—	—	—	—	1	1	8	3	9	4
Спасо-Преображенский монастырь	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1
Духов-Переяславский монастырь	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—
Покровская Аграфенина пустынь	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—
Пермская епископия	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	2	—
Рязанская епископия	—	—	—	—	—	—	—	—	7	—	7	—
Митрополичья кафедра	4	1	6	—	—	—	6	1	35	2	51	4
Итого:	67	3	45	—	6	4	84	29	322	21	524	57

рисовича Калязину монастырю (июль 1483 г.), данные грамоты вдовы Прокофия Зиновьевича Феодоры Симонову монастырю на владимирские села Зиновьевское и Петряево (1500/01 г.). Не упомянут настоятель и в датированной 1434/35 г. грамоте князя Ивана Можайского Ферапонтову монастырю, а также в двух данных этой обители, одна из которых датирована 1483/84 г., другая — 1 марта 1484 г. Точно датированы также данная Настасьи Солотчинскому монастырю (1482/83 г.), жалованные великого князя Федора Васильевича Солотчинскому и Спасо-Преображенскому монастырям (11 октября 1496 г. и 1501 г.; впрочем, эти грамоты дошли до нас в кратком пересказе Т. Воздвиженского; в подлинниках актов настоятель, возможно, упоминался) ⁴.

По-видимому, в момент выдачи такого рода грамот в соответствующих монастырях менялись настоятели. Относительно некоторых из них это можно утверждать с большой степенью уверенности. На 1434/35 г. приходилась смена игумена в Ферапонтове монастыре (место основанного обитель Ферапонта занял Мартемьян), а на 1483 г. — в Калязине монастыре (его основатель Макарий скончался в мае 1483 г.⁵). Еще одна калязинская грамота, не упоминающая настоятеля, — данная братьев Ивана, Гавриила и Александра Григорьевичей «святой Троице» на пустоши Павликово, Пестово, Перекройцево. На основании упоминания в грамоте в числе послухов Андрея Фролова И. А. Голубцов убедительно заключил, что она должна быть отнесена к первым годам существования монастыря. Неупоминание Макария в тексте грамоты он объяснил тем, что в момент выдачи ее монастырю «игумен не имел широкой известности». И. А. Голубцов считает наиболее вероятным временем оформления рассматриваемой грамоты 1444 год ⁶. Эта датировка кажется мне в целом убедительной. Но неупоминание в данной грамоте игумена, может быть, лучше объяснить не отсутствием известности настоятеля

⁴ АСЭИ. Т. II. № 317, 329, 330, 423, 423а; Т. III. № 158, 272, 331, 335, 344; Голубцов И. А., Назаров В. Д. Акты XV — начала XVI в. С. 84. № 7.

⁵ Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 272—273, 289—290; Бриллиантов И. И. Ферапонтов Белозерский ныне упраздненный монастырь — место заточения патриарха Никона. СПб., 1899. С. 20—21. Примеч. 2.

⁶ АСЭИ. Т. III. № 120. С. 156.

(вкладчики — местные землевладельцы), а тем, что Макарий не был еще официально утвержден игуменом основанного им монастыря⁷.

Больше всего актов, не упоминающих настоятеля, как видно из таблицы, представлено в архивах Кирилло-Белозерской и Спасо-Евфимиевой обителей, хотя удельный вес этих актов в общем количестве сохранившихся грамот невелик. Рассмотрим вначале не упоминающие настоятеля акты Кирилло-Белозерского монастыря. Сохранилось три варианта данной грамоты вдовы Александра Карповича Марии и ее детей на пустоши на Угле в Кирилло-Белозерский монастырь (№ 55, здесь и далее — нумерация т. II АСЭИ). Два варианта грамоты упоминают игумена Христофора, последний адресован «в Кирилов монастырь игумену и всей братье». Принятую датировку этой грамоты (1428—1434 г.)⁸ можно уточнить. Очевидно, первые два варианта грамоты составились в самом конце игуменства Христофора, а последний — сразу же после Христофора, до появления нового настоятеля. Все три варианта грамоты, таким образом, тяготеют к 1434 г.⁹

В отводной книге 1492 г. дошла выписка из духовной Ивана Лопатина Кирилло-Белозерскому монастырю на с. Бережное «в дом Пречистой в Кириллов монастырь» (№ 105), которую датируют 1448—1470 гг.¹⁰ Если в этой выписке правильно воспроизведено то место, где речь идет об отказе земли в монастырь, значит, ее написание возможно в период междуигуменства. Среди владений монастыря Бережное впервые упоминается в жалованной Михаила Верейского на имя Кассиана. Следовательно, рассматриваемая духовная составлялась в предшествующее Кассиану междуигуменство — 1447—1448 гг. (до 11 апреля)¹¹. К тому же времени относится, возможно, и дошедшая в двух вариантах грамота вдовы Ф. А. Старкова-Серкизова Анны «Пречистой в Кирилов монастырь игумену з братьею» на дмитровское село Куралгинское (№ 153а)¹²; во втором варианте упоминается архимандрит Феодосий, которого с большой степенью вероятности можно отождествить с настоятелем Чудова монастыря конца 40-х — начала 50-х годов XV в., ставшим в 1454 г. ростовским архиепископом¹³. Впрочем, следует учитывать возможность незнания дмитровской землевладелицей имени настоятеля монастыря.

Жалованную Андрея Меньшого об отказе серебряников в Юрьев день (№ 177) относят к 1462—1471 гг. или к 1462—1481 гг. Андрей Вологодский, умерший в 1481 г., вступил в управление Вологодой не ранее 1466—1467 гг.¹⁴, и, следовательно, грамота должна быть отнесена к 1466—1481 гг. Неупоминание в ней настоятеля (Андрей «пожаловал

⁷ Ср.: Будовниц И. У. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV—XVI вв. М., 1966. С. 204.

⁸ АСЭИ. Т. II. С. 37.

⁹ И. А. Голубцов (АСЭИ. Т. II. С. 551) думает, что реализация вклада Марии вызвала какие-то трудности и из-за этого она вынуждена была переписать данную и убрать из последнего варианта имя настоятеля. Но неупоминание игумена в грамоте не могло облегчить ее реализацию.

¹⁰ Дебольский М. Н. Из актов и грамот Кирилло-Белозерского монастыря. СПб., 1900. С. 26. (Далее: Дебольский); АСЭИ. Т. II. С. 76.

¹¹ АСЭИ. Т. II. № 96, 97. В конце 1450 — начале 1460-х годов Кассиан отсутствовал в обители, выполняя поручения митрополита Ионы, и был сначала в Литве, а затем в Константинополе (см.: Голубинский Е. Е. История русской церкви. М., 1900. Т. II, 1-я половина. С. 504—505, 512—513). Нужно учитывать и вероятность неупоминания белозерского игумена и в актах, оформленных в период временного отсутствия Кассиана.

¹² И. А. Голубцов датирует эту грамоту 1450—1454 гг.

¹³ АСЭИ. Т. III. № 38. И. А. Голубцов вслед за П. М. Строевым показывает архимандритство Феофана под 1448—1452 гг. Но на имя Феофана была выдана датированная 1436 годом грамота (АСЭИ. Т. III. № 34, 35). А в 1440-х годах чудовским архимандритом, по-видимому, являлся Питирим, который незадолго до декабря 1447 г. стал пермским епископом (ср.: РИБ, СПб., 1880. Т. VI. № 63; Кучкин В. А. Из литературного наследия Пахомия Серба // Источники и историография славянского средневековья. М., 1967. С. 242—258). Его, возможно, и заменил Феодосий.

¹⁴ ДАИ. СПб., 1846. Т. I. № 198. С. 352; АСЭИ. Т. II. С. 412; Каштанов С. М. Очерки русской дипломатики. М., 1970. С. 370.

есмы старцев кириловских») наводит на мысль об ее составлении в одно из междуигуменств — в 1468—1471 гг. или в конце 1475 — начале 1476 г. Наиболее вероятно составление этой грамоты в конце 1475 — начале 1476 г. Сохранилась жалованная Андрея Васильевича на пустошь Вороновскую, выданная монастырю 15 февраля 1476 г. (№ 232). Как и грамота № 177, она адресована «старцам Кирилова монастыря». Идентичность инскрипции обеих жалованных, выданных одним князем, наводит на мысль об их составлении примерно в одно время.

Данную Н. З. Ильина «Пречистой в дом в Кирилов монастырь» на землю в Прости (№ 124) датировали 1422—1482 и 1448—1470 гг.¹⁵ Грамота составлена до 5 декабря 1471 г.: в ней упомянут старец Игнатий Матвеев, ставший к этому дню игуменом. Писец грамоты № 124 старец Митрофан при игуменах Трифоне и Кассиане был «чернцом»¹⁶. Следовательно, грамота № 124, скорее всего, писалась в ближайшем после Кассиана междуигуменство — 5 марта 1468 г. — 6 декабря 1471 г.¹⁷ Данная Н. Горбова (№ 226) на пожни и наволоки «Пречистой в дом в Кирилов монастырь», датируемая 1428—1434 гг. или 1474—1480 гг., была составлена в междуигуменство конца 1475 — начала 1476 г.: упоминаемые в ней наволоки в 1473 г. за монастырем не числились; названный среди послухов «Симон казначей» был казначеем при игумене Игнатии (1471—1475 гг.), а в грамоте сентября 1475 — августа 1476 г. назван посельским дмитровских владений монастыря¹⁸.

Вдова князя Давыда Семеновича Кемского Феодосия дала «в дом Пречистой в Кирилов монастырь» «по приказу» и «духовной грамоте» мужа деревню Ереминскую в Карголоме (№ 224). Вдова князя Федора Карголомского Настасья с детьми дала «Пречистой в дом в Кирилов монастырь» деревню Демидовскую «по князя своего слову» (№ 225). Можно принять соображения И. А. Голубцова, что обе данные, не упоминающие настоятеля, написаны в 1473—1486 гг.: по ободной Михаила Верейского от 9 февраля 1473 г. переданные по этим грамотам в монастырь земли за ним еще не числились; в разъезжей 1492 г. грамоты № 224 и 225 помещены среди актов, составленных при Михаиле Верейском¹⁹. Они могли быть написаны и в междуигуменство 1475—1476 гг. и в одно из междуигуменств 1482—1485 гг.²⁰, когда в белозерской обители происходили острые столкновения и часто менялись настоятели²¹.

К междуигуменству середины 80-х годов XV в. относится купчая старцев Симона и Федора «в дом Пречистой в Кириллов монастырь» на пожни в Кабачине наволоке (№ 231). На тех же основаниях, что и грамоты № 224 и 225, она может быть датирована 1473—1486 гг. Симон и Федор некогда занимали в монастыре должности соответственно казначей и келаря. А в грамоте № 231 оба они названы просто «старцами». Следовательно, к моменту ее составления они лишились этих должностей. Симон перестал быть казначеем уже к 1475—1476 гг. Федор еще в грамоте 1485 г. назван «келарем старым»²². Очевидно, он оставил келарство совсем незадолго до оформления грамоты № 231²³.

Данная Ески Окишева «к Пречистой в дом в Кириллов монастырь» на сельцо в Чаронде (№ 227), вероятно, не была реализована (землевладе-

¹⁵ Дебольский. № 56. С. 27; АСЭИ. Т. II. С. 76.

¹⁶ АСЭИ. Т. II. № 87, 119, 145 («чернец»); № 124, 189, 190 («старец»).

¹⁷ Там же. № 182, 191—200.

¹⁸ Дебольский. № 185. С. 70; АСЭИ. Т. II. № 209, 215, 226, 229, 231.

¹⁹ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV вв. М., 1951. Ч. II. С. 30; АСЭИ. Т. II. № 223, 290. Н. Н. Дебольский датировал грамоту № 224 1435—1447 гг., а грамоту № 225—1448—1469 гг.

²⁰ АСЭИ. Т. II. № 228, 232, 234, 267, 269, 272. С. 694.

²¹ Никольский Н. К. Общинная и келейная жизнь в Кирилло-Белозерском монастыре в XV и XVI вв. и в начале XVII в. // Христианское чтение. 1907. Август. С. 167—173; Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI века. М.; Л., 1960. С. 306—308.

²² АСЭИ. Т. II. № 268. С. 186.

²³ Ср.: Дебольский. С. 7; АСЭИ. Т. II. С. 153.

ние Кирилло-Белозерского монастыря в Чаронде в XV—XVI вв. не прослеживается). Но тогда и гипотеза об ее оформлении в 1473—1485 гг.²⁴ не может быть строго доказана, так как отсутствие сведений о грамоте № 227 в отводных грамотах 1473 и 1491/92 гг. в этом случае перестает служить основанием для датировки этой грамоты. Упоминание в числе послухов при грамоте № 227 Даниила Лукерьиного (в 1491/92 гг. отводчика земли) наводит на мысль об ее написании в одно из междуигуменств последней трети XV в.

Грамоту № 294 (купчая старца Ионы «в дом Пречистой в Кириллов монастырь» у с. Мытцова на две пожни в Лосте) датировали началом XVI в. и 1495—1505 гг. Иона известен по актам Кирилло-Белозерского монастыря конца XV — начала XVI в. Упомянутые в грамоте № 294 пустоши в ободной 1491/92 гг. не упомянуты²⁵. Следовательно, купчая, скорее всего, составлена в междуигуменство, наступившее после смерти Макария (1486—1506 гг.), т. е. около 1506 г.²⁶ Купчую кирилловских старцев Алексея и Антония «к Пречистой и великому чудотворцу Кириллу в дом» у С. и Ф. Укишевых на деревню Фомы Лопатина в Карголоме (№ 304) датировали XV в. и 1500—1510 гг. Судя по упоминанию в числе послухов И. М. Насонова, внука Насона Ильина, составившего завещание в третьей четверти XV в.²⁷, ее следует датировать одним из междуигуменств первой половины XVI в.

Архив Спасо-Евфимиева монастыря за XV в. представлен сравнительно небольшим количеством актов, среди которых немногие грамоты поддаются датировке в узких хронологических рамках. Весьма отрывочны известия о настоятелях этого монастыря за конец XIV — середину 40-х годов XV в. После Евфимия главой корпорации некоторое время, возможно, были Зиновий и Константин²⁸. В конце второго десятилетия XV в. настоятелем обители являлся Авраамий, около 1424/25 г. — Давыд. К 1426—1433 гг. Голубцов условно относит архимандритство Марка, в конце 1430—1440-х годов настоятелями были Феогност, Фома, Нифонт, Сергей, Филипп²⁹.

Уточнение датировки ряда ранних актов Спасо-Евфимиева монастыря на основании неупоминания в них архимандрита затруднительно. По духовной «Даниила, а в мнишском чину Давыда» «святому Спасу в Суздаль» отказывается заводь под Мещерским (III, № 484; здесь и далее — нумерация т. II и III АСЭИ). На основании упоминания в грамоте печерского архимандрита Иосифа И. А. Голубцов условно датирует ее временем около 1424 г. Может быть, эта грамота была оформлена в период между архимандритствами Авраамия (на имя которого Даниил-Давыд оформил данную на с. Ясенье близ Суздаля) и Давыда³⁰. Грамота суздальского князя Александра Ивановича «святому Спасу — архимандриту, святой братье» (II, № 438) была написана не позднее 1433 г., данная Василия, Семена и Петра Ивановичей Кокоскиных о передаче «великому Спасу в домъ въ Евфимиев монастырь» половины селища Бутакова (II, № 440) — ранее 1444 г.³¹

Из трех данных жены Василия Евдокимовича Василисы на д. Бежа-

²⁴ АСЭИ. Т. II. С. 147—148; *Копанев А. И.* История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М.; Л. 1950. С. 83.

²⁵ РИБ. Пг., 1915. Т. 32. № 70. Стб. 98; АСЭИ. Т. II. № 284, 290, 294, 305, 308.

²⁶ АСЭИ. Т. II. С. 694.

²⁷ *Мейчик Д. М.* Грамоты и акты XIV—XV вв. // Описание документов и бумаг Московского архива Министерства юстиции. М., 1882. Кн. IV. № 9. С. 69—70; *Шумаков С. А.* Обзор грамот Коллегии экономии. М., 1899. Т. II. С. 14; АСЭИ. Т. II. № 168, 304. С. 259—260.

²⁸ АСЭИ. Т. III. № 480, 483. Данная некоего Василия Елизаровича на с. Старково адресована «господину священному архимандриту Спасскому и Зиновею старцу». Старец Зиновий, скорее всего, и был спасским архимандритом. Союз «и», возможно, ошибка кописта (грамота дошла в списке XVIII в.).

²⁹ Там же. Т. II. № 434—437, 439, 441—445, 447; Т. III. № 485—487.

³⁰ Там же. Т. II. № 434. С. 478; Т. III. № 484. С. 467—468.

³¹ Там же. Т. II. № 438, 440. С. 452—483; № 444. С. 485—486, 565—566.

новскую настоятель Марк упомянут только в одной (III, № 487). В двух других грамотах (III, № 488, 489) настоятель уже не упомянут. Грамота, упоминающая архимандрита Марка, писалась ранее двух других, поскольку в момент оформления первой грамоты вкладчица была еще Василисой, а к моменту оформления последующих грамот стала «Василисой, нареченной во мнишеском чину Варварой». И. А. Голубцов относит первую из грамот Василисы-Варвары к 1427–1433 годам, последующие две грамоты — к 1430–1440-м годам³². Мне кажется более вероятным, что грамоты оформлялись в близкое друг к другу время: первая — в конце архимандритства Марка, а последующие две — вскоре после Марка. Грамоты следует датировать 1420–1430-ми годами: в 1440-х годах для Марка не остается места.

В грамоте 491 (III) — жалованной монастырю князей Федора и Василия Юрьевичей Шуйских на владения в Гороховецком уезде — не упомянут архимандрит. Мнение о составлении грамоты в период, когда не было настоятеля, высказывал И. А. Голубцов. В. А. Кучкин и Б. Н. Флоря показали, что она дана в период между архимандритствами Сергия и Филиппа, приходившийся на вторую половину 1445 г. (после 7 июля, когда была временно восстановлена независимость Суздальско-Нижегородского княжества и местные княжата получили суверенные права в бывших владениях) или начало 1446 г.³³ В тот же период, по-видимому, оформлялась грамота Василия II и Софьи Витовтовны на с. Мордашь «в дом святому Спасу въ Ефимьев монастырь» (II, № 446). И. А. Голубцов также считал весьма вероятным, что эта грамота «дана в период междуигуменства», и датировал ее приблизительно 1444–1448 гг.³⁴ В жалованной князей Василия и Федора Юрьевичей Шуйских Спасо-Евфимиеву монастырю на их суздальские вотчины, адресованной архимандриту Сергию, с. Мордашь не упомянуто, при архимандрите Филиппе с. Мордашь определено было за монастырем³⁵. Отсюда вывод о написании грамоты в период между архимандритствами Сергия и Филиппа. Грамота № 446 могла быть оформлена в период между 1 октября 1445 г. (день, когда великого князя отпустили из татарского плена, в котором он находился после поражения русских войск под Суздалем 7 июля 1445 г.) и 12 февраля 1446 г. (дата ареста Василия Темного в Троице-Сергиевом монастыре сторонниками Дмитрия Шемяки и Ивана Можайского)³⁶. В это время Василий Васильевич, как уже отмечалось, не контролировал территорию Суздальщины. Поэтому в акте, оформлявшем вклад «по душе» князя Семена Александровича, умершего до 1444 г.³⁷, нет характерного для грамот суверенных князей упоминания о суде и дани, зато имеется встречающаяся в ряде данных грамот светских вотчинников статья о передаче земли «с хлебом, с серебром, с животиною».

После Филиппа главой корпорации стал Исаакий. Это заключаем из анализа правой грамоты о размежевании спорной земли между властями Суздальского Спасо-Евфимиева и Владимирского Рождественского монастырей. Началась тяжба, когда спасским архимандритом был Филипп, а к моменту вынесения приговора им стал уже Исаакий. Первое точное датированное известие о нем сохранилось от 17 января 1451 г.³⁸ Федор Васильевич (очевидно, Басенок), который разбирал тяжбу, вероятнее всего, наместничал в Суздале в конце 1440-х — начале 1450-х годов. Некоторые особенности правой грамоты также наводят на мысль,

³² Там же. Т. III. С. 469–470.

³³ Там же. Т. II. № 435, 447, 450, 452; Т. III. № 491, 492; Кучкин В. А., Флоря Б. Н. О докончании Дмитрия Шемяки с нижегородско-суздальскими князьями // Актовое источниковедение. М., 1979. С. 205–211.

³⁴ АСЭИ. Т. II. С. 487.

³⁵ Там же. № 448, 450.

³⁶ ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 263–266.

³⁷ АСЭИ. Т. II. № 444.

³⁸ Там же. № 450, 451.

что она не могла быть составлена ранее конца 1440-х годов³⁹. Смена настоятелей в Спасо-Евфимиевом монастыре, по-видимому, происходила в 1450 г.: 7 мая 1450 г. митрополиту Ионе была «явлена» духовная грамота Ивана Грани, по которой последний отказывал свою вотчину — пустоши Локтевские — «к святому великому Спасу в Суздаль в Евфимиев монастырь» (III, № 494). В междухаримандритство в 1450 г. были, думается, оформлены еще два акта, в которых не упоминался настоятель. Я имею в виду данную жены Ивана Грани Ирины по духовной мужа на землю Локтевскую «к Спасу в Евфимиев монастырь» (III, № 495), а также данную Ивана Окуловича Кожина на половину песка Кобыляцкого «святому Спасу в Евфимиев монастырь» (III, № 493): эта грамота «доложена» суздальскому наместнику московского великого князя Федору Васильевичу, который разбирал тяжбу Спасо-Евфимиева и Рождественского монастырей.

И. А. Голубцов относит завершение архимандритства Исаакия к 1464 г.⁴⁰ Но отставка или смерть Исаакия произошла раньше. В первые несколько месяцев после смерти отца Иван III подтверждал грамоты, выданные Василием II различным светским и духовным феодалам⁴¹. Часть грамот Василия II с этими подтверждениями выдана Суздальскому Спасо-Евфимиеву монастырю. Большинство подтверждений адресовано на имя Исаакия⁴², одно из них безымянное⁴³, одно дано на имя архимандрита Александра⁴⁴. Напрашивается естественное предположение, что конец архимандритства Исаакия, короткий период отсутствия в монастыре настоятеля и, наконец, появление в обители нового архимандрита Александра приходятся на первые месяцы княжения Ивана III — после 27 марта 1462 г.

По сохранившимся актам Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря, выданным после 1462 г. и до начала XVI в., известны архимандриты Иоаким, Евфимий, Филипп, Константин⁴⁵. Акты, не упоминающие настоятеля, которые можно было бы определенно отнести к последним

³⁹ В. Б. Кобрин (Власть и собственности в средневековой России. М., 1985. С. 161—199), проанализировав правые грамоты XV — середины XVI в., убедительно доказал, что окончательное решение по ним (суд 2-й инстанции) со второй половины XV в. выносил не наместник, а представитель центра. Это делал и сам великий князь, его казначей, дворецкий, большой московский наместник, писец. Решение по рассматриваемой правой грамоте также выносит не местный наместник (он лишь расследует тяжбу), а великий князь. Вопрос о том, когда наместники лишены были права суда 2-й инстанции по земельным вопросам, заслуживает специального исследования. В данной статье ограничусь формулированием ответа на этот вопрос, к которому меня привел анализ источников. Представляется, что решение Москвы об изъятии из ведения наместников рассмотрения дел по земельным тяжбам отразилось в характерной для жалованных грамот статье типа: «А имет кто чего искати на имярек или на его приказчике, иво его яз сужу, князь великий или мой боярин введенный». Поскольку сохранившиеся правые грамоты по земельным вопросам обычно начинались как раз с указания на то, что кто-то «искал» земли на настоятеле монастыря или на монастырском приказчике, то, скорее всего, эта статья как раз была ориентирована на разбор земельных тяжб. Эта статья утверждается в жалованных грамотах с конца 1440-х годов, в грамотах более раннего времени ее нет (ср., например: АСЭИ. Т. I. № 221, 224). Именно с этого времени она становится неотъемлемой составной частью их формуляра. Очевидно, реформа, лишившая кормленщиков права выносить приговоры по земельным делам, была проведена в конце 1440-х годов и не ранее этого времени рассматривалась земельная тяжба между властями Спасо-Евфимиева и Владимирского Рождественского монастырей.

⁴⁰ АСЭИ. Т. II. № 451—457, 459—461; Т. III. № 496.

⁴¹ Там же. Т. I. № 224; Т. II. № 101, 103, 169, 170, 245, 349, 444, 452, 454; Т. III. № 49, 63, 101, 496; АФЗХ. Ч. I. № 173, 225; Ч. II. № 1.

⁴² АСЭИ. Т. II. № 444, 452, 454; Т. III. № 496. Новый великий князь успел выдать и три собственные жалованные грамоты на его имя (Там же. Т. II. № 459—461).

⁴³ Там же. Т. III. № 484. С. 468.

⁴⁴ Там же. № 493. С. 472—473. По мнению И. А. Голубцова и В. Д. Назарова, которое они, впрочем, не обосновывают, Александр, скорее всего, мог возглавлять корпорацию в конце 1460-х годов (мнение В. Д. Назарова) или около 1480—1481 гг. (мнение И. А. Голубцова).

⁴⁵ Там же. Т. II. № 463, 466, 467, 468—475, 476—480, 482, 484, 486, 487; Т. III. № 497—499, 501.

десятилетиям XV — началу XVI в., мне неизвестны. Не вполне ясной для меня остается грамота № 462 (II), по которой жена некоего князя Дмитрия Ивановича Елена отказывала в монастырь по приказу и духовной мужа «в дом великого Спаса в Ефимьев монастырь» села Коряжково, Урсово, Караулово. И. А. Голубцов предполагает, что речь идет о жене князя Д. И. Ряполовского, который в начале 1460-х годов взял в пожизненное пользование с. Кусуновское Владимирского уезда и, скорее всего вскоре после этого умер⁴⁶. Уверенности в точности этой идентификации быть не может.

Останемся на рассмотрении не упоминающих настоятеля грамот из архивов других корпораций. Эти грамоты немногочисленны и разрозненны, но некоторые из них поддаются более точной датировке. Один из актов Костромского Ипатьевского монастыря⁴⁷ и две грамоты Чудова монастыря (III, № 36, 37, 230) благодаря упоминанию в двух из них И. Ф. Сабурова образуют взаимосвязанный комплекс источников, совместное рассмотрение которых позволяет уточнить хронологию каждой из этих грамот. Данная М. Сабурова «в дом святому Еупатью» на с. Якольское и д. Огавинскую (№ 230) датируется С. Б. Веселовским и И. А. Голубцовым 1460-ми годами на основании предположения о смерти М. Ф. Сабурова, последовавшей около 1464 г.⁴⁸ Но вывод о кончине Сабурова в 1464 г. опирается на показания Шереметьевского списка думных чинов, который в ряде случаев дает неточные и путанные известия⁴⁹. Анализ других, более надежных источников заставляет усомниться в гипотезе о пострижении М. Ф. Сабурова в 1460-х годах и о кончине его в 1464 г. До нас дошла датированная 21 апреля 1459 г. жалованная грамота Василия Темного Троице-Сергиеву монастырю с подтверждением прав этой обители на костромские села Коростелево и Наволок, «что, сказывают, дал им Михайло Федоровичь»⁵⁰. Бездетный Сабуров, скорее всего, мог отказывать свои вотчины монастырям накануне пострижения в монахи и незадолго до смерти. Но в таком случае он постригся в монахи уже до 21 апреля 1459 г.⁵¹

Упоминание в грамоте № 230 в числе послухов троицкого келаря Иллариона заставляет отнести ее оформление ко времени ранее 1455—1456 гг.: Илларион был келарем Троице-Сергиева монастыря в конце 1440 — начале 1450-х годов, в троицких актах 1455—1456 гг. называется «келарем старым», а в актах 1460—1470-х годов именуется «старцем»⁵². Вкладная грамота чернеца Мисаила Сабурова хронологически близка к

⁴⁶ АСЭИ. Т. II. С. 499—500, 567; АФЗХ. Ч. I. № 174, 175. Грамота № 462 — не вступивший в силу проект.

⁴⁷ Данные грамоты Константина Дмитриевича на с. Константиновское с деревнями (№ 228) и В. Р. Куломзина на село Кузмищево (№ 235) «в дом живоначальной Троице и святому апостолу Филипу и святому священномученику (священному мученику) Иеупатью» написаны в Костромском Ипатьевском монастыре во второй половине 1530-х годов, и не может быть уверенности в их подлинности (Голубцов И. А. Две данные грамоты XV—XVI вв. Костромскому Ипатьевскому монастырю // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. М., 1961. С. 229—236).

⁴⁸ АСЭИ. Т. III. С. 254; Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 515—516.

⁴⁹ Ср.: Зимин А. А. Из истории дворцовых учреждений Русского государства конца XV и XVI вв. // ИЗ. 1958. Т. 63.

⁵⁰ АСЭИ. Т. I. № 280. По вероятному предположению С. Б. Веселовского, это село вскоре выкупили родичи Михаила Федоровича. См.: Веселовский С. Б. Исследования. С. 171.

⁵¹ Из завещания Василия Темного известно, что М. Ф. Сабуров отдал некоторые свои владения великой княгине Марье Ярославне (ДДГ. М.; Л., 1950. № 61. С. 196, 198). По предположению С. Б. Веселовского (см.: Веселовский С. Б. Исследования. С. 188, 400), Михаил Федорович сделал это, чтобы оправдаться перед великим князем за то, что в 1446 г. он перешел на сторону Дмитрия Шемяки. Однако не естественнее ли предположить, что он завещал великой княгине свои земли и та вступила в управление ими после смерти Михаила Федоровича?

⁵² АСЭИ. Т. I. № 201, 204, 207, 209, 214, 255, 256, 293, 370; ср.: Семенович Г. В. О хронологии некоторых грамот, упоминающих великого князя Ивана III Васильевича // АЕ за 1983 год. М., 1985. С. 53, 56. Примеч. 12, 13.

последнему периоду келарства Иллариона в монастыре, поскольку, как мы сейчас увидим, еще около 1454 г. Сабуров был мирским человеком.

Настоятель не упоминается в двух актах Московского Чудова монастыря⁵³ — в данной Варсонофия Селифонтова «в дом великого архангела Михаила честного его Чюда архимандриту и всей братии» на с. Торусинское Каневского стана Коломенского уезда (№ 36) и в жалованной грамоте Василия Темного на право забоя рыболовного истока в монастырской земле Иткарино (№ 37), которые И. А. Голубцов относит к началу 1450 — началу 1460-х годов⁵⁴. По-видимому, они составлялись в период, когда обязанности главы корпорации выполнял старец Авраамий: на его имя выдана жалованная грамота Василия Темного; упомянут старец Авраамий и в данной В. Селифонтова: там он — один из послухов. В. Селифонтов передал монастырю отсуженную у Игнатия Дворянинова землю, указав, что соответствующая правая грамота докладывалась Михаилу Федоровичу Сабурову (дворецкому великого князя). Это происходило сравнительно незадолго до написания грамоты № 36, так как купчая грамота на отсуженную землю в момент ее составления была еще у Степана Захарьевича, судившего тяжбу Селифонтова и Дворянинова. Следовательно, рассматриваемые грамоты следует датировать временем не позднее середины 1450-х годов, поскольку мы видели, что к 1455—1456 гг. Сабуров постригся в монахи.

Еще одно уточнение датировки грамот № 36 и 37 позволяет сделать завершающая грамоту № 37 фраза: «А печать сына моего»⁵⁵. Очевидно, имелась в виду печать старшего сына Василия II, Ивана. Старший сын Василия Темного стал его соправителем не ранее конца 1440-х — начала 1450-х годов. Однако вплоть по крайней мере до 1454 г. у Ивана III, скорее всего, еще не было своей печати⁵⁶. Следовательно, тот хронологический промежуток, на который падает составление грамот № 36 и 37, приходится на время не ранее конца 1440—1450-х годов; причем, скорее всего, их оформление относится ко времени около 1454—1455 гг. Может быть, обе грамоты оформлены в междуархимандритство, которое последовало в Чудовом монастыре после ухода из него Феодосия Бывальцева, ставшего 23 июня 1454 г. ростовским владыкой?⁵⁷

⁵³ Имя настоятеля выпало из-за дефектности подлинника еще из данной грамоты в Чудов монастырь жены Бориса Владимировича на какое-то село (АСЭИ. Т. III. № 33. С. 56—57). По упоминанию в грамоте вдовы дмитровского князя Петра Дмитриевича Голубцов отнес ее к 1429—1466 гг. Скорее всего, эта грамота была выдана около 1450-х годов: при ней послушествовал В. С. Антонов — свидетель при грамоте 1453—54 гг. (Там же. Т. III. № 39).

⁵⁴ Там же. С. 59—60.

⁵⁵ И. А. Голубцов датирует на этом основании грамоту около 1451—1461 г., поскольку Иван стал соуправителем отца около 1450 г. (см.: *Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период (1238—1505 гг.)*. СПб., 1891. Т. II. С. 183; Ср.: *Семенченко Г. В. О хронологии*. С. 53).

⁵⁶ *Семенченко Г. В. О хронологии*. С. 53—57.

⁵⁷ ПСРЛ. Пг. 1924. Т. 24. С. 184; Т. 25. С. 273.

А. А. Лукашевич

К ИСТОРИИ ПУБЛИКАЦИИ ОРДЕРОВ Г. А. ПОТЕМКИНА И П. А. ЗУБОВА

Ордера генерал-губернаторов Екатеринославского наместничества Г. А. Потемкина (занимал должность с 1784 по 1791 г.) и П. А. Зубова (с 1793 по 1796 г.)¹ начали использоваться в научных исследованиях уже в первой половине XIX в. Всего более 2600 ордеров Потемкина с 1774 г. (когда он был назначен вице-президентом Военной коллегии) по 1791 г. и Зубова за 1793—1796 гг. опубликовано в центральных и местных изданиях, в сборниках документов, главным образом дореволюционного времени². Однако до сих пор эти издания не стали предметом археографического анализа.

Слово «ордер» появилось в русской лексике в первой четверти XVIII в. и означало приказ или письменное распоряжение. Согласно сенатскому указу от 22 января 1767 г., ордера должны были служить для сношений губернатора с губернскими учреждениями, воеводой и «прочими людьми»³.

Однако сфера их распространения была гораздо шире; они использовались для переписки вышестоящих и нижестоящих лиц, имевших чины I—XIV классов. Монарх, Сенат, коллегии ордера в своей переписке не применяли. Е. И. Дружинина отметила, что ордера Потемкина носят характер правительственных распоряжений⁴. С такой оценкой можно согласиться, поскольку генерал-губернатор, по «Учреждениям о губерниях», обладал большими полномочиями. В его ведении находились важнейшие хозяйственно-административные и полицейские дела наместничества. Реальная власть Потемкина была еще более значительной в связи с тем, что он долгое время находился в фаворе у Екатерины II. Все сказанное относится и к Зубову.

В годы гражданской войны подлинные ордера Потемкина и Зубова погибли⁵. Предпринятые нами поиски в ЦГВИА, Крымском, Херсонском областных архивах не помогли обнаружить их следов. Таким образом, дореволюционные публикации приобретают значение первоисточника⁶. В предлагаемой статье мы стремились определить, каким количеством ордеров располагала архивная комиссия и сколько из них помещено в «Известиях ТУАК». Ответ на этот вопрос послужит изучению как из-

¹ С 1791 по 1793 г. Екатеринославским наместничеством управляла Екатерина II.

² *Бартеев П. И.* Из бумаг кн. Потемкина-Таврического // РА. 1865. № 1. С. 63—86; *Фелицын Е. Д.* Акты 1787—1791 годов, извлеченные из дел Кубанского войскового архива // ЗООИД. 1896. Т. XIX. С. 105—120; 1897. Т. XX. С. 50—59; Сборник военно-исторических материалов, Бумаги кн. Потемкина-Таврического. СПб., 1893. Вып. VI (1774—1788 гг.); 1894. Вып. VII (1788—1789 гг.); 1895. Вып. VIII (1790—1791 гг.); *Богумил А. Г.* К истории управления Новороссии князем Г. А. Потемкиным. Екатеринослав, 1905. Вып. I: Ордера 1790—1791 гг.; Вып. II: Ордера 1775 и 1776 гг.; и др.

³ Сенатский указ о форме бумаг, коими губернаторы должны сноситься с губернскими и провинциальными канцеляриями и воеводами, от 22 января 1776 гг. // ПСЗ-I. СПб., 1830. Т. XVIII. № 12824. С. 29.

⁴ *Дружинина Е. И.* Северное Причерноморье в 1775—1800 гг. М., 1959. С. 15.

⁵ Протокол заседания ТОИАЭ от 27/X 1925 г. // Архив Крымского областного краеведческого музея. Ф. ТОИАЭ. Кп. 24584. Д. 9516. Л. 29.

⁶ Е. И. Дружинина пришла к заключению, что некоторые ордера отложились в местных архивах, но большинство утрачено. (См.: *Дружинина Е. И.* Указ. соч. С. 15).

дательской деятельности архивной комиссии⁷, так и археографической судьбы ценного исторического источника.

Таврическая архивная комиссия открылась в 1887 г. и долгое время была единственной на Юге России. В том же году она начала выпускать свои «Известия». В них публиковались материалы из архивов губернских учреждений и исторического архива, представлявшие краеведческий интерес. Так как к тому времени некоторые ордера Потемкина появились в ряде исторических журналов и о них утвердилось мнение как о важных источниках периода серьезных политических успехов дворянской монархии, а статья собственностью комиссии они не могли⁸, было решено познакомить с ними читателей «Известий»⁹. Учитывалось также, что популяризация исторических сюжетов — один из способов привлечения новых лиц к участию в работе архивной комиссии, для которой это означало обогащение документами из частных коллекций, пополнение бюджета за счет членских взносов.

Первая публикация ордеров из архива Таврического губернского правления появилась в «Записках Одесского общества истории и древностей»¹⁰. Подготовил ее Ф. Ф. Лашков (1868—1917). После образования архивной комиссии ордера стал публиковать один из ее членов — архивариус Таврического губернского правления Г. К. Киреевко (умер в 1896 г.). Что касается Лашкова, то его избрали правителем дел комиссии, редактором «Известий». Вероятно, у Лашкова возникла мысль передать часть своих забот Киреевко.

При отсутствии единых правил издания смета издателей, получивших различную подготовку, не могла не сказаться на уровне публикации источников. Так, например, Лашков полагал, что если документы конца XVIII в. «печатать без изменения орфографии, значит увековечить малограмотность писцов, служивших в канцелярии кн. Потемкина и забитых более о внешности письма, чем о правильности его»¹¹. Киреевко, напротив, стремился передать текст ордеров «без всяких изменений, в виде точных копий»¹². Окончательное решение было принято после совместного обсуждения на очередном заседании архивной комиссии: печатать документы XVIII в. с соблюдением орфографии того времени¹³.

Привлечение Киреевко к работе привело к улучшению условий поиска документов. Архивариусу не требовалось специального разрешения, чтобы получить доступ к архивам. Он должен был знать их содержание не только из интереса к истории, но и для выполнения своих служебных обязанностей. Кроме того, отношения между архивными комиссиями и архивами губернских учреждений не были юридически оформлены (порой это приводило к тому, что комиссия теряла из виду интересующие

⁷ О необходимости подобной работы уже говорилось в литературе. См.: *Філімонов С. В.* Археографічна діяльність Таврійського товариства історії, археології і етнографії // Республіканська друга наукова конференція з історичного краєзнавства: (Тези доповідей). Київ, 1982. С. 63.

⁸ Именно эта причина — «в настоящее время не могут поступить в архив» из Таврического губернского правления — подчеркнута в заметке «О годичном заседании Таврической ученой архивной комиссии 18 декабря» (автор не указан). См.: *Крымский вестник*. 1888. 22 дек.

⁹ Публикация началась уже с третьего номера журнала. См.: *Киреевко Г. К.* Ордера кн. Г. А. Потемкина правителю Таврической области // ИТУАК. 1888. № 3. С. 2—45; № 6. С. 1—35; 1889. № 7. С. 1—24; № 8. С. 1—11; 1891. № 10. С. 1—8; № 11. С. 57—75; № 12. С. 63—81; № 13. С. 1—32; *Он же.* Ордера гр. П. А. Зубова правителю Таврической области // Там же. 1892. № 15. С. 49—69; № 16. С. 50—74; № 17. С. 103—119; № 18. С. 53—72; 1894. № 24. С. 1—30; № 25. С. 1—19; 1897. № 3. С. 1—10.

¹⁰ *Лашков Ф. Ф.* Распоряжения (ордера) светлейшего князя Потемкина-Таврического правителю Таврической области В. В. Каховскому за 1784 и 1785 годы // ЗООИД. 1889. Т. XV. С. 594—677.

¹¹ Протокол заседания ТУАК от 22 февраля 1890 г. // ИТУАК. 1890. № 10. С. 135—136.

¹² *Киреевко Г. К.* Об ордерах князя Потемкина и графа Зубова, хранящихся в архиве Таврического губернского правления (1784—1796) // ИТУАК. 1897. № 3. С. 2.

¹³ Протокол заседания ТУАК от 22 февраля 1890 г. // ИТУАК. 1891. № 10. С. 136.

ее источники, не имела полного представления о содержании архивов). К архивным материалам открылся доступ лишь с помощью «частного соглашения» с архивариусом¹⁴. Очевидно, с Киреенко легче было достигнуть взаимопонимания, поскольку сам он проявлял желание найти исторические документы.

Сообщения Киреенко о степени сохранности ордеров очень кратки. В предисловии к публикации он пишет, что в архиве Таврического губернского правления хранилось 11 книг ордеров Потемкина за 1784—1791 гг. и Зубова за 1793—1796 гг.¹⁵ В 1887 г. архивной комиссии стала известна книга ордеров генерал-губернаторов об отводе земель из государственного фонда в частную собственность¹⁶. Итак, первоначально в ее распоряжении находилось 12 книг ордеров.

Публикация в журнале началась с ордеров, датированных 1786 г., поскольку за 1784—1785 гг. они были помещены в Т. XV «Записок Одесского общества истории и древностей». В связи с принятым решением публикация уже изначально не могла стать полной. Кроме того, в нее не вошли документы 1790—1791 гг. Объяснения этому Киреенко не дает. Если судить по отдельным его замечаниям, то книги ордеров состояли из распоряжений за один год¹⁷. Как известно, Потемкин восемь лет управлял Таврической областью. Лашков обнаружил восемь книг с его ордерами. Следовательно, две из них должны быть за 1790—1791 гг. Можно предположить, что к 1892 г., когда началось издание распоряжений Зубова, архивная комиссия потеряла из виду ордера Потемкина последних двух лет его управления наместничеством. Однако нельзя утверждать, что они исчезли из архивов губернских учреждений.

В 1916 г. приват-доцент Киевского университета Н. Д. Полонская обнаружила считавшиеся утерянными и поэтому не издавшиеся две «связки» ордеров Потемкина и Зубова к правителям Таврической области не в архиве губернского правления, а в канцелярии таврического губернатора. Эти документы, а также ранее напечатанные предполагалось издать отдельным выпуском¹⁸. Осуществить это намерение не удалось. В списке научных материалов Таврического общества истории, археологии и этнографии, подготовленных к печати к 1923—1924 гг., написано: «Ордера кн. Потемкина по управлению Крымом (дополнительно к издавшимся. Касаются главным образом раздачи земель)»¹⁹. Судя по сокращениям в списке, он составлен наскоро и предназначен для внутреннего использования. Видимо, поэтому ничего не сказано об ордерах Зубова, хотя тогда уже было готово «к полному и исправленному изданию собрание ордеров кн. Потемкина и кн. Зубова к правителям Таврической области Каховскому и Жегулину»²⁰.

Таким образом, в 1916 г. удалось обнаружить ордера генерал-губернаторов, содержащие сведения о раздаче земель в Таврической области, что отнюдь не исключает предположения о наличии среди них таких, которые посвящены другим вопросам управления. Очевидно, эта книга приказов об отводе земель тоже входила в число утерянных и потому не опубликована. Распоряжения Зубова представлены за все 1793—1796 гг.

¹⁴ Лашков Ф. Ф. К вопросу о губернских исторических архивах // Труды XVIII Археологического съезда в Москве, 1890 г. М., 1895. Т. 2. С. 240.

¹⁵ Киреенко Г. К. Об ордерах... С. 1. В тексте опечатка, ордера не за 1792—1796, а за 1793—1796 гг., так как Зубов был назначен генерал-губернатором Екатеринославского наместничества в 1793 г.

¹⁶ Отчет о деятельности ТУАК за 1887—1888 гг. // ИТУАК. 1889. № 7. С. 116.

¹⁷ Например, Киреенко пишет: четыре ордера Потемкина 1785 г. «вошли в книгу ордеров за 1786 г.» (ИТУАК. 1897. № 3. С. 1). Об одном из ордеров Зубова: «Этого ордера нет в связке ордеров князя Зубова за 1796 г.» (ИТУАК. 1896. № 25. С. 13).

¹⁸ Протокол заседания ТУАК от 31 октября 1916 года // ИТУАК. 1919. № 56. С. 281, 286.

¹⁹ Список докладов ТОИАЭ за 1924—1932 гг. // Архив Крымского областного краеведческого музея. Ф. ТОИАЭ. Д. 9519. Л. 1.

²⁰ Отчет о деятельности ТУАК за 1920 и 1921 гг. // Архив Крымского областного краеведческого музея. Ф. ТОИАЭ. Кп. 23076. Д. 8776. Л. 9; Ф. ТОИАЭ. Д. 9519. Л. 1.

Самых ранних из них, 1793 г., всего 28, так как он был назначен на должность в июле того же года, а первые его ордера датированы августом. Они могли быть подшиты в книгу за 1794 г. Выше уже отмечались подобные случаи. Вероятно, ордера Зубова составляли три книги.

Последние приказы Зубова относятся к декабрю 1796 г. и вошли в № 26 «Известий». В оглавлении написано: «Ордера князя П. А. Зубова правителю Таврической губернии за 1796 г. (Окончание)»²¹. Зубов получил отставку в декабре 1796 г.

Пропавшую книгу ордеров об отводе земель использовал для изучения форм землепользования в Крыму Лашков. Это позволило узнать ее полное название: «Ордера, данные от г. генерал-фельдмаршала и разных орденов кавалера князя Г. А. Потемкина-Таврического господам Таврической области правителям и кавалерам Каховскому и Жегулину об отводе в Таврической области разным помещикам земель с 1784 по 1791 год»²². В отчете о деятельности архивной комиссии за 1887—1888 гг. сказано, что в нее входили зубовские приказы. Некоторые из них есть в «Сборнике документов по истории крымско-татарского землевладения»²³.

Приходится сожалеть, что источник по истории возникновения помещичьего землевладения в Крыму не дошел до наших дней. Но большая часть информации, почерпнутой из него, вошла в «Ведомости о розданных и нерозданных казенных землях по Таврической области» 1794 г. и «Камеральное описание дачам Крыма» 1802 г.²⁴ и таким образом сохранилась для нас. Кроме того, в Крымском областном архиве имеются копии 30 ордеров Потемкина и Зубова²⁵.

Киреенко ничего не сообщает о причинах потери этих документов, так как, по-видимому, надеялся найти их и поэтому не торопился с выводами. Вряд ли он не заметил пробела. В этом нас убеждает его внимание к определению представительности публикации. Проверяя по реестрам наличие ордеров в книгах, он установил, какие из них отсутствовали, и в своих примечаниях предупредил об этом читателей. Содержание источников передано так, как оно записано в реестре,—очень кратко. По заметкам в книгах видно, что часть ордеров была отправлена военному губернатору В. Каховскому. С какой целью, когда, неизвестно.

Здесь следует вспомнить один из эпизодов истории Крыма. На рубеже XVIII—XIX вв. там вспыхнули поземельные споры между коренным населением и российскими помещиками. Судебными делами занялась комиссия, образованная в 1798 г. Для осуществления своих функций ей понадобились ордера об отводе земель. По приказу Каховского они были отосланы в архив Новороссийского губернского правления (с 1796 г. Таврическая область вошла в состав Новороссийской губернии)²⁶. После судебного разбирательства их следовало вернуть в прежний архив²⁷. Поскольку изъятые ордера в публикации не появились, значит, они не были возвращены или были включены в книгу ордеров об отводе земель. Но, судя по отметкам в реестрах, недоставало 76 документов. Из них только 35 посвящены данной теме. Почему нет остальных 41 по

²¹ ИТУАК. 1897. № 26.

²² Лашков Ф. Ф. Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения // ИТУАК. 1896. № 25. С. 89.

²³ Например, ордер П. Зубова В. Каховскому от 6 августа 1794 г. (Там же. С. 94).

²⁴ ИТУАК. 1896. № 25. С. 97—115, 145—158; 1897. № 26. С. 24—38.

²⁵ ГАКРО. Ф. 799 Таврического областного правления. Оп. 1. Д. 12. Л. 2; Д. 13. Л. 2; Д. 14. Л. 2; Д. 101. Л. 2; Д. 111. Л. 3; Д. 113. Л. 2; Д. 114. Л. 2; Д. 115. Л. 2; Д. 116. Л. 2; Д. 118. Л. 2; Д. 119. Л. 2; Д. 120. Л. 1; Д. 121. Л. 2; Д. 122. Л. 1; Д. 126. Л. 2; Д. 175. Л. 2; Д. 254. Л. 1; Оп. 3. Д. 5. Л. 1; Д. 45. Л. 2; Д. 134. Л. 2; Д. 135. Л. 3; Д. 149. Л. 1; Д. 285. Л. 3; Д. 299. Л. 1; Д. 303. Л. 19; Д. 311. Л. 2; Д. 324. Л. 1; Д. 326. Л. 1; Д. 329. Л. 2.

²⁶ Лашков Ф. Ф. Исторический очерк крымско-татарского землевладения // ИТУАК. 1896. № 24. С. 66.

²⁷ Приказ комиссии вернуть ордера после их использования дан Каховским в ордере от 15 января 1800 г. См.: Лашков Ф. Ф. Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения. С. 130.

самым различным вопросам управления областью, объяснить трудно в связи с отсутствием необходимых сведений. 9 ордеров (3 — за 1788 г., 6 — за 1796 г.) хотя и оказались в книгах, но в реестрах не отмечены. Так как все документы нумеровались, Киреенко получил возможность узнать о тех из них, которые не дошли до адресата и не были зафиксированы в областном правлении. О таком случае говорится в письме Каховского к секретарю Потемкина В. С. Попову. Он пишет, что князь «упоминать изволит об ордерах, кои я в получении не имею... Когда? И с кем были отправлены? Прикажите выправиться»²⁸.

Комментарии Киреенко основаны только на сведениях, почерпнутых из книг ордеров, без привлечения других источников или исторических исследований. Но нельзя отрицать его попытку проверить сохранность источника. Его разыскания подтверждают предположение о том, что неполное выявление ордеров было обусловлено ограниченными правами архивной комиссии при работе в архивах губернских учреждений. Всего же Киреенко удалось опубликовать 290 ордеров Потемкина за 1786—1789 гг. и 300 — Зубова за 1793—1796 гг.

Публикация ордеров Потемкина и Зубова стала одним из самых замечательных документальных изданий, появившихся в «Известиях». Поэтому без изучения истории ее подготовки нельзя получить полного представления об археографической деятельности Таврической архивной комиссии, опубликовавшей в 57 томах своего журнала много интересных источников. Еще более возросла ее ценность после установления факта гибели оригиналов ордеров. Напомним, издания документов местных государственных учреждений феодального периода крайне редки.

Рассмотренное нами издание имеет ряд археографических особенностей. В него вошло значительное число однородных источников почти за десятилетие, взятых из одного архива. Расположены они в хронологической последовательности. Все это позволяет довольно подробно характеризовать функции ордеров в системе губернской документации. Однако археографический и тесно связанный с ним источниковедческий аспекты изучения публикации требуют прежде оценить степень представительности ордеров, сохранившихся к концу XIX в., относительно первоначального массива, определить, какая часть этих документов опубликована в «Известиях». Рассмотрение этих вопросов приводит к выводу о том, что, несмотря на некоторые потери, в распоряжении архивной комиссии оказалась большая часть ордеров Потемкина и Зубова. Все они, за исключением вошедших в книгу ордеров об отводе земель, представлены в журнале. Полагаем, публикация достаточно репрезентативна, чтобы включить ее в состав источниковой базы для исследования ордеров как исторического источника, как разновидности делопроизводственной документации XVIII в.

---

²⁸ Письмо правителя Таврической области В. Каховского правителю канцелярии В. Попову от 8 марта 1788 г. // ЗООИД. 1877. Т. X. С. 303—304.

И. В. Карнеев

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ О РОЛИ АРМИИ ВО ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКЕ ЦАРИЗМА В 1907—1914 гг.

Советские историки провели большую работу по исследованию развития дореволюционной России в 1907—1914 гг., в том числе карательной политики самодержавия. Последняя нашла свое отражение в обобщающих трудах по истории СССР и союзных республик, в монографиях и статьях, посвященных проблемам рабочего, крестьянского, национально-освободительного и общественного движения в стране, а также деятельности царской полиции, жандармерии, охранки и других гражданских репрессивных органов¹. Однако роль такой важной составной части государственной машины подавления, как армия и органы ее управления (особенно на уровне военных округов), до сих пор остается вне поля зрения исследователей. Не изучены должным образом деятельность местных военных учреждений по оказанию помощи гражданскому аппарату подавления, объем, характер, методы и последствия использования воинских частей против народных масс. В настоящей статье сделана попытка охарактеризовать комплекс источников, позволяющих восполнить этот пробел. Основную часть комплекса составляют архивные документы — отчеты, рапорты и переписка руководителей военно-окружного аппарата. Их дополняют законодательные источники, мемуарная литература, а также публикации по истории революционного движения в стране. На основе перечисленных групп документов нами составлена таблица использования войск в целях внутренней политики самодержавия.

В. И. Ленин называл армию эксплуататорского государства самым закоренелым инструментом поддержки старого строя². Царская Россия в этом отношении не являлась исключением. Еще по «Положению о военно-окружном управлении» 1864 г. командование округов должно было «содействовать гражданским властям во всех случаях, когда необходимо участие войск для сохранения порядка и спокойствия в крае»³. Особенно активно правящие классы стали использовать армию против народных выступлений в период революции 1905—1907 гг. В целях более четкой регламентации такого использования армии 17 февраля 1906 г. Николай II утвердил законопроект «Об изменении правил о призыве войск для содействия гражданским властям»⁴. Новые правила значительно увеличивали перечень ситуаций, при которых армия использовалась внутри страны.

После поражения первой русской революции царизм установил в стране режим жесточайшего террора. В годы реакции карательные экс-

¹ Арутюнов Г. А. Рабочее движение в России в период нового революционного подъема, 1910—1914 гг. М., 1975; Дубровский С. М. Столыпинская земельная реформа: Из истории сельского хозяйства и крестьянства России в начале XX в. М., 1963; История рабочего класса СССР: Рабочий класс России, 1907 — февраль 1917 г. М., 1982. (Далее: Рабочий класс России...); Лаврычев В. Я. Царизм и рабочий вопрос в России (1861—1917 гг.). М., 1972; Мужев И. Ф. Национально-освободительное движение горцев Северного Кавказа, 1900—1914 гг. Нальчик, 1965; Сапаргалиев Г. Карательная политика царизма в Казахстане, 1905—1917 гг. Алма-Ата, 1966; и др.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 113.

³ Свод военных постановлений 1869 г. Кн. II. Военно-окружные управления. СПб., 1869. Ст. 26.

⁴ Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1906. Отдел 1. № 34. Ст. 188. (Далее: СУ).

педии без суда и следствия казнили 5 тыс. человек⁵. В 1907—1909 гг. по политическим делам было осуждено 26 тыс. человек⁶. Закрывались многие профсоюзы и крестьянские организации, запрещались рабочие собрания, проводились массовые локауты. «Царское правительство, помещики и капиталисты,— писал В. И. Ленин,— бешено мстили революционным классам, и пролетариату в первую голову, за революцию,— точно торопясь воспользоваться перерывом массовой борьбы для уничтожения своих врагов»⁷.

Подавление революции не привело к сокращению использования вооруженных сил во внутривнутриполитических целях. Из рапортов и переписки штабов военных округов с Военным министерством видно, что только за 1908 г. в целом по армии было оторвано от непосредственной боевой подготовки и привлечено к несению охранно-полицейской и карательной службы свыше 2,6 млн солдат и офицеров (см. таблицу). Если учесть, что численность русской армии мирного времени составляла 1,2 млн человек, то можно сказать, что каждый военнотрудовой в среднем свыше двух раз в год участвовал в нарядах гражданского ведомства.

Как явствует из документов, руководители военного ведомства, не возражая в принципе против использования войск во внутривнутриполитических целях, считали завышенным требуемое гражданской администрацией количество воинских нарядов⁸. Поэтому после подавления революции 1905—1907 гг. командование военных округов поставило вопрос об отзыве войск из караульных нарядов и сокращении числа вызовов. Эти требования были поддержаны военным министром А. Ф. Редигером, о чем свидетельствует его переписка с председателем Совета министров и министром внутренних дел П. А. Столыпиным, с министрами юстиции и путей сообщения⁹.

В пользу уменьшения размеров караульного наряда войск высказался и царь своей резолюцией на докладе военного министра: «Поторопиться с этим делом!». Однако попытка Военного министерства добиться сокращения нарядов столкнулась с серьезными трудностями¹⁰. Так, 14 марта 1908 г. министр финансов В. Н. Коковцов в письме Редигеру, ссылаясь на «революционную опасность», просил «разъяснить командующим войсками в округах, что общее распоряжение об освобождении войск от службы по содействию гражданским властям не распространяется на военную охрану учреждений Госбанка и казначейств»¹¹. 1 апреля 1908 г. Совет министров вынес решение: «Обязанность по охране касс Министерства финансов оставить на войсках впредь до выяснения в каждом отдельном случае возможности снятия военной охраны или же замены ее особыми командами»¹².

В сентябре 1908 г. в докладной записке военному министру Главный штаб Военного министерства вновь вернулся к вопросу уменьшения использования войск в интересах гражданских властей¹³. Военное министерство разослало представления в соответствующие ведомства. В ответных письмах руководители гражданских министерств заверили, что предпринимают решительные меры к сокращению нарядов войск. Так, министр путей сообщения информировал, что с 1 января 1909 г. можно будет снять воинскую охрану с железных дорог европейской части страны¹⁴. Хранящиеся в ЦГВИА СССР документы показывают, что на меж-

⁵ Ушеревич С. Смертные казни в царской России. К истории казней по политическим процессам с 1824 по 1917 год. Харьков, 1933. С. 97.

⁶ Дубровский С. М. Указ. соч. С. 6.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 72.

⁸ ЦГИА СССР. Ф. 1276. Оп. 3. Д. 146. Л. 1—46.

⁹ ЦГВИА СССР. Ф. 400. Оп. 3. Д. 3056. Л. 12—18, 20—30.

¹⁰ Там же. Л. 63—79.

¹¹ Там же. Д. 3085. Л. 151—153.

¹² Там же. Л. 156—157, 176—177, 185—212; ЦГИА СССР. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 145. Л. 1—53.

¹³ ЦГВИА СССР. Ф. 400. Оп. 3. Д. 3219. Л. 2—3.

¹⁴ Там же. Л. 35—36, 38—42, 83—84, 96—97.

Вызов войск в огранно-полицейских и карабельных целях (июль 1907—1912 г.)

Год	Число вызовов	Количество вызываемых войск						Дополнительные наряды по министерствам финансов, юстиции, внутренних дел и путей сообщения, человек *	Всего, человек **
		пехота		кавалерия		артиллерия			
		подразделения	отдельные группы, человек	подразделения	отдельные группы, человек	подразделения	отдельные группы, человек		
1907 (июль — декабрь)	9360	1828,5 роты, 128 пулеметных команд	96 754	390,75 эскадрона и сотни, 1 команда	23 662	32 орудийных, 4 пулеметных расчета	—	348 995	
1908	143 887	5636,25 роты, 845,5 пулеметной команды	1 660 736	946 эскадронов и сотен	296 406	6 орудийных расчетов, 3 пулеметные команды	2541	2 657 828	
1909	76 266	1173 роты, 15 892 пулеметные команды	506 482	250,75 эскадрона и сотни, 493 команды	85 962	2 пулеметные команды	—	1 554 169	
1910	23 953	160 рот, 40 пулеметных команд	82 885	87,5 эскадрона и сотни, 14 пулеметных команд,	6158	—	—	2 218 891	
1911	8932	1 батальон, 74 роты, 143 пулеметные команды, 2 взвода	82 584	1 взвод 106 эскадронов и сотен, 824 пулеметные команды,	42 500	3 батареи	—	2 289 430	
1912	6052	64,5 роты, 7 сотен пластунов, 14 пулеметных команд, 2 взвода	70 475	76,75 эскадрона и сотни, 10 пулеметных команд,	10 768	—	—	1 906 402	
Июль 1907—1912	268 450	1 батальон, 8936,25 роты, 7 сотен пластунов 17 062,5 пулеметных команд, 4 взвода	2 499 916	1857,75 эскадрона и сотни, 1342 пулеметные команды 4 взвода	465 456	3 батареи, 38 орудийных, 4 пулеметные команды, 2 расчета, 5 пулеметных команд	2541	10 975 715	

* Данные за июль 1907—1909 г. поглощены общей отчетностью о нарядях войск «для содействия гражданским властям», составленной штабами военных округов.

** Подсчитано приблизительно ввиду разнообразия штатов воинских частей и подразделений русской армии (Свод штатов военно-сухопутного ведомства. СПб., 1910. Кн. 3. Выята примерная численность: батальона — 400 человек, роты, эскадрона и сотни — 100, команды и батареи — 50, взвода — 25, орудийного расчета — 6, пулеметного расчета — 3 человека.

Источники: ЦГВИА СССР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 846. Л. 3 об.; Ф. 400. Оп. 3. Д. 2913, 2915, 2916, 2918—2921, 2923—2926, 3070—3078, 3080—3082, 3228—3236, 3239—3248, 3250, 3251, 3352, 3354—3360, 3362, 3363, 3365—3374, 3376, 3377; Ф. 2000. Оп. 2. Д. 892, 956; Крестьянское движение в России (июль 1907 — июль 1914 г.): Сб. документов М.; Л., 1966. С. 25, 298—300, 462, 572.

ведомственном совещании в апреле 1909 г. в Петербурге после длительных дискуссий военное ведомство добилось согласия на некоторое сокращение нарядов войск по министерствам: финансов (охрана отделений Госбанка, казначейств, сберегательных касс, таможен, сопровождение ценностей при перевозке, помощь пограничной страже); юстиции (охрана мест заключения и конвоирование арестованных); внутренних дел (помощь полиции в подавлении революционных выступлений, охрана почтово-телеграфных учреждений) и путей сообщения (охрана железных дорог и почтовых поездов).

Дальнейший спад революционного движения и временное торжество реакции в стране позволили гражданской администрации пойти на уступки руководителям военного ведомства. Как следует из архивных источников, в течение 1909 г. общий караульный наряд по армии сократился на 1,1 млн человек (см. таблицу). Так, Министерство юстиции уведомило Главный штаб, что с 1 октября 1909 г. можно будет снять воинскую охрану с тюрем в девяти губерниях¹⁵. Это уменьшало ежедневные караулы в местах заключения к концу 1910 г. на 1534 человека. Наряды войск на охрану учреждений Министерства финансов сократились с примерно 4 тыс. человек в день в 1908 г. до 1,3 тыс. к весне 1910 г.¹⁶

Одновременно руководство военного ведомства предприняло попытку унифицировать порядок учета использования войск. При изучении данного вопроса исследователь должен иметь в виду, что с 1908 г. по указанию царя был прекращен централизованный учет количества войск, вызванных «для содействия гражданским властям». Эти сведения оставались лишь в ежемесячных и годовых отчетах штабов военных округов, где из-за отсутствия единых критериев учета приводились противоречивые цифры. В 1909 г. в округа были разосланы образцы регистрационных ведомостей регулярных нарядов войск по всем министерствам. Отдельно предлагалось учитывать вызовы войск для подавления революционных и национально-освободительных выступлений. Не относящиеся к этому караулы и наряды отныне в число вызовов не входили. В результате такого упорядочения количество учтенных вызовов войск сократилось с 1908 по 1912 г. более чем в 20 раз (см. таблицу).

В таблице автор старался учесть как число вызовов и количество вызываемых воинских частей, так и общий объем караульно-полицейских нарядов войск. Анализ данных таблицы позволяет сделать вывод, что, несмотря на сокращение числа вызовов, общее количество используемых «для содействия гражданским властям» военнотружущих оставалось по-прежнему значительным. С началом же нового революционного подъема (конец 1910 — июль 1914 гг.) оно еще более возросло. Так, в 1910 г. число солдат и офицеров, занятых в «командировках гражданского ведомства», увеличилось по сравнению с 1909 г. примерно на 700 тыс. Основной прирост объема воинского наряда пришелся на Центрально-Промышленный район, а также территорию Восточной Сибири и Дальнего Востока в связи со стачками текстильщиков и рабочих, занятых на строительстве Амурской железной дороги. В 1911 г. эта тенденция сохранилась. Размер караульно-полицейского наряда достиг почти 2,3 млн человек, увеличившись еще на 70 тыс. (см. табл.).

Особенно широко правящими классами царской России стала использоваться сила войск и военно-окружного аппарата в карательных целях в период кульминации нового революционного подъема, начало которой положили трагические события на Ленских золотых приисках. 4 апреля 1912 г. вблизи Надеждинского прииска солдатами Иркутского военного округа по приказу жандармского ротмистра Трещенкова была расстреляна мирная демонстрация рабочих; погибли и получили ранения свыше 500 чел.¹⁷ Новое преступление царских властей вызвало гневное воз-

¹⁵ Там же. Д. 3254. Л. 178—180; Д. 3379. Л. 197—198; ЦГИА СССР. Ф. 1276. Оп. 5. Д. 86. Л. 1—25.

¹⁶ ЦГВИА СССР. Ф. 400. Оп. 3. Д. 3379. Л. 19—20, 222—223.

¹⁷ Арутюнов Г. А. Указ. соч. С. 138—140; Рабочий класс России... С. 186—188; ЦГИА СССР. Ф. 1276. Оп. 9. Д. 146.

мушение широких народных масс. Весь 1912 г. отмечен неуклонным нарастанием революционного рабочего движения. По неполным данным, за этот период произошло 2963 стачки с общим числом участников около 1,5 млн. В. И. Ленин отмечал: «Во всяком случае, движение безусловно переросло 1906 и 1907 годы и немногим отстало от 1905 года»¹⁸.

Анализ законодательных источников свидетельствует, что, пытаясь сбить нараставшую революционную волну, царское правительство в августе 1912 г. объявило на положении усиленной охраны 13 промышленных губерний страны. В 38 губерниях европейской части России царские администраторы получили «особые полномочия»¹⁹, что означало право своей властью наказывать участников массовых революционных выступлений. Когда же гражданский карательный аппарат оказывался не в силах справиться с революционным движением или действовал недостаточно эффективно, царизм прибегал к использованию вооруженных сил.

К сожалению, статистика участия войск в подавлении революционных выступлений за период 1912—1914 гг. крайне неполна и отрывочна. Так, по неполным данным Военного министерства, в 1912 г. было 6052 вызова воинских частей, а всего, как видно из таблицы, в различных охранно-полицейских мероприятиях участвовало 1,9 млн военнослужащих. Данные эти явно занижены, так как в предыдущем, 1911 г. в караулах и нарядах гражданского ведомства было занято около 2,3 млн человек (см. таблицу). Аналогичные сведения за 1913 г. в документах военного ведомства есть лишь по отдельным округам, а за 1914 г. данных практически нет. Это объясняется главным образом несовершенством учета. Окружные штабы составляли сводки об откомандировании войск для нужд гражданских ведомств в произвольной форме, нерегулярно и с большими опозданиями. Начавшаяся летом 1914 г. первая мировая война и вовсе приостановила эту работу.

На основе изучения хранящихся в ЦГВИА СССР документов канцелярии Военного министерства, Главного штаба, Главного управления Генерального штаба, штабов военных округов можно сделать вывод, что размер караульно-полицейского наряда военно-сухопутных сил страны в 1912 г. был примерно на уровне 1908 г., т. е. не менее 2,6 млн человек. В 1913 г., ознаменовавшемся дальнейшим ростом революционного рабочего движения (свыше 1,7 млн бастующих)²⁰, этот наряд вряд ли сократился. Архивные документы свидетельствуют, что особенно крупные контингенты войск были брошены на борьбу с революционными выступлениями в январе — июле 1914 г. Например, в подавлении забастовки 50 тыс. бакинских рабочих (май—июль 1914 г.) участвовало восемь рот пехоты и десять сотен казаков Кавказского военного округа²¹. Чтобы справиться со вспыхнувшей в начале июля 1914 г. всеобщей политической стачкой в Петербурге, царские власти вынуждены были перебросить в город целую дивизию из состава войск Красносельского лагеря²².

Широкое использование царизмом армии в борьбе с революционным и национально-освободительным движением препятствовало совершенствованию боевой подготовки войск. Отмечая низкую боевую выучку воинских частей, военный министр Редигер на заседании Совета министров 1 марта 1908 г. заявил председателю Совета министров и министру внутренних дел П. А. Столыпину, что «армия не учится, а служит Вам»²³. Новый революционный подъем в стране свел на нет усилия военного командования сократить наряды войск «для содействия гражданским влас-

¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 21. С. 342.

¹⁹ СУ. 1912. Отдел 1. № 192. Ст. 1646—1647.

²⁰ Арутюнов Г. А. Указ. соч. С. 303; Рабочий класс России... С. 201.

²¹ Рабочий класс России... С. 203—205; ЦГИА СССР, Ф. 1276. Оп. 3. Д. 179. Л. 27—63.

²² Арутюнов Г. А. Указ. соч. С. 363—377; Рабочий класс России... С. 205—206; ЦГИА СССР, Ф. 1276. Оп. 9. Д. 136; Оп. 10. Д. 127, 128; ЦГВИА СССР, Ф. 2000. Оп. 2. Д. 965. Л. 127—132.

²³ Поливанов А. А. Из дневника и воспоминаний по должности военного министра и его помощника, 1907—1916. М., 1924. С. 42.

тям». Отчеты Военного министерства показывают, что если в 1908 г. из-за различных командировок и нарядов, в основном карательно-полицейского характера, не смогли пройти полный курс боевой подготовки 13,8% пехотных и 15,9% кавалерийских частей, то к 1914 г. эти цифры составили уже 37,4 и 48,7%²⁴.

Таким образом, обзор архивных, законодательных и мемуарных источников по теме показывает, что в рассматриваемый период царизм фактически возложил на армию важнейшие карательно-полицейские функции, сделав ее наряду с репрессивными органами гражданского ведомства своей главной опорой. Однако результаты подобной политики оказались прямо противоположными ее целям. Личный состав воинских частей и подразделений, сталкиваясь с настроениями революционных масс, постепенно стал выходить из-под контроля своих командиров. Немаловажную роль в этом процессе играло также недовольство солдат тяжелыми условиями службы, произволом офицеров и военных чиновников, плохой организацией интендантского довольствия и санитарного обеспечения. Данные факторы во многом способствовали переходу большинства армии на сторону народа в 1917 г.

---

²⁴ ЦГВИА СССР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 108. Л. 16 об.; Д. 110. Л. 17—18; Д. 113. Л. 18—19; Ф. 400. Оп. 3. Д. 4559. Л. 54.

Н. П. Ковальский, С. В. Абросимова

**ИЗ ИСТОРИИ ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОЙ
УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОМИССИИ
(1903—1916 гг.)**

Большую роль в развитии отечественной исторической науки, и в первую очередь в расширении ее источниковой базы путем разыскания, сохранения и публикации выявленных памятников письменности, сыграли губернские ученые архивные комиссии, возникшие в 39 городах России, начиная с 1884 г., по инициативе известного историка, юриста, археографа и архивиста академика Н. В. Калачова¹. Архивные комиссии способствовали развитию не только архивного дела, но и исторического краеведения, активизации интереса к изучению местной истории². Эвристическая и эдиционная работа местных архивных комиссий как бы дополняла работу немногочисленных археографических комиссий и внесла значительный вклад в развитие отечественной археографии.

Данное сообщение содержит краткий обзор деятельности Екатеринославской губернской ученой архивной комиссии^{2а}, возникшей в 1903 г. и просуществовавшей до 1916 г. Ее история до сих пор не изучалась. Некоторые материалы, освещающие эту историю, по данным М. М. Шубравской, находятся в ЦНБ УССР в Киеве³.

К источникам данного обзора относятся, во-первых, труды комиссии, издававшиеся в специальных «Летописях Екатеринославской ученой архивной комиссии», протоколы заседаний комиссии, эпистолярное наследие академика Д. И. Яворницкого, включающее обширную переписку ученого с активными членами комиссии: Д. И. Багалеем, Н. Ф. Сумцовым, М. В. Довнар-Запольским, Я. П. Новицким, А. С. Синявским, В. А. Бедновым, Н. В. Быковым, А. А. Скрыленко, А. Б. Видстедтом и др.⁴

Возникновение комиссии в Екатеринославе было подготовлено предшествующим развитием науки и культуры в крае. Развитие исторического краеведения на Екатеринославщине имеет довольно прочные и давние традиции и связано с именем известного местного деятеля коллекционера, мецената А. Н. Поля, создавшего в 1849 г. музей в Екатеринославе (ныне — Днепропетровский исторический музей им. академика Д. И. Яворницкого). А. Н. Польш собрал прекрасную историческую библиотеку и коллекцию ценных манускриптов, для ознакомления с которой в Екатеринослав приезжали выдающиеся археологи России и Западной Европы. О ценности этой коллекции свидетельствует факт ее каталогизации. В 1893 г. по рекомендации профессора В. Б. Антоновича из Киева была командирована действительный член известного общества Нестора летописца Е. К. Мельник, которая научно описала часть коллекции А. Н. Поля⁵. Первое же сообщение о достопримечательностях коллекции было

¹ О деятельности архивных комиссий России см.: *Шведова О. И.* Указатель «Трудов» губернских архивных комиссий и отдельных их изданий // АЕ за 1957 год. М., 1958. С. 377—433.

² См.: *Тронько П. Т.* Актуальні питання історичного краєзнавства // УІЖ. 1986. № 7. С. 80.

^{2а} Далее: Комиссия.

³ См.: *Шубравська М. М.* Д. І. Яворницький, Київ, 1972. С. 145.

⁴ Днепропетровский исторический музей. (Далее: ДИМ). ОР. Ф. 10. Арх. 955.

⁵ Каталог Екатеринославского областного музея им. А. Н. Поля. Екатеринослав, 1893. 279 с.

сделано еще в 1887 г. в «Екатеринославских губернских ведомостях»⁶. К сожалению, подавляющая часть коллекции А. Н. Поля погибла в период фашистской оккупации Днепропетровска в годы Великой Отечественной войны, и только отдельные ее фрагменты хранятся в настоящее время в Днепропетровском историческом музее.

Идея создания в Екатеринославе архивной комиссии возникла еще в 1895 г. в кружке местной интеллигенции, группировавшейся вокруг газеты «Екатеринославские губернские ведомости». В этот кружок входил и директор Екатеринославского коммерческого училища А. С. Сиявский, впоследствии постоянный заместитель председателя комиссии и бессменный редактор ее «Летошней». Следует отметить, что далеко не каждая аналогичная комиссия в других городах России издавала свои труды. Именно А. С. Сиявский подал прошение пачальнику губернии с просьбой об открытии в Екатеринославе архивной комиссии. В протоколах заседаний комиссии отмечается, что с инициативой организации комиссии выступали в свое время директор классической гимназии А. И. Анреевский и попечитель Одесского учебного округа Х. П. Сокальский⁷.

Комиссия возникла в период общественно-политического подъема в стране, который наблюдался в канун первой русской буржуазно-демократической революции. Начало XX в. в крае связано с активизацией научных и культурных сил. 6 мая 1901 г. в Екатеринославе создается научное общество, в котором работала историческая секция, включавшая местных деятелей — Н. В. Чехова, Н. В. Быкова, А. С. Сиявского и др.⁸ 16 марта 1903 г. состоялось первое заседание Комиссии, председателем которой был избран губернский предводитель дворянства М. И. Миклашевский, заместителем — А. С. Сиявский, секретарем — И. Ф. Вертоградов. Возникновению и успешной работе комиссии способствовала активная деятельность многих известных историков, этнографов, археологов, языковедов, писателей и литературоведов, которые в той или иной степени были связаны с Екатеринославом. Среди них были: М. К. Любавский, В. Н. Перетц, В. И. Пичета, В. Б. Антонович, Д. И. Багалец, А. И. Маркевич, Ю. А. Кулаковский, Н. Ф. Сумцов, Д. И. Яворницкий, А. Н. Ясипский и др.

Относительно узкое наименование комиссии — «архивная» — вовсе не определяло ее действительных задач и интересов. И хотя главной ее целью являлось сохранение для исторической науки драгоценных памятников древней письменности, комиссия наряду с большой археографической деятельностью по разысканию, приобретению, разбору архивных богатств края занималась охраной и других типов исторических источников — вещественных, изобразительных, а также публикацией наиболее интересных из них, тем самым создавая для исторической науки базу для опубликования источников. Необходимо отдать должное неутомимым собирателям и рачительным хранителям, благодаря подвижническому труду которых были сохранены уникальные коллекции памятников письменности и старой печати.

С первых же дней существования комиссия вызвала значительный интерес у широкой общественности края. В ее состав в разное время входило от 50 до 70 человек — действительных членов. Кроме того, в работе комиссии принимали активное участие многие краеведы на местах. Представительным был состав Комиссии и в географическом отношении. Помимо местных исследователей, ее членами являлись ученые Москвы, Киева, Харькова, Одессы и других городов. Комиссия установила прочные контакты с аналогичными комиссиями Полтавы, Херсона, Тулы, Воронежа, Витебска, Владимира, с Ростовским обществом истории, древностей и

⁶ Летописи Екатеринославской ученой архивной комиссии. (Далее: ЛЕУАК). Екатеринослав, 1904. Вып. 1. С. XXV.

⁷ Протокол № 1 заседания Екатеринославской ученой архивной комиссии. 16 марта 1903 г. // Там же. С. 169.

⁸ Сиявский А. Первое десятилетие существования Екатеринославской ученой архивной комиссии // Там же. 1915. Вып. 10. С. 3.

природы, Московским археологическим обществом и др. (переписка с ними хранится в Днепропетровском историческом музее). Особое место в деятельности комиссии занимает ее сотрудничество с Харьковским историко-филологическим обществом, которое было создано при Харьковском университете (1877—1919), имело большой исторический архив (30 000 старых дел) и ценную библиотеку⁹. Деятельность общества связана с именами профессоров Харьковского университета Д. И. Багалея (1857—1932) и Н. Ф. Сумцова (1854—1922), являвшихся наиболее активными членами комиссии, приложивших немало усилий по сбору и публикации письменных источников по истории Левобережной Украины. Наиболее значительным трудом была публикация Д. И. Багалея, подготовленная по документам МАМУЮ¹⁰.

Кроме археографической работы, комиссия стремилась пропагандировать исторические знания в широких кругах местного населения. Устраивались открытые заседания, публичные лекции известных ученых, выступления в местной печати и т. д. Неоднократно с чтением лекций выступал активный член комиссии Д. И. Яворницкий. В 1903—1904 гг. в Екатеринославе читал лекции профессор Киевского университета М. В. Довнар-Запольский, также член комиссии. Правда, далеко не всегда просветительная деятельность комиссии проходила успешно. Значительные и постоянные трудности испытывала она в финансовом отношении, а также из-за отсутствия собственного помещения, которое ей было необходимо, так как быстро росли ее архив и библиотека. Вначале комиссия арендовала помещение в Екатеринославском коммерческом училище, а затем разместилась в местном историко-археологическом музее им. А. Н. Поля, директором которого на протяжении более 30 лет, начиная с 1902 г., был академик Д. И. Яворницкий (1855—1940). В фондах музея сохранились многие уникальные документы по истории Украины и России XVII—XIX вв., собранные комиссией¹¹. Анализ владельческих, вкладных записей и экслибрисов на книгах музейной коллекции позволил сделать вывод о том, что основную массу старопечатных книг гражданского шрифта и книг XIX в., которыми в настоящее время располагает музей, составляют фрагменты библиотек членов комиссии: Д. И. Яворницкого, Я. П. Новицкого, В. А. Беднова, А. С. Сивявского и др. Немаловажной задачей для себя комиссия считала создание библиотеки по истории, археологии, этнографии и исторической географии края.

В протоколах комиссии находим прямое указание на передачу в музей архивов Новомосковского и Верхнеднепровского полицейских управлений, нижнего земского суда и др. Протоколы комиссии позволяют выяснить историю поступления отдельных памятников в музейную коллекцию. Интересно сообщение о получении Д. И. Яворницким из Иерусалимского музея образа св. Троицы. От дарительницы Е. А. Грековой поступили серебряные медали конца XIX в., А. П. Плещеева пожертвовала в музей часы XVIII в., оружие, керамику. В 1910 г. музей приобрел золотую скифскую монету, золотую диадему, сережки, арабские сундуки, отделанные костью и перламутром¹². К сожалению, не все из перечисленных

⁹ Степанский А. Д. К истории научно-исторических обществ в дореволюционной России // АЕ за 1974 год. М., 1975. С. 41; Сарбей В. Г. Харківське історико-філологічне товариство та його вклад в історіографію України // УІЖ. 1977. № 12. С. 99—103.

¹⁰ Багалеї Д. И. Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства. Харьков, 1886.

¹¹ Журба О. И., Абросимова С. В. Документы по социально-экономической истории России XVII века в фондах Днепропетровского исторического музея // Историографические и источниковедческие проблемы отечественной истории: Межвузовский сборник научных трудов. Днепропетровск, 1983. С. 59—64; Мыцько Ю. А. Анализ источников по истории освободительной войны украинского народа 1648—1654 годов. Днепропетровск, 1983. С. 53; Он же. Документи Дніпропетровського Історичного музею як джерело до вивчення історії Росії та України XVII—XVIII ст. // Архіви України. 1985. № 5. С. 58—61.

¹² Журнал заседания Совета Екатеринославского областного музея им. А. Н. Поля. 28.11.1910 г. // ЛЕУАК. 1911. Вып. 7. С. 264, 265.

предметов сохранились, по эти сведения важны для реконструкции состава музейной коллекции.

Особый интерес у членов комиссии вызывали письменные источники, хранившиеся в музее. На одном из заседаний комиссии выступила А. А. Скрыленко с сообщением о некоторых рукописях музея, среди которых указала поты сына гетмана Брюховецкого, учительное евангелие конца XVI в. и прмологиоп 1785 г., дневник наказного атамана Кубанского войска Гладкого¹³.

Центральное место в деятельности комиссии отводилось выявлению и обследованию архивов, разбору и приведению в порядок архивных дел, составлению описей и изданию документов. Обследованием и разбором архивов занимались многие члены комиссии: В. И. Пичета, В. А. Беднов, А. А. Богумил, Д. И. Дорошенко, В. Д. Машуков, Я. П. Новицкий и др. Самыми «богатыми» в крае были архивы Екатеринославского губернского правления и Екатеринославской духовной консистории¹⁴. Последний архив, правда со значительными утратами, в настоящее время хранится в Днепропетровском областном госархиве (ф. 106)¹⁵. Помимо указанных архивов, в поле зрения членов комиссии находились архивы Новороссийской и Азовской губернских канцелярий, Екатеринославского наместничества. Большой заслугой комиссии является спасение ценного архива и библиотеки старинного казачьего монастыря в крае — Самарского Пустынно-Николаевского (Новомосковский уезд). В ЛЕУАК постоянно печатались отчеты и обзоры обследованных архивов.

О разнообразной деятельности комиссии наиболее полно свидетельствуют издания ее трудов. За 12 лет (1904—1915) было издано 10 выпусков ЛЕУАК. На тематику публикаций оказали естественное влияние научные интересы входивших в комиссию ученых. Активными публикаторами и исследователями выступали Я. П. Новицкий, В. И. Пичета, В. Д. Машуков и др.

Особым вниманием и популярностью в комиссии пользовались исследования по истории казачества. Этот вопрос находился в центре внимания Д. И. Яворницкого, Я. П. Новицкого, В. А. Беднова и др. Д. И. Яворницкому принадлежит статья о гетмане Петре Копашевиче-Сагайдачном, В. А. Беднову — о П. Калнышевском, Л. Глобе и др.¹⁶ Особенно интересные документальные публикации по истории казачества осуществил Я. П. Новицкий, неутомимый собиратель документов и народных преданий, внесший заметный вклад в развитие истории, этнографии и фольклористики края. Местный уроженец с. Аулы Екатеринославского уезда Новицкий (1847—1925) после службы в Черниговской губернии переезжает в Александровск (Запорожье), где занимается изучением истории края.

Благодаря инициативе и упорству Новицкого были выявлены и опубликованы многие документы из архива коша Запорожской Сечи, оригиналы которых в настоящее время утрачены. Эти документы Новицкому удалось получить от историка А. А. Скальковского, автора «Истории Новой Сечи, или последнего Коша Запорожского» (Одесса, 1846. Ч. 1—3). В свое время, еще в 1835 г., по распоряжению новороссийского и бессарабского генерал-губернатора М. С. Воронцова екатеринославские архивы были открыты для Скальковского. Последний обследовал архивы

¹³ Протокол № 10 заседания комиссии. 1.04.1907 г. // Там же. 1909. Вып. 5. С. 16.

¹⁴ *Дорошенко Д.* Об архивах Екатеринославской губернии // Там же. 1913. Вып. 9. С. 162.

¹⁵ *Мыцык Ю. А.* Использование архивных документов XVII—XVIII веков при написании курсовых и дипломных работ краеведческого характера на заочном факультете // Вопросы совершенствования вечернего и заочного обучения: (На материалах Днепропетровского университета): Сб. научных трудов. Днепропетровск, 1977. С. 103.

¹⁶ *Яворницкий Д. И.* Гетман Петр Копашевич Сагайдачный // ЛЕУАК. Вып. 9. С. 1—58; *Беднов В.* Последний кошевой Запорожья Петр Иванович Калнышевский // Там же. Вып. 1. С. 18—32; *Он же.* К биографии Лазаря Глобы // Там же. 1912. Вып. 8. С. 317—320; *Он же.* К истории бывших запорожских старшин и козаков // Там же. Вып. 10. С. 217—263.

канцелярий Новороссийской и Азовской губерний, Екатеринославского наместничества, а также архивы генерал-губернаторов Воейкова, Потемкина, Зубова. Все, что Скальковский посчитал для себя интересным, он забрал из этих архивов в Одессу и на место не возвратил. Новицкому удалось получить у Скальковского более 60 документов и снять с них копии. Сам же Новицкий щедро передавал в комиссию найденные им документы. Свыше 80 памятников письменности XVII—XVIII вв. поступило от него в архив комиссии¹⁷. Помимо исследований по истории казачества, Новицкий плодотворно занимался сбором фольклорного и этнографического материала¹⁸. Ему принадлежат публикации в ЛЕУАК преданий и рассказов, малороссийских народных заговоров, заклинаний, песен, молитв, рецептов, собранных в крае, очерки о творчестве Т. Г. Шевченко и И. И. Манжуры. В ЛЕУАК представлены этнографические изыскания Д. И. Яворницкого, В. А. Беднова, В. В. Данилова. Одной из своих задач комиссия считала разработку истории местных дворянских родов по фамильным архивам. Значительное место в публикациях отведено документам и исследованиям о представителях местной аристократии: Мизко, Миклашевских, Малама и др. Научные интересы одного из активных членов комиссии — В. А. Беднова, занимавшегося историей церкви, способствовали публикации значительного материала по этой проблеме¹⁹. К данным публикациям тематически примыкают публикации В. Д. Мапукова²⁰.

В деятельности комиссии нашли отражение и проблемы истории культуры, которыми занимался будущий академик В. И. Пичета (1878—1947), начавший свою научную деятельность в Екатеринославе. В 1903 г. он приехал в Екатеринослав, преподавал в местном коммерческом училище и активно сотрудничал в комиссии, в частности им был обследован архив екатеринославского нижнего земского суда²¹. Пичета занимался здесь также изучением творчества выдающегося мыслителя XVII в. Юрия Крижанича²².

Заслуживают внимания также публикации Бедновым документов по истории колонизации края, сообщение В. Д. Мапукова о первых дворянских выборах в Екатеринославе в 1791 г.²³ Интерес представляют материалы справочного характера об устройстве и управлении края — такие, как списки екатеринославских губернских предводителей дворянства, губернаторов, председателей губернской земской управы и т. д.²⁴

Немаловажную роль сыграла комиссия в развитии археологической науки, в частности в подготовке и проведении XIII археологического съезда (1905 г.)²⁵. Этому вопросу были посвящены заседания комиссии, на страницах ЛЕУАК опубликованы «Программы» к съезду. Многие члены комиссии выступали на съезде с сообщениями об археологических находках под Екатеринославом, поднимали вопросы организационного и научного порядка в археологических исследованиях²⁶. В дни работы съезда экспонировалась выставка, на которой были представлены памятники письменности и старой печати из местных архивов и библиотек, а также из архивных коллекций других городов²⁷.

¹⁷ Там же. Вып. 1. С. 107, 108; Вып. 5. С. 11.

¹⁸ Об этой деятельности Я. П. Новицкого свидетельствуют его письма к Д. И. Яворницкому (40 ед.). См.: ДИМ. ОР. Ф. 10. КП-76725/Арх-15617 — КП-76765/Арх-15657.

¹⁹ ЛЕУАК. Вып. 5. С. 99—156 и др.

²⁰ Там же. Вып. 7. С. 252—257; Вып. 8. С. 32—64 и др.

²¹ Там же. Вып. 1. С. 54—61.

²² Пичета В. И. Записки Юрия Крижанича о Малороссии // Там же. Вып. 1. С. 1—17; Он же. Политико-экономические взгляды Юрия Крижанича в связи с состоянием Московского государства во второй половине XVII века // Там же. 1905. Вып. 2. С. 47—68.

²³ Там же. Вып. 10. С. 351—355; 97—112.

²⁴ К истории Екатеринославской губернии // Там же. С. 324—350.

²⁵ Бржостовская Н. В. Вопросы архивного дела на археологических съездах в России (1869—1911 гг.) // АЕ за 1971 год. М., 1972. С. 94, 95.

²⁶ ЛЕУАК. Вып. 7. С. 125—133.

²⁷ Каталог выставки XIII археологического съезда. Екатеринослав, 1905. С. 41. № 1.

Одной из постоянных рубрик в ЛЕУАК была «Критика и библиография», включавшая реферирование книг по истории края, рецензии на исторические монографии и публикации документов. Комиссия ставила перед собой задачу составить библиографический указатель сочинений по краеведению, которая, однако, не была осуществлена.

Подводя итоги краткому обзору деятельности комиссии, необходимо отметить ее вклад в дело разыскания, разбора, изучения и издания документов по многим проблемам отечественной истории, и в первую очередь конечно же по истории края. Деятельность комиссии способствовала пробуждению значительного интереса у широкой общественности к исторической науке, краеведению. Благодаря подвижнической деятельности большинства членов комиссии ее архив и библиотека содержали уникальные памятники письменности, которые вызывали закономерный интерес у исследователей. Это подтверждает в частности, экскурсия семинария русской филологии при Киевском университете под руководством В. Н. Перетца. Экскурсия была предпринята в Полтаву и Екатеринослав 1–9 июня 1910 г. В занятиях семинария приняли самое активное участие члены комиссии А. С. Синявский и Д. И. Яворницкий. Многие рукописи и книги из архива и библиотеки комиссии, хранившиеся в музее им. А. Н. Поля, заинтересовали В. Н. Перетца и его учеников, в частности известную впоследствии исследовательницу древнерусской литературы В. П. Адрианову-Перетц²⁸.

Как уже отмечалось, большинство архивных богатств, спасенных и приобретенных комиссией, вошли в собрание музея им. А. Н. Поля (ныне Днепропетровский исторический музей им. академика Д. И. Яворницкого), составив самую ценную часть его рукописной коллекции.

Естественно, что далеко не все, намечавшееся комиссией, было превращено в жизнь, но то, что было сделано, заслуживает внимания и дальнейшего глубокого исследования.

---

²⁸ См.: *Перетц В. Н.* Отчет об экскурсии семинария русской филологии в Полтаву и Екатеринослав. Киев, 1910. 100 с.; Семинарий русской филологии под руководством проф. В. Н. Перетца. Киев, 1912. 63 с.; *Розов Н. Н.* О возрождении традиций академика В. Н. Перетца в археографических экспедициях // АЕ за 1971 год. М., 1972. С. 195, 196.

К ИСТОРИИ ПОИСКОВ ПАРТИЙНЫХ И СОВЕТСКИХ АРХИВОВ 1917—1918 гг. НА УРАЛЕ

Пополнение документальной базы исторических исследований — важная задача советских историков и архивистов. Особенно важны поиски источников периода Октябрьской революции и первых лет Советской власти. В то время еще не было налаженной сети архивов, а условия гражданской войны отнюдь не способствовали сохранности документов.

С образованием Центрархива и затем Истпарта была внесена известная планомерность в сбор исторических источников. Однако уже тогда было ясно, что многие партийные и советские архивы или утеряны или разрознены¹.

Несмотря на большое количество найденных в нашей стране и за ее пределами документов В. И. Ленина, судьбы целого ряда из них пока неизвестны. За 1917 — начало 1918 г., например, это рукописи некоторых его статей и выступлений, переписка с ЦК РСДРП(б) и руководящими работниками партии в июле—октябре 1917 г., которые принято именовать ленинским архивом из Смольного². Не найдены следы архива Я. М. Свердлова, вместе с предыдущим архивом отправленного в марте 1918 г. на Урал.

Из общепартийных материалов в числе утраченных указывают архив ЦК РСДРП(б) за 1917 г., черновые записи заседаний VI съезда РСДРП(б) и первоначальные проекты ряда резолюций съезда. Не сохранился протокол заседания большевистской фракции II Всероссийского съезда Советов 24 октября 1917 г. и ряд других материалов.

Об этих источниках неоднократно сообщали современники, писали историки, последнее время особенно Р. Т. Пересветов, Ю. Н. Амиантов,

* Вадим Сергеевич Голубцов родился 13 января 1924 г. в Москве. Отец его — историк Сергей Александрович Голубцов, издатель четырехтомника материалов Пугачевского движения. Мать — историк литературы Людмила Васильевна Крестова-Голубцова. После окончания средней школы он был призван в ряды Советской Армии, где находился по 1946 г. В том же году поступил на исторический факультет МГУ, который окончил с отличием в 1951 г.

В течение всей жизни В. С. Голубцов работал на историческом факультете в должности сначала младшего, а затем старшего научного сотрудника на кафедре источниковедения истории советского общества. Заочно окончив аспирантуру, защитил кандидатскую диссертацию на тему «Черная металлургия Урала в первые годы Советской власти (1917—1923)», которая легла в основу опубликованной им под тем же названием монографии (М., 1975). В. С. Голубцов глубоко интересовался проблемами экономической истории Советского государства, многократно ездил в командировки на Урал, где изучал архивные материалы, встречался с работниками предприятий черной металлургии, знакомился с их трудами.

Другим направлением научных интересов В. С. Голубцова было изучение мемуарной литературы, воспоминаний политических и партийных деятелей. Итог — монография «Мемуары как источник по истории советского общества» (М., 1970), в которой автор показал, как велика роль свидетельств современника для адекватного понимания исторических процессов в обществе.

В последние дни перед скоропостижной кончиной 27 мая 1988 г. В. С. Голубцов обсудил завершённую им монографию «Протоколы VI съезда РСДРП(б) как исторический источник», которая была положительно оценена специалистами и научной общественностью.

¹ См.: *Остроужова К.* Литература об Октябрьской революции // ПР. 1924. № 10 (33). С. 200.

² См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 449—451; Т. 35. С. 433—436; Фонд документов В. И. Ленина. М., 1970. С. 142; То же. 2-е изд., доп. М., 1984. С. 172.

С. И. Кузьмин³. Они исследовали историю и методику поисков ленинских работ, потеря которых обычно объяснялась условиями гражданской войны. В данной статье мы попробуем поставить вопрос и осмыслить ряд новых материалов о судьбе уральских архивов (за время с Февральской революции до лета 1918 г.). Как правило, историки считают, что эти комплексы источников пропали во время колчаковщины. Изучение истпартовских материалов 20-х годов позволяет сомневаться в окончательности этого заключения⁴.

В партийном архиве Свердловской области (ПАСО) и отчасти в Государственном архиве Свердловской области (ГАСО) сохранился ряд материалов, позволяющих более или менее подробно осветить данный вопрос. Некоторые документы имеются также в партийном архиве Пермской области (ППА) и Государственном архиве Пермской области (ГАПО). Попытаемся проследить судьбу больших комплексов уральских партийных и советских документов 1917–1918 гг. в период гражданской войны и по возможности в последующее время. Такая постановка проблемы исследования позволит определить отношение к традиционным взглядам на судьбу этих архивов, зачастую построенным на отдельных свидетельствах и не охватывающим всех имеющихся сведений. Были выявлены определенные пробелы в источниках, часть которых удалось заполнить, прибегая к помощи старых коммунистов и других участников и современников событий.

Материалы уральских партийных и советских архивов до июля 1918 г. сохранились спорадически. Наиболее компактно они представлены в ПАСО, в фонде-коллекции Свердловского Истпарта (ф. 41) и частично в фонде Уральского областного комитета РКП(б) (ф. 4, оп. 1). Здесь имеются подлинники и копии документов, главным образом местных уральских партийных организаций. В ф. 4 сохранилась часть материалов (протоколы и др.) за август 1918 – февраль 1919 г., т. е. за период пребывания обкома РКП(б) в Перми и Вятке, а также незначительное количество документации местных партийных организаций.

В ГАСО, за исключением остатков материалов областного Совета (ф. 92-рв), источники этого периода по изучаемому вопросу отсутствуют. Аналогичное положение, пожалуй даже и в еще более сильной степени, наблюдается и в пермских архивах. Обратимся теперь к истории этих комплексов документов.

В 1917 г. большая часть Западного и Среднего Урала входила в состав Пермской губернии. Уже в апреле 1917 г. был избран Уральский областной комитет РСДРП. К лету 1917 г. относится и образование Уральского областного Совета рабочих и солдатских депутатов. Местопребыванием областных партийных и советских органов власти к концу 1917 г. стал Екатеринбург. В конце 1917 – начале 1918 г. сложилась структура местных партийных и советских организаций Урала.

Мятеж чехословацкого корпуса означал развертывание активных военных действий на территории Урала. К началу июня 1918 г. угроза нависла и над Екатеринбургом. Началась эвакуация материальных и других ценностей⁵.

Примерно 10 июня 1918 г. из Екатеринбурга были отправлены два

³ *Пересветов Р. Т.* Поиски бесценного наследия (о судьбе некоторых рукописей В. И. Ленина). 2-е изд. М., 1968; Фонд документов В. И. Ленина. 2-е изд., доп. М., 1984; *Кузьмин С. И.* Бесценное ленинское наследие: Поиски и находки. М., 1976; и др.

⁴ В этом нас укрепили беседы с уральскими работниками и др. Приношу благодарность А. Г. Кравченко, И. Д. Лызову, Н. Н. Лукьяновой, В. Д. Меркурьеву, Д. Э. Милановой, А. Н. Никифоровой, Д. Я. Одинцову, К. Г. Ольховской, А. И. Парамонову, П. В. Питерской, И. И. Радзинскому, В. Б. Симановскому, Е. И. Сивгой, В. Ф. Сивкову, А. П. Таняеву, Г. Г. Толмачеву, К. П. Шмитман, Г. Н. Штальберг, С. И. Шульге, их родственникам: А. А. Белобородовой, Р. Я. Граудин, А. Я. Ивановой, Л. В. Матвеевой, Н. Ф. Николаевой, Р. Н. Свердловой, И. Я. Тимашевой, К. К. Щипанову и др.

⁵ Значительный материал по этому вопросу был найден в ПАСО (Ф. 41).

состава. В одном находились банковские ценности⁶, в другом — большевистский и эсеровский архивы. Оба поезда первоначально предполагалось отправить по горнозаводской линии, но в последний момент поезд с материальными ценностями пустили по кунгурской линии, и он благополучно прибыл в Пермь. Другой же состав (с архивами) направили по горнозаводской линии. С ним эвакуировались и некоторые семьи, в частности семья старого уральского коммуниста, члена коллегии Уральской областной ЧК Я. М. Юровского. В это время в Невьянске восстала команда автомобилистов, которые, прослышав об отправке из Екатеринбурга ценностей, задержали поезд с архивами, предполагая, что это и есть состав с ценностями. Вагон с архивами и людьми был отцеплен мятежниками и уведен на заводской двор в Невьянске, где и простоял около недели, до освобождения города отрядами Красной гвардии⁷. В дальнейшем эти материалы были доставлены в Пермь. Есть и другие сведения о вывозе партийных архивов из Екатеринбурга летом 1918 г. Как свидетельствует В. Б. Симановский, он вместе с товарищами в июне 1918 г.⁸ отвез в Пермь «несколько мест завернутых в газетную бумагу архивного материала». Они были сданы в Перми в горком (вернее всего, в губком) РКП(б), размещавшийся на бывшей Сибирской улице⁹. Участие Симановского в эвакуации партийных архивов подтвердила его сестра, член КПСС с 1906 г. Е. Б. Вайнер¹⁰.

Следующий учтенный нами случай эвакуации партийных архивов из Екатеринбурга относится к середине июля 1918 г. Вечером 18 июля из состава партийной дружины были вызваны два члена партии — Шура Баранова и К. П. Шмитман. Их привели к поезду, стоявшему на железнодорожных путях далеко от перрона, и сообщили, что они будут сопровождать определенный груз. «Это было несколько тюков, перевязанных веревками. Единственно, что сказали, — сообщает член КПСС с февраля 1917 г. Шмитман, — что мы повезем партийный архив, но, какие именно документы, мы не знали. Партийный архив был уже доставлен в поезд до нашего прихода в запакованном виде. В нашем составе было всего два вагона: один — товарный, другой — пассажирский. Кроме нас, в этом же поезде ехали Ф. Ф. Сыромолотов, Зырянов, жена Чуцкаева и еще кто-то... Охрана состояла из 10–12 человек красногвардейцев. Весь состав направлялся в Москву». Ехали по горнозаводской ветке и благополучно прибыли в Пермь. «Из Перми, — продолжает рассказ Шмитман, — Сыромолотов направил нас в Вятку». И он с Шурой Барановой повезли партийный архив дальше «на обычном пассажирском поезде». По приезде в Вятку они сдали груз секретарю Вятского губкома РКП(б) А. Симашко («никакой расписки в получении партийного архива в Вятке мы не получали») и вместе вернулись в Пермь¹¹.

Из Екатеринбурга в июне–июле 1918 г. неоднократно вывозились партийные архивы. Пунктом конечной эвакуации являлась Пермь и в одном случае Вятка. Во всех случаях архивы передавались на хранение в местные партийные органы.

Немаловажным представляется и следующее обстоятельство. Известно, что архив Уральского областного комитета РКП(б) хранился в секретной части (комнате) здания обкома (теперь это здание Театра юного зрителя в Свердловске по ул. Либкнехта, д. 38). Заведующей этой «комнатой» была Е. Б. Вайнер, жена известного уральского революционера Л. И. Вай-

⁶ Эти события воспроизведены в документальной повести В. П. Матвеева «Золотой поезд» (М.; Л., 1967).

⁷ ПАСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 256. Л. 29–31. Частично этот материал использован Я. Д. Резником в книге о Я. М. Юровском. См.: *Резник Я. Чекист*. Свердловск, 1968. С. 120, 124–125.

⁸ Точную дату Симановский не помнит.

⁹ Из письма В. Б. Симановского от 14 августа 1967 г. автору (архив автора).

¹⁰ ПАСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 254. Л. 34–35.

¹¹ Воспоминания Шмитман К. П. о 1918 годе (записаны 7 апреля 1967 г. и хранятся в архиве автора). Впервые на разговор с ней меня натолкнул член КПСС с апреля 1917 г. Г. Г. Толмачев.

пера. 18 июля 1918 г. она в качестве медсестры первой коммунистической боевой дружины Уральского обкома РКП(б) выступила на фронт¹². Поэтому логично предположить, что к 18 июля 1918 г. она закончила свою работу и хранящиеся в секретной комнате архивы были уже вывезены. Планомерную эвакуацию своих партийных архивов осуществляли также местные партийные организации. Однако возможно, что не все архивы были вывезены полностью, часть уничтожалась на месте. Прямые сведения об эвакуации архива Уральского областного Совета р. с. и к. д. летом 1918 г. из Екатеринбурга отсутствуют. Ясно только, что и эти материалы были доставлены в Пермь, о чем будет сказано ниже.

С конца июля — начала августа 1918 г. уральские областные учреждения стали сосредоточиваться в Перми. В связи с ходом военных действий в первой половине декабря 1918 г. было принято решение и начала подготовка города к эвакуации. 10 декабря 1918 г. Уральский обком РКП(б) послал 10 человек для выявления настроений железнодорожных служащих и обследования прилегающих к железной дороге местностей на участке Пермь — Вятка. Аналогичные меры по направлению Вятка — Пермь предлагалось выполнить секретарю Вятского губкома РКП(б) И. А. Акулову¹³. За полторы недели до взятия Перми белыми, по свидетельству одного из активных участников событий, Чернышева, был получен секретный приказ — готовиться к эвакуации¹⁴. Уже 17 декабря 1918 г. шесть вагонов были нагружены имуществом Уральского обкома РКП(б)¹⁵. Наконец, 23 декабря 1918 г., т. е. почти за двое суток до сдачи Перми, Уральский обком РКП(б) и Пермский губисполком с имуществом выехали из Перми¹⁶. Эти сведения (их можно привести и значительно больше) говорят о том, что эвакуация Перми подготавливалась заранее и осуществлялась довольно планомерно. Все же значительные материальные ценности, не вывезенные вовремя, достались белогвардейцам¹⁷.

25 декабря 1918 г. белогвардейцы взяли Пермь и стали двигаться на запад. Уральские партийные и советские областные органы в это время находились в Вятке. В конце 1918 г. было решено ликвидировать областные объединения, в том числе Уральской области. Уралобком РКП(б) 3 февраля 1919 г. по телеграфному распоряжению ЦК РКП(б) принял решение о создании ликвидационной комиссии. Решение обязывало «собрать материал и подготовить документы о деятельности Областного комитета к партийному съезду и привести в порядок отчетность»¹⁸. К концу февраля 1919 г. комиссия (А. Е. Белобородов, В. А. Воробьев, Н. И. Уфимцев) закончила порученную ей работу и сообщила в ЦК РКП(б), что «дела Областного комитета, его библиотека и часть его архива, эвакуированная из Перми, равно как и архивы, сданные ему организациями РКП, эвакуированными с Урала, переданы на хранение Вятскому губернскому комитету РКП и редакции газеты „Деревенский коммунист“». В письме сообщалось, что составление подробного отчета о деятельности обкома не имело смысла, так как «наиболее ценные материалы и архив Областного комитета оставлены на хранение в Перми»¹⁹.

Более поздние сведения о судьбе уральских партийных архивов дала Е. Б. Вайнер. В автобиографии она писала, что в декабре 1918 г. она с группой партработников и частью партийного архива эвакуировалась из Перми в Вятку²⁰. Выступая в 1936 г. на встрече участников событий 1917 г. на Урале, Вайнер подтвердила, что ехала из Перми в вагоне,

¹² Автобиография Е. Б. Вайнер (архив автора).

¹³ ПАСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 552. Л. 151 об.

¹⁴ ГАПО. Ф. 732. Оп. 1. Д. 10. Л. 108, 165.

¹⁵ ПАСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 552. Л. 166 об.

¹⁶ ГАПО. Ф. 732. Оп. 1. Д. 10. Л. 108, 165 об.— 166.

¹⁷ Спирин Л. М. Разгром армии Колчака. М., 1957. С. 65, 67.

¹⁸ ПАСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 233. Л. 76, 77.

¹⁹ Там же. Л. 86, 87.

²⁰ Автобиография Е. Б. Вайнер (архив автора).

в котором перевозилась и часть партийного архива. Елена Борисовна подчеркнула, что часть партийного архива была оставлена в подполье в Перми у Лукояновых²¹.

Лукояновы — известная в Перми фамилия, давшая крупных революционеров и работников: Федор Николаевич являлся в 1918 г. председателем Уральской областной ЧК, Михаил Николаевич — пермским губернским военкомом. Членами партии были и их сестры Вера и Надежда²². С помощью члена КПСС с 1907 г. А. Г. Кравченко удалось узнать, что в Москве живет Надежда Николаевна Лукоянова. Однако выяснить у нее судьбу партийного архива, оставленного в Перми, не удалось. Она сказала, что в хранении архива участия не принимала²³.

Из материалов Свердловского Истпарта следует, что с пермским подпольем были связаны Будрина и Карноухова. В частности, к ним была дана явка отправлявшемуся в колчаковский тыл С. Ф. Баранову²⁴. Кроме того, известно, что в доме Будриных была спрятана библиотека Ф. Н. Лукоянова, не найденная белогвардейцами и, следовательно, сохранившаяся²⁵.

Итак, часть партийных архивов Урала 1917 г. — первой половины 1918 г. была оставлена в Перми в подполье (точное место хранения пока не установлено), а другая вывезена в Вятку и сдана в партийные органы. Сохранился «Список архивов, полученных на хранение от коммунистических организаций Уральской области»²⁶. К сожалению, это не опись материалов, а перечень организаций, сдавших свои архивы. В перечне упоминаются архивы Уральского областного комитета РКП(б) (№ 44), Пермского губернского комитета РКП(б) (№ 9), ряда крупных местных парторганизаций Урала (Кизеловской — № 4, 6, 41; Нижне-Тагильской — № 8, 10, 31; Кунгурской — № 15; Лысьвенской — № 16; Усольской — № 1, 25; Верхотурской — № 26; Кушвинской — № 33; Невьянской — № 34; Верхне-Туринской — № 40; Верхне-Исетской — № 3; и др. Всего в списке 45 организаций, среди которых есть, судя по названиям, и непартийные организации (Харьковский клуб «Знание» — № 18, 27; Пермский общественный комитет — № 45). В этом перечне, приложенном к акту ликвидационной комиссии Уралобкома РКП(б), не указан хронологический охват сданных в Вятку материалов.

Несколько иной порядок носила эвакуация из Перми архивов советских органов. С 11 декабря 1918 г. в течение трех дней все имущество и дела эвакуированных Советов Урала, Областного и Пермского губернского отделов управления были погружены. Эвакуация архивов проводилась «вполне благополучно и полностью». Кроме того, «удалось вывезти также и ценные с исторической и революционной точек зрения дела губернского комиссара Временного правительства и губернаторские (царского правительства)»²⁷. В декабре 1918 г. была образована Областная ликвидационная комиссия с задачей приемки и сохранения имущества всех эвакуированных Советов. Председателем комиссии был член КПСС с 1914 г. П. И. Студитов-Парфенов, его заместителем — уральский рабочий, член КПСС с 1917 г. И. Д. Лызов, секретарем — член КПСС с 1917 г. А. И. Иванов (Кобелев), двоюродный брат Лызова. В комиссии работали И. П. Береспев и другие товарищи²⁸.

²¹ ПАСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 254. Л. 34—35. В стенограмме, очевидно, опечатка: сначала «Лугановы», потом — «Лукьяновы».

²² См.: Революционеры Прикамья. Пермь, 1966. С. 348—350, 351—355.

²³ Запись беседы с Н. Н. Лукояновой 21 апреля 1967 г. (архив автора).

²⁴ ПАСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 504. Л. 50, 53. Очевидно, здесь опечатка. Следует читать: «Будрину». Будрины и Карноуховы были в родственных отношениях с семьей Лукояновых.

²⁵ Запись беседы с Н. Н. Лукояновой (архив автора).

²⁶ ПАСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 233. Л. 159—160.

²⁷ Там же. Д. 1023. Л. 29.

²⁸ См.: Студитов-Парфенов П. И. От стачек к Октябрю. М., 1935. С. 130—131; Лызов Иван. Крепче металла. Пермь, 1970. С. 69; Запись беседы с И. Д. Лызовым 29 июня 1969 г. (архив автора).

Комиссия располагалась в г. Галиче и принимала на свои склады различные материальные ценности, вывезенные при отступлении с Урала. Здесь же сохранялись архивы органов Советской власти и учреждений, а также деловых советов округов и заводов. «Когда началось наше отступление,— сообщает Лызов,— и Красная Армия освободила г. Пермь, все эти архивы были привезены туда в вагоне. Все архивные материалы были упакованы в ящиках. Я точно знаю, что все эти архивы были в полной сохранности возвращены на Урал»²⁹. Подобные же сведения имеются и в воспоминаниях другого уральского работника тех лет, члена партии с 1905 г. П. П. Ермакова. Он сообщал, что при эвакуации из Бисера в 1918 г. все вывезено в организованном порядке: «были отправлены даже архивы Совета, парторганизации, профсоюза. И в 1919 г. возвращены полностью из гор. Галича, куда они были вывезены»³⁰.

Ряд материалов свидетельствует, что часть советских архивов Урала уже в 1919 г. попала в Москву. Как сообщала член КПСС с 1917 г. Д. Э. Миланова, «материалы Комиссариата Управления (уральского.— В. Г.) доставили в Москву на Лубянку, и одна девушка, звали ее Катя, сидела там несколько дней и разбирала эти документы. Катя ехала с нами из Вятки»³¹.

Еще более важные сведения сообщил П. П. Ермаков, в начале 1919 г. заведующий Уральским секретариатом при ВСНХ в Москве. Он вспоминал, что «в апреле [19]19 г. Белобородов и Новоселов привезли архив в бауле пудов на 10. Передали мне на хранение. Я его поставил в комнату, а потом нужно было куда-то девать. Велели передать во ВЦИК. Обратился к Енукидзе, он говорит: сдай архив Уралсовета Владимирскому»³². Ермаков далее рассказал, что к нему пришли товарищи из НКВД, которым и был передан этот архив³³. Часть собственных дел Уральского секретариата перешла в Отдел металла ВСНХ³⁴.

Разумеется, были случаи и утери документации. Член КПСС с 1908 г. В. Ф. Сивков в конце 1918 г. состоял в особом отряде Уральского областного совета. Во время одного из рейдов они встретили обоз отступающих чусовских организаций. Часть повозок направили в распоряжение воинских частей, а ящики с архивными документами выбросили³⁵. Конечно, такие случаи единичны. Наиболее важные материалы советских органов власти также были вывезены с Урала и не достались колчаковцам. Эти документы не были утрачены и в дальнейшем ходе гражданской войны.

Проследим данные об исследуемых архивах по линии Уральского бюро Истпарта и ГАСО.

Вскоре после разгрома колчаковских войск, в конце августа 1919 г., Главархив РСФСР образовал Екатеринбургское губернское управление архивным фондом. Началось собирание разрозненных архивов, их учет, однако преимущественно дореволюционных материалов. В сентябре 1920 г. было создано Уральское бюро Истпарта. Председателем его был назначен редактор газеты «Уральский рабочий» В. А. Воробьев. В состав бюро входили: И. И. Кириевский, А. И. Парамонов, Н. Е. Свердлов, Н. И. Уфимцев³⁶. Развернулась более энергичная работа по розыску и

²⁹ Запись беседы с И. Д. Лызовым (архив автора).

³⁰ ПАСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 1592. Л. 73—74.

³¹ В 1918 году на Урале (запись беседы с Д. Э. Милановой 18 апреля 1967 г. хранится в архиве автора).

³² М. Ф. Владимирский в 1919 г. являлся заместителем наркома внутренних дел РСФСР.

³³ ПАСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 254. Л. 34—35.

³⁴ Эти материалы Уральского секретариата автор встречал при изучении ф. 1 в бывшем Архиве Минчермета СССР. Затем этот фонд был передан в ЦГАНХ и вошел в состав фонда Главметалла (№ 4086).

³⁵ Сивков В. Ф. Пережитое. Пермь, 1968. С. 202. Эти данные были дополнены Сивковым во время беседы с ним.

³⁶ ГАСО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 36. Л. 11.

обработке историко-революционных материалов, в том числе и 1917—1919 гг.³⁷

В 1920—1922 гг. В. А. Воробьев с семьей жил в Екатеринбурге по Главному проспекту (ныне ул. Ленина), д. 44. Здесь же размещалась редакция газеты «Уральский рабочий», хранились материалы Истпарта. Рядом, в д. 46, пахотилась кирха, которую В. А. Воробьев «отвоевал» для выставки Истпарта. Как свидетельствует бывший заместитель председателя Екатеринбургской ЧК Г. Н. Штальберг, «Воробьев вообще отличался большим интересом ко всем документам революции. Он их тщательно собирал и хранил. Он был способен, идя по улице и увидев на стене или заборе чем-либо заинтересовавшие его газету или листовку, аккуратно срезать их ножиком и принести домой для своей коллекции... Вообще он был очень аккуратен в этой работе, и если что-нибудь писал, то это он твердо знал»³⁸. Уральский краевед Л. М. Хандросс также характеризовал В. А. Воробьева как любознательного краеведа, неутомимого собирателя и коллекционера старых рукописей и книг, автографов, дореволюционных и советских партийных материалов, старых газет и т. п.³⁹

Уральским истпартом в начале 20-х годов было собрано значительное количество различных документов, газет, листовок, фотоматериалов и т. п. В это время Н. И. Уфимцевым были переданы в архив Уралистпарта некоторые материалы 1918—1919 гг.⁴⁰ Среди них имелись такие важные документы, как упомянувшиеся выше «Письмо ликвидационной комиссии Уралоблкома в ЦК РКП о ликвидации Уралоблкома», «Список архивов, полученных на хранение от коммунистических организаций Уральской области». Помимо этого, в описи значились список дел Уралоблкома за 1918 г. и аналогичный за 1919 г. Часть материалов Уральского областного комитета РКП(б) была найдена в Вятском губкоме РКП(б) и доставлена в Уралистпарт С. А. Новоселовым⁴¹.

Сопоставление с документальными материалами ПАСО (Ф. 4 и 41) позволяет судить, что переданные Н. И. Уфимцевым и С. А. Новоселовым архивы относились к августу 1918 — февралю 1919 г.⁴²

Наконец, в конце марта 1921 г. секретарь Уральского бюро Истпарта Л. Любарский был направлен в Пермь и Вятку за архивами Уральского областного комитета РКП(б) и Уральского областного Совета, оставленными в конце 1918 г. на хранение в Перми и Вятке, но не нашел их на месте. Несколько позже выяснилось, что большая часть этих материалов была уже «отправлена в центр»⁴³.

С конца августа 1922 г. заведующим Екатеринбургским губархивом был назначен известный уральский революционер В. М. Быков. Вскоре он нашел в бумагах архива указание, что в каменной кладовой дома 15 по Пушкинской улице (в 1922 г. это здание занимал губисполком) «хранились архивы различных советских учреждений периода первого года Советской власти (1917—1918 гг.), ревакуированные из Вятки». Он упоминал, что об осмотре этих архивов был составлен акт. Однако в сентябре 1922 г. этих архивов на месте уже не было, и Быков высказывал предположение, что они уничтожены⁴⁴. Можно думать, что речь шла об архивах советских учреждений, которые хранились на складах Областной ликвидационной комиссии в Галиче и в 1919 г. были возвращены на Урал⁴⁵.

³⁷ Отчет Уралистпарта за первые месяцы его деятельности // Изв. Екатеринбургского губернского комитета РКП. 1921. 5 июня. С. 7—8. (Далее: Известия...).

³⁸ Из воспоминаний Г. Н. Штальберг о работе на Урале (записано в сентябре 1970 г. Архив автора).

³⁹ Курочкин Ю. Продолжение следует... // Уральский следопыт. 1964. № 9. С. 13.

⁴⁰ ПАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 25. Л. 118, 118 об.

⁴¹ Известия... 1921. 5 июня. С. 8.

⁴² См., например: ПАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4. Л. 7—67 и др.

⁴³ Известия... 1921. 5 июня. С. 8.

⁴⁴ ГАСО. Ф. 316. Оп. 1. Д. 23. Л. 49.

⁴⁵ Отыскание описи (акта) данного архива позволило бы выяснить правильность нашего предположения.

В начале ноября 1922 г. В. А. Воробьев уехал работать в Москву. Председателем Уралиспарта был назначен В. М. Быков, по совместительству работавший в Губархиве. 9 декабря 1922 г. секретариат Уральского бюро ЦК РКП(б) заслушал его доклад о плане работ. В связи с заявлением Быкова о том, что Воробьев «увез много материала, принадлежащего Истпарту,—говорилось в решении секретариата,—признать необходимым из 19 ящиков, которые тов. Воробьев увез, взять материалы, принадлежащие Истпарту». Для изъятия этих архивов выделялась тройка во главе с Быковым. На время изъятия архивов предлагалось вызвать Воробьева в Екатеринбург⁴⁶. 23 января 1923 г. секретариат Уралбюро ЦК РКП(б) вновь поставил вопрос о вызове В. А. Воробьева⁴⁷, а 23 марта принял более резкое решение⁴⁸. Наконец, 21 августа 1923 г. секретариат еще раз обсудил этот вопрос⁴⁹.

Из материалов же Уралбюро ЦК РКП(б) следует, что Воробьев при отъезде в Москву оставил эти архивы в Екатеринбурге. В Москву «с согласия Истпарта» Воробьев увез фотоархив, газетную и денежную коллекции⁵⁰. Куда же он сдал на хранение оставленные в Екатеринбурге архивы? Как рассказывает Г. Н. Штальберг: «Материалы Истпарта хранились в доме, где мы жили» (т. е. по улице Ленина, д. 44). Г. Н. Штальберг упоминает о трех-четырех ящиках архивных материалов, которые она сама лично видела. «Я хорошо помню,—продолжает она,—что когда Воробьев уезжал на работу в Москву, то он сдал эти ящики в архив краеведческого музея в Екатеринбурге»⁵¹.

Факт передачи Воробьевым архивных материалов в краеведческий музей подтверждается и другим свидетелем. Л. М. Хандросс, в 1923—1924 гг. и. о. директора областного музея, сообщал, что в это время ему было «передано на временное хранение бывшим редактором газеты «Уральский рабочий» т. Воробьевым около 20—25 объемистых ящиков с различными архивными материалами, рукописями, старыми газетами и т. д. (содержимое ящиков не было вскрыто). После этого тов. Воробьев срочно выехал из города»⁵².

Таким образом, в обоих случаях очевидцы событий свидетельствуют, что Воробьев при отъезде из Екатеринбурга передал архивные материалы в краеведческий музей. Вероятно, имели место два случая передачи архивов: Штальберг упоминает о трех-четырех ящиках, Хандросс — о 20—25. Предложение об изъятии из 19 ящиков архивных документов, сформулированное в решении секретариата Уралбюро ЦК РКП(б) 9 декабря 1922 г., не затрагивало, возможно, всех архивов, переданных Воробьевым в краеведческий музей. В этих ящиках находились, очевидно, материалы Уралбюро Истпарта 1920—1922 гг., собранные в эти годы документы за 1917—1919 гг., различные историко-революционные материалы и, вполне возможно, архивы уральских Советов 1917—1918 гг., вывезенные из Галича на Урал в 1919 г.

После 21 августа 1923 г. в протоколах Уралбюро ЦК РКП(б) отсутствует какое-либо упоминание об изъятии архивов, взятых Воробьевым. Естественно предположить, что местонахождение этих архивов в это время уже стало известно Уральскому бюро Истпарта. Более того, имеется расписка (31 октября 1923 г., г. Екатеринбург), выданная Быковым Воробьеву в получении от него комплектов уральских газет за 1917—1919 гг. («Уральская правда», «Уральский рабочий», «Известия Уральского областного Совета», «Деревенский коммунист»)⁵³. Из этого документа ясно, что в октябре 1923 г. В. А. Воробьев приезжал в Ека-

⁴⁶ ПАСО. Ф. 1494. Оп. 1. Д. 30. Л. 75.

⁴⁷ Там же. Д. 179. Л. 7, 9.

⁴⁸ Там же. Л. 43; Ф. 129. Оп. 1. Д. 5. Л. 227.

⁴⁹ Там же. Ф. 1494. Оп. 1. Д. 179. Л. 167.

⁵⁰ Там же. Д. 70. Л. 249—250.

⁵¹ Из воспоминаний Г. Н. Штальберг о работе на Урале (архив автора).

⁵² Курочкин Ю. Указ. соч. С. 13. Цитируется заявление Хандросса (6 сентября 1962 г.) начальнику Архивного отдела Свердловского облисполкома.

⁵³ ЦПА ИМЛ. Ф. 70. Оп. 3. Ед. хр. 76. Л. 82.

теринбург и передал Уральскому бюро Истпарта даже лично ему принадлежащую газетную коллекцию.

Далее, для анализа решения секретариата Уралбюро ЦК РКП(б) от 21 августа 1923 г. имеет значение и свидетельство Хандросса. Он писал в 1962 г., что «на следующий же (т. е. после передачи Воробьевым архивов в краеведческий музей.— В. Г.) день в музей явился начальник ГПУ т. Мороз и потребовал передачи ему всех этих материалов. Они тотчас же были увезены им на грузовике в неизвестном направлении»⁵⁴. Заявление Хандросса ставилось под сомнение в статье Ю. Курочкина. Но, судя по всему, этот автор не знал о постановке на секретариате Уралбюро ЦК РКП(б) вопроса об изъятии архивов. Высказывание Хандросса выглядит поэтому весьма правдоподобно. В связи с заявлением Хандросса в 1962—1963 гг. поиски в Свердловске были направлены на обнаружение ленинских документов (или архива), но никто тогда не отрицал факта изъятия каких-либо архивов, оставленных Воробьевым. Таким образом, при разыскании уральских архивов нелишне будет проверить и эту версию.

Поиски уральских архивов продолжались в 20-х годах и за пределами Урала. В 1925 г. в Москве образовалась из старых уральских работников Уральская группа содействия Истпарту (председатель А. Е. Белобородов, секретарь В. А. Воробьев). Эта группа стала разыскивать эвакуированные в 1918 г. с Урала в Москву партийный и советский архивы. Частично розыски завершились успехом. Была найдена часть разрозненного архива Уральского областного Совета, обнаруженная в одном из наркоматов⁵⁵ (очевидно, НКВД), т. е. там, куда он и был передан в 1919 г. Уральская группа содействия Истпарту проводила розыски и в других архивах. Найденные документы и другие источники передавались Уралистпарту и частично Музею революции СССР⁵⁶. Сохранившиеся в ПАСО письма Воробьева позволяют судить, что те материалы, которые он пересылал в Уралистпарт, в основном обнаружены нами в архивных фондах ПАСО. Некоторые из них почему-то представлены только в копиях, святых в конце 20—30-х годов. По найденным в Москве материалам Воробьев составил сборник документов (неизданный) о деятельности Уральского областного Совета в 1917—1919 гг. («Первый советский хозяин Урала»). Экземпляр сборника им был послан Уралистпарту для доработки. Вместе с тем Воробьев неоднократно ставил вопрос о передаче на Урал и самого архива Уральского областного Совета⁵⁷. В одном из писем (8 июня 1927 г.) в Уралистпарт он писал, что так и не получил ответа «на вопрос о судьбе архива областного Совета, без всякой пользы валяющегося в коридоре моей квартиры»⁵⁸. Архив Уралсовета и другие документы пересылались в Уралистпарт через Истпарт ЦК ВКП(б)⁵⁹. Однако в свердловских архивах их подлинников не обнаружено.

Во второй половине 20-х годов Пермский Истпарт (заведующая К. Г. Ольховская) приступил к изучению событий Октябрьской революции в Перми и одновременно периода гражданской войны. В связи с этим в плане работ Пермского окружкома ВКП(б) по линии Истпарта было намечено собирание архивов районных парторганизаций и учет личных архивов партработников. В плане на апрель — декабрь 1928 г. предусматривалось «поставить вопрос в архиве ЦК об отыскании партархивов, переданных в Москву при эвакуации из Вятки в 1918 г.»⁶⁰ Это же отмечала заведующая Истпартотделом Пермского окружкома ВКП(б) в ответе отделу Истпарта Уралобкома ВКП(б) (январь 1929 г.). «У нас лично,—

⁵⁴ Курочкин Ю. Указ. соч. С. 13.

⁵⁵ ЦПА ИМЛ. Ф. 70. Оп. 3. Ед. хр. 76. Л. 28—29; Воробьев В. А. Краткий отчет о работе Уральской группы содействия Истпарту // ПР. 1926. № 8. С. 268.

⁵⁶ ПАСО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 2. Л. 2; Д. 5. Л. 243 и др.

⁵⁷ Там же. Д. 10. Л. 5—6; Д. 5. Л. 236; Д. 15. Л. 239, 240.

⁵⁸ Там же. Д. 5. Л. 236.

⁵⁹ Там же. Д. 17. Л. 20, 21; Д. 5. Л. 243.

⁶⁰ Там же. Д. 10. Л. 122. Здесь, возможно, опечатка. Вернее, речь идет о 1919 г.

подчеркивала она, — материалов этого периода (1917—1918 гг. — В. Г.) совершенно нет, кроме нескольких разрозненных комплектов газет. В связи с этим мы ставим вопрос официально об отыскании парт[ий-ных] архивов, вывезенных в Москву при эвакуации из Вятки в 1919 г.»⁶¹ Еще более определенно по этому вопросу высказалась Ольховская в начале апреля 1931 г. на одном из совещаний: «Весь партархив Пермского губкома за 1917—[19]18 гг. во время эвакуации был увезен в Вятку. Мне сообщали, что из Вятки все дела губкома в ящиках были отправлены в Москву. Во время моих поездок в Москву я неоднократно пыталась найти эти дела, но в Москве меня уверяли, что все эти ящики с делами Пермского губкома были отправлены на Урал и, вероятно, они находятся в Облиспарте»⁶².

Из бесед с Ольховской в 1971—1972 гг. нам удалось выяснить, что в связи с образованием единого партийного архива все материалы были привезены из Москвы в Свердловск. Специально за ними, а также за другими документами Пермского истпарт приезжал Ф. П. Быстрых⁶³. Вполне возможно, что уточнение судьбы пермских партийных архивов прольет свет и на судьбу других архивов Урала 1917—1918 гг.

Участники событий 1917—1918 гг. и в дальнейшем ставили вопрос о розыске партийных архивов Урала периода Октябрьской революции и первых месяцев Советской власти. В 1936 г. Е. Б. Вайнер, рассказывая о судьбе этих архивов в 1918 г., выражала твердую уверенность, что их можно найти⁶⁴.

В конце 30-х годов Свердловский истпарт работал над темой о деятельности комиссии ЦК РКП(б) (Ф. Э. Дзержинский, И. В. Сталин) на Восточном фронте в начале 1919 г. Собирали материалы Ф. Г. Копытов, который результаты своих поисков сообщил в Истпарт Свердловского обкома ВКП(б) (19 ноября 1938 г.). Он установил, что в г. Кирове при обкоме ВКП(б) Истпарт нет. «Я пытался также выяснить вопрос, не находятся ли в гор. Кирове дела бывш[ей] Уральской области, вывезенные в Вятку при эвакуации в 1918 г. и начале 1919 г. Работники архивного управления сообщили мне, что у них находится только одно дело — Пермского губревкома. Все остальные дела они рекомендуют разыскивать в Ярославле, Костроме, Вологде (почему-то даже в Архангельске) и других городах. Кировское архивное управление само через обращение в эти города разыскивало дела организаций Вятской губернии (ведь Вятка тоже была частично эвакуирована)»⁶⁵. В начале 1939 г. Свердловский истпарт запросил Горьковский краевой партархив, какие материалы имеются у них «из фондов бывшей Вятской губернии»⁶⁶. 26 сентября 1939 г. Горьковский облпартархив сообщал, что архивы парторганизаций б. Вятской губернии переданы Кировскому облпартархиву»⁶⁷.

С конца 30-х годов и до настоящего времени судьба уральских архивов 1917—1918 гг. не изучалась исследователями и не нашла отражения в литературе. Косвенный намек на эти архивы содержался в приведенном выше заявлении Хандросса 1962 г. На Урале не обратили в печати внимания на эту часть высказываний краеведа. Ю. Курочкин в упомянутой статье на затронул данную проблему.

Таким образом, изучение судьбы уральских архивов 1917—1918 гг. и истории их поисков позволяет сделать ряд выводов. 1. Партийные и

⁶¹ Там же. Д. 17. Л. 98.

⁶² Там же. Д. 18. Л. 7.

⁶³ К сожалению, в 1973 г. скончалась К. Г. Ольховская. Несколько лет спустя умер профессор историк Ф. П. Быстрых.

⁶⁴ ПАСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 254. Л. 34—35.

⁶⁵ Там же. Ф. 129. Оп. 1. Д. 2. Л. 180.

⁶⁶ Там же. Д. 28. Л. 243.

⁶⁷ Там же. Д. 23. Л. 247. Интересный штрих имеется в воспоминаниях Ю. Флаксермана «Страницы прошлого». Он рассказывает о поручении Я. М. Свердлова подготовить в Нижнем Новгороде тайник для архива ЦК РКП(б). См.: Новый мир. 1966. № 11. С. 229.

советские архивы Урала планомерно эвакуировались из Екатеринбурга, а затем из Перми в Вятку. Подавляющая часть архивов 1917–1918 гг. не попала в руки белогвардейцев. Частично эти архивы были привезены в Москву. Из них до сих пор не пайдена часть архивов Уральского областного Совета, Уральского областного комитета РКП(б) и др. 2. Значительная часть архивов парторганизаций Урала была оставлена в 1918 г. в подполье в Перми. Очевидно, это были материалы 1917 — первой половины 1918 г. Затем данные архивы были вывезены в Москву. 3. Неясна пока судьба архивов местных Советов, хранившихся на складах ликвидационной комиссии в Галиче и возвращенных летом 1919 г. на Урал. 4. Очевидно, решение этих вопросов станет возможным при выяснении судьбы архивов, переданных В. А. Воробьевым в краеведческий музей в Екатеринбурге. Возможно, что многие из названных выше материалов, за исключением тех, которые попали в московские архивы, находились в ящиках, сданных Воробьевым в краеведческий музей.

Данное исследование преследует цель показать не только перспективность продолжения розыска уральских архивов 1917–1918 гг., но и возможные пути его. В Москве следовало бы подробно и внимательно просмотреть делопроизводство бывшего Центрархива и особенно архива бывшего НКВД за 1918–1919 гг., в Свердловске — выяснить судьбу и состав так называемого архива Воробьева. Возможно, что часть этих материалов уже безвозвратно утрачена, но даже нахождение оставшихся документов укрепит источниковую базу исследований этого периода, а также поможет в решении некоторых вопросов, выходящих за пределы ураловедения.

Остается большой вопрос — о судьбе ряда фондов из центральных архивов. Мы ставили его в начале статьи. Методика поисков остается та же, что и в нахождении уральских источников, но есть и отличие. В данном случае мы берем историографический аспект.

В 1918 г., по свидетельствам современников, на Урале находился ряд важных архивов. Сюда были направлены материалы VI съезда РСДРП, и в частности черновые секретарские записи протоколов съезда⁶⁸. Пишуг иногда о пересылке на Урал архива ЦК РСДРП(б) за 1917 г. Наконец, в ряде воспоминаний и статей речь идет о дореволюционных архивах В. И. Ленина и Я. М. Свердлова.

В исторической литературе впервые упоминал об одном из этих архивов в 1924 г. В. А. Воробьев в статье «Где архив ЦК партии за 1917 год?»⁶⁹. Он рассказал, что весной 1918 г. в связи с наступлением германских войск архив ЦК РСДРП(б) был перевезен из Петрограда в Екатеринбург. Туда доставили библиотеку ЦК («несколько сотен книг») и «один большой дорожный сундук». Последний в Екатеринбурге не вскрывали, и автор не знал, что в нем находится. «Мне передавали только, — продолжал Воробьев, — что там лежит архив ЦК и бумаги из кабинета Ильича в Смольном»⁷⁰. Все это хранилось в Екатеринбурге не в областном комитете РКП(б), а на книжном складе издательства «Прибой» до середины июля 1918 г., когда началась массовая эвакуация Екатеринбурга и обком РКП(б) решил спрятать все в надежном месте. «Найти место для библиотеки, — сообщал Воробьев, — было поручено мне, а архив взялась спрятать т. Никифорова»⁷¹.

Воробьев спрятал библиотеку ЦК у знакомого — присяжного поверенного К. Н. Щипанова (2-я Богоявленская ул., ныне ул. Урицкого, д. 7),

⁶⁸ По свидетельству члена КПСС с 1916 г. С. И. Шульги, работавшей на VI съезде РСДРП(б), материалы съезда были отправлены на Урал со специально ездившим туда Б. Веселовским (запись беседы 1972 г. в архиве автора).

⁶⁹ ПР. 1924. № 7 (30). С. 282–283.

⁷⁰ В. И. Ленин 26 февраля 1918 г. просил Е. Д. Стасову прислать к нему когонибудь из сотрудников Секретариата ЦК «за партийными документами для отправки их в безопасное место» (Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. М., 1974. Т. 5. С. 282).

⁷¹ ПР. 1924. № 7 (30). С. 283.

где она и пролежала до освобождения Екатеринбургa в июле 1919 г., а затем по указанию секретаря ЦК РКП(б) Н. Н. Крестинского была передана в Екатеринбургскую губсовпартшколу. Данная часть статьи была написана Воробьевым — очевидцем событий.

Далее он излагал факты, которые узнал от других лиц. По этим сведениям, сундук с архивом ЦК РСДРП(б) был спрятан А. Н. Никифоровой в сарае дома, где она жила. Вскоре после прихода колчаковцев ее арестовала контрразведка белых, а по выходе из тюрьмы сундук она не обнаружила. Более подробные сведения Воробьев предлагал получить у самой Никифоровой. В примечании к статье Е. Д. Стасова сообщала, что действительно секретный архив ЦК РСДРП(б) был направлен в Екатеринбург при наступлении немцев в 1918 г., а А. Е. Белобородов подтверждал его прибытие в город и объяснял, что по ошибке попал в издательство «Прибой».

Удалось разыскать Прасковью Владимировну Питерскую (в девичестве П. В. Беляеву. — В. Г.). В беседе с ней выяснилось, почему именно у К. Н. Щипанова была спрятана библиотека ЦК. Беляева с детства жила в доме Щипанова, женатого на сестре ее матери. Будучи гимназисткой, она познакомилась с Воробьевым, учившимся в реальном училище. В 1916 г. они поженились. Ее дядя, Константин Никандрович Щипанов, являлся присяжным поверенным и служил юрисконсультом в правлении Сергинско-Уфалейских заводов. «Он был известен как прогрессивно мыслящий человек, и В. А. Воробьев знал о его настроениях»⁷². Сама Прасковья Владимировна и до революции участвовала в нелегальной работе (в Невьянске и на Верх-Исетском заводе) под руководством Яна Муценека и Т. С. Кузнецова. В 1917 г. она училась в Казани и весной 1918 г. после тяжелой операции была привезена в Екатеринбург. Жили они с Воробьевым не у Щипанова, а на отдельной квартире (ул. Водочная, ныне ул. Мамина-Сибиряка, д. 106).

«Незадолго до прихода белых, — рассказывает Питерская, — как будто сразу после расстрела царской семьи, В. А. Воробьев привез книги. Это была привезенная из Петрограда литература большевиков, вывезенная на Урал из-за наступления немцев на Петроград. Дядя и я знали, что это за литература... Двор у Щипановых был изолирован от улицы, и поэтому оттуда не был виден перенос такой массы книг. Переносили книги В. А. Воробьев и К. Н. Щипанов... В каретнике стоял пустой футляр пианино и мы складывали книги в него. Сверху на книги набросали рогожки. Но одну корзину почему-то не распаковали и оставили в доме. Потом уже при белых я с большим трудом перетащила ее в каретник и бросила там у входа»⁷³.

Прасковья Владимировна осталась в Екатеринбурге и «жила теперь уже у Щипановых под видом прислуги без прописки, нелегально». Перед освобождением Екатеринбургa белые пасивно угоняли всех служащих, в том числе и Щипанова с семьей. Прасковье Владимировне удалось скрыться и остаться в Екатеринбурге. В Томске Щипанов заболел тифом и скончался.

«В первые же дни, — вспоминает Прасковья Владимировна, — после возвращения В. А. Воробьев спросил [меня] о книгах и вскоре приехал за ними и получил от меня в целости эту литературу». В семье К. Н. Щипанова имелось официальное письмо с благодарностью за сохранение этой библиотеки⁷⁴. Как рассказал нам К. К. Щипанов (сын К. Н. Щипанова), это письмо действительно существовало, но по превратностям судьбы было затеряно. Однако оно опубликовано в периодической печати первой половины 20-х годов. Когда К. К. Щипанов в 1924 г. по ленинскому призыву вступал в партию, это письмо было учтено партийными инстанциями по месту его работы (типография «Гранит» в Ека-

⁷² Из прошлого (Воспоминания П. В. Питерской записаны 12 апреля 1967 г. Архив автора).

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же. Письмо К. К. Щипанова 17 июля 1967 г. (архив автора).

теринбурге) при рассмотрении его социального происхождения, и он был принят в партию ⁷⁵.

В результате предпринятых розысков не только получили подтверждение сведения Воробьева, но и найдены достаточно подробные данные о месте хранения и о судьбе спрятанной им «библиотеки ЦК», о людях, непосредственно участвовавших в ее спасении. Фактическими хранителями ее явились К. Н. Щипанов и член КПСС с 1919 г. П. В. Питерская.

В примечании от редакции журнала «Пролетарская революция» к статье В. А. Воробьева 1924 г. была изложена просьба «ко всем товарищам, знающим что-либо о судьбе этого архива (т. е. архива ЦК РСДРП(б) за 1917 г.), сообщить то, что им известно, по адресу Истпарта». Вскоре после этого, очевидно, в конце 1924 — начале 1925 гг. Истпарт ЦК РКП(б) получил «ценные протоколы ЦК РКП(б) за период август 1917 — конец февраля 1918 г., составленные покойным Я. М. Свердловым и до сегодняшнего дня считавшиеся погибшими» ⁷⁶. В 1927 г. они были впервые опубликованы ⁷⁷.

На рубеже 30–40-х годов по вопросу об утере архива ЦК РСДРП(б) и бумаг В. И. Ленина из Смольного высказываются уже новые суждения. В печати их сформулировала М. Сидорова в статье «О неразысканных документах В. И. Ленина». «Большой интерес,— писала она,— представляет история документов В. И. Ленина, относящихся к периоду работы его в Смольном. Эти документы были отправлены из Петрограда на Урал в 1918 г. По имеющимся в ИМЭЛ данным известно, что в 1918 г. в Екатеринбург из ЦК был переброшен ящик с документами, имевший название „Бумаги Владимира Ильича“, и ящик с названием „Бумаги Якова Михайловича Свердлова“. Эти материалы были переданы Областному комитету Екатеринбурга» ⁷⁸. Эти ящики, продолжала Сидорова, при приближении Колчака передали на хранение А. Н. Никифоровой. Во время ее пребывания в белогвардейской тюрьме они были обнаружены в поленнице дров и увезены в штаб чехословацкого генерала Гайды. «Дальнейшая судьба этих ящиков,— заявляла Сидорова,— неизвестна». Она предлагала искать их в архивах Омска, Новосибирска, Перми и других местах. Таким образом, Сидорова дала фактически новую версию, во многом отличающуюся от высказанной в 1924 г. Воробьевым. Сидорова писала о двух ящиках ⁷⁹. Она опускала предположение о наличии в них архива ЦК РСДРП(б), а говорила прямо о ящике с бумагами Владимира Ильича, «относящимися к периоду работы его в Смольном». Новым было и заявление Сидоровой о ящике с бумагами Я. М. Свердлова. Приходится констатировать, что речь идет не о двух дополняющих друг друга версиях, а о наличии двух разных фактов переправки архивов в Екатеринбург.

Статья Сидоровой определила целое направление поисков исчезнувших архивов. Наиболее четко ее мысль о том, что архивы попали в 1918 г. в руки чехословацкого генерала Гайды, сформулировал Р. Т. Пересветов ⁸⁰.

Длительное время история этих архивов не находилась в поле зрения историков. Только в 1955 г. журнал «Исторический архив» поместил обзор «О розыске документов В. И. Ленина». В нем написано о двух дорожных ящиках, в одном были документы ЦК РСДРП(б), в другом — бумаги В. И. Ленина. Вывод: после ареста Никифоровой белыми архивы были «увезены в штаб чехословацкого генерала Гайды» ⁸¹.

От внимательного взгляда Пересветова не укрылась шаткость версии

⁷⁵ Беседы с К. К. Щипановым 22 и 23 мая 1967 г. (архив автора).

⁷⁶ Изв. ЦК РКП(б). № 2(77). 1925. 12 янв. С. 7.

⁷⁷ ИР. 1927. № 8, 9.

⁷⁸ Там же. 1940. № 4. С. 170—171.

⁷⁹ Это различие в материалах В. А. Воробьева и М. Сидоровой было подмечено уже Р. Т. Пересветовым (см.: ЛГ. 1964. 21 апр.). Однако он не сделал из этого наблюдения никаких выводов.

⁸⁰ Наука и жизнь. 1962. № 7. С. 76; ЛГ. 1964. 21 апр.; Урал. 1967. № 4. С. 142—145.

⁸¹ ИА. 1955. № 2. С. 183—184.

Сидоровой, будто архивы попали в руки белогвардейцев и колчаковцев. Его собственные розыски привели к выводу, что никаких следов ленинского архива в направлении, заданном Сидоровой, обнаружить не удается. В своей последней статье Пересветов высказался довольно определенно: «Существует и такое предположение: архив этот никогда и не доставался колчаковцам, он до сих пор находится на Урале»; при этом писатель ссылается на авторитетное мнение Е. Д. Стасовой⁸².

Все эти годы член КПСС с 1910 г. Никифорова не выступала в печати с воспоминаниями по данному вопросу. Ее объяснение в ЦК РКП(б) в 1920 г. и сведения, предоставленные управлению НКВД в Свердловске в 1938 г., не доступны исследователям. Только в связи с заявлением Л. М. Хандросса Никифорова дала некоторые новые материалы, опубликованные частично в упомянутой статье Ю. Курочкина. В 1970 г. нами была получена рукопись неопубликованных воспоминаний Никифоровой. В них излагаются сохранившиеся в ее памяти подробности, связанные с утерянными «ящиками». Коснемся двух вопросов. Воробьев утверждал, что дорожный сундук с архивом ЦК РСДРП(б) и бумагами В. И. Ленина и «библиотека ЦК» были доставлены в Екатеринбург и хранились на книжном складе издательства «Прибой» (Вознесенский проспект, дом Общественного собрания, теперь — ул. Первомайская). Это же для редакции журнала «Пролетарская революция» подтверждало и такое компетентное лицо, как председатель (в 1918—1919 гг.) Уральского областного Совета А. Е. Белобородов. Он оговаривал только, что архив попал туда «по ошибке». Никифорова вспоминает, что во время отправки поезда в Екатеринбург приехали Е. Д. Стасова и К. Т. Свердлова и передали два места: «в одном из них — вырезки из иностранных газет и другие материалы, принадлежавшие Ленину и относящиеся к периоду его жизни за границей, а в другом различные конспекты, черновые наброски и литература Я. М. Свердлова, привезенные им из туруханской ссылки». Бумаги Ленина были положены в «нечто среднее между чемоданом и кофром, с двумя ручками по бокам, обитым чем-то вроде кожи с чуть выпуклой верхней крышкой. Закрывался он на внутренний замок». Бумаги Свердлова заключены в «обыкновенный солдатский сундучок, перевязанный веревкой. В щели между разошедшихся досок кое-где торчали листы бумаги»⁸³. Оба «ящика» в Екатеринбурге хранились в секретной комнате обкома РКП(б). Воспоминания Никифоровой подтверждают с достаточной уверенностью наличие двух самостоятельных архивов.

Последние сведения о судьбе и составе утерянных архивов были приведены в солидном коллективном труде. Сообщалось, что в начале 1918 г. ЦК РКП(б) эвакуировал часть своего архива в Екатеринбург. «В нем находились весьма ценные документы, отражавшие деятельность В. И. Ленина, ЦК партии в период развития революции от февраля к Октябрю и в первые горячие месяцы установления Советской власти»⁸⁴. Здесь уже нет категорического утверждения, что эти архивы попали в штаб белочехов.

Обратим еще раз внимание на некоторые детали, имеющие, на наш взгляд, важное значение. В. А. Воробьев прямо указывал, что дорожный сундук было поручено спрятать А. Н. Никифоровой. При жизни Воробьева Никифорова не выступала в печати с опровержением этого. Возможно, такое намерение поручить Никифоровой сохранить архив ЦК первоначально действительно существовало. Но потом обстановка изменилась. Анне Никифоровне было дано другое подпольное задание, связанное с подпольной печатью⁸⁵.

Очевидно, Никифорова невольно подменяет один объект другим. Она

⁸² См.: Урал. 1967. № 4. С. 145.

⁸³ ПАСО. Ф. 221. Оп. 2. Д. 376. Л. 10; Д. 806. Л. 60, 61; На Урале. С. 6 (Воспоминания А. Н. Никифоровой записаны в 1967 г. Архив автора).

⁸⁴ Фонд документов В. И. Ленина. М., 1970. С. 142; То же. 2-е изд., доп. М., 1984. С. 172.

⁸⁵ На Урале. С. 29—30 (архив автора).

рассказывает о том, что она знала. Она не была знакома с содержанием «сундуков-ящичков», а историки уверяли, что потерян архив ЦК. Эта подмена проявилась, в частности, уже в статье Сидоровой. Вот это обстоятельство и заставило Никифорову на вопрос о судьбе архива ЦК рассказать о судьбе «сундуков-ящичков». Так сложилась легенда.

Каковы же наблюдения по этой части исследования? Во-первых, можно с достаточной уверенностью говорить о неосновательности отождествлять сундук, содержащий архив ЦК и бумаги В. И. Ленина из Смольного, с чемоданом и ящичком (или двумя «сундуками-ящичками», по терминологии Никифоровой). Во-вторых, нет оснований предполагать, будто архив ЦК и бумаги В. И. Ленина попали в штаб чехословацкого генерала Гайды. В-третьих, можно считать, что искать архивы надо начиная со Свердловска (Екатеринбурга) и Москвы. Поиски должны продолжаться.

ВОПРОСЫ ОБЩЕГО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «АРХИВНОЕ ДЕЛО»

Поиск фактов из области историографии источниковедения в тематически более широком, чем специальная источниковедческая, кругу литературы приводит исследователя к архивоведческой периодике.

Отдельные статьи, опубликованные в изданиях архивных органов, в частности известная рецензия С. Н. Валка на книгу А. А. Шилова¹, рассматриваются в ряде трудов по теоретическому источниковедению². Однако в целом историография источниковедения, включая анализ некоторых архивоведческих работ, прослеживает взаимосвязь источниковедения с дисциплинами архивного цикла главным образом на уровне конкретного источниковедения, не выходя за пределы вопросов складывания источниковой базы исторической науки. Возможности исследования специальной отрасли исторической периодики с точки зрения историографии источниковедения этим не исчерпываются.

Задача настоящей статьи — показать развитие собственно источниковедческих представлений в рамках теоретических и методических работ, опубликованных в ведущем архивоведческом издании 20–30-х годов — журнале «Архивное дело»³. Хотя разработка источниковедческой проблематики не декларировалась в числе непосредственных задач журнала, на его страницах отразились и вопросы общего источниковедения. Наиболее важные из них — определение источниковедения как научной дисциплины, его предмета, объекта и задач (главным образом в связи с разграничением области исследования источниковедения и археографии), связь развития источниковедения с потребностями исторической науки, соотношение исторического источника и исторического факта, классификация источников.

Определенный историографический интерес представляют наблюдения над терминологией архивоведческого издания. Обращает на себя внимание крайне редкое обозначение термином «источниковедение» всего комплекса или отдельных видов работ, относимых современными исследователями к понятию источниковедческого анализа. Даже в № 1 «Архивного дела», на страницах которого архивные документы еще часто определяются как исторические источники (позднее этот термин употребляется значительно реже), слово «источниковедение» отсутствует. Оно возникает лишь в связи с упоминанием дореволюционных работ А. С. Лапко-Данилевского и С. В. Рождественского⁴. С большой долей уверенности можно утверждать, что в дальнейшем до 1940 г. этот термин на страницах «Архивного дела» не появлялся. Для обозначения же соответствующей

¹ Валк С. Н. [Рецензия] // АД. 1940. № 3(55). — Рец. на кн.: Шилов А. А. Руководство по публикации документов XIX и начала XX в. М., 1939.

² Медушевская О. М. Теоретические проблемы источниковедения. М., 1977. С. 13; Прохитейн А. П. О предмете источниковедения как научной исторической дисциплины // ИСССР. 1977. № 5. С. 161; Фарсобиц В. В. К определению предмета источниковедения (историографические заметки) // Источниковедение истории советского общества. М., 1968. Вып. 2. С. 393—394, 435.

³ О журнале см.: Седельников В. О. Становление архивоведческого издания // СА. 1983. № 1; Чубинидзе Э. Х. Журнал «Архивное дело» (1923—1941) и развитие советского источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин: (Обзор содержания журнала) // Проблемы истории СССР. М., 1983. Вып. 13.

⁴ Валк С. Н. О приемах издания историко-революционных документов // АД. 1925. № 3/4. С. 74.

щего понятия использовались термины «историческая критика», «рецензия текста», «научный глазомер», «техника работы»⁵.

Источниковедческое содержание нередко вкладывалось в понятия «археография», «археографическая обработка» источника, «обработка содержания» документов при публикации⁶. Объясняется это, очевидно, с одной стороны, недостаточным распространением в среде архивистов общенаучной исторической терминологии (ученики А. С. Лаппо-Данилевского С. Н. Валк и А. А. Андреев писали для архивистов), а с другой стороны, попытками выработки в процессе ускоренного развития археографии и включения в нее требований к источниковедческому анализу публикуемых документов собственной терминологии⁷. С разграничением предмета и задач двух вспомогательных исторических дисциплин — источниковедения и археографии — связано и появление термина «источниковедение» на страницах журнала «Архивное дело» в 1940 г. В последние два года издания этого журнала указанный термин употребляется нередко, хотя и связан он, как правило, не со специальными архивоведческими вопросами, а с рецензированием источниковедческих работ⁸. Таким образом, можно констатировать относительно позднее проникновение термина «источниковедение» в специальную архивоведческую литературу для обозначения традиционного для архива комплекса работ по источниковедческому изучению документа, что представляется следствием медленного развития собственно источниковедения в 20—30-е годы.

В «Архивном деле» впервые в советской историографии⁹ источниковедение было определено Валком как «общее учение о документе», «общая теория» изучения документа, «одна из вспомогательных исторических дисциплин», предметом изучения которой является «документ в целом»¹⁰. В отличие от принятого ранее понимания¹¹ определение Валка обособляет источниковедение в комплексе других научных дисциплин, изучающих исторические источники. Эта тенденция выражена у Валка вполне четко и ясно: «Изучением документа занимается ряд вспомогательных исторических дисциплин: им занимается так называемое источниковедение, которое дает общее учение о документе; занимаются и другие дисциплины, которые изучают уже не документ в целом, а какую-либо одну из его сторон или какую-либо одну его разновидность, как-то: палеография... эпиграфика... археография» и т. д.¹² Поэтому не остается места для истолкования валковского определения источниковедения как «комплекса наук об источниках»¹³.

Предложенное Валком в журнале «Архивное дело» понимание источниковедения явилось несомненным шагом вперед по пути его дифференциации в ряду вспомогательных исторических дисциплин и, что еще более важно, ставило вопрос о теоретическом характере этой дисциплины. Изучение документа «не может быть исчерпано одной общей его теорией — источниковедением», пишет Валк¹⁴.

⁵ См.: Валк С. Н. О приемах издания историко-революционных документов. С. 65, 72; Андреев А. О правилах издания исторических текстов // АД. 1926. № 5/6. С. 87; Сергеев А. А. Архивна справа. Кн. 2/3 // АД. 1927. Вып. 11/12. С. 183 и др.

⁶ См.: Рождественский С. В. Историк-археограф-архивист // АД. 1923. № 1. С. 2; Шилов А. К вопросу публикации исторических документов // АД. 1938. № 1 (45). С. 6.

⁷ Неподходящим, «маловразумительным» для дисциплины, изучающей приемы издания документов, считал название «археография» С. Н. Валк. См.: Валк С. Н. [Рецензия]. С. 87.

⁸ Валк С. Н. [Рецензия]. С. 86; Пержский П. [Рецензия] // АД. 1940. № 4(56). С. 75.— Рец. на кн.: Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. XVII в. М.; Л., 1940; Чернов А. [Рецензия] // АД. 1941. № 2(58). С. 59 и др.— Рец. на кн.: Источниковедение истории СССР. М., 1940. Т. 1—2.

⁹ См.: Пронштейн А. П. Указ. соч. С. 161; Фарсоби В. В. Указ. соч. С. 393.

¹⁰ Валк С. Н. [Рецензия]. С. 86.

¹¹ См.: БСЭ. 1-е изд. М., 1937. Т. 30. Ст. 96.

¹² Валк С. Н. [Рецензия]. С. 86.

¹³ Однозначность определения С. Н. Валка вызывает сомнения у В. В. Фарсоби. См.: Фарсоби В. В. Указ. соч. С. 394.

¹⁴ Валк С. Н. [Рецензия]. С. 86.

В рассматриваемой работе Валком употреблено и словосочетание «общее источниковедение»¹⁵ без подробного объяснения его смысла. Расширительное толкование этого термина В. В. Фарсобиным как синонима понятий «общее учение о документе» и «теоретическое источниковедение» приводит его к недоумению по поводу узости чисто методических задач, поставленных автором перед этим «общим источниковедением»¹⁶. В контексте термин понимается по-иному — как общие представления об источниковедении: «Для того, чтобы заниматься изданием документов, надо иметь достаточное образование и в области общей истории (надо же знать те исторические события, с которыми связано содержание данного документа), и в области общего источниковедения (надо уметь установить подлинность документа, его дату и т. п.)»¹⁷. Ведь не считаем же мы термин «общая история» синонимом философии или методологии истории!

Материалы журнала «Архивное дело» позволяют, не прибегая к модернизации терминологии, получить представление о понимании авторами журнала предмета и задач источниковедения — определить «тот круг вопросов, который составляет ее (научной дисциплины.— Э. Ч.) особую задачу» и приводит в процессе развития к выделению научной дисциплины из ряда других¹⁸.

Необходимость источниковедческого аналитического подхода к документам была очевидна для журнала уже на первом этапе его существования. В первом же выпуске журнала перед работниками архивов ставилась задача учитывать «ту щепетильную изощренность критических приемов, которая составляет теперь уже элементарное требование какой бы то ни было работы, раз только она претендует на научность»; источниковедческая критика признается обязательным предварительным условием использования любой разновидности исторических источников в историческом построении¹⁹. Со становлением и развитием источниковедения связано «превращение истории из занятия дилетантов в науку в самом строгом смысле этого слова»²⁰. Значение критики источников подчеркивалось и позднее²¹.

Хотя в «Архивном деле» так до конца и не были размежеваны задачи археографического и источниковедческого анализа документов, научного описания источников и источниковедческой критики, для журнала в целом характерны представления о больших источниковедческих задачах, стоящих перед архивистами. Источниковедческие моменты включаются им в непосредственные задачи архивной работы.

Проследивая в архивоведческом журнале решение вопроса о предмете и задачах источниковедения, можно выделить два типа их: 1) когда речь идет о собственно источниковедении и 2) определение задач источниковедческого анализа применительно к тем или иным видам архивной обработки документов. В первом случае формулируются классические, по Лланглуа и Сеньобосу, задачи источниковедения: критика текста, критика происхождения источника, критика показаний документа — и делается это в общем виде²². Во втором случае задачи источниковедческого анализа, хотя и рассматриваются параллельно или в переплетении с архивоведческими вопросами, определяются гораздо конкретнее, и именно эти работы характеризуют вклад журнала в развитие советского источниковедения.

¹⁵ Там же. С. 87.

¹⁶ Фарсобин В. В. Указ. соч. С. 393—394.

¹⁷ Валк С. Н. [Рецензия]. С. 87.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Валк С. Н. Архивные обзоры // АД. 1923. № 1. С. 55; *Он же*. Обзор документальных публикаций (январь — март 1926 г.) // АД. 1926. № VIII/IX. С. 153.

²⁰ Рождественский С. В. Указ. соч. // АД. 1923. № 1. С. 1.

²¹ Шилов А. Историческая хроника: (Виды и методы ее составления) // АД. 1936. № 3(40). С. 34—35; Пермский П. Указ. соч. С. 75.

²² Валк С. Н. [Рецензия]. С. 87; *Он же*. О приемах издания историко-революционных документов. С. 72.

Задача источниковеда — ввести «в оборот науки новые источники, обставляя их критическим и справочным аппаратом, открывающим исследователю все внешние пути к правильному пониманию и истолкованию внутреннего содержания источника». Автор применяет к дисциплине, предмет которой сформулирован им таким образом, термин «археография». Однако для нас очевидно источниковедческое содержание ее; тем более что главными целями «археографической» работы было «определение подлинности памятника, правильности отнесения его к той или иной творческой личности или среде, с которыми он был внешне связан», «накопление текстов и сравнительное их изучение», «наблюдение их взаимной связи», «отнесение к тому или другому роду или виду исторических источников, транскрипция текста». Источниковедческий анализ предшествует работе историка-исследователя, помогая правильному пониманию исторических фактов, заключенных в памятнике, путем углубленного изучения его свойств, происхождения, внешней судьбы, эволюции форм, и непосредственно ведет к новому освещению исторических фактов, а в некоторых случаях — к изменению представлений науки об их соотношении и связи²³. Рассматривая в историографическом плане практику изучения исторических источников в дореволюционной России, С. В. Рождественский видит предмет конструируемой им дисциплины в выявлении источников по конкретной исторической теме и анализе их с целью ответа на вопросы, какие данные о том или ином явлении содержатся в источнике и как они соответствуют историографической традиции. Иными словами, предметом археографии для Рождественского являются вопросы прикладного источниковедения²⁴ и источниковедческой эвристики. Не случайно, хотя Рождественский никак не соотносит свою археографию с источниковедением, Валк увидел в его статье «ценные и интересные замечания» именно «по проблемам источниковедения»²⁵.

В работах Валка, опубликованных в начале 20-х годов в журнале «Архивное дело», отмечена тесная связь источниковедения с археографией и архивным делом, переплетение их задач и приемов в ходе практической работы с документом как историческим источником²⁶. Так, от работников архивов требуется дать исследователю-историку «руководящие нити в его поисках нужного, но вместе с тем годного материала»²⁷; перед публикатором ставится «вспомогательно-историческая задача», в результате выполнения которой историк-исследователь получит документы «в виде, вполне пригодном для их использования в качестве источника»²⁸. Таким образом, перед архивистом и археографом ставятся эвристические, описательные и оценочные задачи, выходящие за пределы техники археографии и архивоведения и непосредственно смыкающиеся с предметом источниковедения. В комплекс этих работ автором включается «материальное и формальное раскрытие» архивного фонда, т. е. описание тематического содержания документов с выходом к «формальному», по терминологии Валка, обозрению, под которым подразумевается видовая классификация документов и оценка каждой из образованных групп как исторического источника²⁹. В другой работе «систематическое изучение» «разновидностей документов, с которыми приходится иметь дело историку» прямо относится Валком к предмету источниковедения³⁰. Еще одна задача источниковедения реализуется «исторической критикой» — это исправление, устранение фактических противоречий в тек-

²³ Рождественский С. В. Указ, соч. С. 2—6.

²⁴ Так, как они понимаются С. О. Шмидтом. См.: Шмидт С. О. Современные проблемы источниковедения // Источниковедение: Теоретические и методические проблемы. М., 1969. С. 19—20.

²⁵ Валк С. Н. О приемах издания историко-революционных документов. С. 76.

²⁶ Там же.

²⁷ Валк С. Н. Архивные обзоры. С. 62.

²⁸ Валк С. Н. О приемах издания историко-революционных документов. С. 65.

²⁹ Валк С. Н. Архивные обзоры. С. 61—62.

³⁰ Валк С. Н. О приемах издания историко-революционных документов. С. 76.

сте³¹. В то же время целый ряд вопросов, предшествующий внешней критике источника: исследование происхождения документа, анализ редакций и вариантов текстов, установление основного авторского текста и т. д., — относятся Валком к предмету археографии.

Таким образом, хотя в журнале и ставился перед исследователями исторических источников в теоретическом плане широкий круг задач источниковедческого характера, дифференциация предмета источниковедения не прослеживается. Уже в первые годы существования «Архивного дела» проявилась характерная для него тенденция к сближению предмета и задач источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин архивоведческого цикла, отнесения к предмету последних ряда вопросов прикладного источниковедения. Судя по этому, к источниковедению в собственном смысле слова, по мысли Валка, например, уже тогда относились более общие проблемы теории и методики работы с историческими источниками, какими являлись вопросы классификации источников. Объективно же журнал ставил вопросы источниковедческой критики документов, разрабатывал круг ее задач и методику анализа источников.

Так, в статье Валка «О приемах издания историко-революционных документов» намечаются два основных этапа критики исторических источников, называемые автором археографической критикой текста и исторической критикой его показаний, и подробно рассматривается первый, смыкающийся с критикой происхождения источника. Валк исходит из положения о недостаточности для историка иметь в качестве базы исследования лишь точно переданный текст документа и необходимости предварительного анализа его. Археографическая критика выполняет три задачи: рецензии текста (т. е. определения первоначального текста и всех последующих изменений в нем), транскрипции и эмендации — исправления явных ошибок и опечаток в тексте. Методика этой работы основывается на исследовании конкретных обстоятельств возникновения документа, установлении автора или составителя, места и времени создания источника. К собственно источниковедению или общей критике исторического документа относятся последующие этапы научного прочтения текста: определение его полноты, состава, оценка с точки зрения принадлежности к той или иной разновидности источников³². Принципиально важно в данном случае то, что эти задачи ставились перед исследователями истории Октября, т. е. расширялись хронологические и конкретно-тематические задачи источниковедения. Заслуживает внимания близость по времени публикации известной статьи Н. Авдеева³³ и разработки указанных вопросов на страницах «Архивного дела».

С выступлениями М. Н. Покровского, публиковавшимися в журнале, на его страницы проникла идея классового подхода к работе с источниками. Покровский поставил вопрос о принципиальном отличии в целях и методике исторического исследования у буржуазных ученых и историков-марксистов, о политическом характере отбора и интерпретации источников в буржуазной историографии. Утверждая политический характер и политическое значение документов, Покровский ставил задачу максимально эффективного использования их на базе классового анализа³⁴.

В последующие годы «Архивное дело» сосредоточивало внимание на более близких предметах, выдвигая задачи из области конкретного источниковедения, максимально сближающиеся с архивной практикой и зависящие от нее.

В связи с развитием публикационной работы углублялись источниковедческие требования, предъявляемые к ней. Если дореволюционная

³¹ Там же. С. 72.

³² Там же. С. 72—76.

³³ Авдеев Н. О научной обработке источников по истории РКП(б) и Октябрьской революции // ПР. 1925. № 1.

³⁴ Покровский М. Н. Политическое значение архивов // АД. 1925. № 2. С. 5; Он же. Архивное дело в рабоче-крестьянском государстве // АД. 1925. № 3/4. С. 5—6.

археография ограничивалась внешней критикой источников, то задача советской, отмечал журнал, — идти дальше, к критике их содержания³⁵. К этому времени — середине 30-х годов — «Архивное дело» вообще считало характерной чертой момента перемещение центра тяжести с внешней критики на критику показаний источника о факте³⁶. Такая переориентация связывается с количественным ростом делопроизводительной документации, начавшимся в период первой мировой войны, и является особенностью работы с массовыми документами³⁷. Интересно отметить, что в это же время предпринимались попытки сужения задач источниковедения за счет передачи ряда моментов внешней критики документов палеографии³⁸.

К определению предмета и задач источниковедения журнал возвращается в последний период своего существования в уже упоминавшейся рецензии С. Н. Валка на книгу А. А. Шилова. Разработке особой задачи каждой научной дисциплины Валк придавал немаловажное значение, считая это обязательным условием самостоятельного существования таковой. Источниковедение Валк рассматривает в ряду вспомогательных исторических дисциплин, объединяемых общим предметом изучения в «отрасль науки о документе». Особую же сферу интересов источниковедения, выделяющую его из состава других вспомогательных исторических дисциплин, составляет изучение «общих свойств документа», «документа в целом». Однако положения эти не развиваются и не конкретизируются автором. Раскрывая понятие «общее источниковедение», он включает в него датировку документа, установление его подлинности и т. п. А в целом принимает утвердившиеся задачи источниковедения, формулируемые им как критика текста, критика происхождения и критика показаний документа, и выступает против включения их в предмет археографии³⁹.

Высказанное мимоходом суждение историка не дает возможности полностью охарактеризовать его позицию в вопросе о предмете и задачах источниковедения. Отметим и терминологическую нечеткость, отождествление понятий «предмет» и «объект» изучения вспомогательных исторических дисциплин. Но общее содержание мысли ясно: констатируется теснейшая связь всех вспомогательных исторических дисциплин, в комплексе их выделяется самостоятельной областью исследовательских интересов источниковедение и отмечается теоретический, обобщающий характер этой дисциплины. Последнее особенно важно для периода застоя в развитии теоретического источниковедения, периода преимущественного внимания к вопросам конкретных исследований источников, хотя мысль С. Н. Валка не получила тогда ни непосредственных откликов, ни дальнейшего развития и была включена в историографический оборот лишь в конце 60-х годов⁴⁰.

Обращение С. Н. Валка к вопросу о предмете источниковедения было вызвано тем, что А. А. Шилов и редактор его книги Г. Д. Костомаров включили источниковедческую проблематику в предмет археографии. Главы из готовившегося к изданию руководства, трактующие, в частности, и источниковедческие вопросы, публиковались в виде отдельных статей в «Архивном деле».

³⁵ *Сергеев А.* К вопросу о разработке правил издания документов ЦАУ СССР // АД. 1935. № 1(34). С. 64.

³⁶ *Попов А.* К вопросу о наших публикациях исторических документов // АД. 1935. № 3(36). С. 63.

³⁷ Эта особенность была подмечена еще в 1925 г. Е. В. Тарле, который считал современными задачами работы с документами «не чтение письма, а быстрое ориентирование и изучение массы документального материала, характеризующего социально-экономическую жизнь современности» (*Тарле Е. В.* Хроника архивной жизни) // АД. 1925. № 3/4. С. 194).

³⁸ *Ухмылова Т.* О содержании работ рукописных отделений // АД. 1936. № 4 (41). С. 115.

³⁹ *Валк С. Н.* [Рецензия]. С. 86—87.

⁴⁰ См.: *Азбелев С. Н.* Текстология как вспомогательная историческая дисциплина // ИСССР. 1966. № 4; *Фарсоби В. В.* Указ. соч.

Определяя круг требований к «обработке содержания документа», Шилов, по существу, формулирует задачи источниковедческого анализа документа, конечная цель которого «произвести суждение о его ценности». Исследователь обязан «критически отнестись к каждому сообщаемому факту, к каждой оценке людей и событий, даваемой составителем документа» на основе выяснения «классовой сущности событий и действий людей, отразившихся в документе»⁴¹. Перед ним ставится задача анализа происхождения документа; причем традиционные для архивоведческого журнала элементы его (подлинность, атрибуция, время, место и обстоятельства возникновения документа) дополняются требованием выявления источников содержания документа и степени их отражения в документе, его достоверности. Методически автор делит исследование источника на два этапа: критический анализ и синтез. На первом этапе анализируются изолированные факты, затем выверенные критикой факты классифицируются, сведения группируются в методические построения, обнаруживающие взаимосвязь фактов. Только после этого исследователь-историк способен правильно понять документ и овладеть его содержанием. Шилов максимально расширяет источниковедческие задачи работы археографа за счет включения в них моментов герменевтики: «Исследователь должен узнать мысль автора; определить то, что хотел он сказать, о чем он умолчал по известным ему соображениям, какие причины помешали ему сказать то, что он хотел»⁴². В этом Шилов близок к пониманию задач истолкования исторического источника А. С. Лаппо-Данилевским: выявить «то самое значение», которое творец придавал своему произведению⁴³. Этому подчинена и вспомогательная задача комментирования отдельных деталей источника, решение которой «поставит читателя в условия того лица, к которому обращался автор — составитель документа, и сообщит читателю те сведения, которые, как полагал автор-составитель, были известны этому лицу как современнику»⁴⁴.

Рассматриваемая работа А. А. Шилова наиболее полно в архивоведческой периодике формулирует задачи источниковедческой критики и свидетельствует о постоянном развитии и углублении требований к источниковедческому изучению документов в процессе различных видов архивной работы с ними.

Для архивоведческого журнала характерен, таким образом, специфический подход к источниковедению, выделение в его предмете вопросов, непосредственно связанных с архивной практикой. Нередко эти вопросы включаются в задачи архивоведения и археографии. Понимание предмета источниковедения развивалось от представления о нем как чисто прикладной дисциплине до выделения в ней черт общего учения об источнике. В целом «Архивное дело» достаточно полно определяло круг задач, стоящих перед источниковедческим исследованием, подчеркивая то принципиально новое, что внесло в него советское источниковедение, — классовый анализ документа.

В тесной связи выступают источниковедение и архивоведческие дисциплины и при рассмотрении их роли и места в исторической науке. В «Архивном деле», с одной стороны, подчеркивалось их значение для развития исторической науки, а с другой — их вспомогательный характер. Но если руководителям Централархива зависимость уровня исторической науки от состояния и степени разработанности источниковой базы была ясна скорее эмпирически⁴⁵, то С. В. Рождественский приходит к

⁴¹ Шилов А. А. К вопросу публикации исторических документов // АД. 1938. № 1(45). С. 6, 10.

⁴² Там же. С. 27—28.

⁴³ Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. СПб., 1913. Вып. 2. С. 408.

⁴⁴ Шилов А. А. К вопросу публикации исторических документов. С. 6.

⁴⁵ Покровский М. Н. Политическое значение архивов. С. 5—6; *Он же*. Архивное дело в рабоче-крестьянском государстве. С. 5—10; *Максаков В. В.* Некоторые итоги // АД. 1925. Вып. 3/4. С. 26; *Он же*. Задачи архивных органов в связи с десятилетием Октябрьской революции // АД. 1927. Вып. 11/12. С. 54.

важным в методологическом и историографическом плане заключениям в результате обобщения опыта развития отечественной исторической науки. Это его выводы о взаимозависимости современных источниковедческих и исторических исследований и относительной самостоятельности источниковедения, необходимости его опережающего развития⁴⁶.

Рождественскому ясна взаимосвязь объекта, тематики («интересов») и методики («приемов») источниковедения и исторического исследования, хотя, прослеживая ее на широком историографическом фоне, исследователь приходит тем не менее к неверной оценке основ такой взаимосвязи. Исходя из идеалистических методологических посылок, он увидел эти основы в «определенной традиции „добрых нравов“, не предписанных никаким внешним кодексом, но имеющих моральную силу и вытекающих из тех требований, какие ставит наука сама себе по мере своих успехов»⁴⁷. В 1923 г. и журнал, и его автор еще далеки от материалистического объяснения явления, но интерес представляет сама постановка Рождественским вопроса о наличии такой историографической связи и ее зависимости от исторической эпохи. Рождественский обращает внимание на необходимость использования источниковедом достижений исторической науки. Эта же мысль высказывается С. Н. Валком: обзоры документов источниковедческого характера должны исходить из «тех точек зрения на материал (иначе, на источник), которые господствуют в данный момент в исторической науке»⁴⁸.

Если в дальнейшем в «Архивном деле» связь истории с источниковедческой базой рассматривалась главным образом с одной точки зрения — обязанностью архивов по обеспечению источниками актуальной исторической тематики⁴⁹, то в первые годы существования журнала эта проблема ставилась глубже — прослеживалась зависимость их не только в тематике, но и методике исследования⁵⁰.

С вопросом о предмете, задачах и месте источниковедения как вспомогательной исторической дисциплины связано и определение объекта его изучения.

Тем же С. В. Рождественским предпринята попытка подробного рассмотрения объекта источниковедения в историографическом плане. Он предлагает следующую схему развития объекта источниковедческой критики: в XVIII — первой четверти XIX в. это были «единичные памятники, преимущественно повествовательные и отчасти законодательные, по которым восстанавливалась внешняя политическая история», с 30-х годов прошлого века от источниковедения стали требоваться изучение и оценка актового материала; наконец, все более широкое вовлечение в последней трети XIX в. в научный оборот архивных документов поставило вопрос о источниковедческом анализе актового материала. Рождественский наметил три характерные черты развития объекта исследования источниковедения как научной дисциплины: 1) постоянное расширение этого понятия, вовлечение все новых предметов в процесс источниковедческого анализа и чисто количественный их рост; 2) непосредственная связь объекта источниковедческой критики с интересами и уровнем развития исторической науки (для первого периода — это «внешняя, политическая» история описательного плана, обращение к актовым источникам знаменует перенесение центра тяжести на изучение внутренних закономерностей исторического процесса, а привлечение архивного материала характерно для углубления интереса ученых к событиям новой истории); 3) влияние расширения объекта источниковедческого анализа на развитие его методики (так, с введением в научный оборот массовых документов изменился подход к анализу источников

⁴⁶ *Рождественский С. В.* Указ. соч. С. 1.

⁴⁷ Там же. С. 6.

⁴⁸ *Валк С. Н.* Архивные обзоры. С. 55.

⁴⁹ *Сергеев А. К.* вопросу о разработке правил издания документов ЦАУ СССР. С. 58.

⁵⁰ См. также: *Попов А.* Указ. соч. С. 47.

вообще — они рассматриваются в сравнении, взаимосвязи, эволюции)⁵¹.

Исследователем отмечен и хронологически последний важнейший для источниковедения момент — расширение источниковой базы исторической науки после Великой Октябрьской социалистической революции, необходимость введения в научный оборот «колоссального Единого государственного архивного фонда». Однако дальше этого Рождественский не пошел: обобщающая источниковедческая оценка новых материалов не содержит элементов классового анализа документов, носит во многом формальный характер⁵². Это показательная для начального этапа становления советской исторической науки позиция буржуазного ученого: очевидные изменения он фиксирует, но осмыслить их, оставаясь на старых методологических принципах, не может. Рождественский не заметил и намечившихся к тому времени кардинальных изменений в тематике исторических исследований, требовавших введения в научный оборот новых исторических памятников, и принципиально нового подхода к традиционному кругу источников. Включение документов ЕГАФ в источниковую базу исторической науки рассматривается им лишь как развитие и углубление процессов, начавшихся в источниковедении со времени обращения историков к архивам во второй половине XIX в. Но сама постановка в общем виде вопроса об объекте изучения источниковедения, связи его с задачами исторической науки была существенным вкладом архивоведческой периодики в разработку теоретического источниковедения.

Важно отметить и рассмотрение указанных вопросов в историографическом плане. Статья С. В. Рождественского наглядно демонстрировала перспективность историографических методов исследования проблем теоретического источниковедения.

Иные аспекты этой проблемы открываются в работах историков-марксистов. Ими фиксируется расширение источниковой базы исторической науки и раскрываются не только формально-научоведческие, но и социально-политические основы этого процесса в историографии. М. Н. Покровский делает вывод о зависимости состояния исторической науки от источниковой базы, опираясь на понимание политического, классового характера документов. Тематическая ограниченность русской исторической науки до Октября объясняется им узостью источниковой базы, недоступностью для исследователей документов новее XVIII в. («архивный рубез исторической науки»), с одной стороны, и социальной ограниченностью буржуазных исследований — с другой⁵³. Открытие доступа в архивы после Великой Октябрьской социалистической революции не только дало возможность использования массы новейшей документации, но и ввело в научный оборот политически чуждые старым историкам документы. Перед советскими историками, архивистами ставилась задача источниковедческого изучения этих материалов⁵⁴.

И. Л. Маяковский прослеживает видовое развитие источников как объекта научного интереса. Преимущественное внимание к так называемым грамотам он связывает с «соответственной классовой структурой общества», в котором господствовали феодальные пережитки.

Период становления буржуазного строя характеризуется введением в научный оборот хотя и с ограниченным использованием новых категорий источников, в том числе частных документов и архивов⁵⁵. Кардинальные изменения, по мысли автора, внесены революционными преобразованиями в Советской России. Создание ЕГАФ способствовало расширению традиционных рамок архивов-хранилищ официальных бумаг и включению в формируемую государством базу исторической науки самого широкого круга письменных памятников. «Революция, таким образом, подошла ко всем письменным памятникам с единой широкой меркой,

⁵¹ *Рождественский С. В.* Указ. соч. С. 2—4.

⁵² Там же. С. 4—5.

⁵³ *Покровский М. Н.* Архивное дело в рабоче-крестьянском государстве. С. 5—6.

⁵⁴ Там же. С. 9.

⁵⁵ *Маяковский И. Л.* Архив, библиотека и музей // АД. 1926. № 5/6. С. 46—49.

построенной на социологическом принципе и признающей их, какого бы происхождения они ни были, продуктом соответственной эпохи и, следовательно, свидетелями о ней, будь то официальные документы учреждений, деловые бумаги частных лиц, мемуары общественных деятелей, рукописи писателей и т. д.»⁵⁶.

Таким образом, архивоведческий журнал воспринимает объект историко-ведческого исследования как понятие, изменяющееся в процессе исторического развития и стремящееся к постоянному расширению. Изменения в тематике, социальном происхождении, видовом и количественном составе источников исторической науки рассматриваются в единстве и взаимосвязи.

Архивоведческий журнал в силу своей отраслевой специфики сосредоточивает внимание на одной категории исторических источников — материалах архивного хранения. При неформальном подходе к определению понятия «исторический источник» можно сделать вывод, что для «Архивного дела» понятия «архивный материал» и «исторический источник» едины.

В 20-е годы неоднократно предпринимались попытки определения сущности и границ архивного материала. Это делалось как в связи с разработкой вопросов теории архивоведения, так и в процессе административных споров между Центрархивом, Главнаукой и другими учреждениями по вопросам распределения между ними документов.

В ходе этих споров на страницах «Архивного дела» предлагалось включать в предметы архивного хранения и исследования не только письменные памятники, но и графические, картографические, печатные документы, а также вещественные памятники, если их можно рассматривать как приложение к письменным (например, вещественные доказательства в приложениях к судебным материалам или печатный станок в дополнение к прокламации, отпечатанной на нем⁵⁷). Единства мнений в этом вопросе достигнуто не было. Восторжествовала более умеренная точка зрения, рекомендовавшая в таких случаях ограничиваться фиксацией формальной логической связи письменных и вещественных источников, не стремясь к механическому объединению их⁵⁸.

Однако в ходе этой дискуссии были высказаны важные в историко-ведческом плане мысли как для характеристики отдельных видов, так и для понимания исторического источника вообще. Существенно утверждение историко-ведческого значения графических, картографических, а также фото- и кинодокументов⁵⁹. Обсуждение вопроса о печатных материалах привело к выводу об особой ценности периодики как исторического источника и возможностях этого вида источников письменных документов для определенных исторических периодов⁶⁰. Была сделана попытка определения документоведческих особенностей приложений, не лишенная историко-ведческого интереса: «Обособленность приложения от относящегося к нему письменного материала выражается в том, что оно как предмет внешнего мира имеет самостоятельное бытие независимо от данной переписки или письменного производства и лишь в силу специальной связи с последними оказывается оторванным от своего основного назначения»⁶¹. Анализ связи и соотношения письменных и вещественных памятников сыграл определенную роль в формировании представлений о комплексе источников по теме, а также о среде обитания источника⁶².

⁵⁶ То же (окончание) // АД. 1926. № 7. С. 22.

⁵⁷ Архивная терминология // АД. 1925. № 2. С. 50—53; *Маяковский И. Л.* Архив, библиотека, музей. С. 50.

⁵⁸ *Анфилов Б. И.* Вещественные памятники в архивах // АД. 1928. № 2(15). С. 32.

⁵⁹ *Левин Л.* Фото-киноархив // АД. 1926. № 8/9. С. 46—47.

⁶⁰ Архивная терминология. С. 50; II конференция архивных работников РСФСР: (Краткий отчет) // АД. 1927. № 11/12. С. 61.

⁶¹ *Анфилов Б. И.* Указ. соч. С. 32, 36.

⁶² Искусственность архивного хранения вещественных памятников обуславливалась «оторванностью этих памятников от вещественной среды, к которой относятся

Точка зрения буржуазного источниковедения на превалирующую роль отдельных видов документов не получила поддержки в советском архивоведении. И. Л. Маяковский подверг критике позицию буржуазного источниковедения в оценке «деловых бумаг», которые рассматривались как «часть самого... факта, события; это не подлежащий никакому сомнению правдивый объективный свидетель о прошлом, его материальный остаток, не вызывающий никакого субъективного мнения или предположения». Маяковский вскрыл классовую сущность таких воззрений, показав, что в основе их лежит «абсолютизация государственной власти в буржуазном обществе, наделение некой мистической силой документов, от нее исходящих»⁶³. Критика эта являлась тем более актуальной, что теория буржуазного источниковедения отнюдь не была в тот период полностью преодолена, да и позже на страницах «Архивного дела» появлялись отголоски таких воззрений. Так, например, Б. И. Анфилов признает так пазываемые частнопубличные документы предметами архивного хранения лишь как «достоверные источники для наведения справок», отделяя их от «первоисточников о познании прошлого»⁶⁴.

Однако в целом архивоведческий журнал видел в архивных материалах прежде всего ценнейшие источники исторического исследования. Так понимали архив С. Н. Валк, В. В. Максаков, И. Л. Маяковский, С. В. Рождественский. Следует отметить, что М. Н. Покровский, выступавший на страницах «Архивного дела» с пропагандой главным образом политического и пароднохозяйственного значения архивов, считал в то же время необходимым подчеркнуть их роль прежде всего для истории: «...Я несколько не думаю отрицать факта, что архивные документы в первую голову нужны и необходимы для исторической науки»⁶⁵.

С этой точки зрения определяется и понятие «исторический источник». Наиболее широкое и общее определение дает И. Л. Маяковский: первоисточники человеческих знаний, «т. е. творческие акты человека, выразившиеся на письме». На этом основывается и различие между историческим источником и историческим исследованием: исторический источник как творческий акт оригинален, неповторим, а историческое исследование, которое базируется на его истолковании, «бывает многозначным». Исторический документ «всегда остается принципиально неисчерпаемым источником новых данных»⁶⁶.

К определению И. Л. Маяковского примыкает и определение А. А. Сергеева: для историка-марксиста документ — это «средство достижения познавательной цели». Ему служит научно-исторический анализ классовой сущности документа. Без такого анализа работа с документом не достигает познавательных целей, оставаясь самоцелью, как было у А. С. Лаппо-Данилевского⁶⁷. И Маяковский и Сергеев подчеркивают, таким образом, познавательную роль источника, но Сергеев идет дальше, обращаясь к его гносеологической сущности. Если известный архивист В. В. Шереметевский, занимавшийся унификацией архивной терминологии, и Маяковский видят между письменным памятником и историческим источником лишь возможную временную дистанцию (Шереметевский рассматривает связь современного «юридического» значения документов с предполагаемым будущим историческим⁶⁸, а Маяковский пишет о причислении к первоисточникам рукописей, с течением времени утративших непосредственное практическое значение⁶⁹), то Сергеев связывает выявление потенциальной ценности документа как исторического источника с критикой, с источниковедческим анализом его классовых корней.

и которая поэтому необходима для выявления их научного значения» (Анфилов Б. И. Указ. соч. С. 32).

⁶³ Маяковский И. Л. Архив, библиотека, музей. С. 50—51.

⁶⁴ Анфилов Б. И. Указ. соч. С. 38.

⁶⁵ Покровский М. Н. Архивное дело в рабоче-крестьянском государстве. С. 6.

⁶⁶ Маяковский И. Л. Архив, библиотека, музей (окончание). С. 23—24.

⁶⁷ Сергеев А. К вопросу о разработке правил издания документов ЦАУ СССР. С. 64.

⁶⁸ Архивная терминология. С. 53.

⁶⁹ Маяковский И. Л. Архив, библиотека, музей (окончание). С. 27.

Подробнее эта точка изложена у И. Ф. Колесникова. Он различает два понятия: памятники прошлого и исторические источники, относя к ним многочисленный и разнообразный ряд предметов «от простейшего каменного топора первобытного человека до сложнейших по содержанию письменных актов культурного человечества». Превращение памятников прошлого в исторические источники связано с критическим исследованием их методами ряда вспомогательных дисциплин и оценкой. Отсюда и представление Колесникова об архивах как хранилищах «массы архивного материала», из которого «выявляются исторические источники»⁷⁰.

Колесников повторяет в данном случае свое определение источника как памятника былого, становящегося историческим источником после кропотливого исследования ученого историка источниковеда, предложенное еще в 1913 г., когда эта мысль, по мнению Л. Н. Пущкарева, не была оценена и развита⁷¹. Рассуждения Сергеева 1935 г. вряд ли можно считать прямым развитием определения Колесникова 1913 г. Они носят самостоятельный характер.

Для Колесникова, так же как и для его предшественников из «Архивного дела», исторический источник — это материал, из которого история черпает факты для своих построений. Еще Валк в упоминавшейся статье 1923 г. подчеркивал значение архивных документов с точки зрения содержащихся в них исторических фактов и требовал от архивиста источниковедческих знаний для извлечения их из источника, «перехода от источника к факту»⁷². По мысли Валка, документ или дело содержит информацию о том или ином факте, хотя и не равноценную, а эти отдельные факты служат основой исторических обобщений: «Дела об Иванове, Петрове и т. п. будут вместе с тем делами о железнодорожнике, участвовавшем в забастовке, об учителе, благонадежность которого заподозрена, о рабочем, распространявшем нелегальную литературу, и т. д. Каждое из этих личных дел имеет, следовательно, свой другой конец, упирающийся непосредственно в какой-либо факт общественного или революционного значения»⁷³.

У историков, сотрудничавших в «Архивном деле», не возникало сомнений в том, что исторический источник отражает реальную действительность. Для официальной документации, составлявшей основную массу источников архивного хранения и рассматривавшейся в большой степени как исторические остатки, это был традиционный взгляд. Характер исторического остатка придает документу и его вещественная, материальная сторона: краски, чернила, переплет, украшения и т. п., которая отражает быт эпохи и формы творческой деятельности человека. Яркие в этом отношении памятники «независимо ни от их содержания, ни от их размноженности являются вещественными первоисточниками»⁷⁴.

Авторам «Архивного дела» ясно было и то, что документальный остаток часто свидетельствует о других реально существовавших явлениях и исторических процессах. Об этом, в частности, говорит утверждение о практической неперсчерпаемости источника в процессе его познания⁷⁵, рассмотрение внешних особенностей документа как свидетельства о явлениях, не нашедших прямого отражения в его содержании⁷⁶. Однако во всей полноте это положение теоретически не формулируется, а раскрывается в ходе анализа конкретных категорий и групп источников. Не делая методологических обобщений, архивоведческий журнал на практике подводил своих читателей к выводам из области теоретического источниковедения.

⁷⁰ Колесников И. Ф. Вспомогательные исторические дисциплины и их значение для истории и архивной работы // АД. 1940. № 2(51). С. 12—13.

⁷¹ Пущкарев Л. Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975. С. 39.

⁷² Валк С. Н. Архивные обзоры. С. 58.

⁷³ Там же. С. 59.

⁷⁴ Маяковский И. Л. Архив, библиотека, музей (окончание). С. 25.

⁷⁵ Там же. С. 24.

⁷⁶ Выставка плакатов и документов в АОР // АД. 1926. № 5/6. С. 144—146.

Н. Б. Халимов

К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ СОБРАНИЯ ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ АН ТУРКМЕНСКОЙ ССР

Восточные рукописи в Туркменистане ученые начали собирать еще задолго до Великой Октябрьской социалистической революции, и благодаря их усилиям некоторые из них попали в хранилища России и Европы. С созданием Закаспийской областной общественной библиотеки в Ашхабаде (1895 г.)¹ восточные рукописи составили отдельное собрание и вошли в специальный фонд этой библиотеки. Однако подлинно научное собрание и изучение рукописей началось только после образования Туркменской Советской Социалистической Республики (1924 г.).

Первые наиболее зримые успехи в собирании восточных рукописей связаны с организацией в 1928 г. Института туркменской культуры (Туркменкульт) при Совнарком ТССР. Институт через постоянного представителя в Москве устанавливал прямые контакты с научными учреждениями АН СССР, решая вопросы, связанные с деятельностью Туркменкульта. По инициативе Туркменкульта правительство Туркменистана обратилось к Академии наук СССР с просьбой о создании специальной комиссии, которая руководила бы изучением края. Комиссия создается в 1929 г. под председательством А. Н. Самойловича — будущего крупного востоковеда страны. В состав комиссии вошли А. Е. Ферман, В. В. Бартольд, Н. И. Вавилов, А. Ю. Якубовский и многие другие крупные ученые, представлявшие различные отрасли наук.

Как видно из состава комиссии, в нее входили три крупных востоковеда, широко известные своими выдающимися работами по истории и литературе туркменского народа, созданными на основе исследования рукописных материалов. У В. В. Бартольда есть краткие описания ашхабадских рукописей, что известно из его отчетов о научных командировках еще в дореволюционный Туркестан². А. Н. Самойлович, будучи в Туркменистане, посещал туркменских коллекционеров и пользовался их услугами (Хождалы-молла и др.). Известна переписка сотрудников Туркменкульта с востоковедом А. А. Семеновым по поводу издания рукописей³. Сотрудничество туркменских ученых с упомянутыми востоковедами могло только способствовать собиранию рукописей. Поэтому начало собирания письменного наследия в Туркменистане может быть определено концом 20-х годов. К этому времени относится организация первых научных экспедиций за рукописями, снаряжаемых не без участия того же Туркменкульта. Об одной из таких экспедиций в Чарджоуский и Керкинский районы сообщает журнал «Туркменоведение» за 1929 г.⁴ Изучив время поступлений рукописей, Г. Назаров также пришел к выводу, что начало собирания письменного наследия в ТССР заложено в конце 20-х годов⁵.

К тем же временам относится установление связей с людьми, которые по мере своих возможностей помогали ученым собирать памятники письменности. Услугами таких добровольных помощников всегда пользовались ученые и других хранилищ нашей страны, однако специфика со-

¹ Ныне Туркменская государственная библиотека им. К. Маркса.

² См., например: Бартольд В. В. Отчет о командировке в Туркестанский край летом 1916 г. // Сочинения. М., 1973. Т. VIII. С. 336—339.

³ ЦГА ТССР. Ф. 63. Оп. 1. Д. 167.

⁴ Туркменоведение. 1929. № 9. С. 75.

⁵ Назаров Г. Каталог тюркоязычных рукописей. Ашхабад, 1980. С. 5. На туркм. яз.

бирания восточных рукописей требовала умелого использования лиц, которые чаще всего выступали посредниками между учеными и владельцами рукописей. Позднее сотрудники Института языка и литературы (ИЯЛ) им. Махтумкули АН ТССР добились определенных успехов в собирании материалов, разъясняя значение письменного наследия в деле изучения древней литературы. Только благодаря содействию отдельных представителей местного населения тех или иных районов и аулов удалось устанавливать благоприятные контакты с частными владельцами⁶.

Все приобретенные рукописи и старопечатные книги хранились при библиотеке Туркменкульта, затем при библиотеке Туркменского научно-исследовательского института (1932 г.), а после 1941 г. — при библиотеке Туркменского филиала АН СССР. В 1951 г. был организован ИЯЛ, где Рукописный фонд составил самостоятельный сектор, но рукописи по-прежнему хранились в Центральной научной библиотеке (ЦНБ) АН ТССР. Однако 31 августа 1958 г. в библиотеке произошел пожар и ее фонды почти полностью сгорели, но рукописи были спасены. Говоря об этом трагическом случае, нельзя не упомянуть о самоотверженном, равном подвигу поступке тогдашнего заведующего сектором Рукописного фонда Азапа Таимова, оказавшегося с первых минут пожара у библиотеки. Большой энтузиаст собирания рукописей, инвалид войны Таимов вошел в горящее здание, увлекая за собой пожарников и сотрудников библиотеки. По его воспоминаниям, в тот день потери составили 200 рукописных и старопечатных книг, но большую часть сгоревшего составляли печатные книги.

С тех пор Рукописный фонд разместился в здании институтов Отделения общественных наук, занимая четыре комнаты не оборудованного и не приспособленного для хранения цокольного этажа. Одной из основных причин передачи рукописей в ИЯЛ являлось то, что большинство рукописей, составлявших в то время фонд, представляли собой произведения классической туркменской литературы XVIII—XIX вв., которые изучались по мере возможностей и сил и публиковались для массового читателя. В середине 70-х годов Рукописный фонд на некоторое время был передан Отделу востоковедения, открывшемуся при Институте истории АН ТССР. В 1986 г. Рукописный фонд занял одно крыло здания Института геологии с площадью 404 квадратных метра.

Важным показателем любого хранилища рукописей является как качество фонда, так и количество собранного материала. Однако указать точное количество рукописей фонда весьма затруднительно не столько из-за постоянного, хотя и в небольшом количестве, пополнения новыми рукописями, сколько из-за отсутствия тщательно составленной рабочей картотеки. Рукописи на арабском языке в 1982 г. составили 810 списков при 270 названиях. По нашим предварительным подсчетам, персидско-таджикские рукописи составили около 400 списков при 150 названиях. Заведующий Рукописным фондом Г. Назаров, приводя приблизительный подсчет всего содержимого 5200 ед. хр. (вместе со старопечатными книгами и записями фольклора), определяет количество рукописей в 3500 ед., «из них приблизительно две тысячи рукописей на тюркских языках»⁷.

Если учесть, что основа собирания в ТССР была заложена в конце 20-х годов, то коллекция из 3,5 тыс. рукописей для учреждения, специально созданного в этих целях, явно мала. В организации собирания рукописей был допущен ряд грубых ошибок, из-за чего в фонд не попало большое количество материалов, которые можно было свободно собирать при надлежащей организации полевых археографических работ. Исследователей, как всей совокупности ныне собранных письменных памятников Туркменистана, так и изучающих отдельные отрасли древних наук,

⁶ Халимов Н. Б. О собирании и изучении арабографических рукописей в Туркменской ССР // АЕ за 1977 год. М., 1978. С. 219.

⁷ Назаров Г. Указ. соч. С. 6.

будут интересовать причины, вследствие которых рукописи в собрании АН ТССР оказались незначительными в количественном отношении. Выявление этих причин потребует ответа на вопросы, кто, когда и каким образом собирал рукописи, т. е. повлечет за собой обязательный экскурс в историю сложения и развития самого Рукописного фонда.

Результаты экспедиций, организованных в конце 20-х годов, отражены в печати, и читающие круги общественности республики узнали о поисках ученых и об их приобретениях. Таким образом, приходится констатировать факт, что уже тогда была заложена основа использования средств коммуникации, что свидетельствовало о начале нового государственного подхода к сохранению письменных памятников культуры. В 30-е годы, когда был наиболее благоприятный период для пополнения рукописных фондов, эта работа не получила продолжения⁸.

Научные учреждения в то время не обратили должного внимания на проблему сбора и сохранения бесхозных культурных ценностей. Приобрести большие коллекции рукописей тогда было относительно легко по всей Средней Азии даже без снаряжения специальных экспедиций, наблюдаясь только командировками отдельных сотрудников. Повсюду наблюдается спад интереса к письменным памятникам — явление общеизвестное, но заслуживающее специального изучения. «Несмотря на громадные достижения советских научных учреждений, архивов и рукописных хранилищ в области собирания письменных исторических и литературных памятников в годы между окончанием гражданской и началом Великой Отечественной войны, экспедиционные формы собирания рукописей у населения не получили в тот период значительного развития»⁹.

Незначительное оживление в деле собирания материалов наступило после Великой Отечественной войны. В этот период уделяется некоторое внимание публикации имевшихся материалов из рукописных книг туркменской литературы, но по-прежнему из виду упускаются пополнение Рукописного фонда, организация археографических экспедиций и использование средств коммуникаций для разъяснения среди населения историко-культурного значения и ценности рукописных материалов.

Отдельные поступления рукописей в фонд отмечены и в 50-е годы как результат плановых командировок в разные районы республики отдельных сотрудников фонда. Однако комплексные археографические экспедиции, снаряженные для выявления новых рукописных материалов, как это делалось АН УзССР или АН ТаджССР, не проводились. Имевшие место групповые выезды ученых ИЯЛ, обычно связанные с юбилейными встречами с земляками того или иного представителя туркменской классической литературы, сопровождались приобретением некоторого количества рукописей. Такие встречи ученых с общественностью, как правило, редки и скоротечны, а сбор рукописей никак нельзя назвать запланированным и продуманным.

Сотрудники ИЯЛ вместе с работниками Рукописного фонда свои усилия направляли на приобретение рукописей туркменской литературы. У частного владельца спрашивались о наличии рукописей «по языку и литературе» в виде сборников стихов, эпоса и записей туркменского фольклора в арабской графике. Если таких материалов у владельца не имелось, приобреталось то, что мог тот предложить или уступить — рукописи и литографические книги на арабском и персидско-таджикском языках. Сбор материалов на этих двух языках отходил на второй план из-за незнания этих восточных языков. Такие известные специалисты-востоковеды, как В. В. Лебедев и О. Ф. Акимускин, ознакомившиеся с арабскими и персидско-таджикскими рукописями из собрания АН ТССР, отметили случайность приобретения материалов на упомянутых языках.

Не производился сбор рукописных книг и документов на армянском, бухарско-еврейском, афганских, белуджском и русском языках, хотя эти

⁸ Халимов Н. Б. Указ. соч. С. 219.

⁹ Черных В. А. О состоянии и задачах советской полевой археографии // Проблемы полевой археографии. М., 1979. С. 21.

материалы встречались в некоторых городах и районах республики (Ашхабад, Мары, Чарджоу, Красноводск, Иолотань, Байрам-Али, Кушка и др.). Между прочим, некогда приобретенная часть Торы, представляющая собой свиток пергамента XIX в., является единственной рукописью в фонде на древнееврейском языке¹⁰. Наличие рукописей на этих языках, несомненно, придало бы рукописному фонду еще большее значение.

Если выехавший за новыми материалами сотрудник не мог приобрести что-нибудь в арабской графике, ему в обязанность вменялось записывать устное народное творчество и сдавать эти записи в фонд. В результате этого в фонде восточных рукописей хранятся тысячи папок записей фольклора, а также тысячи метров магнитных лент с записями песен народных певцов-бахши.

В то же время повсеместно по республике продолжали встречаться бесхозные залежи рукописей и книг в арабской графике при мечетях и мавзолеях отдаленных районов республики¹¹. Основной причиной отказа от этих скоплений являлось то, что они принимались за сугубо религиозную литературу, т. е. материал, не представляющий интерес для сотрудников ИЯЛ, среди которых до 1960 г. не было специалиста, который мог бы установить их значение. Поэтому рукописи на арабском и персидско-таджикском языках практически не приобретались. Случайно приобретенные, но довольно интересные, а порой даже уникальные или редкие рукописи на этих языках регистрированы под одним шаблонным названием — «Дини меселелер» («Религиозные вопросы»).

Между тем Закон охраны памятников истории и культуры в равной степени распространяется на рукописи самого разного содержания, в том числе и религиозного. «Наряду с общими принципами выявления, постановки на учет и собирания рукописных источников, проводимых на территории нашей страны, работа с памятниками восточной письменности имеет свои особенности, определяемые прежде всего тем, что нередко обнаруженные рукописи являются достоянием истории и культуры одновременно нескольких народов, очень часто — обширных культурных ареалов (Ближнего и Среднего Востока, включая Кавказ и Закавказье, Поволжье, Среднюю Азию, Казахстан и другие регионы вплоть до Южной Азии и Дальнего Востока). Иными словами, археографу-востоковеду, обнаружившему ту или иную рукопись, приходится порой сталкиваться с поразительным переплетением разноязычных культур и традиций (будь то религиозно-философский трактат или художественное произведение)»¹². Нигилистическое отношение к определенному жанру литературы, в том числе и к религиозному, есть искусственное обеднение рукописохранилища, а такое отношение, к сожалению, имело место в истории собирания рукописей в АН ТССР.

Самой крупной коллекцией частного собрания, когда-либо поступившей в фонд, является часть книг муллы Торе-Мурада Рахман-Кули, приобретенная АН ТССР в начале 60-х годов. Мулла Торе жил в с. Конгур (вблизи Мары), был владельцем медресе и имел большую библиотеку. Он являлся крупным представителем туркменского духовенства. Х. Деряев, приложивший много усилий и труда для пополнения фонда, рассказывает, что ему долго, но тщетно пришлось доказывать дирекции института острую необходимость приобретения собрания муллы Торе. В конце концов Деряев обратился к известному советскому востоковеду

¹⁰ Свиток некогда имел свой шифр, но впоследствии выпал из инвентарной книги фонда и был вновь принят на учет в 1979 г.

¹¹ Как сообщил Т. Ходжаниязов, археолог по специальности, большие бесхозные скопления книг в могильнике местечка Садвар и в селении Бугурчи Чарджоуской области он видел в 1962 и 1966 гг. Кроме того, о подобных скоплениях за последние сведения давали зоотехники, геологи и водители машин, посещавшие далекие пустынные мазары и кладбища в 60-х годах.

¹² Гирс Г. Ф. О некоторых проблемах собирания и изучения памятников письменности народов Востока // Проблемы полевой археографии. С. 43—44.

академику И. А. Орбели, который написал обоснованное письмо президенту АН ТССР Ш. Батырову и подчеркнул важность приобретения этого собрания. В случае отказа, писал И. А. Орбели, собрание приобретает Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. Ш. Батыров, до того не проинформированный об этом деле, понимал всю важность вопроса и поручил директору ИЯЛ немедленно купить всю библиотеку муллы Торе в полном объеме. Однако ученые, выехавшие за этой библиотекой, приобрели, к сожалению, лишь одну четверть всех рукописей и книг¹³.

Было допущено много ошибок в деле собирания рукописей, и в одной статье перечислить их не представилось возможным. В заключение особо упомянем одну из них, бытовавшую во все времена существования Рукописного фонда и непреодоленную до сих пор,— ошибку, связанную с оплатой владельцу стоимости рукописи. Оплата заключается в следующем: поступивший материал представлялся специальной оценочной комиссией; она определяла стоимость поступления по своему усмотрению, часто интуитивно, исходя из соображений одного или двух членов комиссии, причем цены на рукописи всегда были занижены. Ограничимся двумя примерами:

Г. Назаров сообщил, что, будучи рядовым сотрудником фонда, приобрел хороший список дивана Махтумкули, за который владелец просил всего 60 руб. Но бухгалтер нашел такую цену «за старую книжку» слишком дорогой и только по настойчивости Г. Назарова выплатил эту сумму владельцу. При этом расходы за почтовые услуги были вычтены бухгалтерией из этой суммы, в результате чего владелец получил менее 60 руб. Между тем каждому туркмену известно из рассказа Н. Сарыханова «Китап» («Книга»)¹⁴, что главный герой отдал за диван Махтумкули верблюдицу.

А. Кудратуллаев, сотрудник Фонда, получил у О. Эсенова из Туркмен-Калинского района рукопись «Мухит ас-Сарахси» огромных размеров и большого объема (1430 л.). Хотя в фонд поступила первая книга-великан, оценочная комиссия выплатила за нее два десятка рублей. Эта рукопись попала в Туркмению из Бухары, из медресе Гаукушан. Другой том этой книги попал в Ташкент (ИВ АН УзССР): том содержит приписку-оценку в 22 динара (примерно 132 руб. золотом)¹⁵.

Деловой обмен опытом с другими хранилищами страны был недостаточно организован. Изредка сотрудники фонда участвовали в конференциях, связанных со сбором и изучением рукописей, но полученный опыт не внедрялся в практику. Кстати, один из сотрудников фонда, участвовавший в ташкентской конференции востоковедов (1962), сдал в фонд расценку на покупаемые рукописи, но оценочная комиссия ни разу ею так и не воспользовалась¹⁶.

Несмотря на ряд негативных явлений, имевших место в прошлом, ныне Рукописный фонд все же располагает достаточной базой для будущих исследований в области литературы, в особенности ее поэзии и эпоса. В той или иной степени в фонде представлены списки рукописей, являющихся первоисточниками для изучения языка, литературы, истории и культуры братских народов Узбекистана, Таджикистана, Азербайджана, Казахстана и Кара-Калпакии, а также народов сопредельных стран Востока. Наряду с рукописями все большее значение начинают приобретать старопечатные восточные книги, которых в собрании АН ТССР насчитывается несколько тысяч экземпляров. Речь идет о литографированных книгах, изданных как в Средней Азии, так и в Индии, Иране, Египте, Турции и др.

¹³ Собрание муллы Торе составило основу фонда арабских рукописей АН ТССР, работа над каталогом которого завершена.

¹⁴ Сарыханов Н. Китап // Совет эдебияты. Ашхабад, 1941. № 2.

¹⁵ Приписка относится, видимо, к концу XIX — началу XX в. См.: Собрание восточных рукописей АН УзССР. Ташкент, 1957. Т. IV. Оп. 3074.

¹⁶ Рукописный фонд ИЯЛ АН ТССР. Док. № 1762.

По своей тематике собранные источники охватывают все жанры литературы всех известных в древности наук. Естественно, источники туркменской классической литературы собраны наиболее полно; в этом отношении на первом месте — собрание АН ТССР. Что касается рукописей на арабском языке, то их в собрании АН ТССР, по имеющимся новейшим источниковедческим данным, больше, чем в Афганистане, Ливии, Иордании и Катаре, вместе взятых. Персидско-таджикские рукописи нуждаются в дополнительном изучении в количественном и тематическом отношении, но уже сейчас можно определенно сказать, что среди них большую часть составляет коллекция рукописей прославленной персидско-таджикской поэзии. В этой коллекции исторических и географических сочинений несколько больше, чем в арабских и тюркских рукописях. Тысячи актовых документов хранятся как самостоятельно, так и среди листов отдельных рукописей. Они написаны на таджикском, узбекском и туркменском языках и представляют интерес для историков, филологов, экономистов и социологов. Много документов эпистолярного характера, хотя они тоже отдельно не сгруппированы.

Сказанного вполне достаточно для констатации факта: собрание восточных рукописей АН ТССР по историко-культурной ценности является основным хранилищем духовного наследия туркменского народа, приобретающая общесоюзное, а в определенной степени и международное значение, занимая свое достойное место после фондов Ташкента, Самарканда, Бухары и Душанбе. Собрание все чаще привлекает внимание советских и зарубежных ученых. Надо ожидать, что с выходом в свет каталогов с описаниями всех рукописей фонда возрастет интерес к собранию АН ТССР в большей степени.

О СОСТАВЛЕНИИ ПЕРЕЧНЯ СПРАВОЧНИКОВ ВОДЯНЫХ ЗНАКОВ, ИМЕЮЩИХСЯ В КРУПНЕЙШИХ ХРАНИЛИЩАХ СССР

Недостаточная оснащенность архивов, отделов рукописей библиотек и музеев, особенно периферийных, справочными пособиями по водяным знакам (филиграммам) — одно из главных препятствий для сотрудников этих учреждений и других специалистов при описании и изучении рукописей и старопечатных изданий. Это подтвердили и выступавшие на Первом Всесоюзном совещании по филиграноведению в мае 1987 г. в Москве¹. Но даже имеющиеся в хранилищах справочники мало используются из-за отсутствия или плохой информации о них.

Археографическая комиссия АН СССР предприняла попытку выяснить обеспеченность государственных хранилищ указанными изданиями (или их ксерокопиями). С этой целью и в порядке подготовки к выше-названному совещанию был разослан вопросник в 30 крупнейших хранилищ тех республик, где имеются традиции филиграноведческих исследований (РСФСР, УССР, Грузия, Армения, республики Прибалтики). Адресатами избраны центральные государственные исторические архивы, центральные библиотеки АН СССР и союзных республик, отчасти республиканские, библиотеки некоторых НИИ, университетов, музеев. Естественно, что в первую очередь, кроме архивов, выбирались учреждения, имеющие отделы рукописей.

Археографическая комиссия благодарит за присланные сведения. К сожалению, не все адресаты нам ответили (например, из Армении) или ответили неполно. Порой указывали наличие справочников только в подсобной библиотеке ОР, не учитывая общий библиотечный фонд. Тогда нами был послан список основных, отдельно изданных справочников филиграней. Эта переписка привлекла внимание сотрудников к филиграноведческой литературе, стимулировала поиск, а в ряде случаев и приобретение названных справочников.

Для уточнения и пополнения данных по зарубежным справочникам филиграней просмотрен в ГБЛ Общесоюзный сводный каталог (ОСвК) зарубежных книг², который отражает иностранную литературу с 1940 г. издания, имеющуюся в крупных библиотеках г. Москвы, с 1955 г. — литературу, имеющуюся в научных и специальных библиотеках СССР, а с 1980 г. каталог включает поступления и в ГБЛ, и в другие библиотеки СССР. Однако ОСвК, во-первых, ограничен хронологически: как уже сказано, по библиотекам Москвы сведена литература лишь с 1940 г., а по остальным — с 1955 г. Следовательно, ранее вышедшие справочники филиграней не попадают в него. Ограничен каталог и по составу хранилищ. Кроме того, проверка по этому каталогу сведений из ответов на вопросник показала, что не все издания, имеющиеся в крупнейших библиотеках страны, в нем учтены.

Для уточнения и пополнения списка справочников нами просмотрены каталоги нескольких библиотек Москвы, Ленинграда, Вильнюса, прилав-

¹ Хронику и рекомендации совещания см.: АЕ за 1987 год. М., 1988. Отклики см.: *Schlieder W.* Konferenz zur Wasserzeichenkunde // *Zellstoff und Papier*. Leipzig. Jg. 36. 1987. N 5; *Utter O* und *L.* Konferenz zur Wasserzeichenkunde in der Sowjetunion // *Ibid.* Jg. 37. 1988. N 1.

² Выражаю благодарность сотрудникам группы этого каталога за предоставленную консультацию.

ших сведения, а также тех крупных библиотек, куда запрос не посылался (так как они не имеют отделов рукописей). Использован и печатный источник ежегодной обобщающей библиографии — «Сводный бюллетень новых иностранных книг, поступающих в библиотеки СССР», который выпускает ВГБИЛ с 1949 г. Но и этот источник не лишен пробелов, а поиск справочников филиграней в нем затрудняется разбросанностью их по разным разделам.

Обобщающие сведения относительно распределения по библиотекам отечественных дореволюционных и советских (русских и в национальных республиках) филиграноведческих альбомов вообще отсутствуют.

В связи с выборочным характером произведенного опроса и поиска состав списка ограничен важнейшими, отдельно изданными отечественными и зарубежными справочниками водяных знаков в крупнейших хранилищах перечисленных республик. В присланных нам сведениях, как правило, отсутствуют данные о статьях с описанием и воспроизведением филиграней. Но, учитывая наличие в крупнейших библиотеках страны обязательного экземпляра периодических, продолжающихся и других изданий, где опубликованы эти статьи, мы сочли возможным указать в списке фамилии их авторов в СССР, чтобы точнее ориентировать читателя. Этот выборочный список публикуется в сборнике «Филигранологические исследования: теория, методика, практика» (Л., 1989). Мы рассматриваем его как начало работы по созданию полного списка справочников филиграней, имеющихся в хранилищах СССР, осуществление которой возможно лишь совместными усилиями коллективов сотрудников этих учреждений. Археографическая комиссия, выполняющая по поручению Первого Всесоюзного совещания филиграноведов и роль координатора в этом деле, просит присылать замечания и дополнения по опубликованному списку и соображения по дальнейшей работе над ним.

Полное представление обо всей филиграноведческой литературе, имеющейся в нашей стране, может дать только продолжение работы по сводной библиографии по филиграноведению, библиографии, основы которой заложены С. А. Клепиковым. Прежде всего, речь идет о библиографии отечественного филиграноведения, и в первую очередь о персоналиях Клепикова и других специалистов. Координация этой работы вышеназванным совещанием 1987 г. поручена Археографической комиссии и Библиотеке АН СССР в Ленинграде, но выполнение ее возможно только при объединении усилий филиграноведов и высококвалифицированных библиографов всех союзных республик. В Археографической комиссии подготовлены к печати «Материалы к библиографии по филиграноведению».

Наконец, большую помощь специалистам-историкам и архивистам могут оказать неопубликованные справочники филиграней и другие работы, имеющиеся в хранилищах СССР. В Археографической комиссии готовится к печати список коллекций и неопубликованных справочников филиграней в государственных хранилищах и у отдельных филиграноведов. Просим всех специалистов, располагающих такими собраниями и работами, присылать сведения в Археографическую комиссию.

ПРИЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОЧНИКОВ ПО РУССКОЙ ГЕНЕАЛОГИИ В НОВЕЙШЕЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРАКТИКЕ¹

Генеалогия и ономастика как вспомогательные исторические дисциплины имеют особое значение в исследованиях истории общества, поскольку направлены на изучение определенных личностей. Следствием этого было создание нового научного термина «просопография» (от греческого слова «просопон» — личность). Но любая личность существует в определенных условиях, принадлежит различным слоям общества и во взаимодействии с другими личностями составляет определенную общественную структуру, изучение которой без помощи генеалогии невозможно².

Из работ историков-генеалогов, особенно современных, становится ясным, что главной их целью является создание наиболее яркой картины общества, четкое объяснение взаимоотношений людей определенной эпохи, как это делал еще недавно в своих работах А. А. Зимин³. Этот поиск имеет различные этапы, и изучение ономастики — первый из них, потому что имя (антропоним) является первым звеном любой родословной. Но имя связано с определенным местом (топонимом), его можно дополнить целым рядом других подробностей — родом занятий человека, его характеристикой и т. д. Тогда перед нами постепенно начнет вырисовываться личность. Но не только поиск таких материалов станет делом историка-генеалога, но и выявление взаимосвязей между личностями, и не только в конкретный момент времени — синхронически, но и диахронически, т. е. в прошлом.

Этого достаточно, чтобы понять значение инфраструктуры историко-генеалогического исследования, иначе говоря, «генеалогической карточки». Очевидно, что она не является современным открытием, но и сегодня необходима в работе, поскольку отражает определенные приемы и методы. Ее начальное существование начинается в простой форме с выделения личности из общей массы и заканчивается внесением в родословную. В данном случае хорошим примером будет известный «Алфавит декабристов» в обработке Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса⁴. Заслуга французских историков, таких, как Ф. Блюш, П. Дюри⁵ или

¹ Этой статье предшествовал доклад в Археографической комиссии и обсуждение. Оно еще больше подчеркнуло сознание о необходимости совместной работы и публикаций с учетом ценных дополнений и замечаний, которые высказали С. О. Шмидт, А. Л. Хорошкевич, И. В. Борисов, В. Б. Кобрин, Е. Н. Кушева, С. Е. Князьков, М. Е. Бычкова и др. См.: АЕ за 1984 год. М., 1986. С. 312—313.

² *Schakhovskoy D. Noms et surnoms en Russie (XV-e — XVII-e siècles): Perspectives de recherches en onomastique russe // Revue des Etudes Slaves: Communications de la délégation française au VIII-e congrès international des Slavistes, Zagreb (3-9 Septembre 1978). LI/1-2. P. 201-205; Idem. Aspects de l'héritage décembriste // Le 14 décembre 1825. Origine et héritage du mouvement des décembristes. P., 1980. P. 143. (Collection historique de l'Institut des Etudes slaves XXVII).*

³ См., например: *Зимин А. А. Дмитровский удел и удельный двор во второй половине XV — первой трети XVI в. // ВИД. Л., 1973. Вып. 5. С. 182—195.*

⁴ *Восстание декабристов. Т. VIII. Дела следственной комиссии о злоумышленных обществах. Алфавит декабристов // Под ред. и с примеч. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса. Л., 1925. Ср.: *Vakounine T. Répertoire biographique des francs-maçons russes (XVIII ème et XIX ème siècles). P., 1967.**

⁵ См. о них: *Соболева Н. А. Некоторые аспекты методики генеалогических исследований в современной французской литературе // История и генеалогия: С. Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований. М., 1977. (Далее: История и генеалогия...) С. 274—278.*

Ж. Мейер⁶, в том, что они применили в научной работе уже существующие приемы, не имея; однако, никакого представления о русских историко-генеалогических исследованиях XIX — начала XX в.

С археографической стороны отправная точка, источник, — это упоминание определенного лица или списка лиц в летописи. Это становится тем более очевидным, когда мы сталкиваемся с писцовыми и разрядными книгами, а тем более с Тысячной книгой и Дворовой тетрадью⁷.

Одновременно можно наблюдать начало развития генеалогической схемы, начиная с летописи. Недаром летописец, видимо следуя примеру Священного писания, дает вертикальную генеалогическую таблицу для выявления определенной родовой связи⁸. Но уже начиная с составления самых ранних росписей вертикальное описание дополняется горизонтальным, что дает развернутую картину рода или целых родственных групп, объединенных одним происхождением. Такой принцип описания остается в силе и до наших дней.

О новых направлениях и взаимосвязях истории, генеалогии и других вспомогательных дисциплин мы имеем представление благодаря статьям в сборнике «История и генеалогия»⁹, посвященном крупнейшему историку С. Б. Веселовскому, сыгравшему столь значительную роль на этом поприще. Работы Веселовского являются одним из лучших примеров обогащения генеалогии при помощи ономастики¹⁰. Можно только сожалеть об отсутствии публикаций росписей, находящихся в его архиве, даже несмотря на технические сложности их издания. За последнее время В. Л. Янин, В. И. Буганов, А. А. Зимин, Н. Е. Носов, М. Е. Бычкова, А. И. Аксенов, А. В. Елпатьевский, В. Б. Кобрин, Н. И. Павленко¹¹

⁶ Meyer J. La noblesse bretonne du XVIII-e siècles. P., 1966. Т. 1. Р. XXXVII.

⁷ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в./Подгот. А. А. Зимин. М.; Л. 1950; см. также: *Сторожев В. И.* Десятни и Тысячная книга XVI в. М., 1891; *Мяглев Н.* Тысячники и московское дворянство XVI столетия. Орел, 1912 (Летописи Историко-родословного о-ва в Москве; Вып. 1).

⁸ Благодарен М. Е. Бычковой за указание наличия генеалогических схем в этногенетических преданиях вообще и в сагах в особенности.

⁹ История и генеалогия...

¹⁰ *Schakhovskoy D.* Noms et surnoms... P. 202.

¹¹ *Буганов В. И., Зимин А. А.* О некоторых задачах специальных исторических дисциплин в изучении и издании письменных источников по истории русского средневековья // ИСССР. 1960. № 1. С. 128—129; *Буганов В. И.* Разрядные книги последней четверти XV — начала XVII в. М., 1962; *Он же.* Источниковедение и специальные исторические дисциплины (дооктябрьский период) // Археография и источниковедение. Сыктывкар, 1977; *Кобрин В. Б.* Состав опричного двора Ивана Грозного // АЕ за 1959 год. М., 1960. С. 16—91; *Он же.* Генеалогия и антропонимика (по русским материалам XV—XVI вв.) // История и генеалогия... С. 80—115; *Он же.* Опыт изучения семейной генеалогии (Протопоповы — Мезецкие — Пронские) // ВИД. Л., 1983. Вып. 14. С. 50—59; *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 1962; *Он же.* К вопросу о происхождении Морозовых // История и генеалогия... С. 189—196; *Он же.* Новгородская феодальная вотчина: Историко-генеалогическое исследование. М., 1981; *Зимин А. А.* Вспомогательные исторические дисциплины и их роль в работе историков-архивистов // Тр. науч. конф. по вопросам архивного дела в СССР. М., 1965. Т. 1. С. 129—130; *Он же.* Колычевы и русское боярство XIV—XVI вв. // АЕ за 1963 год. М., 1964. С. 56—71; *Он же.* Служилые князья в Русском государстве XVI—XVII вв. // Дворянство и крепостной строй России XVI—XVIII вв.: Сб. ст., посвященных памяти А. А. Новосельского. М., 1975. С. 28—56; *Он же.* Суздальские и Ростовские князья во второй половине XV — первой трети XVI в. // ВИД. Л., 1976. Вып. 7. С. 56—69; *Он же.* Удельные князья и их дворы во второй половине XV и первой половине XVI в. // История и генеалогия... С. 161—188. См. также: *Панеев В. М.* Вспомогательные исторические дисциплины в научном наследии А. А. Зимина // ВИД. Л., 1983. Вып. 14. С. 107—135; *Носов Н. Е.* Опыт генеалогических изысканий по истории зарождения крестьянских торгово-промышленных капиталов в России («лучшие люди» и «торговые мужики» двинских актов XVI в.) // ВИД. Л., 1968. Вып. 1. С. 227—269; *Аксенов А. И.* Генеалогия // ВИ. 1972. № 10. С. 206—212; *Елпатьевский А. В.* О документальных источниках современных историко-биографических и генеалогических исследований // АЕ за 1971 год. М., 1972. С. 75—77; *Бычкова М. Е.* Родословные книги XVI—XVII вв. как исторический источник. М., 1975; *Она же.* Генеалогия в советской исторической литературе // ВИД. Л., 1976. Вып. 4. С. 43—56; *Она же.* Состав класса феодалов России в XVI в.: Историко-генеалогическое исследование. М., 1986; *Павленко Н. И.* Предисловие // История и генеалогия... С. 3—8. Ср.: *Meehan-Waters.* The Muscovite noble origins

значительно расширили горизонты этой науки. В настоящий момент мы остановимся на некоторых особенностях нашего подхода, не вдаваясь в более обширную характеристику или уточнения, поскольку в скором будущем сможем ознакомиться с работой О. В. Петровой-Рыковой, где данный вопрос рассматривается досконально¹².

Перечисленный выше исторический материал в зависимости от эпохи имеет свой особый удельный вес. Отражая в основном делопроизводство государственных учреждений, он приобретает социальное, политическое и даже экономическое значение. Поэтому историк не должен пренебрегать им при изучении развития общества, при выявлении социальной структуры. Но для этого необходимо иметь справочник, отражающий данную информацию. Как раз в этом и состоит основная задача издания сборников «Общество и дворянство российское»¹³.

Следует учитывать историческую эволюцию источников, генеалогических работ и справочного аппарата. Значение списков многогранно. Уже были названы «Тысячная книга», «Дворовая тетрадь»; к ним следует добавить десятки, боярские книги и сказки генерального двора, носящие просопографический характер, составленные на рубеже XVII–XVIII вв. Они представляют исключительный интерес, поскольку из них можно получить не только картину состояния «служилого сословия», но и сведения о его составе и экономическом положении. Надо отметить, что, несмотря на их известность, списки используются все же очень одномерно. Однако для нас существенно именно наличие в них данных, необходимых для историко-генеалогического анализа. Родословные книги, а в большей степени «Государев родословец» и росписи, и «Акты, поданные в Разряд» дали основу для дальнейшей научной работы. До нашего времени новиковское издание «Бархатной книги» не утратило значения. Труд А. И. Юшкова, непосредственно связанный с этим изданием, остался незавершенным; то же, что издано, страдает отсутствием росписей и тех генеалогических сказок, которые явились неотъемлемой частью этих материалов. Наглядной иллюстрацией здесь может послужить издание родословных Чаадаевых и данных о судьбе их семейного архива¹⁴.

Уже в самом начале XVIII в. основные принципы генеалогической сводки были известны, они ярко выражены в трудах В. Н. Татищева¹⁵, но все же применялись редко. В первой же попытке систематизации сведений о самых знатных русских родах в основе архивных материалов предпочтение отдается служебным данным и получается картина, в общем отвечающая просопографическим требованиям. Мы имеем в виду «Справочник», изготовленный по указу 4 марта 1773 г., посвященный «княжеским» фамилиям, а именно: Одоевским, Масальским, Елецким,

---

of the Russians in the Generalitet of 1730 // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1971. Vol. XII, N 1–2. P. 28–75.

¹² Петрова О. В. О работе с опубликованными генеалогическими справочниками // АЕ за 1981 год. М., 1982. С. 173–177; Она же. Генеалогия и фонды личного происхождения: (Развитие отечественной практической генеалогии): Автореф. ... канд. ист. наук. М., 1985.

¹³ Шаховской Д. М. Общество и дворянство российское. Серия, основанная Н. Ф. Иооонниковым под названием «Дворянство российское» и просмотренная и дополненная (История. Биобиблиография. Генеалогия. Ономастика). Ренн, 1978. (Далее: Общество и дворянство...). До сих пор вышли: Т. I. А – Апл. 340 с.; т. II. Апо.– Аск., 1979. 353 с.; Т. III. Аск.– Балм., 1981. 330 с.; Т. IV. Вальм.– Баж., 1986. 301 с. Издание продолжается в порядке латинского алфавита. Французское название: *Schakhovskoy D. Société et noblesse russe...*

¹⁴ Родословная книга князей и дворян российских и выезжих... М., 1787. Т. I–II.; Юшков А. Акты XIII–XVII вв., представленные в Разрядный приказ после отмены местничества, М., 1898. См. также: Мятлев Н. В. О предстоящем издании «Родословных росписей», поданных в Разряд к составлению родословной книги представителями служилых родов Московского государства в конце XVII века // Известия Русского генеалогического общества. СПб., 1911. Вып. 4. С. 515–518; *Schakhovskoy D. Racines et milieu social de Caadaev* // Revue des Etudes slaves. 1983. LV/2. P. 327–334.

¹⁵ Татищев В. Н. История Российская. М.; Л., 1962. Т. I. С. 124, 371–372; Он же. Избр. произведения. Л., 1979. С. 151.

Горчаковым, Бярятинским, Оболенским, Репниным, Тюфякиным, Долгоруким, Щербатовым, Татищевым, Еропкиным, Козловским, Вяземским, Дашковым, Ржевским, Кропоткиным, Прозоровским, Хворостининым, Засекиным, Сонцовым, Морткиным, Шехонским, Зубатым, Толбузиным, Шаховским, Белосельским, Ухтомским, Лобановым, Гагариным, Вадбольским, Косаткиным, Щетининым. Велено было «по ним учинить надлежащие выправки и о каждом написанном имени сделать о происхождении достаточное по номерам описание, в которых годах, в каких службах и чинами были, когда умерли и кто от которых Государей, чем именно жалованы, если ж о ком чего к сведению не отыщется, то и изъяснить об оном именно»¹⁶.

Работа была выполнена, но не отвечала полностью требованиям указа. Исследовали сравнительно узкий круг источников, как правило, без указания времени кончины представителей родов. Составители исходили из состава родословных «Бархатной книги», но порядок изложения, нумерация применялись те, которые в дальнейшем будут приняты во всех русских родословных. Любопытно упомянуть, что этот метод изложения представлен как недавнее изобретение Ж. д'Абовилл в книге П. Дюри, в которой ссылки на русскую генеалогическую литературу отсутствуют вообще¹⁷. Оригинальность автора заключается лишь в более сложной нумерации, которая практически никогда не применяется, и это становится еще более понятным, если попытаться ее использовать в родословной, насчитывающей более десяти поколений. Во всяком случае, есть достаточно оснований предполагать, что справочник, составленный Разрядным архивом, послужил примером для других авторов, тем более, что некоторые из них были изданы в новиковской «Вивлиофике»¹⁸.

Еще более важным явлением нам представляются труды М. Г. Спиридова¹⁹, даже несмотря на многие погрешности в них. Справочник в дальнейшем был переработан М. Г. Спиридовым и пополнен родословными, большинство из которых не издано и до сих пор. Его материалы являются первой попыткой осуществить замысел «Бархатной книги», создать собрание родословных русского дворянства²⁰. Следует отметить, что этот проект — результат инициативы не только Спиридова. Здесь могли сыграть значительную роль советы историка князя М. М. Щербатова, который приходился близким родственником Спиридову²¹.

Благодаря Спиридову приведен в порядок огромный фактический материал, основанный отчасти на архивах, отчасти на исторической литературе того времени. Хотя эта работа и нуждается во многих критических замечаниях, изменениях и дополнениях, она все-таки дала возродившуюся из пепла московского пожара 1812 г. просопографическую картину истории русского дворянства, первый родословный и ономастический словарь и первую библиографию по этому вопросу. Все это, безусловно, заслуживает внимания историографа.

Важное место в развитии генеалогии принадлежит классическому сборнику князя П. П. Долгорукова²². Его «Родословная книга» в существенных моментах обновила оформление генеалогических исследований. Следует отметить: 1) отдельные статьи, своеобразный исторический экскурс, подчеркивающий значение определенного рода; 2) тематические

¹⁶ Татищев С. С. Род Татищевых, 1400—1900: Историко-генеалогическое исследование. СПб., 1900. С. 252.

¹⁷ Durge P. La généalogie. P., 1982. P. 69—72.

¹⁸ Древняя российская Вивлиофика. М., 1789. Ч. IX, XVII. Савелов считает, что составитель этих родословных князь М. М. Щербатов. См.: Савелов Л. М. Лекции по русской генеалогии. Второе полугодие. М., 1909. С. 135.

¹⁹ Спиридов М. Сокращенное описание служб благородных российских дворян... М., 1810. Т. I, II.

²⁰ Спиридов М. Записки старинным службам русских благородных родов.. (ГИБ. F IV № 61). Новаторское значение этой рукописи велико, так как она является одновременно библиографическим и ономастическим справочником и предшествует «Родословным записям» Л. М. Савелова.

²¹ Schakhovskoy I. Aspects de l'héritage décembriste. P. 138.

²² Долгоруков П. Российская родословная книга. СПб., 1854—1857. Ч. I—IV.

сборники, например титулованных родов; 3) списки фамилий, имевших общую характеристику в определенное время; 4) список фамилий, относящихся к одному источнику, например такому, как «Бархатная книга»; 5) родословные росписи с краткими сведениями о каждом лице, что самое основное. Документация книги Долгорукова основана на частных и государственных архивах и на сообщениях современников, хотя ссылки, хотя бы косвенные, полностью отсутствуют. Росписи доведены до времени составления, т. е. до середины XIX в. По возможности дается точная дата рождения и времени брака, иногда примечания о побочном потомстве. В предисловии оговариваются трудности предпринятого исследования и содержится обращение за содействием к представителям родов.

В следующих подобных сборниках такое предисловие будет часто повторяться, так как оно отражает те затруднения, которые всегда сопутствуют генеалогическому исследованию.

Следующее издание подобного рода принадлежит князю А. Б. Лобанову-Ростовскому²³. Оно было выпущено редакцией «Русской старины» в 1873—1876 гг. под названием «Русская родословная книга» без указания имени автора. В 1895 г., через девять лет после выхода «Родословного сборника» В. В. Руммеля, появилось второе издание этой книги. Оно не только являлось более полным, но и издавалось при участии самых видных представителей русской генеалогии конца XIX — начала XX в.: В. В. Руммеля, Л. М. Савелова, С. В. Любимова, К. А. Губастова²⁴. Хотя при составлении некоторых родословных, очевидно, использовались дела Департамента герольдии, они не отражены с такой же полнотой, как у Руммеля, что легко установить при сравнении росписей с материалами, сохранившимися в архивах.

От предыдущего сборника труд Руммеля²⁵ отличается в основном тем, что в нем даются только родословные, без ссылок на источники и без примечаний. Хотя «генеалогическая карточка» сборника Руммеля и мало чем отличается от долгоруковской, она все же более подробная, поскольку все эти родословные основаны на материалах Департамента герольдии. Это подчеркивается еще и тем, что для однофамильцев или для особенно разветвленного рода указывается губерния.

Самая полная «генеалогическая карточка» встречается у Г. А. Власьева²⁶ и у В. Л. Модзалевского²⁷. Используются первоисточники, послужные списки, данные о землевладении, при метрических сведениях даются топонимические подробности, например такие, как указание на место рождения, брака, кончины. Однако научный аппарат здесь применен не систематически.

Особенное положение занимают изданные в это время другие труды: Л. М. Савелова по московскому дворянству²⁸, М. Т. Яблочкова и В. И. Чернопятова по тульскому дворянству²⁹, графа Г. А. Милорадо-

²³ [Лобанов-Ростовский А. Б.] Русская родословная книга. СПб., 1873—1875. СПб., 1895. Т. I—II. 2-е изд.

²⁴ Лобанов-Ростовский. Указ. соч. Т. I. С. VIII.

²⁵ Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб., 1886—1887. Т. I, II.

²⁶ Власьев Г. А. Потомство Рюрика. СПб., 1906—1907. Т. I, ч. 1—3; Он же. Род дворян Волыньских // Известия Русского генеалогического общества. СПб., 1911. Вып. IV. С. 127—201; Он же. Князья Острожские и Друцкие. Там же. С. 3—30; Он же. Князья Бабичевы. // Шаховской Д. М. Общество и дворянство... Т. III.

²⁷ Модзалевский В. Л. Малороссийский родословник. Киев, 1908—1914. Т. I—IV. См. также: Белоконов С. И. Генеалогические материалы в архиве В. Л. Модзалевского // АЕ за 1979 год. М., 1981. С. 266—273; Коваленко А. Б. В. Л. Модзалевский как историк и источниковед: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1980; Румянцева В. В. Деякі підсумки розвитку генеалогії // УІЖ. 1987. № 3. С. 91—92.

²⁸ Московское дворянство: Родословная книга дворянства Московской губернии. Т. I. Дворянство жалованное и выслуженное. А — И/Под ред. Л. М. Савелова. М., 1914.

²⁹ Яблочков М. Т. Дворянское сословие Тульской губернии. М.; Тула, 1904—1905. Т. I—III, V—IX; Чернопятов В. И. Дворянское сословие Тульской губернии. М., 1908—1912. Т. I(X)—VIII(XIX).

вича по черниговскому дворянству³⁰. Они отражают основное содержание дел дворянских депутатских собраний по определенным губерниям. Пример более подробного изложения находим у И. Н. Ельчанинова по Ярославской губернии³¹. Отдельную группу составляют списки родов и дворян по губерниям, играющие значительную роль при поиске местонахождения генеалогической информации или при разработке других эвристических направлений. Такого же внимания заслуживают и специальные журналы, такие, как «Известия Русского генеалогического общества», издававшиеся в Петербурге, «Летописи Историко-родословного общества в Москве» и «Гербовед». Ценным источником генеалогической информации являются частные собрания³².

Такой краткий историографический экскурс необходим, чтобы оценить редакции родословных, составленных или пополненных на основе печатного материала, редких личных документов и сообщений частных лиц, — материалов, которые часто находятся вдалеке от отечественных архивов и библиотек. Как ни странно, но они именно из-за этого во многом обновили предыдущие росписи. Можно утверждать, что до Н. Ф. Иконникова³³ обрабатывались практически только архивы. Привлечение многих изданий значительно обогатило его родословные, а систематическое наличие ссылок дало им научный характер, что и стало основанием для вполне заслуженного лестного отзыва Б. О. Унбегауна в его труде о русских фамилиях, единственным в своем роде³⁴.

С этого момента по примеру Н. Ф. Иконникова как продолжение его работ и предыдущих возникли сборники «Общество и дворянство российское»³⁵. Первой задачей этих сборников было обобщение предшествующего генеалогического материала и привлечение архивных данных.

Как основа была взята «генеалогическая карточка» в семейной росписи, включавшая следующие сведения:

- 1) Имя. Отчество.
- 2) Место рождения, точная дата, указание восприемников при крещении.
- 3) Место кончины и погребения, точная дата.
- 4) Место и точная дата брака или браков, указание свидетелей при венчании.
- 5) Место и точная дата развода или разводов.
- 6) Для жен:
  - а) имя, отчество, фамилия отца;
  - б) имя, отчество, девичья фамилия матери.
- 7) Служебные сведения, профессия и т. п.
- 8) Имущественные сведения.
- 9) При каждом пункте или в конце указание источника.
- 10) При случае критические заметки, дополнения и т. д.
- 11) При втором или третьем браке жены указание предыдущих браков.

По традиции, установившейся уже с XVIII в., лица мужского и женского пола были пронумерованы подряд, чего не делалось раньше³⁶.

³⁰ Милорадович Г. А. Родословная книга черниговского дворянства. СПб., 1901. Т. I, II.

³¹ Ельчанинов И. Н. Материалы для генеалогии ярославского дворянства. Ярославль, 1909—1916.

³² См.: Рыкова О. В. Генеалогия... С. 11, 16. Чаще всего собрания отражают только начальный этап, так как материалы редко отредактированы. Отредактированные родословные встречаются в основном у Н. П. Чулкова с предисловием и библиографией, у А. А. Григорова. К этому добавляются систематические ссылки Д. М. Шаховского.

³³ Иконников N. La noblesse de Russie. 2 id. P., 1956—1966; Т. А — Z. Полностью входит с дополнениями и исправлениями в труд: Шаховской Д. М. Общество и дворянство...

³⁴ Unbegaun B. O. Russian surnames. Oxford. 1972. P. 22.

³⁵ Шаховской Д. М. Общество и дворянство... Т. 1. Предисловие. С. V—X; Т. IV. С. 281. Шаховской Д. Aspects de l'histoire de la noblesse russe. P. 55—58.

³⁶ Г. А. Власьев применил отдельную нумерацию, что имеет преимущество, осо-

Самой росписи предшествует вступление, в конце ее дается время составления, список лиц, не вошедших в роспись, алфавитный указатель имен и отчеств членов рода. В конце книги имеется алфавитный указатель родственных фамилий.

В процессе самой работы возникла также задача составления библиографии и сведений эвристического характера. С самого начала работы возникли различные затруднения, и, для того чтобы это дело оказалось реально посильным, решено было ограничиться ссылками на литературу, вышедшую до 1917 г. Как справедливо заметила И. Ф. Петровская в своей блестящей статье³⁷, дополнения необходимы, и не только в отношении выборочных источников, а систематические библиографические дополнения, доведенные до наших дней. Но они требуют определенного методологического подхода. Прежде всего это относится к прошлому. Сравним, например, библиографический подход Л. М. Савелова в его библиографическом указателе³⁸ и его же дополнения 1904 г. с составленным им же библиографическим указателем тульского дворянства³⁹. Оба последних издания появились одновременно, в одном и том же году, но отразили совершенно различные намерения. Первый является просто дополнением издания 1897 г., второй основан на списке дворян Тульской губернии, и при его редакции использованы указатели к «Актам историческим», «Собранию государственных грамот и договоров» и т. д. Такие материалы, несомненно, принадлежат к разряду необходимых документов, как появившихся в «Чтениях в Обществе истории и древностей российских» при Московском университете, в «Описании документов и бумаг» МАМЮ и многих современных изданиях — таких, как «Тысячная книга и Дворяная тетрадь», в разрядных книгах, изданных В. И. Бугановым, «Археологических ежегодниках», начатых академиком М. Н. Тихомировым и продолженных С. О. Шмидтом, во «Вспомогательных исторических дисциплинах» и т. д. Имеем также в виду публикации С. М. Каштанова, А. Б. Каменского, Г. А. Победимовой, Л. Н. Семеновой, А. Л. Станиславского⁴⁰ и многих других, по которым можно было бы составить источниковедческий библиографический указатель русской генеалогии. Необходим учет генеалогического элемента и списков лиц при исследовании социальной истории и составлении биографий русских политических деятелей, принадлежащих к самым разным слоям, как дьячеству, так и другим. Примером может служить А. Ф. Адашев по статье С. О. Шмидта. Кроме вышеупомянутых работ, следует упомянуть исследования А. И. Аксенова, А. А. Амосова, Н. Ф. Демидовой, Т. С. Ивановой,

бенно для XIX в., когда учитывается женское потомство, которое в этом случае можно количественно сравнить с мужским. Подробнейшая генеалогическая карточка вошла также в основу труда С. С. Татищева, с таковой же нумерацией. См.: *Татищев С. С. Род Татищевых*. СПб., 1900.

³⁷ *Петровская И. Ф. Труды по генеалогии как источник биографических сведений о русских писателях XIX — начала XX века и их окружении* // *Русская литература*. 1982. № 2. С. 207.

³⁸ *Савелов Л. М. Библиографический указатель по истории, геральдике и родословию российского дворянства*. 2-е изд. Острогжск, 1897; *Он же. Библиографический указатель по истории, геральдике и родословию российского дворянства: Первое дополнение*. М., 1904.

³⁹ *Савелов Л. М. Библиографический указатель по истории, геральдике и родословию тульского дворянства*. М., 1904.

⁴⁰ *Каштанов С. М. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. Ч. I* // *АЕ* за 1957 год. М., 1958. С. 302—376; *То же. Ч. II* // *АЕ* за 1960 год. М., 1962. С. 129—200; *Каштанов С. М., Назаров В. Д., Флоря Б. Н.* *То же. Ч. III* // *АЕ* за 1966 год. М., 1968. С. 197—253; *Станиславский А. Л. Роспись детей боярских Мещовска, Опакова и Брянска* // *АЕ* за 1972 год. М., 1974. С. 293—301; *Семенова Л. Н. К истории генеалогии мастеровых Петербурга в XVIII — начале XIX в.* // *История и генеалогия...* С. 237—265; *Каменский А. Б. К истории изучения генеалогии в России в XVIII веке* // *Источниковедческие исследования по истории феодальной России*. М., 1981. С. 150—161; *Он же. Книги справок Разрядного архива: История составления и источниковедческое значение* // *Исследование по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода*. М., 1983. С. 163—172; *Победимова Г. А. Писцовые материалы Деревской пятинны как источник по генеалогии служилого сословия XVI в.* // *ВИД*. Л., 1983. Вып. 14. С. 59—74.

В. И. Корецкого, М. П. Лукичева, С. П. Мордовиной, Б. Н. Морозова, В. Д. Назарова, В. Б. Павлова-Сильванского, Н. Л. Пушкаревой, Н. М. Рогожина, М. Ф. Румянцевой, А. Л. Станиславского, Ю. А. Тихонова, Б. Н. Флори и многих других⁴¹.

С этой задачей особенно трудно справиться, находясь вдалеке от таких основных книгохранилищ, как ГБЛ и ГПБ. Из-за этого в нашем издании пришлось ограничиться учетом книг, представленных в библиографиях, изданных до 1917 г., кроме редких исключений. Что же касается геральдики, то необходимые ссылки даются на «Общий гербовник», на список неизданных частей (XI—XX) и на сборники дипломных гербов, самая последняя характеристика которых принадлежит И. В. Борисову⁴². Также оказалось достаточно сложным придерживаться необходимых, на наш взгляд, принципов истинно научной библиографии, касающейся редких изданий, т. е. указания не только наличия экземпляра в какой-либо библиотеке, но и шифра книги, хотя подобный принцип широко применяется уже во многих библиографиях.

К этим же сведениям следует отнести и ссылки на архивы, что необходимо для обозначения пути любого поиска. Прежде всего это архив

⁴¹ Назаров В. Д. Из истории аграрной политики царизма в XVI в. // СА. 1968. № 3; Павлов-Сильванский В. Б. Хронологическое обозрение писцовых книг и сотных выписей XV—XVI вв. // АЕ за 1968 год. М., 1970. С. 448—450; Он же. Источники по социально-экономической истории России XVI—XVIII вв.: Из архива Московского Новодевичьего монастыря. М., 1985. С. 3—32; Он же. Новый источник вотчинного землевладения в Московском у. в XVI в. // Источниковедение отечественной истории, 1984. М., 1986. С. 101—127; Тихонов Ю. А. Отписные и отказные книги Поместного приказа как источник о боярских и дворянских владениях Московского у. XVII—начала XVIII в. // АЕ за 1968 год. М., 1970. С. 142—153; Флоря Б. Н. Кормленые грамоты XV—XVI вв. как исторический источник // АЕ за 1970 год. М., 1971. С. 109—126; Он же. Несколько замечаний о «Дворовой тетради» как историческом источнике // АЕ за 1973 год. М., 1974. С. 43—57; Демидова Н. Ф. Приказные люди XVII в. Социальный состав и источники формирования // ИЗ. 1972. Т. 90. С. 332—353; Станиславский А. Л. Источники для изучения состава и структуры государева двора последней четверти XVI—начала XVII в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1973; Амосов А. А. Крестьянский архив XVI ст. // АЕ за 1973 год. С. 206—209; Иванова Т. С. Коллекция государственных и частных актов поместно-вотчинных архивов XVI—XIX вв. // Там же. С. 210—218; Мордовина С. П., Станиславский А. Л. Состав особого двора Ивана IV в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича // АЕ за 1976 год. М., 1977. С. 153—193; Корецкий В. И. Развитие феодальной земельной собственности в России XVI в. // Социально-экономические проблемы русской деревни в феодальную и капиталистическую эпоху: Материалы XVII сессии симпозиума по изучению проблем аграрной истории. Ростов н/Д, 1980. С. 50—51; Лукичев М. П. Обзор боярских книг XVII в. // АЕ за 1979 год. М., 1981. С. 255—266; Морозов Б. Н. Служебные и родословные документы в частных архивах XVII в.: (К постановке вопроса) // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода: Сб. ст. М., 1982. С. 70—96; Он же. Частные архивы XVII в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1984; Пушкарева Н. Л. Рядная грамота Федора Онкифовича с Матфеем Ивановичем XV в.: (Спорные вопросы герменевтики памятника наследственного права) // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода: Сб. ст. М., 1982. С. 37—50; Рогожин Н. М. Посольские книги и другие источники XVII в. о социальном составе и имущественном положении членов русских посольств 1613—1618 гг. // Там же. С. 51—69; Наумов Е. Ю. Переписка Чичериных как источник по истории общественного сознания и культуры России второй половины XIX—начала XX в.: Автореф. ... канд. ист. наук. М., 1985; Румянцева М. Ф. Массовые источники по истории чиновничества местных государственных учреждений России, 1762—1802: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1985; Аксенов А. И. Происхождение, судьбы и семейные связи московских кушцов—именитых граждан // Источниковедение отечественной истории, 1984. М., 1986. С. 211—237; Менжинский В. С. Структура феодального землевладения в великом княжестве Литовском: (По материалам переписи войска 1528 г.) // ИСССР. 1987. № 3. С. 164—178.

⁴² Борисов И. В. Об идеологическом содержании некоторых дореволюционных и советских эмблем // Некоторые вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М., 1977. С. 210—220; Он же. Решение задачи автоматизированного поиска и анализа русских родовых гербов // Архивоведение, археография: ТВНИИДАД. М., 1980. № 2 (9). С. 1—8; Он же. Гербовые изображения в России XVIII—начала XX в. на документальных и вещественных памятниках: Проблемы идентификации и источниковедческого анализа: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1987.

Департамента герольдии, который позволяет создать общую картину русского дворянства с конца XVII по начало XX в. Поэтому в нашем указателе после чисто библиографического аппарата следуют ссылки на губернские дворянские книги путем простого обозначения названия губернии. При использовании списков отдельных губерний указывается переход из одной губернии в другую. Сейчас благодаря накопленному опыту работы в областных архивах появилась надежда увеличить число таких ссылок и уточнить их.

Одновременно с комплексом этих проблем при редактировании родословных пришлось столкнуться с материалом XVIII в., и в связи с этим единственно целесообразным оказалось создание общего алфавита к книгам Герольдмейстерской конторы, находящимся в ЦГАДА, хотя к этим книгам и существуют отдельные указатели, которые требуют длительного и тщательного просмотра для каждой справки. Эти указатели разбиты на логически сложившиеся подсистемы-алфавиты, которые составляют следующий комплекс:

Перечень алфавитов, содержащих сведения о военных и чиновниках в России в XVIII в. по Герольдмейстерской конторе

Фонд	Шифр ЦГАДА на Алфавиты	Годы	Фонд	Шифр ЦГАДА на Алфавиты	Годы		
286/1-я опись	176	А-Я	286/2-я опись	222	А-Я	1721	
	178	»		236	»	1739-1756, 1772-1775	
	180	»		237	»	1743-1756	
	186	»		238	А-Б	1724-1796	
	187	»		239	В-Г	1724-1796	
					240	Д-И	1724-1796
	188	»			241	К-Л	1724-1796
	190	»		Недоросли	242	М	1724-1796
	191	»		1763-1776	243	Н-О	1724-1796
	192	»		1749-1760	244	П	1724-1796
	193	»		1760-1780	245	Р-С	1724-1796
				1733; 1746; 1754-1758	246	Т-Х	1724-1796
	194	А-З		1727-1737	247	Ц-Я	1724-1796
	195	И-М		1727-1737		А-Я	1725-1812
	196	Н-С		1727-1737			
	197	Т-Я		1727-1737			

Данные содержатся в ф. 286 ЦГАДА, имеющем две описи: первую и вторую. В первой мы просмотрели 27 дел. По второй мы имели в руках лишь один алфавит (286/2). В указателе для каждой фамилии дан номер дела и лист алфавита. Когда имена находятся в алфавитном порядке, вторая ссылка отсутствует⁴³.

Такая задача кажется особо важной, так как почти все исследователи исходят из фонда Департамента герольдии, который позволяет составить лишь очень поверхностное представление о предыдущих веках. Книги Герольдмейстерской конторы, конечно, дают возможность заполнить многие пробелы, но, по-видимому, из-за сложности справочного аппарата они редко использовались. Частично их учел Г. А. Бласьев, для научного исследования к ним обратился С. М. Троицкий⁴⁴. Но их совершенно исключительная ценность не ограничивается XVIII в., во многих

⁴³ *Schakhovskoy D. M. Fonctionnaires et militaires en Russie au XVIII-e siècle. Сводный алфавит книгам Герольдмейстерской конторы. Ренн, 1985 и след. Вышли выпуски I. А-О. 1985; II. Б. 1985; III. Ц-Ч. 1987 (порядок латинского алфавита). Издание продолжается.*

⁴⁴ *Троицкий С. М. Материалы переписи чиновников в 1754-1756 гг. как источник по социально-политической и культурной истории России XVIII в. // АЕ за 1967 год. М., 1969. С. 132-148; Он же. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. М., 1974.*

случаях «сказки» дворян переходят рубеж XVII в., а иногда содержат и копии ранних подлинных актов. Именно таким образом недавно удалось уточнить русское происхождение рода П. Я. Чаадаева⁴⁵. Благодаря этим книгам можно не только получить полное представление о составе русской администрации и русской армии в XVIII в., ассимиляции иностранцев в России, но также и получить данные о происхождении этих лиц⁴⁶.

С методологической точки зрения обращение к этим книгам было совершенно необходимо. Наиболее целесообразно было исходить из принципа, что генеалогическое исследование более плодотворно по восходящей линии. Но огромное количество ссылок (более 20 000 по двум первым буквам алфавита) сделало необходимым использование новых технических приемов, т. е. употребление компьютера, что значительно ускорило редактирование указателя, хотя надо признаться, что при более опытной помощи можно было бы значительно ускорить работу. При общем взаимодействии можно было бы приступить и к составлению указателей для XVII и XVI вв., учитывая материалы ранних родословий и генеалогических сказок, какие мы встречаем у Н. П. Лихачева⁴⁷, А. И. Юшкова, Н. В. Мятлева, С. О. Шмидта, М. Е. Бычковой.

В настоящее время увлечение генеалогией привело к тому, что предлагаются программы, использующие стандарт IBM, позволяющие учитывать от 1000 до 10 000 лиц. Увлечение этой вспомогательной исторической дисциплиной распространяется еще и потому, что на первых порах она кажется простой. Чаще всего сложности возникают по мере нарастания материала, выяснения необходимости сравнения данных, с расширением исследований в разных направлениях. При этих трудностях компьютер оказывает существенную помощь в области редакции, поисков, классификации, выпуска отдельных вариантов исследования.

Если в США созданы многие программы в области генеалогии, то во Франции их распространение лишь начинается. Особенного внимания заслуживают три программы: «Family tree»; «Genealogy on display»; «Family history»⁴⁸.

Не вдаваясь в подробности, скажем, что первая программа вмещает информацию о 999 лицах со следующими данными: 1) имя; 2) пол; 3) точная дата и место рождения; 4) точная дата и место брака; 5) точная дата и место кончины; 6) имя отца; 7) имя матери; 8) имя жены или жеп; 9) имя мужа или мужей. На выводном устройстве предусмотрено место на 10 строк по 72 знака для примечания. Программа проста в обращении и хорошо пригодна для построения моделей поперечного среза родов, для уточнения родственных связей, для получения каких-либо необходимых промежуточных результатов и т. д.

Вторая программа дополнена информацией о точной дате и месте погребения, предусмотрены графы для дат регистрации рождения, степени образования, профессии. Программа вмещает объем информации на число лиц до 5000, 2500 браков, количество поколений не ограничено. Эта программа пригодна для выявления межродовых связей, диагностики миграционных тенденций рода, охватывающих длительное время генеалогических исследований, и т. д.

Третья программа имеет свои особенности. Экран дисплея делится на три или четыре части, и лишь одна часть обрабатывается. Таким образом, можно иметь перед глазами основные данные об определенном лице и одновременно заполнять графу о его профессии. Система позволяет

⁴⁵ *Schakhovskoy D. Racines...* P. 327—328.

⁴⁶ *Schakhovskoy D. Культурная ассимиляция в России в конце XVIII века и в первой половине XIX века // Slawische Kulturen in der Geschichte der europäischen Kulturen vom 18 bis zum 20. Jahrhundert Internationaler Studienband. B., 1982. S. 121—126.*

⁴⁷ См., например: *Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI в.* СПб., 1888.

⁴⁸ *Albovy V. Tous vos ancêtres dans votre PC // PCCompatibles magazine. 1987. N 5. P. 62—67.*

учитывать до 10 000 лиц. При этом возможен и более усовершенствованный поиск. Однако сам процесс работы более сложен и требует определенного практического навыка работы с ЭВМ.

Наиболее существенная особенность этих трех программ касается прежде всего объема обрабатываемой информации. Это создает некоторые осложнения при необходимости их взаимодействия, что связано еще и с различием получения информации по разным линиям — нисходящей или восходящей.

Применение компьютера открывает новые перспективы не только в плане систематизации. При составлении сборников «Общество и дворянство» очень быстро возникла проблема пополнения самых разных данных: списков, дополнений, иконографического материала, использования посторонних источников, присоединения материалов имущественного порядка, отражающих культуру данной эпохи. Необходимость совместной работы в этом направлении не вызывает сомнения, о чем говорилось неоднократно⁴⁹. Поэтому в ближайшее время желательно было бы организовать совместное издание сборников, содержащих информацию такого рода. На первых порах можно предложить опубликовать так называемые формулярные или послужные списки, которые если и воспроизводятся иногда в некоторых справочниках, то, как правило, частично и в ущерб генеалогическим и имущественным сведениям.

Преимущество такого сборника заключается в том, что он позволил бы ввести в обиход текущую информацию, содействуя работе специалистов по данным вопросам. Кроме того, в этом случае можно уменьшить процент повторных работ, поощрить создание новых указателей для архивов и более рационально использовать в историко-генеалогическом плане такие источники, как ревизские сказки, метрические книги и т. п.

В ходе осуществления предлагаемой программы уже сейчас удалось обработать сравнительно большое количество родословных росписей и большинство их довести по времени до наших дней. Список их не ограничен и постоянно увеличивается и пополняется. Он дает представление о родословных, уже отредактированных. При исправлениях или дополнениях к ним будут присоединяться другие, уже изданные материалы. Поэтому вполне реально, что в ближайшем будущем, кроме новых исследований, будет представлено почти полностью богатое наследие русской генеалогической литературы и усовершенствовано применение генеалогических данных в исторических исследованиях.

---

⁴⁹ См. отчет о докладе Д. М. Шаховского (АЕ за 1984 год. М., 1986. С. 312—313).

С. Б. Филимонов

**МАЛОИЗВЕСТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ
О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АКАДЕМИКА М. Н. ТИХОМИРОВА
В 1918—1923 гг.**

Вниманию читателей предлагается обзор малоизвестных печатных и архивных материалов, дополняющих наши представления о раннем периоде творческой биографии выдающегося советского историка.

Как известно, М. Н. Тихомировым в 1918 г. был организован один из первых в нашей стране краеведческих музеев — Музей Дмитровского края¹. Вспоминая об этом периоде жизни, М. Н. Тихомиров в 1964 г. писал: «Меня устроили в Дмитровский союз кооператоров в качестве человека, который должен организовать музей родного края в Дмитрове. Дело было новое, и никто толком не знал, как его выполнить, в том числе и я ... Теперь в Музее Дмитровского края ставят вопрос о том, кто был первым директором музея. Первым директором я не был по той простой причине, что в те времена такой должности не существовало; я же был просто служащим Дмитровского союза кооператоров, которому поручено было организовать музей. Но основателем музея я был ... В сущности, тогда и создан был тип краеведческого музея, который состоял из трех главных разделов: 1) современной промышленности и промыслов, 2) природы края, 3) истории и различного рода учреждений края»². Роль М. Н. Тихомирова в создании Музея Дмитровского края следующим образом отмечена в отчете Дмитровского союза кооператоров за 1918 г.: «В жизни музея за год было три периода. С начала года до весны велось постепенное его пополнение силами одного инструктора — заведующего музеем М. Н. Тихомирова, которому приходилось ездить по району для собирания материалов, вести техническую работу в музее по обработке этого материала, нести на себе хозяйственные обязанности и вести переписку и переговоры по делам музея. Пополнение велось без строгого плана, сразу в разных отделах. За это время число предметов в музее увеличилось с № 56 до № 80; кроме того, были собраны фотографии, карты, диаграммы, открытки, число которых достигло 500 №№. Заведующему за это время пришлось сделать 14 поездок по району»³.

Самарский период жизни и деятельности М. Н. Тихомирова нашел отражение, в частности, в документах, напечатанных в «Известиях Самарского университета». Так, в «Алфавитном списке педагогического персонала университета к концу учебного 1921 года» М. Н. Тихомиров значится как преподаватель кафедры славяно-русской палеографии; в «Отчете о деятельности социально-исторического факультета Самарского государственного университета» зафиксировано, что М. Н. Тихомиров стал преподавателем кафедры палеографии в 1921 г.; из «Отчета Общества археологии, истории и этнографии при Самарском государст-

¹ Хохлов Р. Ф. М. Н. Тихомиров и Дмитровский музей // АЕ за 1968 год. М., 1970. С. 315—318; Чистякова Е. В. Михаил Николаевич Тихомиров (1893—1965). М., 1987. С. 15—16.

² ААН. Ф. 693 (М. Н. Тихомирова). Оп. 2. Д. 40 [«Воспоминания». Ч. 1. 3-я редакция]. Л. 155, 170, 171. В 1-й редакции «Воспоминаний» содержание 3-го раздела краеведческого музея сформулировано несколько иначе: «3) его [края.— С. Ф.] истории и различного рода учреждений, связанных с культурой» (Там же. Д. 37. Л. 124).

³ Дмитровский союз кооператоров: Отчет за 1918 год (третий операционный): Общий обзор деятельности союза. Отчет по неторговой деятельности. Бухгалтерский отчет за 1918 год. Дмитров, 1919. С. 97.

венном университете за первый год его существования с 2 ноября 1919 г. по 2 ноября 1920 г.» явствует, что М. Н. Тихомиров был избран в действительные члены Общества 8 февраля 1920 г.⁴; в «Отчете о состоянии педагогического факультета Самарского государственного университета за 1922—23 уч. год», во-первых, упомянуто о командировке ассистента М. Н. Тихомирова «в центр для работ в археологических обществах», во-вторых, в разделе «Научная, учебная и общественная деятельность профессоров и преподавателей педфака» отмечено: «Ассист. М. Н. Тихомиров вел практические занятия по палеографии. Читал специальный курс „Чтение русских актов XV—XVII вв.“. На высших археологических курсах читал курс „Древнерусская культура“. В археологическом общ[еств]е сделал доклад на тему „К истории колонизации Самарского края“ (напечат. в универ. „Известиях“⁵). Приготовил к печати 1-ую часть „Описания рукописей Иргизских монастырей“. Продолжал описание Аксаковского архива. Заведовал кабинетом старопечатных книг и рукописей Самарского университета»⁶.

Более полное представление о деятельности М. Н. Тихомирова в Самарском обществе археологии, истории, этнографии и естествознания дают неопубликованные отчеты Общества за 1921—1922 и 1922—1923 гг.⁷ В первом из этих документов зафиксировано, что в ноябре 1921 — ноябре 1922 г. М. Н. Тихомиров являлся членом Совета Общества, заведующим библиотекой Общества, заведующим Аксаковской комнатой, товарищем председателя Библиографической комиссии, преподавателем Высших этнолого-археологических курсов⁸; «М. Н. Тихомировым вместе со слушателем курсов М. Г. Маткиным была совершена поездка в Пугачевский уезд с целью обследования Иргизских монастырей, откуда им вывезены весьма ценные рукописи и старопечатные книги; ими же была совершена поездка в с. Богдановку и другие села Самарской губернии, где собран материал по истории колонизации края»⁹; на конференциях (общих собраниях) Общества М. Н. Тихомиров выступал с двумя докладами — «Аксаковский архив» и «К истории колонизации Самарского края». Немалый интерес представляют содержащиеся в этом же отчете сведения о деятельности руководимых М. Н. Тихомировым подразделений Общества (эти разделы отчета, несомненно, написаны либо непосредственно М. Н. Тихомировым, либо на основе представленных им материалов): «Библиотека Общества». В отчетном году библиотека продолжала интенсивно пополняться. На 1-ое января [1922 г.] по инвентарю числилось всего 4700 томов. В течение года поступило 1841 том, состоит на 1 января 1923 г. 6541 том, из них 5581 том на русском и 660 томов на иностранных языках. Кроме того, во временном пользовании библиотеки состоит 1432 тома. В недавнее время поступило и еще не разобрано большое собрание книг (до 5000 томов) преимущественно земских статистических изданий от Самарского губернского архивного бюро. В текущем году значительно пополнился и небольшой отдел старых книг церковной печати. Среди новых поступлений необходимо отметить: Четвероевангелие, напечатанное в 1575 г. в тип. Мамоничей (у Каратаева № 87)¹⁰, Острожское издание 1623 г. (у Карат[аева] № 284), Жития и службы Сергия Радонежского и Саввы Старожевского, Москва, изд. 1640 г. (у Кар[атаева] № 504). В библиотеке продолжались и были закончены

⁴ Изв. Самарского гос. ун-та. Самара, 1922. Вып. 3. С. 11, 75, 110.

⁵ Тихомиров М. Н. К истории колонизации Самарского края // Там же. Самара, 1923. Вып. 5. Отд. 2. С. 1—12.

⁶ Там же. Отд. 1. С. 2, 8—9.

⁷ ЦГА РСФСР. Ф. 2307 (Главнаука Наркомпроса РСФСР). Оп. 8. Д. 277. Л. 2—3 об.; 42—46. Машинопись.

⁸ В анкетных сведениях об Обществе, датированных 16 июня 1922 г., отмечено, что М. Н. Тихомиров преподавал на курсах палеографию и археографию (Там же. Оп. 2. Д. 602. Л. 57 об.).

⁹ Там же. Оп. 8. Д. 277. Л. 3 об.

* Здесь и далее в документе подчеркнуто.

¹⁰ См.: Каратаев И. П. Описание славянорусских книг, напечатанных кирилловскими буквами. СПб., 1878. С. 167—169.

работы по составлению алфавитного и систематического указателя-каталога. По-прежнему весь год производилась выдача книг членам Общества и частным лицам, получившим разрешение Совета Общества. Кроме этого, в библиотеку поступило весьма ценное собрание рукописей Иргизских монастырей, вывезенных библиотекарем Общества М. Н. Тихомировым. (Отчет об этой поездке внесен в протокол Об-ва). *Аксаковская комната*. В отчетном году была продолжена работа по разбору и описанию архива; описание производилось по пакетам для того, чтобы устроить при разборе произвольную сортировку материала и сохранить прежнюю физиономию архива, тем более что большинство пакетов с письмами и бумагами снабжены объяснительными подписями, сделанными самими Аксаковыми. Всего в настоящее время описано 287 папок, что составляет около половины всего архива. Предполагается, что описание архива будет закончено к концу текущего года. Работа по разбору и описанию архива выполняется библиотекарем Об-ва М. Н. Тихомировым»¹¹.

Из отчета Общества за ноябрь 1922 — ноябрь 1923 г. явствует, что М. Н. Тихомиров являлся членом Совета Общества, заведующим библиотекой Общества, заведующим аксаковской комнатой, председателем Библиографической комиссии; «М. Н. Тихомиров с целью описания рукописных церковных книг посетил Криволуцкий и Балаковские монастыри»¹²; на одной из конференций Общества М. Н. Тихомиров выступал с докладом «Рукописи Иргизских монастырей». В разделах отчета о деятельности руководимых М. Н. Тихомировым подразделений Общества отмечено: «*Библиографическая комиссия*. В отчетном году выполняла план работ по организации отдела „Старая Самара“ и составлен библиографический указатель литературы по народному образованию Самарской губернии. [...] *Аксаковская комната (архив Аксаковых)*. В отчетном году была продолжена работа по разбору и описанию архива. Описание производилось в том же порядке, как и в прошлом году, т. е. по пакетам. Всего в настоящее время описано до 300 пакетов, т. е. приблизительно больше половины всего архива. Предполагалось, что описание архива будет закончено в отчетном году, по вследствие отъезда сначала М. Н. Тихомирова, а потом проф. В. С. Спиридонова, работа по описанию замедлилась»¹³.

Характерно, что впоследствии М. Н. Тихомирова с теплотой и благодарностью вспоминал о своем участии в деятельности краеведческих обществ 20-х годов (Самарского общества археологии, истории и этнографии и Общества изучения Московской губернии) и заключал: «Вспоминая об этом времени, я невольно думаю, насколько недалековидными были последующие поколения, которые с такой яростью преследовали, а иногда и преследуют гуманитарные науки как якобы никому не нужные (1962 год)»¹⁴.

Таким образом, рассмотренные материалы дополняют известные по литературе представления о начале творческого пути М. Н. Тихомирова и свидетельствуют о немаловажной роли исторического краеведения в формировании и развитии научных взглядов и методов работы крупнейшего советского историка.

¹¹ ЦГА РСФСР. Ф. 2307. Оп. 8. Д. 277. Л. 3.

¹² Там же. Л. 43 об.

¹³ Там же. Л. 43 об., 44 об. В отчете Общества за 1923—1924 г. отмечено: «С 1 сентября отчетного года описание Аксаковского архива принял на себя С. А. Зыбин. Описание архива продолжалось по установленному М. Н. Тихомировым способу» (Там же. Л. 10 об.).

¹⁴ ААН. Ф. 693. Оп. 2. Д. 40. Л. 252.

АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В. В. ЛУКЬЯНОВА

Среди активных тружеников отечественной историографии 50–70-х годов видное место принадлежит Владимиру Васильевичу Лукьянову (1908–1986)¹.

Путь Лукьянова в археографию был не прост. Он родился в Петербурге. В его образовании и начальной трудовой деятельности соединялась филологическая и инженерно-техническая подготовка: он учился на отделении английского языка Ленинградского фонетического института, в Ленинградском котлотурбинном институте и Заочном институте технического образования. В 1930 г. он начал работать гидом-переводчиком Ленинградского отделения Интуриста, техническим переводчиком на строительстве шоссе дорог в Таджикистане и на Ленинградском металлическом заводе. В 30-е годы Владимир Васильевич работал техником и инженером в правлении треста «Котлотурбина», участвовал в монтаже и испытаниях паровых турбин на Магнитострое, Днепровской, Челябинской и Кизеловской ГРЭС. С начала Великой Отечественной войны он добровольцем ушел на строительство оборонных сооружений, а в июне 1942 г. также добровольцем — на фронт, откуда был возвращен по состоянию здоровья. В 1949–1953 гг. он старший инженер-технолог Технического отдела Ярославского шинного завода.

Первые печатные работы Лукьянова посвящены технической проблематике. Пытливый, неустанный труд, постоянные поиски нового в работе выдвинули его в ряды активных изобретателей и рационализаторов. Так, он являлся автором четырех брошюр о технологии шинного производства. Им была разработана конструкция ватерпаса, внедрение которого в производство заменило ранее применявшиеся системы импортных ватерпасов, дало значительный экономический и технический эффект.

Рано проявился у Владимира Васильевича интерес к русской истории, рукописной и печатной книге, музееведению и архивоведению, нумизматике. С детских лет его увлекало коллекционирование рукописных материалов, монет. Со временем это увлечение развивалось, все больше захватывало его, приобрело научный характер.

Многолетние нумизматические разыскания привели к созданию коллекции русских монет X — начала XVIII в., насчитывавшей свыше 9 тыс. экз. и являвшейся одной из крупнейших коллекций монет ручного чекана. С 1978 г. эта коллекция хранится в Новгородском историко-художественном музее-заповеднике. В последние годы нумизматические интересы Владимира Васильевича обращаются к бонистике; он собрал обширные коллекции российских и иностранных бон. Коллекция китайских бон (808 штук) после смерти Лукьянова была передана в Эрмитаж. Академик Б. Б. Пиотровский в письме от 7.VIII 1986 г. па имя А. С. Носовой, жены Владимира Васильевича, в связи с этим даром писал: «Молодая для Эрмитажа отрасль нумизматики — бонистика — развивается в Отделе нумизматики усилиями не только эрмитажных хранителей, но в значительной мере подвижничеством увлеченных любителей, щедро

¹ Отдельные аспекты жизни и деятельности В. В. Лукьянова затрагивались в ряде очерков о нем в центральной и областной печати. См.: *Ширяев В.* Разведчик рукописных недр // Сев. рабочий. 1976. 17 февр.; *Он же.* Разведчик книжных недр // Сов. культура. 1977. 19 авг.; *Он же.* Фонд ярославского нумизмата // Сев. рабочий. 1978. 19 окт.; *Севастьянова А., Мейерович М.* Неугомонный исследователь // Сев. рабочий. 1986. 29 мая; и др.

жертвующих свои сокровища государству. Имя Владимира Васильевича Лукьянова навсегда встанет в ряд дарителей, внесших важный вклад в формирование нумизматических коллекций Эрмитажа»².

Еще при жизни Лукьянова в древлехранилище Пушкинского дома была образована его личная коллекция из рукописных книг XVI—XX вв. (PIV, оп. 40). Ее основу составили сборники литературного и исторического содержания XVIII—XIX вв., в их числе — рукописи XVIII в. повестей о царе Аггее, о Григории попе, о хмельном питии, список Хождения купца Трифона Коробейникова на Ближний Восток в XVI в. и др. Кроме того, собранные Лукьяновым рукописи и материалы имеются в разделе «Отдельные поступления» этого древлехранилища, а также в ОР БАН³.

В 1959—1969 гг. (до ухода на пенсию) Владимир Васильевич работал заведующим Отделом книжных и рукописных фондов Ярославско-Ростовского музея-заповедника. С 50-х годов археография становится главной областью его работы. Основной сферой археографической деятельности было выявление, систематизация и научное описание обширных рукописных собраний Ярославского края, имевшего значительные культурные традиции, в центре которого — два наиболее крупных хранилища рукописей Ярославской области: ярославский областной архив и ярославский музей-заповедник.

Приступая к систематическому описанию, Лукьянов понимал, какой громадный объем работы предстоит проделать. В 1956 г. он писал: «В городах Ярославского края сосредоточены значительные собрания неизвестных до сих пор или малоизвестных рукописных книг и документов, раскрывающих многовековую историю нашего народа. Только в хранилищах Ярославля имеется более 2 тысяч томов рукописей, относящихся к периоду XII—XIX веков»⁴.

Результаты описания были обобщены в двух книгах, ряде статей и обзоров, содержавших дополнительные сведения о рукописных собраниях областного архива и музея-заповедника, краткие сведения о рукописных собраниях ЯГПИ, Переславля-Залесского, Ростова, Рыбинска и Тутаева. Описание каждой рукописи или рукописного сборника в этих работах — это исследование, аккумулирующее в себе краткие сведения о их внешних признаках, их разнообразную оценку. Прделанная работа базировалась на разносторонней научной подготовке археографа, на прекрасном знании им русской рукописной и книжной традиции, палеографии, кодикологии, филиграноведения, хронологии, архивоведения и музееведения, истории русской культуры.

Опубликованные работы Лукьянова впервые в советской археографии дали цельное научное описание рукописных собраний отдельной области. Они показали огромное значение рукописных материалов, хранившихся в местных архивах, музеях и библиотеках. «Какие у Вас в Ярославле богатства!» — с восхищением писала Лукьянову профессор Кембриджского университета Элизабет Хилл в письме от 22.III 1960 г., ознакомившись с «Кратким описанием коллекции рукописей Ярославского областного краеведческого музея». Опубликованные описания высоко оценили историки и филологи СССР⁵. Изданные работы принесли Вла-

² Копии писем, используемые в настоящей работе, сообщены А. С. Носовой, за что автор искренне ей благодарен.

³ О собрании рукописей, хранившихся у В. В. Лукьянова, также см.: *Мальшев В. И.* К вопросу об исследовании частных собраний рукописей // ТОДРЛ. М.; Л., 1954. Т. X. С. 454—457.

⁴ Краеведческие записки. Ярославль, 1956. Вып. 1. С. 251.

⁵ *Моисеева Г. Н.* Полезная книга // Сев. рабочий. 1957. 15 дек.; *Азбелев С. Н.* Описание ценной коллекции рукописей // ИА. 1958. № 5. С. 213—215; *Дубенцов Б. И.* Труд о Ярославских рукописях // ИСССР. 1958. № 6. С. 183—185; *Анашкин П. Д., Дербина В. Е.* Описание коллекции рукописей Государственного архива Ярославской области XIV—XX веков // ВА. 1959. № 2. С. 123—125; *Дубенцов Б. И.* Ценное, интересное издание // Сев. рабочий. 1959. 19 июня.

дмиру Васильевичу прочное научное признание и авторитет среди советских археографов.

Археографические разыскания привели Владимира Васильевича и к важным историческим находкам, связанным с историей «Слова о полку Игореве». Им были обнаружены новые материалы о ярославском периоде истории этого выдающегося памятника древнерусской литературы, об Иоиле Быковском — владельце «Слова», составе его библиотеки. Эти находки нашли отражение в ряде его статей и выступлений, получивших широкое признание⁶ (см. Список работ В. В. Лукьянова).

В 1961—1962 гг. Владимир Васильевич выступил инициатором археографических поисков в Даниловском и Пошехонском районах Ярославской области. Результатом начатой Архивным отделом Ярославского облисполкома работы явились выявление и передача на государственное хранение ряда рукописных и старопечатных материалов (60 рукописных книг XVI—XIX вв., 70 старопечатных книг XVII—XIX вв., около 90 рукописей XVIII—XIX вв., в большинстве украшенных богатым поморским орнаментом). Среди них было немало уникальных (Пролог в списке XVI в., Житие Зосимы и Савватия Соловецких в списке первой половины XVII в., скорописные азбуки XVIII в., принадлежавшие местным крестьянам и ими написанные, и др.). Освещая итоги этих археографических поисков, их методику в печати (что свидетельствовало о перспективности полевой археографии в центральных районах России), Владимир Васильевич призвал к их продолжению и расширению: «Необходимо, чтобы в работу по сбору рукописей включались местные музеи, институты и крупнейшие библиотеки области, а также краеведы, студенты-практиканты и школьники-туристы»⁷. Опыт начатых Лукьяновым археографических поисков в настоящее время используют экспедиции студентов, проводимые Археографической лабораторией при ЯГУ и ставшие ежегодными⁸.

Лукьянов активно участвовал в работе Археографической комиссии АН СССР. Изданное им «Описание коллекции рукописей Государственного архива Ярославской области XIV—XX веков» в 1959 г. было рассмотрено на специальном заседании комиссии. В 1970 г. он выступил на Тихомировских чтениях с сообщением об археографической работе в Ярославле в 1960—1970 гг.⁹ Длительные творческие связи были у Владимира Васильевича также с Сектором древнерусской литературы Пушкинского дома.

Книги, статьи и обзоры с информацией о рукописных собраниях Ярославской области лишь часть титанического труда археографа. Говоря об археографической деятельности Лукьянова, нельзя не отметить его почти ежедневную работу на протяжении 50—60-х годов в ГАЯО или в Отделе книжных и рукописных фондов музея-заповедника по приведению в порядок рукописных и книжных собраний, по учету новых поступлений, зафиксированную в различных археографическо-библиографических справочниках, постоянно нацеленную его собирательскую работу.

Книгам, статьям, научным описаниям, обзорам и каталогам Лукьянова, несомненно, суждена долгая жизнь в истории Ярославского края. Ярославские историки-архивисты, музейеведы, другие ценители истории нашей Родины должны сохранить неизданные археографические и библиографические описания, подготовленные Владимиром Васильевичем, по возможности сделать их достоянием широкой научной общественности.

⁶ Так, в информации Б. И. Дубенцова о Всесоюзном совещании по древнерусскому литературоведению в Ленинграде на страницах журнала «Нева» (1955., № 5) особо выделено сообщение ярославского инженера-технолога В. В. Лукьянова о первом известном нам владельце рукописи «Слова о полку Игореве».

⁷ Лукьянов В. В. Археографические поиски 1961 и 1962 гг. в Даниловском и Пошехонском районах Ярославской области // ВА. 1964. № 1. С. 60.

⁸ Севастьянова А. А. Археографические экспедиции в Ярославской области в 1981—1982 годах // Красневческие записки. Ярославль, 1984. Вып. V/VI. С. 88—93.

⁹ Тихомировские чтения 1970 года. Материалы науч. конф., посвященной опыту организации археографических экспедиций в РСФСР. М., 1970. С. 80—84. Ротапр.

Так, Архивным отделом Ярославского облисполкома издан составленный Лукьяновым еще в 70-х годах аннотированный каталог «Коллекция книг кирилловской печати XVI—XVIII веков Государственного архива Ярославской области», оцененный областной газетой как «лучшая память об этом неутомимом энтузиасте исследований ярославской старины»¹⁰.

За научным советом, консультацией по самым различным вопросам, а то и просто за добрым словом к Владимиру Васильевичу постоянно обращались ученые и рабочие, студенты и журналисты, историки, литературоведы и искусствоведы — все интересующиеся историей Ярославского края, и он щедро делился своими знаниями и опытом. В. В. Лукьянов был зримым явлением ярославской культурной жизни. Таким он останется в памяти тех, кто с ним работал.

СПИСОК РАБОТ В. В. ЛУКЬЯНОВА

- Собрание рукописей Ярославского областного краеведческого музея: (Краткий обзор) // ТОДРЛ. М.; Л., 1954. Т. X. С. 472—473.
- Рукописные собрания Ярославского областного педагогического института им. К. Д. Ушинского: (Краткий обзор) // ТОДРЛ. М.; Л., 1955. Т. XI. С. 464—470.
- Первый владелец рукописи «Слова о полку Игореве» Иоиль Быковский // ТОДРЛ. М.; Л., 1956. Т. XII. С. 42—45.
- Краткие сведения о рукописных собраниях городов Ростова, Рыбинска и Тутаева Ярославской области // Там же. С. 514—517.
- Краеведческие материалы в рукописных собраниях Ярославля: (Краткий обзор): Краеведческие записки. Ярославль, 1956. Вып. 1. С. 251—257.
- Описание коллекции рукописей Государственного архива Ярославской области XIV—XX веков. Ярославль, 1957. 180 с.
- Рукописные сборники Ярославского краеведческого музея: (Краткий обзор): Краеведческие записки. Ярославль, 1957. Вып. 2. С. 271—277.
- Краткое описание коллекции рукописей Ярославского областного краеведческого музея: Краеведческие записки. Ярославль, 1958. Вып. 3. 290 с.
- Рукописные материалы Переславль-Залесского районного краеведческого музея // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. XIV. С. 600—612.
- Дополнения к биографии Иоиля Быковского // Там же. С. 509—511.
- Археографические поиски 1961—1962 гг. в Даниловском и Пошехонском районах Ярославской области // ВА. 1964. № 1. С. 59—60.
- Титов Андрей Александрович: К 120-летию со дня рождения // Календарь памятных дат по Ярославской области на 1964 год. Ярославль, 1964. С. 41—44.
- Библиотека Иоиля Быковского // Древнерусская литература и ее связи с новым временем. М., 1967. С. 49—53.
- Новые поступления в рукописные собрания Ярославского и Ростовского музеев // ТОДРЛ. Л., 1969. Т. XXIV. С. 404—408.
- Об археографической работе в Ярославле за последнее десятилетие 1960—1970 гг. // Тихомировские чтения 1970 года: Материалы научной конференции, посвященной опыту организации археографических экспедиций в РСФСР. М., 1970. С. 80—84. Ротапр.
- Описание редких русских книг гражданской печати XVIII в. из библиотеки Ярославского музея-заповедника // Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII в. М., 1975. Т. VI. Док. № 26, 31, 38, 42, 95, 99, 146, 167, 197, 272 и др.
- Коллекция книг кирилловской печати из Государственного архива Ярославской области: (Краткий обзор) // СА. 1976. № 5. С. 93—94.
- Пополнения коллекции рукописей Государственного архива Ярославской области // АЕ за 1977 год. М., 1978. С. 286—289.
- Коллекция книг кирилловской печати XVI—XVIII веков Государственного архива Ярославской области: Аннотированный каталог. Ярославль, 1986. 48 с.

¹⁰ Храпченко В. Только в единственном экземпляре // Сев. рабочий. 1986. 16 июля.

Е. Д. ПЕТРЯЕВ — ПИСАТЕЛЬ И УЧЕНЫЙ

Евгений Дмитриевич Петряев (18.II. (3.III) 1913 — 5.II 1987)¹ был писателем и ученым одновременно, точнее, писателем, использовавшим в полной мере выработанную им методику научного исследования. Поисковая работа писателя имела свою специфику. Пожалуй, так, как работал Евгений Дмитриевич, не работал ни один из современных писателей. Круг его интересов часто определяют довольно узко — литературное краеведение. Вряд ли это справедливо. Ведь громадная заслуга писателя состоит в постановке и разработке принципиально новой темы «Русская провинциальная культура». Историк культуры, литературовед, книговед, библиофил Петряев не выдумал ни строчки в сотнях своих статей, 18 книгах. В основном они посвящены малоизвестным деятелям русской культуры XVIII—XX вв. (преимущественно XIX в.): забытым сегодня писателям и врачам, ученым и книголюбам, учителям и артистам, т. е. представителям лучшей части русской демократической интеллигенции.

«Чтобы были вершины, нужно, как минимум, иметь плоскогорья», — любил повторять писатель. Он возвратил в нашу историю, культуру сотни имен. Евгений Дмитриевич осознавал, что литературный процесс — это не стройная череда великих писателей, а явление более обширное, глубокое и значительное. Литературная, культурная жизнь Российской провинции, прежде всего XIX в., впервые так объемно отразилась в его книгах. Герои его очерков — вятский врач-подвижник С. И. Сычугов, сибирский поэт Ф. И. Бальдауф, путешественник В. К. Арсеньев и такие деятели культуры Сибири, как Н. М. Ядринцев, И. И. Попов, Н. В. Кириллов, В. Я. Кокосов, а также многие, многие другие.

На основании найденного им материала освещаются малоизвестные страницы жизни А. И. Герцена и М. Е. Салтыкова-Щедрина, А. С. Грина и декабристов.

¹ О Е. Д. Петряеве см.: Е. Д. Петряев: Указатель литературы, 1941—1972/Сост., вступ. ст. В. Г. Шумихина, И. Н. Войханской. Киров, 1973. 401 с. (Обл. науч. б-ка им. А. И. Герцена); Работы Е. Д. Петряева (март 1973 — декабрь 1977): Памятка к заседанию клуба «Вятские книголюбые» 23 февраля 1978 г. (Киров, 1978); Публикации Е. Д. Петряева (1978 — апрель 1985): Памятка к «Краеведческому четвергу» 20 июня 1985 г. (Киров, 1985); Публикации Е. Д. Петряева (май 1985 — февраль 1987): Памятка к «Краеведческому четвергу» 19 марта 1987 г. (Киров, 1987); Николаев В. А. Библиографы Сибири и Дальнего Востока: Библиогр. словарь. Новосибирск, 1973. С. 104—107; Гладышева О. Краевед или историк культуры? // Волга, 1974. № 6. С. 153—156; Шумихин В. Г. Писатель и ученый // Литературные портреты. Киров, 1977. С. 136—151; Он же. 70 лет Е. Д. Петряеву // Сов. библиография. 1983. № 1. С. 84—85; Новые поступления в отдел рукописей и редких книг 1974—1978: Каталог. Л., 1980. С. 57—61 (обзор документов личного фонда Е. Д. Петряева); Лиханов А. Времена жизни: Размышления о близком и далеком. М., 1978. С. 92—104; Лидин В. Искатель // Книжное обозрение. 1978. № 44; Ласунский О. Волшебное зеркало: Разыскания, исследования, этюды. Воронеж, 1981. С. 138—140; Шпитальник С. Писатели-медики: Библиогр. справочник. Кишинев, 1981. Ч. 1. С. 42—43; Ласунский О. Культура исторической памяти: Е. Д. Петряеву — 70 лет // Кировская правда. 1983. 26 февр.; Постнов Ю. Семь шагов в неизведанное: (Е. Д. Петряев) // Постнов Ю. Литературные очерки. Новосибирск, 1985. С. 175—198; Лит. Сибирь: Критико-библиогр. словарь писателей Восточной Сибири. Иркутск, 1986; Бердинских В. История рядом с нами // Волга. 1986. № 3. С. 156; Е. Д. Петряев: Некролог // Кировская правда. 1987. 8 февр.; Е. Д. Петряев: Некролог // Книжное обозрение. 1987. № 7; Слово прощания // Лит. Россия. 1987. № 8; Бердинских В. Воскрешение памяти // Вятка: Краеведческий сб. Киров, 1987.

Труды Е. Д. Петряева стали ценным источником для историков и географов, литературоведов и биологов, музейных работников и искусствоведов. Им вовлечены в научный оборот тысячи фактов, на основании которых целые явления осмысливаются по-новому. Цель данной статьи — показать методику работы, рассказать об исследовательской деятельности писателя, коротко охарактеризовать оставшееся наследие.

Пожалуй, трудно найти другого писателя, у которого литературное хозяйство было бы в столь образцовом порядке. В специальной библиографической тетради фиксировались не только все без исключения публикации и даже перепечатки (вплоть до районных и многотиражных газет), но и все рецензии, отклики, упоминания в печати. В личном архиве сохранность и порядок были идеальными. Ничего не выбрасывалось.

Тяга к собирательству, высокая культура этого дела делают сегодня его альбомы с аккуратно наклеенными конфетными обертками, различного рода этикетками, наклейками от бутылок, консервов, приглашениями билетами, программами вечеров, объявлениями (все это за долгие годы) весьма ценными для историков, художников, оформителей. Ведь такого рода летучая книжная продукция нигде и никак не учитывается, не сохраняется. По существу, свой многолетний опыт построения личного архива, библиотеки, работы с книгой писатель обобщил в небольшой по очень смлой книге «Методика и техника историко-медицинского исследования» (М., 1972. 60 с.). Там нет ни одной рекомендации, практически не проверенной автором в течение многих лет работы. Умение организовать свой труд помогло писателю, отдавшему 27 лет жизни напряженной деятельности военного медика, вести одновременно и трудоемкие историко-литературные разыскания. Ведь только по теме научной работы кандидатом биологических наук Е. Д. Петряевым было опубликовано около 100 статей.

Первым и, пожалуй, самым важным источником для писателя были встречи со старожилыми, общение с необычайно широким кругом людей. Вот как сам Евгений Дмитриевич писал об этом: «Невозможно перечислить двери, в которые приходилось стучаться, чтобы отыскать затерянные издания, рукописи, книги с автографами декабристов, материалы многих личных архивов. Иногда письмо или страница дневника делали понятным то, что не удавалось выяснить из казенных отчетов и груды книг»². Дочь писателя Наталья Евгеньевна Петряева вспоминает о жизни в Сибири (Кяхте, Нерчинске, Чите): «Он не мог пройти на улице мимо старого человека, сразу же заводил с ним разговор и расспрашивал досконально. По этой линии было очень много находок. Но ходить с ним по улицам было сущее наказание — ни одного старца не пропустит».

В 60–80-е годы интенсивность встреч оставалась по-прежнему очень высокой. Три-четыре посещения в неделю были нормой, причем нерезко разговор продолжался 4–5 часов. Высокая культура общения писателя, информативная насыщенность и накаленность такого рода бесед делали их значимым источником для него. Евгений Дмитриевич не терпел пустословия, обычной болтовни, был очень доступен, но и весьма разборчив в контактах.

Кстати сказать, вот эта высокая степень информационной насыщенности характерна для всех его работ, устных выступлений. Огромную роль в его деятельности играла переписка. Последнее время он получал ежегодно 600–700 писем от примерно 300 корреспондентов, а сам отправлял в год более 1000 писем. Конечно, немало среди них было разовых запросов. Круг постоянных корреспондентов — музейные работники, библиографы, книголюбцы, старожилы, друзья, ученые. Широкие контакты шли по линии клуба «Вятские книголюбцы», основателем и председателем которого он являлся. Со времени основания клуба (30 марта 1973 г.) он выступал на его заседаниях более 80 раз (всего

² Петряев Е. Д. Автобиография // Литературный Киров. Киров, 1982. С. 67.

за это время сделано более 300 докладов). С его помощью опубликовано 150 фотографий в памятках к заседаниям клуба.

География переписки выглядела так (основные центры): Чита и Нерчинск, Иркутск и Новосибирск, Челябинск и Свердловск, Пермь, ряд районных центров Кировской области, Горький и Воронеж, Москва и Ленинград. Причем к Ленинграду как общероссийскому научному центру он тяготел более, регулярно работая в ленинградских архивах и библиотеках, консультируясь со специалистами из ИРЛИ (Пушкинского дома) АН СССР. Поэтому не случайно часть архива писателя находится в рукописных отделах ГПБ и ИРЛИ. Архивный фонд писателя имеется также в ГАКО. Часть сибирских материалов будет выслана в Читку. Такое дробление фонда имеет свои неудобства.

Основная часть переписки была строго нацеленной, деловой по характеру. Это и письма-запросы, когда писатель выяснял факты, опознавая фотографии, изучал линии родства. Причем долгие, не всегда успешные поиски рукописного наследия с помощью переписки иногда тянулись годами. Приходилось идти от одного родственника к другому.

Так длительными, но успешными были поиски литературного наследия забытого писателя-демократа В. Я. Кокосова. Обращения к журналистам, сыновьям писателя, запросы в музеи, архивы, библиотеки. В конце концов, внук писателя собрал у родственников и отправил Евгению Дмитриевичу массу его рукописей. Все это не только помогло Петряеву в написании книги по истории культурного прошлого Нерчинска, но и позволило ему подготовить к изданию том В. Я. Кокосова.

Изданные в Чите, Новосибирске, Кирове (лишь две книги писателя изданы в Москве) работы писателя имели общероссийскую значимость. В большинстве своем они обильно иллюстрированы photographиями. К иконографии Евгений Дмитриевич был пристрастен и опубликовал в своих книгах многие десятки фотопортретов героев своих очерков. Кстати сказать, работа по опознанию photographий часто была очень трудоемкой. Собирая, например, материалы об известном русском археологе А. А. Спицыне, Евгений Дмитриевич записал воспоминания его дальних родственников, живших в Кирове. Удалось найти ленинградский (но еще довоенный) адрес дочери ученого Надежды Александровны Спицыной. Она прислала несколько сохранившихся семейных реликвий, в том числе гимназическую photographию. Оказалось (как установила сделанная по просьбе писателя экспертиза), что в числе одноклассников Спицына на photographии есть и Константин Циолковский. Photographия уникальна³. Присланная Н. А. Спицыной же автобиография ее отца ценна для понимания деятельности этого ученого. Она была опубликована в последней книге писателя⁴.

У Евгения Дмитриевича розыски от какой-то одной «искры» шли дальше подобно цепной реакции. Находки часто бывали непредсказуемы. Азартный интерес двигал поиски по линиям родственников, бытовых, служебных связей, и оказывалось, что мир, действительно, тесен.

Ценнейшей частью книг писателя является именной указатель. В книге «Литературные находки» (Киров, 1981) он размещен на 23 страницах и включает более 700 имен и фамилий с указанием даты жизни, профессии. Это, по признанию самого писателя, самая трудоемкая часть его книг. 25 страниц занимает именной указатель в книге «Вятские книголюбы», более 700 фамилий включает он и в книге «Живая память» (М., 1984). Это целый мир забытых представителей русской провинциальной культуры, пропизанный внутренними связями и достаточно цельный.

По существу, в своих кировских книгах он дал основу для «Вятского биографического словаря», о создании которого он мечтал и план которого разработал. Тяга к персоналиям, изучение биографий людей — ос-

³ Петряев Е. Д. Уникальная photographия // Кировская правда. 1985. 12 апр.

⁴ Петряев Е. Д. Вятские книголюбы. Киров, 1986. С. 104—107.

новой структурный элемент творчества писателя. Людей которыми он интересовался отличало одно — все они имели какое-то отношение к книге.

Евгений Дмитриевич был книголюбом в самом высоком смысле этого слова. Он понимал книгу как элемент культуры, результат духовной деятельности человека, умел за любой книгой разглядеть личность ее автора. Именно поэтому вторым важнейшим источником его творчества стала библиотека. Долгие десятилетия (в Кирове писатель жил с 1956 г.) он бывал в библиотеке чуть ли не ежедневно. Высокая культура чтения, великолепное владение справочной литературой позволяли ему свободно ориентироваться при написании биографических очерков, разыскивать и находить в труднодоступных, местных изданиях необходимые материалы. Не случайно значительную часть личной библиотеки писателя составляют справочники, библиографические указатели, разного рода словари. Было бы полезно издать, хотя бы и очень небольшим тиражом, каталог его личной библиотеки.

«Известно, что для изучения жизни и творчества писателя или ученого, — заметил как-то Евгений Дмитриевич, — фонды государственных архивов обычно недостаточны, так как официальные документы отражают лишь внешние черты — „скелет“ событий. Поэтому крайне важные подробности — „мясо истории“ — могут дать лишь источники личного характера (эпистолярные, иконографические, бытовые), воспоминания близких, каталог библиотеки, сама библиотека — этот ненаписанный библиографический труд владельца»⁵. Друг В. Г. Лидина, один из лучших знатоков сибирских и вообще провинциальных изданий XIX в., Евгений Дмитриевич имел дома тщательно подобранную, многократно просеянную рабочую библиотеку, необходимую ему для занятий. Объем ее — 10 тыс. томов. К ней имеется предметный и алфавитный каталог.

В работе с книгой (так же как и в общении с людьми) его отличали широкий охват материала, планомерный, целенаправленный поиск. По приезду в Киров он внимательно просмотрел и сделал выписки из комплектов «Вятских губернских ведомостей», «Памятных книжек Вятской губернии», «Трудов Вятской ученой архивной комиссии» за все время их существования. В библиотеке, в зале новых поступлений тщательно просматривались им все новинки, в зале периодики — все поступления. Любой новый журнал прочитывался от корки до корки.

Когда-то вышедшие книги постепенно обрастали массой нового материала. Так, в последнее время Евгений Дмитриевич предполагал начать работу над книгой под условным названием «Нерчинский сундук» (своеобразное продолжение его первой книги о Нерчинске). Почти готов «Словарь уральских писателей». Велик объем картотек и материалов по Сибири. Широкое использование периодики (как дореволюционной, так и современной), справочных, ведомственных изданий при написании биографических очерков характерно для писателя.

Неплохо читал Евгений Дмитриевич литературу на немецком и английском, мог и снять и напечатать фотографии, переплести книгу. В его личном архиве есть альбомы фотографий по Забайкалью, Уралу, Вятке (преимущественно виды различных историко-культурных памятников, мест, фотопортреты, рукописи). В последней книге писателя «Вятские книголюбы» опубликовано в основном впервые 58 фотографий. Около 500 фотопленок хранится в завидном порядке.

Третьим важнейшим источником сведений для писателя стала работа в архивах, как центральных, так и местных. Десятки тетрадей с выписками из архивных дел хранились под рукой. Каждая тетрадь озаглавлена: например, «Ленинград, 1977». В этой тетради выписки из рукописного отдела ГПБ. Таким образом, легко можно было в любой момент проверить сноску, найти дополнительный материал по оглавлению тетра-

⁵ Петряев Е. Д. Литературные находки: Очерки культурного прошлого Вятской земли. Киров, 1981. С. 244.

ди. Например, в книге «Литературные находки. Очерки культурного прошлого Вятской земли» (Киров, 1981) использованы материалы из шести архивохранилищ. Примечания к этой книге (и весьма интересные, не просто сухие списки) занимают 20 страниц текста.

Что двигало писателем в его трудоемких и, по существу, не вполне оцененных и сегодня разысканиях? В чем причина этой странной, благородной одержимости? Ответ, видимо, одип — личностный интерес, своеобразная любовь к эвристике. Серьезно помогли Петряеву в работе научный подход, умение логически мыслить, огромная эрудиция, духовная близость с героями его произведений, людьми, для которых служение народу стало смыслом жизни. Созданный XIX веком в России тип передового русского интеллигента — огромная культурная ценность. Человеком именно такого типа и был сам Петряев. Объем его работы очень велик. В последние годы он нередко повторял: «Надо выдержать тот же ритм, что и раньше». Дочь писателя вспоминает о занятиях отца: «Ему все это было очень интересно и поэтому не в тягость». Хотелось бы отметить еще одну черту его характера — открытость для новых идей.

Искусство эвристической беседы, парадоксальности, острота его суждений памятливы всем членам клуба «Вятские книголюбы». По своей сути вся деятельность писателя имела общественное значение (музеи, клубы, выставки, конференции, чтения). Да и он сам стал важнейшим центром общественного притяжения Кирова.

Культурный потенциал российской провинции чрезвычайно велик. В значительной части он нами еще не востребован. Ощущается острый дефицит людей-подвижников, которые бы развернули эту работу. Человеком именно такого типа был писатель и ученый Евгений Дмитриевич Петряев. Значение всего сделанного им будет в ближайшие годы неуклонно возрастать.

СПИСОК РАБОТ Е. Д. ПЕТРЯЕВА (1973—1987) *

- Псевдонимы литераторов-сибиряков. Новосибирск, 1973. 76 с.
- Друзья уральского букиниста // Альманах библиофила. М., 1973. С. 68—76.
- Забутые гравюры // Уральский следопыт. 1973. № 11.
- Создадим музей деревянного зодчества // Кировская правда. 1973. 2 июня.
- Подгот. к печати: Федор Бальдауф. 1800—1839. Поэт старой Сибири // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1974. Т. 3. С. 7—75.
- Вятские связи Короленко. Новое о Гриневе // Волга. 1974. № 6. С. 183—191.
- Книголюбы старой Вятки // Тез. докл. Второй Всесоюз. науч. конф. по проблемам книговедения. М., 1974. С. 30—33.
- Псевдонимы уральцев // Тез. докл. и сообщ. Вторых Уральских Бирюковских чтений. Челябинск, 1974. С. 80—86.
- М. Е. Салтыков-Щедрин в Вятке. Киров, 1975. 112 с.
- О литературном краеведении // Вятка: Краеведческий сб. Киров, 1975. С. 34—38.
- Библиофилы старой Вятки // Альманах библиофила. М., 1975. Вып. 2. С. 239—244.
- Об изучении истории культуры Урала // Третьи Бирюковские чтения. Челябинск, 1975. С. 4—5.
- Вятские литературные места // Кировская правда. 1975. 15, 22, 29 июня; 13, 20, 27 июля; 3, 10, 17, 24 авг.; 14 сент.
- Декабристы и Вятский край // Там же. 7 сент.
- Подгот. текстов, коммент.: Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. М., 1975. Т. 18, кн. I; 1977. Т. 19, кн. II.
- Салтыков-Щедрин в Вятке // Волга. 1976. № 1. С. 164—167.
- Забайкальские редкости // Альманах библиофила. М., 1976. Вып. 3. С. 183—194.
- Уральский библиофил В. П. Бирюков // Тез. докл. III Всесоюз. конф. по проблемам книговедения. М., 1977. С. 39—40.
- Записки книголюба. Киров, 1978. 280 с.
- Каков он, современный библиофил? // Альманах библиофила. М., 1978. Вып. 5. С. 14—29; То же // Встречи с книгой. М., 1979. С. 41—67.
- Die «Wjatker Bücherfreunde» ein Klub in Kirov // Marginalien. Berlin, 1978/2. H. 70. S. 56—58.
- На пороге столетия // Вятка: Краеведческий сб. Киров, 1979. Вып. 4. С. 43—58.

* Исчерпывающий перечень работ Е. Д. Петряева и статей о нем за 1941—1972 годы дан в кн.: Е. Д. Петряев: Указатель литературы/Сост. В. Г. Шумихин, И. Н. Войхановская. Киров, 1973. 101 с. Публикации расположены по хронологическому принципу, статьи в газетах даны выборочно.

- Тревожный год: (Из воспоминаний А. А. Черкасова) // Кировская правда. 1979. 8 мая.
- Однополчанин: (О Халхин-Голе) // На боевом посту. Чита., 1979. 21 авг.
- Мешает разобщенность: К II съезду книголюбов // Советская культура. 1979. 2 окт.
- Подгот. к печати: *Ядрищев Н. М.* Инн. В. Федоров-Омулевский // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1980. Т. 5. С. 114—118; *Он же.* Научное значение местных музеев // Там же. С. 135—138; *Попов И. И.* Завещание // Там же. С. 362—364; *Богданов В. В.* Из воспоминаний // Там же. С. 382—388; *Смолев Я.* Из моих воспоминаний // Там же. С. 362—364.
- Слово о Грине // Кировская правда. 1980. 23 авг.;
- Что может клуб // Кн. обозрение. 1980. 12 сент.
- Нерчинский «Чайный клуб» // Забайкальский рабочий. Чита, 1981. 17 марта.
- Краеведы и литераторы Забайкалья: Библиогр. указ. 2-е изд., доп. и испр. Чита, 1981. 128 с.
- Литературные находки: Очерки культурного прошлого Вятской земли. 2-е изд., доп. Киров, 1981. 288 с.
- Очерки русской литературы Сибири. Новосибирск, 1982. Т. 1. (раздел 2, гл. 1—3; раздел 3, гл. 1 — соавтор).
- Автобиография // Литературный Киров. Киров, 1982. С. 64—68.
- Библиофильство и краевое книговедение // Актуальные проблемы теории и истории библиофильства. Л., 1982. С. 13—14.
- Нерчинские редкости // Забайкальский рабочий. 1982. 25 апр.
- Интересная новинка // Кировская правда. 1982. 11 сент.
- Вятские книголюбы // Библиотекарь. 1983. № 10. С. 33.
- Ответственность перед историей // Кировская правда. 1983. 16 апр.
- Летописец Даурии // Сов. Приамурье. 1983. 2 июня.
- Салтыковские чтения // Кировская правда. 1983. 29 окт.
- Живая память. М., 1984. 288 с.
- Наставник Гоголя // Литературная Россия. 1984. № 24. С. 24.
- Наследие «сибирского Аксакова» // Охота и охотничье хозяйство. 1985. № 1. С. 38—39.
- Шумихинские находки // Кировская правда. 1985. 2 февр.
- Уникальная фотография // Там же. 1985. 12 апр.
- Лев Толстой и Вятка // Там же. 1985. 21 нояб.
- Вятские книголюбы. Киров, 1986. 223 с.
- Памятники истории и культуры города Кирова: Справочник. Горький, 1986. Соавтор.
- Юность Грина // Радуга над Вяткой. М., 1986. С. 143—151.
- Вятские литературные места // Волга. 1986. № 5. С. 168—172.
- Без диплома // Урал. 1986. № 10. С. 173—175.
- По старой Московской... // Кировская правда. 1986. 16 мая.
- «Артель» Павленкова // Там же. 1986. 28 сент.
- Подгот. к печати: *Черкасов А. А.* Из записок сибирского охотника. Иркутск, 1987. 572 с.

Ю. З. Данилюк, Д. В. Табачник

В. И. СТРЕЛЬСКИЙ — АРХЕОГРАФ, АРХИВИСТ И ИСТОРИК-КРАЕВЕД

Деятельность видного украинского советского историка, члена Археологической комиссии АН СССР, доктора исторических наук, профессора В. И. Стрельского (1910—1983) была самым тесным образом связана с его работой в системе ГАУ УССР, на историческом факультете КГУ им. Т. Г. Шевченко, где он трудился почти четыре десятилетия (1944—1983), возглавляя в 1946—1982 гг. кафедру архивоведения и специальных исторических дисциплин¹. Научной общественности страны В. И. Стрельский известен прежде всего как крупный ученый в области источниковедения отечественной истории, теоретико-методологических проблем и методики источниковедческого анализа. Наряду с этими проблемами во многих трудах В. И. Стрельского важное место занимала разработка вопросов конкретного источниковедения и частных методик источниковедческого текстологического анализа документов и материалов Коммунистической партии, материалов делопроизводства учреждений, организаций и предприятий, социально-экономической статистики, законодательных и правовых актов, мемуарной и эпистолярной литературы, памятников художественной и научной литературы, периодической печати. Ученым с большой тщательностью и глубиной разработаны вопросы об особенностях отражения в источниках реального исторического процесса, об органической связи источниковедения и историографии, приемы и методы критики достоверности источников.

Учебники, написанные В. И. Стрельским, допущены министерствами высшего и среднего специального образования РСФСР и УССР как учебные пособия для вузов страны². Они получили высокую оценку в советской историографии. Например, Л. Н. Пушкарев отмечал: «В. И. Стрельский за последние десять лет выпустил в свет четыре учебных пособия по источниковедению, участвовал в коллективном труде, также принятом в качестве учебного пособия, выступил с работами методологического характера. Это ученый, ставящий крупные принципиальные проблемы в области как теоретического, так и конкретного источниковедения»³.

Вместе с тем Стрельский относился к числу ученых с широким, многоплановым диапазоном научных интересов. Именно поэтому в его творчестве наряду с источниковедением важное место занимали археологическая деятельность, работа в архивах и архивных органах УССР и РСФСР. Бесспорный интерес представляют также его многочисленные историко-краеведческие исследования, работа по изучению исторических и фольклорных корней обрядовой и гербовой символики, народного

¹ Государственный архив г. Киева. (Далее: ГАК). Ф. Р-1535 (личный фонд В. И. Стрельского). Оп. 1. Д. 11. Л. 1. Список трудов Стрельского и литературы о нем см.: Стрельский Вячеслав Ильич: Биобиблиографический указатель учебного/Сост. Л. В. Шевченко, Т. А. Прилипко; Вступ. ст. Ю. З. Данилюка. Киев, 1987. 62 с.

² Стрельский В. И. Основные принципы научной критики источников по истории СССР. Киев, 1961. 136 с.; *Он же*. Источниковедение истории СССР: Период империализма, Конец XIX в.—1917 г. М., 1962. 604 с.; *Он же*. Теория и методика источниковедения истории СССР. Киев, 1968. 264 с.; 2-е изд. Киев, 1976. 134 с.; *Введенський А. О., Стрельський В. І., Дядиченко В. А.* Допоміжні історичні дисципліни. Київ, 1963. 209 с.

³ Пушкарев Л. Н. Новое в украинском источниковедении // ВИ. 1969. № 5. С. 147.

художественного творчества, памятников истории и культуры, по исследованию произведений художественной литературы и изобразительного искусства как исторического источника.

Понимание огромной силы документа, его важности и ценности пришло к будущему ученому вместе с прикосновением к историческим строкам, написанным рукой В. И. Ленина. В октябре 1919 г. в г. Курске вскоре после захвата его денкинцами редактор «Вестника Главного военно-революционного комитета Московско-Киево-Воронежской железной дороги» И. Д. Стрельский, опасаясь ареста, передал на сохранение девятилетнему сыну оригинал приветственного ленинского письма «Товарищам железнодорожникам Московско-Киево-Воронежской железной дороги»⁴. Около двух месяцев В. Стрельский скрывал уникальный документ от денкинской контрразведки. Видимо, тогда и зародился у него интерес к отечественной истории, ставшей его профессией, делом его жизни.

Уже с середины 20-х годов Стрельский вполне самостоятельно занялся изучением истории родного края, публиковал результаты своих исследований на страницах центральных и местных краеведческих изданий. Среди его ранних работ следует особо отметить статьи, посвященные анализу местных памятников фольклора, выявлению их характерных особенностей⁵. Активное участие принимал В. И. Стрельский и в организации краеведческих исследований, избирался членом президиума Окружного совета по краеведению, руководителем бюро его юношеской секции, секретарем Курского комитета содействия I Всесоюзному археологическому съезду. В 1929 г. Стрельский представлял курских краеведов на расширенном заседании Центрального бюро краеведения⁶. Тогда же «Известия ЦБК» поместили его статью, обосновывающую целесообразность создания общесоюзного научно-методического центра, координирующего краеведческую деятельность юношеских краеведческих ячеек и клубов⁷.

В 1932–1935 гг. В. И. Стрельский — студент Московского историко-архивного института. Его учителями были такие выдающиеся историки, как академики Е. В. Тарле, Ю. В. Готье, М. В. Нечкина. Важное значение для формирования мировоззрения ученого имела в этот период общественная работа заместителем председателя Московского городского, а затем Всесоюзного бюро пролетарского студенчества при ВЦСПС, под непосредственным руководством Н. К. Крупской⁸.

После окончания Московского историко-архивного института научная деятельность В. И. Стрельского связана с Украиной. Представляется целесообразным кратко остановиться на трех ее основных направлениях (разумеется, помимо разработки проблем источниковедения истории СССР): археографической, архивистской и историко-краеведческой, хотя в работе ученого все они теснейшим образом переплетались и были взаимосвязаны.

В конце 30-х годов, работая в Николаеве заместителем директора, а затем директором Николаевского областного госархива, Стрельский начал широкое выявление в архивных фондах документов по истории города и края и приступил к созданию своей первой крупной археографической работы — сборника документов «Из истории города корабелов». В нем на основе документальных источников, материалов и отчетов ар-

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 92.

⁵ Стрельский В. И. Песни, частушки, заговоры и малопонятные слова крестьян деревни Конево Курского уезда // Изв. Курского губернского общества краеведения. 1927. № 3. С. 67–73; Он же. Приметы, предрассудки, пословицы и песни крестьян деревни Конево Курского уезда // Изв. Курского губернского общества краеведения. 1927. № 6. С. 88–93.

⁶ ГАК. Ф. Р-1535. Оп. 2. Д. 1. Л. 1–3.

⁷ Стрельский В. И. Центральное бюро юных краеведов // Изв. Центрального бюро краеведения. 1929. № 7/8. С. 4.

⁸ ГАК. Ф. Р-1535. Оп. 2. Д. 5. Л. 1–12.

хеологических экспедиций ученый последовательно прослеживал историю края с древних времен до наших дней.

В 1937 г., став заместителем начальника Николаевского областного архивного отдела и одновременно заведующим кафедрой истории СССР и Украины Николаевского государственного педагогического института им. В. Г. Белинского, Стрельский организовал в области широкое выявление и сбор документов по истории края, привлек к этой работе студентов-историков пединститута, городские и районные архивы Николаевской области. На основе собранных документальных источников Стрельским было опубликовано свыше 50 статей и более 100 документов по истории Николаева⁹. В них автор впервые ввел в научный оборот значительный материал о развитии судостроительной промышленности на юге России в XIX в., о процессе формирования пролетариата в районах Причерноморья, его национальном и возрастном составе.

В годы Великой Отечественной войны, находясь в эвакуации в Омске, ученый активно трудился над изучением истории Сибири. В страничках ее многовековой летописи он искал истоки мужества и героизма советского народа в борьбе с фашизмом. Глубокое исследование фондов XVIII—XIX вв. ряда сибирских архивов позволили ему осветить участие сибиряков в Отечественной войне 1812 г.¹⁰ В этот же период Стрельский совершил ряд интересных археографических экспедиций в районы Крайнего Севера, разыскивая и собирая в Салехарде, Сургуте, поселках Обской губы, на Ямале документы, освещающие социально-экономическое и культурное развитие малых народов Крайнего Севера. В ходе экспедиций был собран богатый материал, выявлены десятки оригинальных документов, рукописных книг, которые пополнили архивы и послужили основой работ Стрельского по истории освободительного движения народов Крайнего Севера. Ученым были обобщены ценные свидетельства о деятельности сосланных в Сибирь декабристов, их вкладе в культурное и экономическое развитие края, повышение политической активности малых северных народов¹¹. Работая в 1942—43 гг. старшим научным сотрудником Государственного архива Омской области, заместителем начальника Омского областного архивного отдела, Стрельский одним из первых начал собирать и систематизировать документы, отражающие участие сибиряков в Великой Отечественной войне. В подписанной им листовке — памятке руководителям организаций и учреждений области указывалось на необходимость сохранения документальных материалов, отражающих всенародный подвиг¹². Буквально по горячим следам Стрельским был написан и опубликован цикл краеведческих работ, в которых впервые освещались вопросы участия населения Омской, Томской, Иркутской, Новосибирской областей, Красноярского края и Якутии в оказании помощи действующей армии, значения сложившегося в Сибири народнохозяйственного комплекса в укреплении обороноспособности страны¹³.

В 1943 г. Стрельский был отозван Совнаркомом УССР на Украину, где ему поручалось возглавить археографическую работу в только что освобожденных от фашистских захватчиков левобережных областях республики. Сотни, тысячи опаленных войной документов были переданы Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, архивам Украины. На основе этих

⁹ См. цикл его статей «История города Николаева» в газетах: «Шлях індустріалізації», «Більшовицький шлях», «Южная правда» за 1935—1939 гг.

¹⁰ Стрельский В. И. Сибирь в Отечественной войне 1812 г. Омск, 1943. 64 с.

¹¹ Стрельский В. И. Из истории движения народов Крайнего Севера под руководством Ваули Пиеттомина // ИСССР. 1961. № 1. С. 152—156; *Он же*. Визвольний рух нещів та ханте у XIX ст. // Наукові записки Київського державного університету. Київ, 1946. Т. 5, вип. 2. С. 97—117.

¹² Личный архив В. И. Стрельского. Папка 3. Л. 4.

¹³ Стрельский В. И. Сибирь в Великой Отечественной войне. Патриотические традиции сибиряков. Омск, 1943. 63 с.; Дулов В. И., Стрельский В. И. Великая Отечественная война и Сибирь. Иркутск, 1944. 68 с.

документов подготовлен и издан первый на Украине уникальный сборник документов о преступлениях фашизма на украинской земле, о проводимой гитлеровцами политике грабежа, террора и геноцида по отношению к местному населению. Это первое в республике после освобождения от оккупации издание документальных материалов положило начало собиранию и публикации на Украине документов Великой Отечественной войны¹⁴.

С января 1944 г. Стрельский активно занимался, как он писал, «военной археографией» — в составе особых оперативных групп НКВД СССР и УССР принимал участие в собирании, а иногда и захвате архивных материалов фашистского командования, в восстановлении, возврате старых и создании новых государственных фондов архивов Советской Украины, публикации в газетах документов, разоблачавших фашизм. В Ровно, например, в руки опергруппы, куда входил Стрельский, попала значительная часть личного архива рейхскомиссара Украины Эриха Коха, так как группа сумела проникнуть в город еще до отступления гитлеровской армии. В 1945—1946 гг. эти документы фигурировали как важное доказательство преступлений фашизма и его главарей на Нюрнбергском судебном процессе¹⁵.

Зная, какой колоссальный урон нанесен государственному архивному фонду Украины во время оккупации, ученый стал одним из инициаторов принятия и автором проекта этапного для развития архивного дела в республике постановления СНК УССР от 31 августа 1944 г. «О мерах по созданию документальной базы по истории Украины и истории Отечественной войны и по упорядочению архивного хозяйства УССР»¹⁶. Постановление предусматривало создание в Киевском госуниверситете кафедры архивоведения и восстановление ЦГИА УССР, директором которого был назначен Стрельский. Одновременно он стал доцентом, а с 1946 г. заведующим кафедрой архивоведения КГУ.

Со времени своего основания кафедра подготовила свыше 600 специалистов, которые работают в системе Главархива УССР, в АН УССР, Министерстве культуры республики, в высших и средних учебных заведениях Советской Украины, в Украинском обществе охраны памятников истории и культуры, в других учреждениях государственного аппарата.

Через аспирантуру кафедры с 1945 г. подготовлено около 40 кандидатов наук. Силами профессорско-преподавательского состава кафедры проведено около 60 потоков курсов повышения квалификации работников делопроизводства министерств и ведомств, на которых повышали свою квалификацию более 3 тыс. работников аппарата¹⁷.

Одновременно с большой и многогранной преподавательской деятельностью Стрельский вел на Украине плодотворную археографическую и архивную работу. В конце 40-х годов он совместно с профессором Львовского государственного университета Г. Ю. Гербильским длительное время собирал и готовил к изданию документы об участии украинского народа в Отечественной войне 1812 г. и о боевых действиях украинских казачьих полков. Выявленные документы были изданы и образовали фундаментальный сборник, получивший высокую оценку научной общественности¹⁸.

Крупной темой в археографии, привлекавшей особое внимание ученого в течение 25 лет, была работа по отбору и публикации документов по истории крупнейших промышленных предприятий Советской Украин-

¹⁴ Звірства і злочиння німецьких загарбників на Харківщині. Збірник документів. Київ; Харків, 1944. 53 с.

¹⁵ Ромоданова Н. Мы знаем мгновения // Рабочая газета. Киев, 1977. 13 нояб.

¹⁶ Хронологічне зібрання Законів, Указів Президії Верховної Ради, постанов, розпоряджень Уряду Української РСР. Київ, 1963. Т. 2: 1942—1951. С. 43—44.

¹⁷ Сургай Г. И., Табачник Д. В. Кафедра архивоведения и специальных исторических дисциплин Киевского государственного университета // АЕ за 1983 год. М., 1985. С. 174—178.

¹⁸ Стрельський В. І., Гербільський Г. Ю. Український народ у Вітчизняній війні 1812 року: Збірник документів. Київ, 1948. 146 с.

ны. Она, по замыслу Стрельского, должна была продолжить (только в несколько иной форме) традиции основанной в 1931 г. А. М. Горьким серии «История фабрик и заводов». С конца 50-х годов Стрельский и коллектив его кафедры вели неутомимую работу по созданию документальной истории машиностроительных производственных объединений — завода «Ленинская кузница», старейшего предприятия Киева, и Черноморского судостроительного завода в Николаеве. Издание этих крупных сборников документов, созданных при участии коллективов предприятий, позволило на богатом источниковом материале проследить процессы формирования многонационального пролетариата Украины, развитие машиностроительной и судостроительной промышленности на юге России в XIX в.¹⁹ Были выявлены и систематизированы документальные материалы по истории крупнейшего предприятия Киева — завода имени Артема. Однако ученый не успел завершить работу над этим сборником документов. Остались незаконченными комментарии, указатели и подробные подстрочные примечания, над которыми ученый трудился в последние годы жизни²⁰. Заметным событием в развитии археографии в республике стала подготовка под научной редакцией Стрельского крупного обобщающего исследования по истории развития украинской советской археографии, давшего ясное представление о масштабах и организации публикаторской работы, тематике и составе документальных изданий²¹.

Для собственных археографических работ Стрельского характерны глубокое проникновение в историю создания документа, анализ условий его возникновения в комментариях, исключительно бережное отношение к тексту документального памятника, который воспроизводился им с максимальной точностью, и тщательно продуманные примечания. Необходимо отметить также, что, осуществляя археографическую работу по сбору и публикации документов, Стрельский параллельно всегда исследовал и использовал выявленные источники для написания исторических работ. Своими знаниями, выявленными документами, опытом их подготовки к публикации он щедро делился с другими исследователями.

Стрельский известен также как крупный специалист и в области архивного строительства, ученый-архивист и архивист-практик. В его практической деятельности важными этапами были руководство Николаевским областным государственным архивом, работа начальником научно-методического отдела — членом коллегии Главного архивного управления УССР (1943—1944 гг.) и директором Центрального государственного исторического архива УССР в 1944—1951 гг. Кроме того, Стрельский десятки лет работал членом коллегии Главархива УССР, членом Центральной экспертной комиссии Главархива УССР, в 1956—1982 гг. состоял членом редколлегии журнала «Архіви України»²².

Помимо непосредственной практической деятельности по развитию архивного хозяйства УССР, Стрельским опубликованы десятки статей по актуальным вопросам теории и практики архивоведения, методике архивной работы. Совместно с И. Л. Бутичем он в 50-е годы подготовил и опубликовал уникальный справочник «Учреждения Западной Украины до воссоединения ее в едином Украинском Советском социалистическом государстве» (Львов, 1955. 181 С.), получивший высокую оценку многих советских и зарубежных исследователей. Стрельский был одним из авторов справочника «Державні архіви Української РСР» (Киев, 1972), впервые осветившего возникновение, формирование и развитие ГАФ УССР. Справочник обобщал также данные о фондах и их содержании

¹⁹ История ордена Ленина завода «Ленинская кузница» (1862—1962): Сб. документов. Киев, 1967. 392 с.; Черноморский судостроительный. 1898—1972. Сб. документов. Л., 1973. 356 с.

²⁰ Личный архив В. И. Стрельского. Папка 7.

²¹ Яковлев С. О. Українська радянська археографія/Голов. ред. В. І. Стрельський. Київ, 1965. 178 с.

²² ГАК. Ф. Р-1532. Оп. 2. Д. 6. Л. 1—17.

всех архивов Украинской ССР, давал подробную характеристику ряда интересных личных и фамильных фондов, раскрывая новые возможности перед историками страны. Под руководством и по инициативе Стрельского был восстановлен уничтоженный гитлеровцами в 1943 г. архив Киевского государственного университета, ныне крупнейший ведомственный архив Украины, насчитывающий около 250 тыс. дел²³. Для архивистов республики Стрельский и его ученики А. М. Иваненко и А. М. Белан разработали и издали специальное пособие по ведению делопроизводства в виде детальной инструкции²⁴, а ранее на основе изучения опыта работы архивов и анализа ведения делопроизводства в Московском, Ленинградском, Киевском, Харьковском, Одесском, Днепропетровском, Черновицком, Ужгородском университетах и других вузах эти же авторы в 1972 г. создали примерную номенклатуру дел для всех высших учебных заведений Украины²⁵.

Продолжая параллельно с исследованием важнейших вопросов теоретического и конкретного источниковедения разработку историко-краеведческой тематики, Стрельский на основе впервые выявленных в архивах документов подготовил монографию о революционной деятельности на Украине одного из ближайших соратников В. И. Ленина, агента «Искры» Н. Э. Баумана²⁶, работу по истории Киевского университета²⁷.

Важным направлением историко-краеведческой деятельности профессора Стрельского явилось его участие в работе Украинского общества охраны памятников истории и культуры, в разработке научных основ охраны, использовании историко-культурного наследия советского народа. С момента основания общества в 1965 г. до последних дней ученый избирался членом Президиума Республиканского правления общества охраны памятников, заместителем председателя, председателем киевской городской организации общества, утверждался заместителем главного редактора журнала «Памятники Украины». При его непосредственном участии в столице Советской Украины был восстановлен мемориальный дом-музей семьи Ульяновых, историко-революционный музей «Косой капонир», развернуты интересные экспозиции в музеях истории Киева, Киевского университета и др.

Под руководством Стрельского проведено всестороннее обследование государственного заповедника «Киево-Печерская Лавра», разработаны практические рекомендации по дальнейшему использованию этого ценнейшего историко-культурного памятника²⁸. Осуществились предложения Стрельского по развитию монументальной пропаганды в Киеве, сооружению памятников и монументов выдающимся деятелям ленинской партии и Советского государства, отечественной науки и культуры, новаторам промышленного и сельскохозяйственного производства, увековечению ряда памятных мест.

О широте научных и общественных интересов Стрельского свидетельствуют его работы последних лет жизни, в которых ученый много внимания уделял разработке проблем украинской обрядовой символики²⁹, изучению фольклорных художественно-эстетических мотивов в местной символике и местной геральдике, отражавшей самобытность художественного творчества местных художников, мастеров народных промыслов. Среди последних исследований Стрельского особое место занимает принадлежавшая его перу оригинальная работа о роли документальных фон-

²³ Архіви України. 1982. № 4. С. 56.

²⁴ Інструкція по веденню діловодства у вузах Української РСР. Київ, 1980. 68 с.

²⁵ Примірна номенклатура справ для університетів Української РСР. Київ, 1972. 109 с.

²⁶ Стрельський В. І. М. Е. Бауман та його революційна діяльність на Україні. Київ, 1948. 162 с.

²⁷ Стрельський В. І., Шестопал М. М., Белоконь І. П. Киевский ордена Ленина государственный университет имени Т. Г. Шевченко. Киев, 1960. 67 с.

²⁸ ГАК. Ф. Р-1535. Оп. 1. Д. 15. Л. 1—12.

²⁹ Стрельський В. І. Ідейні і художньо-естетичні основи народної обрядової символіки. Київ, 1976. 48 с.

дов государственных архивов Украины в охране и реставрации памятников истории и культуры республики³⁰, незаконченная монография «Государственный архивный фонд СССР — собрание важнейших документов по истории осуществления ленинского плана социалистического строительства»³¹. Некоторые работы ученого, посвященные советской символике, изучению произведений изобразительного искусства и художественной литературы как исторического источника по истории СССР и законченные в 1983 г., были опубликованы уже после его смерти³².

Творческое и научное наследие Стрельского, его незавершенные рукописи, обширный домашний архив, материалы его личного фонда в Государственном архиве г. Киева остаются пока практически неисследованными, и данная статья является лишь первой попыткой их изучения. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что такая работа необходима, учитывая значительный вклад ученого в развитие многих областей теории, методики и практики украинской советской археографии и источниковедения, советского краеведения, его неутомимую полувековую деятельность по совершенствованию архивного дела на Украине.

---

³⁰ Стрельский В. И. Документальные фонды государственных архивов и их роль в охране памятников истории и культуры на Украине. Киев, 1982. 51 с.

³¹ Рабочее название незавершенной рукописи, хранящейся в домашнем архиве В. И. Стрельского.

³² Стрельський В. І. Художня література як джерело для вивчення історії СРСР // УІЖ. 1983. № 9. С. 151—158; *Он же*. Наша символіка // Прапор комунізму. Київ, 1983. 12 окт.; *Он же*. К вопросу о произведениях изобразительного искусства как историческом источнике // ИССР. 1984. № 1. С. 96—102.

Р. В. Булатова, О. А. Князевская

АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Д. БОГДАНОВИЧА В 1950—1980-х ГОДАХ

Обсуждение на IV Международном съезде славистов в Москве в 1958 г. вопроса о составлении международного каталога всех славянских рукописей дало несомненный толчок к активизации археографического дела во всех славянских странах. Югославия первой начала разворачивать работу по всеохватывающей регистрации и описанию своего рукописного наследия (как кириллического, так и глаголического). Официально Археографическая комиссия в Югославии была учреждена весной 1959 г. В нее вошли известные ученые Никола Радойичич, Петр Джоржич, Блаже Конески. В 1961 г. был основан Археографический отдел при Народной библиотеке Сербии в Белграде под руководством В. А. Мошина, явившийся поистине аккумулятором и проводником всех важных результатов палеографических исследований и идей.

Сербскую археографию и связанные с ней кодикологию и палеографию характеризует высокий уровень развития. Славянские рукописные книги, написанные кириллицей, в больших и малых хранилищах Югославии в большинстве случаев выявлены и получили научные описания. Выработаны научно обоснованные требования к описанию и изданию рукописных источников. Своими успехами за последние два десятка лет сербская археография обязана неутомимой деятельности академика Д. Богдановича (1930—1986), во многом продолжившего дело своего учителя профессора В. А. Мошина (1895—1987). Труды этих ученых обосновали практические задачи археографии по выявлению, изучению и описанию памятников славянской письменности. Много внимания оба автора уделяли и теоретическим проблемам славянской кодикологии и кириллической палеографии.

Деятельность Богдановича отличалась глубиной и энциклопедизмом: он был не только славистом-медиевистом, специалистом по средневековой славянской письменности и истории сербской литературы древнего периода, но и крупным византологом с глубокими интересами в области текстологии и поэтики, профессиональными знаниями теологии, права и философии. Однако основной предмет его научных разысканий — славянское рукописное наследие. Его раннее сочинение «Иоанн Лествичник в византийской и древнесербской литературе»¹ стало значительным событием палеославистики, до сих пор являясь своего рода образцом комплексного исследования византийско-славянских культурных связей. Широкая осведомленность о сохранившихся византийских и славянских письменных памятниках, содержащих сочинение Иоанна Лествичника, позволило автору осветить многие сложнейшие вопросы славянского освоения византийского наследия и взаимодействия поэтики и стилистики. Результатом комплексного исследования памятников письменности с точки зрения не только кодикологии, но и истории и текстологии явились труды Богдановича, посвященные «Закононику» Стефана Душана² и Житию Георгия Нового³. Обобщением результатов работы над этими и другими изданиями стали важные в методологическом отношении иссле-

¹ *Богдановић Д. Јован Лествичник у византијској и старој српској књижевности.* Београд, 1968. 235 с.

² *Законик цара Стефана Душана.* Београд, 1975.

³ *Богдановић Д. Житје Георгија Кратовца // Зборник историје књижевности САНУ.* Београд, 1976. Кн. 10. С. 203—267.

дования о принципах издания юридических и агиографических памятников средневековья⁴.

Наиболее активно Богданович занимается разработкой теоретических и практических вопросов археографии с 1965 г.; именно с этого времени он работает в Археографическом отделе Народной библиотеки Сербии; а с 1968 по 1974 г. заведует этим отделом, унаследовав руководство от В. А. Мошина. Богданович разрабатывает основы комплексного анализа рукописных источников и создает обширную научную программу описания рукописей⁵. Четко устанавливаются элементы описания каждой рукописи (единицы хранения) и их последовательность в изложении: от формальных до текстологических. Особое внимание уделяется палеографической и лингвистической обработке рукописей, на базе которой формулируются или уточняются суждения о времени и месте написания рукописей. Существенно подчеркнуть, что в описании каждой рукописи приводятся конкретные факты письма источника, характеризующие графико-орфографическую систему писцов. Такие примеры позволяют читателю проверить правильность заключений в описании об изводе языка рукописи, а также о времени и месте ее написания. Для источников, написанных на бумаге, обосновываются значимость филиграноведческого исследования и необходимость приведения точного воспроизведения водяных знаков с отсылками их к альбомам филиграней.

Под руководством Богдановича публикуется первый том описания южнославянских кириллических рукописей Сербии с приложением палеографического альбома⁶. Продолжается широким фронтом работа по разысканию и описанию славянских памятников письменности, прежде всего сербских, не только в хранилищах СФРЮ, но и за рубежом. Одновременно в Археографическом отделе под руководством и при активном участии Богдановича формулируются основные принципы систематического каталога рукописей.

Наиболее полно созданные принципы описания славянских кириллических рукописей отразились в труде, посвященном рукописям Хиландарского монастыря на Афоне, ставшем своего рода вершиной развития археографии⁷. Хронологически разновременный материал (т. е. древнейший XII—XV вв. и XVIII—XIX вв.) требовал от исследователя разных кодикологических и текстологических подходов и принципов обработки. Каталог состоит из двух томов и содержит описание почти 900 ед. хр. XII — начала XX в. В первом томе представлены тщательно выполненные описания каждой рукописи и разнообразные указатели с четкой системой взаимных отсылок, призванных упростить и облегчить пользование каталогом. Второй том содержит 250 фотоиллюстраций; они отобраны из наиболее характерных источников определенных хронологических групп и типов письма. В вводных статьях к каталогу помещены специальное исследование по истории формирования коллекции славянских рукописей Хиландарского монастыря и сведения по истории изучения этого собрания, самого древнего, цельного и богатого собрания сербских рукописей.

Следует отметить принципиально новые и важные приемы обработки и репрезентации рукописей, продемонстрированные здесь Богдановичем, что отличает его описание от многих подробных и ценных каталогов (см. сноску 10). За аскетизмом каталожной подачи материала не всегда

⁴ *Богдановић Д.* Текстолошко изучавање правних споменика средњовековне Србије // Текстологија средњовековних јужнословенских књижевности САНУ. Научни скупови X. Одељење језика и књижевности. 2. Београд, 1981. С. 49—64; *Он же.* Правила за критична издања старих српских писаца // Зборник Матице српске за књижевност и језик. XXII за 1974 г. Београд, 1975. С. 98—103.

⁵ *Богдановић Д.* Метод описа рукописа у Археографском одељењу народне библиотеке СР Србије у Београду // Библиотекар. 1968. XX. С. 361—390.

⁶ *Опис јужнословенских ћирилских рукописа.* Т. I. Палеографски албум/Редактор Д. Богдановић. Београд, 1971.

⁷ *Богдановић Д.* Каталог ћирилских рукописа манастира Хиландара. Београд, 1978. Т. I, II.

можно сразу рассмотреть гигантскую структурно-текстологическую работу исследователя. Богдановичем в этом описании проведено два основных принципа: кодикологическое выделение групп рукописей по хронологическим и текстологическим признакам, с одной стороны, и по возможности объединение и последовательное расположение их по историко-литературной структуре текстов — с другой. Таким образом, в лаконичной форме принятого описания и последовательности расположения памятников кроется богатейшая информация о выделенных Богдановичем релевантных особенностях по каждому жанру средневековых текстов: их большей древности, новой редакции и т. п. Тщательно разработан разноструктурный и богатый материал по сборникам, трудный для идентификации и обработки. Но и здесь предложенная Богдановичем типологическая классификация оказывается очень емкой и удобной.

Итогам и задачам работы сербских археографов посвящена принципиально важная статья Богдановича «Кириллическая палеография и кодикология в Югославии»⁸. В ней подведены некоторые итоги двадцатилетнего периода работы югославских археографов, подчеркивается особое значение успехов филологического, обеспечивающих более высокую точность определения времени написания источников, обосновывается необходимость сопровождения описаний бумажных рукописей воспроизведением самих водяных знаков и соответствующих ссылок. В этой же статье содержится широкая программа дальнейшего развития археографии. Интересные и новые задачи ставятся в области изучения кириллических почерков, обосновывается требование выявления статичных и динамичных элементов в начертаниях букв, поднимается вопрос о привлечении новых методов специального фотографирования при атрибуции почерков. Развитие устава и полуустава в сербских рукописях (в основном) необходимо рассматривать вместе с эволюцией графико-орфографических норм письма. Ставятся проблемы формирования писцовых школ.

Важным событием для сербской и славянской археографии стала публикация в 1982 г. своего рода предварительного списка кириллических рукописей Югославии XI—XVII вв.⁹ Книга Богдановича содержит сведения о 2222 ед. Данные о рукописях расположены в алфавите названий, принятых для наименования источников в археографической практике. Внутри каждого наименования источники расположены по хронологии. Интересным разделом представляется перечень 850 ед. утраченных рукописей во время второй мировой войны. Обращает на себя внимание четкость структуры в этой книге. Краткость информации в основном разделе приобретает значительные емкость и полноту благодаря различным указателям с разветвленной системой взаимных отсылок.

В 1986 г. была опубликована 1-я книга Каталога кириллических рукописей Народной библиотеки Сербии, подготовленного коллективом ведущих сербских археографов под редакцией Д. Богдановича и И. Грицкат¹⁰. В этом труде, подводящем итог двадцатилетней работы коллектива, нашли достойное практическое применение основные принципы археографической обработки рукописных источников. В книге представлены описания 180 ед. хр. и данные о 22 новых источниках, не вошедших в каталог. Описания расположены по порядку инвентарных единиц. Гетерогенный характер этого собрания (оно собиралось после гибели — во время войны — старого богатейшего собрания) диктовал особые способы обработки и подачи материала. Для этого описания характерны более пространная форма изложения и выход за рамки одной рукописи при суждении об орфографии, филигранях и т. д., когда привлекаются к сравнению рукописи с аналогичными или близкими особенностями.

⁸ Богдановић Д. Кирилска палеографија и кодикологија у Југославији // Археографски прилози. Београд, 1979. 1. С. 39—44.

⁹ Богдановић Д. Инвентар кирилских рукописа у Југославији (XI—XVII век). Београд, 1982.

¹⁰ Штаљанин-Ђорђевић Љ., Гроздановић-Пајић М., Цернић Ј. Опис кирилских рукописа Народне библиотеке Србије. Београд, 1986. Књ. 1.

Описание орфографических норм дается в рамках известных писцовых школ. Впервые фиксируются и кратко описываются надстрочные знаки. По определенной схеме дается описание языковых особенностей, охватывающее основные фонетические и морфологические характеристики каждого памятника. Научно-справочный аппарат каталога содержит разветвленную систему указателей, помогающих легко и быстро ориентироваться в каталоге. Ценным справочным пособием является альбом водных знаков в описанных рукописях, помещенный в издание.

80-е годы характеризуются новым, плодотворным подходом Д. Богдановича к вопросам развития кириллического письма, который состоит в идее полицентричности формирования и эволюции сербского извода на территории от Боснии до южной Сербии, включая важный культурно-письменный центр — Афонский. Богданович рассматривает все разновидности сербского письма в единой системе, а также вкуче с болгарской и русской кириллицей и в связи с глаголической традицией¹¹. В последних кодикологических разработках Богдановича выделяется проблема о параллельном развитии письма и орнамента. Исходя из тезиса о художественно-графическом единстве рукописи, Богданович полагает, что более точная и подробная классификация орнамента, которую можно будет сопоставить с результатами эволюции письма, даст еще один важный критерий хронологической атрибуции рукописных памятников¹².

Югославская палеославистика потеряла за два последних года своих корифеев В. А. Мошина и Д. Богдановича, но их ученики и последователи продолжают дело, основанное ими, видя основную задачу так, как сформулировал ее Богданович в уже упоминавшейся работе: «Наш метод исходит из предпосылки, что описанием рукописей будут пользоваться все специалисты, для которых древние рукописи являются объектом исследования, и каждому из них описание должно дать ответ на интересующие его вопросы и сведения, служащие ориентиром в процессе исследования. Описание рукописей должно в принципе представлять собой исчерпывающий справочник о всех сохранившихся в собраниях и коллекциях древних рукописных материалах, должно полно и безупречно отражать состояние рукописных фондов в целом и каждой рукописи в отдельности, невзирая на ее большую или меньшую ценность»¹³.

---

¹¹ *Богдановић Д.* Развој ћирилског писма у Србији до XV века // Славјанска палеографија и дипломатика. 2. Лекције от втория семинар по славјанска палеографија и дипломатика и доклади от научната конференција «Украсата на балканската ръкописна книга до XVIII век». Софија, август, 1983. Софија, 1985. С. 63—93.

¹² *Богдановић Д.* Питање упоредности у развоју писма и орнамента // Там же. С. 190—192.

¹³ *Богдановић Д.* Метод описа рукописа у археографском одељењу.. С. 363.

Л. В. Иванова

ПОЛВЕКА, ОТДАННЫЕ НАУКЕ (К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АКАДЕМИКА М. П. КИМА)

Видному советскому историку академику Максиму Павловичу Киму в 1988 г. исполнилось 80 лет. Научная и советская общественность широко отметила его полувековой юбилей служения науке. Известно, что М. П. Ким — ученый широкого профиля, посвятивший себя, по его собственному признанию, «изучению истории рождения и мужания социалистического общественного строя»¹. Он исследовал важнейшие проблемы теории и истории социализма в СССР. Последние 30 лет были посвящены организационному и творческому развитию одной из самых молодых отраслей исторического знания — истории советской культуры. Поэтому не случайно юбилей М. П. Кима отмечен выходом в свет книги «Советская культура. 70 лет развития» (М., 1987). Пять разделов этой книги: «Вопросы теории культуры и преемственности культурного процесса», «Из истории формирования социалистической культуры в СССР», «Проблемы развития современной советской культуры», «Международные отношения и культурный обмен», «Вопросы историографии и источниковедения» — очень точно отражают широкий круг научных интересов ученого.

В значительном ряду его трудов (около 300 научных работ), носящих, как правило, методологический характер, скромное на первый взгляд место занимают источниковедческие работы. На деле это не так. Присущий Киму целостный подход к истории советского общества, понимание ценности исторического документа, а также инициативность и активность как организатора науки определили тот факт, что под его руководством были осуществлены масштабные мероприятия по формированию источниковой базы советской исторической науки.

Тридцать лет тому назад под редакцией М. П. Кима вышел сборник документов по истории социалистической индустриализации², а в 60-е годы он возглавил дело создания и публикации общесоюзной серии документов и материалов «История индустриализации СССР». В 1969—1973 гг. вышли четыре тома, посвященные периоду 1926—1941 гг., а также ряд изданий на местах. С 1971 г. Ким встал во главе другого важного документального издания — общесоюзной серии «Культурное строительство в СССР». Активному формированию корпуса источников для нужд не только специалистов, но и массового читателя (таковы задачи документальных серий) предшествовала основательная коллективная разработка научных принципов и методики отбора, структуры, археографической обработки документов. Общесоюзные документальные серии, безусловно, помогли повысить научный уровень публикаций и на местах.

Киму — ученому и организатору науки — всегда свойственно чувство нового. С 70-х годов историки советской культуры интенсивно искали путей развития этой отрасли науки. В дискуссиях, на научных конференциях и международных симпозиумах, в периодической печати обсуждались как само понятие «культура», так и методология, проблематика и периодизация истории советской культуры. И везде пионером выступал М. П. Ким³. В 1969 г. он организовал и возглавил первый в нашей

¹ Ким М. П. Проблемы теории и истории реального социализма. М., 1983. С. 3.

² Первые шаги индустриализации СССР, 1926—1927: Сб. документов. М., 1959.

³ См., например: Ким М. П. О культуре как предмете исторического изучения // ВИ. 1974. № 11; *Он же*. Проблемы развития социалистической культуры: (Не-

стране историко-культурологический центр — сектор истории советской культуры Института истории СССР АН СССР. Новые, обогащающие понятия, в частности понятие «культурное строительство», расширили содержание документальных публикаций по советской культуре. С именем Кима связаны также такие принципиально новые шаги, как подготовка и публикация материалов культурного строительства общесоюзного характера, издание «Протоколов совещаний наркомов просвещения союзных и автономных республик 1919—1924 гг.» (М., 1985) и ряд других.

Публикации, в которых М. И. Ким принимал участие, оказываются очень жизненными и актуальными. Такова, например, публикация в 1961 г. свыше 100 документов из архива («Парижская коллекция») организаторов гражданской войны и интервенции в Советской России⁴. Закулисная дипломатическая подготовка контрреволюционных выступлений убедительно фиксируется самопризнаниями В. А. Маклакова, С. Д. Сазонова и других в письмах и телеграммах, проходивших с 27 (9 ноября) октября 1917 г. через посольство бывшего временного правительства в Париже. Публикация в 1969 г. окончательного варианта письма Н. И. Горбунова В. И. Ленину от 28 ноября 1918 г.⁵ звучит удивительно современно, так как поднимает проблемы отношения Советской власти с интеллигенцией.

Ким не раз публично выступал в защиту документального, в том числе архивного, наследия. С группой видных ученых он подписал письмо в «Правду», опубликованное 29 мая 1976 г. под названием «Хранилище судеб людских». — призыв совершенствовать методику экспертизы ценности архивных материалов. Вспоминается давнее, но не потерявшее значимости интервью ученого редакции журнала «История СССР» в связи с созданием Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Он говорил о необходимости сохранения «материального архива» страны, и особенно памятников и реликвий революционного творчества советского народа. «Мы должны все сделать для того, чтобы у нас не было забытых реликвий и людей, которые не знают этих реликвий»⁶.

Программное значение для историков имеет статья М. И. Кима и С. А. Федюкина «Подготовка документальных изданий по истории советской культуры». Проведенный в ней анализ форм и содержания публикаций, начиная с 50-х годов, позволил выявить не только успехи, но и серьезные недостатки. Часто опубликованные документы отражали «не многогранный процесс развития советской культуры, а только одну его сторону — историю культурного строительства, создания внешних условий для культурного развития трудящихся»⁷, в то время как процесс духовного формирования личности почти не находил освещения. Авторы

Максим Павлович
КИМ

которые теоретические аспекты) // Культура развитого социализма: Некоторые вопросы теории и истории. М., 1978; и др.

⁴ ИА. 1961. № 6. Предисл. М. И. Кима. Публ. подгот. В. С. Дробижев, Б. И. Королев, Г. И. Оськин.

⁵ ВИ. 1969. № 5. Публ. подгот. совм. с В. Д. Есаковым.

⁶ ИСССР. 1966. № 4. С. 5.

⁷ СА. 1982. № 5. С. 13—14.

считают, что документальные публикации необходимо ориентировать на раскрытие таких проблем, как история общественной мысли, морально-политическая культура, межнациональный обмен духовными ценностями, отношения государства и церкви и другие, показывая при этом не только достижения, но и трудности. Так же глубоко созвучны современности предположения о широком использовании для публикации личных архивов, воспоминаний, материалов дискуссий, писем и ходатайств трудящихся.

Свыше 30 лет отделяют первые археографические работы М. П. Кима от наших дней, но они и сегодня способствуют развитию отечественного источниковедения. В этой связи нельзя не напомнить о том, что он помогает увидеть свет большим коллективным оригинальным работам, которые лежат на стыке исследовательских и документальных изданий. С 1969 г. он главный редактор многотомной хроники «Культурная жизнь в СССР. 1917—1980». Вышедшие в 1975—1981 гг. пять томов систематизировали огромный документальный материал. Достаточно сказать, что только для первого тома (1917—1927 гг.) было использовано около 160 периодических изданий, а пятый том (1966—1977 гг.) дает информацию о 6800 деятелях культуры. Периодизация издания, принципы составления хроники были предложены Кимом. Помимо Института истории СССР, в этой работе участвовали 36 научных институтов союзных и автономных республик. Координация усилий ученых и публикаторов в области советской культурологии — одна из основополагающих и плодотворных идей М. П. Кима.

Научная общественность давно высказывается за более широкое развертывание справочно-библиографических работ и соответственно публикаций. И снова именно М. П. Ким поддержал инициативу и возглавил большое и сложное дело — подготовку биобиблиографического словаря историков освободительного движения в России, который поможет открыть дорогу ко многим личным и государственным архивам.

Главный редактор двух обобщающих трудов по истории советской культуры, многотомной «Истории книги в СССР» и других фундаментальных научных изданий М. П. Ким всегда находился и находится в курсе актуальных методологических, конкретно-исторических и источниковедческих проблем науки. Являясь долгие годы председателем Научного совета по истории социалистического строительства в СССР, он способствовал постановке на многих всесоюзных и региональных научных конференциях докладов об обеспечении актуальных вопросов истории советского общества архивными источниками. Таков немаловажный вклад видного советского историка в археографическую работу.

К 80-ЛЕТИЮ АКАДЕМИКА Б. А. РЫБАКОВА

3 июня 1988 г. исполнилось восемьдесят лет всемирно известному ученому академику Борису Александровичу Рыбакову, Герою Социалистического труда, лауреату Ленинской и Государственных премий. Б. А. Рыбаков прославился прежде всего своими трудами в области археологии и истории Руси до XVII в., культуры славянских народов.

Этой проблематике посвящены и материалы книг, подготовленных в связи с 60-летием, 70-летием и 80-летием ученого (Славяне и Русь. М., 1968; Древняя Русь и славяне. М., 1978; Древности славян и Руси. М., 1988). Юбилейные издания предварены статьями, характеризующими многообразную творческую деятельность Б. А. Рыбакова — исследователя, профессора, организатора науки. Литература о жизни и трудах Б. А. Рыбакова названа в посвященных ему выпусках «Материалов к биобиблиографии ученых СССР» (Сер. истории, вып. 9, 12). Издания эти вышли в 1968 и 1978 гг. С тех пор Б. А. Рыбаков обогатил науку новыми исследованиями — книгами «Геродотовы Скифия» (1979), «Язычество древних славян» (1981), «Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв.» (1982), «Мир истории: Начальные века русской истории» (1984, 1987), «Язычество древней Руси» (1987), издан сборник статей разных лет «Из истории культуры Древней Руси: Исследования и заметки» (1984). Вышло в свет много новых его статей, а также книг под редакцией ученого. Существенно увеличивается и литература о Б. А. Рыбакове — впору готовить еще одно издание материалов к биобиблиографии ученого.

В «Археографических ежегодниках» за 1968 и 1983 гг. уже публиковались обзорного характера статьи о научном творчестве Б. А. Рыбакова. Точнее сказать, о тех сферах творчества, которые ближе других к комплексу специальных историко-филологических дисциплин, что отражено и в заголовках: статья Л. П. Жуковской названа «Работы Б. А. Рыбакова в области вспомогательных исторических дисциплин: (К 60-летию со дня рождения)», статья А. И. Рогова «Академик Б. А. Рыбаков — исследователь источников по отечественной истории (К 75-летию со дня рождения)». Напечатал статью и автор этих строк («Лауреат Ленинской премии академик Б. А. Рыбаков») в журнале «Преподавание истории в школе» (1976, № 4).

В работах о Б. А. Рыбакове рассмотрены основные явления его творческой биографии, ставшие значительными историографическими фактами и в биографии нашей исторической науки. К написанному хочется добавить несколько наблюдений о значении деятельности Б. А. Рыбакова в развитии археографии.

Ныне утверждается широкое понимание археографии и как науки о выявлении, собирании, описании и публикации документальных памятников, и как значительной сферы современной культуры. Это подразумевает тесные взаимосвязи археографии со смежными с ней историко-филологическими научными дисциплинами и с широким кругом знаний, определяющих общеисторические и даже политические представления. И сделанное Б. А. Рыбаковым — исследователем и организатором науки — способствовало развитию археографии в таком направлении.

Настоящий археограф на всех стадиях своей работы является и источниковедом, научный потенциал его деятельности зависит от степени овладения опытом источниковедения. А труды Б. А. Рыбакова о памят-

Борис Александрович
РЫБАКОВ

лика письменной и устной литературы Древней Руси, об иллюминированных рукописях, о старинных географических картах — прежде всего источниковедческие исследования, отличающиеся к тому же многообразием и оригинальностью методических приемов. Влияние таких сочинений Б. А. Рыбакова на отечественную археографию самоочевидно и уже отмечалось в литературе.

Но в исследованиях своих Б. А. Рыбаков выступает и как текстолог, палеограф, истолкователь взаимосвязи буквенного текста и иллюстраций в иллюминированных рукописях. Пример тому и одна из самых недавних работ ученого — статья о Фроловской псалтыри XIV в. как произведении стригильников, написанная осенью

1988 г. для сборника статей в честь П. Н. Покровского.

Безусловна связь археографии с эпиграфикой. Высокие достижения Б. А. Рыбакова в этой области общеизвестны. Им подготовлен к печати и выпуск Свода археологических источников «Русские датированные надписи XI—XIV веков» (М., 1964). Там дано «хронологическое обоснование» датировки выявленных памятников эпиграфики — ценнейших источников по истории письменной культуры, материальной культуры, быта, даже государственно-политической истории. Поставлен вопрос об общности и различии эпиграфики и палеографии. Копкретные наблюдения собственно эпиграфические оказываются существенно важными при изучении берестяных грамот. Значение их велико при изучении написанного на пергамене или бумаге не только уставом или полууставом, но и скорописью. Это много дает при обращении к исследованиям характерных черт и современной эпиграфики.

Однако не оценено еще в должной мере значение для развития археографической культуры издания в целом корпуса археологических источников «Археология СССР», начатого по инициативе академика Б. А. Рыбакова и осуществляемого под его общей редакцией. Важны и принципы и приемы реализации описания этих разновидностей источников и воспроизведение их (особенно прорисью) — это ведь сфера археографии.

Б. А. Рыбакову присущи широта взглядов на путь развития исторических знаний, убежденность в необходимости источниковедческой направленности и конкретно-исторических и историографических трудов.

Б. А. Рыбаков показал значение «традиционной, идущей из глубины столетий народной культуры», передававшейся из поколения в поколение, формировавшей культурный уровень русского крестьянства и в XIX столетии и особенно явственно представленной в тех регионах нашей страны, в которых не знали помещичьего землевладения (в статье «Задачи изучения культуры русского крестьянства XIX века» (1976) и других работах)¹. А это именно те регионы, которые в первую очередь становятся объектом пристального внимания археографических экспедиций.

Образно восстанавливая картину «исторического фронта» 1920-х — начала 1930-х годов в блистательно написанной небольшой статье об академике Б. Д. Грекове «Учитель многих», Б. А. Рыбаков формулирует

¹ Из истории экономической и общественной жизни России: Сб. ст. к 90-летию академика Н. М. Дружинина. М., 1976.

наблюдения, очень существенные и для археографии и для источниковедения историографии: «Выступления в дискуссиях не публиковались, и единственным источником оказывались воспоминания о слышанном докладе, о бурных прениях и темпераментных репликах», и потому «только память, только „фольклор“ старшего поколения может частично осветить то отдаленное время первых поисков и первых находок»². Это предопределяет особое значение сохранившихся протоколов заседаний, тезисов выступлений и дневниковых записей, а в наши дни — воспоминаний, обращения к методу «устная память».

Б. А. Рыбаков всегда помогал Археографической комиссии в ее начинаниях. «До недавнего времени слова „Археографическая комиссия“ вызывали в памяти что-то древнее, давнее, покрытое пылью. Михаил Николаевич возродил Археографическую комиссию и внес в нее новую жизнь. Археографическая комиссия сейчас — это необходимое нам учреждение», — говорил он на заседании, посвященном памяти организатора нашей Комиссии академика М. Н. Тихомирова (1966)³. Член Археографической комиссии Б. А. Рыбаков выступал с вызывавшими живейший интерес научными докладами на ее заседаниях (О Данииле Заточнике и Владимирском летописании XII в., о миниатюрах Радзивилловской летописи), публиковал свои работы в ее изданиях, действительно и умело защищал ее самостоятельность и основные направления деятельности; и коллектив Археографической комиссии глубоко признателен за все это Борису Александровичу.

6 декабря 1976 г. Б. А. Рыбаков — в то время академик-секретарь Отделения истории АН СССР — выступил с «приветственным словом» на I Всесоюзной конференции по полевой археографии. Сохранилась фотография, сделанная в момент выступления и воспроизводимая в нашем издании. Напечатан был и текст его, но в малотиражном роталитном издании «Проблемы полевой археографии» (М., 1979, с. 16). Это «Слово об археографии» памятно всем участникам конференции.

Б. А. Рыбаков сказал: «Дорогие товарищи археографы! Археографическая работа в России началась более двух веков назад, когда академик Миллер выезжал в свои экспедиции, а Новиков издавал „Российскую вивлиофику“. Позднее были созданы археографические комиссии, проводившие большую работу по собиранию различных документов и рукописей, освещающих историю народов нашей страны. Эта работа то приобретала широкий размах, то несколько стихала.

В наше время полевые археографические исследования находятся на новом, небывалом еще подъеме. Об этом свидетельствует и созыв настоящей конференции, ее обширная и интересная программа. Все вы, присутствующие здесь, являетесь активными собирателями рукописных сокровищ. Вместе с тем вы представляете целую армию полевых археографов, ваших сотрудников, которые под вашим руководством разыскивают, собирают, изучают разнообразные документы, способствуя этим лучшему раскрытию отечественной истории.

Товарищи! От вашей работы зависит полнота и правдивость нашей истории. Поэтому работа археографов имеет исключительно важное значение. Это значение признано сейчас и законодательно закреплено в новом Законе СССР об охране и использовании памятников истории и культуры. Этот Закон создает новые, благоприятные условия для работы археографов и требует от них дальнейшего расширения и улучшения их исследований.

Свое короткое выступление я хочу закончить четырьмя словами: искать, находить, изучать, издавать!».

Заключительные, лозунгового звучания, слова были восприняты как девиз нашей археографической деятельности.

² Исследования по истории и историографии феодализма: К 100-летию со дня рождения академика Б. Д. Грекова. М., 1982. С. 115, 117.

³ Рыбаков Б. А. Михаил Николаевич Тихомиров // АЕ за 1965 год. М., 1966. С. 4.

А. А. Курносов, Ю. К. Стрижков

ПЯТЬ ЛЕТ ТРУДОВ ИСТОРИКА
(К 80-ЛЕТИЮ АКАДЕМИКА А. М. САМСОНОВА)

Пять лет назад в «Археографическом ежегоднике» было высказано пожелание Александру Михайловичу Самсонову «написать книгу, в которой пашел бы отражение большой жизненный и научный опыт ученого и гражданина»¹. Недавно вышла в свет необычная для историков автобиографическая книга «Память минувшего»². Хотя за пятилетие (заметим, благоприятное для опубликования взглядов ученого) Самсонов совершил очень многое, но эта книга — важное событие как для автора, так и для интересующихся историей Великой Отечественной войны.

Ученый стоял у самых истоков создания научной истории минувшей войны. Выбор этого направления в его деятельности не был случайным. Как свидетельствует сам А. М. Самсонов, «на фронте я решил, что если останусь жить, то стану историком Великой Отечественной войны»³.

В оценках сделанного А. М. Самсоновым справедливо применяются слова «первый», «один из первых», «положил начало». И в новой книге он открыл, по крайней мере для историков советского общества, не разрабатывавшийся ими прежде автобиографический жанр. То, что «открытие» принадлежит Самсонову, понятно: он из числа тех ученых-историков, которым не может быть стыдно за сделанное.

По словам автора, «замысел данной книги — рассказать о Великой Отечественной войне через судьбы известных мне людей. В каком-то смысле это повествование о поколении, прошедшем через испытания войны и завоевавшем Победу. Спецификой работы является то, что в ней, во-первых, публикуются многочисленные письма ветеранов и, во-вторых, соединены воедино описания событий, людей и посвященной им исторической литературы»⁴.

При всех сложностях структуры и формы книга внутренне целостна и объединена судьбой и личностью автора. Судьба оказывается организующим, а личность — определяющим содержание и позицию автора началом. Нет нужды искать для книги строгое видовое обозначение: это и мемуары, и публикация документов, и историографические очерки, и источниковедческий комментарий редактора к целой библиотеке опубликованных (подчас с его решающим участием) мемуаров, документов, исследований.

С точки зрения эдиционной археографии книга включает в себя публикацию полных текстов или фрагментов его воспоминаний, дневников, семейной переписки, переписки с однополчанами, ветеранами, полководцами Великой Отечественной, и советскими и зарубежными историками, школьниками и их учителями. В книге представлены также опубликованные и неопубликованные тексты докладов, выступлений, рецензий, стенограммы дискуссий на конгрессах, конференциях, «круглых столах» и совещаниях ученых. В этих историографических источниках отражена эволюция автора как профессионала-историка, расширение и углубление исследуемой им проблематики.

¹ Курносов А. А. Академик А. М. Самсонов — археограф и источниковед истории второй мировой войны: (К 75-летию со дня рождения) // АЕ за 1983 год. М., 1985. С. 191.

² Самсонов А. М. Память минувшего: События, люди, история. М., 1988.

³ Александр Михайлович Самсонов: Биобиблиография. М., 1970. С. 11.

⁴ Самсонов А. М. Память минувшего. С. 7.

В специальные разделы выделены разнообразные выступления А. М. Самсонова, посвященные художественному отображению реалий войны и таким явлениям общественной жизни, как движения ветеранов и «красных следопытов». Можно сказать, что в «Памяти минувшего» охвачены основные формы исторического осмысления событий военного времени. При этом автору чуждо высокомерное, снобистское (к сожалению, нередкое в ученой среде) отношение к любительскому познанию прошлого.

Александр Михайлович
САМСОНОВ

Разумеется, книга далеко не полно отражает многогранную, предельно насыщенную жизнь ученого. Скупно представлена, в частности, деятельность А. М. Самсонова как руководителя издательства «Наука» в 60-е годы. А ведь им тогда было очень многое сделано для утверждения в историографии войны (и не только войны) научных принципов исследования и публикации источников, мемуарной и исторической литературы. Хочется надеяться, что Александр Михайлович гораздо подробнее откроет нам и эти страницы своей жизни. Ведь они — факт не только собственной жизни, но и биографии нашей науки⁵.

Само собой разумеется, что «Память минувшего» войдет в историографию. Будут рецензии, ссылки, цитирование. И споры с автором. А здесь эта книга рассмотрена только «в первом приближении», и то с узкоисториографической (или даже археографической) точки зрения. И конечно, увидеть ее в истинном свете можно только в контексте творческой, научно-организационной, общественной деятельности А. М. Самсонова.

За прошедшее пятилетие им сделано еще многое. Начало этого периода ознаменовалось выходом обобщающего труда о второй мировой войне⁶, который отмечен обычными для Самсонова скрупулезностью в документировании фактов, источниковедческой доказательностью построений и выводов. Появился ряд статей, посвященных источникам личного происхождения⁷. «В каждой из огромного потока книг о Великой Отечественной войне... приводятся высказывания военачальников. Но нельзя не обратить внимание на недостаточно активное использование „солдатских мемуаров“... В краеведческих музеях, школах и институтах, на предприятиях (в уголках и комнатах боевой славы), в советах ветеранов и личных архивах хранятся миллионы документов: рукописи воспоминаний, письма, фронтовые записи... Проблема сбора, хранения, археографической обработки и публикации наиболее ценных документов все еще ждет решения... Дело это чрезвычайно важное, ибо многие рукописи ветеранов Великой Отечественной войны являются своеобразными документами эпохи. Их значение для изучения важнейших страниц истории Советского государства несомненно»⁸.

⁵ См., например, «Московские новости» (1988. № 45. С. 8--9).

⁶ Самсонов А. М. Вторая мировая война: Очерк важнейших событий. М., 1985.

⁷ Самсонов А. М. Война вблизи (заметки историка) // ИСССР. 1983. № 3; *Он же*. Документы эпохи // ВИ. 1984. № 10; *Он же*. Из истории ветеранов войны (фрагменты) // ИСССР. 1985. № 2; *Он же*. Автографы военачальников // ВИ. 1986. № 3; *Он же*. Вступительное слово на «Тихомировских чтениях 1985 года» // АБ за 1985 год. М., 1986. С. 166—167.

⁸ Самсонов А. М. Документы эпохи. С. 30.

Под редакцией ученого вышел и сборник воспоминаний историков — участников войны⁹.

Естественно заинтересованность А. М. Самсонова в собирании и изучении книжности военных лет, которую представила выставка «Книга сражается» из личных собраний книголюбов. А. М. Самсонов был председателем ее оргкомитета, одним из экспонентов ряда уникальных документов, автором статьи о ней (совместно с И. В. Поздеевой) и предисловия к каталогу, в котором он оценил выставку так: «Выставка как бы зримо восстанавливала ткань событий военных лет»¹⁰.

Исследования А. М. Самсонова осуществляются на основе максимальной полной источниковой информации. Различными были условия и возможности публикации, доступа к документам. Он всегда прилагал максимум усилий для того, чтобы в наибольшей степени открыть архивы для исследователей¹¹. Не все удавалось, да и сейчас еще не преодолены многие препятствия и трудности. До сих пор, например, не стали достоянием большинства ученых, и тем более общественности, важнейшие архивные фонды Ставки Верховного Главнокомандования и других центральных учреждений.

Трудно переоценить сделанное Александром Михайловичем по публикации документов и расширению источниковой базы изучения истории Великой Отечественной. Он был одним из организаторов и научных руководителей серии из 90 томов «Вторая мировая война в исследованиях, воспоминаниях и документах». В середине 70-х годов издание серии было прекращено без каких-либо серьезных научных оснований. А. М. Самсонову стоила многих усилий борьба за ее возобновление. С 1985 г. под его руководством публикуется серия под названием «Народы в борьбе против фашизма и агрессии».

Еще одна важная страница в научной деятельности А. М. Самсонова — участие в качестве автора, главного редактора, члена редколлегии в создании многотомных и коллективных трудов, таких, как «Советский Союз в годы Великой Отечественной войны» (М., 1985), «Великая Победа: Исторический пример героизма советского народа (Советская историография Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.)» (М., 1987), «Моряки-балтийцы на защите Родины, 1941—1945: Очерки, документы, иллюстрации» (М., 1986), и многих других.

Исследовательская деятельность А. М. Самсонова связана в основном с историей Великой Отечественной войны. Но не замыкается на ней. Признание самых широких кругов получила руководимая им серия «Памятники исторической мысли». Самсонов является и заместителем главного редактора известной и авторитетной серии «Литературные памятники», где недавно под его редакцией выпущены, в частности, письма А. В. Суворова¹². Опубликованные в этих сериях книги отличает высочайший уровень исторической, археографической и источниковедческой культуры. Немалая заслуга в том академика Самсонова.

А. М. Самсонов — участник многих международных и всесоюзных конференций, симпозиумов по самым различным проблемам исторической науки. Его доклады и выступления всегда содержательны и интересны. Умение вести полемику, выдержанность, тактичность, корректность, эрудиция, принципиальность в суждениях, научная аргументированность и доказательность — все этонискало большое уважение к нему коллег.

⁹ В годы войны: Статьи и очерки. М., 1985. В книге помещены и воспоминания А. М. Самсонова. О подготовке издания см.: Шацлло К. Ф. О мемуарах сотрудников Института истории СССР АН СССР о Великой Отечественной войне // АЕ за 1985 год. М., 1986. С. 140—142.

¹⁰ Поздеева И., Самсонов А. Книга грозных лет // Коммунист. 1985. № 17; Поздеева И. В. Предисловие // Книга сражается: Каталог выставки книг, плакатов, графики времени Великой Отечественной войны из личных собраний коллекционеров Москвы, Подмосковья и Ленинграда. М., 1987. С. 6.

¹¹ Глядя правде в глаза // Неделя. 1987. № 52. С. 14—15. Публикация ответов ведущих ученых-историков, в том числе А. М. Самсонова, на вопросы редакции.

¹² А. В. Суворов. Письма. М., 1987.

Гласность, перестройка дали новый импульс научной деятельности А. М. Самсонова. Он активно участвует в обсуждении наименее исследованных проблем истории Великой Отечественной, таких, как состояние обороноспособности страны накануне войны, причины неудач в ее начальном периоде, влияние культа И. В. Сталина и др.

У 1988 г. вышла еще одна, не имеющая аналогий книга А. М. Самсонова — «Знать и помнить. Диалог историка с читателем». Она включила в себя выступления автора в массовой печати и около 200 писем—откликов (каждое 12-е из полученных в 1987 г.— в большинстве неопубликованы — С. 293). Обильная почта — свидетельство остроты затронутых проблем и самой их постановки. В диалоге обсуждаются самые трагические события предвоенного периода и начала войны: репрессии, пакт 1939 г., поражения 1941—42 гг., особенно роль Сталина и, шире, системы культа личности в поражениях и победах.

Представительность публикации поразительна: В числе авторов писем рабочие, служащие, инженеры, ученые—историки, учителя, литераторы. Многие из них — ветераны войны, но немало и людей из послевоенных поколений. Предельно широк спектр мнений — от крайних «сталинистских» до абсолютно обвинительных в оценке Сталина. Подборка писем, это своеобразное социологическое исследование состояния общественно—исторического самосознания современного общества. Исследование это тем более доказательно, что оно как бы произвольно, абсолютно естественно и для Самсонова, и для его корреспондентов. Кроме того, ось обсуждения строится вокруг вопросов, в которых преломляются представления общества не только о прошлом нашего народа, но и о его будущем.

У А. М. Самсонова много званий, должностей, постов. Среди них есть и должность «главного научного сотрудника». Пожелаем ему и дальше много лет оставаться им в рядах советской исторической науки, успеха в реализации больших творческих планов.

В. С. Мясников

АКАДЕМИК С. Л. ТИХВИНСКИЙ КАК ИСТОЧНИКОВЕД (К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Ведущие мастера советской исторической науки, как правило, вносят существенный вклад в различные ее отрасли. Но источниковедение занимает особое место в их творчестве. Историк, работая с источниками, приращивает исторические знания в первую очередь за счет привлечения и использования новых документов, текстов письменных памятников. Поиски в области источниковедения более всего напоминают географические открытия: необходимо преодолеть целое море документального материала, чтобы увидеть твердь, запечатлевшую неизвестные ранее факты.

Сергей Леонидович Тихвинский избрал, пожалуй, наиболее труднодоступную область исторической науки — востоковедение. Специальность — историк-китаевед — обязывала его вести исследования источников по новой и новейшей истории Китая. Полвека назад в отечественном и мировом китаеведении это была одна из наименее исследованных областей. Дело осложнялось не только тем, что источники находились вне пределов нашей страны, не только тем, что архивное дело в Китае 30–40-х годов нашего столетия оставалось на уровне старого императорского общества, но и еще двумя важнейшими обстоятельствами: неимоверным количеством источников и специфической трудностью языка документов. Количественную сторону проблемы можно проиллюстрировать двумя примерами: изданная в Токио в 1937–1938 гг. «Хроника правления династии Цин» состояла из 1220 томов¹. Другим примером является предпринятое на Тайване уже в 60-е — начале 70-х годов издание исторических документов и материалов по новой истории Китая, вышедшее под общим названием «Собрание исторических материалов по новой истории Китая». Это издание состоит из тысячи наименований, некоторые из них охватывают три, пять и более томов².

Что касается языковых трудностей, то их преодоление усложнялось тем, что советское китаеведение не располагало в 30–40-е годы теми словарями, которые мы имеем теперь³. А специально подготовленное И. М. Ошаниным «Пособие по китайской официальной переписке» так и не дошло до читателей, потому что весь тираж погиб в 1941 г.

Сергею Леонидовичу Тихвинскому был 21 год, когда он в 1939 г. приехал на работу в Китай. За его плечами — четыре курса восточного отделения ЛГУ, где он получил отличную филологическую и общевостоковедную подготовку, глубокие знания нескольких восточных и западных языков. Среди его учителей были всемирно известные ученые академики В. М. Алексеев, И. Ю. Крачковский, И. И. Мещанинов.

Они и привили исключительно способному студенту интерес к научному изучению Востока, вкус к работе с источниками, текстами на восточных языках. И не только привили интерес, но и обучили методике и культуре работы с этими источниками.

¹ Эти тома были разбиты на 4485 цзюаней (глав). Тираж издания составлял всего 300 экз., из которых 200 поступило в продажу. Один экземпляр этого издания (Дай Цин личао шилу. Токио, 1937–1938) попал в БАН.

² Цзиньдай чжунго шилу цункань. Тайбэй, 1960–1970-е годы.

³ Когда после войны возобновилась работа над «Большим русско-китайским словарем», Тихвинский, находясь в Китае, присылал материалы для картотеки современной китайской лексики, расписывая военную терминологию и персоналии китайских деятелей в сфере политики и культуры. См.: Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М., 1972. С. 119.

Начав работу по комсомольской путевке в МИД СССР, Сергей Леонидович в 1941 г. закончил экстерном московский Институт востоковедения, а затем в 1943 г. также экстерном аспирантуру Академии наук СССР с прикомандированием к Институту истории. Приступив к изучению новой и новейшей истории Китая, молодой дипломат должен был не только преодолевать трудности научного порядка, но и работать в сложных условиях Китая начала 40-х годов. В этот период китайский народ вел героическую национально-освободительную борьбу против японских завоевателей. Одновременно страна фактически находилась в состоянии гражданской войны, шло историческое противоборство сил революции во главе с Коммунистической партией Китая, с одной стороны, и реакционного гоминьдановского режима Чан Кайши — с другой. Молодой ученый сумел увидеть основную движущую силу борьбы широких кругов китайского общества за национальное освобождение и обратился к истокам той идеологии, которая лежала в основе деятельности правившей тогда партии гоминьдан. Поэтому темой своей кандидатской диссертации С. Л. Тихвинский избрал «Принцип Сунь Ятсена „национализм“ и его внешняя политика». С тех пор суньятсеновская тема становится одной из главных в творчестве Тихвинского.

Сергей Леонидович
ТИХВИНСКИЙ

Источники по этой теме состоят из двух больших комплексов: с одной стороны, это документы, связанные с общественно-политической деятельностью Сунь Ятсена, хранящиеся в архивах Китая, а также других стран, в том числе и Советского Союза, с другой стороны, сами произведения Сунь Ятсена стали документами эпохи и также являются источниками по новейшей истории Китая, по истории китайской революции. Оба комплекса этих исторических документов постоянно находятся в поле зрения С. Л. Тихвинского. В 1964 г. впервые на русском языке были опубликованы избранные произведения Сунь Ятсена. Это издание подготовлено по инициативе, под руководством и при непосредственном участии Тихвинского, который осуществил отбор текстов, редактировал переводы и составлял примечания, одновременно помогая большому коллективу опытных советских китаеведов, которые занимались переводом очень специфичных произведений великого китайского революционера. В том включены 57 основных работ Сунь Ятсена, а также его письма русским революционерам Н. К. Судзиловскому, Л. М. Карахану, Г. В. Чичерину. В 1985 г. избранные произведения вышли вторым, исправленным и дополненным изданием. В него включены впервые публикуемые лекции Сунь Ятсена «Три народных принципа» — программный труд, с которым он выступил в последний год жизни, и ряд документов, отражающих его интерес к нашей стране. Оба издания сопровождаются большими вступительными статьями С. Л. Тихвинского, в которых он характеризует Сунь Ятсена как великого китайского революционного демократа, друга Советского Союза⁴.

К столетию и двадцатилетию со дня рождения Сунь Ятсена были

⁴ *Сунь Ятсен*. Избр. произведения. М., 1964; 2-е изд., испр. и доп. М., 1985.

выпущены два сборника статей под редакцией Тихвинского. Оба они также содержали обширные документальные приложения, характеризующие основную источниковую базу тех статей советских китаеведов и историков, которые были включены в эти сборники⁵. Характерной чертой работы над источниками по истории революционного движения в Китае, и в частности по суньятсеноведению, в творчестве Тихвинского является его сотрудничество в этой области с виднейшими китайскими историками, в первую очередь с почетным директором Института новой истории Академии общественных наук Китая, заместителем председателя Китайского общества по изучению наследия Сунь Ятсена Лю Данянем, а также с китайскими архивистами и музейными работниками. Тихвинский проводит большую работу по оказанию помощи китайским музеям в комплектовании их коллекций материалами советских хранилищ.

Классическим трудом в советском и мировом китаеведении стала подготовленная большим коллективом китаеведов под руководством Сергея Леонидовича и изданная в 1972 г. «Новая история Китая»⁶. При подготовке этого труда авторским коллективом, в том числе Тихвинским, было проработано свыше 80 крупных собраний документов на китайском языке по различным периодам новой истории Китая. Сюда входили большие комплексы документов по истории тайпинского восстания, по истории других революционных выступлений китайского народа в период правления маньчжурской Цинской династии. Исследование внешней политики и международных отношений Цинской империи было проведено на основании огромного свода документов «Цинцзи вайцзяо шиляо», который имеется в личной библиотеке Тихвинского⁷.

Характерной чертой исследовательской работы Тихвинского-источниковеда является стремление к установлению текстов, а также проверка фактов в источниках на основании не только различных версий или изданий одних и тех же китайских документов, но и путем использования источников различных стран, разноязычных документов. Так, при подготовке «Новой истории Китая» были изучены большие комплексы документов, хранящихся в АВПР, ЦГИА СССР, ЦГА ВМФ, в архиве ЛЮ ИВАН. Все это позволило воссоздать подлинную историю взаимосвязей нашей страны с Китаем на протяжении длительного исторического периода. Одновременно исследователями привлекались и крупные собрания архивных документов, изданные в Великобритании, США, Японии. Например, такое собрание, как «Политика Соединенных Штатов в отношении Китая. Дипломатические и гражданские документы, 1839—1939»⁸.

Этот метод работы с источниками был успешно применен Тихвинским при подготовке им фундаментального труда «Движение за реформы в Китае в конце XIX века». Эта книга выдержала два издания⁹. Для того чтобы читателю был более ясен метод всестороннего исследования источников, применяемый в трудах Тихвинского, приведем в качестве примера один из комментариев к тексту императорского указа в работе «Движение за реформы в Китае...». Анализируя текст упомянутого указа от 11 июня 1898 г., положившего начало целой серии указов и реформ, исследователь отмечает, что полный текст указа опубликован в собрании китайских документов под названием «Усуй ю бяньфа» (т. 2, с. 19), и далее раскрывает свою лабораторию источниковеда, указывая, что «переводы отдельных указов императора Цзай Тяня о реформах опубликованы французским миссионером Жеромом Тобаром в Шанхае в

⁵ Сунь Ятсен, 1866—1966: К столетию со дня рождения: Сб. статей, воспоминаний и материалов. М., 1966; Сунь Ятсен, 1866—1986: К 120-летию со дня рождения: Сб. статей, воспоминаний, документов и материалов. М., 1987.

⁶ Новая история Китая. М. 1972.

⁷ Цинцзи вайцзяо шиляо: Материалы по истории внешних сношений в конце правления династии Цин. Пекин, 1932—1935. Т. 1—112.

⁸ United States policy toward China: Diplomatic and public documents 1839—1939. N. Y., 1964.

⁹ Тихвинский С. Л. Движение за реформы в Китае в конце XIX века и Кап Ювэй. М., 1959; 2-е изд. М., 1980.

1900 г. на французском языке („Decrets imperiaux, 1898“), а также редакцией английской газеты „North China Herald“ в 1900 г. на английском языке („The Emperor Kuang Hsu's Reform Decrees, 1898“). Как французский, так и английский перевод недостаточно полны и точны. На китайском языке тексты реформаторских указов Цзай Тяня наиболее полно цитируются в книге Лян Цицао «Усюй чжэбьянь цзи», по которой они воспроизведены в «Усюй бяньфа»¹⁰.

В бытность свою в Пекине (Бэйпине) С. Л. Тихвинский установил тесные связи с дочерью руководителя движения за реформы в Китае в конце XIX в. Кан Ювэя — Кан Тунби и получил доступ к богатым рукописным фондам семьи Кан Ювэя, которые он использовал при написании своей докторской диссертации, впервые введя эти ценнейшие, до той поры неизвестные исследователям документы в научный обиход.

Сергей Леонидович является одним из крупнейших специалистов по истории революции 1911—1913 гг. в Китае. И при исследовании этой проблемы им также подготовлены сборники основополагающих документов и материалов. Так, в 1968 г. под его редакцией вышел в свет свод основных источников по истории революции 1911—1913 гг. под названием «Синьхайская революция 1911—1913 годов»¹¹. Для раскрытия этой темы большое значение имеют источники мемуарного происхождения. По инициативе и под руководством Тихвинского в нашей стране в 1968 г. были изданы воспоминания последнего китайского императора Пу И¹².

Отдельной темой в творчестве Тихвинского — источниковеда и археографа проходят изучение и публикация документов по истории отношений России с Китаем. Под его руководством и при его непосредственном участии в течение последних десятилетий ведется публикация многотомной серии «Русско-китайские отношения в XVII—XIX вв. Документы и материалы»¹³. Документы этой серии получили широкое признание в нашей стране и за рубежом. Подготовка очередных томов по истории русско-китайских отношений в XVIII в. продолжается, одновременно ведется и подготовка документальных сборников по истории отношений России с Китаем в XIX в. При издании этой серии также используется метод всестороннего освещения исторических фактов источниками различного происхождения: русскими, китайскими и западноевропейскими. Значение этого метода трудно переоценить. Как отмечалось в одной из многочисленных рецензий, издание документов по истории русско-китайских отношений «содержит обильный материал, характеризующий политику России на Дальнем Востоке... Сборник включает все важные документы и материалы, что позволяет ему всесторонне освещать русско-китайские связи в рассматриваемый период»¹⁴.

Со временем издание внешнеполитических документов становится одним из важнейших направлений деятельности С. Л. Тихвинского. Он является членом Комиссии по изданию дипломатических документов МИД СССР, выступает в качестве редактора ряда томов «Документов внешней политики СССР» и участвует в редакционной работе по подготовке двух серий «Документов внешней политики России». Возглавляя в течение ряда лет Историко-дипломатическое управление МИД СССР, он подготовил к публикации значительное количество документов по истории внешней политики царской России и СССР, а также документов о двусторонних и многосторонних связях Советского Союза со странами социалистического содружества.

¹⁰ Тихвинский С. Л. Движение за реформы в Китае в конце XIX века... 2-е изд. С. 331. Комментар. 76.

¹¹ Синьхайская революция 1911—1913 годов. М., 1968.

¹² Первая половина моей жизни: Воспоминания Пу И — последнего императора Китая: Пер. с кит. М., 1968.

¹³ Русско-китайские отношения в XVII в. М., 1969. Т. 1; 1972. Т. 2; Русско-китайские отношения в XVIII в. М., 1978. Т. 1.

¹⁴ Бескровный Л. Г. Русско-китайские отношения в XVII веке // Проблемы Дальнего Востока. 1972. № 2. С. 179.

27 сентября — 1 октября 1976 г. в Вашингтоне проходил VIII Международный конгресс архивов. В своем выступлении на заседании конгресса С. Л. Тихвинский уделил главное внимание проблеме расширения доступа к источникам и введению в науку новых комплексов архивных документов, которые способствовали бы созданию атмосферы доверия между народами, укреплению мира и безопасности. В этом выступлении была намечена целая программа деятельности архивных служб, нацеленная на реализацию рекомендаций Совещания в Хельсинки о развитии международных связей в области культуры и науки. Сюда, по мнению советского делегата, могли войти: рост обмена документами, публикации внешнеполитических документов, совместные публикации архивными службами разных стран документов из истории двусторонних отношений между странами, проведение национальных и международных выставок архивных материалов.

На заседании Археографической комиссии 15 ноября 1976 г., посвященном работе конгресса, ее член С. Л. Тихвинский рассказал о принципах проведения этого международного форума архивистов и осветил проблематику основных докладов, представленных его участниками¹⁵.

Особо следует отметить выполненную под руководством Сергея Леопидовича совместную советско-американскую публикацию документов о начальном этапе отношений двух стран¹⁶. Документы отечественных архивов и хранилищ США, отобранные и подготовленные к изданию большой группой сотрудников МИД СССР, Совета Министров СССР, Национального архива США и Госдепартамента США, всесторонне осветили ранний этап отношений России и США. Именно на этот период падает история Войны за независимость в Северной Америке, возникновение здесь самостоятельного государства, принятие конституции, выборы первого президента — Дж. Вашингтона. Документы сборника освещают и позицию русского правительства, и влияние идей демократии и конституционного правления на русскую общественную мысль XVIII — начала XIX в. В то же время эта публикация, вызвавшая большой интерес и в нашей стране, и в США, показала возможность и плодотворность советско-американского сотрудничества в области гуманитарных дисциплин.

Важнейшие документы советской внешней политики начали публиковаться в «Дипломатическом вестнике», пять томов которого вышли под редакцией С. Л. Тихвинского¹⁷.

Интересы историка-дальневосточника остаются для ученого важнейшими в творчестве. Не случайно под его редакцией выходит из печати однотомник основных источников по истории связей СССР с КНДР¹⁸. А сразу вслед за ним издается сборник статей коллектива советских китаеведов, которые на базе архивных документов воссоздают узловые моменты истории отношений России с Китаем, выступая тем самым против их искажения в зарубежной историографии¹⁹.

Диалектическая взаимосвязь истории стран Азии и Европы такова, что она ведет исследователя порой с одного континента на другой. Являясь членом редколлегия многотомной серии «Центральная Азия в источниках и материалах», Тихвинский участвовал в публикации документов и авторских материалов замечательного русского дипломата петровской эпохи Петра Андреевича Толстого, который в течение 12 лет был русским послом в Османской империи, причем его миссия пала на один из сложнейших периодов отношений двух стран (1702—1714). Будучи

¹⁵ АЕ за 1977 год. М., 1978. С. 360—361.

¹⁶ Россия и США: Становление отношений, 1765—1815/Отв. ред. С. Л. Тихвинский. М., 1980.

¹⁷ См., например: Дипломатический вестник. М., 1983—1987. Т. I—V.

¹⁸ Тихвинский С. Л. и др. Отношения Советского Союза с Народной Кореей, 1945—1980: Документы и материалы. М., 1981.

¹⁹ Документы опровергают: Против фальсификации истории русско-китайских отношений. М., 1982.

государственным деятелем крупного масштаба, Толстой отличался и литературным дарованием; его перу принадлежит классический для отечественной тюркологии труд «Описание Османской империи». Именно эта работа и легла в основу публикации²⁰.

Однако, ступив на почву изучения русско-турецких отношений, невозможно пройти мимо борьбы болгарского народа против турецкого ига и той роли, которую в этой борьбе сыграла Россия. И коллектив советских историков при участии Тихвинского совместно с учеными Академии наук Болгарии подготовил сборник документов, посвященный этой проблеме²¹. Причем тексты документов публикуются на болгарском, русском и французском языках, что дает читателю возможность знакомиться в оригиналах с дипломатической перепиской того времени. И в этой работе Сергея Леонидовича Тихвинского мы вновь видим его метод всестороннего освещения источниками важнейших исторических событий, метод, который не оставляет в истории белых пятен.

Таким образом, труды Тихвинского — источниковеда и археографа отличаются огромным диапазоном проблематики, которая включает не только основные моменты новой и новейшей истории Китая, истории революционного движения в Китае, истории международных отношений на Дальнем Востоке, в частности истории взаимоотношений нашей страны с ее великим дальневосточным соседом — Китаем, но также и историю внешней политики России и СССР в целом. Эти труды охватывают историю взаимосвязей нашей страны с ее главными западными партнерами по международным отношениям, а также с США.

Тихвинского как историка-источниковеда отличает вдумчивое отношение к тексту документа, прекрасное владение труднейшим языком цинских источников, умение давать в комментариях к документам прекрасные исторические миниатюры. Наряду с этим он в течение многих лет выступает как крупный организатор коллективных работ в области археографии и источниковедения. Именно по его замыслам, при его энергичном содействии были изданы многотомные серии документов, связанных с историей нашей страны, историей Китая. Владение огромным комплексом источников китайского, русского, западного происхождения позволяет Тихвинскому делать фундаментальные выводы в области истории международных отношений, истории Китая, всеобщей истории. Обоснованность и фундированность принципиальных выводов в работах С. Л. Тихвинского снискали им заслуженное признание не только в нашей стране, но и во всем мире.

²⁰ Русский посол в Стамбуле П. А. Толстой и его описание Османской империи начала XVIII века. М., 1985.

²¹ Россия и болгарского национально-освободительного движение, 1856—1876: Документы и материалы. Т. 1, ч. 1. Февраль 1856 — декабрь 1860. София; М., 1987.

К 100-летию со дня рождения С. Н. Валка

В. В. Журавлев

С. Н. ВАЛК И ИСТОРИКО-ПАРТИЙНОЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Чествуя Сигизмунда Натановича Валка как крупнейшего советского историка, мы отдаем должное ученому, сумевшему, как, пожалуй, никто другой, органически связать в своем творчестве огромный опыт, традиции дореволюционного российского источниковедения и археографии с глубоким постижением того нового, что внесла Великая Октябрьская социалистическая революция в само понимание проблем документирования исторических событий, явлений, процессов. Будучи новатором в науке, он смело вторгался в неисследованные сферы познания. Жгучий интерес к документу революционной эпохи выдвинул С. Н. Валка в ряды первопроходцев и в области историко-партийного источниковедения, прежде всего источниковедения и археографии ленинских трудов.

Когда в соответствии с постановлением II съезда Советов СССР в Институте Ленина задумывалась работа над научным (академическим) изданием трудов В. И. Ленина, именно на С. Н. Валка была возложена задача подготовки «Проекта правил издания трудов В. И. Ленина». Прекрасно понимая ответственность этого поручения, ученый в качестве основной задачи будущего издания выдвинул идею дать «критически установленный текст» трудов вождя революции. Вторую задачу он видел в том, чтобы сопроводить тексты такого рода научно-вспомогательным аппаратом, который облегчал бы как ориентировку читателя в трудах В. И. Ленина, так и их изучение. Так были заложены основы научного издания ленинских трудов, которые, совершенствуясь, составили новое слово в отечественной и мировой археографии.

Сегодня, в пору революционной перестройки, когда одной из важнейших задач как теории, так и социальной практики стало возвращение к ленинской концепции социализма, резко возросла потребность в углубленном познании творческой лаборатории вождя революции. Все это вызывает необходимость издания полного собрания сочинений В. И. Ленина на качественно новом уровне, издания, рассчитанного на читателя XXI в. Внимательное знакомство с разработанным С. Н. Валком и вышедшим в свет еще в 1926 г. «Проектом правил издания трудов В. И. Ленина» убеждает, что последовательное и творческое применение заложенных в этом труде идей окажет существенную помощь современному поколению лениноведов в ходе реализации этого грандиозного замысла.

Убежден, что далеко не все из тех исследователей и практических работников, которые повседневно обращаются к многотому собранию «Декреты Советской власти», знают, что С. Н. Валку принадлежит важная роль как в выдвигании замысла этого издания, так и в его практическом воплощении. Еще в упомянутом выше «Проекте правил...» содержалось следующее примечание: «Государственные бумаги эпохи Октябрьской революции, имеющие подпись В. И., по в отношении к которым неустановимо личное его авторство, составят особую, вторую серию трудов, состав и правила создания которой будут впоследствии установлены»¹.

¹ Проект правил издания трудов В. И. Ленина/Сост. С. Н. Валк. М.; Л., 1926. С. 8.

Так возник замысел уникального типа издания, органично соединившего в себе достоинства академического (в лучшем смысле слова) свода государственных актов первых лет диктатуры пролетариата со строго научным на основе ювелирной археографической техники воссозданием многогранного вклада В. И. Ленина в подготовку этих актов.

Многие годы С. П. Валк настойчиво ратовал за необходимость научного издания протоколов Совета Народных Комиссаров того периода, когда во главе его стоял В. И. Ленин. Но только сегодня эта идея начинает воплощаться в жизнь. Серия публикаций первых протоколов СНК, осуществленная журналом «Вопросы истории КПСС» в 1987 и 1988 гг., думается, лишь начальный этап на пути практического решения

и этой задачи, что позволит исследователям и широкому кругу читателей составить полное наглядное представление о том, как в созидательных муках революции рождалась советская государственность².

Счастлива научная судьба ученого, идеи и планы которого продолжают жить и после того, как перо выпадает из его рук. К числу таких ученых относится и Сигизмунд Натанович Валк.

Сигизмунд Натанович
ВАЛК
(1957 г.)

² В связи с приближающимся столетием со дня создания КПСС и в целях удовлетворения возрастающего интереса общественности к истории партии и советского общества, устранения «белых пятен» прошлого, расширения и обогащения источниковой базы марксистско-ленинской науки Политбюро ЦК КПСС в своем постановлении от 11 января 1989 г. признало целесообразным осуществить в течение 1989—1997 гг. возможно в более полном объеме издание протоколов или стенографических отчетов съездов, общепартийных конференций и стенограмм пленумов ЦК партии. Образована Комиссия ЦК КПСС по изданию партийных документов под председательством М. С. Горбачева.

Реализация этого беспрецедентного замысла, призванного составить качественно новый этап в деле научного издания партийных документов, потребует учета и использования лучших достижений стечественной археографии. А это в частности, означает, что мы стоим на пороге ренессанса и творческого наследия виблйара.

И. В. Загоскина

С. Н. ВАЛК И ПОДГОТОВКА СБОРНИКА «ДЕКРЕТЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ»

На ряде заседаний Археографической комиссии, проходивших в предыдущие годы, а также в «Археографических ежегодниках» за 1972 и 1976 гг., особенно в работах Ю. А. Ахалкина и А. С. Покровского, обстоятельно освещалась работа С. Н. Валка по изданию ленинских документов, в частности сборников «Декреты Октябрьской революции» и «Декреты Советской власти». Задача данного сообщения — дополнить указанные публикации воспоминаниями о совместной работе с С. Н. Валком в бригаде по подготовке «Декретов Советской власти» в 1955—1975 гг. Это была настоящая школа научного подхода к изданию исторических документов, работа шла очень напряженно, но доставляла подлинную радость. С одной стороны, это определялось высокой требовательностью, которую предъявлял к работе С. Н. Валк — крупнейший ученый-энциклопедист, владевший обширными знаниями и методикой в области целого ряда исторических дисциплин. С другой стороны, это было общение с человеком исключительных моральных качеств, дававшим пример честности в науке, бескорыстного служения ей, и вместе с тем человеком высочайшей культуры и огромного личного обаяния.

В сообщении используются замечания С. Н. Валка к томам «Декретов Советской власти», хранящиеся в архиве этого издания в ЦПА ИМЛ. В этих замечаниях Валк постоянно подчеркивал, что самым главным является правильный выбор источника публикации документа. Он решительно отвергал мнение, что якобы падо в основу издания класть первую, самую раннюю публикацию. «Мы ценим раннее издание, — писал он, — не из-за будто бы правильности его текста, а формально, из-за того, что этот декрет уже с момента его опубликования... считался вошедшим в жизнь». Основным критерием при выборе источника публикации Валк считал соответствие публикуемого текста тексту, утвержденному Совнаркомом, т. е. подлиннику, в случае его отсутствия — утвержденному проекту или заверенной копии. «В основу издания любого текста декрета, — отмечал он, — должен быть положен опубликованный в свое время его текст. Но при наличии нескольких опубликованных текстов... в основу текста, как правило, принять выбирать тот текст, который был точно (или наиболее точно) воспроизводит тот текст, который был утвержден в СНК и подписан В. И. Лениным». При этом Валк имел в виду собственно текст декрета. Разночтения в подписях или в датах он считал менее существенными. Это видно из его замечания к постановлению СНК от 30 апреля 1918 г. об отпуске 2492 тыс. руб. ВСНХ на производство геологических исследований и на содержание Геологического комитета¹. Постановление было опубликовано в «Известиях ЦИК» дважды. Встал вопрос, по какой публикации печатать. По этому поводу С. Н. Валк написал: «В основу текста положил бы, как всегда, тот текст „Известий“, который ближе всего соответствует подлиннику... (хоть он и без даты, но текст все же на первом месте)». Валк считал необходимым указывать в сносках все разночтения с подлинником, «исходя из обязанности дать возможно более точное представление о подлиннике».

Что же касается других публикаций, то здесь он предлагал отмечать лишь основные смысловые разночтения. Глубоко изучив условия публи-

¹ ДСВ. М., 1959. Т. II. С. 201.

кации правительственных актов в начальный период Советской власти, он объяснял нам причины различия текстов в отдельных изданиях. Иногда в силу недостаточной четкости в работе канцелярии СНК в печать попадали не вполне тождественные копии одного и того же постановления. Составители «Собрания Узаконений», особенно в первые месяцы после победы Октября, произвольно изменяли тексты, сокращая или редактируя их. Такие варианты в «Декретах Советской власти» не отмечались. С большим количеством неисправностей часто публиковали постановления местные газеты. В таких случаях Валк предлагал печатать документ по подлиннику или копии с оговоркой в сноске.

С. Н. Валк внимательно просматривал тексты, подготовленные бригадой, выверяя каждое слово, каждую запятую. В некоторых случаях определение текста для публикации вызывало большие трудности, но благодаря эрудиции и огромному опыту Валк всегда находил правильный выход из положения. Это было особенно важно для издания такого типа, как «Декреты Советской власти», в котором любой читатель имеет возможность проверить, точно ли передан текст документа.

Особую ценность представляет работа Валка над ленинскими текстами. Валк в совершенстве владел методикой расшифровки ленинских автографов и учил нас этому. Он постоянно подчеркивал, что надо не механически передавать изображение рукописи, а уметь видеть последовательные этапы правки В. И. Ленина и донести это до читателя. Так, в замечаниях к II т. он писал: «Дело ведь не в механическом воспроизведении внешнего вида текста, а в отображении действительного хода работы Ленина». Во II т. «Дekretов Советской власти» печатается проект декрета ВЦИК и СНК о дарениях от 20 мая 1918 г., правленный Лениным. В пункте 6 проекта было записано, что заявление о признании дарения недействительным подается по месту жительства одаренного². На поле против этого пункта Ленин поставил знак вопроса, затем написал: «или дарителя?», что потом перенес в текст. Валк сделал замечание, что при подготовке правка передана недостаточно точно. В ней надо выделить два этапа: «Сперва В. И. Ленин обвел чертой „одаренного“ и поставил на поле только вопрос, по-видимому еще не решив, изменить ли текст, а потом разрешил вопрос, добавив „или дарителя?“ Думаю, что это надо пояснить, так как простое глухое воспроизведение пометы в сноске не раскрывает действительного хода работы В. И. Ленина и вообще непонятно без взгляда на рукопись». Валк считал необходимым печатать автографы Ленина абсолютно точно, указывая даже описки. В замечаниях к т. VI «Дekretов Советской власти» (М., 1973) он писал: «Описки надо исправлять в тексте, но отмечать в списках (они важны для характеристики момента и обстоятельств, когда пишется документ)».

Подобная передача правки В. И. Ленина делает «Декреты Советской власти» уникальным изданием, которое дает возможность проследить ход мысли Ленина при работе над декретами и тем самым составить более всестороннее представление о личности Ленина. В Собраниях сочинений В. И. Ленина, в Ленинских сборниках читатель не имеет такой возможности, он видит только окончательный текст.

Вся работа по «Декретам Советской власти», очень кропотливая и трудоемкая, выполнялась бригадой с большим удовлетворением. Частое общение с Валком лично и путем переписки создавало деловую и творческую обстановку. Вначале ученый часто приезжал в Москву. Позднее все материалы, подготовленные бригадой, посылались ему в Ленинград и возвращались с подробнейшими замечаниями. Для согласования наиболее важных вопросов подготовителей неоднократно посылали в Ленинград. Эти поездки превращались в настоящие праздники. Вопросы, мучившие нас в Москве, Валк разрешал быстро и аргументированно. Мы работали с утра до вечера с большим подъемом. Нас всегда поражало, как Валк мгновенно находил нужную книгу и страницу в своей обширной

² Там же. С. 292.

библиотеке, восхищали его блестящая память и эрудиция. Валк держался с нами как с равными, относился к нашим предложениям очень внимательно, не давил превосходством. Скромность и деликатность его поразительны. Вместе с тем он был непримиримым в принципиальных вопросах и отстаивал свои взгляды до конца.

В минуты отдыха мы беседовали на самые разные темы. С Валком можно было говорить обо всем, и всегда это было в высшей степени интересно. Он был знатоком музыки, литературы, живописи. Все, кто бывали у него дома, конечно, видели небольшую, но очень ценную коллекцию живописи, в которой были рисунки И. Репина, М. Врубеля, М. Добужинского, М. Шагала, картины его любимого художника К. Петрова-Водкина. Постепенно у нас сложились с Валком самые дружественные отношения. В архиве «Декретов» сохранилось его новогоднее поздравление с 1964 годом, в котором он, в частности, писал: «Позвольте еще раз всех поздравить и пожелать, чтобы и в будущие годы наша работа протекала с такою же общою преданностью делу издания „Декретов“, с таким же общим всем нам стремлением сделать их возможно лучшим изданием и с такими же дружескими чувствами в нашей жизни».

Смерть С. Н. Валка была для нас тяжелым ударом. Мы как бы осиротели. Пока он был жив, мы чувствовали себя уверенно и всегда знали, что, какие бы трудные вопросы ни возникали, он разберется. И сейчас он как бы незримо продолжает руководить бригадой: его советы и указания постоянно живут в нашей памяти.

Дело, начатое С. Н. Валком, понемногу движется. Еще в 1934 г. он писал, что наряду с изданием декретов встает вопрос об издании протоколов СНК, без этого изучение деятельности СНК в тот период будет неполным. Однако только в конце 1987 г. появились в печати первые три протокола СНК. Издание «Декретов» идет медленно. Было бы целесообразно подумать об ускорении этого издания, пока работает наиболее опытный подготовитель Ю. А. Ахапкин, пока принимает участие накопивший уже значительный опыт А. С. Покровский. Доведение до конца издания «Декретов Советской власти» явится лучшим памятником С. Н. Валку.

С. В. Чирков

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ АРХЕОГРАФИИ В ТРУДАХ С. Н. ВАЛКА

Едва ли можно отыскать серьезную проблему теории, методки или практики советской археографии, которая осталась бы в том или ином виде не исследованной или не обсужденной в трудах С. Н. Валка. Хорошо известен и высоко оценен в науке вклад, внесенный им в разработку многих из этих проблем, в исследовании которых он сказал новое слово. Представляется поэтому своевременным обратить внимание на некоторые основные вопросы археографической теории, входившие, так сказать, в фундамент научного мировоззрения Валка-археографа. Эти вопросы часто воспринимаются как само собой разумеющееся, а со временем и вовсе могут выпасть из поля зрения изучающих историю археографии. Между тем их важно иметь в виду, для того, чтобы установить верную перспективу развития этой научной дисциплины; очень велика роль этих вопросов в формировании творческой индивидуальности ученого.

К числу таких основных вопросов можно отнести вопрос об отношении С. Н. Валка к теории и практике археографии. Некоторое время назад проблемы теории и практики археографии оказались предметом дискуссии и высказывались даже суждения, что Валк отрицает теорию археографии. Это не соответствует истине. Можно привести определенные наблюдения о том, что в своих работах и даже в переписке Валк проводил четкую дистинкцию между теоретическими проблемами археографии и практической работой по изданию источников. Так, в его письме М. Н. Тихомирову по поводу создания «Археографического ежегодника» (1956) содержится предложение «помещать ежегодные обзоры работ в области археографии (как теории, так и издательской деятельности)»¹. Другой вопрос, что Валк протестовал против отрыва археографической теории от издательской практики, чем грешила тогда кафедра археографии МГИАИ. При этом только одним и не самым сильным аргументом было то обстоятельство, что практикой издания и разработкой теории занимались до той поры одни и те же ученые. Валк по принципиальным соображениям не видел необходимости выделять теорию археографии в особую дисциплину, подчеркивал вред отрыва теории от археографической практики. В практическом издании источников он видел и цель, и критерий истинности методологических и методических разработок.

В ходе недавних дискуссий о понятии «археография» вновь появились точки зрения, отрывающие издательскую работу от науки — археографии. Валк увидел возникновение подобных взглядов еще в начале 30-х годов и тогда уже их оспаривал. Говоря о читавшихся на курсах Украинского центра архива с 1931 г. лекциях по археографии, Валк критиковал проявившийся в них «ненормальный отрыв методологических основ археографической работы от ее технических приемов»².

Валк прекрасно видел все сложности взаимного отношения археографических теорий и практической издательской работы. Он ярко и даже драматически раскрыл часть этих сложностей на примере трудов А. А. Сергеева. Этот историк нигилистически относился ко всему прошлому русской археографии, провозглашал в оценке ее концепций вуль-

¹ Шмидт С. О. Вступительное слово на совместном заседании Археографической комиссии АН СССР и ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, посвященном памяти С. Н. Валка // АЕ за 1976 год. М., 1977. С. 294.

² Валк С. Н. Советская археография. М.; Л., 1948. С. 55.

гарно-социологические установки и попал в плен к дореволюционной археографии в разрешении конкретных методических вопросов. Тем не менее Валк считал, что «опыт, накопленный Сергеевым в области издания разного рода правительственных по преимуществу документов XIX—XX вв., в частности документов дипломатических, был значителен и разнообразен. Поэтому в его работах мы найдем ряд предложений, основанных не на ошибочных теориях, а на таких наблюдениях, которые были им самим сделаны в практических работах над многими изданиями документов. Поэтому и в специальных вопросах, и в вопросах, связанных с задачами общеисторического истолкования документов, мнение Сергеева всегда должно быть принято во внимание, даже если с ним кто-либо и не захочет согласиться»³.

Отметим, кстати, один терминологический оттенок. Не кто иной, как С. Н. Валк одним из первых ввел в научный оборот выражение «археографическая мысль». Его труды — блестящий образец археографической мысли, всегда твердо опирающейся на основание практического опыта.

Обращаясь к определению археографии в трудах С. Н. Валка, следует отметить, что заслугой ученого является возведение терминологического вопроса на уровень научной проблемы. После того как Валк исследовал историческое развитие понятия «археография», споры об определении и границах этой дисциплины получили предметное обоснование. Главный вывод замечательной статьи «Судьбы „археографии“», как известно, в том, что значение термина «археография» исторически изменялось в зависимости от текущих потребностей науки. Когда в 20—30-х годах XX в. на передний план археографической работы вышла задача опубликования огромной массы источников, сделавшихся доступными для науки после революции, были потеснены на научную периферию задачи собирания и описания документальных памятников. Отсюда и главное внимание к эдиционной археографии в трудах Валка. Он даже призывает заменить термин «археография» общепринятым в европейских странах термином «издание источников». Но наряду с этим четким «эдиционным» направлением интересов и трактовок находим у Валка оговорки, что, «поскольку историку (в отличие от филолога-текстолога) приходится по преимуществу иметь дело с рукописями... создаваемыми не столько автором-творцом, сколько канцелярией», постольку задача формирования рукописного фонда, из коего проводится «выявление» и выборка документов для издания, оказывается задачей архивиста, а не археографа⁴. Понятно, что задачи археографа иные. Они выясняются, например, в работе с рукописями законодательных актов, когда встают вопросы (истории текста и др.), близко напоминающие вопросы, затрагиваемые филологом-текстологом. Проблемы собирательской археографии, конечно, ближе ко второму из рассмотренных вариантов. Валк, как видим, связывает с ними задачи археографии.

Усиливающиеся в историографии последних десятилетий внимание к истории духовной культуры, потребность в источниках этой истории обусловили новое оживление собирательской археографии. Можно полагать, что Валк учел бы это возобновление интереса к полевой археографии в своих дальнейших трудах. Во всяком случае, в его концепции не видно каких-либо ограничений для дальнейшей эволюции понятия «археография».

Достаточно красноречивое свидетельство того, что в глазах Валка археографическое описание памятника принципиально отличалось от архивного описания документального комплекса, находим в статье об «Археографической легенде». По словам Валка, любое «кажущееся даже совершенным для данного времени воспроизведение документа не может быть воспринято критически настроенным историком без знания того, что представлял собой воспроизведенный текст в его подлинном виде,

³ Там же. С. 60—61.

⁴ Там же. С. 53.

какие изменения он претерпел при воспроизведении, каким был во всем его целом тот документ, текст которого воспроизведен»⁵. Речь идет, конечно, об археографическом описании, являющемся содержанием легенды. Издание не отменяет, а, напротив, предполагает археографическое описание, имеющее, естественно, свои правила и приемы и решающее вопросы «внешней исторической критики» источника.

Если учесть труды С. Н. Валка, представляется в значительной степени надуманной проблема, вокруг которой появились разногласия и даже споры — входит ли история археографии в предмет археографии. Можно сослаться не только на опыт самого Валка, исследования которого построены, как правило, в историческом аспекте. Можно вспомнить, что Валк отмечал как достоинство работы не по истории, а по «методике и технике документальной публикации» то, что в ней «при рассмотрении любого вопроса находим критическое обозрение и оценку разных попыток его разрешения», прежде чем автор (А. А. Шилов) останавливается на каком-либо определенном своем решении⁶. Крупной методологической ошибкой Валк считал пренебрежение историческим опытом дореволюционной историографии. По его убеждению, успешное разрешение проблем археографии обеспечивается только соблюдением научной преемственности, усвоением достижений науки прошлого. С этой точки зрения и научное достижение оказывается историческим, обращено в будущее: значение правил издания Грамот коллегии экономики, созданных А. С. Лаппо-Данилевским, в частности, в том, что «эта работа завершила собою нашу дореволюционную археографическую литературу, дав вместе с тем возможность использования опыта последней для последующего развития советской археографии, в совершенно новых ее задачах и в ее работе над совершенно новыми предметами»⁷.

В высшей степени присуще было С. Н. Валку рассмотрение науки в ее развитии, понимание научной археографии не как однажды достигнутого результата, а как незавершенного, протекающего в нынешней истории процесса. Понятия, разработанные им для характеристики разных этапов развития археографии (например, забытое теперь понятие «кустарная археография»), представляют большую ценность и нуждаются в дальнейшем осмыслении. Во многом его исследовательские подходы оказываются актуальны для нынешней науки, будут актуальны они и завтра.

---

⁵ Валк С. Н. Археографическая «легенда» // АЕ за 1971 год. М., 1972. С. 5.

⁶ Валк С. Н. Советская археография. С. 67.

⁷ Там же. С. 45.

Е. М. Добрушкин

С. Н. ВАЛК-АРХЕОГРАФ И ПРЕПОДАВАНИЕ АРХЕОГРАФИИ В МГИАИ

Если попытаться охарактеризовать хотя бы одну из сторон использования научных трудов Валка-археографа в процессе преподавания, то прежде всего следует остановиться на предельно четком логическом принципе анализа и подачи ученым даже самого сложного материала. Одним из характерных примеров является решение Валком проблемы археографической легенды, набор элементов которой и даже место в издании пытаются жестко закрепить правилами, не учитывая при этом не только лучшие образцы публикаторской практики, но и реальные потребности научного издания исторических источников. Казалось бы, что тут можно добавить к требованиям нормативных документов, что, в частности, остается на долю преподавателя, как только сообщить студентам эти требования, прокомментировать их, а затем следить на практических занятиях за их выполнением? (Такое понимание преподавания археографии еще существует.) Однако Валк дает блестящий пример живости, ясности мысли и методического мастерства. Свой анализ проблемы он строил, вскрывая суть этого важнейшего элемента научного издания, которую, в свою очередь, он связывал с наиболее существенными проблемами археографии вообще¹. Такой «антидогматический» подход ученого к решению всех без исключения вопросов публикации очень ценен именно для преподавания, ибо археографии, как и любой дисциплине, крайне вредит косность мышления.

Научному методу С. Н. Валка были присущи и другие характерные черты; использование которых может служить повышению уровня преподавания археографии. Особенно важно для обучения студентов МГИАИ рассмотрение ученым общих и частных проблем издания в неразрывном единстве работы архивиста, археографа и историка-исследователя². Это, в свою очередь, вело к необходимости увязки вопросов публикации с изучением фундаментальных проблем археографической теории о существовании самой публикации, ее целях и задачах, месте и роли публикатора в процессе исторического исследования и т. д.³, обсуждение которых со студентами дает возможность (например, на семинарских занятиях, впервые сейчас вводимых кафедрой археографии МГИАИ) выявить и подчеркнуть специфику археографического исследования. Уже самый подход Валка к проблемам теоретического знания в археографии помогает понять приоритетное значение ключевых вопросов теории в преподавании археографии. Порицая «голое теоретизирование»⁴, Валк одновременно видел необходимость и в «теоретической работе над возникающими вопросами археографии»⁵.

И в вопросах истории археографии ориентиром служит живая археографическая мысль С. Н. Валка, получавшего импульс из непосредствен-

¹ Валк С. Н. [Рецензия] // А. Д. 1940. № 3(55). — Рец. на кн.: Шилов А. А. Руководство по публикации документов XIX и начала XX в. М., 1939; *Он же*. Советская археография. М.; Л., 1948. С. 105—110; *Он же*. Археографическая «легенда» // АЕ за 1971 год. М., 1972.

² Валк С. Н. Регесты в их прошлом и настоящем // АЕ за 1968 год. М., 1970; *Он же*. Археографическая «легенда». С. 12—16; и др.

³ Валк С. Н. О приемах издания историко-революционных документов // АД. 1925. Вып. 3/4. С. 64—65, и др.

⁴ Валк С. Н. Судьбы «археографии» // АЕ за 1961 год. М., 1962. С. 463.

⁵ Валк С. Н. Советская археография. С. 119.

ного анализа наследия археографов прошлого. Стремлением Валка проникнуть в суть работы публикатора минувших веков (прекрасный пример имеем в работах об изданиях и изучениях Русской Правды) обусловлено понимание им большого значения исследования самой археографической мысли в ее историческом развитии: вопрос «заключается не в том, что должно документы издавать критически,— писал Валк,— а в том, что каждое научное направление разумеет под этим всегда весьма ходким в науке обозначением»⁶.

Высказанное 40 лет назад положение остается и сейчас актуальным, в первую очередь по отношению к XVIII в., поскольку именно тогда зародились и начали формироваться основные археографические идеи, понятия и методы публикации исторических источников. Без уяснения этих сходных представлений и анализа путей их развития невозможны глубокое освоение, дальнейшая разработка и изложение всей истории отечественной археографии. Решение же важных проблем истории археографии, однако, как показывает опыт работ Валка, не может быть осуществлено в условиях самоизоляции дисциплины от историографии, архивоведения и источниковедения. Другими словами, необходимо отрешиться от еще свойственного археографии, по меткому выражению Валка, «своего рода провинциализма».

Донесение живой археографической мысли нашего виднейшего археографа до студентов необходимо для повышения уровня преподавания⁷ и, следовательно, развития всей археографии. Однако действительно эффективное использование трудов С. Н. Валка в преподавании археографии возможно лишь при целенаправленном изучении его научного наследия в целом⁸.

---

⁶ Там же. С. 60.

⁷ Обратим внимание на чрезвычайно скупую, но тем более выразительную характеристику преподавания ученым археографии в МГИАИ: «Непродолжительная деятельность С. Н. Валка в 1943/44 учебном году в институте произвела на студентов сильное впечатление и пробудила интерес к научной работе» (Эпштейн Д. М. К истории преподавания археографии в Московском государственном историко-архивном институте // АЕ за 1971 год. М., 1972. С. 220).

⁸ Статью Е. М. Добрушкина по этой теме см. в АЕ за 1989 год (Ред.).

Е. Н. Кушева

ВОСПОМИНАНИЯ О СИГИЗМУНДЕ НАТАНОВИЧЕ ВАЛКЕ

Знакомство с С. Н. Валком произошло в декабре 1922 г., когда я, сотрудница кафедры русской истории Саратовского университета, приехала в командировку в Петроград. Валк пригласил меня на объявленный им на первое полугодие 1923 г. семинар «Мемуары как исторический источник». В нем он поставил перед студентами задачу разностороннего, тонкого источниковедческого анализа мемуаров. Посещение студентами занятий в то время было необязательным; несколько записавшихся студентов, которым изложенная Валком на первом занятии программа показалась очень трудной, вскоре отсеялись, и семинар распался. Следует отметить, что курс А. И. Приселкова по истории русского летописания слушали всего трое студентов.

Позднее я не раз приезжала в командировки в Ленинград. Имея поручение от Саратовского университета покупать нужную литературу в букинистических магазинах, я часто встречала там Валка и его молодого друга Ш. М. Левина, страстных собирателей книг.

Вторая половина 20-х годов была очень трудной для историков дореволюционной школы. М. Н. Покровский резко противопоставил историков марксистов и «немарксистов». Помощник М. Н. Покровского Меерсон активно развернул критику буржуазных историков в Саратовском университете. В январе 1929 г. был уволен С. Н. Чернов. В марте 1929 г. под предлогом сокращения штатов была уволена и я и решила ехать в Москву. По совету одного из своих учителей в Саратовском университете, С. Н. Чернова, обратилась к работавшему в Музее революции Н. М. Дружинину, который ничем помочь не смог, а затем к Б. П. Козьмину, принявшему меня в издательство Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев для составления библиографического словаря «Деятели революционного движения в России». Именно во время этой работы началось настоящее знакомство с Валком, изучавшим архив «Земли и воли» и связанным поэтому с Обществом политкаторжан. Валк приезжал в Москву дважды в месяц по делам издания «Декретов Советской власти» и архива «Земли и воли». Тогда же он задумал книгу о рабочей группе «Народной воли».

В конце 1929—1930 г. по так называемому «делу историков» был обвинен широкий круг ученых в Ленинграде, Москве и провинции. В январе 1930 г. были арестованы П. Г. Любомиров и С. Н. Чернов. Нередко арестовывали и студентов — учеников опальных историков. В Саратове арестовали четырех членов исторического кружка, который вел П. Г. Любомиров. Валк, по его собственному признанию, считал, что он также может быть в любой момент арестован. Скорее всего, от ареста его оградила работа над «Декретами Советской власти».

В Обществе политкаторжан и его издательстве продолжалась активная научно-издательская работа. Эти учреждения стали в Москве центром изучения революционного движения. На различных секциях проводились интересные заседания. Валк всего раз присутствовал на таком заседании (на докладе Н. М. Дружинина о ланкастерских школах декабристов в Сибири). Шла работа над библиографическим словарем; в него включались имена широкого круга участников революционного движения, даже люди, впоследствии отошедшие от революционной деятельности, а также ренегаты и провокаторы. Параллельно готовилось библиографическое издание «Русская подпольная и зарубежная печать»

(составители М. К. Клевенский, Е. П. Кушева и О. П. Маркова, редакторы Б. П. Козьмин и С. Н. Валк). Мною готовился раздел о листовках, руководил этой работой С. Н. Валк. Им было предложено оформлять публикацию листовок по тем правилам, которые он разработал для большевистских листовок. В 1935 г. вышел 1-й выпуск этого издания и 2-й выпуск словаря «Деятели революционного движения». К этому моменту (середина 1935 г.) стало ясно, что Общество политкаторжан закрывается. Над изданиями Общества нависла угроза. Вскоре последовали инциденты с двумя иллюстрациями к этим изданиям. На одной из них была изображена обложка книги, изданной в Лондоне в начале 1860-х годов для пропаганды среди крестьян и закамуфлированной под духовное издание. На обложке — крест, а на помещенной здесь же фотографии первой страницы книги — слова «Во имя отца и сына...» Это было расценено как религиозная пропаганда. Издание, к счастью, удалось спасти, но эти иллюстрации были вырваны из всего тиража. Из 2-го выпуска словаря «Деятели революционного движения в России» вырвали страницу о Зубатове, а вместо нее вставили слова: «Смотри „Словарь провокаторов“ (в то время возник замысел издать такой словарь)». В ГИИБ сохранились экземпляры, из которых не успели вырвать страницы.

События 30-х годов привели к тому, что Валк не исполнил своего замысла работы о «Земле и воле». Здесь сыграла роль дискуссия о «Народной воле» в Обществе политкаторжан в первой половине 30-х годов, когда резко критиковалась террористическая деятельность этой организации. Видимо, Валк счел, что дальнейшая разработка темы нецелесообразна. Во второй половине 30-х годов он вернулся к изучению феодализма. В его научно-исследовательской деятельности произошел перелом. Он обратился к исследованию частных актов и сразу же очень серьезно занялся подготовкой издания грамот Великого Новгорода и Пскова.

Во время Великой Отечественной войны С. Н. Валк оказался в эвакуации в Ташкенте вместе с московскими историками и рядом сотрудников из Ленинграда (И. И. Смирновым, Ш. М. Левиным и др.). Это был период тесного общения москвичей и ленинградцев, создания совместных работ, помощи в написании истории Узбекистана. Валку в ней принадлежит глава о гражданской войне в Узбекистане. Был задуман многотомный коллективный труд по истории русской культуры. И. И. Смирнов разработал проспект этого исследования, Валк писал историю культуры периода феодальной раздробленности. Шла напряженная работа и над монографиями. У Валка в основном была готова книга «Советская археография». В это время он задумал новую монографию «Ранняя история русского частного акта» и начал над ней работать.

В 1946 г. появилась статья М. Н. Тихомирова, в которой он выражал несогласие с выводами Валка о подложности некоторых ранних актов. Она была написана как научная статья, но ее использовали против Валка в развернувшейся вскоре кампании борьбы с космополитизмом. В результате и замысел новой монографии Валку осуществить не удалось.

В научном наследстве Валка особый жанр составила серия исключительно удачных биографических статей, в том числе о Б. А. Романове и И. И. Смирнове, которых я хорошо знала. Романов тяжело пострадал в связи с «делом историков», но писать об этом было нельзя. Валк хотел прежде всего показать, что бы мог сделать Романов для исторической науки. Сложно было также в те годы писать правду и об И. И. Смирнове. Как говорил Валк, текст его статьи подвергся серьезному редактированию. Хотел он также написать о своем учителе А. С. Лаппо-Данилевском. Одновременно собирал материалы о С. Н. Чернове. Чрезвычайно ценная папка с этими материалами хранится в фонде Валка. Однако, по признанию Валка, ему было трудно писать о Чернове. Одной из причин явилось привлечение Чернова по «делу историков». Кроме того, научный путь Чернова был очень сложным: он проделал резкий переход от изучения Максима Грека к декабристоведению. В декабристских работах Чернова Валка привлекал психологизм — тот самый психологизм, кото-

рый давал возможность критикам Чернова обвинять его в немарксизме (последнее, безусловно, затрудняло работу Валка).

Валка-ученого и Валка-человека отличала необыкновенная широта интересов. Он живо интересовался событиями международной жизни, выписывал газеты на иностранных языках, был знатоком разных областей искусства, обязательным посетителем концертов в Ленинградской филармонии. Его всегда отличало чувство нового. Был большим ценителем архитектуры и изобразительного искусства, причем считал необходимым изучение памятников архитектуры в натуре, много ездил с этой целью. Его другом был Н. Н. Воронин (до войны ленинградец), к которому он ездил в Москву и во Владимир смотреть реставрационные работы. Валк коллекционировал живопись, его квартира представляла собой маленький музей. Особенно его привлекали художники «Мира искусства». В конце 60-х — начале 70-х годов он приобрел картину Шагала. Для меня это было новое имя, и я не сразу восприняла его искусство. Валк объяснил мне значение этого художника.

Хочется сказать, что в памяти всех, знавших Сигизмунда Натановича Валка, отчетливо сохранился его живой облик. Но живым остается и наше чувство потери.

**ХРОНИКА СОВМЕСТНОГО ЗАСЕДАНИЯ
АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ АН СССР
И ЦЕНТРАЛЬНОГО ПАРТИЙНОГО АРХИВА
ИНСТИТУТА МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА ПРИ ЦК КПСС,
ПОСВЯЩЕННОГО 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ С. Н. ВАЛКА**

25 декабря 1987 г. состоялось совместное заседание Археографической комиссии и Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, посвященное столетию со дня рождения С. Н. Валка (1887—1975). Во вступительном слове *С. О. Шмидта* подчеркивалось, что отмечается столетний юбилей человека, особо много сделавшего для развития советской археологии и источниковедения. Археографическая комиссия имеет давнюю традицию совместных заседаний с ИМЛ. Одно из таких совместных заседаний было проведено в 1976 г. и посвящено памяти Валка. Много материалов о Валке было опубликовано в «Археографическом ежегоднике за 1976 год»; и в последующее время в ежегоднике часто печатались статьи, посвященные ему и его творчеству. Шмидт отметил редкой широты амплитуду научных интересов Валка — от истории Древней Руси до декретов Советской власти. Его труды стали классикой. Валк был выдающимся организатором и новатором в науке; общение с ним обогащало.

Шмидт предложил издать сборник, посвященный памяти Валка, а также сборник опубликованных и неопубликованных трудов его самого, не вошедших в подготовленную к настоящему времени книгу Валка «Проблемы археологии», что послужило бы сохранению памяти о выдающемся ученом.

Со вступительным словом обратился также к собравшимся зам. директора ИМЛ *В. В. Журавлев*¹.

С докладом «С. Н. Валк — выдающийся источниковед и археолог» выступил *М. П. Ирошников* (ЛЮИИ)². *И. В. Загоскина* (ИМЛ) рассказала об участии сотрудников ЦПА ИМЛ в подготовке сборника «Декреты Советской власти» под руководством С. Н. Валка. *С. М. Каштанов* (ИИ СССР) в докладе «Разработка С. Н. Валком истории древнерусского частного акта» подчеркнул обоснованность сомнений Валка в подлинности не только данной, но и духовной Антония Римлянина, которую ее новейший исследователь В. Л. Янин относит к 1131 г. Докладчик полагает, что духовная Антония по своей терминологии является источником скорее XIV, чем XII в. Отмечая справедливость мнения Янина, датирующего данную Антония XIV в., Каштанов считает, что оба документа (или их протографы) были созданы, по-видимому, в это время. Докладчик поддержал гипотезу Валка о том, что так называемая данная черницы Марины — подделка XVI в., и выразил сомнение в правомерности отнесения ее к середине XV в. (датировку грамоты 1452/53 г. предложил в 1964 г. И. А. Голубцов, затем это подробно аргументировал В. А. Кучкин).

Е. М. Добрушкин (МГИАИ) остановился на важности использования научных трудов Валка в процессе преподавания археологии в вузе. Выступление *С. В. Чиркова* (АК) было посвящено проблемам теории археологии в трудах Валка. Своими воспоминаниями о Валке как челове-

¹ Вступительное слово В. В. Журавлева и выступления И. В. Загоскиной, Е. М. Добрушкина, С. В. Чиркова и Е. Н. Кушевой см. в наст. изд.

² См.: СА. 1988. № 3. С. 36—44.

ке и ученом поделились *Б. В. Левшин* (ААН), *Е. Н. Кушева* (ИИ СССР), *И. П. Шаскольский* (ЛОИИ).

Б. В. Левшин рассказал, что впервые услышал о Валке, еще будучи студентом МГИАИ. Тогда некоторые называли его «буржуазным археографом», но молодежь многому училась именно на его работах. От *Г. А. Князева* он узнал, что Валк — очень крупный археограф, разработавший методiku издания трудов *В. И. Ленина*. *Сигизмунд Натанович* производил неизгладимое впечатление. *Ираклию Андроникову* трудно было бы скопировать его. Он был молчаливником, но его лицо казалось выразительнее всяких слов. Левшин напомнил о связях Валка с Архивом АН СССР и его Ленинградским отделением. Он являлся членом Ученого совета Архива. Надо помнить наших выдающихся ученых, поэтому ААН хотел бы взять на себя издание научного наследия исследователя.

С воспоминаниями о своих встречах и совместной работе с Валком выступила *Е. Н. Кушева*.

По воспоминаниям *И. П. Шаскольского*, Валк был настоящим «интеллектуалом в пенсне», но при этом очень современным человеком. Он очень любил Ленинград и в конце жизни, переехав в новый район, каждый день ездил в центр, тоскуя по нему. Характерно, что в домашней библиотеке Валка почти все книги были с дарственными надписями ученых. Во время их совместного пребывания на даче в Комарове *Сигизмунд Натанович* все 12 дней говорил только о науке. К ученикам у Валка отношение было дифференцированное: он много уделял им внимания, помогал; но если видел, что ученик может справиться сам, предоставлял ему полную самостоятельность.

Когда восстановили Археографическую комиссию и ее Ленинградское отделение, это для *С. Н. Валка* было подарком судьбы. Он очень хотел вести руководство научным изданием, им стали «Вспомогательные исторические дисциплины», этим делом он жил, это памятник, который он оставил после себя.

Н. А. Охотина

Тихомировские чтения 1988 г.

ХРОНИКА ЗАСЕДАНИЯ

14 июня 1988 г. состоялись традиционные «Тихомировские чтения», посвященные на этот раз 70-летию ленинского декрета 1 июня 1918 г. «О реорганизации и централизации архивного дела».

Во вступительном слове председатель Археографической комиссии С. О. Шмидт сказал, что после предыдущих чтений продолжалась деятельность по увековечиванию памяти М. Н. Тихомирова: вышла книга его ученицы Е. В. Чистяковой «Михаил Николаевич Тихомиров» (в серии «Научные биографии» издательства «Наука»); И. Е. Тамм завершила составление полной биобиблиографии Тихомирова, предназначенной для издания Сибирским отделением АН СССР, ею же напечатана «Автобиография» ученого, написанная в 1935 г. (АЕ за 1986 год); в АЕ за 1988 год публикуются малоизвестные материалы о деятельности ученого в 1918—1922 гг. (С. Б. Филимоновым) и его докладе 1962 г. об обеспечении сохранности, состоянии и использовании документальных материалов в учреждениях АН СССР (С. В. Чирковым), а также «Слово в память М. Н. Тихомирова», написанное и произнесенное Н. Н. Ворониным в 1965 г., очень смелое по тем временам. Готовится к печати издательством «Московский рабочий» новое издание книг М. Н. Тихомирова «Древняя Москва» и «Средневековая Россия на международных путях» (Л. И. Шохным с послесловием С. О. Шмидта). Но «Тихомировские чтения» по установившейся уже традиции посвящаются не только жизни и деятельности академика М. Н. Тихомирова, но и актуальным проблемам тех областей знания, развитию которых он отдал столько сил как последователь, организатор науки, педагог, общественный деятель. И понятно, что тема чтений 1988 г. — 70-летие декрета Совнаркома РСФСР «О реорганизации и централизации архивного дела». Этим декретом, подписанным В. И. Лениным 1 июня 1918 г., было положено начало планомерным социалистическим преобразованиям в архивном деле. 70-летие ленинского декрета — большое событие в культурной жизни нашей страны, отмеченное научными конференциями и заседаниями, разнообразными материалами в центральной и местной прессе. По существу 1 июня (а это, кстати, и день рождения М. Н. Тихомирова) может рассматриваться и как День советских архивистов.

С. О. Шмидт в докладе «Архивы и историческая наука» подчеркнул, что уже более 200 лет назад была осознана взаимосвязь и взаимообусловленность архивов и исторической науки. Ныне архивисты не только приобщают историков к хранящемуся у них безмерному богатству, но и сами выступают как исследователи. Описания и публикации архивных документов прочно входят в научный оборот, сотрудники архивов участвуют во всесоюзных и региональных научных конференциях, в создании коллективных научных трудов, помещают свои статьи в изданиях АН СССР, в трудах вузов, заметна их роль в развитии краеведения. Научная работа — это лицо архива.

Остановившись на истории архивоведения и археографии, докладчик указал на необходимость более углубленного изучения роли ученых в организации архивного дела. Шмидт выделил некоторые проблемы истории архивного дела и шире — архивоведения, отметил возрастающее внимание к истории архивоведческой мысли (в трудах В. Н. Автократова,

Б. С. Илизарова, Е. В. Старостина и др.), а также к изучению архивных материалов (учреждений, научных обществ, редакций изданий, личных фондов) этой тематики. О научных планах архивистов, в значительной степени оставшихся нереализованными, пишут В. Н. Самошенко, Л. И. Шохин (применительно к дореволюционному периоду), А. П. Пшеничный, С. В. Шумихин (по советскому периоду). Все это существенно расширяет (сравнительно с вышедшими ранее обобщающими трудами учебного характера) представления и о предмете «история архивного дела», и о его источниковой базе. В то же время очевидна целесообразность введения в обобщающие (и учебные) труды по историографии данных об археографии, архивоведению, а также и краеведению (вероятнее всего, в виде особых разделов или подглавок в главах, посвященных отдельным выдающимся историкам). Это убеждает и в односторонности подхода к историографии прежде всего как к изучению исторических концепций. Велико значение и методики исследования (в частности, выработки приемов, к которым обращаемся и поныне). Важно выяснить и степень и характер использования архивных материалов, роль исследователей в планировании и организации работы архивов. Тем самым выявляются линии несомненной стыковки сфер истории исторической науки и истории архивного дела.

В докладе выделены некоторые явления истории архивов и исторической науки начала XX в. и рубежа 20–30-х годов. В канун революционных событий 1917 г. в России имело место невиданное прежде единение «большой» (академической и университетской) науки и архивов. Готовились не только к Международному конгрессу историков в России, но и к съезду архивистов страны. Ученые и сотрудники архивов (прежде всего объединившиеся в Союзе российских архивных деятелей) разрабатывали план преобразований архивного дела. И потому, в частности, они так деятельно участвовали в подготовке декретов об архивах и выработке планов архивного строительства в 1918–1920 гг. Советская власть поддерживала начинания, на осуществление которых трудно было надеяться при царизме. Детальное изучение «архивной жизни» тех лет очень важно и в плане истории русской интеллигенции и политики Советской власти в отношении интеллигенции, истории общественного сознания. Установившемуся в те годы сближению в практической деятельности архивов и «большой науки» был нанесен существенный урон на рубеже 20–30-х годов, в связи с так называемым «делом историков» (С. Ф. Платонов, Е. В. Тарле и др.). Здесь явно негативную роль сыграли М. Н. Покровский (тогда глава и исторической науки, и архивного ведомства) и лица из его окружения. И хотя шельмование так называемой «школки Покровского» — одно из проявлений тенденций, характерных для времени культа Сталина, возвращать имя Покровского МГИАИ (как предлагают некоторые) вряд ли есть основания. События рубежа 20–30-х годов не стали для архивов такой трагической вехой, как для краеведения, музейного дела и связанного с этим общественного движения, но явственно наметилось размежевание архивов и «большой науки». Закреплено это было еще в большей степени с передачей архивной системы в 1938 г. в ведение НКВД. И последствия до сих пор не изжиты. Даже программа юбилейной конференции 1988 г. была составлена в Главархиве так, что ученые в ней, по существу, не могли принять участие.

С расширением круга исследований по истории архивов представляется полезным издание «Словаря архивистов дореволюционной России», материалы для которого давно уже были обработаны студентами МГИАИ. Теперь их можно пополнить данными из статей АЕ, СА, аннотаций для готовящегося к изданию «Каталога личных фондов отечественных историков», диссертаций Г. П. Присенко, В. Н. Самошенко, В. О. Седельникова, Л. И. Шохина, М. Ф. Шумейко и др., историко-краеведческой литературы (в частности, работ по истории губернских ученых архивных комиссий и др.). Следует начать работу и по подготовке «Словаря советских архивистов». Характеризуя современное состояние проблемы,

С. О. Шмидт отметил основные формы творческого взаимодействия архивов и «большой науки», особенно осязаемого и плодотворного в такой традиционной его области, как публикаторская деятельность, назвал имена и труды виднейших ученых, связанных в плане такой работы с хранилищами документальных памятников. Однако в гораздо меньшей степени осязаемо взаимодействие в сферах экспертизы, описания документов, составления научно-справочного аппарата. Некоторые вопросы особенно волнуют историков: облегчение доступа в архивы, расширение возможностей копирования с применением технических средств, усовершенствование научно-справочного аппарата и расширение публикации документов. ГАФ СССР — наше общее достояние, но архивисты зачастую берут на себя единолично функции цензуры, мало используют знания историков, которых можно было бы привлечь к проведению экспертизы при рассекречивании документов. Ученые едва ли не единодушны в том, что необходимо установление законодательным порядком срока давности при определении доступа к архивным документам. А без достаточных возможностей копирования текста и без предоставления исследователям удовлетворительного научно-справочного аппарата, т. е. без оперативного получения информации и оперативного обращения к результатам работы в архиве (как в большинстве зарубежных хранилищ), в значительной степени обесценивается сам доступ к архивным материалам. Архивисты оказываются нередко недостаточно связанными с традиционными формами исследовательской работы, в частности совместно с учеными других учреждений. Пока в архивах не развернулась широко научная работа, творческие люди вынуждены уходить из архивов.

Вызывает беспокойство медлительность выхода в свет продолжающихся изданий — документальных публикаций, являющихся генофондом отечественной культуры, и новые ротационные формы публикации документов выходят ничтожным тиражом. Теперь ясно, что серийные тематические издания по истории начала XX в. и особенно первых десятилетий Советской власти недостаточно полно и конкретно освещают многие вопросы, а подчас искажают истину. Следует начать подготовку новых публикаций — видовых или пофондовых, со всеми именами и с указанием всей (в том числе и неиспользованной) документации. Это могут быть и серийные издания, и разлотишные издания (особенно на местах). Желательно, чтобы Главархив и отдельные архивы (следуя примеру ЦГАЛИ СССР с его сборниками «Встречи с прошлым») готовили издания силами своих сотрудников и добивались права самостоятельного издания сборников документов, а не только методической литературы. Кафедра археографии МГИАИ теперь имеет наконец возможность стать опытным полем для проверки и апробации новых приемов публикаторской практики. Все более ощущается нужда в воссоздании периодического издания типа «Исторический архив», закрытие которого было убедительным показателем вредности политики экономики на науку и культуру. В таком издании (выходящем раз в два месяца или в квартал) можно было бы помещать и документальные публикации, и обзоры и описания документальных материалов. Один журнал — «Советские архивы» — не в состоянии выполнять задачи, возлагавшиеся ранее на два издания — «Архивное дело» и «Красный архив».

В последние годы больше внимания уделяется пропаганде работы хранилищ — выставка на ВДНХ, выставки во многих архивах, в библиотеках, издание соответствующей литературы, подготовка телефильмов, выступления в прессе. Сейчас, когда так тянутся к правде истории, это отражает возрастающий интерес широкой общественности не только к материалам архивов, но и к труду архивистов. Вероятно, это облегчит работу по организации службы исторической памяти, когда с помощью общественности (особенно активистов Советского фонда культуры, Обществ охраны памятников истории и культуры, книголюбов, советов ветеранов войны и труда, руководителей поисковой работы молодежи и др.) легче станет выявлять личные коллекции и фонды, которым следует

впоследствии обеспечить государственное хранение, помочь владельцам описать их, наладить учет и описание общественных (особенно школьных) музеев. Вероятно, этому может способствовать всесоюзное совещание архивистов с участием ученых, был бы полезен совместный план разработки актуальных вопросов архивоведения и археографии.

Заместитель начальника Главархива СССР А. В. Елпатьевский выступил с докладом «Использование документов ГАФ СССР»¹. Он признал, что внешний мир судит об архивах по тому, как используются архивные документы; но история использования документов советских архивов еще не написана, хотя отдельных сторон этого касались работы В. Н. Автократова, А. П. Пшеничного и некоторых других авторов. В сентябре 1986 г. на коллегии Главархива СССР принята «Программа интенсификации использования архивных документов. 1986—1990 гг.», составление которой некоторое время находилось под вопросом из-за планов реорганизации управления архивным делом. Докладчик акцентировал внимание на нерешенных проблемах, прежде всего на облегчении доступа в архивы.

А. В. Елпатьевский напомнил, что в ГАФ СССР 340 млн дел, но из них 140 млн в ведомствах на постоянном хранении. Имеется решение, что и архивный фонд КПСС долго еще останется самостоятельным. С точки зрения докладчика, инициатива ограничения доступа принадлежит не сотрудникам государственных архивов, а ведомствам, например ЦСУ. До сих пор большинство архивов получают документы с соответствующими грифами, в то время как грифы, поставленные непосредственно архивистами, уже сняты. Осторожно выдаются материалы биографического характера, чтобы не нанести ущерб интересам граждан. Плохое физическое состояние документов нередко ограничивает возможности их выдачи. За границей меньше засекречивали; поэтому создается впечатление полной доступности, но важнейшая часть документов нигде не выдается без ограничений, преимущества формального срока давности кажущиеся. В СССР это во многих случаях было бы шагом назад — ведь поступившие на государственное хранение документы «для служебного пользования» рассекречиваются через 15 лет. Что касается права издания документов, то архивные органы никогда его не имели и не имеют (за исключением издания справочников): этого не хотят учреждения, правомочные принять такое решение.

Елпатьевский ответил на несколько вопросов, затронувших проблему доступности различных разновидностей архивных документов.

В докладе В. А. Муравьева, проректора МГИАИ по научной работе, «Подготовка историков-архивистов на современном этапе», выделены три периода истории деятельности единственного в стране института, готовящего кадры архивистов, и показано его нынешнее состояние.

На протяжении первого десятилетия становления МГИАИ, 1931—1941 гг., институт притягивал выдающиеся научные силы, в частности М. Н. Тихомиров немало сделал для вуза, здесь им был подготовлен учебник по источниковедению отечественной истории. Подъем в области специальных исторических и архивоведческих дисциплин продолжался в 40—50-х годах. Затем, в 60—70-х годах, спор между традициями и обновлением был решен в пользу традиций, учебные планы устаревали, обучение распадалось на самодовлеющие дисциплины, связи между которыми разрывались, нарушались пропорции, одни курсы невероятно раздувались, другие сокращались. Культивируя «уникальность» МГИАИ, стремились законсервировать его профиль и уровень преподавания, тогда как для развития науки нужны конкуренция методов, разнообразие знаний. Предложения о дифференцированной по направленности и глубине квалификации подготовке специалистов наталкивались на усредненное понимание деятельности историка-архивиста, на его усредненную ниже минимума зарплату, на усредненные требования отрасли к инсти-

¹ В расширенном виде доклад А. В. Елпатьевского см.: СА. 1989. № 1. С. 6—11.

туту, на всеобщую незаинтересованность в изменении этого «усредненного» положения. Все это, вместе взятое, вело к снижению качества подготовки специалистов.

В настоящее время в учебных планах сформированы блоки дисциплин — мировоззренческих, исторических, архивоведческих и пр., — восстанавливается историческая и логическая последовательность, синхронизируется весь учебный процесс. Так, на 1-м курсе наряду с древней отечественной и всемирной историей будут читаться история философии и религии, вспомогательные исторические дисциплины, история архивов периода феодализма. Подобным образом строятся учебные планы последующих курсов. Ввели альтернативные, свободные курсы, предоставив студентам право выбора глубокого изучения тех или иных дисциплин. В МГИАИ пригласили преподавателей-почасовиков из учреждений АН СССР, из архивов. В стадии зарождения находится дифференцированное, ступенчатое образование (дополненное факультетом повышения квалификации, специальными курсами, аспирантурой). Успех этого начинания зависит от того, будет ли оно подкреплено должностной дифференциацией молодых специалистов. Можно было бы вести подготовку научных работников и для академических учреждений, хотя бы в «штучном» объеме.

Пока всего 13% выпускников МГИАИ работают в архивах, мы не имеем обстоятельного плана кадрового развития отрасли. Дифференциация должностей должна помочь закреплению молодых специалистов. Необходимо также поднимать престиж профессии историка-архивиста. Следует углубить специализацию по техническим направлениям, готовить специалистов для архивов КПСС и общественных организаций, для архивов с различными языками документов, различными посетителями информации.

Говоря о придании МГИАИ роли головного профилирующего вуза, координирующего подготовку историков-архивистов во всей стране (ведущуюся в некоторых университетах), докладчик констатировал отсутствие должной технической базы: нет лабораторий, филиалов кафедр. Предстоит создать факультет музееведения, так как в институтах культуры едва ли смогут подготовить научных работников для описания и использования письменных памятников, хранящихся в музеях.

Выступавшие в прениях уделили основное внимание последнему докладу. *Н. Б. Шеламанова* (АК) подняла вопрос о подготовке филиграноведов. Во многих хранилищах есть древние акты, поэтому нужны специалисты, способные квалифицированно изучать их. Такие пожелания высказывались на недавней конференции по филиграноведению. *В. Ю. Афиани* (АК) на основании своего опыта работы с местными архивами и музеями в ходе составления «Каталога личных фондов отечественных историков» оценил уровень подготовки архивистов в целом выше, чем работников рукописных отделов музеев, преимущественно выпускников пединститутов. Увеличение количества студентов МГИАИ, специализирующихся для будущей работы в музеях, вполне оправданно. *В. К. Зонтиков* (Главархив СССР) пояснил, что долговременный заказ на подготовку специалистов до 1995 г. уже оформлен в виде договора Главархива СССР с Минвузом РСФСР. 3% заявок архивных учреждений предусматривают обеспечение жильем (квартирой или комнатой), 75% — общежитием, остальные — вообще без жилья. Так что жилищный вопрос остается большим местом в деле закрепления специалистов на местах. *В. А. Ильичева* (Главархив СССР) нашла целесообразным открытие техникума для обучения архивистов средней квалификации, но настаивала на том, что в архивах есть возможности заниматься научной работой, причем не только в области публикации документов, но и в составлении научно-справочного аппарата, в комплектовании. МГИАИ мало прививает любовь к профессии. Из 50 молодых специалистов, распределенных в прошлом году в местные архивы, половина не приступила к работе. *Т. В. Дианова* (ГИМ) рассказала о проводившихся ею занятиях

с директорами музеев и главными хранителями, которые живут на местах и не нуждаются в жилье, по текучесть среди них наблюдается ежегодно. Видно, зарплата важна не меньше, чем жилье. Надо больше проводить практических занятий с учащимися, чтобы заинтересовать их будущей профессией; иначе средства на подготовку специалистов растрачиваются впустую. Мы в свое время считали за честь работать в ГИМ на любых условиях, но молодежь предъявляет иные требования. *Л. И. Панин* (Главархив СССР) привел высказывания директора Национальной библиотеки Конгресса США Д. Биллингтона о выделении на нужды этого учреждения 200 млн долларов ежегодно. Так удалось создать самое современное в мире хранилище документов. По сравнению с ними у нас вкладывают ничтожные средства. Почему АН СССР, богатая организация, располагающая большими техническими возможностями, ничего не может сделать для технического оснащения архивов, даже академических? Чего тогда стоят разговоры о сотрудничестве ученых с архивистами? По мнению *Л. И. Панина*, вся проблема доступа, о которой так много говорят, производная от ведомственной собственности на ГАФ СССР. На наших глазах произошло величайшее национальное бедствие — децентрализация архивного дела. Продолжением этого является предложенная реорганизация, которая ничего не даст для сокращения государственного аппарата (несколько сот человек из 18 млн), но приведет к разрушению всей архивной системы. Кадры публикаторов мы уже теряем; теперь, если осуществится реорганизация управления, можем утратить и структуру.

В заключительном слове *С. О. Шмидт*, отметив особую заинтересованность в проблематике докладов присутствующих сотрудников Главархива и МГИАИ, предложил наметить план совместных заседаний по более узкому кругу вопросов. На осень 1988 г. назначено заседание АК и архивоведческих кафедр МГИАИ для обсуждения вопросов о большем вовлечении молодежи в сферу научной работы в области архивоведения, археографии, истории архивного дела и плана совместных работ АК и МГИАИ. Очевидно, широко должен быть обсужден текст готовящейся книги «Очерк истории архивного дела в СССР».

В 1984 и 1986 гг. проводились совместные заседания Бюро Отделения истории АН СССР и Коллегии Главархива СССР с докладами начальника Главархива и председателя АК². Практику совместных заседаний или даже конференции сотрудников учреждений АН СССР и Государственной архивной службы следует продолжать, расширяя круг участников. Полезно было бы запланировать совещания, посвященные вопросам научно-справочного аппарата (и возможностям более активного участия в такой работе ученых) и (с участием, конечно, не только москвичей) организации краеведческой работы.

Л. И. Шохин

² СА. 1984. № 2. С. 90–92; 1987 г. № 2. С. 108–109; ИСССР. 1984. № 3. С. 109; ВИ. 1984. № 3. С. 109; 1987. № 2. С. 128.

II. ОБЗОРЫ, ОПИСАНИЯ, БИБЛИОГРАФИЯ

Л. И. Шохин

К ИСТОРИИ ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ МОСКОВСКОГО АРХИВА МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

В литературе высказано мнение, что издания документов МАМЮ носят отрывочный характер и в целом археографическая работа слабее описательной. Больше ценных источников было опубликовано совместными усилиями архива и научно-исследовательских учреждений — Академии наук, Археографической комиссии и т. д.¹ В последнее время предпринимаются усилия по-новому изучить археографическую деятельность архива на основе расширения традиционного круга источников, привлечения материалов, отложившихся в архивном делопроизводстве². Однако в этом направлении предстоит еще много сделать.

Роль архивистов в подготовке публикаций освещена недостаточно. Разноречивы суждения участников и современников крупных изданий — «Актов Московского государства» (далее: АМГ), «Сборника Грамот Коллегии экономии»³. В. Н. Сторожев настаивал на продолжении выработанного в архиве при Н. В. Калачове и Н. А. Понове научно-издательского направления, которое резко критиковал Д. Я. Самоквасов, а А. С. Лаппо-Данилевский и Д. В. Цветаев разрабатывали обширные планы повой постановки изданий архивных документов⁴. Необходимо проанализировать конкретный материал о проводившейся и намечавшейся в МАМЮ публикаторской работе на протяжении всего существования архива с 1850-х годов, чтобы зримо представить накопление подобного опыта, оценить достигнутые результаты, показать вклад в науку отдельных архивистов.

Начальный период истории архива отмечен большим изданием, выполненным по фондам МАМЮ и МГАМИД, — «Дворцовые разряды» (СПб., 1850—1854. Т. 1—4). Как сообщал министру юстиции первый директор МАМЮ П. И. Иванов, многие сотрудники осуществляли передачу текста документов «и, переписав, отправлялись по очереди к [В. М.] Ундольскому, который занимался с ними проверкою, расстанов-

¹ *Маяковский И. Л.* Историко-археографический обзор фондов главнейших русских архивов. Пг., 1922. С. 35—36. Стеклограф. Вместе с тем заслуги МАМЮ в области публикации документов оцениваются довольно высоко. См.: *Корнева И. И., Тальман Е. М., Эпштейн Д. М.* История археологии в дореволюционной России: Учебное пособие. М., 1969. С. 150—151, 198—200, 202—207.

² *Самошенко В. Н.* Публикационная деятельность исторических архивов дореволюционной России // Современные вопросы историографии советской археологии. М., 1986. С. 115—118.

³ АМГ. СПб., 1890—1901. Т. 1—3; Сборник ГКЭ. Пг., 1922. Т. 1.

⁴ *Сторожев В. Н.* К вопросу о современном состоянии науки истории русского права // Сборник правоведения и общественных знаний. СПб., 1894. Т. 3. С. 51—52; *Самоквасов Д. Я.* Архивное дело в России. М., 1902. Кн. 1. С. 72—92; План издания архивных документов XVI—XVIII вв., разработанный адъюнктом А. С. Лаппо-Данилевским 25 октября 1900 г. СПб., 1900. 12 с.; *Цветаев Д. В.* Новые издания МАМЮ // РИЖ. 1917. Кн. 1/2. С. 151—161.

кою интерпункции и вообще окончательным изготовлением к печати»⁵. Время от времени Ундольский вел археографическое оформление для различных изданий присылавшихся ему из Петербурга актов, восстанавливая трудночитаемые места и испорченные писцами польские и латинские слова. А. Н. Попов просил его навести справку об архивных документах, касающихся восстания С. Разина⁶. Услугами Иванова в выявлении документов для издания пользовался Калачов, работавший в Археографической комиссии. Приступив к «обширному труду об укрainaх и засеках России XVII в.», он хотел использовать найденные Ивановым засечные книги по Рязанскому и другим уездам⁷.

Составляя научно-справочный аппарат к различным фондам, архивисты одновременно пачekali ценные исторические источники для публикации. Боярские книги, по мнению Иванова, публиковать полностью «представляет разные неудобства и по причине их обширности требует больших трудов и много времени». Ограничились изданием «Алфавитного указателя фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах» (М., 1853)⁸. При разборе более 16 тыс. грамот Коллегии экономии (далее — ГКЭ) отобрали древнейшие документы, в том числе духовную грамоту Олега Рязанского 1380 г., и направили в Археографическую комиссию, которая напечатала многие из них в ЛЮ⁹. В подробной описи ГКЭ делали отметки об «историко-юридических замечательностях» некоторых актов, из которых затем составили сборник (неизданный, предполагаемый состав 533 ГКЭ)¹⁰.

Сохранившиеся старые описи ГКЭ показывают, что «примечательными» считались документы по истории права (не только по судопроизводству, но и по таким проблемам, как соотношение законодательства удельных княжеств и Великого княжества Московского, крестьянская собственность на землю, массовая раздача монастырских, дворцовых и черных земель частным владельцам в начале царствования Романовых), истории церкви, налогообложения и делопроизводства, межевания (в том числе составления писцовых книг и чертежей), по государственному управлению (упоминания о недошедших до позднейшего времени царских указах и старинных писцовых книгах, сведения о Челобитном приказе, Нижегородской четверти и т. д., о функциях губных голов, городских „прикащиков“); отмечалось, что в некоторых грамотах отражены пожалования за службу в Смутное время, имелись сведения о внешних сношениях России с татарами, турками¹¹.

Представляют интерес планы Иванова по изданию писцовых книг (переальному в полном объеме — их насчитывалось до 280 тыс листов), разработанные им в двух сокращенных вариантах: по одному городу с уездом (Москва) в качестве примера, «начиная с древнейшей и оканчивая позднейшей описью», или «по одной более замечательной книге каждого вида писцовых книг, всех описаний городов, заключающихся в сих книгах» (выбраны книги по Казани 1566/7 г., Можайску 1596—1598 гг., Твери 1685 г. «как особо значительных своею подробностью, а описа-

⁵ ОР ГБЛ. Ф. 704 (В. М. Ундольский). К. 11. Д. 2. Л. 36 об.—37; см. письма И. Д. Беляева Д. Н. Блудову о разработке фонда Разрядного приказа: Переписка И. Д. Беляева с учеными и литераторами // ЧОИДР. 1882. Кн. 1. С. 30—31.

⁶ ЦГАДА. Ф. 337 (Канцелярия МАМЮ). Оп. 1. Д. 6687. Л. 13—14 об.; Д. 6688. Л. 13 (ведомости архива за июль—август 1855 г.); ОР ГБЛ. Ф. 704. К. 27. Д. 52. Л. 22; Попов А. Н. Материалы к истории возмущения Стеньки Разина. СПб., 1857.

⁷ ОР ГБЛ. Ф. 18 (Коллекция Н. П. Барсукова). К. 5. Д. 71. Л. 1 (письмо Калачова Иванову 6 ноября 1864 г.).

⁸ ЦГАДА. Ф. 336 (Канцелярия П. И. Иванова). Оп. 1. Д. 263. Л. 43 (приказ Иванова по архиву 1852 г.).

⁹ Там же. Д. 372. Л. 2—3 (рапорт Иванова в Министерство юстиции).

¹⁰ ОР ГБЛ. Ф. 18. К. 5. Д. 60. Л. 1 (отчет Иванова 1864 г.). В делопроизводстве МАМЮ отложилось описание одного из выделенных документов — ГКЭ № 9078/354 (ЦГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Д. 8657. Л. 1—2). А. А. Федотов-Чеховской опубликовал эту правую грамоту. См.: Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России. Киев, 1860. Т. 1. № 94. С. 263—287.

¹¹ ЦГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Д. 8459—8464.

ние гор. Казани и своею древностью»). Другой возможный путь — «издать описание хотя бы одного города по разным писцовым книгам с теми любопытными подробностями, какие встречаются в книгах этого рода»; сопоставить данные писцовых, межевых, дозорных, приправочных книг. Иванов заметил, что из примерно 400 имевшихся в МАМЮ таких книг лишь в десятой части содержалось подробное описание городов с крепостными строениями, ратными людьми, улицами, монастырями, церквами, оброчными статьями и доходами с города. По его мнению, научное значение всех книг определяется также «древним языком и тогдашними оборотами». Впоследствии для 3-го тома «Описания документов и бумаг, хранящихся в МАМЮ» (далее: ОДнБ) подготовили к печати извлечения из писцовых книг и ГКЭ XIV—XV вв., но Калачов несколько изменил план издания¹².

Сменив Иванова на посту руководителя архива, Калачов организовал массовый прием фондов губернских палат уголовного и гражданского суда и уездных судов, упраздненных реформой 1864 г. Вместе с материалами XVIII—XIX вв. поступило немало более древних документов. При описании писцовых книг, присланных из Новгорода, обнаружили список с писцовой книги Деревской пятины 1581/2 г., сравненной с древней книгой 1495 г., изданной Археографической комиссией. Калачов выделял также важные для истории крепостного права кабальные и рядные книги записям на вольных людей и крестьян с 1588 по 1699 г., «представляющие многие дополнения к таковой же книге, напечатанной во 2-м томе „Архива историко-юридических сведений“», записные книги крепостям и пошлинам 1699—1737 гг., списки с книг селидебных зарубежным выходцам второй половины XVII в., списки с книг даточных, верстных (десятни), сказки о поместьях и окладах, о купленных людях для отдачи в рекруты¹³.

Калачов опирался на старых сотрудников архива, начальников отделений МАМЮ — Разрядно-сенатского (И. Н. Николаев) и Поместно-вотчинного (В. И. Холмогоров). В письме Калачова Николаеву от 16 февраля 1876 г. содержатся небезынтересные подробности относительно издания о чертах и засеках. Калачов хотел проводить выявление по обоим отделениям, «особенно начиная с казанских дел и вообще с документов, касающихся Поволжского края». Он собирался основать журнал, «в котором должны найти место многие документы архива». Желая опубликовать данные не только об укрепленных линиях, но и о населении, переводимом туда из внутренних уездов, Калачов просил просмотреть не одни строевые и писцовые книги, «но и разные другие документы; грамоты сотенные, отдельные, отводные и множество других, где есть какие-либо указания на пужные мне сведения»¹⁴. Небольшая часть перечисленного опубликована Калачовым в незавершенном издании «Писцовые книги Московского государства» (СПб., 1872—1879. Т. 1. Ч. 1—2).

Николаев, долгое время занимавшийся в основном копированием документов и выдачей справок, одновременно приобрел необходимые навыки подготовки публикаций, а также разносторонние знания состава и содержания документов. В свободное от прямых служебных обязанностей время он начал обрабатывать для издания десяти¹⁵. Вторым направлением научной деятельности его и других архивистов стало выявление материалов по эпохе Петра I, особенно по истории Сената, начатое по заказу созданного в 1859 г. «Журнала Министерства юстиции», чтобы дополнить ПСЗ и частные издания И. И. Голикова и др. При участии правителя канцелярии МАМЮ П. П. Скопина Калачов начал готовить к

¹² Там же. Д. 160. Л. 9—10; Д. 8321. Л. 1, 14 (рапорты Иванова в Министерство юстиции); Д. 408. Л. 8 об. (отчет архива 1873 г.).

¹³ Там же. Д. 301. Л. 2—4 (ведомость за январскую треть 1866 г.).

¹⁴ Там же. Д. 9789. Л. 152—153.

¹⁵ Там же. Д. 6662. Л. 2 (рапорт Калачова 1874 г.); см. материалы по десятиям, собранные Николаевым: Там же. Д. 6291; Д. 334. Л. 20—21 (рапорт Николаева Калачову о проделанном).

200-летию со дня рождения Петра I сборник «Царствование императора Петра Великого по документам МАМЮ», для которого выбирали акты, подписанные или правленные Петром I, а также «служащие к пояснению его царствования», относящиеся к кораблестроению, рекрутским наборам, заготовке боеприпасов, устройству аптек и госпиталей, строительству Петербурга, народному образованию, миссии А. П. Волынского в Персию¹⁶.

Это начинание воплотилось в виде совместного с Академией наук издания «Докладов и приговоров Сената», после смерти Калачова продолженного под руководством Н. Ф. Дубровина, по поручению РИО ранее печатавшего «Протоколы и приговоры Верховного тайного совета (1726—1730 гг.)», являвшиеся как бы продолжением приговоров петровского Сената. Новый управляющий МАМЮ Н. А. Попов одобрил передачу издания Дубровину, ввиду того что подготовительные работы были уже почти закончены Николаевым (предстояло только довыявление). Николаев, изъявив готовность продолжать участвовать в издании, сообщил Дубровину об обнаружении в архиве докладов и протоколов, не включенных в общие переплетенные книги Сената, из которых им прежде делались выписки. Довыявление прервано смертью Николаева в конце 1888 г. Для продолжения работы Попов рекомендовал Академии наук своих учеников по Московскому университету, поступивших на службу в архив: А. А. Гоздаво-Голомбиевского и И. И. Шимко¹⁷.

Неисчерпаемые документальные богатства МАМЮ, с одной стороны, и неудовлетворительное состояние НСА — с другой, потребовали от архивистов и исследователей большого опыта для успешного поиска нужных материалов. Анализ выданных архивом справок показывает, что документ, не найденный в одном отделении, почти всегда может быть заменен документом другого отделения¹⁸. В равной мере это относится и к выявлению документов для публикации по различной тематике, в частности по истории дворянского рода или города с уездом. Н. П. Лихачев отмечал, что архивисты в состоянии издавать целые родословные картины из фрагментов поместно-вотчинного делопроизводства, перекликающихся с межевой документацией, также подведомственной Министерству юстиции и находившейся в Москве: «В МАМЮ хранятся книги первых трех ревизий, в Межевом архиве — документы генерального размежевания при Екатерине II. Вот материалы, по которым можно довольно точно определить земельные владения рода в тот или иной период времени»¹⁹.

В. И. Холмогоров приобрел известные археографические навыки благодаря тому, что помогал изданию научных трудов, например приложений к диссертации Д. И. Багалая «Степная окраина Русского государства»²⁰. Опытный архивист стал выступать в качестве публикатора. После его смерти в докладе Г. Н. Шмелева «О работах В. И. Холмогорова» справедливо говорилось, что изданные Холмогоровым «Исторические материалы о церквях и селах Московской епархии» (М., 1881—1901. Вып. 1—10) имеют не меньшее значение для истории землевладения, чем материалы по истории церкви в узком смысле, показывают мобилизацию

¹⁶ Там же. Д. 1102. Л. 54, 60 (рапорты Калачова в Министерство); Д. 6337—6339 (подготовительные материалы).

¹⁷ ОР ГБЛ. Ф. 239 (Н. А. Попов). К. 6. Д. 25а. Л. 1—1 об. (письмо К. С. Веселовского 8 января 1886 г.); К. 8. Д. 29. Л. 7 (письмо Дубровина); ОР ГПБ. Ф. 124 (Коллекция П. Л. Вакселя). № 3451. Л. 9 (письмо Попова Веселовскому 25 января 1886 г.); ЛО ААН. Ф. 2 (Канцелярия конференции Академии наук). Оп. 1. 1870 г. Д. 8. Л. 101 (дело об издании «Докладов и приговоров Сената» и АМГ).

¹⁸ *Шереметевский В. В.* История Московских сенатских архивов и Архива Министерства юстиции с 1843 по 1888 год // ОДИБ. М., 1890. Т. 7. С. 193.

¹⁹ *Лихачев Н. П.* Новое родословие князей Голицыных // Библиограф. 1893. Вып. 1. С. 80—81; ОР ГБЛ. Ф. 351 (А. И. Юшков). К. 1. Д. 29, 30 (о подготовке А. И. Юшковым издания «Материалы для истории рода дворян Савеловых» (М., 1894—1896. Т. 1—2)).

²⁰ ОР ГБЛ. Ф. 239. К. 4. Д. 31. Л. 5 об. (письмо Багалая Попову).

земельной собственности²¹. В рецензии на 1-й выпуск «Русская десяти-на» Н. Н. Оглоблин также признал, что из поместно-вотчинных дел взято издателем почти все, что относится к данному вопросу, но не использованы документы Разряда, где тоже много материалов по Рузе, недостаточно привлечены ранее опубликованные источники. Высказывались серьезные замечания по подготовке издания, отдельные части которого несоразмерны по цельности и законченности; вследствие слабой систематизации и некритического печатания текста источников встречаются повторения одних и тех же сведений, а нередко и противоречия, когда воспроизводится неточность источника; не выяснено, какие из сел сохранились до XIX в.²²

Холмогоров учел критику Оглоблина и впоследствии сам писал о происхождении ошибок и неточностей определения старых погостов к ныне существующим в «Материалах для статистического и исторического описания церквей и монастырей Тверской епархии» В. П. Успенского (Тверь, 1884) из-за ограничения круга источников одними писцовыми и переписными книгами. В «Материалах для истории, археологии и статистики церквей гор. Ржевы и его уезда» Холмогоров использовал документы не только Поместно-вотчинного отделения МАМЮ, но и патриарших приказов, в приложении поместил список воевод XVII в.²³

Задача комплексного использования архивных фондов не всегда ставилась и университетскими учеными. Об этом свидетельствует отказ Оглоблина дать в МОИДР положительный отзыв на книгу Ю. В. Готье «Замосковский край в XVII в. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси» (М., 1906), поскольку, будучи уволен из МАМЮ, Оглоблин был лишен доступа к документам и не мог проверить рецензируемую работу. Оглоблин пояснил С. А. Белокурову, что, по его мнению, Готье «удивительно нелепо» выбрал материал: «Он устроил себе там маленький загончик и топчется в нем, как шустрый жеребенок. Он игнорирует все, что находится за пределами его загончика, а именно там-то и „зарыта собака“... Был бы совсем иной разговор, если бы он скромно взял тему „Писцовые и переписные книги как материал для изучения экономического быта Московской Руси“». Это было бы дело!»²⁴.

По инициативе Калачова в МАМЮ собирались предпринять издание, требующее сложнейших и кропотливых архивных разысканий, — «Доклады и приговоры Боярской думы и приказов», на основе чего появилось академическое издание АМГ²⁵. Основную работу по составлению первых двух томов проделал А. А. Востоков²⁶. Сведения о подготовке АМГ содержатся в переписке Попова с Востоковым и непременно секретарем Академии наук К. С. Веселовским. По мнению Попова, публикация должна была явиться «не только археографической, но и историко-критической (иначе издание не будет ни на что годиться)». В ноябре 1886 г. он представил в Академию записку о плане работы, предложил разрабатывать столбцы каждого стола Разрядного приказа самостоятельно, дела отдельно взятого стола систематизировать по рубрикам в соот-

²¹ ЦГИА г. Москвы. Ф. 454 (Московское археологическое общество). Оп. 2. Д. 264. Л. 1 об.

²² ЦГИА СССР. Ф. 950 (Н. В. Калачов). Оп. 1. Д. 298. Л. 1–10.

²³ ГАКО. Ф. 403 (Тверская губернская ученая архивная комиссия, далее: ГУАК). Оп. 1. Д. 676. Л. 6–8 (письма В. И. Холмогорова А. К. Жизневскому 1892 и 1896 г.).

²⁴ ОР ГБЛ. Ф. 203 (МОИДР). Кн. 38. Л. 127 (письмо Оглоблина В. Г. Глазову 21 декабря 1906 г.); ЦГАДА. Ф. 184 (С. А. Белокуров). Оп. 1. Д. 708. Л. 96–96 об. (письмо Оглоблина).

²⁵ См. подробнее: *Шохин Л. И.* Об одном археографическом замысле Н. В. Калачова: (Подготовка издания «Приговоров и актов Боярской думы и приказов») // АЕ за 1985 год. М., 1986. С. 100–106; одновременно готовилась публикация документов к 200-летию со дня рождения В. Н. Татищева. См.: *Каменский А. Б., Шохин Л. И.* Об участии Н. А. Попова в подготовке издания сочинений В. Н. Татищева // АЕ за 1986 год. М., 1987. С. 185–190.

²⁶ *Оглоблин П. И.* Памяти А. А. Востокова // ЧОИДР. 1892. Кн. 2. С. 3. Впрочем, выбор Калачова пал на Востокова не сразу. Сначала он рассчитывал обойтись содействием Николаева и Холмогорова. См.: ЦГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Д. 9789. Л. 111–112, 117–118, 121, 123–126, 133 (письма Калачова Николаеву 1883–1885 гг.).

ветствии с содержанием: о церкви, законодательстве, внутреннем управлении, финансах и т. п.²⁷

В ответ на замечание о сложности распределения документов по приятным рубрикам (к числу которых прибавились разделы о международных отношениях, военном управлении, придворной жизни и т. д.), могущей затруднить использование АМГ, так как, с точки зрения Академии наук, всякая классификация, кроме хронологической, «уже дело позднейшего исследователя», Попов согласился в «Дополнительной записке», что желательно оставить хронологическое размещение дел по столам Разряда, начиная издание АМГ с Московского стола, хотя распределение актов в хронологическом порядке по рубрикам представляется «более научным способом издания», затруднительность которого происходит из-за того, что документы разностороннего содержания можно отнести к двум различным рубрикам²⁸. На подготовку 1-го тома Попов отводил около двух лет, замечая, что следующие тома могут выйти скорее, но все издание потребует много времени. Пределом 1-го тома намечалось Уложение 1649 г.— рубеж, с которого начиналось 1-е издание ПСЗ. Попов отвел высказанное А. Ф. Бычковым опасение, что АМГ могут составить конкуренцию Археографической комиссии: «Если бы 10 таких комиссий принялись за издание документов, относящихся ко времени до Петра и хранящихся в МАМЮ, то и тогда бы его рукописные сокровища не были исчерпаны ранее нескольких десятилетий,— писал он.— Архив будет рад, если Археографическая комиссия поможет ему»²⁹.

В сентябре 1887 г. Востоков докладывал об окончании копирования 1-й книги Московского стола, хотя значительная ее часть ранее напечатана в приложении к монографии И. Д. Беляева «О сторожевой, станичной и полевой службе» (М., 1846), «но с такими пропусками, а главное с такими искажениями, что, кажется, грех было бы не воспользоваться случаем, чтобы опубликовать полный и верный текст этой книги». Затем Востоков приступил к просмотру «разрядных вязок» в поисках документов конца XVI — начала XVII в., но ничего пригодного для АМГ не обнаружил и вернулся к столбцам Московского стола³⁰. В издание должны были войти источники с конца XVI в. (выяснилось, что более древние не сохранились) до середины XVII в., но за 1630-е годы оказалось неожиданно много документов: «Для Смутной эпохи материалы будут небогаты, ибо в Москве для этого времени не сохранилось почти документов, и даже Археографическая комиссия, издавая „Исторические акты“ и „Дополнения“ к ним, взяла материалы для Смутного времени из провинциальных архивов, затем — шведских и польских. Из Москвы же за это время все было растащено или погибло позже. Зато время Михаила Федоровича дает богатый материал для 1 т. „АМГ“»³¹. Впоследствии при подготовке Л. М. Сухотиным издания «Смутное время Московского государства» использовались некоторые указания АМГ, а именно ссылка на частично опубликованный 6-й столбец Московского стола, в котором нашлось «много интересного о службах в Смутное время». Вместе с тем Сухотин обратил внимание на 1066-й столбец, содержащий боярский список 1611 г. в более полном виде по сравнению с копией в «портфелях Миллера». Составители АМГ, просматривая только первые сотни столбцов, не дошли до него³².

Попов предложил ограничить 1-й том не 1649, а 1634 г., когда был заключен Поляновский договор с Польшей и умер патриарх Филарет. Условное разделение по эпохам способствовало бы скорейшему выходу

²⁷ ОР ГПБ. Ф. 124. № 3451. Л. 11 (письмо Попова Веселовскому 25 января 1886 г.).

²⁸ ЛО ААН. Ф. 2. Оп. 1. 1870 г. Д. 8. Л. 119—128 об.; ОР ГБЛ. Ф. 239. К. 6. Д. 25а. Л. 7 (письмо Веселовского 16 января 1887 г.).

²⁹ ОР ГПБ. Ф. 124. № 3451. Л. 23 (письмо Попова Веселовскому).

³⁰ ОР ГБЛ. Ф. 239. К. 6. Д. 42. Л. 4—5 (письмо Востокова 1887 г.).

³¹ ЛО ААН. Ф. 2. Оп. 1. 1870 г. Д. 8. Л. 151 об. (письмо Попова Веселовскому 6 ноября 1887 г.).

³² ЦГАДА. Ф. 184. Оп. 1. Д. 930. Л. 40—40 об. (письмо Сухотина Белокурову).

АМГ: «Если принять эту грань, хотя по существу своему и не особенно резкую, то 1 том с предисловием и указателями достигнет 40 п. л., — указывал Попов; его можно передать в типографию уже в апреле 1889 г., а для 2-го тома оставить период 1634—1649 гг. и «неизбежные дополнения, коих будет немало» в результате довыявления; так как содержание «разрядных вязок» было известно лишь приблизительно, их разбор собирались завершить в 1890—1891 гг.: «Вот в этих-то вязках вне всякого хронологического порядка и отыскиваются время от времени новые документы, извлечения из которых предстоит поместить уже во 2 т.», — писал Попов³³.

Формируя 1-й том, Востоков столкнулся с тем, что за каждый год сохранились документы в нескольких столбцах и книгах Московского стола, «притом так, что в одном столбце находятся, например, отписки от начала до конца года, в другом — челобитные, в третьем — грамоты и т. д.»³⁴. При отборе столбцов руководствовались не описями, составленными в МАМЮ, а главным образом надписями на столбцах, современными самим документам: «вестовые», «о всяких делах», «полковые» «посольских отпусков». Преимущественное внимание уделялось документам по военно-политической истории, остальные — как приложение. Веселовский упоминал в докладе Академии, что по надписям XVII в. «нетрудно было определить, какие из столбцов должны были дать наиболее материала для настоящего тома»³⁵.

Предисловие для 1-го тома АМГ Попов писал совместно с Востоковым, которого просил объяснить читателям принципы отбора документов для издания с краткой характеристикой столбцов Московского стола. Попов собирался лично написать обзор содержания всего тома. Востоков указывал, что лучше бы распределить документы по «столам» с определенным кругом дел под заведованием старых подъячих внутри Московского стола, но за недостатком материала так разделить столбцы трудно, легче составить группы по названным надписям, сделанным подъячими. «Вестовые» столбцы, из коих очень много вошло в «Акты», состоят из воеводских отписок о вестях и расспросных речей выходцев, замечал Востоков; они освещают отношения России с соседними странами и понятие о политическом состоянии их, поэтому они в изобилии помещены в АМГ в отличие от «полковых» столбцов, состоящих из одних списков служилых людей. На вопрос Попова о причине пропуска «вестовых и расспросных речей» за время с мая по сентябрь 1633 г. Востоков ответил, что, видимо, они не сохранились. «Я, само собой разумеется, никоим бы образом не пропустил их»; искать же эти документы, касающиеся смоленской осады, в других столах, кроме Московского, Востоков считал бесполезным, полагая, что в них могут встретиться только дубликаты грамот и указов, уже опубликованных, или частные распоряжения Разряда³⁶.

После смерти Попова и ухода Веселовского с должности постоянного секретаря Академии наук заведование изданием АМГ перешло к Дубровину и Самоквасову. Болезнь и смерть Востокова заставили обновить контингент исполнителей: в сентябре 1891 г. Сторожев писал Юшкову (составлявшему указатели для 1, 2-го томов АМГ), что получил листы 2-го тома и засел за их просмотр и группировку, выправил некоторые заголовки документов. Одновременно он подбирал материалы для 3-го тома АМГ³⁷. В конце 1893 г. начали делать еще и 4-й том по документам Поместного приказа. Занятия распределялись следующим образом: по Разряду для 3-го тома выявляли материал Н. Н. Ардашев, В. В. Шереметевский, С. П. Соколов, К. П. Сахаров, И. С. Беляев, по

³³ ОР ГПБ. Ф. 124. № 3451. Л. 25—26 (письмо Веселовскому 1889 г.).

³⁴ ОР ГБЛ. Ф. 239. К. 6. Д. 42. Л. 7—7 об. (письмо 1887 г.).

³⁵ ЛО ААН. Ф. 2. Оп. 1. 1870 г. Д. 8. Л. 73—74.

³⁶ ОР ГБЛ. Ф. 239. К. 6. Д. 42. Л. 13—14, 17—20 (письма Востокова 1889 г.); *Оглоблин Н. Н.* Три письма Н. А. Попова к А. А. Востокову // ЧОИДР. 1892. Кн. 2. С. 18, 20 (приложение к некрологу Востокова, написанному Оглоблиным).

³⁷ ОР ГБЛ. Ф. 351. К. 1. Д. 34. Л. 1 об.; Ф. 239. К. 19. Д. 21. Л. 3.

Поместному приказу — В. П. Сторожев, А. И. Юшков, С. А. Шумаков, А. Д. Кутырин. Увеличение количества работников, вероятно, вызвано тем, что по распоряжению Самоквасова АМГ как частное издание должны были делать в неприсутственное время. В 1893—1894 гг. выбрали из столбцов Разрядного и Поместного приказов материал на 80 п. л., по в 1894 г. Академия из-за денежных затруднений прекратила издание, возобновленное по 3-му тому в конце 1895 г. Издатель этого тома А. А. Голумбиевский писал Ардашеву (оставившему архивную службу в период 1895—1902 гг.): «После долгого параличного состояния дело издания „Акт“ стало двигаться понемногу вперед. Комиссию под моим председательством составили И. И. [Шимко] и Вл. Ел. [Шереметевский]... решили мы покончить IV т. [правильно V.—Л. III.] с Московским столом и, по-видимому, это удастся... Нечего и говорить, что том будет много лучше двух предыдущих»³⁸. В 1896—1897 гг. подготовили 35 п. л. документов Разряда для 5-го тома АМГ, но в 1898 г. издание прервалось окончательно³⁹.

Сторожев, активный участник заключительного этапа работы над АМГ, известен публикацией Указной книги Поместного приказа в 6-м томе ОДиБ (М., 1889) и отдельным изданием, а также составлением описи и частичным изданием десятен. Ученые сразу же высоко оценили его заслуги. А. Ф. Бычков писал Попову, что с особым интересом ознакомился в 6-м томе ОДиБ с «почтенным трудом» Сторожева, «в котором с большим искусством сгруппированы богатые данные, касающиеся поземельного владения в Московском государстве»⁴⁰. А. С. Лаппо-Данилевский сообщал П. Н. Милюкову, что опубликованные Сторожевым указы 19 марта и 10 ноября 1630 г., 8 и 21 января 1631 г. он ранее обнаружил «на основании утомительных наблюдений по самим писцовым книгам», но издание Сторожева опередило его⁴¹. Образцовым примером архивных публикаций назвал А. Н. Труворов участие Сторожева в трудах ГУАК⁴². Однако Сторожев понимал, что в избранном им направлении предстоит сделать много больше, чем сделано: «Вы слишком преувеличиваете значение моих трудов: это все небольшие статьи, заметки, далекие еще от действительных трудов,— писал он Д. Ф. Масловскому.— В архиве Юстиции такая масса документов военного ведомства XVII в., что по ним можно с успехом восстановить картину военной организации XVII в. и узнать ее так, как знают современную (засечные книги, десяти, раздаточные книги жалованья, строельные книги, списки служилых, смотренные книги, росписные списки и др.). Но для этого нужен десяток и более усердных и знающих свое дело работников»⁴³. Начиная подготовку к публикации в ОДиБ десятен 1610-х годов, Сторожев уведомил Попова, что потребуются «масса времени и очень сложная работа ввиду сопоставления с писцовыми книгами». Указная книга Поместного приказа открыла серию публикаций «Историко-юридических материалов МАМЮ» (М., 1889. Вып. 1). 2-й выпуск собирались заполнить разборными десятинами 1622 г.⁴⁴ Тем временем обстоятельства складывались неблагоприятно для осуществления намерений Сторожева.

Весной 1894 г. он с беспокойством спрашивал Масловского, правда ли,

³⁸ ЦГИА СССР. Ф. 889 (Ардашевы). Оп. 1. Д. 61. Л. 9—9 об.; см. докладную записку Ардашева Самоквасову о работе над 3-м томом АМГ в 1894 г.: ЦГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Д. 9540. Л. 1—1 об.

³⁹ Самоквасов Д. Я. Архивное дело в России. Кн. 1. С. 77; ЦГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Д. 630. Л. 10 (приказ по архиву 20 ноября 1892 г.); Д. 636. Л. 2 об., 31, 52—53 (из переписки МАМЮ с Академией наук); Д. 10036 (подготовительные материалы к 5-му тому АМГ).

⁴⁰ ЦГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Д. 589. Л. 45—45 об.; ОР ГПБ. Ф. 120. (А. Ф. Бычков). № 257. Л. 1—1 об.

⁴¹ ЦГАОР СССР. Ф. 579 (П. Н. Милюков). Оп. 1. Д. 4858. Л. 15.

⁴² Труворов А. Н. Отчет о деятельности губернских ученых архивных комиссий в 1890 г. // РА. 1891. № 12. С. 601—602.

⁴³ ОР ГБЛ. Ф. 563 (Д. Ф. Масловский). К. 2. Д. 31. Л. 1.

⁴⁴ Там же. Ф. 239. К. 19. Д. 21. Л. 1 об.; Сторожев В. Н. Памяти Н. А. Попова // Тверское дворянство в XVII в. Тверь, 1895. С. 24.

что Академия решила прекратить работу над АМГ, хотя им уже сданы для 4-го тома 40 п. л. «Актов Поместного приказа». «Материал подобран превосходный. Жаль только, что его нельзя закончить в одном томе, это будет какой-то отрывок... Я не знаю теперь, удобно ли было бы мне выступить с предложением Академии целого плана издания „Актов“... А, между тем, мне кажется, что как издатель актов я мог бы много принести пользы русской историографии. Ведь, только сидя в архиве, можно глубоко сознавать, как необходимо заняться пока именно извлечением на свет божий разного рода существенно необходимых актов для нашей военной, политической и бытовой истории»⁴⁵. По его настоянию, во 2-ю часть 4-го тома АМГ включили древнейшую писцовую книгу Вологодского уезда (Заозерья) 1627—1631 гг. В 1-ю часть вошли документы Псковского стола 1619—1631 гг. по Вологде (по этому городу они хорошо сохранились): докладные записки по спорным земельным делам и приговоры Боярской думы и Поместного приказа, которые впервые предстояло опубликовать «в таком своеобразном сочетании ценных самих по себе писцовых книг с данными текущего делопроизводства»⁴⁶.

Поскольку издание АМГ прекратилось, пришлось искать возможности опубликовать собранные документы в трудах ученых обществ. Председатель МОИДР В. О. Ключевский заявлял, что главная задача Общества — собирание источников. После разработки литературных памятников «очередь дошла до громадного материала, лежащего в наших государственных и частных архивах», ради чего он выражал заинтересованность привлечь побольше архивистов⁴⁷. Оглоблин просил, чтобы Сторожеву выделили место в «Чтениях» для найденных им актов Ипатьевского монастыря XVII в., соглашаясь уступить ему листаж за счет своей статьи. «Сторожев так плодovit, что его сотрудничеством нельзя не дорожить,— писал Оглоблин Белокурову.— Для дальнейшего печатания он уже наметил и подготавливает очень интересную писцовую книгу Вологодского уезда. Об актах Ипатьевского монастыря знает В. О. Ключевский и интересуется ими». В рекомендации Сторожева в члены Общества, подписанной Оглоблиным, Холмогоровым и Е. В. Барсовым, говорилось, что в его лице приобретают «очень полезного, талантливую и плодovitого сотрудника», специалиста по изданию документов XVII в.⁴⁸

С ГУАК Сторожев установил связи после VIII археологического съезда в Москве, когда Попов пригласил делегатов съезда посетить МАМЮ, чтобы познакомить их с архивистами. 20 февраля 1890 г. Сторожев направил подготовленные им для возможного опубликования документы сразу в две архивные комиссии—Рязанскую (девять засечных книг XVII в., издание которых «будет иметь значение не для одних только местных рязанских исследователей, так как ни одна засечная книга... не была издана») и Тверскую (описание Твери 1616 г., извлеченное из десятен). В октябре 1890 г. он послал в Тверь работу о ржевском и зубцовском дворянстве, написанную по плану, выработанному им после двухлетних занятий десятиями. В письме председателю Тверской ГУАК Жизневскому Сторожев обратил внимание и на другие документы МАМЮ: «Какой это богатый материал — столбцы Поместного приказа — и как много можно было бы по ним сделать» для изучения Тверского края⁴⁹.

Намереваясь разобрать древнейшие столбцы Поместного приказа 1627—1629 гг. по всем городам, Сторожев заметил, что из столбцов

⁴⁵ ОР ГБЛ. Ф. 563. К. 2. Д. 31. Л. 8—9.

⁴⁶ ЦГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Д. 630. Л. 12 об. (приказы по архиву 5 февраля и 15 марта 1894 г.); Д. 664. Л. 1 (докладная записка Сторожева Самоквасову 18 марта 1894 г.).

⁴⁷ ОР ГБЛ. Ф. 203. Кн. 28. Л. 5 об.; ЦГАДА. Ф. 184. Оп. 1. Д. 708. Л. 1.

⁴⁸ ЦГАДА. Ф. 184. Оп. 1. Д. 708. Л. 7—7 об.; ОР ГБЛ. Ф. 203. Кн. 29. Л. 39 об.; Сторожев В. Н. К истории сельскохозяйственного быта костромских Ипатьевского и Богоявленского монастырей. М., 1894.

⁴⁹ ГАРО. Ф. 869 (Рязанская ГУАК). Оп. 1. Ч. 1. Д. 9а. Л. 15; ГАКО. Ф. 403. Оп. 1. Д. 385. Л. 133; Д. 737. Л. 2, 8.

и десятиен одновременно с их описанием можно извлечь материал для дополнений к 1-му выпуску «Историко-юридических материалов МАМЮ», а отчасти для особого выпуска. Разработку столбцов он считал наиболее удобным производить поезде, сопоставляя содержащиеся в них данные с писцовыми книгами соответствующего периода, чтобы поставить и решить вопрос о степени правильности составления писцовых книг («писцовый материал становится вообще тем ценнее, чем за большее время он обнимает известную местность», — подчеркивал Сторожев)⁵⁰. Издание **рязанских писцовых книг** связывалось Сторожевым с «некоторыми мечтаниями на основании рязанских писцовых и некоторых других документов нашего архива», требующими очень сложной и довольно продолжительной работы — просмотра столбцов Поместного приказа по Рязани и Рязьску, в которых «всегда можно встретить точные копии с документов XVI в. ...Столбцы эти не что иное, как внутренняя история сложения писцовых книг Московского государства». Он интересовался также, не нашли ли в каких-либо архивохранилищах Рязанской губернии, особенно в монастырях, писцовых выписей и сотных грамот XVII в. Сторожев признавал, что метод изучения и издания писцовых книг требует дальнейшей разработки, а предложенный им «идеал» трудно осуществим — сопоставление со столбцами и десятнями с составлением карт и таблиц, сводящих материал писцовых книг, не подлежащих опубликованию целиком: «Такое издание нескоро будет предпринято»⁵¹.

Сторожев содействовал участию в трудах ГУАК и других сотрудников МАМЮ. Ставя Жизневского в известность, что работа Шумакова по ГКЭ «затеяна по моей мысли и о ней я уже думаю давно», Сторожев добавил: «...Вероятно, приду к нему на помощь и помимо Тверского мы, вероятно, обработаем все прочие уезды Тверской губернии... беда лишь в том, что ее [работу.— Л. Ш.] нельзя во всем объеме проделать, особенно одному и при здоровье Шумакова»⁵². Самоквасов воздвигал препятствия их изданиям, что вызывало возмущение Сторожева: «Да и как не стыдно архиву не содействовать таким симпатичным учреждениям, как архивные комиссии... Даже не верится, чтоб ученое учреждение могло выступить с преследованием археографических работ». Шумаков сетовал и на пренебрежительное отношение Академии наук, отказавшей Сторожеву в публикации его ценной работы по столбцам Поместного приказа, продержав ее семь лет. «А впрочем, на что же обижаться? — меланхолично заключал он. — Мы с Сторожевым ведь только кандидаты и вдобавок перодовитые и петитулованные»⁵³.

Шумаков в рукописи статьи «Столбцы Поместного приказа» поместил несколько абзацев о проделанной Сторожевым работе, затем вычеркнутых им из текста. Он напоминал, что первые научные труды Сторожева были очень хороши и заставляли многого ждать от него: но, «чем дальше от 1895 г. шли работы Сторожева, тем более они отставали от поставленных им же самому себе задач, равно как и от требований современной науки». Причина кроется в отсутствии своевременной поддержки, из-за чего публикация документов о Вологодском уезде никогда не увидела бы света, если бы не помогло «обычное бюрократическое средство воскрешения мертвецов, именно — протекция одного хорошего знакомого

⁵⁰ ЦГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Д. 9737. Л. 29–30 (докладная записка Сторожева Попову); Сторожев В. Н. К вопросу о современном состоянии науки истории русского права. С. 62.

⁵¹ Сторожев В. Н. Писцовые книги Рязанского края. Рязань, 1898. Т. 1, вып. 1. С. VII–X; ГАРО. Ф. 869. Оп. 1. Ч. 1. Д. 20а. Л. 59 об.; Оп. 3. Д. 106. Л. 21 об.

⁵² ГАКО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 737. Л. 13 об., 41; Шумаков С. А. [Рецензия] // Журнал Юридического общества при Санктпетербургском университете. 1896. № 7. С. 4–6. — Рец. на кн.: Сторожев В. Н. Тверское дворянство XVII в. Тверь, 1891–1895. Вып. 1–4; Сторожев В. Н. [Рецензия] // Русские ведомости. 1896. № 319. С. 3. — Рец. на кн.: Шумаков С. А. Тверские акты. Тверь, 1896. Вып. 1.

⁵³ ГАКО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 737. Л. 25 об., 28 об. (письмо Сторожева); ААН. Ф. 639 (М. А. Дьяконову). Оп. 1. Д. 1551–1561. Л. 12 (письмо Шумакова М. А. Дьяконову). Фонд в обработке.

г. Сторожева, как раз в конце 90-х годов попавшего в члены этого учреждения»⁵⁴. Однако даже при помощи академика Лаппо-Данилевского, «пробившего» издание, Сторожеву не удалось получить доступ в МАМЮ для окончательной доработки, и писцовые книги по Вологде выписали по его просьбе через МОИДР⁵⁵. В безуспешных поисках «пристанища» для новгородских десятич 1620-х годов (на 20—22 п. л.) Сторожев просил Масловского: «Нет ли какой-либо возможности один том Сборника военно-исторических материалов» посвятить десятичам и связанным с ними военно-историческим документам XVII в.? «Ведь если я не доиздам десятич, то пескоро еще найдется какое-либо лицо, которое бы принялось за эту работу. А между тем мои силы ослабели настолько, что я совершенно не могу работать с прежнею интенсивностью»⁵⁶.

Шумаков писал Дьяконову, что столбцы Поместного приказа, которые ему поручил описывать Самоквасов, очень интересны, но у него уже нет ни сил, ни желания начинать дело сначала в третий раз после Литовской метрики и ГКЭ. АМГ под конец превратились, по словам Шумакова, в «синекуру для холопей из Самоквасовской опричнины», а другим приходится довольствоваться случайными изданиями вроде его «Сотниц, грамот и записей» (М., 1902—1913. Вып. 1—7), куда Шумаков отбирал без определенного плана все попадавшиеся уникальные документы, а когда решил сосредоточиться на писцовых, было жаль бросить уже переписанное. Однако Шумаков считал это «пестрое» по составу издание ценным в научном отношении, собираясь включить в него все неопубликованные выписки из ГКЭ⁵⁷.

Таким образом, к концу управления Самоквасова (1892—1911 гг.) упорная концентрация всех сил архива на описании столбцов Разрядного приказа оттеснила публикацию документов на второй план. Тем не менее публикации МАМЮ соответствовали уровню исторической науки XIX — начала XX в. Передовые взгляды руководителей и научных сотрудников МАМЮ на задачи и способы документальных изданий, выбор ими источников для опубликования представляют несомненный интерес с точки зрения историографии архивного дела и археографии, позволяют по достоинству оценить сделанное ими, что навсегда вошло в научный оборот.

Архивные издания были разнообразны как по типам и форме, так и по содержанию. Преимущественно разрабатывались документы XVI—XVII вв., но уделяли внимание и более поздним материалам XVIII в. Инициатива отдельных сотрудников, хорошо знавших состав и содержание документов архива, стремившихся к полноте охвата источников по тому или иному вопросу, имела большое значение. Нередко их частные работы прокладывали путь крупным архивным предприятиям или являлись их завершением, способствовали научному описанию фондов. Некоторые издания МАМЮ, оставшиеся неоконченными, хотя бы частично увидели свет благодаря заинтересованности в них научной общественности. В конечном счете и такие частные издания поддерживали статус архива как научного учреждения, несмотря на то что не все руководители МАМЮ способствовали этому. Участвуя в трудах ГУАК, МАМЮ выступал как научно-методический центр по публикации документов своего профиля наряду со старейшими научными учреждениями страны — Академией наук и Археографической комиссией.

На рубеже дореволюционной и советской эпох научная жизнь в МАМЮ продолжала активно развиваться. К этому времени относится

⁵⁴ ЦГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Д. 8442. Л. 168 об.—169; Шумаков С. А. Столбцы Поместного приказа // ЖМНП. 1908. № 4. С. 330—376.

⁵⁵ Сторожев В. И. Материалы для истории делопроизводства Поместного приказа по Вологодскому уезду XVII в. СПб., 1906. Вып. 1; ЛО ААН. Ф. 113 (А. С. Лаппо-Данилевский). Оп. 3. Д. 357. Л. 1, 4, 6, 7, 11, 14, 16 (письма Сторожева); ОР ГБЛ. Ф. 203. Кн. 40. Л. 107—107 об. (письмо Сторожева Белокурову).

⁵⁶ ОР ГБЛ. Ф. 563. К. 2. Д. 31. Л. 10—11.

⁵⁷ ААН. Ф. 639. Оп. 1. Д. 1551—1561. Л. 9, 15, 18.

возникновение уникального по замыслу серийного документального издания «Сборник МАМЮ» (лишь частично вышедшего в свет). История и методика подготовки «Сборника МАМЮ» в 1910-е годы заслуживает специального изучения.

Л. М. Парова

К ИСТОРИИ КАВКАЗСКОЙ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ (по новым архивным материалам)

В археографии дореволюционной России значительное место занимает деятельность Кавказской археографической комиссии. За более чем полвека существования (1864—1917) комиссия издала 12 томов «Актов, собранных Кавказскою археографическою комиссиею» (далее: АКАК) (Тифлис, 1866—1904) в формате in folio, представляющих собой богатейшее собрание источников по истории Кавказа в основном конца XIV — первой половины XIX в. (в издание включены и документы за более ранний период — арабские хроники 922 г., фирманы и другие жалованные грамоты X—XIV вв.). Деятельность комиссии давно привлекает внимание исследователей, и некоторые ее вопросы нашли освещение в монографиях, учебных пособиях¹, в отдельных статьях². Однако картина истории создания и деятельности комиссии остается неполной. В определенной мере это объясняется разбросанностью материалов по различным фондам архивов Ленинграда и Тбилиси, традиционным обращением исследователей только к фонду комиссии как основному. Между тем и в ряде других архивных фондов содержатся ценные сведения по истории комиссии. Настоящий обзор посвящен истории Кавказской археографической комиссии по архивным материалам ЦГИА СССР, ЦГИА ГССР, ЛОИВ АН СССР, ИР АН ГССР, до сих пор не привлекавшимся исследователями.

В ЦГИА СССР имеется ф. 1268 Кавказского комитета — постоянного органа, руководившего гражданской деятельностью царской администрации на Кавказе в 1833—1882 гг. Особенно важны документы за 1863—1882 гг., касающиеся организации публикаторских работ Кавказской археографической комиссии. В ф. 1276 Совета министров Российской империи (действовал в 1905—1917 гг.) отложились документы за 1907—1913 гг., освещающие сложный, последний этап деятельности комиссии.

Фонды ЦГИА ГССР составляют две большие группы. Наиболее многочисленны фонды высших органов управления Кавказским и Закавказским краем. Фонд канцелярии начальника Главного управления глав-

¹ *Иконников В. С.* Опыт русской историографии. Киев, 1908. Т. 2. С. 601—602, 786; *Софинов П. Г.* Из истории русской дореволюционной археографии: Краткий очерк. М., 1957. С. 119—123; *Корнева И. И., Тальман Е. М., Эпштейн Д. М.* История археографии в дореволюционной России: Учеб. пособие. М., 1969. С. 146—148.

² *Полиевсков М. А.* Кавказская археографическая комиссия и ее наследие в Центральном архиве ССР Грузии // Исторический бюллетень. Тифлис, 1925. Кн. 2. С. 105—118; *Манджгаладзе Д.* Акты Кавказской археографической комиссии как исторический источник // Научно-информационный бюллетень ЦГИА ГССР. Тбилиси, 1972. № 21/22. С. 67—71; *Колосов Л. Н.* К вопросу о тенденциозности «Актов Кавказской археографической комиссии»: (К биографии известного кавказоведа А. П. Берже) // Вопросы истории исторической науки Северного Кавказа и Дона: (Материалы Всерос. науч. конф., 21—22 сент. 1978 г., Грозный). Грозный, 1980. Вып. 2. С. 154—161; *Парова Л. М.* Деятельность правительственных учреждений Кавказского края во второй половине XIX — начале XX в. по публикации источников истории Кавказа: (Принципы и методы издания): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1985. С. 23; *Дзидзария Г. А.* «Акты Кавказской археографической комиссии» — важный источник по истории народов Кавказа // Источниковедческие разыскания, 1982. Тбилиси, 1985. С. 201—207.

поначальствующего гражданскою частью на Кавказе (ф. 5)³, действовавшей в 1859—1883 гг., содержит сведения об организации работ по изданию АКАК в 1866—1881 гг. В фонде департамента общих дел Главного управления наместника кавказского (ф. 8) (фонд существовал в 1859—1867 гг.) имеется переписка по созданию Кавказской археографической комиссии и по изданию I тома АКАК за 1864—1866 гг. Фонд департамента Главного управления главноначальствующего гражданскою частью на Кавказе (ф. 7) (действовал в 1868—1883 гг.) хранит материалы об организации обследования Ставропольского архива в 1868 г. В фонде Канцелярии наместника на Кавказе (ф. 13), существовавшей в 1905—1917 гг., есть документы за 1907—1917 гг. о подготовке к изданию XIII тома АКАК, об организации обследования архивов Кавказского края в 1917 г. В фонде Временного закавказского комиссариата (ф. 2081), действовавшего в 1917—1918 гг., отложилось дело, включающее переписку Кавказской археографической комиссии за 1910—1917 гг. с канцелярией наместника, с Особым закавказским комитетом об издании XIII тома АКАК и о других направлениях деятельности комиссии в последний период ее существования (д. 603). Фонды канцелярии главноуправляющего Закавказским краем (ф. 2) (1801—1846 гг., документы за этот же период) и канцелярии наместника Кавказского (ф. 4) (действовала в 1845—1858 гг., документы за этот же период) содержат документы, опубликованные в АКАК, и представляют интерес с точки зрения их отбора и передачи текста в изданиях.

Во вторую группу входят фонды учреждений, занимавшихся публикацией: фонд Кавказской археографической комиссии (ф. 416), содержащий документы по истории организации и деятельности комиссии за 1864—1917 гг., и Военно-исторического отдела штаба Кавказского военного округа (далее: ВИО ШКВО) (ф. 1087), действовавшего в 1876—1920 гг., включающий документы о взаимных связях этих двух крупных научных учреждений края.

Значительный интерес для истории Кавказской археографической комиссии представляют личные фонды — Адольфа Петровича Берже, первого и бессменного в течение 22 лет председателя комиссии (ЛОИВ АН СССР, ф. 6, документы за 1869—1878 гг.), Евгения Густавовича Вейденбаума, постоянного члена комиссии с 1897 г. и ее председателя с 1904 по 1906 г.⁴ В фонде М. А. Полиевктова (ЦГИА ГССР, ф. 1505, документы за 1924—1941 гг.), советского историка и архивиста, работавшего с 1924 по 1934 г. в Центральном архиве ССР Грузии, отложились его неизданные работы по историографии истории Кавказа.

В целом архивные документы по истории Кавказской археографической комиссии имеют две особенности. Во-первых, они содержат в основном сведения по истории создания и деятельности комиссии и почти не освещают методологические и методические вопросы публикации. Во-вторых, они многоплановы, почти каждый затрагивает одновременно несколько вопросов истории комиссии. Поэтому целесообразно рассмотреть отдельные направления работ комиссий.

Вопрос о выявлении документов для написания истории присоединения Кавказа поднимался задолго до создания комиссии. Еще в 50-е годы XIX в. по ходатайству Кавказского отдела Русского географического общества главнокомандующий Кавказской армией возложил на видного историка и лингвиста П. К. Услара «составление истории Кавказа, с тем

³ Здесь и далее приводятся названия, присвоенные использованным ниже фондам в ЦГИА ГССР. Следует, однако, отметить, что до 1 января 1882 г. (дата упразднения наместничества на Кавказе) центральным административным органом в Кавказском крае являлось Главное управление наместника со своей канцелярией и департаментом. В 1905 г. наместничество было восстановлено, в связи с чем произошли изменения и в сети учреждений по управлению краем. См.: *Ерошкин Н. П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. С. 246—247, 288—289.

⁴ См.: *Барнавели Э. Г.* Документальное наследие Е. Г. Вейденбаума // АЕ за 1978 год. М., 1979. С. 258—264.

условием, чтобы в ней главное внимание было обращено на историю утверждения русского владычества в крае»⁵. Услар ознакомился с архивами в Кизляре, Моздоке и Георгиевске, но дальше работу не продолжил, хотя и не потерял к ней интереса. В марте 1859 г. он писал Берже: «С каждым днем я убеждаюсь в том, что была бы возможность написать удовлетворительно историю целого Кавказа, если бы были подготовлены к тому материалы»⁶.

Проблема, постепенно назревавшая, была решена в 1864 г. созданием Кавказской археографической комиссии. Тогдашний наместник Кавказа писал: «Богатые материалы для отечественной истории, и в частности для истории русского владычества на Кавказе, которые содержатся в здешних правительственных архивах и которые, в течение времени мало-помалу уничтожаясь, могли бы быть совершенно потеряны для науки, побудили меня учредить при Главном моем управлении особую Археографическую комиссию, на которую возложен разбор главнейших архивов и издание самых важных документов, в них хранящихся»⁷.

Официальным инициатором создания комиссии был начальник Главного управления наместника Кавказа А. П. Николаи. Его «Записка о составлении археографической комиссии для разбора местных архивов» от 14 февраля 1864 г. характеризует условия создания и роль комиссии: «В последнее время правительство наше обратило особенное внимание на разбор своих архивов. Учрежденные с этой целью в главнейших городах империи археографические комиссии уже оказали значительные услуги, с одной стороны, науке..., а с другой, самому правительству... Если где еще настает крайняя надобность в учреждении, подобном археографическим комиссиям, так это здесь, на Кавказе. Не безосновательно по сие время раздаются у нас жалобы на недостаток сведений об этой обширной и разнохарактерной части нашего отечества, сведений серьезных, добытых из официальных актов»⁸. На документе резолюция наместника: «Вполне сочувствую этому учреждению и одобряю сей проект».

Многие сохранившиеся документы говорят о статусе, организационном устройстве, штатах, бюджете, задачах комиссии. 11 марта 1864 г. распоряжением кавказского наместника при его Главном управлении была учреждена Кавказская археографическая комиссия. 7 апреля 1864 г. создание комиссии было «высочайше утверждено»⁹. Комиссия состояла из председателя и одного постоянного члена (без определенного содержания), главным образом «в виду того, чтобы по окончании работ в Тифлисе председатель комиссии и один постоянный член могли отправиться в другие части края, и в таком случае на месте могут быть назначены временные члены»¹⁰. Бюджет комиссии определялся в размере 5550 руб. в год, постепенно он увеличился до 8790 руб., но до конца деятельности комиссии существенным образом не расширился¹¹.

Перед комиссией были поставлены следующие задачи: 1) «тщательный разбор архивных документов, любопытных в каком-либо отношении, на русском, грузинском, армянском и других восточных языках и обнаружение их отдельными выпусками по мере извлечения из дел материалов в подлинниках, чтобы акты на восточных языках сопровождались русским переводом и необходимыми критическими замечаниями и дополнениями по мере их надобности»; 2) «составление подробного исследо-

⁵ Библиографическая заметка «Кавказского старожила» о брошюрке «Памяти Адольфа Петровича Берже». Тифлис, 1866. С. 4.

⁶ ИР АН ГССР. Ф. Е. Г. Вейденбаума. Д. 1721. Л. 35/36.

⁷ ЦГИА СССР. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 110. Л. 84 об.—85. Краткий обзор в. к. Михаила Николаевича по управлению его императорским высочеством Кавказским и Закавказским краем с 16 марта 1863 г. по 20 апреля 1865 г.

⁸ ЦГИА ГССР. Ф. 8. Оп. 1. Д. 4136. Л. 1—2.

⁹ Там же. Л. 11—14, 24.

¹⁰ Там же. Л. 27.

¹¹ ЦГИА СССР. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 141. Л. 50, 92; ЦГИА ГССР. Ф. 416. Оп. 1. Д. 176. Л. 8.

вания о политическом развитии в здешнем крае гражданского управления под русским владычеством»¹².

Как и другие местные археографические комиссии, Кавказская археографическая комиссия являлась одновременно и ученой организацией, и придатком бюрократического аппарата управления Кавказским краем. Статус комиссии обеспечивал царской администрации постоянный контроль за ее деятельностью и использование ее публикаций в классовых целях.

Архивные документы позволяют определить в деятельности комиссии несколько этапов и выявить их особенности. Конечно, это в определенной степени условно, так как существенных изменений в организационном устройстве, статусе, функциях комиссии за всю ее историю не произошло. Тем не менее в различные периоды комиссия направляла основное внимание на решение различных вопросов.

Первый этап (1864—1886 гг.) характеризуется наиболее активной публикаторской работой. Это объясняется прежде всего тем, что издание АКАК было направлено на решение актуальных идеологических и практических задач, стоявших перед Кавказской администрацией во второй половине XIX в., — идеологическое обоснование присоединения Кавказа к России, необходимость изучения политической, экономической и социальной истории края для лучшего управления им.

Быстрому ходу работ немало способствовала личность Берже, страстного исследователя истории, археологии, этнографии Кавказа. Комиссия начала работу с разбора дел архива Главного управления наместника Кавказского. Здесь содержалось 128 000 дел и 877 переплетенных книг документов¹³. Разбор и опубликование их продолжались до середины 80-х годов. В эти годы регулярно выходили тома АКАК: I — 1866, II — 1868, III — 1870, IV — 1872, V — 1873, VI, ч. 1 — 1874, ч. 2 — 1875, VII — 1878, VIII — 1881, IX — 1884, X — 1885. Самыми деятельными сотрудниками комиссии были постоянный член комиссии Н. Г. Берzenов и известный азербайджанский поэт и философ М. Ф.-А. Ахундов (временный член комиссии, служил письменным переводчиком Главного управления наместника Кавказского). В работе комиссии активно участвовал видный грузинский историк Д. З. Бакрадзе¹⁴. Это были люди, увлеченные историей Кавказа. Берzenов писал Берже в июне 1864 г.: «На сей раз служба моя такого рода, что отличается притягательной силой, которая может поглотить собою... все существо хоть немного привычного к занятиям человека. С каждым днем разворачивается этот свиток минувшего времени и, чем дальше, тем ярче выделяются лица и события, долженствующие составить страницы новой истории Кавказа и сопредельных с ним стран и народов»¹⁵.

Важные моменты первого этапа освещаются в «Докладе о деятельности Кавказской археографической комиссии»¹⁶, представленном Берже начальнику Главного управления наместника кавказского А. П. Николаю 26 декабря 1864 г., а также в документах личного фонда Берже¹⁷.

В 1886 г. А. П. Берже сменил Д. А. Кобыков — постоянный член комиссии с 1884 г.¹⁸ В деятельности комиссии наступил новый этап: наряду с изданием АКАК делаются попытки организации архивного дела в Кавказском крае. Внимание Кобыкова к архивному делу не случайно: в 70—80-е годы в России предпринимаются первые шаги по решению этой проблемы. Кавказские историки также были озабочены состоянием архивов края. 20 августа 1886 г. Кобыков представил начальнику Глав-

¹² ЦГИА ГССР. Ф. 8. Оп. 1. Д. 4136. Л. 25.

¹³ ЦГИА СССР. Ф. 1276. Оп. 49. Д. 141. Л. 57.

¹⁴ См. о нем: СИЭ. М., 1962. Т. 2. С. 61.

¹⁵ ИР АН ГССР. Ф. Е. Г. Вейденбаума. Д. 1721. Л. 131—131 об.

¹⁶ ЦГИА ГССР. Ф. 416. Оп. 3. Д. 1064. Л. 1—6.

¹⁷ ЛО ИВАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1. Материалы по изданию АКАК.

¹⁸ Дмитрий Аркадьевич Кобыков // ИВ. 1892. Т. XLIX, № 3. С. 488.

ного управления главноначальствующего гражданскою частью на Кавказе доклад, в котором предлагал сконцентрировать в Тифлисе все главные архивы Кавказа. Кобяков предусматривал следующие мероприятия: «1) произвести осмотр всех главных архивов Северного Кавказа и отобрать из них ценный архивный материал; 2) произвести осмотр местного Тифлисского архива, упитчожив в нем пенужные дела; и 3) перевезти в него все дела, подлежащие разработке»¹⁹. Доклад Кобякова рассмотрен не был.

В 1887 г. Кобяков снова поднял этот вопрос в письме к директору Петербургского археологического института видному историку и архивисту И. Е. Андреевскому, изложив те же идеи, что и в докладе²⁰. Андреевский высказался против перевозки всех кавказских архивов в Тифлис, но поддержал мысль об их административной централизации при архиве Главного управления. «В этом случае,— писал он,— Тифлиссский архив мог бы сделаться главным архивом Кавказа, имея у себя точные каталоги... всех остальных кавказских архивов, а эти последние стать по отношению к нему филиальными его отделениями... Кроме того, мне представляется еще один путь, посредством которого было бы возможно в значительной степени обеспечить и облегчить успешное выполнение задуманной Вами задачи, а именно: преобразование существующей ныне в Тифлисе Археографической комиссии в губерпскую ученую архивную комиссию с созданием при ней губерпского исторического архива»²¹.

Однако в этом плане ничего сделано не было. Что касается публикации документов, то в период председательства Кобякова был издан XI том АКАК, подготовленный еще под руководством Берже, и начал готовиться к изданию XII том.

Преемником Кобякова стал Е. Д. Фелицын²² — ранее член губерпского статистического комитета в Екатеринодаре, опубликовавший многочисленные труды по истории казачества. Фелицын возглавлял комиссию с 1892 по 1904 г. При нем деятельность комиссии распространилась на Северный Кавказ. В 1894—1896 гг. проводилось обследование архивов Ставрополя, Кубани, Владикавказа, Кизляра и других городов²³. Фелицын выявил и подготовил к изданию ценные документы, отражающие раннюю историю взаимоотношений России и Кавказа²⁴, но эти документы в АКАК не вошли²⁵. Одновременно Фелицын подготовил XII том АКАК. Он был издан в 1893—1896 гг. не в традиционном формате in folio, а в меньшем, в формате 8°, без приложений, в 3 частях, под редакцией Е. Д. Фелицына и А. П. Наумова²⁶. Издание XII тома в меньшем, более удобном для пользования и более дешевом формате давало возможность ознакомить с книгой широкие круги общественности. Следует отметить, что Фелицын придерживался выполнения первоначальных задач комиссии, не отводя ей такой роли в культурном развитии края, как Кобяков.

Возглавлявший комиссию в 1904—1906 гг. Е. Г. Вейденбаум²⁷ также не занимался архивными проблемами. При нем деятельность комиссии целиком сводилась к публикаторской: в 1904 г. был издан в традиционном формате со всеми приложениями XII тома АКАК и начата под-

¹⁹ ЦГИА ГССР. Ф. 416. Оп. 1. Д. 53. Л. 20—27.

²⁰ См.: Андреевский И. Е. Письмо Д. А. Кобякову 21 декабря 1887 г. // Исторический бюллетень. Тифлис, 1925. Кн. 2. С. 118. К сожалению, письмо Кобякова выявить не удалось.

²¹ Там же. С. 119.

²² Евгений Дмитриевич Фелицын // ИВ. 1904. Т. ХСV. № 2. С. 829.

²³ ЦГИА ГССР. Ф. 416. Оп. 1. Д. 63. Л. 39—40; Д. 86. Л. 11.

²⁴ Там же. Д. 63.

²⁵ Они были опубликованы ВЮ ШКВО частично: Материалы для истории Северного Кавказа, 1787—1792 гг. // Кавказский сборник. Тифлис, 1896—1900. Т. XVII—XXI.

²⁶ См.: Косвен М. О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке // Кавказский этнографический сборник. М., 1958. Т. II. С. 246.

²⁷ О нем см.: Барнавели Э. Г. Указ. соч. С. 258.

готовка XIII т. Общность задач, которые ставили перед комиссией Фелицы и Вейденбаум, определила и существенные отличия ее деятельности в период их председательства, что позволяет выделить этот период в отдельный этап.

Сохранившиеся архивные материалы показывают, что последний этап деятельности комиссии (1906—1917 гг.) характеризуется усиленным вниманием к вопросам организации архивного дела. Возглавлявшие комиссию Д. Н. Михайлов (1906—1916 гг.) и Г. Н. Прозрителев (1916—1917 гг.) являлись энтузиастами кавказского краеведения²⁸. Они поставили вопрос об организации архивного дела на Кавказе широко, с учетом успехов, достигнутых в других регионах России.

Надо отметить, что деятельность комиссии с самого начала развивалась по двум направлениям в соответствии с ее задачами. Обе задачи — «тщательный разбор архивных документов» и «обнародование их» — рассматривались как взаимосвязанные. Комиссия должна была производить разбор дел Главного управления, разбив их на три категории, «отпеся к первой категории дела, подлежащие немедленному уничтожению, ко второй — дела, которые должны быть еще оставлены на некоторое время, и к третьей — дела, подлежащие всегдашнему хранению»²⁹. Для опубликования отбирались дела из второй и третьей категорий. Сам факт выборочного отбора делал необходимым организацию хранения документов, т. е. создание архива. Необходимость практического решения архивных проблем возникала еще и потому, что на Кавказе не существовало губернских ученых архивных комиссий, занимавшихся упорядочением местных архивов³⁰. В начале 1900-х годов за заключениями по вопросу уничтожения старых дел к комиссии обратились многие учреждения Кавказского края³¹. В 1906 г. Михайлов выступил с конкретными предложениями по архивному строительству. В докладе начальнику Главного управления наместника он предлагал: «1) создать в Тифлисе Кавказский центральный архив, 2) увеличить штат комиссии вторым постоянным сотрудником, 3) придать ей характер постоянного учреждения»³². Предложения рассмотрены не были. Однако на комиссию, как сообщали из канцелярии кавказского наместника 10 февраля 1910 г., «ввиду отсутствия на Кавказе губернских ученых архивных комиссий были возложены функции этих комиссий в отношении порядка уничтожения решенных дел»³³. В 1916 г. Михайлов представил помощнику наместника князю Орлову новый доклад, в котором предложил сделать архив Главного управления наместника «историческим архивом, дела которого не должны подлежать уничтожению»³⁴. Предполагалось систематическое размещение дел в архиве, составление описей, указателей, налаживание научно-исследовательской и научно-издательской работы. Организацию исторического архива Михайлов предлагал поручить Кавказской археографической комиссии, расширив ее штат и бюджет. Но и этот проект был оставлен без внимания.

Наиболее крупное значение имело обследование всех кавказских архивов, предпринятое Прозрителевым в 1917 г. Была разработана и разослана соответствующая анкета, на основании ответов составлена сводка, а по многим архивам — описи³⁵. Очевидно, предполагалось провести ряд мероприятий, но этому в значительной степени помешали война и нежелание царской администрации поддерживать какие-либо прогрессивные начинания.

²⁸ О них см.: ЦГИА ГССР, Ф. 416. Оп. 1. Д. 80, 89, 104; Лукин Б. В. 45-летний юбилей Г. Н. Прозрителева // Краеведение на Северном Кавказе. 1928. № 1/2. С. 134.

²⁹ ЦГИА ГССР, Ф. 8. Оп. 1. Д. 4136. Л. 24 об.

³⁰ В 1905 г. была создана Ставропольская губернская ученая архивная комиссия, но ее деятельность распространялась только на Ставропольскую губернию-ю. См.: Лукин Б. В. Указ. соч. С. 136.

³¹ ЦГИА ГССР, Ф. 416. Оп. 1. Д. 79. Л. 8—11.

³² Там же. Д. 15. Л. 59.

³³ Там же. Ф. 2081. Оп. 1. Д. 603. Л. 18 об.

³⁴ Там же. Ф. 416. Оп. 1. Д. 89. Л. 6.

³⁵ Там же. Д. 99, 102, 121; Ф. 2081. Оп. 1. Д. 603. Л. 54.

На последнем этапе деятельности комиссии завершилась подготовка к изданию XIII тома АКАК. В «Докладе о деятельности Кавказской археографической комиссии» от 23 мая 1909 г. Михайлов писал, что «проверочная комиссия одобрила план помещения (документов.— Л. П.) и список иллюстраций к XIII т. и общий план издания»³⁶. В «Докладе о работе Кавказской археографической комиссии», представленном наместнику директором его канцелярии, от 30 июля 1911 г. говорилось о том, что «материалы по управлению краем наместника Кавказского в. к. Михаила Николаевича выбраны из архива и вполне подготовлены к печати»³⁷. Но печатание материалов XIII тома началось только при Прозрителеве в 1917 г. Отмечая очень медленное исполнение работ по печатанию АКАК, он в письме от 31 мая 1917 г. к и. о. директора канцелярии Особого Закавказского комитета сообщал: «Типография с 25 января н/г по 1 апреля напечатала 4 листа и теперь дальнейшую работу прекратила»³⁸.

Приветствуя Февральскую революцию в телеграмме в Совет министров и Государственную думу от 8 марта 1917 г., Прозрителев просил «распоряжения охраны Закавказских архивов»³⁹.

В 1917 г. Кавказская археографическая комиссия в числе других учреждений царского правительства на Кавказе была упразднена⁴⁰.

Архивные документы освещают вопрос о контроле за издательской деятельностью комиссии. Контроль проявился в хронологических ограничениях ее публикации: в X—XII томах были опубликованы документы о развитии «гражданского управления» на Кавказе по 1862 г., опубликование документов за более поздний период признавалось преждевременным. Фелицын в «Докладе главноначальствующему гражданской частью на Кавказе» от 27 марта 1897 г. писал: «Труды комиссии по разработке архивов Кавказа ограничены... окончанием Кавказской войны и выселением горцев Западного Кавказа в Турцию. Дальнейшая же выборка архивного материала и печатание в изданиях во всеобщее сведение документов, касающихся лиц, находящихся еще в живых, могло бы вызвать нежелательную вообще критическую оценку их деятельности»⁴¹. Очевидно также, что на пост председателя комиссии царская администрация выдвигала лиц вполне «благонадежных».

Хотя АКАК официальной цензуре не подвергались, отбор документов строго контролировался кавказским наместником, а затем и главноначальствующим. На оборотной стороне титульного листа каждого тома АКАК написано: «Печатано с разрешения его императорского высочества наместника кавказского» (начиная с XI т.: «Печатано с разрешения главноначальствующего гражданской частью на Кавказе»). При подготовке XII тома, охватывающего период управления краем князя А. И. Барятинского (1856—1862) и окончательного присоединения Кавказа к России, в 1890 г. «с целью достижения возможной осторожности при внесении в означенный том сведений, касающихся этой близкой нам эпохи» была создана особая Поверочная комиссия⁴². Она учреждалась под председательством тайного советника Н. И. Прибиля и состояла из председателя Кавказского цензурного комитета К. В. Якимова, Д. З. Бакрадзе и Е. Г. Вейденбаума. Несмотря на то что члены комиссии старались облечь свою работу в формы высшего научного руководства, они осуществляли, по сути, чисто цензурный контроль над научно-издательской деятельностью Кавказской археографической комиссии. Так, из подготовленных для XII тома 1187 документов по отдельным вопросам, введен-

³⁶ Там же. Ф. 13. Оп. 6. Д. 845 Л. 29.

³⁷ Там же. Л. 63 об.

³⁸ Там же. Ф. 2081. Оп. 1. Д. 603. Л. 77—77 об. Материалы, которые должны были составить XIII том, входят в фонд Кавказской археографической комиссии (ЦГИА СССР. Ф. 416. Оп. 3). Отпечатанная часть тома нами не обнаружена.

³⁹ ЦГИА СССР. Ф. 416. Оп. 1. Д. 104. Л. 1.

⁴⁰ См.: *Полиевктов М. А.* Указ. соч. С. 106.

⁴¹ ЦГИА СССР. Ф. 416. Оп. 1. Д. 1. Л. 18 об.

⁴² Там же. Оп. 3. Д. 560. Л. 8.

ным дополнительно к плану, допущены к изданию оказались только 168. По заявлению членов Поверочной комиссии, они исключили не только отдельные документы, но и целые вопросы, по которым предполагалось обнаружение документов⁴³.

В 1894 г., когда работа Поверочной комиссии над XII томом завершилась, на комиссию возложили проверку материалов для XIII тома. Но в 1897 г., закончив проверку уже выявленных и подготовленных к изданию материалов, комиссия прекратила свои действия⁴⁴. В мае 1908 г., когда Кавказская археографическая комиссия завершила подготовку к изданию XIII тома АКАК, вновь была создана Поверочная комиссия в составе: председатель — В. А. Потто (начальник ВЮ ШКВО) и члены — С. С. Эсадзе (редактор ВЮ ШКВО), Е. Г. Вейденбаум и В. Н. Осецкий (работник аппарата Главного управления заместника Кавказа), Д. Н. Михайлов (председатель Кавказской археографической комиссии), В. А. Берже (постоянный член Кавказской археографической комиссии)⁴⁵. Поверочная комиссия существовала практически до последних дней работы Кавказской археографической комиссии, выполняя функции ее цензурного органа.

Архивные материалы содержат и некоторые оценки АКАК как сборника исторических документов. Общую характеристику АКАК дает М. А. Полиевктов в неизданной работе «Русские источники по истории народов Закавказья в XVIII—XIX вв.» (написана в 1935 г.) «Являясь первой, самой крупной, публикацией по истории Кавказа, „Акты Кавказской археографической комиссии“ — исключительно богатое по содержанию издание, которое еще не скоро будет целиком исчерпано и окончательно антиквировано. Издать архивный материал до 1860 г., хотя бы и очень тенденциозно подобранный, при царизме, когда так косо смотрели на какое бы то ни было опубликование документов по XIX в., и провести такое издание через всякого рода цензурные теснины — это своего рода археографический подвиг, похвастаться которым может далеко не всякий. „Акты“, безусловно, одно из наиболее крупных изданий в русской археологии документов по истории XIX в.»⁴⁶. Далее, говоря о документальных материалах по истории Закавказья, изданных в XIX в., Полиевктов отмечал: «Основной корпус таких источников — „Акты Кавказской археографической комиссии“... „Акты“ являются, в сущности говоря, не только основным, но и единственным изданием, целиком посвященным такому виду русских источников по Кавказу»⁴⁷. Многочисленны письма к Берже и Вейденбауму, авторы которых — историки, общественные деятели, писатели — благодарят за присланные им тома АКАК и отмечают их ценность как сборника исторических документов⁴⁸. Так, М. Артемьев, много лет занимавшийся историей Кавказа, писал Берже в 1870 г.: «Поставленный в необходимость потщательнее ознакомиться с историей Абхазского края, я много обращался к Вашему изданию и во многом просветился чрезвычайно»⁴⁹. Примечателен и факт интереса Л. Н. Толстого к этому изданию⁵⁰.

Из архивных документов о приемах публикации наиболее ценным является проект «Инструкции для руководства Археографической комиссии при Главном управлении наместника кавказского»⁵¹. Проект, составленный Берже и Берзеновым в апреле 1864 г., вскоре после создания комиссии, являлся вполне самостоятельным. Из письма Берзенова к Берже мы узнаем, что, только выполняя поручение доработать проект, Бер-

⁴³ Там же. Оп. 1. Д. 58. Л. 4.

⁴⁴ Там же. Ф. 13. Оп. 6. Д. 605. Л. 14 об.

⁴⁵ Там же. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 185. Л. 3–4.

⁴⁶ Там же. Ф. 1505. Оп. 1. Д. 27. Л. 36.

⁴⁷ Там же. Л. 51.

⁴⁸ См.: ИР АН ГССР. Ф. Е. Г. Вейденбаума. Д. 1722. Л. 15–17; Д. 1723. Л. 2–4, 35, 50, 96, 129, 144, 245–246.

⁴⁹ Там же. Д. 1722. Л. 14–14 об.

⁵⁰ См.: Барнавели Э. Г. Указ. соч. С. 262.

⁵¹ ЦГИА ГССР. Ф. 416. Оп. 3. Д. 560. Л. 7–9.

зенов обратился к «Правилам для руководства Археографической комиссии» 1837 г.⁵² В основном инструкция содержит указания по организации деятельности комиссии, и из 18 ее параграфов только 6 дают ключ к пониманию археографических приемов публикации: об определении тематики издания (§ 1), по отбору документов (§ 5 и 8), о методах выбора и передачи текста (§ 6), о принципе систематизации, принятом для АКАК (§ 7, 9), о составлении научно-справочного аппарата (§ 6).

Проект инструкции утвержден не был. Рассмотрев его и возвращая, Николай подчеркнул: «Представленный Берже проект, в сущности, есть не столько Инструкция, сколько Положение»⁵³. Инструкция комиссией доработана так и не была. Много позже, в 1882 г., в «Записке об Археографической комиссии», написанной для представления в комиссию, составившую повое «Положение об управлении Кавказским краем», Берже высказался об инструкции так: «По самому роду представленных мне занятий она послужила бы скорее к их стеснению, чем облегчению»⁵⁴. Однако Берже ошибался. Инструкция для работы была необходима, и комиссия руководствовалась правилами, изложенными в проекте. Возможно, Берже, готовивший почти единолично I—XI тома АКАК, не пуждался в утвержденных правилах работы комиссии, но при подготовке XII тома отсутствие инструкции стало ощутимым. Не случайно Поверочная комиссия в 1890 г., отмечая существенные отличия XII тома от предыдущих, рекомендовала руководствоваться при подготовке документов к изданию инструкцией Берже⁵⁵.

По архивным материалам можно судить о плане издания, о принципах систематизации документов в каждом томе. В АКАК должна была быть представлена полная картина «гражданского благоустройства в крае»⁵⁶ в первой половине XIX в. В докладе о подготовке XIII тома АКАК 1 марта 1908 г. председатель комиссии Михайлов писал: «Движение власти осуществляется в учреждениях... Представить движение дел каждого учреждения за этот 18-летний период и представляет программу деятельности вверенной мне Археографической комиссии»⁵⁷. Этой программе, определенной задачами издания, комиссия следовала при издании АКАК с самого начала. В «Записке об Археографической комиссии» в 1882 г. Берже отметил это: «...Что же касается плана издания комиссии, то он ясно обозначился при напечатании I тома АКАК»⁵⁸. Об отборе документов косвенно свидетельствуют данные из фонда канцелярии главноуправляющего Закавказским краем. Так, на многих из них имеются пометки Берже синим или красным карандашом: «писать», а в издании этих документов нет. Таковы донесения генерала Лазарева генерал-лейтенанту Кноррингу за 1801—1803 гг. о внутреннем положении в Грузии, о взаимоотношениях членов грузинского царствующего дома⁵⁹. Несмотря на значительный научный интерес, они не были опубликованы — видимо, по политическим мотивам.

Имеются косвенные свидетельства о приемах передачи текста документов в АКАК. При сопоставлении опубликованных документов с архивными не выявлено текстуальных расхождений⁶⁰.

⁵² ИР АН ГССР. Ф. Е. Г. Вейденбаума. Д. 1721. Л. 132. Правила были разработаны для Петербургской археографической комиссии и опубликованы в ПСЗ за 1837 г. См.: Хрестоматия по археографии. М., 1959. С. 148—153.

⁵³ ЦГИА ГССР. Ф. 8. Оп. 1. Д. 4136. Л. 31.

⁵⁴ Там же. Ф. 416. Оп. 1. Д. 1. Л. 53.

⁵⁵ Там же. Д. 58. Л. 132 об.

⁵⁶ Там же. Ф. 13. Оп. 6. Д. 845. Л. 4.

⁵⁷ Там же. Л. 4 об.

⁵⁸ Там же. Ф. 416. Оп. 1. Д. 1. Л. 53.

⁵⁹ ЦГИА ГССР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5.

⁶⁰ В частности, нами сравнены следующие тексты: «Записка, поданная царицею Дариною 1 мая 1802 г.» (ЦГИА ГССР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 21. Л. 39—45 — АКАК. Т. I. Д. № 271. С. 207—210); «Предписание ген. Ермолова г.-л. Вельяминову» от 16 декабря 1818 г. (ЦГИА ГССР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 472. Л. 31—31 об. — АКАК. Т. VI, ч. I. Д. № 401. С. 28); «Письмо кв. Барятинского к председателю Кавказского комите-

В фонде ВИО ШКВО сохранились документы, которые свидетельствуют о высокой оценке в первые же годы Советской власти публикационной деятельности Кавказской археографической комиссии. В 1920 г. при Наркомпросе ССР Грузии была создана научно-историческая комиссия⁶¹, состоявшая из четырех секций: социально-экономической, политической истории Грузии, Юго-Кавказа и Кавказа в целом XIX и XX вв., военно-исторической, историко-революционной. Как отмечалось в объяснительной записке к проекту положения о комиссии, вторая секция (политической истории), «являясь, в некоторых отношениях продолжением, конечно в измененном и расширенном виде, существовавшей в свое время Кавказской археографической комиссии, имела бы свою задачу осветить экономическую жизнь, социальный строй, государственное управление, финансы в Грузии и на Кавказе за последние полтора века»⁶².

В 1925 г. кавказские историки подняли вопрос о продолжении издания АКАК. Полиевктов составил краткий обзор деятельности комиссии, в котором писал: «На последнем краеведческом съезде в Батуме 25 сентября — 5 октября нынешнего года была принята резолюция о желательном возобновлении в том или другом виде издания „Актв Кавказской археографической комиссии“, конечно, по повой, соответствующей современным условиям программе, быть может, даже под другим заглавием»⁶³. Издание это, во всяком случае общее по Кавказу, предпринято не было. Вышли отдельные сборники по истории народов Кавказа, национально-освободительному движению горцев под предводительством Шамиля⁶⁴. При их подготовке использован богатый опыт кавказских археографов XIX в. Новые данные о деятельности Кавказской археографической комиссии помогут более полному представлению о ней при изучении отечественной археографии.

та) от 21 декабря 1858 г. (ЦГИА ГССР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 177. Л. 106 — АКАК. Т. XII. Д. № 27. С. 23).

⁶¹ ЦГИА ГССР. Ф. 1087. Оп. 2. Д. 123. Л. 3–5.

⁶² Там же. Л. 10 об.

⁶³ Полиевктов М. А. Указ. соч. С. 105.

⁶⁴ Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50-х годах XIX в.: Сб. документов. Махачкала, 1959; Документы по истории Балкарии, 40–90-е годы XIX в. Нальчик, 1959; Колониальная политика российского царизма в Азербайджане в 20–60-х годах XIX в. Баку, 1936; Русско-адыгейские торговые связи, 1793–1860 годы: Сб. документов. Майкоп, 1957; Документы по истории Грузии. Тбилиси, 1954–1960. Т. 1, 2.

С. В. Журавлев

К ВОПРОСУ О РОЛИ ЦАУ СССР И РСФСР¹ В ВЫЯВЛЕНИИ ДОКУМЕНТОВ ПО ИСТОРИИ ФАБРИК И ЗАВОДОВ СССР В 1930-е ГОДЫ

В 1931 г. по инициативе А. М. Горького началась работа по созданию «Истории фабрик и заводов». Значительное место отводилось архивным органам, поскольку архивные документы наряду с мемуарами и периодикой должны были стать одним из основных источников для ее написания.

Выбранная нами тема специально не изучалась. Она недостаточно освещена и в органе ЦАУ — журнале «Архивное дело». Лишь несколько

¹ В дальнейшем ЦАУ СССР и РСФСР будем сокращенно именовать ЦАУ. В литературе принята точка зрения, что это было фактически одно учреждение, хотя вопрос до сих пор остается дискуссионным. См.: Пшеничный А. П. Центральное архивное управление СССР и РСФСР (1929–1938 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1985. С. 22.

информационных и методических статей по этому вопросу было помещено в бюллетене Главной редакции «Истории фабрик и заводов»², выходявшем в 1932—1934 гг. под названием «История заводов». Некоторые сведения общего порядка об участии архивных органов в работе по истории предприятий имеются в исследованиях Р. Я. Окуновой и А. П. Пшеничного, а также в учебных пособиях³.

Необходимость обращения к источниковедческому и архивным проблемам создания «Истории фабрик и заводов» объясняется, на наш взгляд, не только явно недостаточной их разработанностью. Долгое время в историкографических трудах допускалась простая констатация тезиса, что литературе начала 30-х годов по истории промышленности и рабочего класса «свойственна еще узость источниковедческой базы, почти полное игнорирование архивных документов»⁴. При этом отсутствовали серьезные специальные исследования, посвященные состоянию источниковой базы, в том числе архивной, советской исторической науки 30-х годов.

Цель данной статьи — показать деятельность архивных органов по созданию источниковой базы для «Истории фабрик и заводов» в 30-е годы, главным образом на примере работы по выявлению документов и составлению обзоров, проследив при этом взаимоотношения ЦАУ с Главной редакцией серии.

Участвуя в работе по созданию «Истории фабрик и заводов», ЦАУ руководило практически всеми основными направлениями архивной деятельности: учетом и контролем за сохранностью фабрично-заводских материалов, находящихся на предприятиях, и приемом части их на госхранение; обработкой и описанием документов, тематическим выявлением и составлением карточек и обзоров, а также копированием архивных материалов как по фондам фабрик и заводов, так и по фондам полицейских, судебных и других учреждений, отразившим участие рабочих в революционном движении. Разнообразны были и формы использования документов по истории предприятий — организация выставок и докладов для рабочих, пропаганда архивных источников на страницах заводских многотиражек, методические и исследовательские статьи и публикации в научных изданиях, работа читальных залов и т. д. Выбор в качестве примера работы по выявлению документов и составлению их обзоров объясняется тем, что она носила наиболее систематический характер, в течение нескольких лет занимая центральное место в деятельности архивов, и наиболее подробно отражена в сохранившихся материалах. От качества выявления и составления обзоров зависела степень использования документов в будущих книгах.

Документы по исследуемой теме находятся в фондах ЦАУ СССР и РСФСР и Главной редакции «Истории фабрик и заводов» в ЦГАОР СССР (Ф. 5325. Оп. 9; Ф. 7952. Оп. 2, 10). Их можно систематизировать по четырем группам: 1) организационно-распорядительная документация ЦАУ (инструкции, распоряжения, циркуляры и др.); 2) протоколы заседаний коллегии ЦАУ; 3) планово-отчетная документация ЦАУ и центральных хранилищ; 4) переписка ЦАУ с Главной редакцией «Истории фабрик и заводов» и архивами. Большинство используемых в статье источников вводится в научный оборот впервые.

В 1929—1930 гг. архивные учреждения активизировали собрание

² Главная редакция «История фабрик и заводов» была создана Постановлением ЦК ВКП(б) от 10 октября 1931 г. с целью подготовки серии книг по истории предприятий страны и просуществовала до 31 января 1938 г. См.: Правда. 1931. 11 окт.; А. М. Горький и создание истории фабрик и заводов: Сб. документов / Под ред. Л. М. Зак и С. С. Зиминой. М., 1959; ЦГАОР СССР. Ф. 7952. Оп. 1. Д. 24. Л. 74; Д. 30. Л. 1—2. Далее название архива опущено.

³ Окунова Р. Я. Вопросы источниковедения в методических материалах Главной редакции «Истории фабрик и заводов» // ТМГИАИ. М., 1963. Т. 17. С. 120; Пшеничный А. П. Указ. соч. С. 21; Максаков В. В. История и организация архивного дела в СССР (1917—1945 гг.). М., 1969. С. 281—283; и др.

⁴ Черки истории исторической науки в СССР. М., 1966. Т. 4. С. 505.

документов по истории рабочего класса⁵. В 1930 г. ЦАУ заключило договор с секцией по истории пролетариата Института истории Коммунистической академии о совместной работе над выявлением материалов⁶. С весны 1930 г. ЦАУ вместе с архивной комиссией секции по истории пролетариата этого института по специально разработанным инструкциям и схемам начало готовить к печати архивные указатели по материалам трех центральных хранилищ. В основу указателей были положены данные тематических картотек архивов⁷. Успешное выявление источников позволило сотрудникам секции начать монографическое описание крупнейших московских предприятий — завода «Серп и молот» и фабрики «Трехгорная мануфактура»⁸. Эта работа была продолжена под руководством Главной редакции «Истории фабрик и заводов». Таким образом, к концу 1931 г. ЦАУ имело первый опыт подобной работы совместно с Институтом истории Коммунистической академии.

ЦАУ оперативно откликнулось на призыв А. М. Горького о создании «Истории фабрик и заводов». Уже 8 сентября 1931 г. оно издало распоряжение о подготовке к созданию серии, а 23 сентября разослало на места инструктивное письмо «Об участии архивных органов в составлении «Истории фабрик и заводов»⁹. Оно нацеливало архивные учреждения на всемерную поддержку горьковского начинания вплоть до проведения консультаций по использованию документов и участия архивистов в написании книг.

Участие в работе над «Историей фабрик и заводов» определило необходимость немедленного завершения начатой еще в конце 20-х годов деятельности ЦАУ по обследованию и взятию на учет архивов предприятий, а также приему важнейших фондов на госхранение. В соответствии с решениями коллегий ЦАУ 18 ноября и 15 декабря 1931 г. в ускоренном порядке обрабатывались и описывались материалы госархивов, связанные с изучением этой темы. Были переработаны правила постановления архивной части делопроизводства предприятий. В результате уточнения принадлежности архивных материалов все фонды столичных фабрик и заводов, находившиеся в ведении ЦАУ, переданы в Московское областное архивное управление¹⁰. Необходимость этих мер подтвердили результаты обследования 350 предприятий Московской области, проведенного в ноябре 1931 г. Выяснилось, что архивы только четырех заводов обработаны и готовы к передаче на госхранение¹¹. В этой ситуации, усложнявшейся недостатком помещений и кадров, архивные органы пошли на прием необработанных фондов некоторых предприятий. Многие фабрично-заводские материалы, особенно за советский период, были обработаны заводскими редколлегиями, приступившими к написанию истории.

Однако по мере включения ЦАУ в горьковское начинание на первый план выдвинулась задача — дать заводским редакциям подробную информацию об архивных материалах по истории конкретных предприятий путем выявления документов и составления их обзоров.

С самого начала включился в развернувшуюся работу Архив революции и внешней политики. Здесь, как и в других хранилищах, были созданы специальные бригады из лучших сотрудников. Обнаружив интересные источники, архивисты посещали заводы, проводили беседы с рабочими, зачитывая документы и разъясняя их значение при написании

⁵ О возникновении идеи собирания фабрично-заводских документов и написания истории предприятий в первой половине 1920-х годов см.: *Тарле Г. Я.* Ранние опыты организации собирания материалов по истории фабрик и заводов // ИСССР. 1959. № 2. С. 170–172.

⁶ Ф. 5325. Оп. 9. Д. 1899. Л. 15.

⁷ История заводов. 1932. Вып. 1. С. 105–106.

⁸ *Максаков В. В.* Архивы как источник изучения истории пролетариата // История пролетариата СССР. М., 1930. Сб. 1. С. 163–177.

⁹ Бюллетень ЦАУ РСФСР. 1931. № 7 (114). 25 нояб.; Архивное дело в Московской области: Сб. материалов. М., 1932. [Кн. 1]. С. 54–57; Ф. 5325. Оп. 9. Д. 2226. Л. 4–5.

¹⁰ Ф. 5325. Оп. 9. Д. 2221. Л. 36–37, 41, 45; Д. 2222. Л. 213, 223 об.

¹¹ Ф. 5325. Оп. 9. Д. 2362. Л. 6.

истории предприятия¹². Так, 19 октября 1934 г. представитель архива зачитал на собрании рабочих завода «Красный пролетарий» (бывший завод «Бромлей») выявленные документы царской охраны о революционных выступлениях рабочих этого предприятия за 1896—1906 гг. Как свидетельствует протокол собрания, старые рабочие — участники тех событий — возмущались, что «агенты царизма не только односторонне освещали события, но и допускали прямое искажение фактов». Было обращено внимание на необходимость критического отношения к подобного рода источникам. Собрание решило в работе по истории своего завода с максимальной полнотой использовать архивные материалы, перепроверяя и дополняя их воспоминаниями рабочих, а также «провести экскурсии в Архив революции для осмотра подлинных документов»¹³. Важное значение имели и организованные ЦАУ выставки архивных документов на ряде предприятий столицы¹⁴. Однако должного размаха и систематичности эта работа не получила. Намечившаяся было в начале прямая связь архивных учреждений с фабриками и заводами не стала долговременной и прочной. Не случайно в предисловии к подготовленному в 1933 г. Московским областным архивным управлением «Путеводителю по архивам заводов Московской области» указывалось, что «препятствием к полному использованию архивов для собирания материалов по истории фабрик и заводов являлось незнание рабочей общественности с архивами, отсутствие у ряда архивных органов тесной связи с рабочими редколлегиями»¹⁵. Успешнее действовала опосредованная связь с предприятиями — через Главную редакцию «Истории фабрик и заводов», особенно после заключения между нею и ЦАУ соответствующего договора.

Еще 23 ноября 1931 г. плановая группа ЦАУ уведомила Главную редакцию, что «для нужд фабрик и заводов ЦАУ РСФСР разработало план научной и научно-технической работы по центральным архивохранилищам»¹⁶. Далее перечислялись более 100 фондов, документы которых были намечены к выявлению. Уже в начале осуществления этого плана выявилась настоятельная необходимость координации усилий заинтересованных сторон. 21 февраля 1932 г. производственное совещание ЦАУ совместно с представителями Главной редакции в резолюции «выразило сожаление», что последняя «до настоящего времени не оформила своих взаимоотношений» с ЦАУ. Было признано целесообразным заключение договора между ЦАУ и Главной редакцией «на работы по выявлению и каталогизации материалов для истории фабрик и заводов». ЦАУ просило также прислать подробную программу работы Главной редакции, ее план на 1932 г. и окончательный список предприятий, по которым будет проводиться работа. В целях координации усилий предварительно согласовали следующее распределение обязанностей: общее научное руководство поручалось Главной редакции, методическое руководство и план выявления документов предполагалось осуществлять совместно, архивно-техническая и организационная работа возлагалась на ЦАУ¹⁷.

22 июня 1932 г. был заключен договор между ЦАУ и Главной редакцией серии на выявление и составление обзоров документов центральных архивохранилищ по истории фабрик и заводов. Согласно договору, архивные учреждения должны были составить и передать в Главную редакцию обзоры материалов по истории предприятий первой очереди — к 15 сентября 1932 г., второй очереди — к 31 декабря 1932 г. общим объемом 50 печатных листов. Главная редакция обязывалась оплатить эту работу¹⁸. Отметим крайне сжатые сроки выполнения договора, а также

¹² АД. 1933. Вып. III/IV (32/33). С. 80; Ф. 5325. Оп. 9. Д. 2222. Л. 157а—158; Д. 2233. Л. 10; Д. 2506. Л. 1—3, и др.

¹³ Ф. 7952. Оп. 2. Д. 91. Л. 88—88 об.

¹⁴ История заводов. 1932. Вып. 2. С. 134.

¹⁵ Ф. 7952. Оп. 2. Д. 47. Л. 7. Путеводитель не был издан.

¹⁶ Там же. Оп. 2. Д. 58. Л. 250.

¹⁷ Там же. Л. 249.

¹⁸ Л. 237; Ф. 5325. Оп. 9. Д. 2782. Л. 76, 108, 193, 200.

то обстоятельство, что определение в нем лишь количественных показателей не могло способствовать повышению качества выявления документов. В целом же заключение договора следует оценить положительно, оно несомненно стимулировало введение в научный оборот значительного комплекса архивных документов по истории предприятий. Опираясь на договор, ЦАУ запланировало в 1933 г. активизировать работу. Центральные архивохранилища должны были составить 34 530 тематических карточек на выявленные документы, а на их основе — 408 тематических обзоров по истории заводов. В плане указывалось, какие архивы и по каким фондам будут проводить поиск¹⁹. В 1933 г. предполагалось составить 30 сводных обзоров по истории предприятий²⁰.

Предпринятая серьезная работа требовала подкрепления организационными мерами. В 1932—1933 гг. ЦАУ принимает ряд важных постановлений и распоряжений, направленных на улучшение деятельности архивов по выявлению источников для серии. В начале 1932 г. посылается на места распоряжение «О присылке сведений по концентрации фабрично-заводских фондов», а вслед за ним циркуляр «Об оказании взаимной помощи архивными органами в работе по подготовке архивных материалов для „Истории фабрик и заводов“». В апреле 1932 г. посылается запрос местным архивным управлениям «О состоянии списков предприятий — объектов исследования для „Истории фабрик и заводов“»²¹. Работа архивных органов обсуждается на заседаниях коллегии ЦАУ 20 января и 15 февраля 1933 г.²² Последнее из них имело особое значение, подводя некоторые итоги деятельности ЦАУ по созданию источниковой базы для написания истории предприятий. В протоколе этого заседания отмечалось, что «архивные органы РСФСР проделали значительную работу по обслуживанию редакции „Истории фабрик и заводов“: выявлены фонды фабрик и заводов по материалам центральных архивохранилищ, Московского и Ленинградского архивных управлений, составлено свыше 200 обзоров имеющихся материалов... 27 сводных обзоров по первоочередным предприятиям»²³. Вместе с тем в постановляющей части обращалось внимание на ряд недостатков. Указывалось на необходимость более тесных контактов архивных органов с Главной редакцией и заводскими редколлегиями. Предполагалось издать популярную брошюру об архивных документах как источниках написания «Истории фабрик и заводов», а также о методике использования архивных материалов в этой работе; подготовить к изданию описи нескольких крупных фабрично-заводских фондов. Планировалось осуществить комплекс мер для улучшения обслуживания членов заводских редколлегий в читальных залах архивов, усилить руководство архивной частью текущего делопроизводства предприятий²⁴. Выполнение решений коллегии должно было способствовать улучшению использования архивных документов в ходе работы по созданию «Истории фабрик и заводов». В марте 1933 г. ЦАУ разослало на места инструктивное письмо с кратким изложением постановления коллегии, а 7 марта 1933 г. на его основе — циркуляры: «О совместных производственных совещаниях работников архивохранилищ и представителей редакции „Истории фабрик и заводов“», «О наилучшем обслуживании рабочих авторов по написанию „Истории заводов“», «О помещении статей об архивных материалах в Бюллетене Главной редакции „Истории заводов“»²⁵.

Анализ сохранившихся документов, прежде всего первичных, дополни-

¹⁹ Ф. 5325. Оп. 9. Д. 2716. Л. 9—11 об.

²⁰ Там же. Л. 4. Следует различать тематические обзоры и сводные. Последние составлялись сектором выявления и использования ЦАУ на основе присылаемых из хранилищ тематических обзоров.

²¹ Бюллетень ЦАУ РСФСР. 1932. № 1 (116). 31 янв.; № 2/3 (117/118). 28 фев.; № 4 (119). 15 апр.

²² Ф. 5325. Оп. 9. Д. 2697. Л. 1, 4—5; см. также: История заводов. 1933. Вып. 7. С. 117; Ф. 7952. Оп. 2. Д. 58. Л. 50—50 об.

²³ Ф. 5325. Оп. 9. Д. 2697. Л. 4.

²⁴ Ф. 5325. Оп. 9. Д. 2697. Л. 4, 5.

²⁵ Ф. 7952. Оп. 2. Д. 58. Л. 85; Ф. 5325. Оп. 9. Д. 2266. Л. 81—82.

тельных и сводных обзоров архивных материалов по истории предприятий²⁶ свидетельствует об отставании методического обеспечения развернувшейся работы. Самые ранние из сохранившихся обзоров ЦАУ относятся к 1930 г., а наиболее поздние — к 1934 г., но подавляющее большинство — к 1932—1933 гг., когда эта работа велась наиболее интенсивно. Однако вплоть до конца 1932 г. наблюдается разнობой в приемах отбора документов и их описания. Бросается в глаза разная степень конкретизации и информативной насыщенности в первичных обзорах, поступавших в ЦАУ из центральных архивов в 1931—1932 гг. Порой присылались перечни материалов по истории предприятий даже без указания их поисковых данных и хронологических рамок. Разнობой затруднял составление сводных обзоров. Неразработанность методики выявления документов приводила к тому, что в ряде случаев в первичные обзоры включались малозначительные материалы, а важнейшие источники, в том числе уже известные исследователям, опускались²⁷. Такие ошибки нельзя было устранить при составлении сводных обзоров. Положение изменилось с конца 1932 г., когда ЦАУ направило на места инструктивное письмо о методике составления обзоров по «Истории фабрик и заводов», разработанное В. А. Домбровским²⁸. В письме указывалось, что обзор (а по существу перечень) «должен состоять из отдельных, сжатых, хроникальных записей типа аннотации или четко сформулированного заголовка дел», сгруппированных по хронологическому, а внутри него — тематическому признакам. Каждая запись включала четыре обязательных элемента: дату, краткое изложение содержания документов, вид документа и точные поисковые данные. Именно по такой методике был составлен основной комплекс сохранившихся обзоров, датированных 1933 г. — самым успешным и по объему выявленных документов. По сведениям А. П. Пшеничного, к концу этого года ЦАУ выявило до 30 тыс. документов, подготовило 132 предварительных и 60 сводных обзоров²⁹. Как свидетельствуют договор и справка, с сентября 1932 по март 1934 г. составлением и редактированием сводных обзоров по истории 80 важнейших заводов занимался известный архивист, в то время старший архивист-консультант ЦАУ Б. И. Анфилов³⁰. Сводные обзоры ЦАУ получили высокую оценку Главной редакции и заводских редколлегий³¹.

В конце 1932 г. истек срок договора между ЦАУ и Главной редакцией «Истории фабрик и заводов», однако его выполнение затянулось на год. Главная редакция позже установленного срока, только в конце 1932 г., представила архивным органам окончательный список предприятий, по которым должно было идти выявление. Кроме того, в ходе работы этот список неоднократно уточнялся. Возникли сложности с выполнением договора и у ЦАУ. В докладной записке заведующего научно-методическим отделом Г. Д. Костомарова заместителю управляющего ЦАУ В. В. Максакову 4 октября 1933 г. отмечалось, что выявленные материалы по истории заводов «поступают непрерывно, хотя и медленно... При сильной перегруженности работой научные сотрудники соглашаются брать на себя составление обзоров с большой неохотой и нередко подолгу задерживают сдачу работы. В значительной степени это явление приходится объяснять малой материальной заинтересованностью в работе по существующей оплате»³². Согласно резолюции Максакова, вопрос с увеличением оплаты был решен. К началу 1934 г. ЦАУ выполнило условия договора с Главной редакцией, передав ей обзоры архивных документов фабрик и заводов объемом более 50 п. л. Однако к этому времени далеко не все источники даже по упорядоченным фондам были выявлены, все

²⁶ Ф. 7952. Оп. 2. Д. 51; Оп. 10; Ф. 5325. Оп. 9. Д. 2146, 2507—2519, 2787—2816.

²⁷ Ф. 7952. Оп. 10. Д. 75. Л. 5—8; Оп. 2. Д. 58. Л. 199.

²⁸ Ф. 5325. Оп. 9. Д. 2505. Л. 1, 2.

²⁹ Пшеничный А. П. Центральное архивное управление СССР и РСФСР (1929—1938): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1985. С. 153.

³⁰ Ф. 5325. Оп. 9. Д. 2782. Л. 137, 232.

³¹ Ф. 7952. Оп. 2. Д. 58. Л. 198, 199.

³² Ф. 5325. Оп. 9. Д. 2782. Л. 212.

новые ценные документы становились доступными по мере разработки и описания фондов³³. Встал вопрос о продлении или перезаключении договора.

23 и 27 января 1934 г. Главная редакция направила в адрес ЦАУ письма о необходимости отказаться от хоздоговорной основы взаимоотношений и проводить выявление и составление обзоров документов архивами в планоном порядке³⁴. На чем основывалась такая позиция Главной редакции?

Как известно, с самого начала движение за создание истории фабрик и заводов представлялось как широкое общественное начинание, опиравшееся главным образом на энтузиазм рабочих. Они безвозмездно в свободное время участвовали в деятельности редколлегий, писали очерки и стихи по истории своего предприятия, составляли автобиографии и воспоминания, приносили старые документы и фотографии. Таким образом, создание мемуарной части источниковой базы серии не потребовало значительных финансовых затрат³⁵.

Иное положение сложилось с привлечением архивных материалов, когда общественный характер горьковского начинания вступил в противоречие с активно внедрявшимися в деятельность архивных органов принципами хозрасчета. Уже 23 ноября 1931 г. Главная редакция получила из ЦАУ смету на оплату работ центральных архивохранилищ по выявлению и проработке материалов по истории предприятий за ноябрь 1931 — март 1932 г. на сумму 23 тыс. 710 руб. За составление 27 сводных обзоров ЦАУ было уплачено 12 тыс. руб., а выявление материалов по архиву Октябрьской революции, архиву народного хозяйства и архиву профдвижения только в 1933 г. обошлось Главной редакции еще в 18 тыс. 620 руб.³⁶

Думается, можно было найти компромиссное решение. Однако стороны заняли крайние позиции. Испытывая серьезные денежные затруднения, Главная редакция ссылаясь в упоминавшемся письме 23 января 1934 г. на пример ЦАУ УССР и ряда провинциальных архивных управлений, которые «производят подбор материалов для наших редакций за весьма небольшую плату, а во многих случаях бесплатно». Один из руководителей Главной редакции — Л. Л. Авербах в письме управляющему ЦАУ Я. А. Берзину от 2 мая 1933 г. справедливо отмечал, что в ряде случаев имеет место формальное отношение архивных органов к инициативе по созданию истории предприятий, когда на первый план выступают финансовые соображения, своевременность и точность уплаты за произведенную работу, а не искреннее желание помочь начинанию³⁷. Ссылаясь на эти обстоятельства, Главная редакция «Истории фабрик и заводов», по существу, отказалась от дальнейшего финансирования работы архивных учреждений и перезаключения договора. В ответ на это 4 февраля 1934 г. ЦАУ уведомило ее, что «ввиду выполнения... договора и неполучения вашего согласия на продолжение его действия работа по составлению обзоров и дополнений к ним по предприятиям... с настоящего времени прекращена»³⁸.

Свертывание деятельности архивов по выявлению материалов проходило постепенно, так как ряд хранилищ включили его в свои производственные планы на 1934 г. Разъясняя ситуацию, научно-методический отдел ЦАУ 3 апреля 1934 г. разослал распоряжение, в котором сообщалось, что «работы по выявлению... должны проводиться архивохранилищами по

³³ Только в 1935–1936 гг. в центральных архивах было разобрано более 5 млн ед. хр. (Ф. 5325. Оп. 9. Д. 4351. Л. 7).

³⁴ Ф. 7952. Оп. 2. Д. 59. Л. 162; Ф. 5325. Оп. 9. Д. 2782. Л. 195–195 об.

³⁵ К примеру, согласно смете и справкам об израсходовании средств редакцией по истории завода «Красный пролетарий», на проведение вечеров воспоминаний с мая 1932 по май 1933 г. (период наиболее активной работы) было ассигновано всего лишь 200 руб., в том числе до декабря 1932 г. истрачено 62 руб. 50 коп. (Ф. 7952. Оп. 3. Д. 92. Л. 1–3).

³⁶ Ф. 7952. Оп. 2. Д. 58. Л. 41, 251; Д. 59. Л. 127.

³⁷ Ф. 7952. Оп. 2. Д. 58. Л. 41–41 об.; См. также: История заводов. 1933. Вып. 7. С. 116.

³⁸ Ф. 5325. Оп. 9. Д. 2782. Л. 193.

имеющимся утвержденным планам. Что же касается обзоров, то составление таковых в дальнейшем должно проводиться только по отдельным на то заявкам»³⁹, т. е. на хоздоговорной основе. Соповещения сотрудников ЦАУ 9 апреля и 16 сентября 1934 г. рассмотрели вопрос о необходимости завершения в 1934 г. разработки материалов по истории предприятий⁴⁰, однако это решение не было выполнено в срок. В связи с выходом Постановления Президиума ЦИК СССР от 27 июня 1935 г., поставившего в качестве первоочередной задачу упорядочения и описания фондов, деятельность архивов по использованию документов была временно приостановлена, исключение составила работа читальных залов⁴¹.

Подведем некоторые итоги. Благодаря активной деятельности архивов по выявлению материалов в рассматриваемый период заводские редколлегии получили возможность использовать архивные источники при создании истории предприятий. Работа осуществлялась в несколько этапов. В 1930—1931 гг. выявление велось лишь по истории нескольких предприятий, были заложены его организационные основы. Начало массовой разработки документов этой тематики связано с выходом в октябре 1931 г. упоминавшегося Постановления ЦК ВКП(б). Выполнение договора ЦАУ с Главной редакцией (июнь 1932 — начало 1934 г.) — наиболее продуктивный период выявления материалов. Однако работа ЦАУ имела существенные недостатки, которые особенно наглядно проявились в практике составления дополнительных обзоров, что можно объяснить разновременностью выявления материалов по истории предприятий в разных архивах наряду с продолжающейся разборкой архивных фондов. При получении, кроме основных, дополнительных обзоров редколлегии вынуждены были либо в корне перестраивать работу с учетом новых источников, либо в ущерб качеству книги не использовать их. Только архив Октябрьской революции в 1932—1933 гг. отослал 70 дополнительных обзоров документов⁴².

В связи с работой по «Истории фабрик и заводов» четко проявились «узкие места» архивной службы — срочная, необходимость обработки и описания значительного количества фондов, улучшения постановки архивной части делопроизводства в учреждениях, а также недостаточная разработанность научно-справочного аппарата архивов, нерешенность ряда методических вопросов. В то же время участие архивных органов в этом горьковском начинании стимулировало разработку важных архивоведческих проблем.

Изученные материалы свидетельствуют о том, что существовала прямая зависимость написания «Истории фабрик и заводов» от состояния ее источниковой базы. Детальный анализ всего комплекса источников на различных стадиях создания серии, в том числе в плане доступности документов для использования, необходим и для решения вопроса о соотношении различных видов источников при написании истории предприятий.

³⁹ Там же. Л. 226.

⁴⁰ Там же. Л. 229—229 об.; Д. 3025. Л. 1. Речь, видимо, шла о выявлении документов только по уже упорядоченным фондам.

⁴¹ АД. 1935. Вып. 2 (35). С. I—III; Ф. 5325. Оп. 9. Д. 3772. Л. 3 об., 8 об., 38—44, 78, 109—117.

⁴² Ф. 5325. Оп. 9. Д. 2782. Л. 12, 45, 114—115, 155, 191, 244—256.

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ПО ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ

В годы гражданской войны Среднее Поволжье (Казанская, Симбирская и Самарская губернии) дважды становилось местом, где решалась судьба революции. Так было летом и осенью 1918 г., во время борьбы с восставшими чехословацкими легионерами и эсеро-меньшевистской «народной» армией самарского Комитета членов Учредительного собрания (Комуч); весной и летом 1919 г., когда необходимо было разгромить белогвардейскую армию Колчака. В то время Восточный фронт был главным фронтом республики. Поэтому не случайно военные действия на территории края, его экономическое и социально-политическое развитие в первые годы Советской власти довольно широко отражены в документальных изданиях.

Вскоре после опубликования 1 июня 1918 г. ленинского декрета «О реорганизации и централизации архивного дела в Российской Социалистической Федеративной Советской Республике» началось систематическое собирание в архивах, в том числе Поволжья, и документов периода гражданской войны. Многие из них не сохранились: были уничтожены белогвардейцами, временно захватившими Самару, Симбирск и Казань летом 1918 г., сгорели при пожаре в Ульяновском архиве в 1933 г. и т. д.

Публикации документов о борьбе с силами внутренней и внешней контрреволюции в Средневолжском регионе появились в 1918–1920 гг. Это были издания партийно-советских и военных документов, материалов из лагеря контрреволюции, данных о работе поволжских организаций мелкобуржуазных партий в пору их легальной деятельности.

Важнейшие сведения о гражданской войне в крае содержатся в трудах В. И. Ленина, протоколах и стенографических отчетах VIII, IX съездов РКП(б), VIII и IX партийных конференций, отчетах ЦК за 1919–1920 гг., стенографических отчетах V–VIII Всероссийских съездов Советов. В стенографических отчетах съездов партии и Советов опубликованы выступления представителей поволжских губерний, данные о партийном, национальном и социальном составе делегатов и депутатов, письма-наказы с мест¹. Многие документы, имеющие непосредственное отношение к истории гражданской войны в Среднем Поволжье, напечатаны в «Собрании узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства» за 1918–1920 гг.

В. И. Ленин отмечал: «Все вопросы, из-за которых шла вооруженная борьба масс в 1905–1907 и в 1917–1920 годах, можно (и должно) проследить, в зародышевой форме, по тогдашней печати»². Это указание полностью относится и к средневолжской прессе. Значительное число документов (приказов и распоряжений местных властей, резолюций митингов и собраний, информационных сообщений и др.) было опубликовано на страницах более сотни губернских, уездных и военных газет, издававшихся в 1918–1920 гг. на территории Среднего Поволжья. Часть из них выходила на языках народов края и бойцов-интернационалистов.

К числу первых документальных публикаций о гражданской войне в Среднем Поволжье следует отнести синхронные издания протоколов и отчетов губернских и уездных партийных конференций и съездов Советов³, предпринятые в пропагандистских целях. Отдельные статистиче-

¹ VIII съезд РКП(б): Стеногр. отчет. М., 1919; Восьмой съезд РКП(б): Протоколы. М., 1959; Восьмая конференция РКП(б). М., 1961; Девятый съезд РКП(б): Протоколы. М., 1960; Отчеты ЦК РКП с VIII до X съезда. М., 1921; V–VIII Всероссийские съезды Советов: Стеногр. отчеты. М., 1918–1921; и др.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 9.

³ См.: Советская страна в период гражданской войны, 1918–1920. Библиогр. указ. документальных публикаций. М., 1961. С. 102–104, 113–114.

ские данные появились в работах местных статистиков и в других изданиях⁴. Эти данные свидетельствовали о том, что в трех многонациональных средневожских губерниях в 1918—1920 гг. проживало примерно 8,5 млн человек, из них 7,8 млн (91,8%) — в сельской местности. Общее число промышленных предприятий в них в 1918 г. было немногим более тысячи, а количество рабочих — 53 тыс. человек. Выполнение плана продовольственной разверстки в силу ряда причин не превышало в 1919—1920 гг. в Симбирской губернии 39,9%, в Самарской — 51,8%, в Казанской — 60,5%.

В 1918—1920 гг. появились и документальные тематические сборники⁵. 275 телеграмм, приказов и распоряжений командующего Восточным фронтом в июле — начале сентября 1918 г. И. И. Вацетиса, подготовленные к изданию Оперативным отделом Народного комиссариата по военным делам, содержали важные сведения о формировании пяти армий фронта, ходе боевых действий в районе Казань — Урал — Самара против белочехословацкого корпуса и «народной армии» самарского Комуча. В «Красной книге ВЧК» были представлены следственные материалы по разгрому контрреволюционного «Союза защиты родины и свободы», созданного в 1918 г. Б. В. Савинковым и имевшего свои филиалы в городах Поволжья, в том числе в Казани. Документы характеризуют лагерь контрреволюции, разоблачают сущность белогвардейских замыслов, их связь с действиями правых мелкобуржуазных партий. Таких изданий в годы гражданской войны было немного⁶.

Большинство документов контрреволюции в 1918—1920 гг. издавалось на территории, временно захваченной белогвардейцами, и за границей. Среди первых публикаций подобного рода (установить их число трудно из-за отсутствия полноценных библиографических справочников) следует отметить изданный Комучем протокол Самарского уездного крестьянского съезда, программные документы партий правых эсеров и меньшевиков, где содержалась оценка действий и поволжских эсеров-меньшевицких организаций⁷.

Документы, характеризующие деятельность самарского Комуча, Уфимской дирекции и колчаковского правительства, в годы гражданской войны публиковались в белогвардейских и эсеров-меньшевицких газетах. Разоблачая ряд напечатанных в них приказов Комуча, «Известия ВЦИК» 22 октября 1918 г. писали: «Издавая приказы, кучка учредителей, состоящая из И. Брушвита, П. Климушкина, В. Вольского, И. Нестерова и др., действует „именем народа“, но на самом деле самарские крестьяне таких избранников, как В. Вольский и И. Нестеров, слышат в первый раз, ибо первый из Тверской, а второй из Минской губернии». Газета указывала, что, стремясь поднять свой престиж, комучевцы прибегали ко лжи, заявляя, например, что на открытие областной думы в Челябинск прибыл М. Горький, хотя он там не был и даже не знал об этом.

Сравнительно широко в публикациях первых лет Советского государст-

⁴ Перцов В. В. Очерк статистики и экономики Казанской губернии. Казань, 1919; Баскин Г. И. Численность сельского населения Самарской губернии. Самара, 1920; Всероссийская промышленная и профессиональная перепись 1918 г. М., 1920; Второй год борьбы с голодом: Краткий отчет о деятельности Народного комиссариата по продовольствию за 1918—19 г. М., 1919, и др.

⁵ Собрание оперативных телеграмм, приказов и распоряжений главнокомандующего Восточным (чехословацким) фронтом тов. Вацетиса, 18/VII — 7/IX 1918 г. М., 1918; Красная книга ВЧК. М., 1920. Т. 1.

⁶ Акт об образовании Всероссийской Верховной власти. Уфа, 1. 1918, сентябрь // Ежегодник чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией. М., 1918. № 6. С. 9—13; Партийное совещание РСДРП (27 декабря 1918 г. — 1 января 1919 г.); Резолюции. М., 1919. С. 20, 25—26.

⁷ Протокол Самарского уездного крестьянского съезда, созванного Самарским губерньским Советом крестьянских депутатов на 7 июля 1918 г. Самара, 1918; Современный момент в оценке партии социалистов-революционеров (Февраль—март 1919 г.). Париж, 1919; и др.

ва было представлено левое течение мелкобуржуазного лагеря⁸. В них определялась политика и тактика партий левых эсеров, «революционных коммунистов», содержались сведения о поволжских организациях этих партий. Отдельные документы о деятельности последних публиковались тогда в газетах: «За землю и волю» (Казань, март–июль 1918 г. Орган Исполкома казанского губернского Совета крестьянских депутатов и Казанского губернского комитета партии левых социалистов-революционеров); «Воля труда» (орган партии революционных коммунистов. М., № 1. 14 сентября 1918 г.) и др.

В 20-е годы — начале 30-х годов активное собираще и публикацию источников о гражданской войне вели Истпарт и его бюро (отделы) на местах⁹. Они стали инициаторами публикаций в Поволжье хроник событий, хрестоматий, отдельных тематических изданий¹⁰. Важное значение имели публикации статистических данных о социальном и национальном составе населения Среднего Поволжья, количестве предприятий и питании рабочих, классовом расслоении крестьянства¹¹.

По подсчетам И. Л. Шермана, большинство журнальных публикаций 20-х годов представляли документы из лагеря контрреволюции¹². Документальные издания о гражданской войне в Поволжье не были исключением. Возросший интерес к истории краха контрреволюции в те годы был вызван прежде всего политическими обстоятельствами. Наиболее существенным из них было то, что при переходе к нэпу эсеры и меньшевики, по определению Лепина, стали «авангардом всей реакции», что в активизации бандитизма в стране особенно чувствовалось влияние эсеров¹³. Белогвардейцы, разгромленные и изгнанные из России, продолжали за рубежом вынашивать планы нового нападения на Страну Советов. Ленин указывал на необходимость разъяснения трудящимся судебных процессов над лидерами партии эсеров¹⁴.

В стенографических отчетах о процессе 1922 г., публиковавшихся в «Правде», в обвинительном заключении содержались сведения о том, как правые эсеры готовили в 1918 г. контрреволюционный мятеж в Поволжье. Так, было установлено, что его подготовка началась еще до заключения Брестского мирного договора, что информация поволжских делегатов на 8-м совете партии правых эсеров (май 1918 г.) явилась одним из

⁸ Протоколы Первого съезда партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов). М., 1918; Сборник докладов и резолюций Первого Всероссийского съезда партии революционного коммунизма. М., 1919, и др.

⁹ См. об этом: Алексеева Г. Д., Желтова Г. И. Становление и развитие советской системы научно-исторических учреждений (20–30-е годы). Ташкент, 1977; Литвин А. Л., Цунчук А. Г. Создание и деятельность Татарского истпарта (1920–1939) // Историография федосеевских марксистских кружков в Поволжье. Казань, 1972; Кабытов П. С., Шестаков В. А. Организация и деятельность Самарского и Средневожского истпартов по изучению Октябрьской революции в крае // Трудящиеся Поволжья в борьбе за власть Советов. Куйбышев, 1981.

¹⁰ Бочков А. И. Три года Советской власти в Казани: (Хроника событий), 25 октября 1917–1920 гг. Казань, 1921; Троцкий В. В. Революция 1917–1918 гг. в Самарской губернии: (Хроника событий). Самара, 1929. Т. 11; Он же. 1919 год в Средневожском крае: (Хроника революционных событий). М., 1932; Троцкий В. В., Демидов А. Д. 1920 год в Средневожском крае: (Хроника революционных событий). М.; Самара, 1934; Пионтковский С. А. Гражданская война в России (1918–1921 гг.): Хрестоматия. М., 1925; Борьба за Казань: Сб. материалов о чехо-учредилловской интервенции в 1918 г. Казань, 1924. № 1; и др. М. В. Нечкина писала: «Гражданская война... гораздо менее представлена в публикациях документальных источников: тут преобладают мемуары». См.: Общественные науки СССР, 1917–1927. М., 1928. С. 139; С. А. Пионтковский отмечал, что «издание систематическое и полное хотя бы одной группы документов... еще дело будущего». См.: Советы в Октябре. М., 1928. С. XIII.

¹¹ Статистический ежегодник, 1918–1920 гг. М., 1921. Т. VIII, вып. 1; 1922. Т. VIII, вып. 2; Экономическое расслоение крестьянства в 1917 и 1919 гг. М., 1922; Сборник статистических сведений по Союзу ССР, 1918–1923. М., 1924; Население г. Казани, 1863–1923. Казань, 1923; и др.

¹² Шерман И. Л. Советская историография гражданской войны в СССР (1920–1931). Харьков, 1964. С. 41.

¹³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 349; Т. 44. С. 53.

¹⁴ См.: Так же. Т. 44. С. 396.

оснований для форсирования сроков антисоветского выступления в этом районе¹⁵. Материалы судебного процесса над Б. В. Савинковым, специальная публикация о «работе» эсеров в 1918 г. дополняли эти сведения фактами о совместных действиях савинковцев, правых эсеров и меньшевиков против власти Советов, их активной борьбе за самарский Комуч, за организацию в Поволжье в октябре 1918 г. диверсионных отрядов¹⁶. Пионтковским были подготовлены документальные сведения о том, какими суммами из захваченного в Казани золотого запаса Республики Колчак расплачивался с правительствами стран Антанты. Несколько позже опубликована стенографическая запись допроса Колчака, в которой указано, какие суммы получили от него правые эсеры, члены самарского Комуча и Уфимской директории, высланные им за границу¹⁷.

С конца 20-х годов число публикаций из лагеря контрреволюции резко сократилось. В составе документальных изданий стали преобладать партийно-советские документы. В изданном в Москве сборнике о Советах времени гражданской войны были опубликованы донесения Бугульминского ревкома (20 декабря 1918 г.) уездному съезду Советов о перемене настроения крестьян в пользу Советской власти, сообщения о создании комбедов в Мелекесском уезде Симбирской губернии¹⁸. В другом сборнике в протоколе заседания саратовского Совета (2 ноября 1918 г.) отмечалось, что временный захват Самары легионерами и учредиловцами резко обострил положение в губернии, где вспыхнули кулацкие мятежи¹⁹.

Активизация исследований по истории гражданской войны связана с Постановлением ЦК ВКП(б) от 30 июля 1931 г., одобдившим инициативу М. Горького об издании многотомной истории борьбы с силами внутренней и внешней контрреволюции. На местах были созданы комиссии содействия, которые занимались выявлением и собиранием документов и материалов по истории первых лет Советской власти в отдельных регионах страны²⁰.

Работа по созданию многотомной истории гражданской войны развертывалась в сложной международной и внутренней обстановке. Это проявилось в направленности публикаций той поры: документы о военных действиях, социалистическом преобразовании сельского хозяйства, деятельности комбедов, продовольственных отрядов, борьбе с кулачеством. К первым следует отнести публикации документов об участии в боях на Восточном фронте многих прославленных героев гражданской войны²¹, а также документы, опубликованные в приложениях к исследованиям о борьбе за Казань и Симбирск в 1918 г.²², тематические подборки источников о разгроме армии Колчака в Поволжье в 1919 г.²³ Это — обраще-

¹⁵ Правда. 1922. 22, 29 июня; Обвинительное заключение по делу центрального комитета и отдельных членов иных организаций партии социалистов-революционеров по обвинению их в вооруженной борьбе против Советской власти, организации убийств, вооруженных ограблений и изменнических сношениях с иностранными государствами. М., 1922.

¹⁶ Дело Б. Савинкова. Л., 1924; «Работа» эсеров в 1918 году / Предисл. В. Владимировой // КА. 1927. Т. 1. (20).

¹⁷ Материалы по истории контрреволюции // ПР. 1921. № 1. С. 122; Допрос Колчака. Л., 1925. С. 178–179.

¹⁸ Советы в эпоху военного коммунизма (1918–1921): Сб. документов / Под ред. В. А. Антонова-Саратовского. М., 1928. Ч. 1. С. 318, 377.

¹⁹ Саратовский Совет рабочих депутатов (1917–1918): Сб. документов. М.; Л., 1931. С. 768.

²⁰ См.: Инструкция по организации в районах ТАССР работ по выявлению и собиранию материалов и документов по «Истории гражданской войны». Казань, 1931; и др.

²¹ К боевой биографии В. М. Азина: (Материалы и документы). Ижевск, 1935; М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны: Сб. документов. М., 1941; Боевые документы Чапаева // ВИЖ. 1939. № 3. С. 133–146; и др.

²² Алексеев В. Восстание главкома Муравьева. Сталинград, 1936. С. 86–101; 1918 год на родине Ленина. Куйбышев, 1936. С. 315–344; Бубеннов М., Валеев А. Освобождение Казани от белоинтервентов в 1918 году. Казань, 1939. С. 57–62; и др.

²³ Колчаковщина: Сб. документов и боевых воспоминаний. М.; Самара, 1932; М. В. Фрунзе в организации разгрома Колчака // КА. 1939. Т. 2 (93). С. 3–50; и др.

ния комитетов РКП(б) к населению, воззвание Временного революционного гражданского комитета к трудящимся освобожденной Казани, возвания Самарского губернского военного комиссариата, политотдела 4-й армии Восточного фронта о необходимости разгрома Колчака, приказы, доклады и телеграммы М. В. Фрунзе и другие, большей частью впервые опубликованные данные.

Документы о военных действиях на Восточном фронте республики в 1918 г. помещены в центральном сборнике (о начале гражданской войны) и в местном (о положении в Татарии)²⁴. В первом из них выборочно, без указания на местонахождение подлинников, опубликованы возвания командования фронтом к населению края, выдержки из приказов и сводок по отдельным армиям. Другой сборник ставил задачу дать документальное представление о событиях на территории Татарии с октября 1917 по ноябрь 1918 г. В нем придерживались правил публикации об указании места нахождения оригинала документа. Документы сгруппированы по тематическим разделам: парторганизация, советы, ревкомы; рабочий класс; классовая борьба в деревне; Красная армия в борьбе с контрреволюцией и другие.

В сборнике опубликованы извлечения из центральных и местных (в том числе издававшихся на татарском языке) газет, из протоколов заседаний Советов, центрального и местных мусульманских комиссариатов, из многочисленных резолюций рабочих собраний и солдатских митингов, направленных на мобилизацию масс и организацию отпора врагу. Достоинством сборника являлась публикация документов о деятельности не только губернской, но и уездных партийных организаций, Советов и комиссариатов. В сборнике опубликованы отдельные оперативные приказы главкома Восточного фронта И. И. Вацетиса, приказы и оперативные сводки по войскам 5-й армии, связанные с боями по освобождению Казани в августе—сентябре 1918 г. Оба сборника содержали разделы из документов самарского Комуча, характеризующих политику правых эсеров и меньшевиков в Поволжье, направленную на развитие капиталистических отношений²⁵. В этом плане к ним примыкает публикация записи переговоров на уфимском совещании в сентябре 1918 г. между представителями самарского Комуча и сибирскими областниками, когда выяснилось, что последних более интересует судьба захваченного в Казани золотого запаса республики, нежели идея борьбы за передачу власти Учредительному собранию²⁶.

В годы Великой Отечественной войны были опубликованы лишь некоторые документы по истории гражданской войны в Поволжье: приветствие Я. М. Свердлова Красной Армии в связи с освобождением Казани и Симбирска, постановление Татаро-башкирского комиссариата 19 апреля 1918 г. о формировании татаро-башкирского батальона Красной Армии и др.²⁷

Выборочные сведения о количестве продотрядников, действовавших в губерниях Среднего Поволжья в 1918—1920 гг., коллективных хозяйствах, пудах заготовленного тогда хлеба дали журнальные публикации 30-х годов²⁸. Многие из этих сведений с небольшими дополнениями бы-

²⁴ Документы по истории гражданской войны в СССР. М., 1940. Т. 1. С. 353—382; Первый год пролетарской диктатуры в Татарии: Сб. документов и материалов по истории парторганизации и гражданской войны в 1918 г. Казань, 1933.

²⁵ Документы по истории гражданской войны в СССР. Т. 1. С. 337—342; Первый год пролетарской диктатуры в Татарии. С. 281—301.

²⁶ Уфимское совещание и Временное сибирское правительство / Предисл. С. Пионтовского // КА. 1933. Т. 6 (61). С. 58—81.

²⁷ Листовки гражданской войны в СССР (1918—1922 гг.). М., 1942. С. 16; Организация Красной Армии: Сб. документов и материалов. М., 1943. С. 107—108.

²⁸ Из истории борьбы продовольственных отрядов за хлеб и укрепление Советской власти (1918—1920 гг.) // КА. 1938. № 4/5. С. 114—115; Социалистические формы сельского хозяйства в 1918—1919 гг. // КА. 1939. Т. 5. С. 15—16, 37—38; Борьба за хлеб в 1918—1919 гг. // КА. 1939. Т. 6. С. 20; К истории возникновения сельскохозяйственных коммун и артелей в СССР (1918 г.) // КА. 1940. Т. 4. С. 124, 133, 138.

ли перепечатаны в центральном сборнике²⁹. Столь же выборочно публиковались в 50-е годы данные о национализации промышленности в крае. В основном это выписки из протоколов заседаний местных совнархозов, которые характеризовали текущую ситуацию. Так, в выписке из протокола пленума Самарского губсовнархоза от 7 февраля 1919 г. отмечалось: «С подавлением чехословацкого мятежа и приходом в Самару Советской власти работу по организации народного хозяйства пришлось начать с самого начала, причем объективные условия для работы были уже несравненно хуже, чем в феврале 1918 года: все ценное сырье, полуфабрикаты, фабрикаты, орудия производства, машины, станки и инструменты были частично вывезены владельцами и отступавшими белогвардейцами, мосты взорваны, дороги испорчены, лучшие квалифицированные рабочие увезены и т. д.»³⁰

Отдельные документы, характеризующие контрреволюционные действия чехословацкого корпуса в Поволжье летом 1918 г., были опубликованы в виде извлечений из секретного архива канцелярии и личного архива бывшего президента буржуазной Чехословакии Т. Масарика³¹.

Существует взаимосвязь между публикацией источников и созданием обобщающих произведений, между изданием обобщающих трудов по истории гражданской войны в стране и ее изучением в отдельных районах. «Публикация источников, как всегда, опережает и вместе с тем стимулирует появление новых исследований», — писал Е. Н. Городецкий³². Хронология выхода в свет монографических исследований о гражданской войне не всегда подтверждает этот вывод. Публикация многих документальных сборников по теме в начале 60-х годов была и результатом завершения пятитомного труда по истории гражданской войны в СССР, а также итогом большой работы поволжских историков по написанию очерков истории большевистских организаций, монографических и диссертационных исследований³³. Например, в сборнике «Из истории гражданской войны» впервые опубликовано постановление ЦК РКП(б) от 29 июля 1918 г. «О мероприятиях по укреплению Восточного фронта»³⁴. Эта публикация дала импульс к дальнейшему изучению роли Восточного фронта в судьбе революции летом — в начале осени 1918 г. Ряд важных документов по исследуемой теме помещен в многотомных документальных изданиях: «Декреты Советской власти» (М., 1959—1971. Т. 2—5); «Переписка Секретариата ЦК РКП(б) с местными партийными организациями» (М., 1969—1972. Т. 4—7), а также в сборниках «Боевые подвиги частей Красной Армии (1918—1922)» (М., 1957); «Партийно-политическая работа в Красной Армии» (М., 1961, 1964, Ч. 1—2); «Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России (1917—1922)» (М., 1957); «Из истории Всероссийской Чрезвычайной Комиссии. 1917—1921» (М., 1958); и др. В них содержались выборочные данные о том, как ЦК РКП(б) осуществлял руководство поволжскими большевистскими организациями; о частях Красной Армии, отличившихся в сражениях под Казанью и Симбирском летом 1918 г.; об интерна-

²⁹ Аграрная политика Советской власти (1917—1918 гг.): Документы и материалы. М., 1954. С. 507, 512, 513, 517.

³⁰ Национализация промышленности в СССР: Сб. документов и материалов, 1917—1920. М., 1954. С. 783—784.

³¹ Документы об антипародной и антинациональной политике Масарика. М., 1954. С. 19—21, 29, 44 и др.

³² Городецкий Е. Н. *Историографические и источниковедческие проблемы Великого Октября, 1930—1960-е годы*: Очерки. М., 1982. С. 345.

³³ Сравним даты изданий: История гражданской войны в СССР. М., 1957—1960. Т. 3—5; Из истории гражданской войны в СССР; Сб. документов и материалов. М., 1960, 1962. Т. 1—3; *Мухарьмов М. К.* Из истории иностранной военной интервенции и гражданской войны на территории Татарии (1918—1920 гг.). Казань, 1954; *Большевики Татарии в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны*: Сб. документов и материалов. Казань, 1961; Самарская губерния в годы гражданской войны (1918—1920 гг.): Документы и материалы, Куйбышев, 1958; *Медведев Е. И.* Гражданская война и военная интервенция на Средней Волге в 1918 г. Куйбышев, 1959; и др.

³⁴ Из истории гражданской войны: Сб. документов и материалов. Т. 1. С. 344—346.

ционалистах, участвовавших в боевых действиях на территории края; о борьбе с контрреволюционными мятежами и заговорами. Эти сведения дополняли публикации о военно-политической деятельности В. В. Куйбышева на Восточном фронте, доклады И. И. Вацетиса Ленину, отдельные факты из биографии В. И. Чапаева или о том, как был возвращен в Казань золотой запас республики³⁵. Особый интерес представляла публикация документов так называемого «Парижского посольства» за 1917–1923 гг., в которых разоблачались планы интервентов и белогвардейцев, попытки Колчака в августе 1919 г. заставить белочехословаков, находившихся в Сибири, пробиваться на родину через Поволжье и снова свергнуть там Советскую власть³⁶.

В начале 60-х годов было завершено издание документальных сборников, посвященных истории гражданской войны в областях и республиках Поволжья³⁷. В процессе их создания в средневожских партийных и государственных архивах была проведена огромная работа и число выявленных документов намного превысило количество опубликованных. В сборниках, изданных в Куйбышеве, Ульяновске и Казани, было напечатано 1403 документа, большей частью впервые. Они расположены хронологически и раскрывают наиболее важные для региона события тех лет: борьбу с интервентами и белогвардейцами в 1918–1919 гг., мобилизацию сил для обороны страны, укрепление союза рабочего класса с крестьянством. В них явно недоставало документов о культурном строительстве в крае, решении национального вопроса в первые годы Советской власти. В ряде случаев это вызвало появление специальных изданий³⁸.

Сборники документов о гражданской войне в Поволжье, изданные в конце 50-х — начале 60-х годов, имели ряд существенных недостатков: в них почти не было источников, представляющих лагерь контрреволюции; многие документы были даны с существенными купюрами; археографическая обработка свидетельствовала о недостаточной профессиональной подготовке составителей. Эти сборники со всей остротой поставили вопрос о необходимости осуществления фондовых публикаций документов губкомов РКП(б), губисполкомов и др. — вопрос, который не решен и поныне.

В 60-е годы были созданы тематические сборники по проблеме «В. И. Ленин и отдельные районы Среднего Поволжья», в которых были собраны указания Ленина, связанные с этим регионом, в частности в период гражданской войны³⁹.

В 70-е годы распространились документальные публикации типа хроник, составленные на основе архивных, газетных и мемуарных данных. Наиболее крупными из них стали хроника жизни В. И. Ленина, содер-

³⁵ Военно-политическая деятельность В. В. Куйбышева на Восточном фронте (1918–1919 гг.) // ИА. 1958. № 4; Доклады И. И. Вацетиса В. И. Ленину (февраль–май 1919 г.) // ИА. 1958. № 1; *Чапаев В. И.* Умереть со мной за Советскую власть или очистить страну от бандитов... // СА. 1966. № 2; «Золотой эшелон»: (Возвращение золотого запаса РСФСР, Март–май 1920 г.) // ИА. 1961. № 1.

³⁶ Из архива организаторов гражданской войны и интервенции в Советской России // ИА. 1961. № 6. С. 91.

³⁷ Самарская губерния в годы гражданской войны (1918–1920 гг.): Документы и материалы; Симбирская губерния в годы гражданской войны: Сб. документов. Ульяновск, 1958–1960; Т. 1. 2; Большевики Татарии в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны (август 1918 – декабрь 1920) Казань, 1961; см. также: Мордовия в период упрочения Советской власти и гражданской войны. Саранск, 1959; Трудящиеся Удмуртии в борьбе с Колчаком. Ижевск, 1959; Чувашия в годы гражданской войны. Образование Чувашской автономной области. Чебоксары, 1960.

³⁸ Образование Татарской АССР: Сб. документов и материалов. Казань, 1963; Культурное строительство в Татарии, 1917–1941: Сб. документов и материалов. Казань, 1971; см. также: Образование Башкирской автономной советской социалистической республики: Сб. документов и материалов. Уфа, 1959.

³⁹ В. И. Ленин и Самарская большевистская организация. Куйбышев, 1964; В. И. Ленин и Самара. Куйбышев, 1966; В. И. Ленин и Татария. Казань, 1964; 2-е изд. Казань, 1970; Ленин и Симбирск. Ульяновск, 1968; В. И. Ленин и трудящиеся Чувашии. Чебоксары, 1970; и др.

жащая более 600 упоминаний о событиях и людях средневожского края первых лет власти Советов, и хроника деятельности ЦК РКП(б) в 1918—1919 гг.⁴⁰ Большое значение для изучения истории гражданской войны в Самарской губернии имеет хроника событий за 1918—1920 гг.⁴¹ Заслуживают внимания сведения о численности большевистских организаций, содержащиеся в отдельных статистических сборниках, вышедших в Поволжье⁴².

С конца 60-х годов началась публикация документов Главного командования и командования фронтов Красной Армии в годы гражданской войны, которые в значительной степени позволили расширить представления о ходе боевых действий на Восточном фронте, в районах Поволжья, выяснить формы и методы руководства войсками. Среди опубликованных директив Главного командования Восточному фронту лета — начала осени 1918 г. (именно в это время бои шли на территории Среднего Поволжья) посвящено 32 документа; Восточному фронту весны — лета 1919 г. — 53; из них в 40 документах речь идет о сражениях в Поволжье. Документы в основном извлечены из фондов ЦГАСА и представляют собой директивы, докладные записки, телеграммы Реввоенсовета Республики, оперативного отдела Наркомвоена командующему Восточным фронтом и командармам⁴³. Среди директив командования фронтов Красной Армии, также извлеченных в основном из фондов ЦГАСА, — более 200 документов о борьбе с белогвардейцами в Поволжье в 1918—1919 гг. Это директивы о создании армий Восточного фронта, их дислокации, численности, вооружении, направлении наступлений, планах операций⁴⁴.

Существенным дополнением к изучению боевых действий в районе Среднего Поволжья стали публикации о боевом пути 1-й и 5-й армий Восточного фронта, деятельности на Восточном фронте И. И. Вацетиса, М. В. Фрунзе, письма комиссара Волжской военной флотилии Н. Г. Маркина, новые документы о боевой биографии В. И. Чапаева⁴⁵. Разумеется, многие документы даны в перепечатке, но, например, в сборнике о деятельности М. В. Фрунзе на Восточном фронте из 167 документов, 80 новых (из ЦГАСА). Создание таких сборников важно, и можно ждать подобных о всех пяти армиях Восточного фронта, о действиях Волжской военной флотилии и других соединений Красной Армии.

В 70-е годы продолжалась публикация тематических документальных изданий, среди которых несомненный интерес представили сборники, посвященные ВЧК и внутренним войскам Советской республики⁴⁶. В них

⁴⁰ Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. М., 1974—1978. Т. 5—9; *Аникеев В. В.* Деятельность ЦК РСДРП(б)—РКП(б) в 1917—1918 гг. М., 1974; *Он же.* Деятельность ЦК РКП(б) в 1918—1919 годах. М., 1976; см. также: День за днем: (Биографическая хроника В. И. Ленина). Казань, 1987.

⁴¹ *Попов Ф. Г.* 1918 год в Самарской губернии: Хроника событий. Куйбышев, 1972; *Он же.* 1919 год в Самарской губернии: Хроника событий. Куйбышев, 1974; *Он же.* 1920 год в Самарской губернии: Хроника событий. Куйбышев, 1977.

⁴² Партийная организация Татарии в цифрах и документах (1917—1977). Казань, 1978; Куйбышевская областная партийная организация в документах и цифрах (1902—1977 гг.). Куйбышев, 1978; *Борцов А. Д.* и др. Чувашская областная организация КПСС за 60 лет. Чебоксары, 1982; и др.

⁴³ Директивы Главного командования Красной Армии (1917—1920): Сб. документов. М., 1969. С. 91—113.

⁴⁴ Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922 гг.). М., 1971. Т. I. С. 360—462; 1972. Т. II. С. 617—725.

⁴⁵ Боевой путь первой революционной армии Восточного и Туркестанского фронтов, Июнь 1918 — февраль 1921 гг.: Сб. документов и материалов. Ашхабад, 1972; В боях рожденная: Боевой путь 5-й армии, 1918—1920: Сб. документов. Иркутск, 1985; Главнокомандующий всеми вооруженными силами Республики И. И. Вацетис: Сб. документов. Рига, 1978; М. В. Фрунзе на Восточном фронте: Сб. документов. Куйбышев, 1985; Неизвестные письма Н. Г. Маркина // ВИЖ. 1973. № 5; Легендарный наездник: Сб. документов. Чебоксары, 1986.

⁴⁶ В. И. Ленин и ВЧК, 1917—1922: Сб. документов. М., 1975; 2-е изд. М., 1987; Внутренние войска Советской республики, 1917—1922 гг.: Документы и материалы. М., 1972; Губченка: Сб. документов и материалов из истории Саратовской чрезвычайной комиссии, 1917—1921 гг. Саратов, 1980.

содержится много новых данных о борьбе в Поволжье с белогвардейскими заговорами и кулацкими мятежами: например, дополнительные сведения о разгроме выступления командующего Восточным фронтом левого эсера М. А. Муравьева в июле 1918 г., о подробностях ликвидации контрреволюционного кулацкого мятежа в Поволжье и Приуралье в феврале—апреле 1920 г. и т. д. Сборник документов о деятельности московских чекистов содержит доклад Я. Х. Петерса на заседании Московского Совета 25 июня 1918 г., в котором он отметил пресечение чекистами попытки правых эсеров заполучить 23 млн руб., предназначенные для перевозки из Москвы в Казань⁴⁷.

Значительно расширили наши представления о гражданской войне в Поволжье публикации документов об интернационалистах⁴⁸, о планах, замыслах и действиях интервентов⁴⁹.

Наибольшее число документальных публикаций о гражданской войне в Поволжье посвящено боевым действиям Красной Армии против сил внутренней и внешней контрреволюции, деятельности местных партийных и советских организаций. В последние годы благодаря публикациям о деятельности чекистов и внутренних войск стало более подробно известно о ликвидации контрреволюционных заговоров и мятежей. Вместе с тем имеющиеся публикации в силу своей избирательности не могут удовлетворить исследователей, как и почти полное прекращение издания документов по истории контрреволюции. На местах стоит вопрос о переиздании в дополненном виде сборников документов по истории гражданской войны, хотя более перспективным представляется переход на выпуск пофондовых публикаций.

⁴⁷ МЧК. Из истории Московской чрезвычайной комиссии, 1918—1921: Сб. документов. М., 1978. С. 50.

⁴⁸ Венгерские интернационалисты в Октябрьской революции и гражданской войне в СССР: Сб. документов. М., 1968. Т. 1, 2; Под знаменем пролетарского интернационализма: Деятельность румынских интернационалистов на территории Страны Советов, 1917—1920 гг.: Сб. документов и материалов. М., 1970; Участие югославских трудящихся в Октябрьской революции и гражданской войне в СССР: Сб. документов и материалов. М., 1976; и др.

⁴⁹ Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. М., 1973. Т. 1. С. 102, 147, 161—169; и др.

И. И. Колесник

КОНСПЕКТ ЛЕКЦИЙ С. М. СОЛОВЬЕВА ПО РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Изучение творческого наследия основоположника науки отечественной историографии вступает сейчас в такую стадию, когда решающее значение приобретают архивные материалы.

Из воспоминаний Б. Н. Чичерина и К. Н. Бестужева-Рюмина известно, что в Московском университете профессора Т. Н. Грановский и С. М. Соловьев практиковали чтение лекций по историографии всеобщей и отечественной истории¹. У самого Соловьева первое упоминание о чтении им лекций историографического содержания относится к 1848/49 учебному году. Дело в том, что с уходом в отставку попечителя Московского учебного округа графа С. Г. Строганова Соловьев, как и все «строгановские», стал подвергаться «служебным испытаниям» со стороны высших административных чинов университета. Так, в результате интриг «злого врага» всей «строгановской» партии ректора университета Д. М. Первозицкого Соловьев «в тяжелый голодный» 1848 год был лишен права чте-

¹ Чичерин Б. Н. Воспоминания. Москва сороковых годов. М., 1929. С. 43; Бестужев-Рюмин К. Н. Воспоминания (до 1860 года) // Сб. ОРЯС. СПб., 1901. Т. 67. С. 24.

пия публичных лекций, что не могло печально не сказаться и на без того скромном бюджете молодого московского профессора, только что обзаведшегося семьей. Более того, в январе 1849 г., вспоминая Соловьев, Перевощиков «говорил Уварова взять назад утверждение мое ординарным профессором, придрался к моим лекциям, сказал декану Шевыреву... что я на первых лекциях, читая обзор русской исторической литературы, бранил всех писателей, бывших до меня, и таким образом старался как будто бы показать, что до меня не было сделано ничего по русской истории». Соловьев, стремясь при этом отвести от себя упреки в ученом нигилизме, в «Записках» своих прямо заявлял, что вызывавшие недовольство начальства лекции были им опубликованы в «Архиве» Н. В. Калачова, имея в виду известное исследование о писателях русской истории XVIII в.²

Итак, чтение Соловьевым лекций по русской историографии — неоспоримый факт его профессорской биографии. Однако полный текст этих лекций до настоящего времени не был выявлен и изучен. В исследовательской литературе³ известна лишь начальная часть этих лекций — принадлежащий неуставленному лицу конспект лекции под № 1, который хранится в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Текст лекции датируется 1848/49 уч. г. и представляет собой обзор древнерусской исторической литературы до XVII в., обрывающийся на характеристике сочинений А. С. Матвеева⁴.

Среди исследователей творчества Соловьева бытовало мнение, что материалы лекций, где речь шла об исторической литературе последующего времени, были опубликованы Соловьевым в виде специальных работ, посвященных историкам XVIII в.

Между тем обнаруженная в Отделе письменных источников Государственного Исторического музея г. Москвы запись лекционного курса Соловьева по отечественной истории позволяет не только рассматривать экскурсы его в историю русской исторической литературы от начала до середины XIX столетия как единое целое, но и назвать имя автора конспекта лекций. 36 тетрадей конспекта лекций Соловьева по курсу русской истории принадлежали студентам юридического факультета Московского университета Дмитрию и Петру Самариным⁵, братьям известного славянофила Ю. Ф. Самарина, и хранились в коллекции И. Е. Забелина⁶.

Две первые тетради (в соответствии с авторской нумерацией № 2 и 3) являлись продолжением конспекта лекции Соловьева в тетради под № 1, находящейся в ОР ГБЛ. Рукопись конспекта лекций в тетрадях № 2 и 3, как гласит надпись на обложке тетрадей, принадлежала Д. Самарину и относилась к 1849/50 уч. г.

В конспекте лекций (в тетрадях № 2, 3, 8 и др.) имелись правки и исправления, сделанные рукой неизвестного лица, а также карандашные пометки, подчеркивания и надписи, принадлежащие И. Е. Забелину. При попытке атрибуции исправлений и добавлений, сделанных неуставленным лицом, бросается в глаза, что они выполнены весьма квалифицированно, скорее всего человеком, свободно владевшим материалом и логикой изложений, так как им были уточнены имена, устранены смысловые и стилистические неточности, вписаны цитаты, внесены дополнения и краткие пояснения. Есть все основания полагать, что правки эти принадлежали самому Соловьеву, о чем свидетельствует не только сходство

² Соловьев С. М. Избранные труды. Записки. М., 1983. С. 315–316.

³ См.: Киреева Р. А. Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г. М., 1983; Соловьева М. А. С. М. Соловьев как историк русской исторической мысли: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1984.

⁴ ОР ГБЛ. Ф. 285. К. 3. Ед. хр. 1. Л. 1–18.

⁵ Дмитрий Федорович Самарин (1827–1901) и Петр Федорович Самарин (1829–1892) — видные общественные деятели и публицисты с широким кругом интересов. Занимались историей, литературой, собиранием и изучением памятников русской старины, а также издательской деятельностью.

⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 440. Д. 1065. Л. 2–37.

почерков, но и сложившаяся в Московском университете практика ведения конспектов, которые сдавались на проверку лектору перед экзаменом. Косвенным подтверждением этого предположения служит и тот факт, что тетрадь № 1, представляющая начальную часть конспекта, оказалась неподписанной в архиве историка. По-видимому, это черновой вариант конспекта. Дело в том, что на обложке тетрадью № 2 и 3 конспекта рукой Д. Самарина проставлена дата: «18 $\frac{XII}{4}$ 49; 18 $\frac{XII}{16}$ 49», в то время как обзорные лекции этого курса читались в сентябре 1849 г. (даты чтения этих лекций и их нумерация указаны на полях рукописи конспекта: «Лекция 3. 15 сентября. Лекция 4. 20 сентября») ⁷. Следовательно, хранящийся в ОПИ ГИМ конспект историографических лекций Соловьева был написан (точнее, переписан набело) лишь в декабре 1849 г.

Таким образом, благодаря музейной находке в орбиту научного исследования вводится, пожалуй, одно из самых ранних произведений Соловьева по отечественной историографии. Специфика этого источника определяется формой изложения материала. Лекции привлекают живостью устного рассказа, образными сравнениями, неожиданными с точки зрения опубликованных работ ученого по истории науки оценками и выводами. Анализ конспекта лекций позволяет уточнить представления о процессе генезиса историографической концепции Соловьева, ее содержании и научной значимости.

Сохранившаяся программа лекционного курса и текст лекций показывают интерес автора к проблеме хронологии историографического процесса. Начальный период истории русской исторической литературы, согласно Соловьеву, длился «от начала до царя Федора Алексеевича». Следующий охватывал XVII—XVIII вв. В рамках этого периода Соловьев разграничивал век Петра и Екатерины II. Новый этап начался в «век Александра I» и продолжался в последующие времена ⁸. Позднее эта схема более детально была представлена Соловьевым в речи, посвященной столетнему юбилею Н. М. Карамзина ⁹.

Ценность лекций как источника состоит в том, что в них имеется такая информация, которой нет в опубликованных работах историка по русской историографии. С этой точки зрения любопытны рассуждения Соловьева об античной и средневековой историографии. Древнейшей формой исторических произведений, по Соловьеву, являлись предания. У греков, как народа поэтического, не было летописей; их первый исторический памятник — это поэма Гомера. Своеобразие древнегреческой историографии Соловьев объяснял характером народа; греческий народ — «народ поэзии и ораторского искусства, народ площади, народ общества». Летописи же впервые появляются у римлян, имеющих «практический характер». Если у греков исторические события и факты являлись материалом для поэмы, развивал мысль лектор, то у римлян они служили актом юридическим, «на котором может основываться его практическая жизнь». В период средневековья «художественность образования исчезает», а история у варварских народов «принимает характер записок». Обращая внимание слушателей на сословный характер летописания, лектор подчеркивал, что творцом летописей являлось «духовенство, как сословие грамотное». Историзм мышления Соловьева проявился в том, что летописание он считал явлением общим для всех народов ¹⁰.

Что касается древнерусской исторической литературы, то в этой области для Соловьева, как и для других исследователей, авторитетом был А. Л. Шлёцер, введение к «Нестору» которого можно рассматривать как один из источников историографических оценок буржуазного ученого. Вслед за Шлёцером Соловьев указывал на сословный характер русского

⁷ Там же. Л. 9, 23 об.

⁸ ОР ГБЛ. Ф. 285. К. 3. Ед. хр. 2. Л. 1—4.

⁹ Речь, произнесенные в торжественном собрании Московского университета... 1 декабря 1866 г. М., 1867. С. 8—9.

¹⁰ ОР ГБЛ. Ф. 285. К. 3. Ед. хр. 1. Л. 2—3.

летописания, фиксировал два вида летописей, правительственные и частные, которые «существовали друг подле друга».

Лекции характеризуют также отношение Соловьева к спорам в науке о первоначальной летописи. Он не был сторонником ни точки зрения М. Т. Каченовского и его школы, отрицавшей существование летописи Нестора и аналогичных памятников XIII в., ни тех, кто впадал в противоположную крайность, «величая Нестора гениальным историком» и приписывал ему летопись в том виде, в каком она дошла до нас. Позиция Соловьева более реалистична, в летописи он видел «сборник сведений, принадлежащий разным авторам, современным и не современным». Впрочем, в противовес Шлёцеру он утверждал, что хотя, возможно, «первые рамки» летописи и принадлежали Нестору, «но найти их нельзя»¹¹. В лекциях была высказана мысль, получившая впоследствии развитие в III томе «Истории России», о летописях двух видов: «северной и южной», различие между которыми обуславливалось свойствами характера северного и южного населения.

Влияние Шлёцера ощутимо и в подходе Соловьева к памятникам исторического повествования XIV—XVI вв. Эволюцию летописей он связывал с появлением степенных книг, возникновение которых вслед за автором «Нестора» относил к XIV в. и приписывал митрополиту Киприану. На хронографы Соловьев смотрел как на произведения частных лиц, служившие дополнением к официальным летописям, а из памятников агиографической литературы аналогично Шлёцеру подробно останавливался на Киево-Печерском патерике.

Знакомя слушателей с сочинениями XVI в., Соловьев, разумеется, не мог не заметить, как наряду с летописями все более популярными становятся исторические сказания и повести о конкретных событиях исторического прошлого. Среди них он выделял вслед за В. Н. Татищевым «Историю Казани» очевидца событий, священника Иоанна Глазатого, а также описание осады Пскова от Батория, приписываемое Серапиону Псковскому. Энциклопедическая начитанность и глубокие знания Соловьева в области исторической литературы выработали у него тонкое историографическое чутье: к XVI в. он относил появление полной истории, противоположной летописи, имея в виду «Историю о великом князе Московском» А. Курбского. Причем именно в лекциях историк впервые высказал мысль о влиянии политической борьбы на литературу о прошлом. В сочинении Курбского «всего ярче», с точки зрения Соловьева, сказалась «знаменитая борьба старого порядка с новым, родового быта с государственным»¹². Впоследствии эта оценка отразилась в VII томе его труда по истории России.

В лекциях более подробно, чем в XI томе «Истории России с древнейших времен», Соловьев остановился на характеристике исторической литературы XVII в. Отличительной ее чертой, как и произведений предшествующего периода, историк считал политическую направленность. Но, если «пристрастие» Курбского оправдывалось борьбой двух враждующих партий, то тенденциозность А. Палицына мелка и тривиальна, он «пристрастен по мелким побуждениям, по своей природе». Высказав предположение, что Палицын — «клевет Шуйских», чем, кстати, и объяснялось его столь стремительное превращение из простого монаха в келаря, Соловьев искал в этом причину того, что автор «Сказания» «приписывал себе все действия и искажал тем самым ход событий»¹³.

В лекциях, насколько позволял объем их, историк стремился дать слушателям представление об исторических сочинениях Сильвестра Медведева, Т. Гробовского, сибирского митрополита Игнатия, А. Лызлова, С. Кубасова, И. Тимофеева, Г. Котошихина. Правда, не со всеми положениями автора можно согласиться. Так, создателем сибирской летописи он считал

¹¹ Там же. Л. 3 об.—4 об., 5 об.

¹² Там же. Л. 11 об.

¹³ Там же. Л. 12—12 об.

тобольского митрополита Киприана, а не Савву Осипова (Есипова), который только «поправил» ее.

Любопытная деталь: в рамках складывающейся в историографическом сознании ученого концепции рассматривались также и памятники украинской исторической мысли XVII в. Если на оценке Синописа Соловьев более подробно остановился в XIII томе своей «Истории», чем в лекциях, то сведения о «Хронике» Ф. Сафоновича имеются только в контексте лекций, где он называет это произведение «главным пособием при составлении Синописа»¹⁴.

Без сомнения, Соловьев отводил XVII в. особую роль в истории знаний о русском прошлом. Причем нигде, кроме лекций, он не говорил о том, что важным фактором развития исторического познания являлись потребности школьного образования, и самая насущная из них — это создание учебника по истории отечества. Царь Федор Алексеевич, ощутив эту потребность, «первый задумал о необходимости исторического учебника». Однако написанные по его распоряжению сочинения Ф. Грибоедова и А. Матвеева не удовлетворяли этой потребности. Именно к XVII в. Соловьев относил «начало нашей исторической науки»¹⁵, что вполне вписывалось в рамки его общеисторической схемы, согласно которой XVII век являлся преддверием эпохи преобразований Петра I. То, что в XVII в. было потребностью царя, резюмировал лектор, в XVIII в. стало «потребностью для народа: именно учебник отечественной истории, извлечение из летописей для народного употребления»¹⁶.

XVIII в. по праву занимал центральное место в историографической схеме Соловьева. Время Петра и его ближайших преемников он рассматривал как подготовительный период в истории науки. Дело в том, что ни «История» Ф. Поликарпова, ни «Ядро российской истории» (кстати, в лекциях впервые автором «Ядра» назван не князь А. Я. Хилков, а секретарь его А. И. Манкиев), по мнению лектора, не отвечали требованиям учебника русской истории¹⁷. А чтобы получить такой учебник «для новых школ для всякого человека образованного», необходимо было приступить к предварительной разработке материалов. «Следовательно, — размышлял Соловьев, — потребность того времени состояла в собрании и разобрании материалов».

Что касалось избранных Соловьевым приемов систематизации обширного по объему историко-научного материала XVIII в., то в качестве пособия лектором использовался довольно известный в свое время «Очерк литературы русской истории до Карамзина» А. В. Старчевского (СПб., 1845). Вслед за автором этого пространныго библиографического исследования Соловьев начинал характеристику каждого конкретного периода в развитии исторической литературы с оценки трудов духовных лиц, затем рассматривал сочинения светских писателей и профессиональных историков-академиков. Так, применительно к первой половине XVIII в. речь шла о произведениях религиозного характера Д. Ростовского и Ф. Прокоповича. Из светских писателей самым авторитетным в его изображении был В. Н. Татищев, «заслуга которого состояла в том, что он угадал настоящую потребность своего времени», он не только избрал материалы, но и приступил к их критике в примечаниях к своей «Истории Российской». Вместе с тем не без влияния плещеровского «Нестора» Соловьев явно недооценивал исторический труд Татищева, квалифицируя его «как сбор самых источников без всякой прибавки»¹⁸. Впоследствии в работе «Писатели русской истории XVIII века» Соловьев избегал высказываний и оценок, умалявших роль отечественных историков.

Характеризуя воззрения представителей академической науки, Со-

¹⁴ Там же. Л. 14.

¹⁵ Там же. Л. 15—15 об.

¹⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 440. Д. 1065. Л. 2.

¹⁷ Там же. Л. 2 об.—3.

¹⁸ Там же. Л. 8—9 об.

Соловьев обращал внимание на то, что споры по варяжскому вопросу были вполне закономерным явлением для науки XVIII в., когда вопрос о происхождении народов господствовал в литературе всех стран. Разумеется, он не мог не признать заслуг Г.-З. Байера, который первый высказал мысль о скандинавском происхождении варяжских князей. Вместе с тем, находясь в плену установившихся в литературе традиций, Соловьев считал его «отцом исследований в русской истории»¹⁹. Правда, спустя много лет в XX томе «Истории России» он значительно скромнее оценивал заслуги Байера перед русской исторической наукой.

Оценка взглядов противников норманнской теории М. В. Ломоносова и В. К. Тредьяковского хорошо известна по опубликованным трудам Соловьева. Но в отличие от этих работ («Герард Фридрих Мюллер», «Писатели русской истории XVIII века») в лекциях Соловьев обращал внимание слушателей на политический аспект академического спора. То обстоятельство, что в XVIII в. еще не утихла вражда со Швецией, делало понятным «ожесточение, с каким русские академики восстали против происхождения варягов-руси от скандинавов»²⁰.

Заметные успехи в развитии отечественной историографии Соловьев относил ко времени Екатерины II, преувеличивая, однако, степень западноевропейского влияния. Усвоив «западное образование», русские по примеру своих «западных наставников», утверждал лектор, пришли к пониманию обработки русской истории в «системе», т. е. к созданию трудов обобщающего характера. Впрочем, Соловьев признавал и роль внутреннего фактора: слава русского оружия пробудила чувство гордости у народа, а «великий народ должен иметь и великую историю», что не могло не способствовать растущему интересу к прошлому.

Анализ исторических сочинений второй половины XVIII в. историк также начинал с трудов религиозных авторов. Причем митрополиту Платопу отдавал едва ли не «первое место в царствование Екатерины II не только между духовными лицами, но и между всеми писателями по русской истории»²¹. Чрезвычайно любопытны высказывания Соловьева о трудах, приписываемых другому религиозному деятелю — Георгию Конисскому. Книгу последнего по истории Малороссии он находил особенно опасной, так как «при страшной неверности содержания», порою даже независимой от автора, она привлекала «живым, одушевленным, теплым рассказом»²². О том, что интерес Соловьева к украинской историографии не случаен, свидетельствует его намерение рассмотреть труды «по истории Малороссии» А. И. Ригельмана и С. И. Мышецкого²³.

Данная в лекциях оценка произведений таких знатоков отечественной истории, как М. М. Щербатов, И. Н. Болтин, а также Ф. А. Эмина, И. П. Елагина, по свидетельству Соловьева, воспроизведена им в работе по русской историографии XVIII в. Но в отличие от монографии в лекциях преобладал критический тон. Менее других, к примеру, повезло М. М. Щербатову, о котором лектор говорил: «Мы не станем отрицать в нем трудолюбия, добросовестности, но все это носит печать бездарности и совершенной неприготовленности к делу»²⁴.

Важное значение лекций как историографического источника состоит в том, что только благодаря им мы можем судить об отношении Соловьева к трудам И. И. Голикова, Н. И. Новикова, В. В. Крестинина, М. Д. Чулкова. Занятия же русской историей Екатерины II Соловьев рассматривал, анализируя ее критические высказывания о труде по истории России И. Г. Стриттера.

Помимо Стриттера, Соловьев кратко упоминал о работах других

¹⁹ Там же. Л. 10 об.

²⁰ Там же. Л. 12.

²¹ Там же. Л. 15 об.

²² Там же. Л. 17 об.

²³ ОР ГБЛ. Ф. 285. К. 3. Ед. хр. 2. Л. 3.

²⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 440. Д. 1065. Л. 18.

русских академиков иностранного происхождения: И. Э. Фишера, И. Г. Георги, А. Л. Шлёцера. О последнем Соловьев отзывался с особым уважением, ставя ему в заслугу разработку критического метода изучения источников русской истории. Высоко ценил лектор деятельность и другого русского ученого, датчанина по происхождению, Н. Селлия, личности «чрезвычайно замечательной»; взгляд его на правление Ивана Грозного, сколько полезное, столько и суровое, «разделяли все ученые тогдашние»²⁵.

Нельзя также пройти мимо того факта, что в лекциях Соловьев касался деятельности отечественных археографов. Положительную роль в собирательской работе, по его убеждению, сыграло Архангельское «Общество для исторических исследований» А. И. Фомина и В. В. Крестинина. К числу видных собирателей он относил Ф. О. Туманского, издававшего документы по истории царствования Петра I. «Важным лицом» в истории русской исторической литературы был и А. И. Мусин-Пушкин, который наряду с И. Н. Болтиным являлся представителем славянофильского направления, того, по словам Соловьева, «реакционного движения в исторической науке против западной цивилизации, которое современно нам; именно: стремление поднять, возвысить русскую старину, указать те черты, которые могут соперничествовать и превзойти историю Запада». Упомянул историк также и о проекте собрания материалов для русской истории Мусина-Пушкина, проекте, который был положен в основу деятельности Археографической комиссии.

Среди «трудолюбивых деятелей на историческом поприще» он называл имя Н. Н. Баптыш-Каменского. Причем особо важное значение Соловьев придавал рукописным произведениям археографа, хранившимся в Архиве Министерства иностранных дел, и которыми «до сих пор люди, понимающие русскую историю, могут пользоваться с благодарностью»²⁶.

Лекции примечательны и тем, что предметом специального рассмотрения в них являлись мемуары или записки военных, политических, общественных деятелей, которые квалифицировались как «исторические труды». При этом большая часть упоминаемых в лекциях записок А. С. Шеина, А. А. Матвеева, И. А. Желябужского, П. Н. Крекшина, И. Э. Миниха, Я. П. Шаховского, Е. Р. Дашковой, А. В. Храповицкого и других была, по словам исследователя, «не собрана и не опубликована»²⁷.

Несомненный интерес представляют теоретические аспекты лекций Соловьева, ведь многие рассуждения и обобщения лектора так и не вошли в его печатные труды по отечественной историографии. К концу XVIII в. русская историческая литература в изображении Соловьева представляла собой следующую картину: с одной стороны, много трудолюбивых людей «посвятили себя собиранию материалов в русской истории», а «иностранцы академики начали очень удачно разрабатывать эти материалы», но, с другой стороны, авторы, стремившиеся воспользоваться всем этим в целях написания полной русской истории, оказывались в большинстве своем людьми недаровитыми, и, что самое главное, с точки зрения Соловьева, имели «ложное понятие о своих трудах». В науке того времени, развивал свой тезис историк, господствовало литературное направление: «на историю смотрели как на чисто литературное произведение, где должно было красивым слогом описать деяния прошедшего, и всякий, кто имел притязание на слог, считал себя способным написать полную картину русской жизни». Однако надо полагать, что литературное направление в исторической науке XVIII в. Соловьев трактовал не как риторическое, но в широком смысле как прагматический подход к изображению исторических событий в виде красочного литературного рассказа, столь популярного у историков того времени. Сам же Соловьев под научной историей понимал труд, в котором история России должна была быть представлена как внутренне обусловленный,

²⁵ Там же. Л. 29–29 об., 11–11 об.

²⁶ Там же. Л. 22–22 об.

²⁷ Там же. Л. 6, 14, 26 об.

исторически закономерный процесс развития событий. Неудивительно поэтому, что все попытки столь различных по манере и методу авторов — Щербатова, Эмина, Елагина, Болтина — представить прошлое своей страны в виде живописного прагматического рассказа воспринималось Соловьевым как проявление дилетантизма в науке.

Исключение он делал лишь для Н. М. Карамзина, видя в его творчестве явление переходного характера, уходящее корнями в XVIII в. и прокладывающее путь в науку XIX в. Если опубликованные работы Соловьева о Карамзине отличаются академической сдержанностью и беспристрастием, то лекции, напротив, импонируют реалистическим подходом автора к изображению многосложного мировоззрения знаменитого историографа.

Карамзин, как и авторы XVIII в., видел в истории литературное произведение, но в отличие от своих предшественников он, обладая блестящим литературным талантом, сумел создать выдающийся труд по истории своего отечества. Для Соловьева совершенно очевиден тот факт, что «по своим понятиям» Карамзин принадлежал XVIII в., что он не начал «новой эпохи» в русской исторической науке, но «только самым блестящим образом заключил старую». В «великом труде» Карамзина лектор различал две стороны: «ученую» и «народную». Народная, или общественная, заслуга Карамзина состояла в том, что он впервые создал **такой труд по русской истории, который оказался доступен и понятен каждому**; «до Карамзина никого не было, от кого бы можно было народу узнать свое прошедшее в такой полноте»²⁸.

Несомненный интерес представляют имеющиеся в лекциях сведения о литературных источниках историко-научных воззрений Соловьева. Так, лектор приводит известное высказывание о Карамзине как последнем летописце и первом историке, которое, очевидно, послужило ключом к пониманию буржуазным ученым творчества автора «Истории государства Российского». С этой фразой А. С. Пушкина явно перекликается суждение Соловьева о труде Карамзина как о «летописи в изящной форме», где отрывочность повествования «сглаживается необыкновенно искусною рукою первоклассного литератора» и в которой, как и в сочинениях XVIII в., полностью отсутствует «научное построение» истории. В упрек Карамзину Соловьев ставил и непонимание им идеи исторической преемственности, «события у него не связаны с предшествующим и последующим; не объясняются ни тем, ни другим». Отсюда резкие, несправедливые приговоры и суждения о событиях удельного периода, об Иване III как «творце новой истории». Вместе с тем Соловьев не отказывал Карамзину и в «великой заслуге»: благодаря своей исключительной добросовестности он не только собрал ценнейшие источники, чем «дал последующим ученым великие средства», но подверг их критической обработке²⁹.

Итак, обстоятельным очерком о Карамзине Соловьев завершал обзор русской исторической литературы в курсе отечественной истории, хотя, согласно учебной программе курса, он предполагал познакомить слушателей также и с историческими воззрениями младших современников Карамзина — М. Т. Каченовского, И. Г. Эверса, Н. А. Полевого, Н. Г. Устрялова. Однако во избежание неприятностей, упоминаемых историком в своих «Записках» по поводу обзорных лекций по историографии, он, вероятно, решил не рассматривать взглядов авторов, близких ему по времени.

Бесспорно, лекции Соловьева по истории русской исторической литературы сыграли немаловажную роль в его историографическом творчестве. Анализ их вносит существенные дополнения и уточнения в освещение историографической концепции буржуазного историка, вводит в его творческую мастерскую. Лекционный материал, как видим, послужил основой опубликованных работ Соловьева по русской историографии XVIII—XIX вв. Чтение же обзоров русской исторической литературы в

²⁸ Там же. Л. 30—31 об.

²⁹ Там же. Л. 32 об.— 35 об.

университетском курсе отечественной истории могло натолкнуть ученого на мысль о создании обобщающего труда по истории исторической науки в России. Широко известные исследования Соловьева об историках XVIII в. и Карамзине представляли собой части задуманного им труда. Заключать же его должна была по замыслу историка, статья «О русской исторической литературе после Карамзина»³⁰. Хотя упоминаемая Соловьевым статья не обнаружена, но в архиве его хранится фрагмент рукописи, в которой речь идет о М. Т. Каченовском и имеется выписка о Р. Ф. Тимковском³¹.

Конспект лекций Соловьева, посвященный анализу литературы русской истории, — важный источник по изучению прошлого исторической науки в России, а также процесса генезиса историографии как специальной дисциплины и преподавания ее в высшей школе, что позволяет говорить о целесообразности публикации этого источника. Представление о структуре и хронологических рамках излагаемого в лекциях материала дает публикуемая в приложении программа чтения обзоров русской историографии в общем курсе истории России Соловьева.

Приложение

Программа курса лекций по русской истории С. М. Соловьева 1848/49 уч. г.

1. Обзор русской исторической литературы от начала до царя Федора Алексеевича. Общий взгляд на постепенное образование исторических памятников у древних народов и у нас. Мнение ученых о Несторовой летописи и о составителе ее и опровержение их. Характеристика летописи вообще и в частности южной и северной — Новгородской, Киевской и Волынской. Летописи правительственные и частных лиц, их образцы; сводная летопись в XVI веке и ее образец. Исторические памятники XVII века.

2. Русская историческая литература с конца XVII века до времен имп. Екатерины II. Характеристика XVII века. Историческая деятельность при царе Федоре Алексеевиче. Грибоедов, Матвеев. Характеристика времени Петра Великого. Деятельность 1) Духовных — Димитрия Ростовского, Феофана Прокоповича и Федора Поликарпова. 2) Светских: а) самого Петра Великого, б) Ядро русской истории, в) записки о походе к Азову, г) Желябужского, е) графа Андрея Арт. Матвеева, ф) Крекшина, г) труд Татищева. 3) Труды членов Академии наук: а) Байера, б) Тредьяковского, в) Ломоносова. Записки Миниха и других. Никодим Селлий.

3. Исторические писатели века имп. Екатерины II. Деятельность 1) духовных — Платона и Георгия Конисского, 2) светских а) по истории Малороссии — Ригельман и Мышецкий, б) по истории Великой России — Воейков, Щербатов, Болтин — Леклерк, Голиков, Новиков, Эмин, Елагин. Историческое общество в Архангельске. Деятельность Мусина-Пушкина, Вантыш-Каменского и других — самой императрицы. Составители записок: княгиня Дашкова, Порошин, Данилов. Академики: Миллер, Фишер, Шлецер и проч.

4. Историческая литературная деятельность века Александра I и последующих времен. Карамзин, суждения о его труде. Мнение его о делении Шлецера и разбор его собственного деления. Деятельность представителей науки во время Карамзина: 1. Каченовский. 2. Эверс. Новые потребности времени — Полевой, разбор его системы, мнение современников о его труде. Учебник Устрялова, разбор его. — Заключение обзора русской исторической литературы. Учреждение Археографической комиссии и ее деятельность.

ОР ГБЛ. Ф. 285. К. 3. Ед. хр. 2. Л. 1—4.

³⁰ Отечественные записки. 1856. Т. 5. С. 437.

³¹ ОР ГБЛ. Ф. 285. К. 9. Ед. хр. 7. Л. 2.

ИЗ ЭПИСТОЛЯРНОГО НАСЛЕДИЯ Н. П. КОНДАКОВА

Трудно переоценить весомость вклада выдающегося русского ученого академика Никодима Павловича Кондакова (1844—1925) в деле открытия и разностороннего изучения искусства Византии и связанных с ней земель, в первую очередь Руси, Закавказья, Балкан. В многочисленных трудах исследователя был не только впервые собран и глубоко осмыслен колоссальный фактический материал, но и разработан новый подход к памятникам средневекового искусства — создан иконографический метод. Работы Кондакова определили целую эпоху в науке, снискали отечественному искусствознанию европейское признание. Многие в научном наследии ученого сохраняют актуальность, в частности ряд книг остаются уникальными справочниками. Труды ученого являются настольными книгами любого искусствоведа-медиевиста¹.

В литературе затрагивались различные вопросы, связанные с научной деятельностью Кондакова². Вместе с тем ясно, что целый комплекс проблем изучен явно недостаточно. Сколько-нибудь полное представление об особой (по словам В. Н. Лазарева) «науке Кондакова» невозможно без подробного изучения архива ученого. Но до настоящего времени в науку была введена лишь незначительная часть этого интересного архива³. Нами изучена переписка Кондакова, хранящаяся в ОР ГБЛ, ЦГАЛИ, ОР ГИБ⁴, в Архиве ГТГ, в Секторе рукописей ГРМ, в Архиве ККМ, в ГАОО, в коллекции Э. С. Смирновой⁵. Многие из этих материалов вошли в настоящую статью. Фрагменты писем публикуются согласно «Правилам издания исторических документов в СССР» (М., 1969). Нумерация листов соответствует их нумерации в письмах.

Несомненная ценность выбранных данных заставляет предпринять эту публикацию до знакомства с двумя крупными личными фондами Кондакова, находящимися в ЛО ААН (Ф. 115, 764 ед. хр.) и в Památník Narodniho Pisemnictvi в Праге⁶.

¹ О нем см.: [Кондаков Н. П. Автобиография] // Императорская Академия наук. 1889—1914: Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии наук. Пг., 1915. Ч. 1. С. 340; Покровский Ф. И., Глубоковский Н. Н. Академик Никодим Павлович Кондаков // Богословская Энциклопедия. СПб., 1911. Т. XII. С. 3—11. Отд. отт.; Лазарев В. Н. Византийская живопись. М., 1971. С. 7—19; Кызласова И. Л. История изучения византийского и древнерусского искусства в России: (Ф. И. Буслаев, Н. П. Кондаков: методы, идеи, теории). М., 1985. С. 15—24, 74—176.

² Историографический обзор см.: Кызласова И. Л. История изучения византийского и древнерусского искусства в России. С. 15—24.

³ Там же. С. 26. Примеч. 70 и прил.; Она же. Из архива академика Н. П. Кондакова // Музей. 8. Художественные собрания СССР. М., 1987. С. 259—261; Она же. Из переписки А. П. Чехова и Н. П. Кондакова // Чеховские чтения в Ялте. М., 1987. Вып. 6.

⁴ Нами не учтены лишь письма Н. П. Кондакова А. В. Звенигородскому (25 писем 1887—1889, 1894 гг., без года — ОР ГИБ. Ф. 738. Д. 40, 261), почти все имеющие деловой характер. Они связаны с изданием книги Кондакова «Византийские эмали. Собрание А. В. Звенигородского. История и памятники византийской эмали» (СПб., 1892). Принципиальные вопросы подготовки работы отражены в письмах к В. В. Стасову.

⁵ Приношу благодарность Э. С. Смирновой за возможность познакомиться с письмом Кондакова к Г. Ф. Селищеву от 22 февраля 1893 г.

⁶ До недавнего времени фонд Кондакова в ЛО ААН не был обработан. Судя по описям, значительную часть ф. 115 составляют подготовительные материалы опубликованных работ, записные книжки, документы, связанные с участием Кондакова в художественной жизни страны, большая часть переписки ученого и некоторые другие материалы (см.: Архив Академии наук СССР. Обзорение архивных материалов. Л., 1933. С. 119—121). Нам оказались доступны лишь описи фонда и письма Буслаева, приношу за это благодарность Б. В. Левшину. Обработка фонда Кондакова в пражском хранилище не окончена. Фонд содержит подготовительные материалы последних работ ученого, корреспонденцию, документы, связанные с восьмидесятилетним юбилеем и кончиной исследователя.

Среди опубликованных прежде материалов есть небольшие фрагменты писем Кондакова В. В. Стасову. Целесообразно повторить их здесь, так как приводятся более обширные тексты и отсутствие ранее изданных нарушит цельность публикации. Нами исправлены также некоторые неточности старой публикации⁷.

Цель настоящей статьи — опубликовать фрагменты из писем Кондакова, уточняющие историю создания его книг. Мы располагаем источниками, относящимися к 1880-м гг. — 1924 г., т. е. к годам творческой зрелости ученого. Письма содержат сведения и о неосуществленных творческих замыслах исследователя. Мы впервые узнаем, что несколько работ, считавшихся ранее незавершенными, Кондаков успел закончить (а следовательно, они могут быть найдены в архивах). Письма целесообразно рассмотреть согласно хронологическому принципу.

Ценная информация содержится и в переписке Кондакова со Стасовым. В письме от 19 июня 1884 г. упоминается о двух неизданных трудах Кондакова. Он сообщает: «...по истории мозаики и средневековой итальянской миниатюре у меня тоже лежат материалы и рисунки: издать текст без них не решаюсь, а издать по-прежнему нет охоты»⁸.

В трех письмах, относящихся к осени 1886 г., речь идет о подготовке французского перевода «Истории византийского искусства и иконографии по греческим рукописям», эпохального труда, произведшего, по определению Лазарева, целый переворот в науке⁹. Ранее было известно, что Стасов помогал автору в работе над вторым изданием книги, но о том, что труд был создан в 1886 г. в предельно короткий срок, мы узнаем лишь сейчас. Вот что писал Кондаков 14 сентября 1886 г.: «Я был бы очень обязан Вам за указание неверностей в книге о миниатюрах и а priori уверен, что эти неверности есть. Это была работа наспех-диссертация, как Вам известно»¹⁰. Через месяц ученый вновь возвратился к этой теме: «Те места в книге о миниатюрах, о которых Вы говорите, действительно ошибочны. В извинение себе могу только сказать, что книга написана в 2 месяца, чтобы быть диссертацией... с другой стороны, и после нее я как-то всегда должен спешить со своими изданиями. Вот и в последней нахожу ошибки и опечатки. Виною этому отчасти сам я, отчасти мои здешние обстоятельства»¹¹. Одно из этих писем свидетельствует также о серьезном и неизвестном прежде этапе в творчестве ученого: «Между тем только теперь я начал понимать, как можно было бы работать по археологии и не только византийской, но и русской, как ни странно покажется, что можно заниматься последнею в Одес-

---

Объем фонда достаточно значительный. Материалы Кондакова, хранящиеся в других фондах, нам неизвестны.

⁷ Карелин В. Владимир Стасов: Очерк его жизни и деятельности. Л., 1927. Ч. I. С. 331—335.

⁸ ОР ГПБ. Ф. 738. Ед. хр. 159. Л. 2 об. См. о работе над этими трудами в письме к Ф. И. Буслаеву от 16 октября 1885 г. (*Кызласова И. Л.* История изучения византийского и древнерусского искусства в России... С. 170, 171). Прежде не было известно о рукописи по истории мозаики, написанной после работы «История византийского искусства и иконографии. II. Мозаики. Мозаики мечети Кахрие-Джамиси в Константинополе» (1880). Возможно, речь идет о рукописи лекций. Рукопись по итальянской миниатюре не опубликована. Ранее не было известно, что она завершена автором.

⁹ Лазарев В. Н. Указ. соч. С. 8.

¹⁰ ОР ГПБ. Ф. 738. Ед. хр. 160. Л. 1 об.; *Кондаков Н. П.* История византийского искусства и иконографии греческих рукописей // ЗНУ. Одесса, 1876. Т. XXI Отд. изд.; *Kondakoff N.* Histoire de l'art byzantin considéré principalement dans les miniatures. Paris; London, 1886. V. I; Paris, 1891. V. II.

¹¹ Письмо от 12 октября 1886 г. // ОР ГПБ. Ф. 738. Ед. хр. 160. Л. 1 об. — 2. То же см. в письме от 22 ноября 1886 г. (Там же. Л. 2 об.). Вместе с тем из письма Ф. И. Буслаеву от 18 июня 1883 г. известно, что книга поступила в набор уже в то время (ОР ГБЛ. Ф. 42. К. 12. Ед. хр. 7. Л. 1). «Последняя» книга — «Византийские церкви и памятники Константинополя» (Одесса, 1886). Об обеих книгах 1886 г. речь идет и в письме Стасову от 30 марта 1887 г.: «Вы знаете, как я дорожу Вашим мнением и указаниями; поэтому поймете, как я ожидаю Вашего разбора сочинений о миниатюрах и К[онстантино]поле» (ОР ГПБ. Ф. 738. Ед. хр. 160. Л. 1). Рецензии не были написаны»

се»¹². Смысл этого высказывания раскрывается в другом письме. Сообщая о своем плане поехать в Петербург на несколько дней, исследователь замечает: «Я вижу древности раз в год и готовлюсь к свиданию с ними с особенным чувством». Далее развивается тема параллельных занятий над двумя трудами. «Византийскими эмалями...» (1892) и «Русскими кладами...» (1896).

О раздумьях Кондакова при подготовке последней книги узнаем из следующего письма к Стасову, отосланного после выхода в свет его работы «Славянский и восточный орнамент по рукописям древнего и нового времени»: «Новый труд Ваш по истории орнамента меня захватывает за живое¹³. Вот уже шесть лет, со времени моего объезда заграничных музеев в 1887 году, как я сижу над вопросами русского искусства и орнамента в мелких древностях убора IX—XII столетий для предположенного еще в 1887 году издания русских кладов в „Материалах“ Комиссии¹⁴. То, что мне представлялось и прежде трудным в вопросах о происхождении, источниках самой вещи, украшения, его культурной роли, и теперь зачастую встает непреодолимою стеною, но все же побеждается поисками. Иное дело — орнаментальная, декоративная форма вещи и изделий: по самой общности своей разным периодам и местам она требует аналогий, объяснений». И далее: «Я только что кончил для Палестинского общества большую работу по вопросу о возникновении художественных форм христианской архитектуры: тоже вопрос чисто формальный¹⁵. Быть может, я ошибаюсь, но, работая здесь на свободе и вдали от питерской сутолоки, мне кажется, что я впервые работаю научно, как следует, и все мои прежние писания мне крайне не нравятся».

Основные обстоятельства создания одного из самых блестящих трудов Кондакова, «Византийские эмали», изложены А. В. Звенигородским¹⁶. Комплекс писем Кондакова Стасову 1886—1888, 1890—1891 гг. позволяет значительно конкретнее представить этапы и напряженный ритм подготовки текста книги, то исключительно большое значение, которое имела для автора заграничная поездка 1887 г. Письма свидетельствуют об огромной заинтересованности ученого темой исследования. Можно яснее представить, как подготовка книги заставила Кондакова по-новому оценить роль Востока в развитии искусства средневековой Европы. Обращает внимание интерес исследователя к ряду работ Стасова.

В 1886 г. ученый, получив предложение начать работу над книгой, замечает, что еще полтора года назад давал свое согласие на это¹⁷. В июле Кондаков уже знакомится с текстом И. Шульца (отвергнутым заказчиком) и размышляет о том, как его исправить. Он отмечает, что раздел о технике хорош, но и здесь есть пробелы, остальной текст весь следовало переделать; лучше совсем без текста, чем этот¹⁸. В августе устанавливает срок работы — два года, но возможно скорее. «И главное,

¹² Письмо Стасову от 10 октября 1886 г. // ОР ГПБ. Ф. 738. Ед. хр. 160. Л. 2.

¹³ Стасов В. В. Славянский и восточный орнамент по рукописям древнего и нового времени. СПб., 1884—1887. Т. 1—3. См. о том же: «Вот уже 3 года, как я ежедневно смотрю Ваш альбом, и 2, как начал перечитывать Ваши сочинения» (письмо Стасову без даты [1897 г.?). Цит. по кн.: Каренин В. Указ. соч. С. 333—334).

¹⁴ Письмо от 19 декабря 1894 г. // ОР ГПБ. Ф. 738. Ед. хр. 158. Л. 1об.—2 об.; Кондаков Н. П. Русские клады. Исследование древностей великокняжеского периода. СПб., 1896. Т. I. Книга писалась по заданию Археологической комиссии.

¹⁵ О какой работе упоминается, неясно; «вопрос чисто формальный», т. е. связанный с изучением формы памятников.

¹⁶ Звенигородский А. В. Предисловие // Кондаков Н. П. Византийские земли. Собрание А. В. Звенигородского. История и памятники византийской эмали. С. III—VIII. Книга вышла на два года позже, в 1894 г. См.: Стасов В. В. История книги «Византийские эмали» А. В. Звенигородского. СПб., 1898. С. 3—4.

¹⁷ Письмо от 29 мая [1886] // ОР ГПБ. Ф. 738. Ед. хр. 160. Л. 1. Звенигородский считал, что сделал это предложение в 1886 г. См.: Звенигородский А. В. Указ. соч. С. IV; Письмо Кондакова Буслаеву от 20 октября 1886 г. // ОР ГПБ. Ф. 42. К. 12. Ед. хр. 7. Л. 1 об. Заказ на книгу был получен благодаря рекомендации Буслаева.

¹⁸ Письмо от 16 июля 1886 г. // ОР ГПБ. Ф. 738. Ед. хр. 160. Л. 1—3.

что я теперь же сяду за работу»¹⁹. В письме от 14 сентября читаем: «Я уже принялся еще прежде за работу и теперь уже определил все главные стороны дела... Главное, чем я теперь интересуюсь, это установить хронологию»²⁰. Еще через месяц Кондаков извещает Стасова о продолжении работы, несмотря на необходимость заниматься другими делами, и просит его сообщить свое мнение об эмалях²¹.

Следующее письмо относится уже к 5 марта 1887 г. Вот что мы читаем: «Самого текста я все-таки не начинал, хотя занимаюсь для него много». Для ученого остается неясным целый ряд вопросов, и он с радостью думает о предстоящей заграничной поездке для изучения эмалей: «Восток думаю найти в Лондоне и его Индийском музее». Далее упоминается, что он работает параллельно над «Русскими кладами...» и «Русскими древностями...»²².

И в дальнейшем Кондаков продолжает подготовку всех трех изданий одновременно — они, несомненно, представляют для него единую обширную тему. Ее разработка существенно изменяет общую историко-культурную концепцию ученого. В письме от 30 марта 1887 г. мы читаем: «Пишу кое-что по эмалям и мысленно живу на древнем Востоке. Бывший прежде поборником западничества в археологии, я ныне слагаю оружие и перехожу к восточникам, почитая из них Вас, как всегда, стоявшего за идею восточного происхождения варварской средневековой культуры. Видимо, мы имеем здесь ту же самую историю, что и в археологии классической. Но для этой последней все стало ясно, а для первой все приходится начинать ab ovo. Можно ли мечтать справиться с подобною задачей теперь?»²³

Кондаков спрашивает совета Стасова, а в нескольких предыдущих письмах просит прислать его работы, необходимые для подготовки «Византийских эмалей...», в первую очередь «Славянский и восточный орнамент...»²⁴. О внимательном изучении этого альбома свидетельствует письмо от 12 мая 1887 г. «Ваше издание до такой степени богато всякого рода данными, что глаза разбегаются... Надеюсь и сам найти себе руководящую нить в Вашем атласе»²⁵. Из того же письма следует, что ученый готовится к заграничной поездке, намереваясь поехать сначала в Стокгольм²⁶. Следующее послание отправлено Стасову уже из Парижа 2 июля 1887 г. Кондаков пишет, что не поехал в Берлин, так как «все, что там собрано, имеется в изобилии в музеях Киля, Майнца, Вормса, Висбадена и пр. и пр. А быть в Берлине и не заняться там средневековыми рукописями для меня было бы невозможно, и я потерял бы время для моей темы, впрочем, для двух тем, сливающихся теперь сильно. Я нахожусь в истинном восторге от музеев Стокгольма, Копенгагена. По эмалям я осмотрел Ахен, Кельн, Лимбург, испытал истинное наслаждение от эмалей Лимбурга. Нашел в Вормсе у некоего барона Гейля великолепные византийские филиграны с эмалями. Выемчатые эмали меня теперь сильно занимают: их почти необъятное распространение оказывается таким крупным фактом в истории, перед которым меркнут все доселе построенные теории. В самом деле, что сказать о тождестве этих эмалей в Швеции и Дании, на Балканском полуострове, в Германии, Франции, Италии и Англии? Вообще же, и все что было доселе построено по предмету древностей варварских средневековой Европы — узколокальные теории, прижившиеся в своем уголку, потрясены массою находок, странных пунктов родства и тождества. Очевидно, весь этот материал должен

¹⁹ Письмо от 15 августа 1886 г. // Там же. Л. 1—1 об.

²⁰ Письмо от 14 сентября 1886 г. // Там же. Л. 1—2.

²¹ Письмо от 12 октября 1886 г. // Там же.

²² Письмо от 5 марта 1887 г. // Там же. Л. 1.

²³ Там же. Л. 1 об. Часть этого фрагмента см.: Каренин В. Указ. соч. С. 331; История европейского искусствоведения, Вторая половина XIX века. М., 1966. С. 242.

²⁴ Письмо от 5 марта 1887 г. // ОР ГИПБ. Ф. 738. Ед. хр. 160. Л. 1; Письмо от 29 мая [1886 г.] // Там же. Л. 2.

²⁵ Там же. Л. 1 об.— 2; фрагмент опубликован в кн.: Каренин В. Указ. соч. С. 331.

²⁶ Письмо от 12 мая 1887 г. // ОР ГИПБ. Ф. 738. Ед. хр. 160. Л. 1.

быть разрабатываем в целом, чтобы действительно исторический смысл был бы в конце концов открыт. Но как за это приняться — вот в чем вопрос. Я нырнул в самую глубину без надежды пока выплыть»²⁷.

21 июля 1887 г. Кондаков пишет Стасову уже из Лондона, «из того центра, где собрано все, что есть наиболее важного и интересного по искусству Востока»: «Мое увлечение тем понятнее будет Вам, что в Париже по этой части мне ничего не удалось видеть: все там в частных коллекциях, а владельцы их разбегались... Что сказать об Индийском музее? Это море художественных произведений, целый мир стилей, пошибов, памятников! Нужны годы, чтобы вникнуть; десятки ученых, чтобы изучить все это. В архитектурных залах — целые дома, резные, в три этажа, молельни целые, до верху убранные стеклом цветным — вот где памятники *verroterie cloisonnée*. Сотни витрин с фаянсами, сотни с оружием, сотни с серебром, медной посудой и пр. и пр. Зал с витринами предметов убора, золотых и серебряных украшений всякого рода занял один у меня два дня: надо было осмотреть каждую вещь. И что же Вы подумаете, когда я Вам доложу, что, прибыв сюда с головою, просто набито, и глазами, намозоленными видом всяких варварских древностей средневековой Европы и русских в особенности, я нашел здесь их (пока не скажу — прототипы) типы, один за другим. Таково мое признание. Но увы! Что делать дальше? Как из этого моря почерпнуть именно то, что надо? Книги и издания, доселе появившиеся, так мало вводят в круг этих предметов, что разве какие-нибудь учебники по истории прошлого столетия. Книжка Бирвуда ничтожна, разные *portfolio* — тоже, а другие издания более по архитектуре. Делать самому фотографии с сотен вещей нет средств, и времени для того у меня нет. Такова обратная сторона медали. Единственный пока вывод — это настоятельная необходимость нам, русским, заняться этим материалом. А пуще всего таким людям со средствами, как, например, И. И. Толстой, которому я пишу о том же»²⁸.

Письмо от 3 августа 1887 г. из Венеции полно размышлений и сомнений — неясными для исследователя оставались вопросы о ранних эмалях на серебре, о древнейших очагах возникновения эмали на Востоке. И переходя к более широким историко-культурным обобщениям, он писал: «Что в Средней Азии надо искать источников нового (т. е. христианского, не античного) искусства — это можно будет доказать, но пока исключительно только побочными, не прямыми фактами. В своем роде известную околесину надо будет, как говорится, нести, чтобы добраться до истины, пока не будет раскопок». Зимой Кондаков намеревался настаивать на этих раскопках. Письмо заканчивается фразой: «Придется переработать всю работу сызнова». Ученый хвалит записку Стасова о византийских эмалях²⁹.

Последнее письмо, написанное в поездке, отправлено из Бухареста 16 августа 1887 г., куда его автор приехал из Пешта. В Пеште ученый был всего два дня, но сделал очень много. В письме подводится краткий итог всей поездки: «Теперь по возвращении я засяду прямо за переделку полную всего, что было мною написано... Сам я лично очень доволен своею поездкою; я видел почти все по части эмали, и если не видал эмали в Мюнхене, то и не было мне нужды, равно как и в Граце. Жалею лишь об одном, что не могу побывать на Кавказе для эмалей, и хотя цену прежние записи, но эта часть будет у меня слабая»³⁰.

25 сентября 1887 г. Кондаков, находясь уже в Одессе, советуется со Стасовым, работая над египетскими и китайскими эмалями. Письмо вновь свидетельствует об исключительной сложности темы исследования. «Свое

²⁷ Там же. Л. 1–2.

²⁸ Там же; фрагменты письма см.: Каренин В. Указ. соч. С. 333.

²⁹ ОР ГПБ. Ф. 738. Ед. хр. 160. Л. 1–2 об. Часть текста письма см.: Каренин В. Указ. соч. С. 333.

³⁰ ОР ГПБ. Ф. 738. Ед. хр. 160. Л. 1–2 об.; Поездка на Кавказ все же состоялась. См. Письмо Стасову от 22 ноября 1894 г. // Там же. Ед. хр. 161. Л. 1 об.

сочинение (написанное на $\frac{2}{3}$) мне приходится совершенно переделать, но я уже две недели как стою на первом пункте и не решаюсь двинуться по тонкой дощечке, боясь, что она подогнется. Вы можете мне много помочь. Ваши письма держу в своих записках и почерпаю в них решимость. Очень боюсь, что к концу этого года мало будет готово. Разве найду что-либо решающее по вопросу о восточном происхождении эмали»³¹. Но уже в письме от 20 ноября [1887 г.] Кондаков сообщает, что заканчивает рукопись и просматривает клише.

Следующие три письма, написанные Стасову в течение полугода, свидетельствуют о том, что исследователь заканчивает собирать материалы и продолжает писать текст. В январе он смотрел вещи в Чудовом монастыре в Москве, получил рисунки с Виленских эмалей и заметил, что работа над рукописью затянется еще на месяц³². Но ученый ошибся — еще в мае работа продолжалась: «...Сочинение двигается и довольно быстро, но не спешно»³³. И наконец, в письме от 19 июля 1888 г. из Ялты читаем: «...пишу его (текст.— *И. К.*) здесь совершенно без всяких книг». Ученый сообщает о новых находках «варварских» эмалей в России³⁴. К последнему письму примыкает послание к И. И. Толстому. Читаем: «Тороплюсь кончить эмали и пишу совсем без книг, почему и испытываю много лишних затруднений. Надежды на поправление не имею и только желал бы кончить начатое, чтобы не пропала даром работа... Я сплю и вижу продолжить начатое чтение Константина»³⁵. Речь идет о начале многолетних занятий по изучению труда Константина Багрянородного «О церемониях византийского двора», которые отразились на многих сочинениях Кондакова, в первую очередь на «Очерках и заметках по истории средневекового искусства и культуры»³⁶.

С разработкой истории эмали связан доклад «Памятники русско-византийской эмали из Радомысльского уезда», сделанный на заседании Археологической комиссии. Доклад сопровождался показом самих вещей из клада. Об этом мы узнаем из письма В. Г. Дружинину³⁷. Благоприятные отзывы на «Византийские эмали...» вызвали следующее письмо Стасову: «Признаться сказать, я очень побаивался — говорю Вам вполне искренно — за книгу, что ее разругают или найдут уже очень много ошибок. Я писал, во 1-х, наскоро — это Вы знаете — и сдал гораздо раньше, чем она была выработана, а затем на меня навалилась другая работа, помешавшая заняться пересмотром. И вообще заказные работы всегда бываю неудачны»³⁸. В письме от 27 мая 1895 г. Кондаков благодарит Стасова за отзыв, согласно которому Археологическое общество присудило золотую медаль автору «Византийских эмалей...»³⁹.

Письмо А. Н. Пыпиу вновь возвращает нас к поездке 1887 г. Письмо свидетельствует о параллельном сборе и осмыслении материалов, вошедших не только в «Византийские эмали...», но и в первую историю русского искусства, т. е. в «Русские древности в памятниках искусства», а также в «Русские клады...». Кондаков сообщает: «Поездка моя по музеям Европы кончилась благополучно и дала для меня большие результаты. Я осмотрел для своей специальной задачи — русских древностей до XIII века — собрания Гельсингфорса, Стокгольма, Копенгагена, Ахена, Кельна, Майнца и других городов по Рейну, Парижа и Лондона, Милана, Венеции, Вены, Пешта и Букарешта. Обработка добытого материала

³¹ Там же. Ед. хр. 160. Л. 1–2 об.

³² Письмо от 28 января 1888 г. // Там же. Л. 1 об. — 2.

³³ Письмо от 27 (24?) мая 1888 г. // Там же. Л. 1–1 об. Каренин опубликовал фрагмент письма Стасову от 2 мая 1887 г. (место хранения неизвестно). Кондаков благодарил за присланный ему экземпляр «Славянского и восточного орнамента...». См.: Каренин В. Указ. соч. С. 331–332.

³⁴ ОР ГПБ. Ф. 738. Ед. хр. 160. Л. 1 об.

³⁵ Письмо от 17 июля без года // ОР ГПБ. Ф. 781. Ед. хр. 981. Л. 2.

³⁶ Кондаков Н. И. Очерки и заметки по истории средневекового искусства и культуры. Прага, 1929.

³⁷ Письмо без даты, без года // ЦГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Ед. хр. 287. Л. 1.

³⁸ Письмо от 1 апреля 1895 г. // ОР ГПБ. Ф. 738. Ед. хр. 161. Д. 2.

³⁹ Там же. Л. 1.

потребуется не менее двух, трех лет; но я надеюсь теперь благополучно выбраться из ряда сталкивающихся между собою локальных теорий, построенных на Западе по истории варварской культуры и искусства. Моею мечтой было и будет подвести археологическую науку хотя на шаг к тому научному анализу, который в истории литературы дал такие блестящие результаты, Вам больше других известные⁴⁰. И в археологии возможна та же прочная историческая работа по изысканию переходов одной формы из места в место, по определению ее вариантов и их значения для целой культурной жизни местности и народа. Вот причины, по которым изучение русских древностей я считаю возможным только в среде древностей Востока и варварского или даже средневекового Запада, и почему свершил я эту поездку»⁴¹. Письмо дает яркое представление о широте подхода ученого к изучаемому предмету. Свидетельство о раздумьях исследователя над проблемой единства принципов «научного анализа» при изучении истории литературы и истории искусства веско подтверждает предположение об определенном влиянии теоретических построений в филологии (в первую очередь в работах А. Н. Веселовского) на исследовательский метод Кондакова⁴². Наконец, письмо уточняет наши представления о европейских «маршрутах» ученого.

В связи с работой над первым томом «Русских кладов...» отправлено письмо Дружинину. Кондаков «очень рад, что Комиссия относится с интересом и сочувствием к предпринятому изданию русско-византийских древностей из киевских кладов и притом так широко смотрит на дело издания и мою задачу, что позволяет мне экскурсии в сферу древностей византийских и варварских»⁴³.

В письме от 4 декабря 1894 г. сообщает: для занятий русскими древностями ему крайне необходимы сочинения Стасова⁴⁴. В письме от 4 ноября 1895 г. Кондаков рассказывает Стасову, что работает над «Русскими кладами...» и пятым выпуском «Русских древностей...». «Обе работы крайне сложные и при моем теперешнем здоровье прямо тяжелые, тем более что мне хочется сделать V выпуск о русских древностях домонгольского периода, как курганных, так и кладов, не похожим на предыдущие книжки „Русских древностей“». Написать пустяки не хотелось бы, а на серьезное нужно время. Не зная, будете ли Вы устраивать поминки по Ровинском, я отложил об этом мысль и занялся другим». И дальше: «Ваши книги в моей болезни служат мне отрадою и успокоением, и я перечитываю на удачу то или другое, каждый раз находя, как удивительно верно или метко все определяется»⁴⁵. Из других писем узнаем о затруднениях в описании нумизматического материала во время подготовки шестого выпуска «Русских древностей...»⁴⁶ и об общей оценке выпуска автором: «Выпуск действительно хорош, и интересно знать, отзовется ли кто добрым словом или вновь, кроме брани, ничего не услышим»⁴⁷. Далее следует ценное признание: работая над «Русски-

⁴⁰ Имеется в виду сравнительно-историческое направление в литературоведении, к которому принадлежал А. Н. Пыпин.

⁴¹ Письмо от 2 сентября 1887 г. // ОР ГПБ. Ф. 621. Ед. хр. 409. Л. 1 об. – 2 об.

⁴² Вагнер Г. К. Теоретические вопросы владими́ро-суздальской скульптуры // Культура Древней Руси. М., 1966. С. 50.

⁴³ Письмо от 25 июня без года // ЦГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Ед. хр. 287. Л. 1–1 об. Книга писалась по заданию Археологической комиссии.

⁴⁴ Письмо Стасову // ОР ГПБ. Ф. 738. Ед. хр. 161. Л. 1 об.

⁴⁵ Там же. Л. 1–2; Толстой И. И., Кондаков Н. П. Русские древности в памятниках искусства. СПб., 1897. Вып. V. Собрание Академии наук в память Д. А. Ровинского состоялось 10 декабря 1895 г.

⁴⁶ Письмо И. И. Толстому от 4 июня [1899] г. // ОР ГПБ. Ф. 781. Ед. хр. 981. Л. 1 об.

⁴⁷ Нападки на «Русские древности...» в печати действительно появлялись (см., например: Полевой П. [Рецензия] // ИВ. 1889 г. № 11. – Рец. на кн.: Толстой И. И., Кондаков Н. П. Русские древности в памятниках искусства. Вып. I, II). Но большинство отзывов были самыми положительными (см., например: Бестужев-Рюмин К. Н. [Рецензия] // ЖМНП. 1889. № 4, 11 – Рец. на кн.: Толстой И. И., Кондаков Н. П. Русские древности в памятниках искусства. Вып. I, II. Н. П. Кондаков признал несколько ошибок в работе (см. письмо В. Т. Георгиевскому от 5 октября 1900 г.); ученый жалел, что не включил в текст два важных па-

ми древностями...», «по многим общим вопросам я напал на столь интересные решения, что не могу их оставить. Пробую из узкой сферы русских древностей перейти в более широкую — европейского парадного искусства в средние века»⁴⁸.

Эти мысли нашли продолжение в письме Стасову от 20 февраля 1896 г.: «В настоящее время я заканчиваю свои поиски по вопросу об источниках звериного стиля. Это работа для II тома кладов. В то же время готовлюсь к поездке на Афон: мы сняли фотографии со всех Севастьяновских калек — удивительная получается серия типов, редчайший и небывалый еще подлинник». Далее ученый просил Стасова прочесть первый том «Русских кладов...» и дать свой отзыв⁴⁹. Следующее из известных нам писем Стасову является прямым продолжением предыдущего — вновь речь идет о рецензии, а далее — важное признание: «Надо Вам сказать, что 1-й том еще не более как начало исследований, меня теперь глубоко занимающих, охватывающих из глубины русских древностей все движение европейского средневекового искусства. В дающую минуту вопрос об источниках звериного стиля, его развития для меня краеугольный и здесь его отношение к тюркам выдвигает массу этих племен на самый видный план. Но все азиатские отношения до того трудны, что весьма понятно, никто не хочет первый идти в эту пучину. Между тем мы ничего не поймем в европейской археологии, если не будет хотя данных археологии восточной». Поездка на Афон откладывалась⁵⁰.

Если учесть приведенные выше итоги европейской поездки 1887 г., то становится понятным, как давно исследователь начал работу, сделавшую возможным появление «Очерков и заметок по истории средневекового искусства и культуры».

Письма 1890-х годов содержат также некоторые сведения о неосуществленных планах ученого. Письмо Г. Ф. Челищеву от 22 февраля 1893 г. отражает интерес Кондакова к изданию иконописного подлинника: «Действительно, для русской археологии (и для всякой, впрочем) было бы вкладом издание Менология в рисунках, Айналов мог бы написать текст и я охотно взялся бы за редакцию, или что пожелаете»⁵¹. Два письма Стасову 1895 г. — единственные известные нам источники, свидетельствующие о замысле обширной работы об иллюстрации Евангелия — «реально-исторического воспроизведения *всего его содержания*». Ученый ставил при этом две задачи: «археологическую» и «художественную» — издать все лучшее, созданное по данной теме как пособие для художников. Исследователь начал сбор литературы, среди которой упомянут альбом произведений А. Иванова⁵². Интересно упоминание об участии Кондакова в чтениях «Древние столицы в их святынях, художественных памят-

---

мятника — суздальские Покровский и Евфросиний монастыри: «...затмени? нашло. Но увь! Это со мною бывает... непросительно!» (СР ГРМ. Ф. 122. Ед. хр. 73. Л. 2).

⁴⁸ Письмо И. И. Толстому без даты [1899 г.] // ОР ГПБ. Ф. 781. Ед. хр. 981. Л. 2.

⁴⁹ ОР ГПБ. Ф. 738. Ед. хр. 161. Л. 1 об.— 2. Известный коллекционер П. И. Севастьянов (1811—1867) три раза был на Афоне в 1850-е гг. В последней, четвертой экспедиции 1859—1860 гг. под его руководством было снято большое количество копий-прорисовок с произведений живописи. Небольшая часть их была опубликована, в том числе и Кондаковым в книге «Памятники христианского искусства на Афоне». Рецензия Стасовым написана не была.

⁵⁰ Письмо от 10 апреля 1897 г. // ОР ГПБ. Ф. 738. Ед. хр. 161. Л. 1—2. Часть фрагмента см.: Каренин В. Указ. соч. С. 335; История европейского искусствознания, Вторая половина XIX века. С. 242.

⁵¹ Письмо из коллекции Э. С. Смирновой. В 1900 г. Кондаков и В. М. Васнецов пытались издать подлинник для художников (Письма Кондакова Георгиевскому от 14 января и 19 февраля 1900 г. // СР ГРМ. Ф. 122. Ед. хр. 73. Л. 1—2).

⁵² Письма от 4 и 27 ноября 1895 г. // ОР ГПБ. Ф. 738. Ед. хр. 161. Л. 1—2. С замыслом этой работы связан интерес ученого к картинам на евангельские темы Крамского, Ге, Поленова. См. письма Стасову от 15 марта 1887 г. (Л. 2 об.); от 30 марта 1887 г. (Л. 2); от 20 ноября [1887 г.] (Л. 1) (Там же. Ед. хр. 160); от 27 ноября [1895 г.] (Л. 2); от 20 февраля 1896 г. (Л. 1 об.) (Там же. Ед. хр. 161). Замысел частично был реализован в издании: Лицевой иконописный подлинник. Иконография Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. Б. м., 1905.

никах и бытовой истории». Ученый предлагал Стасову сделать доклад о Киеве⁵³.

Письма Кондакова содержат ценные сведения о его трудах 1900—1925 гг. К сожалению, многие факты разрознены и изложены крайне лапидарно. Важно помнить, что все они относятся к капитальным работам ученого.

Из письма В. Т. Георгиевскому мы узнаем, что книга Кондакова, написанная после поездки 1898 г., «Памятники христианского искусства на Афоне», раскупалась быстро, несмотря на то что не было даже объявлений⁵⁴. Лишь из послания И. И. Толстому от 25 января 1900 г. становится известным крайне интересный факт — Кондаков намеревался издать VII выпуск «Русских древностей...»⁵⁵.

Сохранилось двадцать писем ученого А. П. Чехову⁵⁶. В двух письмах 1902 г. содержатся упоминания о сборе материалов для исследования по истории иконописи на Руси: «...на 2-й неделе великого поста я еду в Москву начинать копирование икон Успенского собора, Чудова, Благовещенского, Новодевичьего и пр.». И в другом письме: «На днях я еду в Москву для начала работ по соборам»⁵⁷. Эти подготовительные работы могли быть связаны с изданием «Лицевого иконописного подлинника», «Русской иконы» и других работ. О первом издании интересные сведения содержатся еще в нескольких письмах. 30 января 1904 г. Кондаков писал А. Л. Бертье-Делагарди: «Я только закончил печатать „Путешествие в Сирию“⁵⁸ и намерен приступить к печатанию иконографии Спасителя — текста к большому альбому подлинника. М[ожете] Вы себе представить, что свята́йший Синод через своего цензора располагается препятствовать выходу этого подлинника, так как в старинных образах встречается часто двуперстие?»⁵⁹. В другом письме читаем, что С. Д. Шереметев мелкими замечаниями о стиле текста мешал печатанию книги⁶⁰. Два письма 1906 г., свидетельствуют о том, что, путешествуя по Индии, Кондаков собирал материалы для книг по иконографии Богоматери и Палатинской капелле⁶¹. В одном из этих писем читаем: «Из Италии я вывез очень много. В этот раз я смотрел катакомбы, которых не видел, осмотрел почти все церкви Неаполя, Мессины. И все-таки всего не видал, что надо»⁶².

Нам не удалось найти сведений о немецком переводе части текста книги «Македония. Археологическое путешествие». Но в письме от 5 июня 1910 г. Кондаков просит А. И. Соболевского: «Не будете ли Вы

⁵³ Письмо Стасову от 18 августа 1895 г. // ОР ГПБ. Ф. 738. Ед. хр. 161. Л. 1.

⁵⁴ Письмо от 28 февраля 1902 г. // СР ГРМ. Ф. 122. Ед. хр. 73. Л. 1.

⁵⁵ ОР ГПБ. Ф. 781. Ед. хр. 981. Л. 1.

⁵⁶ ОР ГБЛ. Ф. 331. Короб. 48. Ед. хр. 8, 1899—1902, 1904 гг. См. также сноску 3.

⁵⁷ Письма от 18 февраля [1902 г.] и 10 марта [1902 г.] // Там же. Л. 2—2 об.; см. также: Письма Кондакова Чехову // Публ. и примеч. Н. И. Гитович // ИАН СССР. Отд. вне лит. и яз. 1960. Т. XIX, вып. 1. С. 37—38.

⁵⁸ Кондаков Н. П. Археологическое путешествие по Сирии и Палестине. СПб., 1904.

⁵⁹ АКМ. Д. 8732. Л. 2 об.; то же в письме А. П. Чехову без даты [1904 г.] (ОР ГБЛ. Ф. 331. Короб. 48. Ед. хр. 8. Л. 2).

⁶⁰ Письмо В. Т. Георгиевскому от 23 февраля 1905 г. // СР ГРМ. Ф. 122. Ед. хр. 73. Л. 1. С. Д. Шереметев — председатель Комитета попечительства о русской иконописи. «Лицевой иконописный подлинник...» издавался комитетом.

⁶¹ Письмо от 23 июля 1906 г. И. И. Толстому // ОР ГПБ. Ф. 781, 981. Л. 1—1 об.; Письмо от 20 сентября 1906 г. В. Т. Георгиевскому СР ГРМ. Ф. 122. Ед. хр. 73. Л. 1 об. Речь может идти о подготовке книги «Иконография Богоматери. Связи греческой и русской иконописи с итальянской живописью раннего Возрождения» и очерка по иконографии Богоматери для т. II. «Лицевого иконописного подлинника», который так и не был издан. Последняя работа готовилась к изданию в 1906—1909 гг. (см.: Кондаков Н. П. Доклад об издании II т. Лицевого иконописного подлинника // Иконописный сборник. СПб., 1909. Вып. II. С. 95—107). Работа по копированию икон для иллюстрирования труда готовилась еще раньше (Письмо С. Д. Шереметеву от 16 июня 1903 г. // СР ГРМ. Ф. 121. Ед. хр. 188. Л. 1—1 об.). Возможно, речь идет об участии Кондакова в создании книги: Павловский А. А. Живопись Палатинской капеллы в Палермо. СПб., 1890. Автор благодарил Кондакова за помощь. (Там же. С. IV).

⁶² Письмо В. Т. Георгиевскому от 20 сентября [1906 г.] // СР ГРМ. Ф. 122. Ед. хр. 73. Л. 1 об.

столь любезны сообщить мне сюда⁶³, если в журнале Ягича „Archiv für sl[avische] Phil[ologie]“ уже появилась ответная заметка Стриговского на нем[ецкий] перевод из „Македонии“ или же его рецензия этой книги... Дело в том, что в книге „Manuel d'art byzantin“ Ш. Дилля⁶⁴, только что вышедшей, вопрос, поднявшийся вокруг Сербской Псалтыри, изданной И. Стр[ж]иговским⁶⁵, оказывается жестоко растравленным, и не в его пользу, а потому должно ожидать жестокого реприманда с его стороны. Ягич, конечно, будет очень рад всякой полемике и поспешит напечатать заметку нового коллеги»⁶⁶. Письмо добавляет новый штрих к нашим представлениям об известной полемике Кондакова со Стриговским, которая отражена в ряде работ русского ученого⁶⁷.

Крайне интересны признания особой роли Н. П. Лихачева при издании книги Кондакова «Иконография Богоматери. Связи греческой и русской иконописи с итальянской живописью раннего Возрождения» (1911) и авторская оценка книги: «Оканчиваю печатанием книжку о связях русской иконописи с итальянской живописью, и по-прежнему очень жалко, что Лихачев своим спехом увлек меня на издание труда, совершенно незрелого и нуждающегося в массе дополнений и справок»⁶⁸.

Из письма Георгиевскому от 2 июня [1912 г.]⁶⁹ становятся известны подробности о подготовке еще двух книг. Кондаков писал: «...увидев, что мое большое сочинение затягивается в долгий ящик и становится исключительно научным, т. е. критическим, я решил в феврале написать краткий обзор Исторической иконографии Б[ого]м[атери] в периоды: древнехристианский, византийский и позднегреческий. В начале мая я закончил этот обзор, составил роспись клише, таблиц цветных и литографий, равно фотографий русских икон Б[ого]м[атери] и весь труд (одно слово неразборчиво.— И. К.) через Ф. И. Покровского переслал в Комитет с предложением или издать непосредственно в этом виде, или дать Ф. И. Покровскому закончить соби́рание материалов исторических по рус[ским] ик[онам] Б[ого]м[атери], а равно и снимков⁷⁰. При этом я сообщил в своей бумаге Комитету, что ввиду состава своего большого сочинения (которое все исполнено мною из моих материалов на собст-

⁶³ Письмо отправлено из Ялты.

⁶⁴ *Diel Ch. Manuel d'art byzantin*. Paris, 1910.

⁶⁵ Имеется в виду: *Strzygowski Y. Die Miniaturen des serbischen Psalters der königl. Hof- und Staatsbibliothek in München. Nach einem belgrader Kopie ergänzt und im Zusammenhange mit der syrischen Bilderredaktion des Psalters untersucht... mit einer Einleitung von V. Yagič // Denkschriften d. k. Akademie d. Wissenschaften. Philos.-hist. klass., LII. 2. O. P., [1906].*

⁶⁶ ЦГАЛИ. Ф. 449. Оп. 1. Ед. хр. 197. Л. 1–1 об.

⁶⁷ *Кондаков Н. П. Археологическое путешествие по Сирии и Палестине*. С. 9–15, 29, 36–37; *Он же. Македония. Археологическое путешествие*. С. 280–286; *Он же. Очерки и заметки по истории средневекового искусства и культуры*. С. 304. См. также: *История европейского искусствознания, Вторая половина XIX века – начало XX века*. М., 1969. Кн. I. С. 111–112.

⁶⁸ Письмо А. И. Соболевскому от 28 августа 1910 г. // ЦГАЛИ. Ф. 449. Оп. 1. Ед. хр. 197. Л. 1.

⁶⁹ СР ГРМ. Ф. 122. Ед. хр. 73. Л. 1 об.— 2 об. Год написания письма определяется просьбой Кондакова прислать сербские фотографии Георгиевского (привезены летом 1911 г. См.: *Георгиевский В. Т. Фрески Панселина в Протате на Афоне*. Б. м., 1913. С. 7), упоминанием неизданного «большого сочинения», т. е. «Иконография Богоматери» (1914–1915. Т. I–II), и отчетом Кондакова о завершении рукописи «Историческая иконография Богоматери» (Т. I–IV) о древнехристианских, византийских, европейских (до начала XVI в.) и русских иконах. См. заседание 6 октября 1912 г. Отделения русского языка и словесности (ИАН. Сер. VI. СПб., 1913. Т. VII, № 4).

⁷⁰ Текст неизданной работы, выполнявшейся как т. II «Лицевого иконописного подлинника». Нет полной уверенности, что «Историческая иконография Богоматери» совпадала с текстом т. II. Кроме того, ранее не было известно, что текст т. II закончен. Об этой работе упоминается также в письме Георгиевскому от 18 декабря без года (СР ГРМ. Ф. 122. Ед. хр. 73. Л. 1, 2 об.). О Ф. И. Покровском известно лишь, что он был владельцем лавки, располагал значительным капиталом (см. письмо Кондакова Георгиевскому от 12 янв. 1913 г. (Там же. Л. 1 об.)) и участвовал в работе (см.: *Покровский Ф. И., Глубоковский Н. П.* Указ. соч.).

венные средства и пр.) и его непригодности для задач Комитета я беру назад прежнее свое предложение (об издании.— *И. К.*)».

Монументальное двухтомное исследование «Иконография Богоматери» (1914—1915), несомненно, потребовало колоссального труда. Вот одно из свидетельств, дошедших до нас. Кондаков пишет А. А. Дмитриевскому: «Сказать Вам, как я мучусь расследованием византийских чудотворных икон, полагаю, будет лишним, Вы сами это хорошо понимаете»⁷¹.

Из письма от 5 ноября 1912 г. узнаем о подготовке работ об иконописном подлиннике и Иерусалиме: «О последнем готовим большую книгу, хотя и не ожидаю себе за то одобрения по многим причинам»⁷². К 1913 г. относится интересное свидетельство — оценка автором части текста книги «Памятники христианского искусства на Афоне». Ученый перечитал страницы, посвященные греческому художнику XVI в. (как он считал) Мануилу Панселину, не нашел неточностей и заметил, что мог бы и теперь повторить этот же текст, но с добавлениями⁷³.

В мае 1917 г. Кондаков, живя в Ялте, пишет: «Чувствую себя совсем отрезанным... Много приготовил — всего около трех томов, но как напечатать? Вот в чем вопрос!»⁷⁴. О каких трех томах здесь идет речь? Вероятно, весной 1917 г. была уже создана основная часть текстов третьего тома «Иконографии Богоматери» и «Русской иконы»⁷⁵. Письмо И. С. Остроухову от 9 апреля 1918 г. из Ялты продолжает и значительно расширяет ту же тему: «...предположив себе побывать в мае в Москве, между прочим с тем, чтобы посмотреть вновь расчищаемые иконы Успенского собора, я оказываюсь в крайнем затруднении». И далее: «Хотя теперь совсем бы не время для ученых поездок, но если я не займусь в средней России на месте еще раз иконами, моя научная задача останется не вполне законченной. Вы, вероятно, знаете, что я составляю историю русской иконописи, и поймете мое положение, когда я Вам сообщу, что, несмотря на приготовленные мною уже к печати два больших тома, московская иконопись остается для меня во многом смутною. Конечно, в этом опыте первого исторического исследования я не могу и мечтать о полноте и твердой постановке всех отделов, но не хотелось бы делать крупных пробелов. Вот почему я предположил в этом году заняться осмотром московского отдела. Откладывать в мои годы уже нельзя — таково мое положение»⁷⁶.

Сходный круг вопросов затрагивался и в письме 1919 г., посланном из Одессы: «Я лично состою приват-доцентом в здешнем университете. Читаю историю русской иконописи, но так как в прошлом полугодии лекции рано прекратились, а затем в этом псевдно начались (университет не отапливался), то я еще не дошел до русских икон, а все читал историческое введение в русскую иконопись. Далее читал приватно курс по

⁷¹ Письмо от 30 января 1912 г. // ОР ГИПБ. Ф. 253. Ед. хр. 483. Л. 1 об.

⁷² Письмо Георгиевскому // СР ГИМ. Ф. 122. Ед. хр. 73. Л. 1—1 об. Возможно, речь идет о т. II «Лицевого иконописного подлинника». Свидетельство о книге, посвященной памятникам Иерусалима, уникально. Работа напечатана не была. Ранее ученый опубликовал статью «Иерусалим христианский. Исторические очерки и памятники» (Православная богословская энциклопедия. Пг., 1905. Т. VI).

⁷³ Письмо Георгиевскому от 3 июня 1913 г. // СР ГИМ. Ф. 122. Ед. хр. 73. Л. 1 об.

⁷⁴ Письмо Соболевскому от 10 (23) мая 1917 г. // ЦГАЛИ. Ф. 449. Оп. 1. Ед. хр. 197. Л. 1, 2 об.

⁷⁵ Книга по иконографии богородицы в итальянском искусстве эпохи Возрождения окончательно завершена в Праге, т. е. между 1922 и 1924 гг. Работа была куплена объединением Saint Siège, но осталась неопубликованной. См.: *Vernadskij G. V. Nicodim Pavlovič Kondakov* // ССАВСК. Прага, 1926. Р. XXV, XXVIII; *Kondakov N. P. The Russian Icon. Oxford, 1927*. Краткий вариант; *Кондаков Н. П. Русская икона. Прага, 1928, 1929*. Т. I, II. Альбом; Прага, 1913, 1933. Т. III. ч. I; Т. IV. Ч. II. Текст. Был опубликован развернутый, но незавершенный вариант текста, альбом дополнен редактором. Кондаков полагал, что его переезд в Прагу ускорит издание работы. См.: *Злагарски В. Н. Н. П. Кондаков* // *Летопис на Българската Академия на науките VI за год. 1921 и 1922*. София, 1924. Р. 38.

⁷⁶ Архив ГТГ. Ф. 10. Ед. хр. 3258. Л. 1—2. О реальных причинах невозможности приезда в Москву судить трудно.

эпохе Возрождения и тоже не кончил. Так разохотился, что желал бы, если буду жив, прочесть оба курса в Петербурге тоже приватно, так как для моих сочинений это явно полезно. Именно потому, что при громадности охвата только суммарная передача, или, говоря по-русски, сводка материалов по отделам, ясно показывает, где неубедительно и что надо изменить или дополнить. Сочинения же эти у меня почти закончены, в виде четырех или пяти больших печатных томов. Из-за них, собственно, я не могу пока и думать выбраться на север, как бы ни хотел, так как кроме обычного багажа, это новый груз, составляющий с необходимыми материалами (фотографии для рисунков и пр.) ряд саков, чемоданов и весящий не менее трех пудов. Сочинения существуют в одном экземпляре и, если будут утеряны, оставят без текста предпринятый уже и частично оплаченный атлас таблиц»⁷⁷. Письмо является единственным известным нам свидетельством о чтении лекций Кондаковым в это время.

Выезд из Одессы «на север», т. е. в Петроград, так и не состоялся. В 1920 г. Кондаков покинул Одессу и после кратковременного пребывания в Стамбуле и Варне, переехал в Софию. Почти два года жизни в Софии были заполнены интенсивной научной работой и чтением лекций в университете. Желание работать в более крупном научном центре заставило его в 1922 г. переехать в Прагу, где с неослабевающей творческой активностью старый ученый писал свои последние труды, с подъемом читал лекции в университете, руководил деятельностью целого круга молодых ученых, объединившихся в 1925 г. (после смерти своего учителя) в известный «*Seminarium Kondakovianum*»⁷⁸.

К самым последним годам жизни Кондакова относятся две почтовые открытки, отправленные им из Праги. Как и в последний период пребывания в Ялте и Одессе, жизнь исследователя омрачена мыслями о колоссальных трудностях, связанных с изданием трудов, которые он готовил в течение многих лет. Ученый пишет Соболевскому: «Получил Вашу открытку, но не могу воспользоваться Вашими указаниями по изданию моих сочинений: мне надо для *Русской иконы* около 300 клише, да для *Икон[ографии] Б[ого]м[атери]* III не менее 250, и для *Звериного стиля* более 400». И далее: «Написал для оксфордской типографии «Русскую икону» в одном томике, теперь Миннс переводит на английский, всего 100 клише. Если вернусь в Болгарию, там собирались напечатать что-нибудь. Кипы фотографий и моих рукописей угнетают при переездах.. Читаю здесь новый курс средневековой культуры и искусства: три месяца читал о скифских и сибирских древностях, студенты интересуются, но вряд ли кто займется дальше. В Болгарии остались у меня ученики»⁷⁹.

⁷⁷ Письмо Соболевскому от 10 мая 1919 г. // ЦГАЛИ. Ф. 449. Оп. 1. Ед. хр. 197. Л. 1–2. О каком атласе таблиц идет речь, неясно.

⁷⁸ О деятельности Кондакова в 1920–1925 гг. см.: *Vernadskij G. V.* Op. cit. P. XXVI–XXXII; *Злагарски В. Н.* Характеристика за неговата научна археологическа дейност в България // Въжарова Ж. Н. Руските учени и българските старини. Изследоване, материали и документи. София, 1960. С. 368–370; *Лазарев В. Н.* Указ. соч. С. 10. Прежде считалось, что ученый приобрел вкус к чтению лекций в 1922–1924 гг. в Карловом университете. Из писем же мы узнаем об увлеченном чтении лекций Кондаковым уже в 1919 г. Новые данные свидетельствуют о том, что перелом в отношении ученого к преподавательской работе был связан не столько с обновлением аудитории, сколько с определенными внутренними закономерностями в развитии устремлений исследователя, возможно с резким нарастанием общего интереса к средневековому искусству.

⁷⁹ Почтовая открытка Соболевскому от 25 декабря 1922 г. // ЦГАЛИ. Ф. 449. Оп. 1. Ед. хр. 197. Речь идет о «Русской иконе» (Прага, 1928–1933. Т. I–IV), ее кратком варианте «*The Russian Ycon*» (London, 1927), об «Иконографии Богоматери», т. III (см. своску 75), об «Очерках и заметках по истории средневекового искусства и культуры». В подготовке издания английского варианта «Русской иконы» участвовал ученик Кондакова И. Г. Миннс (E. H. Minns). Кондаков предполагал вернуться в Болгарию главным образом из-за более теплого климата. См.: *Vernadskij G. V.* Op. cit. P. XXIX. Курс лекций о средневековом искусстве и культуре был опубликован в «Очерках и заметках по истории средневекового искусства и культуры».

За год до кончины 80-летний ученый пишет: «Очень бы хотелось повидать в Москве музей — теперь смотреть было бы свободно, без хозьяев. И особенно потому, что стал и понимать больше — занялся восточными древностями Средней Азии, Тибета». И продолжал: «Сам я тоже сижу за письменным столом, в холода не выхожу из дому, а если и выхожу, то или на лекции, или в библиотеку. Страдаю от отсутствия своих книг. Но все же спешу написать, что задумано еще 30 лет назад и с той поры все откладывалось. Пишу теперь ряд „очерков по истории культуры и искусств Восточной Европы“ — от скифов, алан, аваров, гуннов, готов, болгар до Византии, о варварских одеждах ее, о восточных тканях, об орнаменте восточном и славянском, о зверином стиле и пр. Уже есть очерки по 50—110 страниц моего письма. Будет довольно совершенно нового. Но успею ли — вопрос! ... „Русскую икону“ обещают напечатать в Праге, где, наверно, я останусь еще на 2 года, и переводят в кратком изложении в Англии (Минне)»⁸⁰.

Привлекаемое нами эпистолярное наследие Кондакова — ценный источник, позволяющий уточнить и конкретнее представить целый ряд факторов и обстоятельств из истории нашей науки.

⁸⁰ Почтовая открытка Соболевскому от 6 января 1924 г. // ЦГАЛИ. Ф. 449. Оп. 1. Ед. хр. 197. Л. 1—1 об.

В. В. Кравченко

ЛИЧНЫЙ ФОНД Д. И. БАГАЛЕЯ В РУКОПИСНОМ ОТДЕЛЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ ХАРЬКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Среди выдающихся представителей отечественной исторической науки второй половины XIX — начала XX в. академик АН УССР Дмитрий Иванович Багалея (1857—1932) занимает видное место. Его богатое научное наследие насчитывает свыше 300 работ по истории Украины и России, историографии и источниковедению, археологии и исторической географии. В дооктябрьский период Багалея представлял позитивистскую буржуазно-либеральную историографию. Его научное творчество сочеталось с энергичной общественной и административно-политической деятельностью. В разные годы он был одним из руководителей широко известного Харьковского общества распространения грамотности, Харьковского историко-филологического общества, ректором Харьковского университета, выборным членом Государственного совета, городским головой Харькова.

После Великой Октябрьской социалистической революции историк признал неизбежность и закономерность крушения старого строя и искренне стал сотрудничать с Советской властью уже в ходе гражданской войны. Он не остался в стороне от развития марксистской исторической мысли и свой талант и опыт исследователя направил к овладению марксистско-ленинской методологией. Вместе с В. И. Вернадским и А. Е. Крымским он стоял у истоков организации Украинской Академии наук, был ее первым вице-президентом. В 20-х годах Багалея стал одним из организаторов архивного дела на Украине: директором научно-исследовательского института Т. Г. Шевченко и научно-исследовательской кафедры (с 1930 г. Института) истории украинской культуры, руководителем первого советского профсоюза ученых республики.

Богатая событиями жизнь, широкая и разносторонняя деятельность достаточно полно отразились в личном архиве Багалеев, насчитывающем не одну тысячу единиц хранения. Материалы его архива хранятся в рукописных отделах ЦНБ АН УССР (ф. Д. И. Багалеев) и Института ли-

тературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР (ф. Д. И. Багалея), ЦГИЛ УССР (ф. 749). Большинство их еще не изучено. Однако целенаправленные поиски документов, связанных с именем историка, позволили создать новый фонд Багалея в рукописном отделе ЦНБ ХГУ — ф. 4, насчитывающий 324 ед. хр. Эти материалы были переданы в библиотеку внуком историка — Ю. В. Багалеем, упорядочены и описаны автором данной статьи.

Фонд содержит рукописи научных работ, в том числе монографий Багалея, рецензии на его труды, тексты выступлений ученого, некоторые личные документы Багалея и членов его семьи, копии писем из обширной его эпистолярной, фотографии. В основном материалы фонда относятся к советскому периоду жизни ученого и по содержанию составляют три группы: документы, отражающие научную деятельность, документы биографического характера и материалы об участии в советском культурном строительстве. Подавляющее большинство их еще не опубликовано. Лишь некоторые рукописи ученого, относящиеся к последнему году его жизни (оп. 7, ед. хр. 2—5, автогр., 36 л., 1931—1932 гг.)¹, увидели свет в 1932 г.²

Наиболее крупной является группа документов, отражающих научную деятельность. Они позволяют значительно обогатить наши представления о последнем, проходившем под непосредственным влиянием советской историографии периоде творчества Багалея. Тематика научных материалов разнообразна. Сохранился написанный ученым план-проспект издания собрания его сочинений в соответствии со специальным декретом СНК УССР от 27 декабря 1927 г.³: в первом варианте (оп. 9, ед. хр. 2, машиноп. с авт. правкой, 2 л., 1928 г.) он включал 11 томов, во втором (там же, ед. хр. 3, автогр., 2 л., б.д.) — 16 томов.

Большой научный интерес вызывает монография Багалея под названием «Очерк истории Украины. Т. 1. Период раннего феодализма» (оп. 4, ед. хр. 2, тип. текст с авт. правкой и машиноп. и рукоп. вставками, 164 л., 1931 г.). Это новая, значительно исправленная и дополненная редакция первого издания этой работы, опубликованной в Киеве в 1928 г. под названием «Очерки истории Украины на социально-экономической основе. Т. 1. Историографическое введение и эпоха натурального хозяйства». Мотивы, руководившие им при подготовке второго издания, Багалея подробно изложил в сопроводительном письме в издательство (там же, ед. хр. 1., автогр., 1 л., 1931 г.) и двух вариантах предисловия к работе: первоначальному и окончательному (там же, л. 4—13, машиноп. с авт. правкой, б. д.). Последний содержит такие строки: «В связи с борьбой на историческом фронте я сейчас понял, что не имею права не принимать участия в этой борьбе, ссылаясь на свой невоинственный темперамент, и потому буду вести решительную борьбу на историческом фронте с националистическими, народническими и буржуазными или мелкобуржуазными течениями за четкую пролетарскую идеологию вместе с историками-марксистами под знаменем марксизма [...]» (там же, л. 5).

Учтя замечания критики, Багалея внес в основной текст монографии существенные изменения. Прежде всего он исключил из нее конспективное и, как признавал сам автор, составленное по нескольким общим работам изложение основ диалектического и исторического материализма. Был изъят из текста и краткий очерк историографии истории Украины, вызывавший ранее немало критических замечаний. Багалея написал две новые главы: «Украина в составе Литовского государства» и «Моя концепция украинского исторического процесса в эпоху раннего феодализма». Изменения коснулись и основного содержания работы. Ученый

¹ Здесь и далее в скобках в тексте приведены архивные ссылки на ф. 4 в ЦНБ ХГУ.

² З посмертних праць академіка Д. І. Багалія (Самокритичний огляд наукової продукції) // Архів Радянської України. 1932. № 4/5. С. 338—375.

³ Известия. 1927. 29 дек.

отказался от прежней периодизации истории Украины по четырем эпохам (натуральное хозяйство, торговый капитализм, промышленный капитализм и социальная революция), которой он придерживался в середине 20-х годов, и принял новую периодизацию, отразившую поступательное развитие советской исторической науки. В соответствии с ней он выделял теперь в истории Украины периоды феодализма, промышленного капитализма, империализма и Великой Октябрьской социалистической революции. Основной текст монографии свидетельствует и о том, что историк, с одной стороны, не смог преодолеть до конца некоторых своих старых взглядов (в частности, преувеличения влияния природы на исторический процесс), а с другой — находился под воздействием ошибочных положений теории торгового капитализма.

В фонде содержится подготовленная к печати другая работа — «Заселение Южной Украины (Запорожья и Новороссийского края) и первые шаги ее хозяйственного и культурного развития» (оп. 2, ед. хр. 2, машиноп. текст с автоправкой и дополн., 274 л., 1930 г.). По объему и содержанию она заметно отличается от более ранних публикаций 1889 и 1920 гг. на ту же тему⁴. При ее написании Багалея привлек произведение В. И. Ленина «Развитие капитализма в России», исследования советских историков-марксистов М. Н. Покровского, С. М. Дубровского и др. Стремясь к изучению проблемы с материалистических позиций, он сумел отказаться от идеализации запорожского казачества и приблизиться к пониманию социальной дифференциации переселенцев на Южную Украину. В этом плане показательна глава «Классовая дифференциация украинского общества эпохи торгового и промышленного капитализма как основной фактор колонизации и хозяйства». Но в целом методологический уровень монографии остался невысоким (на это указал и неизвестный рецензент, отзыв которого сохранился — оп. 2, ед. хр. 1, машиноп. с рукоп. правкой, 9 л., 1931 г.). Работа заслуживает внимания, поскольку отражает интересный, во многом противоречивый процесс усвоения ученым марксистской методологии.

Имеющийся в фонде «Очерк украинской историографии в классовом освещении. Ч. 1. Дворянская и буржуазная историография до Великой Октябрьской социалистической революции» (оп. 3, ед. хр. 1—12, тип. текст с авт. правкой, машиноп. и рукоп. тексты, 207 л., не ранее 1929 г.) представляет собой подготовительный вариант широко задуманной монографии. В ее основе — очерк, опубликованный ранее в первом издании «Очерков истории Украины на социально-экономической основе» и охватывавший период со времен Древней Руси по 1929 г. включительно. Окончательный вариант труда под названием «Очерк украинской историографии периода феодализма и капитализма» находится в ЦНБ АН УССР.

Свидетельством особого интереса Багалея к творчеству историков-марксистов служит имеющаяся в фонде работа «М. Н. Покровский и история Украины» (оп. 3, ед. хр. 13, автогр., тезисы и наброски, 6 л., б. д.; ед. хр. 14, автогр., черновик, 7 л., б. д.). Она была написана в связи с юбилеем М. Н. Покровского, отмечавшимся в 1928 г., и являлась едва ли не первой в советской историографии попыткой изучения темы. Багалея попытался определить значение произведений Покровского для марксистского освещения истории Украины, видя их основное достоинство в новой трактовке всей отечественной истории, составной частью которой является история Украины. Авторитетный голос Покровского, подчеркивалось в статье, «был особенно необходим и в вопросе о схеме украинской истории, и о разделении им ее на эпохи, и даже в таком основном, принципиальном вопросе, как тот, имеет ли право на существование украинская история как отдельная научная дисциплина» (там же, ед. хр. 14, л. 1—2). Для Багалея была важна позиция Покров-

⁴ Багалея Д. И. Колонизация Новороссийского края и первые шаги по пути культуры: (Исторический этюд). Киев, 1889; Багалея Д. И. Заселення Південної України і перші початки її культурного розвитку. Харків, 1920.

ского и в вопросе о великодержавных концепциях русских буржуазных историков, и в вопросе о буржуазно-националистической концепции М. С. Грушевского. Таким образом, ответы на самые актуальные в 20-х годах проблемы истории украинского народа ученый искал в марксистской историографии. Интерес к творчеству выдающегося советского историка-марксиста поддерживался и личным знакомством с Покровским, сотрудничеством с ним на поприще архивного строительства и публикации исторических источников.

Архивные материалы свидетельствуют о том, что Багалеи испытывал острую потребность в серьезной, аргументированной критике своих работ с точки зрения методологии. Он очень внимательно следил за откликами советских историков на его труды и близко к сердцу принимал их замечания. Сохранились карандашные пометки, сделанные им на полях рецензии молодого советского историка Ф. А. Ястребова на первое издание «Очерков истории Украины на социально-экономической основе», опубликованной в 1929 г.⁵ (оп. 6, ед. хр. 2, автор., 5 л., 1929 г.). Интересен ответ на критическую заметку Т. Т. Скубицкого⁶, излишне резкий тон которой и необоснованность многих обвинений глубоко задела Багалею. До крайности зачерканный, со множеством исправлений текст этого документа имеет заголовок «Ответ т. Скубицкому на его замечания по поводу моего „Очерка истории Украины“» (Историк-марксист. 1930. Т. 17; оп. 6, ед. хр. 4, автор. и машиноп. с автор. правкой, 18 л., 1930 г.). Касаясь, в частности, сомнений в искренности его намерений стать марксистом, Багалеи писал: «Я действительно „декларировал присоединение к марксизму“ еще тогда и при тех обстоятельствах, когда его не принимал фактически ни один из старых историков на Украине. Декларировал я [...] потому, что признал и признаю марксизм единственно революционной идеологией пролетариата, потому, что признаю и поддерживаю сознательно для себя не только классовую борьбу, но и диктатуру пролетариата. Но можно ли человеку старой школы сразу перейти на рельсы [...] последовательного марксизма в исследованиях? Безусловно, нет!» (там же, л. 13). Окидывая взглядом пройденный им за годы Советской власти творческий путь, историк отмечал: «Пролетарская методология лежит [...] в основе моего мировоззрения с тех пор, как я полностью принял все революционные последствия Великого Октября, и прежде всего в области культурного строительства, и посвятил ему все свои силы, путем глубокой самокритики отбросив основы своего буржуазного народничества и в прежних работах и вводя новую методологию диалектического материализма в послеоктябрьских исторических работах» (там же, л. 14). С этих позиций Багалеи решительно выступил против попыток Скубицкого отнестись его к последователям буржуазно-националистической школы М. С. Грушевского в историографии. «Историко-софской концепции М. С. Грушевского, — подчеркивал Багалеи, — построенной не на материалистических, а на идеалистических принципах, я решительно не разделяю; критикуя историческую концепцию М. С. Грушевского, я открыто говорю, что его понимание исторического процесса не является материалистическим, ибо единственным монистическим началом М. С. Грушевский признает идею национальности, а не классовую социально-экономическую основу [...]; я и раньше никогда не принадлежал, и сейчас не принадлежу к школе М. С. Грушевского [...] и не только потому, что я старше Грушевского по возрасту на 10 лет, но и потому главным образом, что нас разъединил Октябрь» (Там же, л. 17. Подчеркнуто Багалеем. — В. К.). Критически оценивая методологический уровень своих работ советского периода, Багалеи писал: «Я не отрицаю, что в моих работах еще нет четкого [...] диалектического материализма, и потому я принимаю все неголословные замечания, но я не могу согласиться с тем, чтобы на основании несовершенных работ можно было бы кого

⁵ Прапор марксизму. 1929. № 5. С. 167–176.

⁶ Скубицкий Т. Классовая борьба в украинской исторической литературе // Историк-марксист. 1930. Т. 17. С. 27–40.

угодно зачислить в лагерь контрреволюционных сил [...]» (там же, л. 13).

Критические оценки ряда работ Багалея в значительной степени стимулировали его к напряженному творческому процессу методологического перевооружения. Материалы фонда показывают, что в последние годы жизни ученый испытывал особый интерес к проблеме феодализма в отечественной истории. Сохранился автограф с кратким изложением всеобщих дискуссий о феодальной формации, проходивших в конце 20 — начале 30-х годов (оп. 8, ед. хр. 1, 12 л., б. д.). Текст этого документа свидетельствует о том, что ученый воспринял многие высказанные в ходе этих дискуссий положения: трактовку феодализма как закономерного этапа в отечественной истории, деление феодализма на ранний и поздний. Подходя к проблеме творчески, самостоятельно, Багалея не согласился с позицией советского историка С. М. Дубровского о существовании особой крепостнической формации в истории России. С выходом в свет в 1932 г. учебника по истории Украины, подготовленного коллективом авторов Всеукраинской ассоциации марксистско-ленинских научно-исследовательских институтов, Багалея составил его краткий конспект под названием «Феодальная формация в России и на Украине», в котором присоединился к авторам в определении хронологических рамок феодализма на Руси — IX—XIX вв. (оп. 8, ед. хр. 2, машиноп., 7 л., 1932 г.).

К научным материалам следует отнести рецензию на сборник «Избранные произведения Г. С. Сковороды в переводах на современный украинский язык», подготовленный к печати А. П. Ковалевским (оп. 4, ед. хр. 3, машиноп. с рукоп. правкой, 12 л., 1931 г.); отзыв о вышедшей в Одессе в 1930 г. книге Н. Л. Рубинштейна «Очерк истории Киевской Руси» (там же, ед. хр. 7, машиноп. с автор. правкой, 2 л., б. д.). Интерес историка к вопросам классовой борьбы на Украине отражают статья Багалея «Студенческий взрыв в Харьковском университете 1858 г.» (оп. 5, ед. хр. 1, 2, автогр. и машиноп., 32 л., б. д.), а также газетная вырезка из харьковской газеты «Транспортер» за 10 января 1931 г. с заметкой «Революция 1905 г. в Харькове» (там же, ед. хр. 4).

Заслуживают внимания рецензия (очевидно, издательская) на рукопись монографии Багалея «История колонизации Слободской Украины», в которой дан содержательный анализ исторических взглядов ученого (оп. 4, ед. хр. 4, машиноп. с карандашными пометками на полях, 4 л., 1930 г.), и предисловие комиссии по изучению социально-экономической истории Украины Всеукраинской Академии наук к предполагавшемуся, но неосуществленному изданию этой монографии (там же, ед. хр. 5, машиноп., 3 л., 1932 г.). В фонде хранятся подлинники договоров на издание работ Багалея, заключенных им с различными издательствами в 1913—1932 гг. (оп. 9, ед. хр. 5, л. 1—9).

Из биографических материалов наибольший интерес вызывает формулярный список, в котором последняя запись сделана в 1918 г.; практически он охватывает все время пребывания Багалея на государственной службе в дореволюционной России (оп. 14, ед. хр. 1, подлинник, 32 л.). Этот документ позволяет исправить ошибочные биографические сведения в статьях справочного характера. Например, в энциклопедических изданиях указывается, что Багалея оставил пост ректора Харьковского университета в 1910 г. и с этого же года вошел в состав Государственного совета⁷. Из формулярного списка следует, что он стал членом Государственного совета по выборам лишь в конце 1911 г. и ушел в отставку с должности ректора в ноябре 1911 г. (там же, л. 23—26). Значение точной датировки этого события становится понятным, если учесть, что в 1910—1911 гг. в Харьковском университете происходили крупные студенческие волнения, в «усмирении» которых обязана была принимать участие и университетская администрация.

⁷ БСЭ. 2-е изд. М., 1970. Т. 2. С. 510; Укр. рад. енцикл. Київ, 1977. Т. 1. С. 314.

Сохранились и другие документы: подлинное свидетельство о рождении сына ученого Александра (оп. 15, ед. хр. 1), паспортные книжки историка и его жены М. В. Багалея (оп. 21, ед. хр. 1, 2), а также сделанные после смерти Багалея копии его переписки с разными лицами и учреждениями (оп. 16, ед. хр. 1—41, машиноп., 267 л.).

Имеются в фонде вырезки из многих дореволюционных газет, в основном статьи самого Багалея, заметки и публикации о нем. Привлекает внимание статья известного российского военного теоретика генерала М. И. Драгомирова «Война с Японией», напечатанная в газете «Киевлянин» 18 июня 1904 г., с дарственной надписью: «Д. И. Багалею на добрую память. За эту статью был обруган и даже заподозрен в измене каким-то патриотом, усмотревшим в ней подрыв авторитета Куропаткина» (там же, ед. хр. 9).

Большее число материалов относится к советскому периоду жизни ученого: интересны составленная Багалеем краткая автобиография (оп. 7, ед. хр. 6, автогр., 1 л., не позднее 1927 г.), заполненные им личные анкеты 1926 и 1931 гг., трудовой список с последней записью 1929 г. (оп. 18, ед. хр. 21, 22, 23). В анкете 1931 г. в графе «партийность» есть строки: «Хотя я беспартийный, но твердо и нерушимо стою и работаю на пользу пролетариата и Коммунистической партии» (оп. 18, ед. хр. 22, л. 2). Среди личных документов — записные книжки историка за 1925—1932 гг. (оп. 21, ед. хр. 3—10, автогр.), членские билеты и удостоверения, пенсионные книжки (там же, ед. хр. 11—22), его переписка с различными лицами (оп. 20, ед. хр. 1—2, машиноп. копии, 42 л., 1918—1929 гг.).

Заботу правительства Советской Украины об условиях жизни и работы Багалея отражает ряд документов. Это заверенная выписка из постановления СНК УССР от 13 ноября 1921 г. «О социальном обеспечении заслуженных работников науки», согласно которому предусматривалась специальная внекатегорная ставка заработной платы, обеспечение семьи продовольственным пайком (оп. 17, ед. хр. 1, машиноп., 2 л., 1921 г.). Сохранились документы о предоставлении Багалею его квартиры в бесплатное пожизненное пользование, о назначении ему персональной пенсии, а также планы мероприятий в связи с его юбилеем в 1927 г., намеченных СНК УССР и Президиумом Укрнауки (оп. 17, ед. хр. 5, 11; оп. 18, ед. хр. 18, 19).

О масштабах общественно-политической и общественно-культурной деятельности ученого в годы Советской власти свидетельствуют командировочные листы и удостоверения (оп. 17, ед. хр. 8—10; оп. 18, ед. хр. 2—3), выписка из протокола заседания Президиума Укрнауки о назначении Багалея председателем премиальной комиссии по Укрнауке (там же, ед. хр. 16, машиноп., бланк, 1 л., 1925 г.), фотокопии газетных статей (там же, ед. хр. 26—34) и машинописные копии текстов выступлений, интервью, приветствий (оп. 19, ед. хр. 1—8).

Участие Багалея в создании советской архивной системы отражают выписка из протокола заседания Малого Президиума ВУЦИК от 27 октября 1925 г. о назначении ученого представителем от УССР в комиссию по распределению архивных материалов между УССР и РСФСР (оп. 18, ед. хр. 5, машиноп. бланк, 1 л.), отрывок из доклада Багалея о рукописных дневниках профессора А. Ф. Кистяковского (там же, ед. хр. 7, машиноп., 1 л., не позднее 1924 г.).

Отдельно следует упомянуть документы, связанные с кончиной Багалея. Это заверенная копия его завещания (оп. 22, ед. хр. 4, машиноп., 1 л., 1928 г.), свидетельство о смерти (там же, ед. хр. 5, машиноп., 1 л., 1932 г.), отклики на смерть ученого (оп. 24, ед. хр. 1—24).

Судьба личного архива Багалея освещена в договоре, заключенном между наследниками Багалея и Наркомпросом УССР, согласно которому архив ученого передавался из личного пользования государству бесплатно (согласно информации дочери Багалея — О. Д. Багалея-Татариновой о ходе научной обработки его архива, акте о приеме архива сотрудника-

ми рукописного отдела Института Т. Г. Шевченко — оп. 26, ед. хр. 1, л. 3—5, 7—8, 1934—1935 гг.).

В числе фотодокументов есть многочисленные фотографии самого Багалея в разные годы жизни, его супруги М. В. Багалеи, детей и родственников, знакомых и друзей семьи (оп. 27, ед. хр. 1—37; оп. 28, ед. хр. 1—15; оп. 29, ед. хр. 1—22).

Документы фонда Багалея в рукописном отделе ЦНБ ХГУ содержат новые сведения об общественно-политической деятельности ученого в годы Советской власти, позволяют определить характер и масштаб его научных трудов в последние годы жизни, проследить процесс утверждения марксистской методологии в его творчестве. Они важны не только для изучения научной биографии историка, но и для исследования в широком плане истории исторической науки и культуры на Украине в первые годы Советской власти.

А. М. Дубровский

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ РАБОТЫ П. П. СМИРНОВА В ОР ГБЛ

В ОР ГБЛ хранится фонд доктора исторических наук, профессора, лауреата Государственной премии Павла Петровича Смирнова (1882—1947). Крупный ученый, он известен как автор трудов по истории русских городов в XVI—XVII вв.¹

Поступившие в 1950 г. от С. В. Смирновой бумаги историка составили в ОР ГБЛ ф. № 279, насчитывающий 320 дел. Здесь содержатся рукописи научных произведений историка, в том числе неопубликованных. Их можно условно разделить на три группы. Первая — труды, связанные с исследованием главной темы в творчестве Смирнова — истории русских феодальных городов. Вторая — конкретно-исторические работы по социально-экономической и политической истории Руси. Третья — историко-социологические сочинения. В нашу задачу входит попытка дать обзор этих рукописей ученого, отмечая развитие его научной мысли и интересов.

Расположенные в хронологическом порядке, работы Смирнова о городах феодальной России отражают историю создания его важнейших монографий. В речи перед защитой докторской диссертации «Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в.», состоявшейся 16 сентября 1942 г. в МГУ, Смирнов говорил: «С 1908 по 1914 почти каждый год я работал над этой проблемой в московских архивах, изредка бывая также в архивах Ленинграда. Я выбирал материалы по составленному мною плану будущей работы. План намечал составление 5—6 глав, для которых я и делал соответствующие выписки. Этими главами, по рубрикам которых я собирал и накапливал материал, были следующие:

I. Землевладение в городах XVI—XVII столетий, которое должно было дать мне почву для определения социально-экономического положения города в феодальной системе Московского государства.

II. Состав населения в его динамическом развитии от XVI к XVII веку по переписям этих веков.

III. Города и их отношения к феодалам-землевладельцам.

IV. Ремесло и торговля.

V. Корпорации и самоуправление в городах XVI—XVII вв.

Приступая к подытоживанию и разработке собранного материала, я, однако, скоро убедился, что поднял для одного человека в нужные сроки выполнения слишком большой труд. Первая же глава, которая по

¹ О нем см.: СИЭ. М., 1971. Т. 13. Стб. 80—81; Козлов В. Ф. Список печатных трудов П. П. Смирнова (К 100-летию со дня рождения) // АЕ за 1982 год. М., 1983. С. 262—263; Дубровский А. М. П. П. Смирнов — историк городов феодальной России // Русский город: (Исследования и материалы). М., 1983. Вып. 6. С. 91—101.

характеру материала не обещала больших размеров и которую я писал еще в предельно сжатом виде, составила целую книгу, которую мне и удалось напечатать на отпущенные для этого историко-филологическим факультетом Киевского университета средства в 1917 г. [...] Вторая глава тогда же печаталась в Университетских известиях и была закончена весной 1919 г. [...] Третью главу в размере 2-х томов [...] я сегодня отдаю на суд ученого собрания. Остающиеся две главы еще ждут своей очереди, и я начинаю опасаться, что мне так и не удастся не только издать, но даже закончить их изложением» (карт. 1, д. 5, л. 84–85)².

Одним из ранних трудов в этой области был доклад «Конфискации 40-х годов XVII в. на посадах» (карт. 14, д. 3, л. 1–42; 1909–1910, черновой автограф). С ним молодой историк, выступивший к профессорскому званию в Киевском университете, выступил на заседании кружка своего научного руководителя М. В. Довнар-Запольского. Это был результат первой продолжительной поездки в Москву и работы в архивах с февраля по август 1909 г. Автор сосредоточился на изучении посадского строения 1649–1652 гг. и предшествующих мероприятиях российского правительства. Реформу, проведенную в городах, Смирнов оценивал как «один из интереснейших моментов не только 17 века, но и всей русской истории» (там же, л. 14).

В докладе еще не говорилось о связи между правительственной реформой и восстанием в Москве в 1648 г.— видимо, этот вывод был сделан позднее. В докладе уже заметна известная идеализация деятельности правящих кругов (в частности, Б. И. Морозова), которую Смирнов допускал и в работах более зрелой поры. О конфискации белых свобод он говорил как о «первом опыте на Руси активного законодательного вмешательства в сложившиеся экономические отношения; причем правительство идет не за знатью, а против нее» (там же, л. 14). В этой идее о союзе правительства с горожанами чувствуется воздействие платоновской характеристики социального строя России XVII в.: «Смута... выдвинула вперед простого дворянина и „лучшего“ посадского человека. Они стали действительной силой в обществе»³.

Следующий труд «Белые свободы и отображение их по Уложению» (там же, карт. 27, д. 5, л. 1–63; автограф, 1911 г.) — одна из двух обязательных пробных лекций, с которых начиналась преподавательская деятельность молодого ученого. До сих пор была известна только одна такая лекция — «Болтин и его значение в историографии»⁴. Лекция посвящена посадскому строению середины XVII в., которое оценивалось автором как «последний момент сложения русского города» (там же, л. 52). Он представил следующую схему формирования городских центров в Московской Руси: первый момент (конец XV в.) — концентрация в будущих городах торговли, второй (середина XVI в.) — юридическое обособление горожан. «Завершение обособления и сложения города связано с судьбой 3-го элемента городского поселка — белой слободой» (там же, л. 54). Присоединение этого элемента к первым двум, происшедшее в результате реформы 1649–1652 гг., привело к тому, что «под 150-летний процесс экономического и юридического выделения посадов был подведен территориальный фундамент» (там же, л. 63). Концепция истории русских городов, представленная здесь Смирновым в духе буржуазной науки своего времени, имела позитивистский характер. Экономическим и юридическим сторонам в жизни города автор придавал равное значение, хозяйство горожан сводилось к торговле. Интересно отметить одну деталь, свидетельствующую о дальнейшем освоении историком главных источников по теме — строельных книг по городам, содержащих

² Здесь и далее ссылки на ф. 279 в ОР ГБЛ приводятся в тексте в скобках.

³ Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв.: (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время). М., 1937. С. 431.

⁴ Университетские известия. Киев, 1913. № 4, ч. 2. С. 1–40.

сведения о присоединении к посадам, тяглым слободам и сотням белых пятаглых слобод. Уже к 1911 г. Смирнов выявил 10 095 дворов, отошедших в посады в итоге реформы 1649–1652 гг., т. е. окончательно определил масштабы посадского строения.

К 1912 г. относится статья «К вопросу о формах землевладения в городах Московского государства» (карт. 14, д. 6, л. 1–73, автограф), которая была прочитана в качестве доклада на заседании Саратовской ученой архивной комиссии в 1916 г. Статья посвящена частновладельческим городам. Историк делил их на три типа: 1) города, пожалованные государем в удел или в кормление; 2) города, пожалованные в вотчину; 3) города и посады, построенные и образовавшиеся на владельческой территории (там же, л. 72–73). Эта классификация отражает одно из направлений развития мысли ученого, позднее Смирнов от нее отказался.

Значительный интерес представляют также материалы спецкурса по истории русских городов, прочитанного в Киевском университете в 1913 г. (карт. 28, д. 1, л. 1–300; д. 2, л. 1–190, автограф). Спецкурс построен как на опубликованных источниках, но мало отработанных и осмысленных историками, особенно в плане изучения истории городов, так и на архивных. «Мне хотелось привести в систему собственные заметки и размышления и подвергнуть их проверке путем последовательного изложения — так объяснял автор замысел работы (там же, д. 1, л. 10). Сохранилось 13 лекций. Можно полагать, что тринадцатая не была последней. Изложение в ней материала обрывается до посадской реформы середины XVII в., ход и результаты которой были уже изучены Смирновым. Кроме того, дата последней лекции (5 апреля 1913 г.) далека от окончания учебного года. Вероятно, спецкурс содержал еще две-три лекции по истории городов в XVI–XVII вв., восстания 1648 г. и последовавшего за ним посадского строения. Впоследствии, работая над этими сюжетами, историк мог взять соответствующие тексты из спецкурса и использовать их.

Основное содержание дошедших до нас лекций — история русских городов с древнейших времен до конца XV в. Первоначальная концепция автора, представленная в лекции о белых слободах, в основном не изменилась. Однако теперь ее подкрепляли многие факты отечественной истории. Восточных славян Смирнов считал «градостроителями по преимуществу». В их среде образовалось боярство, которое в XII–XV вв. ушло из городов в села. Это было связано с «ростом землевладения и приложения к земле рабского труда с XI в.» (там же, л. 142). Тысячная организация и вече превратились в организации черных людей. Изменился тип города. Правда, впоследствии он не получил широкого развития, так как монголо-татарское нашествие уничтожило почти все городские центры. Распространилась новая форма поселений — слободы (поселки на частной земле со свободным населением). Типичным явлением стал частновладельческий город. Автор спецкурса уделил особое внимание слободам, придавая им важное значение в горообразовательном процессе. Он анализировал права владения слободой, льготы ее жителям, вопросы управления.

Определенный интерес представляют материалы сборника, переплетенные в четырех книгах (карт. 18, д. 11; карт. 19, д. 1, д. 2; карт. 20, д. 1; около 1917 г., автограф). Листы их пронумерованы (возможно, самим автором) сквозной нумерацией, связывающей все книги воедино. Последний лист 1087-й, но реальный объем труда несколько больший, так как в нем встречаются вложенные между страниц листки с записями. Он представляет собой алфавитный перечень городов России. Каждый пункт (город, иногда пригород или слобода) имеет порядковый номер. Далее указано, в ведении какого государственного органа состоял этот пункт. Затем идут выписки из писцовых, межевых, дозорных и других книг о числе дворов. Например: «67. Кадом (Посад ведала Костромская четь, но в половине XVII столетия Кадом упоминается среди городов Казанского дворца: см. Дворцовый Разряд III, 278; Казанский дворец

якогда собирает с него и доходы, например полонянничные деньги в 158 году — Приказные дела старых лет, 1649, № 62).

По окладной книге Приказа сбора ратных людей 147 года в Кадоме 46 дворов (посадских). (Городовая книга по Владимиру, № 4, л. 72)».

Назначение этого справочника объясняется самим автором⁵. В неопубликованном списке работ историка о нем говорится так: «Сборник статистических сведений по городам Московского государства XVI—XVII ст. Страниц около 800. Подготовлен к печати»⁶.

В число неопубликованных входит статья «Русские города в XVI—XVII вв.» (карт. 11, д. 4, л. 1—22, машинопись). На последней странице есть дата рядом с подписью автора — 23 апреля 1938 г. В основе этой работы лежал опубликованный ранее очерк «Движение населения Московского государства»⁷. Статья посвящена истории городов России во второй половине XVII в. Сравнивая итоги переписей 1646 и 1678 гг., автор заметил сокращение населения в одних городах и рост в других. Движение населения сигнализировало об изменениях в экономической роли того или иного городского центра. Эволюцию в демографической и хозяйственной ситуации Смирнов объяснял развитием всероссийского рынка. После воссоединения Украины с Россией «старое расположение городов, исходившее из старой московской экономики, оказалось разрушенным; возникло новое, исходившее из новых экономических связей и нового быстро сраставшегося русско-украинского и белорусского или всероссийского национального рынка» (там же, л. 18).

По мнению историка, северо-восточные города России переживали упадок, юго-западные — подъем: «В первой половине столетия своими крупнейшими центрами Московское государство было ориентировано на восток: на северо-восток в сторону Сибири и на юго-восток в сторону Каспийского моря. Во второй половине XVII в. оно ориентировано экономически на запад: на северо-запад в сторону Балтийского моря и на юго-запад в сторону Украины. Таким образом, экономика Московского государства во второй половине XVII столетия, поскольку она была связана с торгово-промышленными центрами, имеет новый характер, более близкий к экономике XVIII столетия, нежели первой половины XVII в.» (там же, л. 19—20). В статье далее отмечалось, что середина XVII в. — время классовых успехов средневековых «бюргеров». Имелись в виду уступки со стороны правительства после восстания 1648 г. Со временем, писал Смирнов, наблюдается расхождение интересов посадских и других привилегированных «чинов» Московского государства, сближение посажан с крестьянством (к этому, по мысли историка, вела логика их борьбы против феодалов), поражение и крестьянской войны и городских восстаний. «Земский собор[...] в последней четверти XVII столетия окончательно исчезает. С ним исчезает и постоянное урегулированное воздействие „торгового чина“ на власть. Посадские люди постепенно опускаются в то состояние неполитического, „непривилегированного“, „серого“ состояния, в котором они просуществовали в течение XVIII и XIX вв.» (там же, л. 22).

В неопубликованных трудах по истории русских городов отражена

⁵ «Собрание выписок из описаний городов первой половины XVII в. в систематическом виде мы предполагали издать одновременно с настоящей книгой, но технические затруднения принудили нас это издание временно отложить. Всего в него вошли описания 271 города; в том числе по 158 городам использованы сохранившиеся книги первой половины XVII в.: дозоров 49, писцовых 68 (в том числе 2 строельных и 1 селебная), переписных 154—157 гг. 130 книг, всего 247 книг. Остальной материал почерпнут из приказного делопроизводства» (Смирнов П. П. Города Московского государства в первой половине XVII в. Киев, 1919. Т. 1, вып. 2. С. 7).

⁶ Архив МГИАИ. Д. 606. Судя по письму, которое вдова Смирнова отправила С. В. Бахрушину (1948—1950 гг.), историк предполагал издать справочник в качестве приложения к монографии «Посадские люди...», но не успел сделать этого (ААН. Ф. 624. Оп. 4. Д. 13. Л. 1 об.).

⁷ Русская история в очерках и статьях / Под ред. М. В. Довнар-Запольского. М., 1910. Т. 2. С. 62—80.

основная тема научного творчества Смирнова главным образом дореволюционного периода. Огромная часть собранных им материалов была обработана и осмыслена уже на начальном этапе, а ряд сформулированных тогда оценок и общих концептуальных построений сохранился неизменным и в более позднее время.

Вторую группу составляют четыре работы: редакция 1930-х годов монографии «Волжский путь и древние руссы» (Киев, 1928) и статьи: «Рабовладельческая формация в древней Руси», о «холодной войне», «Филарет Никитич, „великий государь“, святейший патриарх московский и всея Руси“, как представитель раннего абсолютизма в России».

Книга «Волжский путь и древние руссы» является одним из основных, хотя и малоизвестных, трудов историка. Она посвящена русскому каганату, раннему государственному образованию на верхней Волге, где, как считал историк, в VI—IX вв. развивалась скандинавско-финно-славянская культура. Вторая редакция книги хранится в ОР ГБЛ (карт. 2, д. 1, л. 1—525, машинопись с авторской правкой). Рукопись заключена в переплет, а между ее страницами встречаются листы со вставками в текст. Ясно, что работа над книгой продолжалась и после даты, указанной в конце предисловия, — 15 июня 1937 г. Смирнов в нем писал: «Вышедшая в 1928 г. [...] книга переиздается ныне в значительно переработанном виде. Автор стремился не только учесть сделанные по поводу украинского издания критические замечания, но и сдвинуться с запятой некогда позиций, следуя вновь появившимся научным данным и естественным изменениям собственных взглядов на некоторые вопросы» (там же, л. 5).

Настаивая на доказательстве глубокой древности оседания варяго-русов в Восточной Европе, он мобилизовал более обширный археологический материал, чем представленный в печатной монографии. По-новому ставил и разрешал вопрос о социально-экономической природе общества руссов и славян «в период волжского торгового пути и в первые два века существования Киевского государства». Здесь в наибольшей степени проявилась эволюция методологических воззрений Смирнова. В книге 1928 г., отражая теоретические установки школы М. Н. Покровского, он отмечал эпохи господства того или иного национального капитала: греко-римского, арабского, византийского. Теперь он признал общество древних руссов, а равно и Киевскую Русь, рабовладельческими, т. е. принял известную схему, согласно которой в истории каждого народа после разложения первобытнообщинного строя наступает пора господства рабовладельческих отношений. Работа над монографией о древних руссах занимала большое место в творчестве Смирнова: между опубликованием первой ее редакции и созданием второй прошло около десяти лет. Многие общие построения ученого современную науку не могут удовлетворить. Но рукопись интересна как своеобразный памятник научной исторической мысли 1920-х — 1930-х годов.

Статья «Рабовладельческая формация в древней Руси» (карт. 12, д. 1, л. 1—219, автогр. и машинопись; текст и подготовительные материалы) была написана одновременно со второй редакцией монографии. Материалы из статьи Смирнов использовал в устных выступлениях в связи с дискуссией о природе общественного строя Киевской Руси, проходившей в середине и второй половине 1930-х годов⁸. В статье характеризовался рабовладельческий строй на Руси. Становление феодальных отношений относилось к довольно позднему времени: «Только в духовных грамотах XIV—XV столетий можно наблюдать массовое освобождение холопов в крупных княжеских и боярских хозяйствах. Это было время упадка рабовладельческого способа производства на Руси. Он заменялся феодальным способом производства, и главной рабочей силой становились обездоленные к тому времени смерды» (там же, л. 8).

⁸ См., например: Дискуссия по докладу академика Б. Д. Грекова 4—11 июня 1939 г. // Историк-марксист. 1939. № 4. С. 191—192.

Тематически близка к этой работе первоначальная редакция большой статьи о холопшей войне, статьи, опубликованной посмертно⁹. Сопоставление текста рукописи (карт. 12, д. 4, л. 1–85, машинопись с авторской правкой; л. 86–331 — материалы к статье) с изданным показывает следующее. Автор, как было ему свойственно, обозначил дату окончания работы над первой редакцией — 18 октября 1939 г. Он предполагал напечатать свой труд в журнале «Историк-марксист», но редакция отклонила его предложение, считая, что такого рода сочинение должно быть напечатано в источниковедческом журнале¹⁰.

Через некоторое время он вернулся к работе над статьей. Новая дата окончания работы — 1943 г. (там же, л. 259). Окончательный текст, изданный в 1947 г., является итогом многолетних раздумий и занятий темой. В легендарной «холопшей войне», о которой писали С. Герберштейн, Д. Флетчер и русские летописцы, Смирнов видел «известие о крупном явлении в развитии нашего прошлого: о революции рабов в древней Руси, которая была порогом к следующей высшей ступени общественного развития, к феодализму» (там же, л. 67). В печатном варианте Смирнов несколько изменил характер статьи, усилив источниковедческий аспект, а также исключив употребление термина «рабовладельческое общество» применительно к Руси.

Статья о Филарете Никитиче как представителе раннего абсолютизма в России (карт. 13, д. 7, л. 1–59, машинопись; л. 60–80 — подготовительные материалы), видимо, одна из поздних работ Смирнова. Это очерк жизни и деятельности Филарета в связи с политической историей Российского государства на рубеже XVI–XVII вв. В политическом строе, установившемся после прихода к власти Романовых, Смирнов усматривал черты абсолютизма. Обобщая собранный материал, он делал следующие выводы: «Ранний абсолютизм Филарета был результатом, с одной стороны, пережитого Смутного времени, из которого дворянство вышло победителем в союзе с посадскими людьми, и Филарет Никитич не мог не учитывать этого результата; с другой стороны, он возникал из того, что дворянство было растущей силой, которой должно было принадлежать будущее, и Филарет Никитич правильно угадывал его будущую роль; в-третьих, на политике Филарета Никитича отражалось влияние современных западноевропейских событий и учений, с которыми он несомненно имел время ознакомиться во время пребывания в польском плену. Всего этого было достаточно, чтобы создать [...] политику патриарха Филарета [...], но слишком мало, чтобы эту политику закрепить и обратить московскую сословно-представительную монархию в абсолютистское государство. Для последнего не было главного условия: безусловного преобладания дворянства над всеми остальными чинами или сословиями XVII века» (там же, л. 58–59). Статья Смирнова интересна тем, что в ней запечатлен один из первых подходов советских историков к исследованию российского абсолютизма.

Историко-социологические работы Смирнова до сих пор оставались неизвестными. Ученого интересовала проблема единства путей развития западноевропейских стран и России. В статье 1923 г. «О единстве исторического развития Европы» (карт. 11, д. 5, л. 1–6 об., автограф) он писал: «Самым существенным, решающим, а вместе с тем самым простым и сходным являются события экономического и социального порядка [...] Политические события, отмеченные годами, явятся только границами периодов, а в основании самих периодов, т. е. подразделений исторического процесса, будут лежать всегда фазы экономической и социальной эволюции» (там же, л. 2). Он очерчивал следующие периоды европейской истории, прослеживая их в развитии разных стран: период существования варварских государств, период феодализма, период сословно-представительной монархии, период абсолютной монархии, эпоха

⁹ Смирнов П. П. Сказание о холопшей войне в Древней Руси // Учен. зап. Моск. гор. пед. ин-та им. В. П. Потемкина. 1947. Т. 2, вып. 2. С. 3–50.

¹⁰ См. резолюцию А. Л. Сидорова на тексте статьи (Карт. 12, Д. 4, Л. 1).

крушения абсолютизма. Ученый пришел к выводу, что изучаемые им явления распространялись в Европе с запада на восток, причем каждый последующий период был короче предыдущего. До России исторические процессы докатывались «с запозданием и должны были протекать в своеобразных новых условиях и общеевропейской и русской жизни» (там же, л. 6). В России, по мнению историка, затянулся только период абсолютизма. «Поэтому,— писал он,— мы можем утверждать, что величайшую ошибку совершают те, кто думает и утверждает, будто бы русский исторический процесс является самым медленным в Европе. Наоборот — это всегда был и есть самый быстрый по темпу и самый революционный по характеру процесс в Европе, т. к. в России, захваченные новым переворотом, сходили со сцены еще не изжившие себя классы и брали в руки власть неготовые к ней, и это предопределено ее местом в Европе» (там же).

Считая, что содержание этой работы «по важности своей и педагогическому значению заслуживает полного внимания и применения в школе, особенно в преподавании со взрослыми» (там же, л. 6 об.), Смирнов попытался представить свои идеи в более наглядной форме. Новая редакция работы включает хронологические таблицы, каждая из которых посвящена тому или иному периоду исторического развития Европы. Сочинение получило название «Россия и Запад (опыт исторической морфологии)» (карт. 11, д. 10, л. 1—181, 1923—1925 г., автограф). Более поздняя редакция этого труда «Закон неравномерности экономического и политического развития европейских стран» (карт. 11, д. 8, л. 1—231, машинопись с авторской правкой) датирована автором 1925 г. В дальнейшем он вновь обращался к рукописи: на л. 231 появился эпитаф, а рядом с ним новая дата — 1931 г. Основные выводы во всех изданиях сохранены, хотя автор отошел от упрощенного географизма, с помощью которого он на первых порах объяснял различия в истории России и Запада. В последней редакции труда он выдвинул плотность населения в качестве определяющего явления: «Рельеф населенности [...] в основных чертах сохраняется до сих пор, оказывая могущественное воздействие на историческую эволюцию отдельных стран» (там же, л. 208). Социологические труды Смирнова отразили его теоретические искания. По существу, многое, о чем он писал, составляло идейный багаж представителей дореволюционной буржуазно-либеральной науки, в частности Н. И. Кареева, П. Н. Милюкова, Н. П. Павлова-Сильванского.

Неопубликованные труды Смирнова, хранящиеся в ОР ГБЛ, дополняют сложившиеся представления о творческом пути и наследии историка, показывают разнообразие его научных интересов и поисков, уточняют сведения о его методологических позициях. Они не могли повлиять на ход занятий других исследователей, но все же эти работы имеют определенное значение. Они важны не только для углубленного изучения творчества Смирнова, его идейной эволюции, но и для характеристики состояния исторической мысли в 1920—1940-е годы.

П. А. Сергеев

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Н. М. ДРУЖИНИНА В СЕКЦИИ
ПО ИЗУЧЕНИЮ ДЕКАБРИСТОВ И ИХ ВРЕМЕНИ
ПРИ ВСЕСОЮЗНОМ ОБЩЕСТВЕ
БЫВШИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ КАТОРЖАН И ССЫЛЬНОПОСЕЛЕНЦЕВ
(1924—1934 гг.)**

В своих воспоминаниях Н. М. Дружинин пишет: «...В 1924 г. по предложению Общества политических каторжан и ссыльнопоселенцев представил популярную брошюру „Кто были декабристы и за что они боро-

лись?», выдержавшую два издания. В 1925 г. в том же обществе оформился научный центр, сосредоточивший вокруг себя всех, кто занимался первым вооруженным восстанием против самодержавия, — секция по изучению движения декабристов, возглавляемая бывшими народовольцами В. Н. Фигнер и А. В. Якимовой. Вместе с Б. Е. Сыроечковским я был избран секретарем секции, выработывал программы юбилейных лекций и экскурсий, внимательно следил за выходящими литературой и источниками, выступал с докладами и сообщениями»¹.

В томе избранных трудов Дружинина по революционному движению в России в XIX в. (М., 1985) не указано, что все его работы о декабристах (периода 20–30-х годов) перед опубликованием обсуждались на заседаниях Московской секции по изучению декабристов (одна на Ленинградской) ВОПиС в форме докладов и являлись плановыми изданиями секции. Материалы фонда ВОПиС позволяют дополнить воспоминания Николая Михайловича о его участии в работе секции.

Впервые имя Дружинина встречается в протоколе № 14 заседания комиссии по празднованию столетнего юбилея восстания декабристов при ВОПиС 10 ноября 1924 г.² Брошюру профессора Фирсова³ «Кто такие были декабристы?», заказанную комиссией, признали неприемлемой для печати и постановили просить членов комиссии В. В. Леоповича-Ангарского⁴ и Б. Е. Сыроечковского переговорить с историками Н. М. Дружининым и Н. И. Шаховской о создании новой работы на эту тему. На заседании 1 декабря отклонили план брошюры Шаховской, а переговоры с Дружининым поручили вести Б. П. Козьмину. Запись в протоколе № 18 от 26 января 1925 г. гласит, что Дружинин кооптирован в состав комиссии для работы в лекторской группе, и вскоре ему поручили разработать для лекторов тезисы. 16 марта (21-е заседание) Дружинина попросили включиться в подготовку издания диапозитивов из жизни декабристов, поручили подбор иллюстраций о быте эпохи и назначили гонорар⁵. Может быть, следствием этого занятия и стала напечатанная в 1932 г. работа Дружинина «Декабристы. Текст к диапозитивам»⁶.

6 апреля Дружинина избрали одним из секретарей на торжественное собрание, посвященное 100-летию юбилею восстания декабристов (д. 86, л. 23). 9 мая он прочел лекцию «Декабристы и их место в истории русского революционного движения» в клубе Общества политкаторжан (д. 86, л. 25). Сохранился машинописный экземпляр тезисов Дружинина «Почему мы празднуем юбилей декабристов?»; но не ясно, разработаны они для лекторов или его собственной лекции (д. 86, л. 48–50). Тезисы интересны для понимания развития взглядов Дружинина на некоторые вопросы идеологии декабристов и причины этого движения. Таковы основные моменты участия Дружинина в юбилейной комиссии. 21 декабря 1925 г. состоялось первое заседание комиссии по изучению декабристов и их времени при Литературной комиссии ВОПиС. Председателем избрали Фигнер (оставалась на этом посту до реорганизации секции в марте 1931 г.). А. В. Якимова была почетным членом

¹ Дружинин Н. М. Воспоминания и мысли историка. 2-е изд., доп. М., 1979. С. 41. О консультациях Музею каторги и ссылки Общества политкаторжан (ВОПиС) Дружинин упоминает еще в одном месте воспоминаний (Там же. С. 48).

² Комиссия действовала с 19 октября 1923 г. по 9 ноября 1925 г. Возглавляла ее А. В. Якимова. Всего состоялось 25 заседаний. Дружинин присутствовал на семи последних, начиная с 19-го (16 февраля 1925 г.).

³ Видимо, Н. Н. Фирсов (1864–1934) — историк; среди тем его работ — революционное и студенческое движение в XIX в. См.: Историки освободительного движения в России: Библиографический словарь: Проект словаря / Сост. А. В. Ратнер. Л., 1985. С. 97, 128, 140.

⁴ Там же. С. 58. Участник народовольческого движения, член ВОПиС.

⁵ ЦГАОР СССР. Ф. 533. Оп. 1. Д. 86. Л. 14, 16, 18, 19, 21. Далее в тексте указываются номер дела и листа.

⁶ Николай Михайлович Дружинин (1886–1986) / Сост. Р. И. Горячева, Н. М. Ансерева: (Материалы к библиографии ученых СССР). Сер. истории. М., 1987. Вып. 16. С. 46. (Далее: Дружинин. Библиография).

секции. Почетным председателем выбрали Е. Е. Якушкина⁷, который являлся им до своей кончины 19 августа 1930 г. В протоколе, составленном Дружининым, отмечено, что он входил в инициативную группу, которая и создала это заседание, чтобы превратить юбилейную комиссию в постоянную. Тогда же Дружинина избрали одним из помощников секретаря комиссии Б. Е. Сыроечковского и членом президиума, руководившего секцией (д. 65, л. 1–2). С этого времени Николай Михайлович неизменно переизбирался на эту должность: 28 января 1927 г., 24 марта 1928 г. (д. 93, л. 6, 18), в декабре 1929 г. (д. 72, л. 48), 22 февраля 1930 г. (д. 93, л. 22). После реорганизации в марте 1931 г. Дружинин не выбирался в президиум новой секции — по изучению революционного и общественного движения народов СССР в XIX в. по 90-е годы, которая действовала до июля 1934 г. (д. 72, л. 60–62).

Главной обязанностью Н. М. Дружинина было ведение протоколов поочередно со вторым помощником секретаря. Заседания созывались нерегулярно, обычно два раза в месяц. На лето объявляли перерыв. Всего с декабря 1925 г. по март 1931 г. проведено 70 заседаний, почти половина протоколов которых составлена Дружининым, а посетил он большее число заседаний. В делах фонда содержатся рукописный и машинописный экземпляры протокола одного заседания. Особенность протоколов Дружинина — более тщательная фиксация хода заседания. Машинописные экземпляры собственноручно выверены Дружининым по рукописным. Полнота и обстоятельность протоколов достигалась Дружининым доработкой черновых записей вскоре после заседания. Этого не обнаружено при изучении протоколов других авторов. Можно предположить, что Дружинин составлял именно протоколы (в отличие от прочих), которые не дополнялись после заседания. Сверка же машинописного экземпляра с рукописным осуществлялась и другими авторами. Кроме того, в делах имеются написанные Дружининым планы, справки, сводные таблицы посещаемости заседаний за год, отчеты.

На заседаниях секции Дружининым были прочитаны доклады, которые планировались и затем публиковались в изданиях секции либо в других изданиях по согласованию с редакционным комитетом. С 25 мая 1928 г. по апрель 1931 г. Дружинин был его членом (д. 74, л. 8).

25 мая 1927 г. (25-е заседание) — «Конституция Н. М. Муравьева (внешняя история вариантов)» (д. 67). Работа опубликована в 1-м томе трудов секции в 1928 г. 16 ноября 1928 г. (42-е заседание) — «Масонство П. И. Пестеля» (д. 68). Работа напечатана в 1929 г.⁸ 15 марта 1929 г. (48-е заседание) — «Конституция Н. М. Муравьева (творческая история текста)» (д. 69). Прения по докладу происходили на следующем заседании⁹. 24 июня 1930 г. (60-е заседание) — «Записки С. П. Трубецкого» (д. 70). Работа опубликована во 2-м томе трудов секции в 1932 г.¹⁰ 20 января 1930 г. (48-е заседание Ленинградской секции) — «Семейство Чернышевских и декабристское движение» (д. 90). Доклад напечатан в том же году в трудах Общества изучения Московской области. 20 марта 1934 г. (уже в новой секции) — «И. Д. Якушкин и его Ялуторовская школа». Доклад подготовлен на основе архива Якушкиных, поступившего после смерти его последнего владельца Е. Е. Якушкина в распоряжение Общества политкаторжан (д. 72, л. 65). Работа предназначалась для сборника памяти Е. Е. Якушкина, издание которого не осуществилось из-за ликвидации ВОПиС в 1935 г., напечатана в 1941 г.¹¹

⁷ См. о нем: АЕ за 1980 год. М., 1981. С. 319–331.

⁸ Дружинин. Библиография. С. 44.

⁹ Прочитан взамен предполагавшегося — «Биография и политическая деятельность Н. М. Муравьева». Не вошел во 2-й т. трудов секции, поскольку после защиты Дружининым диссертации издательством ВОПиС была запланирована его монография «Н. М. Муравьев» (Д. 72. Л. 61).

¹⁰ Дружинин. Библиография. С. 46.

¹¹ Там же. С. 49.

По разным причинам не были опубликованы следующие работы Дружинина: в 1929 г. «Н. М. Муравьев: письма, записные книжки, заметки. 1810—1826 годы» из-за недостатка средств на издание мемуарного декабристского сборника; в 1930 г. доклад «Экономические отношения первой четверти XIX в.» и статья «Иконография Н. М. Муравьева» (д. 71, л. 3); в 1931 г. отдельным изданием материалы «Конституционные проекты, теоретические работы и агитационные произведения Н. М. Муравьева», так как редакционный комитет решил опубликовать их в виде приложения к монографии Дружинина¹²; во 2-й том трудов секции не вошла работа Дружинина «Анонимная записка о торговле в 1823 г.»¹³

Н. М. Дружинин был один из инициаторов изучения членами секции периодических изданий первой четверти XIX в. по социально-экономическим и политическим течениям эпохи. В составе сформированной для этой цели группы в декабре 1929 г. Дружинин изучал «Земледельческий журнал» за 1821—1841 годы. По итогам исследования на 14 июня 1931 г. был назначен его доклад (д. 71, л. 8).

С декабря 1929 по 1932 г. Дружинин возглавлял музейную бригаду секции, которая помогала Музею каторги и ссылки ВОПиС оформлять отдел декабристов. Судя по сохранившимся об этом документам, Дружинин уделял большое внимание методике выявления, сбора и обработки материала. К заседанию 3 июля 1930 г. он подготовил образец учетной карточки на примере биографии декабриста Н. М. Муравьева и предложил составлять биографическую картотеку декабристов (д. 85, л. 12). 13 марта 1931 г. Дружинин рассказывал членам музейной бригады о коллекции декабристских материалов Музея Революции СССР, где работал с 1926 г. (д. 71, л. 9).

В воспоминаниях Н. М. Дружинин пишет, что ко времени выхода в свет в 1933 г. монографии по защищенной им диссертации завершается продолжительный период его формирования как историка-марксиста¹⁴. Материалы фонда ВОПиС показывают, что в этот почти десятилетний период он активно работал в секции по изучению декабристов, которая способствовала воплощению его научных замыслов.

¹² Там же. С. 47.

¹³ В издательских планах секции приводятся и другие названия работы: «Анонимная записка об упадке торговли 1823 г.» (Д. 74. Л. 7), «Записка о торговле и финансах 1823 г.» (Д. 72. Л. 48 об.).

¹⁴ Дружинин Н. М. Воспоминания и мысли историка. 2-е изд. Доп. С. 46.

Е. Н. Никитин

АРХИВ ИСТОРИКА П. П. ПАРАДИЗОВА

Перед Минутой молчания в память павших бойцов за Советскую власть, объявленной по Советскому радио и телевидению 7 ноября 1987 г., было сказано: «Мы благодарно помним тех, кто стал жертвой клеветы и беззакония, но не отрекся от веры в святое дело революции». Текст этот на следующий день опубликовала газета «Правда»¹.

Именно таким человеком, не жалеющим своих сил в работе, свято верящим в дело революции, в ее идеалы, даже оказавшись в заключении после ложного доноса, был историк Петр Павлович Парадизов. Об этом красноречиво говорят его письма, посланные жене из Челябинского поллитизолятора.

П. П. Парадизов родился 13(26) января 1906 г. в с. Людиново

¹ Правда. 1987. 8 нояб.

Петр Павлович
ПАРАДИЗОВ
(автопортрет, 1936 г.)

Жиздринского уезда Калужской губернии². Отец историка был сельским фельдшером, мать — медицинской сестрой. В феврале 1920 г. Петр Павлович вступил в комсомол, в июне 1926 — в партию большевиков. По комсомольской путевке в 1922 г. был направлен на учебу в Москву, где поступил в Институт гражданских инженеров, из которого в 1924 г. перевелся в Академию коммунистического воспитания имени Н. К. Крупской. Академию Петр Павлович закончил в 1925 г. (он учился по индивидуальному плану). На следующий год с работой «II Интернационал» П. П. Парадизов поступил в аспирантуру Института истории, входившего тогда в Российскую ассоциацию научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН)³, и закончил аспирантуру в 1930 г. по специальности «история народов СССР эпохи промышленного капитализма». Печататься начал в 1928 г. Основная черта историка П. П. Парадизова, — партийность. Если сейчас необходимость наличия это-

го качества у каждого советского ученого воспринимается как само собой разумеющееся, то в 20-е годы эту истину приходилось доказывать. В. И. Невский писал в предисловии к первой книге П. П. Парадизова «Очерки по историографии декабристов» (М.; Л., 1928): «Нужно приветствовать эту книгу именно потому, что она написана молодым марксистом, рассматривающим историю... как результат развития производительных сил в данной эпохе и в данном месте (с. 5). Историко-революционный вестник «Каторга и ссылка» в своей рецензии счел нужным подчеркнуть то обстоятельство, что «автор твердо держится марксистского метода и марксистских позиций»⁴. От них не отошел П. П. Парадизов и в последующих работах. За семь лет научной работы историк успел не так уж мало — им опубликованы три книги и более десяти статей⁵.

Много сил и энергии Петр Павлович отдавал педагогической и общественной деятельности. Еще учась в вузах, он преподавал историю в школах и на рабфаках (1923—1926 гг.), на историко-этнологическом факультете 1-го МГУ (1928—1930 гг.), а с 1930 по 1931 г. — в Воронежском университете. По возвращении в Москву с 1932 по 1935 г. П. П. Парадизов работал в Институте истории Коммунистической академии, одновременно являясь заместителем ответственного редактора сборников «Литературное наследство». Он принимал участие в редактировании 11/12, 13/14, 15, 16/18, 19/21 томов этого издания, широко известного как у нас в стране, так и за рубежом.

Учась в Институте гражданских инженеров, П. П. Парадизов избирался ответственным секретарем ячейки ВЛКСМ и депутатом Бауманского районного Совета г. Москвы. Позднее историк работал агитатором ЦК ВКП(б), был консультантом историко-революционных отделов газеты «Правда» и ГБЛ, участвовал в работе издательства «История фабрик

² В архиве историка сохранилось свидетельство о его рождении, на котором имеется отметка о прописке П. П. Парадизова в Москве 29 ноября 1922 г. по адресу: Лядин пер., д. 8, кв. 3.

³ В 1929 г. Институт истории был присоединен к Коммунистической академии.

⁴ Поршнев Б. Ф. [Рецензия] // Каторга и ссылка. 1929. № 10 (59). С. 210.— Рец. на кн.: Парадизов П. П. Очерки по историографии декабристов. М., 1928.

⁵ См. ниже список печатных трудов П. П. Парадизова.

и заводов», для которого написал «Историю Трехгорной мануфактуры» (совместно с В. З. Зельцером). О появившихся в печати публикациях о фабрике купцов Прохоровых «Правда» писала 11 декабря 1934 г.: «...надо в особенности отметить талантливые работы т. П. Парадизова».

Учителями Петра Павловича в исторической науке были М. Н. Покровский, к концепции которого ученик относился критически⁶, и В. И. Невский. В одном из писем Владимир Иванович говорит своему любимому ученику: «у Вас есть „божественный огонь“, поэтому работайте, работайте, работайте. Простите меня, что я читаю Вам как бы нотации. Но Вам предстоит еще долгая жизнь. Вы будете бороться, и наука будет Вашим оружием»⁷. И Петр Павлович работал, не жалея собственного здоровья, порой дорабатываясь до психостении.

Близость с В. И. Невским оказалась для П. П. Парадизова роковой. В начале 1935 г. профессиональный революционер, советский государственный и партийный деятель, историк, член Коммунистической партии с 1897 г. был схвачен по злому навету и безвинно осужден. Тогда же арестовали и его ученика. Случилось это в ночь со 2 на 3 февраля 1935 г. В архиве историка сохранился протокол первого обыска на квартире Парадизовых.

«Протокол

На основании ордера Главного Управления Государственной Безопасности НКВД СССР за № 1835 от 2 февраля мес. 1935 г. произведен обыск у гр. Парадизова П. П. в доме № 10 кв. 12 по ул. Патаповский переулок.

При обыске присутствовали Князьков К. Н., Николаев И. А., Добряков К. А., жена Парадизова Е. В.

Согласно данным указаниям задержан гражд. Парадизов Петр Павл. Взято для доставления в Главное Управление Безопасности следующее — документы на имя Парадизова П. П.: партбилет № 1426396, паспорт № 398380, военный билет, профсоюзн. билет № 0218666. Отобран сломанный револьвер без пуль, „дамский маузер“, две записные книжки, личное парт. дело, пакет из МК ВКП(б).

Обыск производил комиссар Оперода Добряков К. А.
3 февраля 1935 года».

5 мая 1935 г. постановлением Особого совещания при НКВД СССР П. П. Парадизов приговорен к пяти годам заключения. После отправки в Челябинский политизолятор (26 мая 1935 г.) ему разрешена переписка с семьей. В архиве историка сохранилось 74 его письма с 9 марта 1932 по 20 октября 1936 г. (2 — к дочерям Марте и Наталье, 72 — к жене Екатерине Викторовне). Эти письма — удивительные исторические и человеческие документы. Нельзя удержаться, чтобы не привести хотя бы некоторые из них.

«Челябинск. Политизолятор.
31/V 1935 г. Утро.

Ну, здравствуй, родная Катя!

Вот я уж и прибыл в Челябинск. Прибыл ввечеру 29 мая. Не знаю, как скоро Ты получишь это письмо, хотелось бы, чтобы предельно скорей, чтоб не мучила Тебя зря излишняя тревога неизвестности. Обо мне право же не стоит тревожиться, здоров и есть все необходимое для под-

⁶ В предисловии к книге П. П. Парадизова «Очерки по историографии декабристов» В. И. Невский писал: «...отдавая должное выдающимся и даже блестящим работам т. М. Н. Покровского, наш молодой автор имеет смелость подчеркнуть и то, что он находит неправильным в работах своего учителя. А так как делается это без всяких лишних ужимок и словечек, то надо надеяться, что должное уважение к заслугам своих учителей останется у нашего молодого автора и в будущем» (С. 7).

⁷ Цит. по ст.: Гапошкова Л. В. Архив В. И. Невского // ЗОР ГБЛ. М., 1967. Вып. 29. С. 43.

держания растительного существования: и сухой кров, и одежда, и еда, и прогулка (целых три часа в день).

Рассмотрел все, что Ты собрала мне в мой неожиданно дальний и долгий путь: за все я, конечно, благодарю. Знаешь, родная, не столько материальная полезность вещей важна (хотя и она архиважна), сколько те чувства, с которыми все эти мелочи жизненных удобств подбирались. Людям, свободно ходящим по лицу земли, трудно, почти невозможно, понять, сколь бесконечно дороги эти чувства в иных положениях.

Ну, да не буду говорить об этом; чтобы покончить о себе, скажу еще раз: минимально необходимое в отношении чистоты у меня есть, питание — вполне сносное, воздуха хватает, а сегодня хорошая погода — так даже и солнце есть. Денег у меня около 300 рублей, и этого хватит до нового года. Право же, напрасно Ты отняла от себя и детей эту сумму.

Здесь разрешены газеты, журналы и даже книги. Эти последние можно получать из дому. Пока ничего из книг мне не надо — некоторое время я еще не буду способен к серьезному интеллектуальному труду, а там посмотрим. Кстати, я слышал, что в издательстве „Academia“ вышел Достоевский с моей вступительной статьей⁸. Издательство обязано выдать мне два экземпляра книги. Так Ты получи их, если это возможно, т. е. если они не собираются отказать мне в моем авторском праве на два экземпляра. Один, быть может, когда-нибудь перешлешь мне (не теперь), другой оставишь у себя — как след от одной из последних моих работ над историей и историей литературы. Достань также два экземпляра „Лит. наследства“ Пушкинской книжки. Они же должны дать. Ведь все-таки я до недавнего времени был Зам. отв. редактора этого журнала и немало возился с ним. „Лит. наследство“ сохрани у себя. Посмотришь — развлечешься хоть каплю: там есть кое-что интересное из материалов и немало чудесно выполненных в Гознаке иллюстраций.

„История Трехгорной мануфактуры“ т. 1-й, о выходе которого в „скором времени“ дважды сообщалось в свое время в „Правде“, теперь, конечно, едва ли увидит свет⁹. А право жаль: сняли бы мою фамилию из состава авторов и редакторов — и можно было бы выпустить эту уже сверстанную книгу. Тем более, что принадлежащие мне там 6 печ. листов были уже ранее напечатаны в исторических журналах по частям¹⁰ и заслужили, быть может, даже несколько неумеренную похвалу в „Правде“ от 11/XII-34 г. (в фельетоне, кажется, Заславского). Ты знаешь, я не честолюбив и не корыстолюбив (да и должны мне в „Истории заводов“ гроши), и если сожалею о невыходе этой книги, то потому, что она была бы бесполезным делом в деле создания истории Пролетариата нашей страны. Имя тут ничего или очень мало значит. Наука, в особенности у нас, не личное дело.

Прости, родная, что я заговорил об этих мало Тебя интересующих вещах и меня тоже мало сейчас трогающих. Обыденное прошлое как-то лезет на бумагу, хотя в самом сознании оно занимает ничтожное место, поблекло и его почти нет.

Вот вы — Ты, Марта и Наташка да отец — вы меня сейчас сильно тревожите. Что будет с вами? Бессилен, ох, как остро сознаю, что бессилён что-либо сделать для вас! И не только ничего не могу сделать, но даже причиняю еще вам страдания, т. е. Тебе и отцу, т. к. дети еще ничего не понимают, во всяком случае двухлетняя Наташка. Ну, да и об этом довольно. *Здоровья, бодрости и силы* — вот что Тебе нужно, и за это, девочка, борись, не давай волю тоске, не падай духом, не опускай голову. Как и при свидании (22 мая) говорю: твердо верю, что я не мертвец, что я еще увижу вас, что еще пригожусь партии и стране.

⁸ Достоевский Ф. М. Бесы: Роман. М.; Л., 1935. Т. 1. Тираж не осуществлен. Известны отдельные экземпляры. См.: «Academia», 1922–1937: Выставка изданий и книжной графики. М., 1980. С. 55.

⁹ Книга не вышла.

¹⁰ См. ниже список печатных трудов П. П. Парадизова.

Без этой веры для меня лично подлинный смысл жизни был бы потерян.

Ты говорила мне, что живешь с того, что пьешь тряпки для какого-то театра. Что ж, никакая работа не позорна, но все же это горький хлеб. Ничего не поделаешь! Только прочный ли это заработок? Дает ли он необходимое Тебе и детям? Дает ли он ту минимальную независимость, без которой нет *человеческого достоинства*? А его нужно отстаивать и сохранять — без него жить нельзя. Помни это всегда, девочка.

Береги себя и детей. Тебе ведь только 27 лет — это не юность, но это еще молодость, а она бывает только однажды в жизни. Жизнь же, при всех ее горечах, все-таки великая штука. Даже такая тяжкая жизнь, как сложилась теперь у Тебя. Избегай житейской пошлости (знаю, что Ты и так всегда ее избегала), ее пока еще немало и она гнусна, как может быть гнусна только пошлость и пошляки. Что бы со мной ни было — увидеть Тебя я хочу такой же, как и оставил, только здоровее — у Тебя хрупкий организм и, признаюсь, я очень боюсь за Твое здоровье.

Если шитье театральных тряпок не даст хлеба, может быть, сможешь что-нибудь зарабатывать на машинке, она хоть и старая и дрянная, но печатать на ней все-таки можно.

1 июня. Сегодня тоже солнечный день.

Прости, опять о скучном и противном, всегда противном мне — о средствах к жизни, но ведь это необходимо: еще старик Энгельс говорил, стоя перед открытой могилой Маркса: чтобы творить в науке, искусстве, литературе, чтобы любить и продолжать род человеческий — люди должны есть и пить, одеваться и т. д., то есть должны производить — в этом простом, казалось бы, открытии сказался, по словам Энгельса, весь гений Маркса¹¹.

Так вот, если не будет работы (временно это вполне может случиться), тогда продай мои книги. Ведь продавать-то больше нечего. Из книг сохрани только важнейшие философские и исторические издания. Это даст немного, но хоть что-нибудь даст же.

Собравшиеся у меня за годы копии архивных материалов по XVIII и XIX в. очень прошу сохранить. Ибо, повторяю, не могу верить, что я навсегда кончен для дела партии и науки.

Жить оставайся, конечно, в Москве — в этом городе у Тебя и комната и работу достать все-таки легче, чем где бы то ни было; в нем, наконец, мы встретились. Где бы то ни было в другом месте, я боюсь, Ты будешь просто обречена на медленное умирание, да и дети, а ведь от Твоего состояния и здоровья зависит теперь их жизнь.

Только вот что — *категорически настаиваю* — не работай больше шести, самое большее восьми часов в день, не нужно это, надорвешься. Отдохни пынешним летом хоть месяц — Ты замучилась с детьми в последние годы.

Ну, и о сем хватит. Кончаю. Не знаю, знаешь ли Ты уже о моей судьбе? Постановлением Особого Сопевщания при НКВД от 9 мая 1935 года я приговорен к заключению в исправительно-трудовом лагере сроком на пять лет, считая срок со 2 февраля 1935 года. *Прошу* Тебя, родная, не пугайся, не мучь себя понапрасну. Заключен я в Челябинском политизоляторе и, повторяю еще раз, получаю все минимально необходимое для растительного существования. Долго ли пробуду здесь — не знаю. Никакой физической работы здесь нет, и поэтому опасаться за то, что подорву организм, отвыкший за тринадцать лет от физической работы, нет оснований. Даже жаль: 3—4 часа в день я бы охотно постолярничал: было бы только полезно для моего дохлого организма, несколько расшатанного годами напряженной работы. Кстати, я хочу попытаться бросить курить. В прошлом это было почти невозможно сделать, когда, бывало, много почей подряд не отрываешься от пера и книг, а тут, при вынужденном бездействии, быть может, и удастся.

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 350—351.

2 июня. Вечер. Сегодня по календарю „Воскресенье“, а письма отсюда отправляются по вторникам. Значит, оно пойдет послезавтра. Когда-то Ты получишь его?

Еще раз прошу Тебя, Катя, не пугаться этих 5 лет и твердо встретить и этот удар. Я навсегда благодарен Тебе за то мужество души, которое я встретил в Тебе на свидании перед отъездом сюда. Знаю, что дорого далось оно Тебе, что стоило страшного напряжения всех душевных сил. Я всегда чувствовал в Тебе эту черту и всегда любил и уважал ее в Тебе, быть может, больше, чем другое. Ни жалоб, ни единого стона — это прекрасно, родная. И откуда это у Тебя, всю свою взрослую жизнь проведенной между Мартой и Наташкой, да в повседневных схватках с мелочами жизни. Быть может, мир детей, их воспитание дает эту душевную силу? Впрочем, это так и должно быть. Береги ее в себе и не растрачивай зря. Даром, без огромного напряжения она не дается: у меня и до сих пор в памяти Твое лицо при последнем нашем „свидании“ 22 мая.

Отцу Ты об этих пяти годах не пиши и не говори. Ведь ему 63 года и у него порок сердца. Нужно щадить его и без того согбенного 35-летней работой, трехлетним пребыванием на фронте проклятой империалистической войны и смертью матери. Написать я ему сам напишу, а Ты, если увидишь старика, скажи ему что-нибудь менее для него убийственное, поддержи его. Может быть, и с ним я еще увижусь. Нелегкая у него старость. Здесь я имею право на 10 писем в месяц: в это число входят все письма — и отправляемые и получаемые мной. Я просил разрешения на переписку только с Тобой и отцом. Думаю писать ежемесячно: Тебе 2 письма (ну, если хочешь, буду писать 3 письма) и одно-два отцу. От Тебя хочу более частых вестей: 4—5 хотя бы коротких известий в месяц и одно-два от отца. Первое время, до разрешения переписки под местным контролем, письма будут идти под контролем Москвы, и, чтобы они доходили ко мне быстрее, адресуй их так: Москва, НКВД, СПО, политзаключенному (кратко следует писать П. З.) в Челябинском политизоляторе — мне.

Пиши скорее.

Марту и Наташку целую. Марте скажи, что я очень прошу ее простить меня: я обещал ей в день ее семилетия (1 апреля) подарить так покорившего ее „Тома Сойера“ и не сделал этого. Ну, когда-нибудь я подарю ей не менее интересную книгу. Пусть учится хорошо и, если будет возможность, пусть учится иностранным языкам, хотя бы одному.

О себе и детях пиши мне *только правду*, не скрывая, если очень тяжело живется: „Тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман“¹² и т. д. — хорошо только в поэзии, да и то лишь в дворянско-буржуазной.

Помнишь, Ты всегда сердилась на меня, что редко и мало пишу, когда мы не бывали вместе. Не умею я, да и не люблю писем вообще. Но на этот раз Ты даже устанешь читать мои каракули. Прости, если письмо вышло не совсем членораздельным, но не умею я писать писем, да и трудно. Хоть мне и абсолютно нечего скрывать от других читателей этого письма (т. е. от соответствующего контроля), но я даже в бане и у врачей, когда приходится раздеваться при посторонних, всегда испытываю неловкость, хотя я и не уродлив и не болен никакими гнусностями. А тут ведь интимные отношения мужа и жены, в которых третьи лица всегда лишние.

Ну, до свидания. Стой твердо на ногах. Целую Тебя. Твой Петр. P. S. Пока ничего присылать мне *не надо*. Отыщи только среди моих книг русско-немецкие словари, учебник немецкого языка, да две брошюры на немецком — К. Маркса „Манифест коммунистической партии“ и

¹² Неточная цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Герой». См.: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 16 т. М., 1948. Т. 3, кн. 1. С. 253.

Энгельса „Развитие социализма от утопии к науке“. Но главное — словарь и учебник, а брошюры могут и подождать.

Р. Р. S. Жду от Тебя вестей. Пусть когда-нибудь напишет мне и Марта, ведь она уже умеет, кажется, писать.

[Приписка]. Писать Ты мне можешь только о себе, детях и отце, вообще только о родных, да ничто другое меня и не интересует. Конечно, если Ты обращалась за чем-нибудь в органы государства, то и об этом можно написать, равно как и о том, например, получила ли Ты журнал „Лит. наследство“ или нет.

[Приписка на первой странице письма] Да, получила ли Ты зарплату мою в Комакадемии? По предложению следователя я два раза писал доверенность. По-видимому, Комакадемия обязана уплатить. Во всяком случае, не знаю, как с зарплатой за 1935 г., но за месяц неиспользованного в 1934 году отпуска они, несомненно, обязаны уплатить по закону (ведь дирекция Института истории особым постановлением вынудила меня тогда временно быть Ученым секретарем института и тем сорвала мой отпуск). В ином положении я бы не удостоил их разговором из-за этих 350—400 р., но теперь они нужны Тебе и детям и будет хамством и подлостью, если они не заплатят.

Челябинск, 28 января 1936 г.

Вторник, вечер.

...Ты спрашиваешь; как я живу? По-прежнему: т. е. встаю между 8—10 ч. утра, гуляю час между 11—12, затем обед, еще час прогулка с 3—4, затем около 6 ч. — ужин и чай, в 12 спать; засыпаю в 1—1½ часа, уж такая привычка. Читаю: немного исторического, больше философского (Милль, Гегель) и то, что случайно попадает — из изящной литературы. Внимательно прочел уже 2 тома из присланных тобой соч. Маркса и Энгельса (вышедшие после моего выбытия из свободной жизни) — т. XXVI и XV. К весне копчу и все остальные из присланных томов. Могу порадовать Тебя маленькой радостью: я живу теперь вдвоем — это здесь благо, потому что и работать над книгой легче без постоянного шума и нервы хоть несколько меньше напряжены. Присылать мне галаш *не надо* — они мне *не нужны*. Книг *пока тоже не надо*, мне еще хватит и того, что есть. Кроме того, идет весна: хочется думать, что и она мне принесет хоть что-нибудь, ну, скажем, перемещение в лагерь. Если нет видимых оснований настраивать себя на перспективу всяких благ (видишь, как относительно все: даже лагерь я готов рассматривать, как относительное благо! Хотя и он далеко от свободы и вообще не рай), то и ничего невозможного в этих архискромных благах вроде лагеря или даже ссылки нет. А я буду до последнего издыхания стучать в двери партии с твердой уверенностью в успехе: партия меня покарала, партия же и вернет мне жизнь настоящую, т. е. жизнь и работу в ее рядах. Первый шаг к этому — свобода, хотя вначале и ограниченная. И если бы — хотя это может быть и маловероятно, меня в текущем году перевели, скажем, в лагерь, мне будет очень трудно возиться с книгами. Поэтому пока не надо их присылать (вот только одну пришли, если сможешь — „Историю гражданской войны“ т. 1, *не спеша, когда сможешь*)...

Спасибо Марте за послание. Целуй за меня девчонок. Отцу буду писать 4 февраля (я ему писал в прошлый вторник довольно обстоятельно). За фото благодарю: чудесная Ты на нем да и вообще. Ну, целую Тебя, моя Коша. Руки Твои целую — руки швец, машинистки и т. д., а пуще руки женщины редкостной. Твой Петр.

[Приписка] Письма теперь идут нормально. Не волнуйся. Т. П.

[Приписка] Ты мне напиши, скольком временем в неделю, скажем, Ты располагаешь для чтения. Что Тебя влечет в литературе, и не раздражает ли Тебя, если я иногда предаюсь в письмах размышлениям о литературе? Ведь я лодырничая вынужденно, а Ты устаешь. Тебе нравятся старые русские былины? К сожалению, „Сказок“ Щедрина у меня нет. Уж так сложилось, что многих из любимых мною авторов у меня среди

книг почти нет или есть далеко не все (таковые — Достоевский, Щедрин, Бальзак, Диккенс, Свифт). Я-то помню из них лучшие места, часто почти наизусть, а книг-то все-таки нет, и это жаль. Придется Тебе достать или в библиотеке какой-нибудь или у кого-нибудь на прочтение. Что делать, возился со Щедриным целый год, а приобрести собрание его сочинений не сумел. Вероятно, потому, что дурак в житейских делах.

Челябицк, 4-II-1936 г.

Вторник, день.

...В последних числах января опубликовано постановление ЦК партии и Совнаркома СССР о положении и задачах исторической науки¹³. Жаль, что я не дожил до этих дней. Теперь, когда историческая наука стоит в поле зрения руководства партии, перед ней открываются очень широкие перспективы; работать в ней теперь неизмеримо легче и сама работа станет плодотворнее. Жаль, что не дожил, тем более, что то, что признано теперь основным тормозом в развитии марксистской исторической науки, что, на основании этого постановления, должно быть преодолено уже с 1929—30 гг. и даже во многом с 1928 г., для меня лично было самым нестерпимым, самым отталкивающим, теоретически отсталым и тягостным. Теперь будут убраны те препятствия на пути к медленному, но верному и могучему расцвету исторической науки, которые (даже в плоскости чисто личной научной работы) в годы моего пребывания в жизни преодолевались с таким огромным напряжением сил и так изнашивали людей.

Вот что: отыщи среди книг тот № „Борьбы классов“ за 1934 г., в котором опубликована моя статья о создании научной истории пролетариата и индустрии в СССР¹⁴, и пришли мне вместе с двумя маленькими книжками: Э. Майер — об истории (точно не помню названия)¹⁵ и Г. Риккерт — „Философия истории“¹⁶. Если сможешь, добавь в эту посылку 4—5 шт. обычных (по 16—20 стр.) ученических тетрадей и 10 перьев „рондо“. Кажется у меня два экземпляра этого номера „Борьбы классов“, но если даже один, то все равно пришли. Срок? — когда сможешь, по чем скорее, тем лучше. Как называется книжка, вышедшая в изд. „Academia“, я так и не разобрал.

Ты сердисься, что я не посвящаю Тебя в мелочи жития. Любимая! Но право же они скучны и абсолютно неинтересны; серенькое, бесцветное житие, я ведь писал Тебе об этом. Растительное существование вести можно. Здоров. Легкие в удовлетворительном состоянии, туберкулеза нет (только 31/I я был на рентгене. Прошел эту процедуру просто для того, чтобы проверить, как с ними обстоит дело. Оказалось, что удовлетворительно. Врач заметил, да и сам я это знаю, что нервная система расшатана. Но не здесь ее лечить, да к тому же пока и нет у меня того, что было в 1927 и 1932 г. — так что беспокоиться Тебе нет оснований. Писал я уже Тебе, что с 23/I живу вдвоем — это легче для нервов, меньше поводов для нервной встряски. На рентген ездил в город: странное, скажу Тебе, ощущение видеть настоящую жизнь, странное и захватывающее).

Девочка моя чудная, славная, родная, больно Тебе одной и одиноко жить в человеческом океане. Ласки и чуткого доброго слова хочется! Черт знает, что бы я сделал, чтобы осветить Твое лицо улыбкой истинной радости и счастья. Держись, Коша, придет оно для нас, должно прийти, иначе это было бы величайшей несправедливостью, а ей не должно быть места в нашей стране, в наши дни. Будем ждать этого дня, быть

¹³ В Совнарком Союза ССР и ЦК ВКП(б) // Правда, 1936, 27 янв. С. 1.

¹⁴ *Парадизов П. П.* О создании научной истории промышленности и рабочего класса СССР // *Борьба классов*, 1934, № 4, С. 20—26.

¹⁵ Имеется в виду работа Эдуарда Мейера (1855—1930) «Теоретические и методологические вопросы истории». В русском переводе вышло два издания (М., 1904; 1911).

¹⁶ Имеется в виду книга: *Риккерт Г.* Философия истории. СПб., 1908, 154 с.

может, и не очень далекого. Работать, Коша, хочется, тоска по работе и свободе. Страше же, черт возьми, нужны преданные делу партии, делу коммунизма работники, а я и умею, и могу, и хочу работать со страстью прежней и даже большей, какой не знают на свободе...

Челябинск, 11-II-1936 г.

Вторник, вечер.

Любимая!

Прости, но чтобы хоть что-нибудь успеть написать сегодня, я буду, вероятно, краток. Знаешь, это уже пятая попытка писать. Все рву. Опостылела мне бумага. Слова опостытели — жизни в них нет. Хочешь сказать Тебе нечто истинно живое, что дошло бы, а выходит что-то безобразно сухое, бесцветное или деревянное, как „художественные“ полотна кубофутуристов. Бывают такие минуты, когда слова недостаточно, когда за ним, за словом, не чувствуется силы и когда самые прекрасные из них кажутся пустыми и лживыми. Сегодня это у меня оттого не пишется, что я надеялся получить от Тебя весть. И не получил ее... Не подумай также, что я нездоров. Нет, здоров и благоденствую, т. е. ем, пью, играю в мяч и довольно много читаю. Только все это не настоящая жизнь, а дрянной ее суррогат.

Ну, что Ты и дети? Я часто думаю о вас. О работе, свободе и о вас, о всем этом как нераздельном и желанном, страстно желанном...

В „Правде“ от 7/II прочел, что Академия коммунистическая сливается с Академией наук. В добрый час. Будет хорошо, если из обоих выгонят случайный народец, не имеющий серьезного отношения к науке, к созидательной работе в ней; а этакый паралитический народец, увы, в изрядном числе есть в обоих ученых заведениях. Единая Академия — еще одно свидетельство побед партии на фронте борьбы за новую культуру и науку...

7 июля 1936 г.

Вторник. Вечер.

...Читаю. Последнюю неделю только беллетристику. Счита почти закончил (осталась 5-я книга, но не лежит душа, вероятно, покончу с ним через неделю). А последние дни — Шекспир (в немецком переводе, читаю очень плохо, понимаю (буквально) не больше трети, но, как это ни смешно, читаю с интересом, потому что понимаю смысл прочитанного), основное (и даже ленюсь заглядывать в словарь, что уж совсем гнусно, потому что лень). Кроме того, в последние дни читал еще двух, из которых одного, признавая его большой талант и тонкость ума, не люблю (Р. Роллан), а другого, при всем его гении художественном и большом впечатлении, произведенном на меня лет 10—12 тому назад, да и позже некоторыми его художественными вещами (Л. Толстой), попросту ненавижу за барство, слюнявый идеализм и отчаянную ложь и ханжество. Первое — читал „Кристофа“. Раньше я лишь бегло просматривал его, а теперь добросовестно читал, 5-ю и 6-ю части. 5-я уйма, но в большей части скучна (особливо после Бальзака, у которого эти вещи сделаны сильнее), в 6-й части есть очень хорошие страницы. Из писаний графа попались мне здесь письма его к супруге, Софье Андреевне. Читаю и плююсь, еще не кончил; бросил бы, да из нелюбви и злобы к нему читаю. Ну, и человек! Если даже Ф. М. Достоевский во многих его проявлениях (в переписке) противен мне, то этот прямо черт знает что такое. В том жизни, движения больше и больше горечи, страстной ненависти (без которой нет ни любви, ни дела большого). Хоть и проповедует часто гнусность, „смирение“, но сам в него поверить не может, даже когда хочет (ежели его бунтари „бунта“ не выдерживают, то и „смирненные“ не выносят „смирения“). А этот (Л. Толстой) редькой с квасом два дня спасается, потом севрюгу жрет, белым вином запивая, с „умилением“ смотрит на погоревших мужиков, умозаключая: „суета сует“ и пр. Даже и более или менее искренние его страдания чужды мне до враждебности. Ну, да черт с ними, с книгами...».

В конце 1936 г. без объяснения причин переписка П. П. Парадизову была запрещена. Слухи на этот счет еще загодя ходили среди заключенных. Предчувствуя, что скоро будет порвана последняя ниточка, связывающая его с близкими, Петр Павлович, как видно, не один день вынашивал последнее, итоговое письмо. Вот оно.

«Челябинск. 20-X-1936 г.
Вторник. День.

Когда Ты получишь это письмо, днем позже быть может, исполнится десять лет нашей общей жизни. И — что бы ни было в прошлом, что бы ни ждало нас в будущем — я всегда буду считать, что в эти десять лет знал женщину, внутренний и внешний облик которой близок, до полного слияния в отдельных чертах, тому образу, что сложился у меня как желанный еще в юности и которому я остался верен донныне. Тот, кто может сказать это, лишен права на печальную и жалкую привилегию считать себя никогда не знавшим счастья в личной жизни. И за прошлое я охотно отказываюсь от своей доли в этом „праёе“. В собственно и узко-личной сфере „это“ — самое большое, что доступно человеку.

Мне хочется сказать Тебе в этот день: Благодарю Тебя! хотя это почти бессмысленно. Слепой случай столкнул нас десять лет тому назад, а в том, что Ты „такая“, какая есть, лишь наполовину Твоей вины или заслуги. „Благодарю“ — не то слово, по нужного мне сейчас вообще нет в языке. Он — орудие рассудочного, а то, что мне нужно сейчас выразить, не только рассудочное. Итак, еще раз — благодарю Тебя и этот случай.

Я хотел бы, чтобы в этот день Ты могла сказать себе то же и так же, как и я. И, наконец, я хотел бы, чтобы в день, когда мы встретимся без третьих лиц, мы смогли бы сказать то же о времени, разделяющем нас от этого дня. Я, кажется, многого хочу? Не очень, а может быть, и да, по меньшего и не стоит желать.

Твое письмо получил 15-го октября. Оно — свидетельство временно обострившейся боли и, мне кажется, некоторого смущения души. Это, несмотря на лакопизм и сухость формы, выступает в нем с неведомой прежде силой. И хотя внешне оно не вопросительное, а скорее повествовательное, оно требует ответа. В самой общей форме он уже заключен в предыдущих строчках.

Боль. Она будет то обостряться, то стихать, но совсем, начисто она не устранима, пока не исчезнет внешняя причина, ее возбуждающая, или самая основа, чувство, „адамантово основание“, которое составляет не ближайшую, а конечную ее причину. Один человек необычайно глубокого ума и тонкой наблюдательности, человек, к тому же практически знакомый с этой областью жизни (хотя судьба и избавила его от особенно суровых испытаний), заметил в одном из своих самых блестящих произведений, что разъединение двух людей (мужч. и женщ.), связанных не продиктованным внешними соображениями (меркантильными, бытовыми, традициями), а истинным чувством, причиняет им подлинное и большое страдание. Имя этого автора — Энгельс¹⁷. Я полагаю, что он прав.

Пока существует одна из причин, вернее, пока они существуют обе, боль будет жить. Она должна жить, противное свидетельствовало бы о том, что „адамантова основания“ никогда не было или что оно было непрочным и потому размыто и разрушено временем. Как это на первый взгляд ни странно и не жестоко звучит, боль — это хорошо, ибо она симптом, что мы еще нечто единое. Разумеется, хорошо только в этом единственном смысле, потому что всякое страдание само по себе — чудовищная бессмыслица. Но это необходимо, это — не дать страданию подавить себя, не дать ему затопить всю душу и уж, конечно, не культивировать плача на реках вавилонских.

¹⁷ Имеется в виду работа Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 80.

Откуда же это некоторое смущение души, эти мысли о времени, эта горькая поговорка «не родись хорош и пр.» (кстати сказать, как и в большинстве их, отражающая не какую-то там истинную мудрость, а только странную уродливость и безобразие старо-русского уклада жизни)? Так же ли это неизбежно и устойчиво, как и сама боль? Решительно нет. Временами, как проходящее в минуту упадка сил, это конечно неизбежно, но колы прочная основа есть, эти вещи так и будут оставаться только проходящими и случайными, не изменяя ничего в корне вещей. Порождает эти настроения обстановка, время и „здоровый смысл“ (внешний и внутренний).

Отчасти зоологическое происхождение, но главным образом тысячелетия уродливых форм жизни породили в людях много такого, чем человек не очень-то может гордиться, что не возвышает, а принижает его. В каждом человеке, даже в самых лучших экземплярах, кроме всего прочего, сидят все три брата Карамазова, их папаша и Смердяков, в разных комбинациях и различных размерах. В ином они едва заметны, а в ином выступают в натуральную величину. Двое последних, т. е. папаша и Смердяков, кстати сказать, полны зоологии и „здорового смысла“.

Да, время жуткая штука. Для величин конечных, каковы люди, оно — страшная сила. Время крушит все, но скорость, с какой оно совершает свою разрушительную работу, очень и очень зависит от материала, подвергающегося его воздействию. Одну породу оно прикончит сразу, одним ударом, иную точит месяцы, а иную и долгие годы. Вообще-то в возможности, в бесконечной перспективе, время абсолютно непобедимо. Но человеческая жизнь, даже самая длинная, настолько коротка, что иногда время раньше прикончит тело, чем растопчет душу. Ладно, думает оно, упрямышься, ну что ж, все равно разрушу, превращу в человекообразную пыль. В громадном большинстве случаев оно и достигает этого, но, случается, ошибается. И вот тогда на помощь времени, как самозванец, выдающий себя за законного сына, выступает истасканный, тривиальный до невыразимой пошлости, лукавый и податливый, а нередко просто пизкий и подлый дух, так называемый „здоровый смысл“ (о котором еще Декарт сказал, что он „самая распространенная вещь на свете“ и что ему, Декарту, еще ни разу не приходилось встречать человека, который пожаловался бы на отсутствие у него „здорового смысла“) ¹⁸.

Его оружие — „житейский опыт“, его философия — прагматизм, его религия — успех. Он близорук и прозаичен в абсолютном смысле, т. е. он, „здоровый смысл“, все высокое и прекрасное, к какой бы области оно ни относилось, считает сказкой, иллюзией, хлебом дураков. Это он у Тургенева крикнул: „дура!“ и несомненно искренне, быть может, даже „жалееючи“, потому что он в действительности верит только в мамону ¹⁹. Он не терпит ничего оригинального (оно его раздражает, вызывает зависть и неприязнь) и боготворит стандарт. Наибольшего развития этот дух достиг в Америке, стране самой отвратительной и опустошенной из буржуазных культур. Любая буржуазная, и в особенности французская буржуазная семья, построена на его принципах и пропитана ими. Он слюняво сантиментален, любит авантюрные фильмы с торжествующими добродетелями, чувствительные повестушки и романы, эротику, отличающуюся от откровенного разврата только „приличной“ формой. И он холоден и жесток в реальной жизни.

Теперь, положим, так: живет человек не стандартной патуры — не какой-нибудь там „сверхчеловек“, каковых в природе не существует, а простой нестандартный человек. Предположим, что он еще молод, жизнерадостен по натуре своей, с неистощенной силой жизни, но скован болью — отсутствием чего-то близкого и крайне дорогого ему. А тут еще внешние бытовые условия его бытия довольно суровы и, главное, неус-

¹⁸ Декарт Р. Рассуждение о методе. М., 1925. С. 29.

¹⁹ Имеется в виду эпизод из романа И. С. Тургенева «Новь». См.: Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М., 1982. Т. 9. С. 249.

тойчивы, зыбки. А кругом бурлит жизнь, и это еще резче подчеркивает его одиночество. На жизненном пиру он оказался одним из тех, кого циничный Мальтус отнес к числу хотя и званных, но не „избранных“. Человеку, естественно, больно и трудно. Жизнь идет мимо него, он живет только частью своего существа; но он стоит твердо, верит, что будущее принесет и ему полноценную жизнь и что, как бы ни были велики невзгоды настоящего, будет некогда день, когда они станут прошлыми и когда он, по праву, сможет сказать внутреннему „я“: ты устояло — и это хорошо. Казалось бы, к такому существу не может быть иного отношения, кроме уважения. Внешне все это выглядит довольно просто, почти обыденно, а ведь на самом-то деле нужно иметь кое-какую душевную силу и твердость для этого. Уважение? Да, и это, разумеется, бывает и даже не так уж редко, но только не у носителей больших доз „здорового смысла“, этой вымирающей у нас, но далеко еще не вымершей породы людей. Представители ее не в состоянии усмотреть, например, в Дон-Кихоте ничего, кроме смешного сумасбродства и безумия, и если они и осуждают мать Гамлета, то только потому, что „так принято“. Так вот, эти носители „здорового смысла“, все эти „девушки“, врачи, вроде того кретина, о котором Ты как-то писала, различные модернизированные гоголевские дамы, просто приятные и приятные во всех отношениях, в таком случае начинают „сочувствовать“. Сперва-то они еще не решаются, но со временем нагледят и как-бы вскользь „тонко“ намекают, что „так жить нельзя“, что это „глупо“ и т. п. Против такого „сочувствия“ нет иного средства, как раз и навсегда резко оборвать высказывающихся, дав им понять, что не все разделяют принципы „здорового смысла“. Но с его представителями вне нас самих вообще легче справиться. И, кроме того, самой манерой своей они невольно отталкивают от себя. Уж слишком все это грубо и дешево. Но ведь „здоровый смысл“ в той или иной дозе сидит в каждом из нас, он перешел к нам по наследству от предыдущих поколений, и его пужно выдавливать из себя по капле, потому что он страшно цепок. И вот этот внутренний „здоровый смысл“ в свою очередь предпринимает атаку на человека. В некоторых отношениях он даже хуже объективированного в других людях „здорового смысла“, потому что он осторожнее и хитрее и в то же время откровеннее, циничнее, именно потому, что он внутри составляет какую-то, пусть ничтожнейшую, часть самого человека, невидим, неосязаем. Улучив минуту усталости в человеке, он решает: „Время!“ и начинает: „Да, разумеется,— говорит он,— тебе пелегко. Но в этом отчасти и твоя вина. К чему этот стоицизм!? Ты все ждешь и ждешь, а время уходит. Ушли уже месяцы, многие месяцы и — кто знает? — может быть, уйдут еще годы... а ведь с ними вместе уходит и молодость — лучшая пора жизни. Стоит ли ждать?“ „Замолчи,— говорит ему человек,— ты поди и противен“. „Здоровый смысл“ умолкает. Но он и не думает сдаваться. Посмотрим, посмотрим, думает он, посмотрим, что сделает время. Положим, ты стоишь твердо довольно долго, ну да ведь и у меня впереди еще немало времени. Выждав, он начинает снова: „Подумай,— говорит он,— это же несправедливо по отношению к самому себе. Ну, хорошо, можно ждать месяцы, даже, пожалуй, нужно,— все-таки неприлично как-то было бы в несколько недель с прошлым покончить, ну год, ну полтора, ну два, наконец, хоть это уж явно глупо и непрактично, но уж дольше никак. Подумай, ну кто так поступает? Ведь это же какой-то бессмысленный идеализм. Жизнь несет мимо, почти не задевая тебя, и каждая минута, каждый день навсегда уходит. Конечно, чтобы войти в сутолоку жизни, пужно кое-что погасить в себе, отказаться от того, что тебе дорого, быть может, даже сильно ударить по этому дорогому, быть может, даже и само это вхождение окажется довольно трудным для тебя, но все-таки у тебя есть значительные шансы, а ты даже и попытки никакой не делаешь. О, конечно, стоицизм — это красиво, быть может, по нежизненно. Большинство таких, в конце концов, терпят крах, и если даже не раскаиваются потом, то только из принципа, из гордости. Входящие, если им и не удастся начисто погасить в себе все

идеалистическое — романтические бредни, начисто вычеркнуть прошлую жизнь, тоже, случается, терпят крах и очепь жестокий, но они все-таки живут, а ведь это и есть единственно реальное, остальное — вздор и пещбыточные мечтания“. „Здравому смыслу“ не отвечают. Тогда он меняет ход и решает сыграть „ва-банк“. „Ну, предположим,— говорит он,— что твое упорство действительно исходит из большого и устойчивого чувства (хотя я, замечает он, и не верю в это: чувства — вещь весьма зыбкая, и во всяком случае громадное большинство довольно легко разделяется с ними, меняет их под разными благовидными предлогами, что лучше всего свидетельствует, что настоящую-то цену имеют не они, а то, на что они обмениваются), из веры в себя и в того, кто тебе дорог, но где у тебя серьезная гарантия, что будущая твоя жизнь оправдает и возместит всю горечь и обреченность настоящего, что, в частности, этот „кто“ стбит того? И разве не ужасно будет, коль отказ от жизни в настоящем не оправдается? А ведь так очень передко случалось и случается поныне. Так стоит ли? Не пустая ли все это погоня за реально не существующей синей птицей? Может быть, не лучше ли отказаться от иллюзий, стать на твердую почву житейского опыта и начать устраиваться, по крайней мере пытаться?“ Его опять резко обрывают. Он умолкает, но все еще не считает себя побежденным. Он хоть и не глуп в быдешнем смысле, этот „здравый смысл“, по ограничен и потому считает себя непреоборимым. А главное, он рассчитывает на время, на его страшную, слепую силу. Отчасти он даже склонен считать, что уже достиг, пусть пока ничтожного, успеха: ему не следуют, но его уже слушают, хотя и гонят.

Тут мыслимы два исхода — или обстоятельства + время + „здравый смысл“, внутренний и внешний, побеждают, или этот триумвират терпит поражение. В первом случае „здравый смысл“ ликует: еще раз оправдалась его утробная, вульгарно-житейская теория и никаких „синих птиц“ нет. Дамы просто приятные и приятные во всех отношениях и джентльмены с мозгами кретинов довольны и при случае злобно „иропически“ шипят: „Ну, конечно, этого и следовало ожидать. Знаем мы эту стоическую мораль!“ В действительности, они ничего или очень мало знают, потому что мало учились и еще меньше думали. Они инстинктивно рады; есть известный сорт людей, которые испытывают какой-то особый, низменный вид радости, созерцая умаление ближнего. Если же триумвират проиграл, одни по-прежнему шипят, на этот раз от раздражения, другой растягивает свою противную харю в нудную улыбку и с плохо скрытой злобой замечает: „Что ж, исключения только подтверждают правила“. Но он бит и жестоко бит, ибо человек сделал шаг вперед и выше. „Здравый смысл“ не только потерял поражение, но умалился (стал меньше) в человеке, зато укрепилась воля и восторжествовал разум.

Мне кажется, что, как бы ни была временами трудна Твоя жизнь, Ты не можешь не чувствовать некоторого внутреннего удовлетворения, что „здравый смысл“ не покори́л Тебя и что между Тобой и всякого рода „дамами“ есть видимая и еще больше невидимая грань. Это та твердая точка, которая дает силу держаться против соединенных усилий времени, обстоятельств и „здравого смысла“. Не следует покидать ее.

По-видимому, в сфере быта ныне имеет место тенденция к эпикуреизму (не в философском, а в вульгарном смысле этого слова). Материально, чувственно полнокровная жизнь — это хорошо, но это только часть жизни, одна из решающих, но еще вовсе не образующих целого, имя которому — жизнь. И я не очень высокого мнения о поклонниках узкого культа эпикурейства (в ходячем смысле этого слова). Я полагаю, что счастье таких поклонников сильно походит на счастье хорошо содержимого курятника, в котором пестро одетые куры кудахташем изображают восторг, а простое кукареканье их нарядных кавалеров призвано изображать возвышеннейшие чувства и полет мысли. И, насколько я помню, Ты всегда смотрела на эту область так же.

Затянул я, а скоро уже сдавать письмо. Ну, извини, во-первых, я довольно редко пишу Тебе много, во-вторых,— я ведь очень мало говорю.

Иной раз и устаешь от молчания. Вот я и избираю Тебя жертвой... Береги же девчонок и в себе „Душу живу“. Мы еще будем жить, родная.
Твой Петр.
Я здоров.

Р. С. Будь я в Москве, обязательно принес бы Тебе в этот день цветов, как всегда, в кармане».

Нелегко приходилось Екатерине Викторовне одной с двумя маленькими детьми на руках, а тут еще вдруг оборвалась переписка с мужем и начались бесконечные обыски. Сохранилась опись одного из них.

«Опись

Имущества лично принадлежащего гр. Парадизову П. П., проживающего по адресу Потаповский пер. дом 10 кв. № 12, согласно предписания № 646 от 28 июня 1937 г. на вещи накладывал арест и сдал на хранение домохозяйке (жена) Парадизовой Е. В. Присутствовал при описи Управляющий домом Барский С. Л. и домохозяйка Парадизова Е.

№№ п/п	Наименование вещей	Количество	Качество	Прим.
1.	Книги разные в переплетах	708 шт	Старые	на машинку предъявлен счет, принадл. гр. Парадизовой
2.	Книги разные без переплета	594 шт	Старые	
3.	Пишущая машинка сист. «Смит-Премьер» № 70149			

На вышеуказанные вещи наложен арест.

Опись произвели сотрудники НКВД (две неразборчивые подписи)
Управляющий домом (подпись) (Барский)
домохозяйка (подпись) (Парадизова)».

В опись не вошло самое главное — исторические документы (дело Д. В. Каракозова и другие; в большинстве своем это были копии, но встречались и подлинники), собранные П. П. Парадизовым. Они хранились в большом деревянном сундуке, который стоял в коридоре. Во время одного из обысков кто-то из соседей указал сотрудникам НКВД на парадизовский сундук. Документы реквизируют. Пропали ли они безвозвратно или что-то сохранилось, трудно сказать²⁰.

Но самое трудное для семьи Парадизовых было впереди. Екатерина Викторовна вспоминает: «Измученная обысками, я как-то безразлично отнеслась к объявленной мне высылке из Москвы. Не помню, сколько дней было дано на сборы. Помню лишь, что выдали „подъемные“ — слишком мизерную сумму, чтобы броситься в неизвестность, в далекие оренбургские степи... В милиции у меня отобрали паспорт и выдали билет до Бугуруслана. Из Москвы отправлялся целый состав — в большинстве своем женщины и дети... В Бугуруслан прибыли поздней ночью. Маленький полустанок — и ни одной души. Пассажиры, вышедшие из этого поезда, были я, Марта и Наташа. Утром мне дали подписать бумагу о том, что я буду проживать здесь до особого распоряжения и обязана раз в неделю отмечаться в отделении НКВД. Я отметилась там 468 раз...».

И в Бугуруслане не прекращались попытки выяснить судьбу мужа, установить с ним какую-нибудь связь. Но ответ был один: «Паради-

²⁰ При подготовке щедринского тома «Литературного наследства», в редактировании которого активное участие принимал П. П. Парадизов, ведущим советским писателям были разосланы анкеты с вопросами об их отношении к творчеству сатирика. Собранные ответы (в то время они опубликованы не были) хранились у С. А. Макашина (соредактора Петра Павловича по щедринскому тому). При аресте Сергея Александровича вместе с другими бумагами был изъят и эти ответы. Сейчас они хранятся в ЦГАЛИ. См.: Макашин С. А. Советские писатели о Щедрина // Новый мир. 1976. № 1. С. 199–229.

зов П. П. сослан в дальние лагеря без права переписки». Прошло 5 лет со дня ареста Петра Павловича, но никаких известий о нем семья получить не могла. 19 июня 1944 г. на очередной запрос чиновник из Прокуратуры СССР бесстрастно писал: «За справками о вашем бывшем муже — Парадизове П. П. обратитесь в НКВД по месту жительства». В это время историка уже не было в живых. Он умер 30 октября 1940 г.²¹

Состоявшийся в феврале 1956 г. XX съезд КПСС дал оценку тому, что происходило у нас в стране в период культа личности И. В. Сталина. После съезда были пересмотрены многие судебные дела. Семья Парадизовых получила справку из Верховного суда СССР № 02-ДСП-5639-56 от 25 августа 1956 г.

«Справка

Дана в том, что определением Верховного Суда СССР от 31 июля 1956 г. постановление Особого совещания при Народном Комиссаре Внутренних дел СССР от 5 мая 1935 года в отношении Парадизова Петра Павловича, 1906 года рождения, отменено и дело производством прекращено за недоказанностью обвинения.

Зам. Председателя Судебной Коллегии
по уголовным делам Верховного Суда СССР И. Аксенов»

Но и после получения этой справки семья историка не знала, жив ли он. К розыскам подключилась старшая дочь историка, Марта, 23 июля 1957 г. ей ответили из Военной коллегии Верховного суда СССР: «По вопросу получения свидетельства о смерти Вашего отца Парадизова Петра Павловича Вам следует обратиться в ЗАГС по месту Вашего жительства, куда Военной коллегией Верховного суда СССР дапо через Киевский облисполком 12.2.57 года соответствующее указание». Болезнь и смерть помешали Марте Петровне получить свидетельство о смерти отца. Его получила младшая дочь историка Наталья Петровна. Сейчас у нее находятся не только бережно сохраненные матерью письма П. П. Парадизова, но и другие документы. Кроме названных выше, это — три карандашных рисунка, сделанные историком в заключении (два автопортрета и портрет дочери Марты, 1935—1936), девять фотографий П. П. Парадизова (1920—1934), его сберегательная книжка (1933), копия Личного листка по учету кадров преподавателя Воронежского университета П. П. Парадизова (дата заполнения 13 апреля 1931 г., подлинник хранится в ЦГА РСФСР. Ф. 2307. Оп. 23. Д. 135), копия рецензии «О работе Л. П. Гроссмана“ Достоевский и правительственные круги 70-х гг.“», написанной П. П. Парадизовым 8 января 1934 г. для редакции «Литературного наследства» (подлинник хранится в ЦГАЛИ. Ф. 603. Оп. 1. Д. 64). Два последних документа вошли в состав архива историка благодаря усилиям Натальи Петровны.

Сейчас П. П. Парадизову было бы немногим более 80 лет. Еще живы люди, знавшие его лично. С. А. Макашин вспоминает: «Вызывая в памяти из дымки далекого прошлого образ Петра Павловича Парадизова, прежде всего отчетливо видишь две черты, определяющие его личность и характер. Это, во-первых, всегда присущий ему высокий регистр духовной жизни, постоянство идейных исканий, страстность исследовательской и гражданской мысли. И это, во-вторых, удивительная, доходившая до аскетизма, скромность в быту, в личном и общественном. Замечательный человек был Петр Павлович Парадизов»²².

Этот обзор документов личного архива историка — дань памяти беззаветно преданного делу партии и народа ученого.

²¹ Эта дата стоит в свидетельстве о смерти П. П. Парадизова, выданном семье историка 23 июля 1982 г. отделом ЗАГС Ленинского района Киева, но, как сообщил мне Д. Г. Юрасов, в 1937 г. Военной коллегией Верховного суда СССР Петр Павлович был осужден к высшей мере наказания и расстрелян.

²² Воспоминания С. А. Макашина о П. П. Парадизове см.: *Никитин Е. Н.* Единственная великая цель // Советский полиграфист. 1984. № 7/8. 30 марта. С. 4.

- Очерки по историографии декабристов. М.; Л., 1928. 287 с.
- Декабристы. Харьков, 1930. 118 с.
- Мальцевские заводы в XVIII и XIX вв. // История пролетариата СССР. М., 1930. Сб. 2. С. 99—114.
- Рабочее движение в России в 60—90-х гг. XIX ст. М., 1932. 56 с.
- Рабочий вопрос в России в начале 70-х годов XIX в. // История пролетариата СССР. М., 1932. Сб. 10. С. 50—90.
- К истории русской фабрики // История пролетариата СССР. М., 1933. Сб. 1/2. С. 220—237.
- Маркс и Энгельс о России XIX столетия¹ // Историк-марксист. М., 1933. № 2. С. 89—116.
- От редакции // Лит. наследство. М., 1933. Т. 11/12. С. I—XX. Совместно с С. А. Макашиным, без подписи.
- Предисловие // Кропоткин П. А. Записки революционера. М., 1933. С. VII—XIV.
- Рабочие «Прохоровки» в пореформенную эпоху (1861—1900 гг.) // История заводов. М., 1933. Вып. 4/5. С. 82—98.
- Волнения рабочих на мальцевских заводах в 60-х годах // История пролетариата СССР. М., 1934. Сб. 4. С. 150—175.
- О создании научной истории промышленности и рабочего класса СССР // Борьба классов. М., 1934. № 4. С. 20—26.
- Трехгорная мануфактура в пореформенную эпоху // Шестнадцать заводов. М., 1934. С. 114—155.
- Классовое лицо Достоевского // Достоевский Ф. М. Бесы. М.; Л. Т. 1. 1935. С. X—XLI.
- Подгот. публ.: Докладная записка Витте Николаю II // Историк-марксист. М., 1935. № 2/3. С. 130—139. Без подписи.

* Подготовил Е. Н. Никитин.

¹ Перепечатано в кн.: Маркс и Энгельс о России. М., 1934. С. 5—70.

Р. Ш. Ганелин

А. ЛООРИНГ И ЕГО НЕОСУЩЕСТВЛЕННЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЗАМЫСЕЛ

Трагическая судьба казненного во время немецко-фашистской оккупации молодого эстонского юриста, историка и источниковеда Александра Лооринга (1910—1942) отмечена в общих трудах по истории Эстонии и освещена в специальных статьях¹. Однако его научно-литературное наследие специально не рассматривалось. Между тем оно не только значительно (за свою короткую жизнь он выпустил четыре книги, около пятидесяти статей, несколько его работ остались неопубликованными, а один исследовательский замысел, о чем речь впереди, не был осуществлен), но и носит весьма разносторонний характер. Кроме работ по правоведению, эстонской литературе и искусству, а также статей на актуально-политические темы, которые составили особую страницу в деятельности А. Лооринга в 1939—1941 гг., ему принадлежит ряд исследований и публикаций источников по истории революционного движения в Эстонии 1905—1907 гг. На этой теме мы и остановимся. Но сначала краткие биографические сведения².

А. Лооринг родился 28 апреля 1910 г. на хуторе Киви села Ухья Вигалаской волости (с 1938 г. Велизеская волость). Начальное образование получил в Велизеской шестиклассной школе, продолжал учебу в Учительской семинарии и в Тюриской хозяйственной гимназии. В 1933 г.

¹ Эстонский народ в Великой Отечественной войне Советского Союза, 1941—1945: В 2 т. Т. 1. Таллинн, 1973. С. 432; История Тартуского университета, 1632—1982. Таллинн, 1982. С. 204; *Мацулевич А.* Всего один эпизод из серии вражеских дел // *Sirp ja Vasar*. 1960 2 det.; *Маски сорваны!* / Сост. А. Саар. Таллинн, 1961. С. 97—100; Павшие в борьбе за Советскую власть: О жизни и деятельности уроженца Ляэнемаа А. Лооринга // *Tõõrahva Lipp*. 1975. 10 juuni; *Kordes R.* Mineviku teed ja rajad. Tallinn, 1976. Lk. 238—242.

² В сборе некоторых из них любезное содействие оказали писатель Я. Кросс, переводчица его произведений О. Самма, литературовед П. Олеск, краевед А. Парнабас и библиограф Л. Кильк. Благодарю их, а также Э. Плотник и А. Ряммера. Личные фонды Лооринга хранятся в Литературном музее им. Ф. Крейцвальда АН ЭССР, отделе рукописей Научной библиотеки Тартуского университета и ЦГАОР ЭССР.

поступил на юридический факультет Тартуского университета³. В студенческие годы продолжал литературную работу, дававшую ему средства для учебы. С декабря 1937 г. был председателем Академического клуба общественных наук, который состоял из представителей прогрессивной интеллигенции и использовался Коммунистической партией Эстонии для работы среди студенчества. В конце 30-х годов являлся одним из руководителей Комитета по увековечиванию памяти Ю. Вильмса, министра юстиции первого эстонского буржуазного правительства. Вильмса расстреляли немцы в Финляндии в 1918 г.

В 1938 г. Лооринг окончил университет *sum laude* и был назначен стажером по специальности «История эстонского права». В декабре 1939 г. получил степень магистра⁴. После восстания в Эстонии Советской власти по представлению профессора Х. Кадари ректор университета профессор Х. Круус назначил его с октября 1940 г. преподавателем по историческим предметам кафедры теории государства и права⁵. К Лоорингу перешли лекционные курсы, которые читал прежде его научный руководитель, буржуазный правовед и политик Ю. Улуотс. Лооринг участвовал в создании в университете атеистической организации, в работе Музея революции в Таллине. После гитлеровского вторжения он был в сентябре 1941 г. уволен из университета, как назначенный «во время большевистского режима без соответствующей процедуры»⁶, арестован в декабре 1941 и расстрелян 27 апреля 1942 г. В виду Лоорингу были поставлены не только преподавательская и общественная деятельность, но и научная работа по истории революционного движения, в том числе исследования, посвященные событиям 1905–1906 гг. в Эстонии, исследования, которые он начал еще до того, как стал студентом.

В 1933 г. в Хаапсалу вышла его брошюра «Красные годы в Ляэнемаа»⁷ (ч. 1 и единственная). При краеведческой, казалось бы, постановке темы для работы характерны широкий подход к освещению революционных событий 1905 г., преклонение перед героизмом и самопожертвованием революционных борцов, разоблачение зверств карателей, черной сотни, созданной немецкими баронами, с поименным перечнем их, присоединившихся к отряду Ренненкампа, объективность и добросовестность в сборе и изложении фактов. Выпуск брошюры, которую Лооринг скромно представлял как сборник материалов, называя себя лишь редактором, хотя, в сущности, она содержала его авторский текст, он объяснял необходимостью сохранения тех сведений о революционных событиях, которые еще не были написаны, между тем как обладатели этих сведений уходили из жизни. Опрашивая очевидцев и участников событий, Лооринг, как он отмечал в предисловии, столкнулся с забывчивостью, противоречивостью в показаниях различных лиц. Тем не менее у него сложилась общая картина событий. Использовал он также воспоминания общественных деятелей того времени.

Александр
ЛООРИНГ

³ В заявлении о приеме в университет 25 августа 1933 г. Лооринг указал в качестве своего адреса редакцию издававшейся в Хаапсалу газеты (ЦГИА ЭССР. Ф. 2100. Оп. 1. Д. 8078. Л. 2).

⁴ Там же. Л. 53. Оп. 2. Д. 572. Л. 1–3.

⁵ Там же. Оп. 1. Д. 572. Л. 17.

⁶ Там же. Л. 26.

⁷ Punased aastad Läänemaal/Toim. Al. Looring. Haaps., 1933. 1 vihk.

Опрос участников событий как метод сбора источников вообще применялся эстонскими историками демократического направления при изучении истории революционных событий 1905 г. За год до выхода в свет книги Лооринга был издан под редакцией Х. Крууса, впоследствии видного советского историка, сборник воспоминаний и документов о событиях 1905 г. в Эстонии «Красные годы». Во введении к нему речь шла о деятельности созданного в 1929 г. «Общества 1905 г. в Эстонии», главной задачей которого был сбор воспоминаний. С этой целью в печати публиковались обращения к участникам революционных событий с призывом писать свои воспоминания, была издана в 1930 г. брошюра, содержащая, помимо такого обращения, хронологию событий 1905—1906 гг. для облегчения мемуаристам их работы. Но призывы не возымели действия, и общество решило перейти к более активной форме — опросу участников событий. На основе составленной обществом картотеки со сведениями, содержащимися в архивных материалах и уже имевшихся воспоминаниях, студент В. Юхансон брал интервью у ряда лиц. Затем тексты интервью посылались опрошенным с указаниями на несоответствия со сведениями из других источников и предложениями написать по этому поводу комментарии. Часть опрошенных делали поправки в текстах интервью, другие на основе интервью написали воспоминания. В оценке интервью участвовал известный писатель Ф. Туглас, который был активным деятелем революционного движения 1905—1906 гг. и знатоком его истории⁸.

Лооринг использовал полученные интервью и собранные воспоминания в сопоставлении с источниками иного происхождения. Его следующая значительная работа по истории событий первой российской революции в Эстонии, опубликованная в трех номерах журнала «Эстонская литература» в 1935 г. под названием «Революция 1905 г. в Ляэнемаа», открывалась специальными замечаниями о пяти группах источников. Записи интервью, которые Лооринг брал у участников событий, вместе с полученными от многих из них письменными воспоминаниями составляли первую группу, фольклорные источники — вторую, печать — третью, опубликованные воспоминания — четвертую и, наконец, документы из волостных и церковных архивов — пятую⁹. Подчеркивая значение сведений, полученных путем опросов и сбора воспоминаний, Лооринг отметил, что, пользуясь лишь сохранившимися письменными источниками, он получил бы весьма неправильную картину. Особенно, заявляет он, это относится к материалам судебных процессов над участниками антипомещичьих выступлений, так как в суде свидетели и обвиняемые умалчивали о важнейших событиях¹⁰. Лооринг широко использовал здесь исторические работы Х. Пегельмана и других эстонских коммунистов, изданные в СССР¹¹. Он видел начало движения протеста в Ляэнемаа в заявленных батраками 23 марта 1905 г. требованиях повышения заработной платы. Затем 26 марта в Вигала и Нылва предъявили свои требования к барону арендаторы, появилась петиция за 185 подписями, были выбраны депутаты для ее представления¹².

Информаторы Лооринга из числа местных жителей воспроизвели слухи, ходившие в крестьянской среде в дни кульминации революционных событий, накануне карательных действий воинских отрядов и баронской черной сотни¹³.

Наконец, в 1937 г. Лооринг поместил в широко распространенном

⁸ Punased aastad. Mälestusi ja dokumente 1905. aasta liikumisest Eestis./Toim. H. Kruus. Tartu, 1932. I. Lk. 6.

⁹ Eesti kirjandus. 1935. 10. Lk. 455.

¹⁰ Там же.

¹¹ Весной 1937 г. он писал Ж. Пегельману, что собирает материалы о революции 1905—1907 гг., и просил прислать журнал «Пролетарская революция в Эстонии» и другую литературу по этой теме, изданную в Советском Союзе. См.: Plotnik E. H. Pöggelman. Tallinn, 1975. II. Lk. 301.

¹² Eesti kirjandus. 1935. 10. Lk. 459—460.

¹³ Там же. 11. С. 494—495

журнале «Иллюстрированная неделя» короткую, но очень яркую статью, в которой с помощью опубликованных в СССР документов из советских архивов разоблачал чудовищный динизм царских карателей от пресловутого ротмистра К. фон Сиверса (командовавшего одним из действовавших в Прибалтике отрядов) до самых высокопоставленных. Документы эти были преданы гласности в СССР в 1926 г., вскоре после того как в Эстонии весной того же года поднялся было шум в печати, когда стало известно, что фон Сиверс — директор пивоваренного завода в Тарту¹⁴. Видя свою задачу в том, чтобы сообщить об этих документах в Эстонии, Лооринг, хотя и не сослался на советский эстонский журнал, прямо заявлял, что основывается на хранящихся в СССР архивных документах.

Весной 1936 г., начинал он свою статью, в совете городских уполномоченных г. Вильянди возникли большие споры о том, как должны быть отмечены могилы жертв карательного отряда Сиверса. «Один из уполномоченных, — продолжал Лооринг, — посмел сказать, что расстрелянные были жулики, воры и преступники, так что дела фон Сиверса были благом для эстонского народа. Все это вызвало полемику в газетах»¹⁵. Царское правительство, подчеркивал Лооринг, также запрещало как-либо отмечать братские могилы расстрелянных. В этой связи он и обратился к составлявшей предмет советской публикации трагической истории расправы над двумя юношами — братьями Пихельгас, расстрелянными по приказу фон Сиверса в январе 1906 г., несмотря на отсутствие доказательств их вины. Прошение отца с ходатайством о допросе свидетелей (уже после гибели сыновей) не возымело действия. На другое ходатайство отца в 1911 г. ему было отвечено, что в связи со смертью фон Сиверса жаловаться на него невозможно.

Этой диничной палаческой позиции царских карателей в статье уподоблялось лишь высказывание одного из хаапсалуских городских уполномоченных. Эстонские правительственные власти упомянуты не были. Но Лооринг тут же подчеркивал, что «похороненный» директором Департамента полиции еще в 1911 г. Сиверс на самом деле умер в 1935 г. в Хаапсалу, т. е. благополучно здравствовал под охраной и покровительством эстонских буржуазных властей неподалеку от мест своих злодеяний над эстонскими крестьянами¹⁶. Воспроизведенные в статье Лооринга документы не могли не задеть покровителей Сиверса, которые по понятным причинам стремились избежать огласки. По-видимому, Лоорингу не удалось напечатать статью в ее первоначальном виде. В опубликованном варианте отсутствует содержащийся в датированной 17 июля 1936 г. рукописи призыв обратиться к М. Пихельгасу (отцу казненных) за дополнительными сведениями и вообще проявить к делу большой интерес.

«Полемика вокруг событий 1905 г. еще раз показывает, что 1905 год требует срочного глубокого исследования», — так завершалась рукопись¹⁷.

Через несколько дней после восстановления Советской власти в Эстонии, в 1940 г., Лооринг рассказал в газетном интервью о том, как в 1935 г. Центральному государственному архиву Эстонии было запрещено сделать выставку документальных материалов о событиях 1905 г., об отказе, несмотря на неоднократные просьбы, в субсидии для исследований о 1905 г. «Эстонские и русские рабочие образовали единый фронт против царизма и капитализма» — так формулировал он свой взгляд на революционные события 1905—1906 гг. в Эстонии. Он сообщил, что на-

¹⁴ Ротмистр фон Сиверс. Страница из истории ужасов 1905 г.: Сведения из архива Департамента полиции // *Proletaarne Revolutsioon Eestis*. 1926. N 1. Lk. 44—48. По мнению исследовательницы литературного наследия Пегельмана Плотник, непонятное введение к публикации принадлежало именно Пегельману (письмо Плотник автору настоящей статьи 15 октября 1987 г.).

¹⁵ Как кровавый палач Вильянди фон Сиверс был признан в 1911 г. умершим // *Nädal Pildis*. 1937. 5 Lk. 110.

¹⁶ См.: История Эстонской ССР: В 3 т. Т. 2. Таллинн, 1966. С. 466.

¹⁷ ЦГАОР ЭССР. Ф. 4392. Оп. 1. Д. 13. Л. 4.

чая с 1933 г. занимался историей революционных событий не только 1905, но и 1917 г., а в 1937 г. приступил к сбору сведений о жертвах карателей 1905 г. Фигурировавшее в литературе их число — 328 человек. Сведения, собранные Лоорингом по материалам архивов 260 церковных приходов (отсутствовали в то время сведения по 30 приходам), давали ему возможность предварительно считать, что число это в действительности больше. Полные списки жертв террора карателей Лооринг надеялся опубликовать «в ближайшее время». Собранные сведения давали возможность установить личность погибших и места их захоронения. При отсутствии в ряде случаев биографических данных Лооринг утверждал тем не менее, что среди погибших было много народных учителей, секретарей волостных правлений и других представителей сельской интеллигенции. Он рассказал в этом интервью и о предпринятом им установлении имен и числа революционеров, погибших в 1917 г. и при подавлении восстания на Сааремаа в 1919 г., указав на попытки изъять их имена из выходящих в Эстонии книг¹⁸.

Круг источников о событиях 1905 г. в Эстонии, не только использованных, но и собранных Лоорингом, включал воспоминания о событиях 1905—1906 гг. на Сааремаа, многочисленные вырезки из газет, письма участника событий П. А. Спеека, уже упоминавшуюся статью Ф. Тугласа¹⁹. А. Лооринг видел прямую связь между узостью круга привлекаемых источников и тенденциозностью в изображении исторических событий. В статье 1936 г. он отмечал: «До сих пор очень мало уделяется внимания сбору материала о 1905 г., а исследований почти нет. Еще часто видят движение 1905 г. в неправильном немецком освещении»²⁰. В этой статье, посвященной студенческому движению 1905 г. в Тартуском университете, Лооринг воспроизвел студенческую листовку из фонда жандармского управления в Центральном государственном архиве Эстонии, сделал ряд ценных наблюдений над другими документами этого архива, отметив необходимость привлечения архивного материала, в частности, для дополнения опубликованных воспоминаний. «Ценнейшая часть архивных источников, — писал он, — находится в СССР, автор мог использовать только те из них, которые опубликованы в печати в СССР».

В декабре 1939 г. Лооринг завершил магистерскую работу «Рождение эстонского государства». Тема ее, как и план изучения методологии правоведения, была согласована с Ю. Улуотсом²¹. Судя по отзыву рецензентов, профессоров А. Клиймана и Л. Леэсмента, ядро работы (в ней было 268 с. машинописи) составляли события 1917 г. Рецензенты отмечали удачное использование в качестве источников устных сообщений. Работа, высоко оцененная рецензентами и рекомендованная к опубликованию, представлялась им «в некоторых местах слишком исторической и недостаточно правovedческой». Однако они оправдывали «исторический характер работы» тем, что «автор собрал и представил большой, ранее не публиковавшийся материал»²². Впрочем, заявляя, что § 6 работы, озаглавленный «Рождение и компетенция советов», «мог бы быть намного короче», рецензенты, вероятно, имели в виду не только «подчас слишком пространный» характер изложения, но и взгляды автора, о которых предпочли не упоминать. Эти взгляды — в кругах коллег Лооринг считался социал-демократом — действительно сыграли свою роль в сочетании его историко-юридических интересов с историко-политическими²³.

¹⁸ Погибшие в борьбе трудового народа: Беседа с исследователем истории революционного движения А. Лоорингом // Postimees. 1940. 27. juuni.

¹⁹ ЦГАОР ЭССР. Ф. 4392. Д. 6, 15, 16, 39, 42.

²⁰ Общие черты движения 1905 г. среди тартуского студенчества // Üliõpilasleht. 1936. N 10. Lk. 365—368.

²¹ ЦГИА ЭССР. Ф. 2100. Оп. 2. Д. 572. Л. 10—11; Оп. 1. Д. 8078. Л. 60.

²² Там же. Л. 60—61.

²³ Историком, а не юристом считал А. Лооринга и преподаватель юридического факультета Тартуского университета Р. Элиазер, решившийся ходатайствовать

Сбор исторических источников различного происхождения, отражавших идеологию массового движения, которые и раньше были в поле внимания исследователя, становится теперь его важнейшим делом. Это сказалось в замысле другой работы, которую он вел одновременно. Тема ее — «Правовые требования эстонцев в 1905 г.». Судя по всему, однако, в соответствии с демократическим характером своих убеждений Лооринг предметом изучения намеревался сделать общеполитические и экономические требования эстонских крестьян, а источником для этого — их петиции по указу 18 февраля 1905 г.

Петиции из прибалтийских губерний занимали среди поступивших в Петербург особое место. Они были чрезвычайно многочисленны и исходили почти исключительно из крестьянской среды²⁴.

Однако ни самих петиций, ни их черновых вариантов или копий, снятых при отправке, в эстонских архивах, как правило, не было, и он обратился в волостные правления с письменными просьбами о сообщении ему выписок из книг протоколов волостных собраний, в которые заносилось содержание принятых петиций. «Собираю данные по всей стране для исследования правовых требований эстонцев в 1905 г., послал всем волостным секретарям письма. Уже имеется много ценного материала», — писал он в отчете о работе 8 мая 1939 г.²⁵ Во многих случаях ему, однако, отказывали чаще всего потому, что книги протоколов не сохранились или в них не оказалось записей о принятии петиций. В бумагах Лооринга находим лишь несколько выписок из рененной волостных собраний²⁶. Между тем общее число эстонских крестьянских петиций составляло около 150, и Лооринг это, вероятно, установил. Если собранный им материал дошел до нас полностью, можно заключить, что он расценил его как количественно недостаточный. В отчете о работе 3 июня 1940 г. он указывал: «Для начатого исследования „Правовые требования эстонцев в 1905 г.“ продолжал собирать материалы из волостных архивов»²⁷. Так или иначе, исследование петиций осталось, судя по всему, несуществующим.

Впоследствии собранные Лоорингом материалы были не использованы в общих работах по истории революции 1905—1907 гг. в Эстонии и в Прибалтике²⁸. Что же касается специального исследования петиций, то автор настоящих строк видит в Лооринге своего предшественника. Задача, которую пришлось решать в ходе этой работы, оказалась шире поставленной Лоорингом на попевоме ограниченном материале, в частности, потому, что петиции эстонских, латвийских и литовских крестьян имели между собой много общего и ряд их признаков пришлось рассматривать, группируя петиции не по национальному, а по классовому признаку. Нельзя, однако, не отдать должного проявленной молодым эстонским ученым большой исследовательской проницательности. Ее основой стали уже сделанные им к этому времени в исследовании событий 1905 г. Логика исследования различных сторон революционного процесса 1905—1907 гг. в Эстонии вела Лооринга к необходимости широкого использо-

---

за него перед оккупационными властями. Через несколько дней после уже совершенной расправы, факт которой сохранялся в тайне, Элиазер писал: «Знаю магистра А. Лооринга по историческим исследованиям и архивной работе как исключительно одаренного молодого служителя науки, успехи которого благодаря его редкостным стараниям и незаурядной трудоспособности подают надежду на значительные достижения в развитии эстонской исторической науки» (*Kor-des R.* Указ. соч. С. 241).

²⁴ Подробно см.: Ганелин Р. III. Петиции эстонских, латвийских и литовских крестьян по указу 18 февраля 1905 г. // ВИД. Л., 1987. Т. XVIII. С. 195—208. На с. 199 следует читать: «4. Разрешение преподавания на родном языке...»

²⁵ ЦГИА ЭССР. Ф. 2100. Оп. 2. Д. 572. Л. 9.

²⁶ Литературный музей им. Крейцвальда АН ЭССР. Ф. 210/М 7:6 (26) 451; Ф. 210/М 8:2 (11) 211.

²⁷ ЦГИА ЭССР. Ф. 2100. Оп. 2. Д. 572. Л. 15.

²⁸ *Karjäharm T., Pullat R. Eesti revolutsioonitules 1905—1907.* Tallinn, 1975. Lk. 61, 71—76; *Karvjäharm T., Krasnyh Я., Тула А. Революция 1905—1907 годов в Прибалтике.* Таллинн, 1981. С. 29, 34, 44—45.

вания для этого документального материала российских правительственных ведомств в центральных архивах Москвы и Ленинграда. Можно предположить, что он одним из первых взялся бы за эту задачу, которую до сих пор нельзя считать решенной.

Случилось так, что с самого начала преследования Лооринга оккупационными властями авторская и публикаторская работа по истории революционных событий 1905 г. стала одним из выдвинутых против него обвинений наряду с обвинением в сборе сведений о революционерах, погибших на разных этапах революционной борьбы, и разыскании их могил. «Этого было достаточно. Эти два факта и определили судьбу молодого эстонского ученого», — устанавливает на основании материалов оккупационной политической полиции советский автор²⁹. Лоорингу также инкриминировали публицистическую деятельность после восстановления Советской власти, занятие места Ю. Улуотса в университете и участие в университетской атеистической организации. Принадлежность ученого к Коммунистической партии карателям доказать не удалось. Вообще его арест явился неожиданностью для коллег по университету, как сообщил с их слов Я. Кросс³⁰. Что касается работ Лооринга о событиях 1905 г., то легальный характер, который носило в буржуазной Эстонии 30-х годов их издание, не был принят во внимание. Очевидно, сыграло роль то, что гитлеровские прислужники и немецко-фашистские оккупационные власти, в руках которых он находился, оказались не только духовными преемниками зверствовавших во время первой российской революции прибалтийских немецких баронов, но и наследниками общих принципов карательной политики царизма, что было связано с их ролью продолжателей контрреволюционных действий полицейских властей буржуазной Эстонии, у которых дела карателей 1905 г. вызвали сочувственное отношение. Контрреволюционное единство карателей, которое превозмогло дистанцию времени и различные исторических ситуаций, привело к расправе над молодым талантливым исследователем революционных традиций эстонского народа.

²⁹ Kordes R. Указ. соч. С. 242.

³⁰ Записка Я. Кросса о А. Лооринге, пересланная автору настоящей статьи в письме О. А. Самма 17 февраля 1984 г.

С. В. Чирков

**ДОКЛАД М. Н. ТИХОМИРОВА
«ОБ ОБЕСПЕЧЕНИИ СОХРАННОСТИ, СОСТОЯНИИ
И ИСПОЛЬЗОВАНИИ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ
В УЧРЕЖДЕНИЯХ АКАДЕМИИ НАУК СССР»**

Выдающиеся заслуги академика М. Н. Тихомирова в деле организации и научного обоснования задач охраны памятников истории и культуры, в том числе документальных памятников отечественной истории, получили общее признание и частично изучены¹. Менее известно, что М. Н. Тихомиров одним из первых выступил на защиту источников по истории науки — документального наследия выдающихся ученых, в том числе и своих современников, материалов научных учреждений.

В середине нашего столетия дело охраны памятников истории и культуры в нашей стране только начинало выходить из того глубокого шока, в которое повергли его исторический нигилизм и разрушительские

¹ См.: Чистякова Е. В. Михаил Николаевич Тихомиров (1893–1965). М., 1987. С. 38–39. См. также: Тамм И. Е. Литература 1963–1983 гг. о жизни и деятельности М. Н. Тихомирова // АЕ за 1983 год. М., 1985.

тенденции 20–30-х годов. Основные понятия этого дела вырабатывались не без труда. Если по отношению к «древностям», особенно памятникам архитектуры, искусства, включая и книжное, сравнительно легко было возродить «охранительные» общественные настроения, то значение охраны памятников новейшей эпохи было часто не ясно даже специалистам. Исходя из развитого им уже в 1936 г. определения исторического источника: «Под историческим источником понимается всякий памятник, дающий нам представление о прошлом»², М. Н. Тихомиров последовательно включал в круг необходимых для науки источников не только «древности», но и документы новейшего времени вплоть до «современных». Наряду с необходимостью разыскивать и сохранять древнерусскую рукописную книжность (выступление ученого об этом в печати в 1948 г.³ сыграло важнейшую роль в последовавшем разворачивании полевой археографической работы в стране) ученый сознавал и пропагандировал исключительную важность сохранения позднейших документальных памятников.

Особенно активными выступления М. Н. Тихомирова в этом направлении были в 50-х годах, когда он работал на посту академика-секретаря Отделения исторических наук АН СССР. На заседании бюро Отделения 8 февраля 1954 г. он поднял вопрос об охране рукописных фондов; причем отметил, что «охраняются архитектурные памятники и пр., а рукописные фонды никак не охраняют». В начале лета того же года Тихомиров писал в Президиум АН СССР о значительном неблагополучии с хранением древних русских, западноевропейских и восточных рукописных материалов в институтах Академии⁴. Выступления прессы последних лет показывают, что поднятые Тихомировым более тридцати лет назад вопросы остаются, к сожалению, нерешенными и поныне.

Архивы академической системы, и в первую очередь Архив АН СССР, были объектами непрестанной заботы М. Н. Тихомирова в период его руководства Отделением. В феврале 1954 г. в докладной записке в Президиум АН СССР ученый подчеркнул значение Архива АН СССР как научно-исследовательского учреждения и юридические основания его самостоятельного положения среди других советских архивохранилищ, а его материалов — как отдельной группы в составе Государственного архивного фонда. В декабре того же года в письме президенту АН СССР А. Н. Несмеянову М. Н. Тихомиров, описывая бедственное положение Московского отделения ААН, настаивал на предоставлении ему нового помещения⁵. Неудивительно поэтому, что, когда в 1962 г. бюро Президиума АН СССР решило рассмотреть вопрос «Об обеспечении сохранности, состоянии и использовании документальных материалов в учреждениях АН СССР», докладывать по этому вопросу поручили М. Н. Тихомирову.

Стенограмма заседания бюро Президиума АН СССР 10 августа 1962 г. хранится в ф. 2 Архива Академии наук⁶. Под председательством А. В. Топчиева на заседании, кроме членов Президиума, присутствовали видные советские историки и филологи. Впервые, пожалуй, вопросы организаций академических архивов рассматривались на таком высоком научном уровне. Постановление, принятое заседанием, определило пути дальнейшего архивного строительства в академической системе.

Свой доклад М. Н. Тихомиров начал краткой, но емкой характеристикой значения Архива Академии наук, представляющего собой «по своим задачам и по своему содержанию один из крупнейших и важней-

² Чистякова Е. В. Указ. соч. С. 37–38.

³ Тихомиров М. Н. Письмо в редакцию // ВИ. 1948. № 3.

⁴ Чирков С. В. Из рукописного наследия М. Н. Тихомирова: (По материалам Архива АН СССР) // АЕ за 1983 год. С. 245.

⁵ См.: Там же. С. 245–246.

⁶ ААН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 411. В дальнейшем номера листов данного дела приводятся в тексте.

ших архивов... не только в СССР, но и в мировом масштабе». Московское отделение Архива имеет, по его мнению, «не меньшее, а даже большее значение, потому что туда поступили... важнейшие материалы современных ученых, не потерявшие своего актуального значения в настоящее время». Здесь же, говоря о содержании архивных материалов, Тихомиров подчеркнул принципиальное отличие документов научного наследия: «Конечно, всякий ученый знает, что иная записка крупного ученого, такого, как, допустим, покойные Циолковский, Сеченов и др., может заключать в себе настоящее предвидение будущего» (л. 77).

Однако положение, в котором находился Архив Академии наук, вызывало у Тихомирова глубокое беспокойство. «Он находится в подвале, а в подвале невозможно сохранить как следует бумаги...», Историк подчеркивал сложность обеспечения сохранности документов первых лет Советской власти. «Все вы знаете, на какой бумаге тогда писали, в 1917—1920 гг. Разверните свои собственные бумаги, и вы увидите, что они тлеют на глазах. Если их оставить в архиве, где с одной стороны чрезвычайная сухость, а с другой стороны чрезвычайная сырость, то они погибнут». В качестве примера Тихомиров говорил о материалах К. Э. Циолковского, который, «как известно, был учителем в Калуге, и у него академической бумаги не было». При этом историк поделился личным воспоминанием: «Я сам видывал Циолковского, не зная, что он представляет собой, в Калуге. Он ездил на велосипеде, и местные калужане говорили о нем: „Вот едет какой-то чудак!“ Так и называли его» (л. 77—78). Тихомиров подчеркивал неоправданно неравноправное положение, в котором находилось документальное наследие ученых. «Для художников, для поэтов, иногда даже не самых знаменитых, существуют мемориальные музеи. А для ученых? Ведь у ученых, у любого из нас что важно? Важны мысли. Между тем эти мысли и труды погибают в подвале. Как это сочетать: с одной стороны, музей Циолковского в Калуге, а с другой стороны — хранение этих документов в таком порядке?» (л. 79). Поэтому первым и важнейшим делом Тихомиров считал «решение о постройке хотя бы небольшого сухого, хорошего здания». В дальнейшем он рекомендовал «поставить вопрос о постройке здания Ленинградского архива, который посещается многими учеными и из-за рубежа, а находится в здании, восходящем к XVIII в., переполнен до отказа» (там же). В наши дни, когда осуществились надежды Тихомирова в отношении Московского архива Академии, быть может, еще более остро выявляется необходимость улучшения дела с Ленинградским отделением.

Большое значение придавал М. Н. Тихомиров такой форме обеспечения сохранности документов, как микрофильмирование и фотокопирование. Он считал, что «речь идет о создании страхового фонда документов... хранящихся не только в Москве, но и имеющихся в других пунктах... Да и не только микрофильмовать надо их, уникальные документы надо снимать фотографически, потому что микрофильмы не всегда хорошо передают то, что нужно» (л. 82).

Говоря о проблемах, возникающих в области экспертизы ценности документов, Тихомиров ввел слушателей в суть происходивших дискуссий: «Сейчас в ГАУ идет большая распря с Историко-архивным институтом. Было организовано большое совещание, на котором я был председателем, — совещание было по поводу того, что хранить, и что уничтожать. Вопрос очень серьезный. Приведу такой пример.

Выяснилось, что в определенные годы поступали таким образом: оставлялись только официальные документы, а вся переписка, т. е. важнейший фонд, где выясняется истина, была уничтожена. Такая опасность существует и в настоящее время, если к ней подойти так формально. Допустим, если мы оставим только протоколы и не дадим к ним поправок и переписки, которая иногда будет весьма нужной и важной, то для будущих исследователей картина по истории Академии наук окажется неполной, у них не будет правильного представления» (л. 82—

83). Один из возможных выходов Тихомиров видел в организации экспертных комиссий отраслевого характера. В целях улучшения работы с архивными материалами в академических институтах ученый предлагал «при Отделении исторических наук создать небольшой постоянный орган, в достаточной мере авторитетный, который мог бы сноситься с другими институтами по некоторым архивным делам» (л. 85).

После обеспечения сохранения документов Академии наук для исследователей важнейшим аспектом в подходе к ним был для Тихомирова аспект исследования этих документов, их научной разработки. Здесь он видел несколько определившихся направлений. Это — история науки. «В сущности, история Академии не может быть написана помимо Архива» (л. 81). «То, что относится к науке XVIII—XIX вв., — все это связано с архивами Академии наук. Без них, попросту говоря, делать нечего» (л. 88). Это — и практические нужды развития исследований в разных научных областях. «По существу говоря, уже сейчас работа Архива вышла за пределы Академии. В Архив обращаются по целому ряду важнейших вопросов, на которые приходится отвечать...» (л. 81). Однако Тихомиров подчеркивал, что успешное осуществление научной работы Архива сдерживалось непригодными помещениями и крайней малочисленностью сотрудников.

В конце доклада М. П. Тихомиров сказал знаменательные слова: «Мне никогда не поручалась такая работа, как ведать архивами... У меня есть и другие обязанности, и другие нагрузки и очень большие нагрузки. Это вещи, которыми я занимаюсь с любовью, потому что я считаю, что это начало начал» (л. 87). Личное, любовное отношение к делу сохранения документальных памятников отечественной культуры, отличавшее этого выдающегося советского историка, демонстрирует яркую грань его творческой личности.

И. В. Ковалев

ВОПРОСЫ ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ В ЭПИСТОЛЯРНОМ НАСЛЕДИИ Н. Н. ВОРОНИНА

С именем Николая Николаевича Воронина (1904—1976) связан целый период в изучении культурного наследия Древней Руси. Видный советский историк и археолог, доктор исторических наук, профессор, лауреат Ленинской и Государственных премий, он внес значительный вклад в научную разработку вопросов сохранения памятников и пропаганду древнего культурного наследия русского народа, отечественной истории.

На протяжении почти всей жизни Н. Н. Воронин вел титаническую борьбу за сохранение национального культурного наследия своего народа. Он занимался не только вопросами спасения конкретных памятников архитектуры, но и организацией дела их охраны по всей стране, добиваясь его узаконения, способствуя формированию общественного мнения по этим вопросам. К сожалению, во всей немногочисленной литературе о нем это направление его деятельности практически не раскрыто¹.

В 1983 г. большая часть рукописного наследия Н. Н. Воронина поступила на хранение в Государственный архив Владимирской области². В составе ф. 254 ед. хр. за период с 1924 по 1976 г. Отложившийся в фонде комплекс материалов по вопросам охраны памятников истории и

¹ Культура Древней Руси. М., 1966. С. 7—12; Вагнер Г. К. К 70-летию Н. Н. Воронина // ВИ. 1974. № 12. С. 159—161; Николай Николаевич Воронин: (Некролог) // ВИ. 1976. № 7. С. 221; Средневековая Русь. М., 1976. С. 3—8; Смоленская живопись XII—XIII вв. М., 1977. С. 177; О крае родном. Ярославль, 1978. С. 49—58; Черепнин Л. В. Отечественные историки XVIII—XX вв. М., 1984. С. 248—253.

² Государственный архив Владимирской обл. Ф. 422. Далее отсылки к номерам дел этого фонда даются в тексте.

культуры составляет 80 ед. хр.— около 2900 л., в основном машинописного текста. Это рукописи статей, тезисы выступлений на различных совещаниях, тексты докладов, сделанных на съездах, заседаниях Совета ВООПИК, материалы пленумов Центрального совета ВООПИК, подготовительные материалы к Закону СССР «Об охране памятников истории и культуры», проекты постановлений и инструкций по охране памятников, списки памятников архитектуры, подлежащих государственной охране. Среди перечисленных документов несомненный интерес представляет эпистолярное наследие ученого, которое является ценным источником как для изучения его творческой биографии, так и по истории охраны памятников у нас в стране.

Здесь отложились письма Воронина в ЦК КПСС и Советскому правительству, в Министерство культуры, в редакции газет и журналов, переписка с местными органами власти, с музеями, историками, архитекторами, реставраторами, писателями, просто энтузиастами дела охраны памятников — более 800 л. Среди личных бумаг Воронина сохранились аналогичные материалы по организации музейного дела в стране, развитию которого он также придавал серьезное значение. Эти два направления отечественной культуры для него были неразделимы. Рассматриваемый здесь эпистолярный материал относится к 50—60-м годам — периоду, печально известному массовыми негативными явлениями в деле охраны памятников культуры.

Привлекают внимание послания Воронина руководителям партии и членам правительства. В этой группе особое место занимает обращение к Сталину в конце 1951 г. (д. 1026, л. 1—5), в котором указывается на особую остроту вопроса охраны памятников после Великой Отечественной войны. Характеризуя организационную сторону дела охраны памятников, Воронин акцентирует внимание на ее недостатках и вносит ряд ценных предложений по улучшению этой работы.

Воронин приводит конкретные примеры печальной судьбы архитектурных памятников. Так, Новгородский облисполком в 1949 г. снес Торговые ряды, включенные проектом Щусева в композицию нового городского центра, а в 1950 г. «самочинно» разобрал на кирпич комплекс пострадавшего от оккупантов ансамбля Сквородского монастыря XV—XVII вв., поставил вопрос о снятии с охраны разрушенных гитлеровцами всемирно известных памятников XII—XIV вв. — церковью Спаса Нередицы, Николая на Липне, Иоанна на Опоках и др. Черниговский облисполком поставил вопрос о сносе выдающихся памятников XII в. — Борисоглебского собора и церкви Пятницы, сильно поврежденных немцами. Воронин с возмущением вспоминает пресловутый проект реконструкции центра Москвы, составленный под руководством архитектора Чечулина в 1949 г. и предусматривавший снос всех архитектурных памятников центра за исключением Кремля. Как «совершенно вопиющий факт» расценивает он начатый снос московской Китайгородской стены, требует «сломку стены прекратить, ибо на Москву равняются и другие города страны» (д. 1137, л. 3).

Все эти факты, по словам Воронина, «говорят о полном непонимании значения охраны памятников местными, а иногда и центральными органами, а также проектными организациями». Прямым следствием создавшегося положения является «полное изгнание» исследовательской и популяризаторской работы по истории искусства XI—XVIII вв. из планов ведущих исследовательских учреждений страны — таких, как Академия наук СССР и Академия архитектуры СССР.

В заключение письма Воронин излагает, по сути дела, проект правительственных мероприятий, направленных на упорядочение дела охраны памятников в стране: «1. Незамедлительно осветить в ЦО „Правде“ значение дела охраны памятников культуры, осудить и пресечь начатые разрушения. Самым лучшим было бы Ваше личное письмо по этому вопросу. 2. Распространить на памятники культуры действие закона об охране социалистической собственности. 3. Принять меры к скорейшей

организации единого „Комитета по охране памятников культуры“. В компетенцию последнего должны войти также и музеи, как органы, популяризирующие эти памятники (там же, л. 4—5).

По свидетельству самого Воронина, по этому письму были «приняты некоторые меры по защите особо угрожаемых архитектурных памятников» (там же, л. 26). Разумеется, столь половинчатые решения не могли удовлетворить ученого, и он продолжал энергично обращаться к тем, кто мог бы повлиять на судьбу памятников.

В письме к Ворошилову (середина 50-х годов), занимавшему в 1953—1960 гг. пост председателя Президиума Верховного Совета СССР, Воронин еще раз напоминает о распыленности дела охраны памятников между несколькими ведомствами, отсутствии единого руководства и контроля, безответственности ведомств; делает вывод, что в результате всего этого охрана памятников «пришла к дезорганизации», а многие из них оказались в катастрофическом состоянии. Характеризуя создавшееся положение, ученый рисует безрадостные итоги подобного варварского отношения к национальному культурному наследию: «В ближайшие годы мы можем оказаться перед фактами массовой гибели памятников мирового значения». В подтверждение своих выводов он приводит ряд конкретных примеров халатного отношения к памятникам.

В Москве «безобразное отношение» арендатора привело в аварийное состояние собор Рождественского монастыря начала XVI в. и церковь Покрова в Рубцове начала XVII в.; разрушается выдающийся образец зодчества конца XVII в.—церковь в Филях; парушается беспорядочной застройкой уникальный архитектурный памятник — ансамбль Измайлово. В Московской области в «возмутительном» положении остается ансамбль Иосифо-Волоколамского монастыря XVI—XVII вв. Его занимали детские дома, воспитанники которых выламывали и жгли иконы, деревянные перекрытия. Крепость Соловецкого монастыря XVI в. находится в «угрожающем положении вследствие варварского отношения к памятнику со стороны занимающей его организации».

Большую тревогу ученого вызывает «гибельное положение памятников живописи» и «безнадзорное» состояние собраний древнерусской станковой живописи в краеведческих музеях. Так, в Новгороде исчезают остатки знаменитых росписей XII в. Нередицкой церкви, взорванной фашистами, погибли росписи XIII в. в руинах церкви Николы на Липне. Ярославль — сокровищница архитектуры и живописи XVII в., — по словам Воронина, «превращается в кладбище всемирно известных произведений русского искусства». В краеведческих музеях часто коллекции свалены в сараях или сырых складах и быстро уничтожаются, живопись осыпается, а иконы иногда просто сжигают. Реставрационные силы исчисляются единицами и не могут обеспечить спасение памятников, новые кадры реставраторов не готовятся, низкие ставки не содействуют укреплению и росту кадров.

Называя сеть местных музеев «важнейшими органами охраны памятников и пропаганды их культурно-исторического значения», Воронин протестует против ликвидации Минкультом РСФСР 40 местных музеев (11 января 1954 г.). В числе ликвидируемых значились Волоколамский музей в Иосифо-Волоколамском монастыре, Можайский музей в Лужецком монастыре, Ростовский музей Ярославской обл. в Борисоглебском монастыре, Тутаевский музей Ярославской обл. в Крестовоздвиженском монастыре, Старицкий музей Калининской обл. в Успенском монастыре и др. По мнению Воронина, «работники Минкульту борются не за сохранение и изучение сокровищ искусства и старины, а стремятся избавиться и от памятников и от музеев».

В заключение он еще раз убедительно просит дать разъяснительные статьи в центральной прессе и провести необходимые организационные мероприятия по концентрации и упорядочению дела охраны культурного наследия русского народа (д. 1137, л. 10—14).

В письме в отдел культуры ЦК КПСС (середина 50-х годов) гово-

рится о возрастании реальной угрозы массовой гибели выдающихся произведений древнерусской архитектуры и живописи. Особую опасность Воропин видел в том, что в некоторых руководящих административных органах развивается «пренебрежительное, нигилистическое отношение к древнерусским памятникам, а некоторые „теоретики“ стремятся обосновать идею, что древнерусская культура не входит в состав ценного для нас наследия» (там же, л. 21).

В обращении к министру культуры СССР Пономаренко Воропин предлагает создать в составе Министерства культуры единый главк или Управление по охране памятников. По его мнению, это «обеспечит организацию стройной и действительной централизованной системы дела охраны памятников и поставит ее в связь с сетью музеев, осуществляющих их популяризацию и пропаганду» (там же, л. 26–27).

Рассматривая обращения Воронина к руководителям партии и членам правительства, нельзя не остановиться на его письме «В защиту памятников культуры» (д. 1138, л. 22–42). Судя по помете, сделанной рукой Воронина на первом листе текста, оно было отправлено 10 ноября 1955 г. Хрущеву и Булганину. Письмо объемом почти в 1 л. представляет собой практически научную статью по проблемам охраны памятников, основанную на богатом фактическом материале и содержащую ряд ценных теоретических обобщений. Содержание письма в принципе повторяет многие положения изложенных выше обращений в правительство. Однако имеется и ряд принципиально новых аспектов. Во многом отличается от предыдущих документов и сама структура письма.

Убедительно раскрыв значение и необходимость охраны памятников в свете ленинского учения о культурном наследии, Воропин останавливается на реальном отношении к вопросам защиты памятников от гибели, сложившемся в стране. Особую тревогу ученого вызывает отсутствие «организованно издаваемой» и «квалифицированно создаваемой» научно-популярной литературы, что неизбежно ведет к отсутствию элементарных знаний и интереса к собственной истории у широких масс, а дефицит отечественных научных разработок по истории древнерусского искусства способствует активному изучению этой тематики за рубежом.

В пропаганде памятников старины Воропин отводил большую роль общеобразовательной школе. Сложившаяся к середине 50-х годов система школьного изучения русской истории вообще и информация о сохранившихся памятниках в частности не удовлетворяли возросшего интереса народа к историческому прошлому своей страны, вели к невежеству и развитию пренебрежительного отношения к памятникам. Излагая краткую программу популяризации исторических знаний в школах, Воропин предлагает внести дополнительные сведения о древнерусской культуре в школьные учебники, изменить систему преподавания и т. д.

Основные причины катастрофического положения с охраной памятников ученый сформулировал следующим образом: «Мы сделали все, чтобы исключить из этого всенародного дела сам народ; мы ничего не сделали, чтобы сделать созданные его предками сокровища его достоянием... изолировали от этих сокровищ нашу молодежь».

Анализируя состояние охраны памятников, Воропин подробно рассматривает ситуацию, сложившуюся в музейном деле, касаясь проблемы областных и районных музеев. Самым большим вопросом здесь он считает вопрос кадров: «пшценская» зарплата и случайный подбор музейных работников — «на постах директоров встречались печник, престарелая, кажется 80-летняя, политкасторжка, не справившийся с работой в промартели хозяйственник, устаревший физкультурник и т. д.» — приводили зачастую к последствиям необратимым. «Захолустное» положение музеев создавало благоприятную почву для расхищения и уничтожения коллекций. «При таком положении дел трудно надеяться, что музеи смогут осуществить на должном уровне поставленную В. И. Лениным задачу „изучения и возможно полного ознакомления широких масс населения с сокровищами искусства и старины, находящимися в России“».

Завершает свое письмо ученый конкретными, глубоко продуманными как теоретическими, так и практическими предложениями. По его мнению, для спасения памятников необходимо следующее: принять «развернутые постановления партии и правительства по вопросам охраны памятников и о значении музеев»; «вовлечь в патриотическое дело охраны и изучения памятников культуры народа сам народ»; «оградить памятники культуры строжайшим законом об охране социалистической собственности»; «ликвидировать раздробленность охраны памятников».

Примером борьбы Ворошица за сохранение конкретных исторических памятников может послужить его письмо первому секретарю ЦК КП Белоруссии К. Т. Мазурову от 1 января 1961 г. (д. 944, л. 5) по поводу судьбы церкви Благовещения XII в. в г. Витебске — одного из трех уцелевших памятников русской архитектуры домонгольского периода на территории Белоруссии. Этот памятник вошел во все труды по истории русской архитектуры и известен как представитель редкого типа здания. Постановлением Совета Министров БССР от 20 сентября 1961 г. церковь Благовещения была снята с государственной охраны. Воронин просит «быстро исправить эту кажущуюся просто невероятной ошибку», доказывает необходимость реставрации памятника. Этот вопрос тревожил всю научную и культурную общественность страны. На черновом экземпляре письма сохранились пометы Воронина, свидетельствующие о письме по этому же поводу академика Б. А. Рыбакова, о телефонных звонках в Министерство культуры СССР и ЦК КПСС.

Среди рукописных материалов, раскрывающих деятельность Н. П. Воронина по охране памятников, бесспорный интерес представляют письма в редакции газет и журналов.

Здесь в первую очередь необходимо выделить черновые наброски и варианты его обращения по поводу спасения памятников старины, опубликованного в газете «Правда» 30 марта 1956 г. (д. 1138, л. 43–52). Написано письмо было 2 января 1956 г. и по объему занимало 5 машинописных страниц. Однако после редакторской обработки опубликовано было не полностью. Сохранились два письма Воронина к Е. В. Дмитриевой, которая, по-видимому, занималась вопросами публикации обращения.

В первом, от 21 января 1956 г., он писал: «С большой радостью увидел уже набранным мое письмо. Но несколько огорчен его излишне объективной формой после его редакционной обработки и некоторыми сокращениями наиболее существенных мест» (там же, л. 46).

Во втором письме, от 2 февраля, он настаивает на восстановлении ряда фраз, чтобы внести их в любую редакцию, какую сочтут нужной. Суть этих вставок он излагает следующим образом: «1) Отрыв от общественности дела охраны — самая главная причина катастрофы; об этом надо сказать прямо, ведь это самая настоящая правда! 2) Сказать о желательности привлечения к уголовной ответственности разрушителей, это значит ничего не сказать, т. к. нет таких законов, защищающих памятники, они по существу вне закона, и если нельзя приравнять памятники к обычному имуществу, которое охраняет закон от 4.VI.1947 г., то можно же указать на Конституцию — основной и общий закон законов!». Впрочем, ради того, чтобы обратить внимание общественности на гибнущие памятники (через прессу), Воронин согласен печатать материал в данной редакции, если указанные вставки «все же неприемлемы». Заканчивает свое письмо он горькими словами: «стыдно и за себя и за „Правду“, за тот зэповский язык, которым приходится писать. Ведь вместо действительной и чудовищной катастрофы получилось некоторое стандартное „неблагополучие“, только и всего!» (там же, л. 43).

26 февраля 1960 г. Воронин пишет письмо в редакцию газеты «Литературная жизнь» по поводу фельетона Ю. Чаплыгина «Непомящие родства»³. Автор фельетона рисует картину разрушений памятников культуры у нас в стране, выступает за привлечение к строгой ответст-

³ Литературная жизнь. 1960. 21 февр.

венности виновных не только в разрушении, но и в незначительном отношении к памятникам.

С огромным удовлетворением воспринял Воронин этот фельетон. В своем отзыве он характеризует затронутые автором вопросы как «сюжет государственной важности, который заслуживает серьезной редакционной статьи». Подчеркивая огромное воспитательное значение дела охраны памятников, Воронин высказывается за повседневную пропаганду, начиная от школы и пионерской организации, чтобы сломить возвращенный последними десятилетиями нигилизм и непонимание народом своих же сокровищ. Глубокое возмущение ученого равнодушием к гибнущим памятникам прорывается в гневных строках: «Сигналы к разрушению и примеры нигилистического отношения к памятникам дают главным образом различные органы власти вплоть до очень высоких... Создалось дикое положение, что советские органы охраны ведут борьбу с другими, порой вышестоящими, советскими же органами и учреждениями, разрушающими памятники культуры. Такого положения нет ни в одной стране мира». Создание добровольного общества охраны памятников, по словам Воронина, «также упрется в очень сложное положение: это общество будет бороться с большими и малыми чиновниками, а иногда и учреждениями». Он вновь настаивает на публикации «серьезного открытого или закрытого письма ЦК КПСС или непосредственно Н. С. Хрущева по этим вопросам». Только это, по его мнению, может «принести крутой поворот в мозгах сверху донизу» (д. 941, л. 8, 9).

Журнал «Крокодил» (№ 5 за 1960 г.) опубликовал фельетон В. Титова «Слуги двух господ», в котором предъявляется обвинение в религиозной пропаганде к спичечной фабрике «Маяк», поместившей на этикетках спичечных коробок изображения всемирно известных памятников Ярославского зодчества. Воронин незамедлительно откликнулся на фельетон письмами в редакцию журнала и в отдел культуры ЦК КПСС.

В письме в редакцию он писал: «Я поражен, как это ни автор, ни редколлегия не поняли целености обвинения, брошенного в адрес спичечной фабрики „Маяк“». Напротив, фабрика сделала «очень нужное дело, которому следовало подражать, а В. Титов и „Крокодил“ способствовали в данном сюжете не борьбе с религией, а борьбе с государственной охраной памятников культуры и их пропагандой» (там же, л. 25).

Письмо в отдел культуры ЦК КПСС содержит, по сути, целую программу перестройки печати в вопросах пропаганды памятников древнего зодчества: «Печать должна бы поддерживать такую инициативу, какую проявила спичечная фабрика „Маяк“, поощрять все средства пропаганды культурного наследия, а не зашаманиться демагогией и сбиванием читателя на нигилистические позиции. К тому же пора отделить попов от памятников искусства народа, перестать противопоставлять охрану памятников антирелигиозной пропаганде. Это дело не дискуссионное, и пора прекратить чехарду в печати по этому вопросу» (там же, л. 24).

В июле 1960 г. Воронин пишет письмо в «Литературную газету» по поводу опубликованной там статьи А. Бажановой «Ты не сделаешь этого шага, Лида!»⁴. Мысли этой атеистической статьи Воронин целиком разделяет. Однако причиной обращения в редакцию послужил один из ее абзацев: «За последние годы восстановлено немало старых церквей... Но можно ли забывать о том, что каждый из этих „драгоценных камней“ старины, вылупившись из строительных лесов и оградив себя охранной табличкой, удостоверяющей век рождения храма и его, по причине древности, неприкосновенность, вступает в строй действующих очагов религиозной пропаганды? И что наша прямая обязанность — противопоставить им свою полноценную и достойную атеистическую пропаганду».

Воронин был совершенно поражен нелепостью этих строк: «Какая-то дикая некультурность звучит в этом абзаце, непонимание вопросов наследства и его, организованной еще В. И. Лениным, охраны». Тем более

⁴ ЛГ. 1960. 9 июля.

поражает его, что подобный выпад прозвучал со страниц такого авторитетного органа, как «Литературная газета», «смело ставящего наиболее важные вопросы нашей культуры и искусства». Недоумевая по поводу «двусмысленных намеков, отягощающих и без того трудное дело сохранения культурного достояния народа», он призывает газету вновь выступить по этой теме, включиться в ряды пропагандистов правильных взглядов на памятники прошлого. «Думаю, что ленинское учение о культурном наследстве и его сохранении и пропаганде — тема, не являющаяся предметом дискуссии», — заключает он (д. 941, л. 2, 3).

Крайне интересно письмо Воронина в редакцию газеты «Известия» по поводу заметки «Время ли восстанавливать замки?»⁵. Заметка касается проблемы восстановления памятников Лптвы. Авторы статьи с неодобрением высказались в адрес непомерно большого, на их взгляд, аппарата научно-реставрационных мастерских в составе Комитета по делам строительства и архитектуры при Совете Министров Литовской ССР, негодуя, что «этому аппарату поручено поднять из руин памятники бывшего могущества феодалов», что миллионы рублей тратятся на восстановительные работы. Основная мысль статьи заключалась в том, что не имеет смысла вести реставрационные работы с подобным размахом, для этого не настало еще время, что в таком вопросе необходимо «чувство меры».

Эта статья, конечно, сразу же вызвала отклик Воронина. «Особенно вредно, — замечает он, — что статьи подобного рода весьма двусмысленны: вроде как и признается, что „мы не против бережного отношения к памятникам седой старины“, и в то же время сеется сомнение в ценности этих памятников». Подобные выступления он называет «ревизией ленинского учения о культурном наследии, которая осуществляется не в лоб, а из-за угла». Особую опасность такие высказывания представляют в связи с тем, что «воспринимаются на местах как „директивы по всему фронту“, местные деятели читают между строк и, в опасении „как бы чего не вышло“, могут запросто сокращать „сомнительную“ деятельность реставрационных мастерских вообще». Единственное, что в этой статье вызывает одобрение Воронина, — это критика сильных перегибов в реставрационной практике, отсутствие научно обоснованного, разумного плана реставрационно-консервационных работ. Он полностью разделяет мнение о необходимости «чувства меры», считает, что «руины должны консервироваться и охраняться в их исторически-документальном виде, а не скрываться под никому не пужной и дорогой фальшивкой-новостройкой» (д. 943, л. 2—4).

Таким образом, рассмотренные выше материалы не только дают возможность осветить деятельность Н. Н. Воронина, но и косвенным образом отражают состояние охраны памятников и музейного дела в стране в конкретный период.

Анализ этих материалов не позволяет говорить о конкретных результатах борьбы за сохранение того или иного памятника. Обстоятельства не всегда благоприятствовали борьбе Воронина, не всегда удавалось добиться желаемых результатов. В одном из писем, присланных ему в декабре 1962 г., есть такие строки: «Иногда пугаюсь от мысли, что Вал мощный глас вопиет в пустыне и Ваши книги в будущем могут сами стать памятниками некоторых памятников нашей старины, над которыми все еще простерта невежественная рука воинствующего антирелигиозного обскурантизма» (д. 1026, л. 8 об.).

Лучшим признанием заслуг Н. Н. Воронина, прекрасным итогом его общественной деятельности является всенародная заинтересованность и широкая поддержка того дела, которому он посвятил немалую часть своей жизни. Многие из того, к чему он стремился и чего добивался, сегодня реализуется, и потому ряд его теоретических обобщений и практических предложений не теряет своей актуальности по сей день.

⁵ Известия. 1960. 19 дек.

НОВЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ БУХАРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

В течение ряда лет Бухарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник проводит научную работу по собиранию письменных источников, в ходе которой фонды музея пополнились уникальными памятниками письменности. Среди них автограф рукописи Ахмада Даниша «Редкостные события» (список 1881 г.), личные письма и документы просветителя XIX в. Мирзы Азима Сами и др. За 1985—1986 гг. поступило немало рукописных книг; наиболее интересные из них: «Хизанат ал-муфтийи» («Сокровищница для муфтиев») Хусайна ибн Мухаммада ас-Саманкани; «Нафахат ал-унс мин хадарат ал-куддус» («Дуновение дружбы из сердечной святости») Абдурахмана Джами; «Хан-и лаззат ва хан-и ни'мат» («Ханская услада и родник благ. Справочник по кулинарии Бухары) Кари Рахматаллаха Вазиха.

«Сокровищница для муфтиев» (инв. № 23983/II) ал-Хусайна ибн Мухаммада ал-Хусайна, известного под прозвищем Саманкани ал-Фарий-умади. Юридическое сочинение Формулярник для муфтиев был написан в 740/1339—40 г. Переписчик Мухаммад ибн ал-Ходжа, более известный как Хаййати; список закончен им в ночь с 5 на 6 раби'II 958/ с 12 на 13 апреля 1551 г. Список в кожаном переплете, содержит 527 л.; средний размер листа 28,5×18 см; на странице по 27 строк; бумага восточная, лощеная, текст написан тушью.

«Дуновение дружбы из сердечной святости» (инв. № 23492/II) — основная работа Абдурахмана Джами в биографическом жанре, была написана по желанию Алишера Навои¹. Список содержит изложение 604 биографий суфийских шейхов, из них 33 биографии женщин. Автор переписки Шейх Мухаммад ибн Мухаммад Давуд (более известен под именем Бута Малу-и Кашмири), время переписки 10 рамадана 1083/30 декабря 1672 г.

Рукопись в картонном переплете с кожаным зеленым корешком. Содержит 397 л.; средний размер листа 26×17 см, размеры текста 19,7×10,8 см; на странице по 18 строк; бумага восточная, лощеная; текст написан тушью и заключен в рамки черного и красного цветов; начало рукописи оформлено богатым уваном-заставкой в виде трех арок с отходящими от них навершиями; заключен в открытый сверху прямоугольник. Внутреннее поле заставки занимают разбросанные цветочки на голубом фоне; в центре — на розовом фоне в фигурном картуше басмалла. Основной почерк рукописи насталик, на последней странице имеется оттиск печати Муллы Лутфуллаха ибн Турды Суфи. В начале XIX в. список реставрировался (л. 248а—252б).

«Ханская услада и родник благ» (инв. № 23056/II) — рукопись, автограф известного просветителя XIX в. Кари Рахматаллаха (1817—1894 гг.). В книге собраны рецепты изготовления 16 видов лепешек, 227 разновидностей плова, 218 сортов халвы и др. Рукопись была завершена 4 зу-л-хиджа 1298/28 октября 1881 г., о чем имеется соответствующая запись в книге. Рукопись в картонном переплете, обклеенном темно-зеленой бумагой, по краям — темно-розовой кожей. Содержит 144 л.; средний размер листа 26×15,5 см; на странице по 20—24 строки; бумага восточная, лощеная; текст написан тушью, заглавия и названия рецептов — красными чернилами; почерк небрежный, насталик. На полях даны комментарии к компонентам, используемым в рецептах.

В настоящее время рукописный фонд Бухарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника насчитывает 2857 ед. Рукописи изучаются сотрудниками музея, готовятся каталоги отдельных рукописных источников.

¹ Бертельс Е. Э. Избр. труды. Навои и Джами. М., 1965. С. 244.

ОПИСАНИЕ ЛАТИНСКИХ РУКОПИСЕЙ V—XII вв. ГПБ¹

В описании представлена наиболее ценная, безусловно мирового значения, часть собрания западных рукописей ГПБ. Хранящиеся в ГПБ рукописные памятники V—XII вв. удивительно богато и полно представляют историю средневековой книжности и образованности и вообще судьбы письменной и духовной культуры в разные периоды средневековья и в разных областях латинского Запада. Вполне понятно, что изучение обширного и разнообразного материала с целью его описания представляет громадные трудности.

Научная литература о наших рукописях велика и непрерывно обогащается и обновляется. Большая литература, несомненно, могла служить и служила прекрасным подспорьем для составителей описания; однако здесь они сталкивались с трудностями особого рода. Надо признать, что в послевоенный период зарубежные ученые сделали заметно больше в изучении наших латинских рукописей, чем отечественные ученые, но при этом материал рукописей ГПБ они привлекали нередко лишь как частный элемент в более широком исследовании, посвященном специальному предмету. Необходима исключительная эрудиция, чтобы дать собственную оценку наблюдениям этих ученых относительно ранних латинских рукописей из собрания ГПБ. Таким образом, задача углубленного и развернутого анализа каждой рукописи на основе современной научной литературы для составителя каталога оказывается чрезвычайно трудной.

Отечественные ученые всегда сосредоточивали внимание на конкретных, уникальных для нашей страны памятниках, давая их систематическое описание. Но в послевоенный период углубленное научное изучение древнейших латинских рукописей ГПБ потеряло тот размах, который оно получило в нашей стране в два послереволюционных десятилетия благодаря деятельности члена-корреспондента АН СССР О. А. Добняш-Рождественской и ее ближайших учеников и коллег. Сократилось текстологическое изучение рукописей. Составители описания лишь в малой степени по этой причине могли опираться на сотрудничество ученых, работающих в нашей стране. В этих условиях единственно возможным — иначе работа растянулась бы на многие годы — оказался путь краткого описания со строгим обобщением результатов работы многих исследователей и с подробным указанием основной литературы, особенно новой, о каждой рукописи. Собственно исследовательскую работу составители описания, насколько можно судить, ограничились проверкой собранных ранее данных о составе рукописей и уточнением принятых латинских наименований содержавшихся в рукописях текстов.

Но и при таком ограничении своей задачи авторы описания выполнили, несомненно, очень большую работу. Это видно уже при поверхностном сопоставлении, скажем, описания корбийской рукописи (Lat. F., v. VI, № 3) (по каталогу № 41), заключающей тексты главным образом медицинского содержания, в рецензируемом каталоге и во второй части каталога О. А. Добняш-Рождественской «Древнейшие латинские рукописи ГПБ» (Л., 1965). Эрудиции одного, хотя бы даже крупного ученого недостаточно для строгой детальной оценки всей проделанной составителями каталога работы — такая оценка может быть дана лишь в серии рецензий нескольких авторов. Со своей стороны, мы можем лишь показать на некоторых примерах важность тех уточнений, исправлений и дополнений, которые настоящим описанием внесены в сумму сведений, собранных

¹ Латинские рукописи V—XII веков Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина: (Краткое описание для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР). Ч. I. Л., 1983/Сост. Е. В. Бернадская, Т. П. Воронова, С. О. Вялова. 83 с.

в ранее изданных каталогах и описаниях древнейших латинских рукописей ГПБ. Укажем в то же время на отдельные упущения, вызванные главным образом самим сознательно избранным составителями строгим принципом отбора материала, и попутно сообщим некоторые уточнения, вынесенные из собственного исследования.

В известном труде о мастерской письма в Корби в VII—IX вв. О. А. Добиаш-Рождественская ошибочно датировала Евангелие (Lat. Q., v. I, № 26; текст этого Евангелия выписан серебром на пурпурном пергамене) концом VIII в., и эту датировку она повторила во второй части своего каталога древнейших латинских рукописей ГПБ². В рецензируемом описании мы видим правильную датировку: IX в. Однако датировка может быть уточнена по стилю содержащихся в рукописи изображений евангелистов; стилистические признаки художественных школ в целом более выразительны, чем стиль работы писцов, и в своем сочетании бывают неповторимы; так что и в нашем случае рукопись может быть с достаточной уверенностью датирована третьей четвертью IX в. и рассматриваться как один из памятников времени правления Карла Лысого, т. е. времени, составившего целую эпоху в истории искусства и культуры латинского Запада. Но эта датировка должна быть еще обоснована специальным исследованием.

В названной работе о мастерской письма в Корби О. А. Добиаш-Рождественская дала краткое описание известного списка сочинения Марциана Капеллы «О бракосочетании Филологини и Меркурия» (Cl. lat. F., v. № 10). В ее время еще почти не была изучена история комментирования этого сочинения в каролингское время, и она даже не упомянула о содержащихся в рукописи глоссах. Между тем эти глоссы являются не менее ценным памятником, чем сам ранний список сочинения Марциана Капеллы, — составители каталога восполнили этот пробел, указав, что глоссы принадлежат Мартину Ланскому, современнику и сотруднику Иоанна Скота Эриугены.

Наиболее авторитетные исследователи рукописной традиции сочинения Марциана Капеллы — Ж. Прео и Кл. Леонарди — сохранили ранее принятую датировку ленинградской рукописи — X в. И только исследователь художественных традиций книгописной мастерской в Корби Ш. де Мерендоль высказал мнение, что рукопись относится к более раннему периоду и ее надо датировать IX—X вв. Составители каталога, как и всюду, проявили здесь осторожность, последовав за главными исследователями рукописной традиции Марцианова «Бракосочетания». Однако они упустили из виду замечание Прео о том, что ему не удалось непосредственно познакомиться с ленинградской рукописью³; что же касается Леонарди, то, насколько можно судить, он лишь повторил сведения о нашей рукописи, сообщаемые Прео. Мерендоль был единственным из трех названных ученых, кто внимательно изучил письмо рукописи. Та картина эволюции латинского письма, которая в настоящее время вырисовывается на основе многотомной публикации образцов письма датированных рукописей, подтверждает правильность датировки Мерендоля. Более ранняя датировка позволяет отнести рукопись к иному культурному кругу, тесно связать ее с творчеством самого комментатора Мартина Ланского и с деятельностью его сотрудников и преемников.

В опубликованной в 1928 г. статье о ленинградском списке VIII в. «Церковной истории английского народа» Беды Достопочтенного (Lat. Q., v. I, № 18) О. А. Добиаш-Рождественская высказала ошибочное мнение, что в инициале на л. 26 об. изображен Августин, креститель англоv⁴. Издатели каталога благоразумно исключили статью из перечня

² *Dobiasz-Rožděstvenskaia O. Histoire de l'atelier graphique de Corbie de 651 á 830. Leningrad, 1934. S. 164—166; Добиаш-Рождественская О. А. Древнейшие латинские рукописи ГПБ: Каталог рукописей VIII — начала IX в. JL., 1965. С. 98—100.*

³ *Préaux J. G. Un nouveau manuscrit de Saint-Gall; Le Bruxellensis 9565—9566 // Scriptorium. 1956. T. X, N 2. P. 224—228.*

⁴ *Un manuscrit de Bède à Léningrad // Speculum. 1928. 3 P. 316.*

литературы об этой рукописи. Однако в 1964 г. Дом П. Мейваер убедительно доказал, что в инициале изображен папа Григорий Великий; причем привел матерпал, исходя из которого естественно прийти к мысли, что англосаксонский мастер VIII в. воспроизвел образец, повторяющий прижизненный портрет Григория Великого (умершего в 604 г.)⁵. Авторитетный исследователь ранних англосаксонских иллюминированных рукописей Дж. Дж. Г. Александер, на работу которого ссылаются авторы каталога, принял и развил эту атрибуцию. Очевидно, в инициале ленинградской рукописи надо видеть редчайшее портретное изображение видного исторического деятеля и писателя VI—VII вв. Здесь составители каталога выказали, пожалуй, чрезмерную осторожность, представив изображение как анонимное.

Закljučая этот краткий разбор описаний отдельных рукописей, укажем на необходимость еще одного небольшого уточнения. Кодекс с текстом четырех евангелий (Lat. Q., v. I, № 31) датирован в описании IX в., и эта датировка не подлежит сомнению. Но следовало бы указать особо, что упомянутые в описании изображения евангелистов были выполнены в более позднее время, нежели текст, — в этом убеждены современные исследователи⁶. Знатор раннесредневековой иконографии евангелистов А. Беклер твердо датирует изображения ев. Матфея и ев. Иоанна XI столетием и указывает их прототипы первой четверти IX в. Указание на его работу было бы нелишним в списке литературы об этой рукописи⁷.

Уже на немногих приведенных нами примерах можно видеть, что авторы описания устранили большие неточности, имевшиеся в ранее изданных каталогах и описаниях, и внесли весьма существенные дополнения, хотя и пожертвовали кое-где важными деталями, стараясь быть предельно осторожными. Основное значение опубликованного описания не только в том, что оно отразило, как сказано самими авторами, современный состав и объем фонда латинских рукописей Публичной библиотеки, но прежде всего в том, что оно отразило современный уровень и объем научных знаний об этих рукописях: важное значение описания заключается в довольно тщательном учете всей накопившейся за многие десятилетия литературы о представленных в описании рукописях, в осторожном обобщении результатов новейших исследований. Составители описания весьма рационально организовали свою работу, и благодаря этому исследователи средневековых латинских рукописей своевременно получили очень удобный ключ к важной части рукописных сокровищ Публичной библиотеки.

Значение выполненной работы не снижается теми упущениями, которые связаны с общей, в основном оправданной, установкой на лаконичность описаний. Следует, однако, еще указать на некоторые недочеты общего порядка. Так, авторы каталога обычно не усложняют описаний цитированием начальных и заключительных слов текста, отсылая к другой, более подробной справочной литературе. Но ввиду единообразия описаний они редко вводят *incipit* и *explicit* и там, где такой литературы нет. Вследствие этого порой бывает трудно судить, какие именно фрагменты или какие редакции важных текстов содержатся в рукописях Публичной библиотеки. Другое важное упущение состоит в отсутствии сведений о письме. Если этого нельзя в полной мере утверждать в отношении рукописей XII в., то, во всяком случае, для рукописного наследия раннего средневековья характерно употребление устойчивых, весьма выразительных по своему стилистическому облику и структуре, не похожих один на другой типов письма, простое указание на которые сразу соз-

⁵ *Meyvaert Dom P. Bede and the Gregory the Great. Jarrow Lectures. 1964. P. 3—4.*

⁶ *Charlemagne. Oeuvre. Rayonnement et Survivances. X-me Exposition. Catalogue. Aix-la-Chapelle, 1965. N 477.*

⁷ *Boeckler A. Die Evangelistenbilder der Adagruppe // Münchener Jahrbuch der bildenden Kunst. 3. Folge. Bd. 3—4, 1952—53. S. 122.*

дает определенное представление о принадлежности рукописи определенному культурному кругу и в известной мере о ее назначении.

Расположение описаний в каталоге и его построение в целом заслуживает, насколько можем судить, полного одобрения. Благодаря расположению описаний по столетиям и внутри хронологических разделов по предмету сплошной просмотр каталога оказывается весьма поучительным не только для историка раннесредневековой культуры широкого профиля, но и для палеографа со специальным интересом к рукописям определенного круга, заранее знающего, какие именно важные для него рукописи имеются в фондах ГПБ. Ведь в таком расположении описаний в известной мере повторяются те исторические связи, которые существуют между отдельными рукописями. Алфавитный указатель позволяет легко и быстро найти рукопись, содержащую интересующий исследователя текст. Напротив, расположение самих описаний в алфавитном порядке было бы тем менее оправданным, что латинские названия значительной части литературных памятников условны и некоторые не имеют достаточно устойчивой традиции, с течением времени может измениться и атрибуция того или иного сочинения определенному автору.

Относительно алфавитного указателя сделаем только одно замечание. Основное имя Марциана Капеллы — Марциан, и именно им должно было быть определено место этого автора в указателе.

В заключение отметим, что опубликованный в виде краткого описания каталог включает в себе важный стимул к дальнейшему изучению отечественными учеными ранних латинских рукописей Публичной библиотеки. Благодаря доступности каталога, вышедшего достаточно большим тиражом (1000 экз.), благодаря его репрезентативному характеру, который определен одинаково и тем, что материал краткого описания легко обозрим, и тем, что он хорошо организован, каталог должен привлечь внимание медиевистов, как историков, так и филологов и искусствоведов, а равно и филологов-классиков к подлинным памятникам истории, литературы и искусства, хранящимся в ГПБ⁸.

⁸ Описание аннотировано в периодических изданиях. См.: Уколова В. И. // СВ. М., 1985. Вып. 48. С. 352; L. K. // Scriptorium. 1984. N 1. Bulletin codicologique. № 179.

Л. И. Киселева

ПРОБЛЕМЫ ОПИСАНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ РУКОПИСЕЙ¹

30-й т. трудов Библиотеки герцога Августа в Вольфенбюттеле целиком посвящен международной конференции, организованной библиотекой Ягеллонского университета, состоявшейся в Магеланах (под Краковом) 20—24 июня 1983 г. Главная тема конференции — проблемы описания средневековых рукописей. В сборнике 28 статей (переработанных докладов), большая часть которых подводит итоги описанию рукописей и составлению каталогов. Среди них: «Описание средневековых рукописей в Чехословакии» П. Спупера (Прага), «О новом каталоге средневековых рукописей Ягеллонской библиотеки. Проблемы, трудности, перспектива» С. Влодек (Краков), «Каталогизирование средневековых рукописей в ГДР, главным образом в городской библиотеке Берлина» У. Винтер (Берлин), «Собрания западноевропейских средневековых рукописей в СССР и их научное описание» Л. Киселевой, «Современное состояние описания рукописей в Австрии» О. Мазалья (Вена), «Описание средневековых рукописей в ФРГ» Г. Повица (Франкфурт-на-Майне), «Учет и описание средневековых рукописей в Нижней Саксонии» Х. Хертеля

¹ Wolfenbütteler Forschungen. Herzog August Bibliothek. Wolfenbüttel, 1986. Bd. 30.

(Вольфенбютель). Ряд статей посвящен методологическим вопросам, в других ставятся общие проблемы. Обратим внимание на некоторые, с нашей точки зрения, наиболее интересные.

Статья крупнейшего французского исследователя средневековых рукописей М. Т. д'Альверни (Париж) носит характер методических указаний для работы при описании каталогов средневековых рукописей. Автор считает, что каталоги могут быть составлены по странам, хранилищам, собраниям; при этом описания должны включать как палеографические, так и кодикологические сведения. Особое внимание обращается на значимость кодикологических сведений для исследования содержания рукописей, выявления авторов и писцов, поскольку для ученых наибольший интерес представляют автографы или рукописи, наиболее близкие к ним. К статье приложен список рекомендательной литературы, включающий справочники по репертуару сочинений средневековых и античных авторов, по отраслям науки, список работ с начальными словами произведений (инципиты); указаны основные исследования в области кодикологии, иллюминирования рукописей, истории библиотек; перечислены все каталоги датированных рукописей, опубликованные к тому времени.

В статье С. Влодек (Краков) ставятся проблемы сотрудничества между библиотекарями и историками, что весьма плодотворно сказалось на практике работы Ягеллонской библиотеки. Проблемы описания разнообразных по содержанию рукописей решаются коллективом разных специалистов. По ее мнению, описание рукописей должно сохранять индивидуальные особенности, чтобы передать «дух» рукописи. Проблема единообразного содержания определяется редактором.

Несколько статей посвящены палеографии. Так, М. Ковальчик (Краков) знакомит с опытом работы по определению почерков, выявлению автографов по рукописям Ягеллонской библиотеки. Автор подчеркивает, что проблема носит исторический характер, так как выявление автографов имеет значение не только для изучения письма, но и для системы образования и обучения, а также для истории Ягеллонского университета. Благодаря такой работе выявлены почерки профессоров, писцов, переписывавших книги для университета в XV в. Знание почерков позволяет определить время появления разных дискуссионных вопросов и новых сочинений. Именно поэтому необходимо сопроводить каждое описание подробной характеристикой особенностей письма.

В статье М. К. Витали «Рукопись — печатная книга XV—XVI вв. Задача параллельного изучения с точки зрения палеографии» обращается внимание на сравнительное изучение письма и шрифта. Такое исследование, по мнению автора, особенно плодотворно, когда сравниваются шрифты печатника (или издателя), который прежде был писцом. Как правило, в этом случае шрифт имеет сходство с его почерком.

Ряд статей посвящен особенностям тематических рукописей и методике составления тематических каталогов. Таковы статьи Е. Добржицкого (Варшава) «О методике обработки астрономических и математических рукописей средневековья», М. Плезия (Краков) «Рукописи античных авторов в библиотеках Кракова», М. Марковского (Краков) «Комментарии на Аристотеля в Ягеллонской библиотеке, Городской библиотеке Праги и Национальной библиотеке Вены» (выявлено 909 комментариев). Выявление и описание рукописей одной тематики решает одновременно многие источниковедческие задачи.

Проблемы описания рукописей тесным образом переплетаются с проблемой идентификации текстов. Статья Е. Бурхардта (Вроцлав) посвящена новым спискам работы Витело «Перспектива», написанной в 1270—1272 гг. В статье Е. Затея (Краков) проблемы идентификации текстов рассматриваются на примере автографов и списков сочинений известного гуманиста Филиппа Каллимаха Буоначчорси, деятельность которого была связана с Италией и Польшей. Работы Каллимаха трудно идентифицировать, так как он подписывал их разными именами. Многие тексты менялись как самим автором, так и переписчиками. Именно ка-

талогизационная работа, по мнению Е. Затея, раскрывает возможности идентификации текстов и выявления списков сочинений.

Составление тематических каталогов рукописей способствует расширению источниковой базы исторического исследования. Эта мысль приводится в статьях И. Главачека (Прага) «Учебная книга Пражского университета в предгуситский период» и Э. Подковского (Варшава) «Церковная публицистика в позднесредневековых рукописях в Польше».

Вольфенбютельский сборник отводит большое внимание проблемам кодикологии и новым методам исследования и описания рукописей. Статья французского исследователя Жильбера Уи (Париж) называется так: «Будущее репертуаров средневековых рукописей: что принесет вычислительная машина — гармонию или хаос?» Автор, впервые 25 лет назад привлек внимание медиевистов к роли, которую должна сыграть вычислительная техника в деле описания рукописей. Тогда такие задачи казались утопическими. Сейчас положение изменилось, вычислительные машины проникли в библиотеки и хорошо себя зарекомендовали в решении проблем библиографической документации. В Институте исследования и истории текстов в Париже была составлена инструкция по описанию рукописей для обработки ЭВМ². Эксперименты, проведенные с материалом владельческих помет и записей, дали интересные результаты. В Италии Центральный институт сводного каталога итальянских библиотек активно интересуется этой проблемой, начав изучать проект и составлять программы.

Ж. Уи считает, что технический прогресс может существенно помочь в решении многих библиотечных задач, освободив от однообразных работ, которые машина выполнит точнее, чем человек, а библиотекарь будет иметь возможность проводить другие изыскания. Ж. Уи убежден, что результаты машинной обработки, полученные в разных библиотеках, легко и быстро можно с помощью машины свести в единый справочный свод, способный в считанные доли минуты предоставить ответ на вопросы, которые сейчас при традиционных поисках требуют огромного времени. Таким способом можно получить списки работ интересующих авторов, узнать количество пергаменных или бумажных рукописей в разных регионах, получить сведения об иллюстрированных рукописях или отдельных владельцах и т. д. Однако Ж. Уи предупреждает, что если отдельные страны, в библиотеках которых хранятся средневековые западноевропейские рукописи, будут вырабатывать свои программы, то впоследствии будет трудно, а в некоторых случаях невозможно свести все в единую систему. И тогда традиционный инвентарь будет выглядеть порядком в беспорядке «электронной Вавилонской башни», а в результате могут пострадать будущие исследования историков, лингвистов, литературоведов и других специалистов. Именно поэтому Ж. Уи считает необходимым объединить усилия всех библиотекарей-медиевистов и собрать международный коллоквиум по проблемам репертуара и машинной обработки рукописей. Такое научное сотрудничество, по мнению Ж. Уи, будет весьма плодотворным.

Об опыте практической работы по описанию рукописей с использованием ЭВМ и составлению кодикологического каталога рассказано в статье А. Груиса (Нимеген) «Информатика на службе кодикологии». Студенты университета Нимегена под руководством Груиса описали средневековые рукописи университетской библиотеки по программе, составленной Костером. Описания были предельно формализованы. Программа названа «Syntax Driven Data Recorder». Она способна выполнять следующее: 1) регистрировать описания; 2) составлять определенную последовательность независимо от рубрик, вводимых в машину; 3) исправлять; 4) вводить новые сведения; 5) составлять всевозможные индек-

² Guide pour l'élaboration d'une notice de manuscrit. Paris, 1977. Инструкция была переведена на русский язык для Международной конференции СИБАЛ: Инструкция по составлению описания рукописи / Пер. Л. И. Киселевой; Под ред. проф. А. Д. Люблинской. София, 1982. Ротапр. См.: АЕ за 1979 год. М., 1981. С. 298–300.

сы элементов описания (например, имен авторов, владельцев, инициалы и т. п.); 6) выдавать по мере необходимости всевозможные данные; 7) воспроизводить (в любом количестве) готовые описания (полностью или частично). В статье имеется схема описания для составления единой образной формы описания и выработки международных норм и правил для использования их при создании программы.

Сборник, изданный в Вольфенбюттеле, чрезвычайно интересен и полезен для всех, кто работает с рукописями; он знакомит с новыми методами работы, информирует о достижениях и способствует дальнейшему прогрессу в области описания рукописей.

С. В. Чирков

КНИГА ОБ УЧИТЕЛЕ

Историографическую работу об ученом, выполненную его учеником, зачастую отличает невольный субъективизм. Не потому, чтобы ученик сознательно хотел исказить факты, зависить оценки или создать апологию своего идеала. Просто обаяние личности большого ученого оказывается таким сильным, что способно зачаровать исследователя, лишив возможности критического анализа даже через годы, прошедшие после непосредственного живого общения. В недавно вышедшей биографической книге об академике М. Н. Тихомирове¹ его ученица профессор Е. В. Чистякова счастливо избежала подобного субъективизма. Сказался опыт историографического исследования, которое является одним из направлений ее разносторонней научно-педагогической деятельности. Сказался присущий исследователю привитый пройденной научной школой высокоответственный подход к изучаемой теме. Сказалась, наконец, та работа по исследованию разных сторон творчества учителя, какую Е. В. Чистякова проделала в своих предшествующих статьях о нем².

Поставив в своей монографии цель дать представление о творческом пути крупнейшего советского историка академика Михаила Николаевича Тихомирова и рассмотреть основные направления его исследований по истории России эпохи феодализма, Е. В. Чистякова подошла к решению этой задачи как объективный биограф и эрудированный историк науки. Рамки краткого научно-популярного очерка, конечно, ограничивали возможности всестороннего исследования творчества ученого. В книге, как отмечает в предисловии ее редактор В. И. Буганов, то открыто, то скрыто звучит личностная нота, что не дает читателю забыть: о жизни и творчестве своего наставника пишет ученица. Однако «мемуарные» моменты не означают субъективизм, они лишь придают стилю изложения эмоциональную окраску сердечности.

¹ Чистякова Е. В. Михаил Николаевич Тихомиров (1893–1965). М., 1987.

² Чистякова Е. В. М. Н. Тихомиров как палеограф-педагог // АЕ за 1969 год. М., 1971; Она же. М. Н. Тихомиров как историк русского феодального города // АЕ за 1976 год. М., 1977; Она же. Проблемы древнерусского города в трудах академика М. Н. Тихомирова // Историография и источниковедение: Сб. науч. тр. М., 1977; Она же. Русская рукописная книга в творчестве академика М. Н. Тихомирова // АЕ за 1978 год. М., 1979; Она же. Материалы Б. Д. Грекова в рукописном наследии М. Н. Тихомирова // Исследования по истории и историографии феодализма: К 100-летию со дня рождения академика Б. Д. Грекова. М., 1982; Она же. Памятники письменности Армении в научном творчестве академика М. Н. Тихомирова // СА. 1983. № 6; Она же. Письменный источник в трудах академика М. Н. Тихомирова: (К 90-летию со дня рождения) // ИСССР. 1983. № 5; Она же. Академик М. Н. Тихомиров и Армения // ВАН АрмССР. Обществ. науки. 1983. № 10; То же // АЕ за 1983 год. М., 1985; Она же. Труды академика М. Н. Тихомирова по истории русского книгопечатания // Историография истории СССР: Проблемы преподавания и изучения. Калинин, 1985; Она же. Публикации академика М. Н. Тихомирова по проблемам славяноведения // Историографический сборник. Саратов, 1987. Вып. 13.

В первой главе книги кратко изложена фактическая каша жизни М. Н. Тихомирова, намечены основные вехи его научного и педагогического пути. Во второй и третьей главах рассмотрены проблемы источниковедения, историографии, специальных исторических дисциплин в трудах ученого. Четвертая глава освещает такие проблемы истории Древней Руси в исследованиях М. Н. Тихомирова, как развитие феодальных отношений, история древнерусских городов, классовой борьбы в Киевской Руси. В пятой главе рассмотрены исследования о средневековой Москве, складывании Российского государства и его аппарата власти, классовой борьбе в России XVII столетия. Шестая глава посвящена одной из крупных проблем древнерусской культуры, изучавшихся М. Н. Тихомировым,— истории книгопечатания в России. Книга имеет вступление и заключение, примечания с перечнем использованной литературы и источников, снабжена именованным указателем, облегчающим отыскание нужных сведений.

При работе над монографией Чистякова тщательно изучила значительный источниковый материал. Это, прежде всего, опубликованные труды Тихомирова. Следует отметить, что к исследованию привлечены не только широко известные монографии и статьи, собранные в посмертно изданных сборниках, но и сравнительно мелкие по объему и малоизвестные работы ученого; иногда использованы даже косвенные сведения о несохранившихся работах (скажем, опубликованные С. О. Шмидтом и С. Б. Филимоновым материалы с работы Тихомирова в культурно-исторической секции Общества изучения Московской губернии, позднее области). Автором использованы многие материалы, в том числе и биографические, личного фонда М. Н. Тихомирова в Архиве АН СССР, а также документы других фондов, относящиеся к деятельности ученого. Немаловажным источником при написании книги стали и личные воспоминания самой Чистяковой и других учеников Тихомирова, умело и тактично введенные для характеристики его личности. Детально изучена автором и литература о Тихомирове, вышедшая до сей поры³.

Особый интерес вызывают страницы книги, посвященные проблематике источниковедения и специальных исторических дисциплин в трудах Тихомирова, который был признанным мастером исследования исторических источников, а также внес крупнейший вклад в дело становления источниковедения как учебной дисциплины в советских высших учебных заведениях. Чистякова на убедительных примерах демонстрирует виртуозное владение ученым тончайшей исследовательской методикой, не только основанной на достигнутом источниковедении уровне, но и почти всегда обогащенной новаторским подходом к источнику. Тихомирову удалось в давно известном письменном памятнике увидеть такие особенности, какие не были замечены предыдущими исследователями. В этом помогли ему глубочайшие знания в области палеографии, текстологии, исторической географии, лингвистики, топонимики и других дисциплин. Его источниковедческий анализ обогащался постоянным обращением к данным археологии, этнографии и других сопредельных историй наук. Тихомиров стал одним из создателей новой специальной исторической дисциплины — берестологии. К этим выводам Чистяковой можно было бы добавить, что и проблематика такой новой специальной исторической дисциплины, как имагология, нашла отражение в незаконченной рукописи статьи Тихомирова «Русские географические познания о восточных странах в XIII—XV веках». Существенно обогатить представление о роли специальных исторических дисциплин в творчестве Тихомирова могло бы обращение к его трудам по истории русской культуры, оставшимся, к сожалению, за пределами рассмотренной в книге тематики. В частности, пуждается в выяснении вопрос, в какой мере предметная область той или иной дисциплины понималась ученым в контексте истории культуры.

³ Обзор историографических исследований творчества М. Н. Тихомирова см.: Шмидт С. О. О наследии академика М. Н. Тихомирова // ВИ. 1983. № 12.

Думается, что следовало бы больше внимания уделить роли археографии в научном творчестве Тихомирова. Не случайно археографические работы по отысканию и приведению в известность письменных памятников, их описанию и издашию сопутствовали всем периодам деятельности ученого, начиная с работы в Дмитрове и Самаре. Изучение рукописей Исторического музея и открытие в их составе неизвестных произведений древнерусской литературы тоже несомненно археографическая работа. Не случайно ее результаты и предлагались Тихомировым для опубликования Археографической комиссии в 20-х годах. (Взаимоотношения ученого с различными научными учреждениями — отдельная тема, которую важно было бы изучить.) Одной из замечательных особенностей Тихомирова-исследователя было то, что он не ограничивался источниковедческим изучением (вести его можно и по изданиям источников), а уделял огромное внимание той области археографической работы с письменными памятниками, которая предшествует собственно изучению источников для извлечения из них исторической информации. Это археографическое изучение составляет как бы основание, нижний этаж (по определению Д. С. Лихачева) научной исторической постройки. Справедливо полагая, что такого рода изучение (как и издание памятников) даст наиболее прочные выводы и является наиболее долговечным вкладом в науку, Тихомиров в этой области активно взаимодействовал с такими учеными, с которыми расходился, например, в актовом источниковедении (с С. Н. Валком). Здесь же стоит отметить и вклад Тихомирова в дело охраны исторических памятников (в том числе письменных, в связи с чем он не раз поднимал проблемы архивоведения). В наши дни, когда на их охрану выступает целое общественное движение, было бы полезно напомнить, что в годы, совсем для того неблагоприятные, ученый возвысил голос в защиту некрополей и полей исторических сражений, положил много сил для содействия развитию краеведения в различных областях страны.

Видимо, выходя за рамки изучения, установленные в книге Чистяковой, вопрос об отношении Тихомирова и его научно-педагогических методов к определенным школам или течениям в отечественной историографии. Разумеется, он был в общемировоззренческом плане выдающимся представителем советской марксистско-ленинской исторической науки. В книге намечена, хотя и нуждается в более подробном выяснении, эволюция взглядов ученого от выполненного в целом в духе концепции Н. П. Павлова-Сильванского очерка «Феодальный порядок на Руси» (1930) к новейшим методологическим установкам. Но наблюдения Чистяковой дают ценный материал и для некоторых уточнений места историка в науке в том плане, в каком сам он представлял себе сущность научных школ: «те самые группы... которые имеют определенные методы разработки источников». Способность Тихомирова проникать в эпоху, создавшую источник, живо и конкретно, не только социально-психологически, но и художественно представлять человека прошлого, стоящего за каждой строкой памятника, как кажется, восходит к научной школе Ключевского, традиции которого в Московском университете могли влиять на Тихомирова-студента. Другая, может быть важнейшая, причина — в художественном, моцартовском складе творческой природы Михаила Николаевича. Наряду с шутливыми стихами и пародиями, приведенными в книге, следовало бы обратить внимание и на «серьезные» стихи ученого, сохранившиеся в архиве. А когда говорится о статье, посвященной разбору «Слова о погибели Русской земли», стоило бы упомянуть о том, что Тихомирову принадлежит стихотворное переложение этого замечательного патристического памятника русской литературы XIII в. В соответствии с традицией этими стихами Тихомиров начинал свою неоконченную поэму «Александр Невский»:

«О, великая / И могучая / Светло светлая / Земля Русская. / От Карпатских гор / К морю Белому, / Как цветной шатер / Ты раскинулась. / Всем наполнена, / Всем украшена, / Светло светлая / Земля Рус-

ская. / По тебе текут / Реки быстрые; / Чащи темные, / Как стена стоят; / Звери дикие / В дебрях кроются; / Птицы пестрые / На ветвях поют. / На полях твоих / В летних месяцах / Жатвы тучные / Наливаются. / Всем наполнена, / Всем украшена / Светло светлая / Земля Русская»⁴.

Книга Е. В. Чистяковой положила удачное начало монографическому изучению жизни и творчества академика М. Н. Тихомирова. Но ею не исчерпан ни материал, ни проблематика такого изучения. Книга эта останется той основой, на которую, надо надеяться, будут опираться новые исследования.

⁴ ААН. Ф. 693. Оп. 1. Д. 201. Л. 45, 46.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ ТРУДОВ В. И. БУГАНОВА *

20 октября 1988 г. исполнилось 60 лет видному советскому историку, источниковеду и археографу, заведующему сектором источниковедения Института истории СССР АН СССР, доктору исторических наук, профессору Виктору Ивановичу Буганову.

1956

Рец.: Ценное пособие (Обзор документальных материалов ЦГАДА по истории СССР периода феодализма, XI—XVI вв./Сост. В. Н. Шумиловым; Под ред. М. Н. Тихомирова. М., 1954. 187 с.) // ИА. 1956. № 2. С. 234—237.

1957

«Государев разряд» 1556 г. и реформы 50-х гг. XVI в. // ИСССР. № 5. С. 220—231.

Подгот. публ., вступ. ст., коммент.: Сказание о смерти Федора Ивановича и воцарении Б. Годунова (записи в разрядной книге) // ЗОР ГБЛ. Вып. 19. С. 167—184.

Подгот. публ., вступ. ст., коммент.: Описание Московского восстания 1648 г. в Архивном сборнике // ИА. № 4. С. 227—230.

Рец. на кн.: Очерки истории СССР, Конец XVIII — первая четверть XIX в. Л., 1956. 416 с. // ВИ. 1957. № 4. С. 146—150. Совм. с М. Г. Вандалковской.

1958

Обзор списков разрядных книг последней четверти XV — начала XVII вв. // ПИ. Вып. VI. С. 152—219.

Сокращенная редакция разрядных книг 1559—1605 гг. // АЕ за 1957 год. М. С. 88—104.

Разрядная книга Д. М. Пожарского // ЗОР ГБЛ. Вып. 20. С. 90—104.

Подгот. публ., вступ. ст., коммент.: Грамота ливенскому воеводе И. О. Полеву (из истории организации сторожевой и станичной службы на юге России в конце XVI в.) // Там же. С. 177—185.

1959

Разрядные книги последней четверти

XV — первой половины XVII вв.: Учеб. пособие. М. 98 с.

Новые источники о Московском восстании 25 июля 1662 г. // ПИ. Вып. VII. С. 348—356.

«Государев разряд» первой половины XVII в. // ПИ. Вып. VIII. С. 361—371.

Следствие о Московском восстании 1662 г. // ИЗ. Т. 65. С. 278—302.

К вопросу о Московском восстании 1662 года // ВИ. № 5. С. 160—175.

Разрядные книги как памятник русской культуры // ВИМК. № 6. С. 105—111.

Подгот. публ., вступ. статья: Документы о сражении при Молодях в 1572 г. // ИА. № 4. С. 166—183.

Сост. (совм. с М. Н. Тихомировым, Т. Н. Протасьевой, М. В. Щепкиной): Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ. Т. 26. 413 с.

Рец.: Сборник документов об отношениях России и Китая в конце XVII — начале XX вв. (Русско-китайские отношения. 1689—1916. Официальные документы. М., 1958. 139 с.) // ВИМК. № 5. С. 139—144.

Рец.: Документы о русско-индийских связях в XVII в. (Русско-индийские отношения в XVII в.: Сб. документов. М., 1958. 455 с.) // ВИМК. № 4. С. 186—192.

1960

О социальном составе участников Московского восстания 1662 г. // ИЗ. Т. 66. С. 312—317.

Записки современника о Московских восстаниях 1648 и 1662 гг. // АЕ за 1958 год. М. С. 98—113.

Методы работы В. И. Ленина над статистическими источниками // ВИ. № 7. С. 44—58.

Подгот. публ.: Описание похода на Югорскую землю в 1499—1500 гг. // Хресто-

* Составитель А. П. Богданов. См. также: *Богданов А. П.* Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода в трудах В. И. Буганова // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1988. С. 3—24.

В списке не указаны многочисленные газетные статьи В. И. Буганова и его работа в составе редколлегии различных изданий, в том числе продолжающихся и периодических: Летописи и хроники (зам. отв. ред. с 1974 г.); Источниковедение отечественной истории (с 1976 г.); Наука сегодня. Ежегодник (с 1977 г.); Советские архивы (с 1982 г.) и др.

матия по истории СССР с древнейших времен до конца XV в. М. № 101. С. 599—600.

Подгот. публ., вступ. ст.: Засечная книга 1638 года // ЗОР ГБЛ. Вып. 23. С. 181—253.

Рец.: К изучению папской политики на Руси в X—XV вв. (Рамм Б. Я. Папство и Русь в X—XV вв. М.; Л., 1959. 283 с.) // СВ. Вып. XVIII. С. 249—256. Совм. с С. А. Асиновской.

Рец. на кн.: Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства 50-х гг. XVI в. М.; Л., 1958. 516 с. // ИСССР. № 4. С. 170—176.

1961

Сокращенная редакция разрядных книг 1550—1636 гг. // ПИ. Вып. IX. С. 270—279.

Редакции «Государева разряда» 1585 г. // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма. М. С. 242—246.

«Государев разряд» 1584 г. по списку БАН // Труды Библиотеки АН СССР и Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР. Т. V. С. 167—174.

Подгот. публ., вступ. ст.: Новые материалы о московских восстаниях XVII в. // ИА. № 1. С. 144—153. Совм. с В. А. Кучкиным.

1962

Разрядные книги последней четверти XV — начала XVII вв. М. 263 с.

Земская статистика крестьянского хозяйства в работе В. И. Ленина «Развитие капитализма в России» // ПИ. Вып. X. С. 19—49.

О некоторых приемах научного исследования статистических источников о мелкой промышленности в работах В. И. Ленина 1890-х годов // АЕ за 1960 год. М. С. 112—128.

Послание Ивана Грозного 1573 г. // ИА. № 3. С. 221—223.

О Городовом приказе в России XVI в. // ВИ. № 10. С. 211—214.

Подгот. публ., примеч.: Описание Московского восстания 1662 г., отрывки из Повести о Московском восстании 1682 г. // Хрестоматия истории СССР XVI—XVII вв. М. № 124. С. 448—454; № 131. С. 471.

Подгот. публ., вступ. ст.: Повесть о победе над крымскими татарами в 1572 г. // Там же. № 49. С. 182—185.

Подгот. публ., вступ. ст., коммент.: Документы о Ливонской войне // АЕ за 1960 год. М. С. 264—272.

Подгот. публ., вступ. ст., коммент.: Повесть о победе над крымскими татарами в 1572 году // АЕ за 1961 год. М. С. 259—275.

Подгот. публ., вступ. ст., коммент.: Новый документ о ссылке участников «медного бунта» 1662 г. // ИА. № 4. С. 233—234.

Рец. на кн.: Тихомиров М. Н., Елифанов П. П. Соборное уложение 1649 года. М., 1961. 444 с. // ВИ. № 11. С. 153—154. Совм. с В. И. Лебедевым.

Рец. на кн.: Тихомиров М. Н. Краткие

заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962. 184 с. // Москва. № 9. С. 216—217.

1963

О списках Вологодско-Пермской летописи // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран: Сборник статей к 70-летию акад. М. Н. Тихомирова. М. С. 158—165.

Источниковедение в трудах академика М. Н. Тихомирова: (К 70-летию со дня рождения) // ПИ. Вып. XI. С. 514—527.

Сыскные дела о Московском восстании 1662 г. // Там же. С. 322—337.

Исаак Уриелевич Будовниц // ИЗ. Т. 74. С. 286—297. Совм. с Н. В. Устюговым.

Рец. на кн.: Документы о крестьянской войне под предводительством Степана Разина: Сб. документов. М. 1954—1962. Т. 1—3. // ВИ. № 8. С. 128—132.

Рец.: Новое исследование о Булавине (Подьяпольская Е. П. Восстание Булавина 1707—1709. М., 1962. 216 с.) // ВИ. № 12. С. 124—127. Совм. с В. И. Лебедевым.

Рец. на кн.: Лекции Т. Н. Грановского по истории средневековья (авторский конспект и записи слушателей). М., 1961. 240 с. // ИСССР. № 1. С. 201—202. Совм. с Н. А. Денисовой.

1964

Московское восстание 1662 года. М. 136 с.

К вопросу о русском феодальном землевладении в Прибалтике в годы Ливонской войны // Тез. докл. и сообщ. 7 (Кишиневской) сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (октябрь 1964 г.). Кишинев. С. 53—55.

Про деякі методи роботи В. І. Леніна над джерелами в праці «імперіалізм, як найвища стадія капіталізму» // УІЖ. № 4. С. 87—93.

Подгот. публ., вступ. ст., коммент.: Восстание 1662 г. в Москве: Сб. документов. М. 306 с.

Подгот. публ., вступ. ст., коммент.: Новый источник о Московском восстании 1682 г. // Труды ЛОИИ. Вып. 7. С. 318—324.

1965

Михаил Николаевич Тихомиров // ИЗ. Т. 76. С. 292—307.

Источники разрядных книг последней четверти XV — начала XVII в. // Там же. С. 216—229.

Загадки генеалогии // ВИ. № 2. С. 212—219 (псевдоним: В. И. Викторов).

Новейшая советская литература о крестьянских и городских движениях в России (XI—XVIII вв.) // ВИ. № 3. С. 127—139 (псевдоним: В. И. Кириллов).

Кто был главным предводителем «Медного бунта» 1662 года в Москве? // Там же. С. 209—210.

Памяти М. Н. Тихомирова // ИСССР. № 5. С. 217—232.

Источниковедческий анализ документов о Московском восстании 1682 года // ВА. № 1. С. 52—55.

Histoire breve de la Russie et de L'URSS: De l'ansietre de L'age de pierre a Ivan le

Terrible // Etudes sovietiques. Paris. Juin. L'epaque des querres paysannes // Ibid. Jouilletaout. Trois generations de revolutionnaires // Ibid. Septembre. Une periode de mempetes et d'assaut // Ibid. Octobre. De la viktoire de la revolution sozialiste au Trionphe du socialisme // Ibid. Novembre. La grande guerre nationale et les Vingt annees d'apres guerre. // Ibid. Decembre. Ellas kai Sobietik n Enon // Politikn — oikonomikn Erevna. Aehnai.

Главы по истории России второй половины XVII — начала XX в. // URSS. Mexiko; Ibid. // URSS. Montevedeo; Ibid // Novedades de la Union Sovietika. Buenos Aires; Ibid // La Historia de la URSS en dibujoe. Mexiko, 1967.

Подгот. публ., вступ. ст., коммент.: Переписка Городового приказа с воеводами ливонских городов в 1577—1578 гг. // АЕ за 1964 год. М. С. 290—315.

Рец.: Важное научное издание Археографической комиссии (Археографический ежегодник за 1957, 1958, 1959, 1960, 1961, 1962 годы) // ВИ. № 4. С. 120—129. Совм. с В. И. Шунковым, В. И. Коренкиным.

Рец.: Сборник статей по источниковедению (Вопросы источниковедения истории СССР / Под ред. Е. А. Лунцкого. М., 1960. 495 с. ТМГИАИ, т. 17) // ИСССР. № 1. С. 157—161. Совм. с В. В. Фарсобиным.

1966

К истории Московского восстания 1682 г. // Города феодальной России. М. С. 319—327.

Слово и дело государево // ВИ. № 3. С. 215—218 (псевдоним: В. И. Марьин). В преображенских застенках // ВИ. № 5. С. 216—218 (псевдоним: В. И. Домов). Русское летописание в советской историографии // ВИ. № 12. С. 143—155.

Источниковедение истории советского общества // ИСССР. № 1. С. 164—167. Московские восстания последней четверти XVII в. в дореволюционной и советской историографии // ИСССР. № 2. С. 105—115.

Подгот. публ., вступ. ст.: Разрядная книга 1475—1598 гг. М. 614 с.

Вступ. ст., ред.: История СССР. С древнейших времен до наших дней. М. Т. II. Совм. с М. И. Тихомировым, Л. Г. Бескровным, А. А. Зиминным.

Рец. на кн.: Копыцкий З. Ю. Экономическая история городов Белоруссии в XVI — первой половине XVII в. Минск, 1966. 227 с. // Весні АН БССР. Серия грамадзкіх наук. № 3. Совм. с Л. Л. Муравьевой.

1967

Крестьянская война под предводительством С. Т. Разина // История СССР. С древнейших времен до наших дней. М. Т. III. Гл. V. С. 84—98.

Накануне преобразований // Там же. Гл. VI. § 1—3. С. 114—127.

Летописные известия о Московском восстании 1682 г. // Новое о прошлом нашей страны. М. С. 310—319.

Поход Ермака на Казань и возникнове-

ние исторических песен о Ермаке // Учен. зап. Казан. пед. ин-та. Казань. Вып. 50. Кафедра истории СССР. Сб. 2. С. 3—13. Совм. с А. А. Зиминным.

Тайная канцелярия XVIII в. // ВИ. № 12. С. 205—209 (псевдоним: В. И. Кириллов).

Подгот. публ., вступ. ст.: Повесть о Московском восстании 1682 года // Древнерусская литература и ее связи с новым временем. М. С. 317—354.

Подгот. публ., вступ. ст., коммент.: Новый источник о волнениях крестьян Ростовского уезда в 1682 г. // Труды ЛОИИ. Вып. 9. С. 329—332.

1968

Освободительная борьба украинского и белорусского народов в середине XVII в. против ишоземного угнетения: Воссоединение с Россией // Страницы боевого прошлого. М. С. 56—72.

Из истории Московского восстания 1682 г. // Славяне и Русь. М. С. 261—265.

О некоторых вопросах истории Второй Крестьянской войны в России // ВИ. № 7. С. 36—51. Совм. с Е. В. Чистяковой.

Московские бунтари 1662 г. // Прометей: Ист.-биограф. альманах. М. Т. 5. С. 157—158.

Сост., вступ. ст., ред.: Летописцы последней четверти XVII века // ПСРЛ. М. Т. 31. 263 с.

Подгот. публ., вступ. ст., коммент.: Документы о Московском восстании 1682 года // СА. № 5. С. 59—62.

1969

Московские восстания конца XVII в. М. 440 с.

Стрелецкое восстание 1698 г. и начало ликвидации стрелецкого войска // Вопросы военной истории России. XVIII и первая половина XIX вв. М. С. 45—53.

Приемы работы В. И. Ленина над материалами бюджетных обследований крестьянских и кустарных хозяйств России и Германии // АЕ за 1967 год. М. С. 193—206.

О некоторых вопросах издания русских летописей // Конференция по вопросам археографии и изучения древних рукописей. Тбилиси, 3—5 ноября 1969 г.: Тез. докл. Тбилиси. С. 5—6.

Пропуск в бессмертие // Молодой коммунист. № 6. С. 37—40.

Подгот. публ., вступ. ст., коммент.: «Взятие полоцкое Литовские земли» — описание похода 1563 г. в разрядной книге Музейного собрания // ЗОР ГБЛ. Вып. 31. С. 213—224.

1970

Материалы ЦГАДА как источник по истории управления Прибалтикой в годы Ливонской войны // АЕ за 1968 год. М. С. 349—353.

Советская литература о приемах работы В. И. Ленина с источниками // ВИ. № 9. С. 129—135.

Рец.: Ценное исследование по истории западноевропейского крестьянства и проблемы аграрных отношений на Вос-

токе Европы (Сказкин С. Д. Очерки истории крестьянства в средние века. М., 1968. 376 с.) // ИСССР. № 1. С. 162—167. Совм. с Ю. В. Бромлеем, В. И. Корецким.

1971

- «Канцлер» предпетровской поры // ВИ. № 10. С. 144—156.
- Степан Тимофеевич Разин // ИСССР. № 2. С. 62—74.
- Степан Тимофеевич Разин // История: Научно-популярные очерки. М.
- Подгот. публ., вступ. ст.: «Записка» И. Д. Беляева об издании разрядных книг // АЕ за 1969 год. М. С. 236—241.
- Подгот. публ., вступ. ст., коммент.: Неизвестный Московский летописец XVII в. из Музейного собрания // ЗОР ГБЛ. Вып. 32. С. 127—167. Совм. с В. И. Корецким.
- Рец.: Новый труд о русских летописях (Насонов А. Н. История русского летописания X—начала XVIII века. М., 1969. 553 с.) // Новый мир. № 1. С. 270—273.
- Рец.: Книга об удивительном открытии (Черепнин Л. В. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969. 438 с.) // Новый мир. № 4. С. 260—264.
- Ред.: Муравьева Л. Л. Деревенская промышленность центральной России во второй половине XVII в. М. 207 с.

1972

- Breve storia dell'URSS. Dal tempi piu antichi ai nostri giorni. Roma.
- Об издании русских летописей // АЕ за 1971 год. М. С. 17—28.
- Об источниковедческом изучении документов по истории крестьянских войн в России XVII в. // Тез. докл. и сообщ. 14 сессии симпоз. по аграрной истории стран Восточной Европы (Гродно, сентябрь 1972 г.). М. Вып. 1. С. 81—83.
- Преславная победа // ВИ. № 8. С. 215—218. Совм. с Г. Д. Бурдей.
- Сост., подгот. публ., примеч.: Борьба народов нашей страны против интервенции польских и шведских феодалов в начале XVII в. Освободительная борьба украинского и белорусского народов против польских феодалов // Страницы боевого прошлого нашей страны (IX—XIX вв.). М. Гл. IV. С. 60—79; Гл. VI. С. 88—99.
- Рец.: Были и предания русской старины (Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971. 295 с.) // Новый мир. № 2. С. 268—271.

1973

- Об идеологии Крестьянской войны 1773—1775 гг. в России // Научная конференция, посвящ. 200-летию Крестьянской войны 1773—1775 гг. в России под предводительством Е. И. Пугачева (Оренбург, 15—16 октября 1973 г.): Тез. докл. Оренбург. С. 10—12.
- Об оценке Московского восстания 1682 г.: (по поводу рецензии Н. И. Павленко) // ИСССР. № 2. С. 236—244.
- Военное искусство в походах С. Разина // ВИЖ. № 12. С. 80—86.

Прокламации С. Т. Разина и его сподвижников — памятник идеологической борьбы в годы Второй крестьянской войны в России // Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв.: проблемы, поиски, решения. М. С. 287—306.

- Летописные заметки о московских восстаниях второй половины XVII в. // Летописи и хроники, 1973. М. С. 338—346.
- Описание списков разрядных книг XVII в. // АЕ за 1972 год. М. С. 276—282.
- М. Н. Тихомиров как исследователь русского летописания // АЕ за 1973 год. М. С. 173—177.
- Публикация летописных источников по истории Сибири и Урала // Уральский археографический ежегодник за 1971 год. Свердловск. С. 18—21.
- Крестьянская война в 1773—1775 гг. — крупнейшее событие классовой борьбы в России XVIII в. // Участие народов в Крестьянской войне 1773—1775 гг.: Тез. докл. на Всесоюз. науч. конф. (Уфа, 3—5 июня 1974 года). Уфа. С. 3—6.
- Крестьянские войны — высший этап в истории классовой борьбы в России периода феодализма // Тез. докл. на 15 сессии симпоз. по аграрной истории стран Восточной Европы (Вологда, сентябрь 1974 г.). Вологда. С. 79—82.
- Крестьянская война 1773—1775 гг. под предводительством Е. И. Пугачева: Конференция в Москве, Оренбурге и Уральске // ВАН. № 2. С. 176—180.
- Советская историография Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева // ВАН. № 9. С. 75—85.
- Крестьянская война 1773—1775 гг. и ее место в освободительном движении народов России // Вестник научно-исследовательского института языка, литературы и истории при Совете министров Калмыцкой АССР. № 11. С. 96—112.
- Об идеологии участников крестьянских войн в России // ВИ. № 1. С. 44—60.
- «Враждотворное» местничество // ВИ. № 11. С. 118—133.
- Новое о русских летописях // ПИШ. № 6. С. 18—26.
- Подгот. публ., вступ. ст., ред.: Разрядные книги 1598—1638 гг. М. 398 с.
- Подгот. публ., вступ. ст.: «Повесть како отомсти» — памятник ранней публицистики Смутного времени // ТОДРЛ. Т. XXVIII. С. 231—254. Совм. с В. И. Корецким, А. Л. Станиславским.
- Рец.: Армия и флот России в XIX в. (Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX в. М., 1973. 616 с.) // Новый мир. № 4. С. 270—272.
- Рец. на кн.: Сахаров А. Н. Степан Разин: (Хроника XVII века). М., 1973. 319 с. // ПИШ. № 3. С. 109—112.
- Ред., вступ. ст.: Веселовский С. Б. Ономастикон: Имена, прозвища и фамилии Древней Руси. М. 382 с.
- Ред., вступ. ст.: Разрядная книга 1559—1605 гг. М. 436 с.

1975

Отечественная историография русского летописания: Обзор советской литературы. М. 344 с.

К изучению состава «Государева двора» XVI в. // Общество и государство в феодальной России. М. С. 55—61.

Городские восстания в России XVII в. и коммунальные движения в Западной Европе // К вопросу о смене социально-экономических формаций и типах социальных революций: Учеб. пособие. М. С. 24—48.

Л. Г. Бескровный: Творческий путь // Историческая география России XII — начала XX в. М. С. 3—14.

К вопросу о географии Второй Крестьянской войны // Там же. С. 97—103.

Предисловие // Там же. С. 1—2.

Труды А. Н. Насонова о русском летописании // АЕ за 1974 год. М. С. 235—240.

О некоторых вопросах истории крестьянских войн в России // ИАН КазССР. Сер. обществ. наук. № 6. С. 44—50.

Вопреки фактам [По поводу статьи Ю. Черныченко об Иване Сусанине «Уравнение с известными» // Звезда. 1974. № 4] // ВИ. № 2. С. 203—206.

Любомир Григорьевич Бескровный // ИСССР. № 5. С. 234—235. Совм. с А. Л. Нарочницким, Л. В. Черепинным.

О «повстанческом архиве» главного войска С. Т. Разина // СА. № 5. С. 82—89.

Рец. на кн.: Рыбаков Б. А. Русские карты Московии конца XV — начала XVI вв. М., 1974. 111 с. // ПИШ. № 5. С. 114—116.

Ред., вступ. ст.: Разрядная книга 1550—1636 гг. М. Т. 1. 331 с.

Ред., вступ. ст.: Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М. 607 с.

Ред.: Именной и географический указатели к Ипатьевской летописи. М. 112 с. Ротапр.

1976

Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв. М. 223 с.

Крестьянская война в России начала XVII в. М. 144 с.

Н. Н. Уладик — источниковед и археограф // Источниковедение отечественной истории. М. Вып. 2. С. 365—374.

М. Н. Тихомиров и отечественное летописание // Летописи и хроника. 1975. М. С. 5—11.

Крестьянские войны в России — итоги и перспективы исследований // Будущее науки: Международный еженедельник. М. Вып. 9. С. 253—267.

Об идеологии участников Крестьянской войны 1773—1775 гг. // Всесоюзная научная конференция, посвященная 200-летию Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева. (Челябинск, октябрь 1973 г.). Челябинск. С. 35—50.

Введение // Славяно-молдавские летописи XV—XVI вв. М. С. 3—23. Совм. с Ф. А. Грекулом.

Л. Г. Бескровный — археограф и источниковед: (К 70-летию со дня рождения) // АЕ за 1975 год. М. С. 172—177.

«Дворовые разряды» первой половины XVII в. // АЕ за 1975 год. М. С. 252—258.

«Книги разрядные» («Подлинники») 1613—1636 гг. // ИЗ. Т. 97. С. 290—303.

К изучению крестьянских войн в России // ВИ. № 11. С. 138—142 XXV съезд КПСС и задачи изучения отечественной истории // ИСССР. № 2. С. 3—29. Совм. с А. Л. Нарочницким, В. П. Шерстобитовым.

II коллоквиум советских и американских историков (Стенфорд. США, 30—31 августа 1975 г.) // ИСССР. № 3. С. 207—209.

Основные направления исследований по источниковедению отечественной истории дооктябрьского периода // ИСССР. № 6. С. 224—227.

XXV съезд КПСС и советская историческая наука на современном этапе // СА. № 5. С. 3—15.

Sub Steagul lui Emelian Pugaciov // Magazinistorie. N 9.

Подгот. публ., вступ. ст.: Краткий московский летописец конца XVII в. из Ивановского областного краеведческого музея // Летописи и хроника. 1975. М. С. 283—293.

Рец.: Народ и история (Водарский Я. Е. Население России за 400 лет (XVI — начало XX в.). М., 1975. 159 с.) // ИАН. Сер. геогр. № 4. С. 132—135.

Рец. на кн.: Клибапов А. И. Религиозное сектанство в прошлом и настоящем. М., 1973. 256 с.; Он же. Из мира религиозного сектанства. М., 1974. 255 с. // ВИ. № 6. С. 146—149 (псевдоним: В. И. Викторов).

Рец. на кн.: Чистякова Е. В. Городские восстания в России в первой половине XVII века (30—40-е годы). Воронеж. 1975. 240 с. // ИСССР. № 3. С. 178—180. (псевдоним: В. И. Викторов).

Ред.: Славяно-молдавские летописи XV—XVI вв.: Сборник. М. 152 с.

Ред.: «Релиция» Петра Петрея о России начала XVII в. М. 127 с.

Ред.: Разрядная книга 1550—1636 гг. М. Т. II. Вып. 1—2. 492 с.

1977

Итоги и задачи изучения крестьянских войн в России // Народы в Крестьянской войне 1773—1775 гг. Уфа. С. 3—17.

Der Klassenkampf in Russland in der Epoche der Bauernkrieg im 17 und 18 Jahrhundert // Klassenkampf und revolutionäre Bewegung in der Geschichte Russlands von den Anfängen bis zur Oktoberrevolution. Berlin.

Проблемы реформационных движений и общественно-политической мысли России в трудах А. И. Клибанова // ИЗ. Т. 98. С. 257—275.

Историография отечественного источниковедения и археографии в трудах С. Н. Валка // АЕ за 1976 год. М. С. 302—305.

Источниковедение и специальные исторические дисциплины (дооктябрьский период) // Северный археографический сборник. Сыктывкар. Вып. IV. С. 23—36.

Об издании и изучении русских летописей // Конференция по истории средневековой письменности и книги: Тез. докл. Ереван. С. 7—8.

Актуальные проблемы источниковедения истории СССР // ВИ. № 3. С. 3—15. Совм. с Г. А. Труканом.

Мнимая древнейшая летопись // ВИ. № 6. С. 202—205. Совм. с Б. А. Рыбаковым, Л. П. Жуковской.

Bauernaufstände und Bauernkrieg in Ost- und Westeuropa in der Feudalzeit // Jahrbuch für Geschichte der sozialistischen Länder Europas. Berlin. Bd. 21, N 2.

Walka klasowa chłopow v Rosji od XI—XIII w. // Kwartalnik Historyczny. № 4.

Ред., вступ. ст.: Разрядная книга 1475—1605 гг. М. Т. 1. Вып. 1—2. 406 с. Ротапр.

Ред.: ПСРЛ. М. Т. 33: Холмогорская летопись. Двинский летописец. 250 с.

Ред., вступ. ст.: Веселовский С. Б. Акты пистцового дела (1644—1661 гг.). М. 287 с.

Ред.: Народы в Крестьянской войне 1773—1775 гг.: (Сб. статей). Уфа. 138 с.

1978

Развитие источниковедения отечественной истории дооктябрьского периода в 1970—1975 гг. // Советская историческая наука от XXIV к XXV съезду КПСС: Дооктябрьский период. М. Вып. 2. С. 209—220.

О некоторых проблемах историографии отечественной истории дооктябрьского периода // XXV съезд КПСС и задачи изучения истории исторической науки. Калинин. Ч. 1. С. 34—40.

К изучению «повстанческого архива» второй Крестьянской войны в России // Проблемы аграрной истории (с древнейших времен до XVIII в.) Минск. Ч. 1. С. 46—56.

К 70-летию Бориса Александровича Рыбакова // ИСССР. № 3. С. 230—232. Совм. с Ю. В. Бромлеем, А. П. Окладниковым, И. Д. Ковальченко, Т. В. Николаевой. Документальные богатства государственных архивов СССР и их значение для развития советской исторической науки // СА. № 3. С. 35—42.

Подгот. публ. (совм. с В. И. Корецким): Московский летописец. // ПСРЛ. М. Т. 34. С. 221—237.

Ред., вступ. ст.: Веселовский С. Б. Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. М. 343 с.

Ред.: Лимонов Ю. А. Культурные связи России с европейскими странами в XV—XVII вв. Л. 272 с.

Ред.: Беликов Т. И. Ф. И. Дербетев — сподвижник Е. И. Пугачева, Элиста. 104 с.

1979

Описание и факсимильное издание русских летописей // Всесоюзная научная конференция «Проблемы научного описания и факсимильного издания памятников письменности»: Тез. докл. Л. С. 10—11.

Источниковедение отечественной истории дооктябрьского периода: некоторые итоги и перспективы развития // III Всесоюзная конференция по источниковедению и специальным историческим дисциплинам. М.

Основные проблемы изучения русского летописания // Там же. Совм. с Б. М. Клоссом и др.

Русские документы конца XV—XVIII вв.

в хранилищах Парижа // ВИ. № 3. С. 137—142.

Рук. авт. коллектива: Некоторые проблемы истории крестьянства дооктябрьского периода // ИСССР. № 3. С. 49—70.

Moskau vom 12 bis zum beginnenden 18 Jh. // Jahrbuch für Geschichte der sozialistischen Länder Europas. Berlin. Bd. 23. N 2.

Подгот. публ., вступ. ст., коммент.: Акты Кирилло-Белозерского монастыря XVII в. в Парижской Национальной библиотеке // СА. № 4. С. 34—43.

Рец.: Народные истоки утопического социализма в России (Клибанов А. И. Народная социальная утопия в России. Период феодализма. М., 1977. 335 с.; Он же. То же. XIX в. М., 1978. 342 с.) // Новый мир. № 12. С. 271—274.

Ред., вступ. ст.: Предводители крестьянских войн XVII—XVIII вв.: Библиогр. указатель. М. 56 с.

Ред., вступ. ст., коммент.: Тихомиров М. Н. Русское летописание. М. 384 с.

Ред., вступ. ст.: Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII вв. и Роспись русского войска 1604 г. М. Ч. 1. 341 с.; Ч. 2. 185 с. Ротапр.

Ред., вступ. ст.: Посольская книга по связям России с Англией 1613—1614 гг. М. 244 с. Ротапр.

1980

Эволюция феодализма в России: Соц.-экон. развитие, IX в.—1861 г. М. 342 с. Совм. с А. А. Преображенским, Ю. А. Тихоновым.

Разрядные книги как источник по истории пограничной обороны Русского государства в конце XV — первой трети XVII вв. // Источниковедение отечественной истории, 1979. М. С. 206—218.

Куликовская битва 1380 г. и ее освещение в новейшей зарубежной историографии // Современная зарубежная историография Куликовской битвы (1380—1980). М. С. 5—35.

От Куликовской битвы до освобождения от ордынского ига (1380—1480 гг.) // Куликовская битва. М. С. 246—264.

Крестьянские движения в феодальной России // Доклады па Международной комиссии по славяноведению XV Международного конгресса исторических наук (Бухарест, 11 августа 1980 г.). М. С. 366.

«Выборный человек всюю землею» Кузьма Минин // ВИ. № 9. С. 90—102.

О некоторых задачах специальных исторических дисциплин в изучении и издании письменных источников по истории русского средневековья // ИСССР. № 1. С. 117—131. Совм. с А. А. Зиминным.

Sozialstruktur und Klassenkampf der Bauern im feudalen Russland (9 bis 16 Jahrhundert) // Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte. N 1.

Подгот. публ., примеч.: Документы о восстании крестьян Николо-Угрешского монастыря в 1756 г. // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М. Сб. IX. С. 255—275. Совм. с С. М. Троицким.

Рец.: М. Н. Тихомиров о летописании

(Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. 384 с.) // Наука сегодня. М. Вып. 8. С. 115—120.

Рец.: К 600-летию Куликовской битвы (Куликовская битва: Сб. статей. М., 1979) // Там же. С. 110—115.

Рец. на кн.: История Казахской ССР. Алма-Ата, 1979. 543 с. // ИСССР. № 3. С. 182—185. Совм. с С. Г. Агаджановым.

Рец.: «Отец истории» о скифах и древних славянах (Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия. М., 1979. 247 с.) // Новый мир. № 8. С. 256—259.

Ред., вступ. ст.: Восстание московских стрельцов 1698 г.: (Материалы следственного дела). М. 326 с.

Ред.: ПСРЛ. М. Т. 35: Белорусско-литовские летописи. 306 с.

Ред., вступ. ст.: Источниковедение отечественной истории: Сб. статей, 1979. М. 277 с. Ротапр.

Ред., вступ. ст.: Овчинников Р. В. Манифесты и указы Е. И. Пугачева: Источниковедческое исследование. М. 280 с.

Ред., вступ. ст.: Водяные знаки рукописей России XVII в.: По материалам Отдела рукописей ГИМ. М. 174 с.

Ред. (совм. с Л. В. Черепным): Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. М. 312 с.

Ред.: Каргалов В. В. Конец ордынского ига. М., 152 с.

1981

Из истории русского города XVI—начала XVII вв.: (Серпухов и его округа). Саратов. 80 с. Совм. с Г. Д. Бурдеем, В. И. Корецким.

Издание по изучению русских летописей в XVIII в. // Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки. М. С. 327—334.

Труды В. Т. Пашуто по истории отечественного летописания // Летописи и хроники, 1980. М. С. 207—214.

80-летие академика М. В. Нечкиной // ВИ. № 2. С. 115—117. Совм. с Ю. А. Поляковым, С. Л. Тихвинским, З. В. Удальцовой, В. А. Дунаевским, В. П. Наумовым.

Л. Г. Бескровный // ИСССР. № 5. С. 150—156 (совм. с Я. Е. Водарским).

Подгот. публ., вступ. ст., коммент.: Поместные акты XVII в. в Парижской Национальной библиотеке // СА. № 3. С. 47—52. *Подгот. публ., вступ. ст., коммент.*: Два документа о Камчатке 60-х годов XVIII в. из Парижской Национальной библиотеки // СА. № 4. С. 71—73.

Подгот. публ., вступ. ст., коммент.: Жалованная грамота 1736 г. из Парижской Национальной библиотеки — источник по истории московской текстильной промышленности XVIII в. // АЕ за 1979 год. М. С. 315—319.

Рец.: Новые исследования о массовой документации по истории России и СССР. XIX—XX вв. // Наука и человечество. Ежегодник. М. С. 360—362.

Рец.: Древняя Русь в советском источниковедении // Там же. С. 363—364.

Рец.: Зарождение и развитие феодализма

в Азербайджане, Армении и Грузии (Новосельцев А. П. Генезис феодализма в странах Закавказья (опыт сравнительно-исторического исследования). М., 1980. 286 с.) // Наука сегодня. М. Вып. 9. То же // Наука и человечество. М., 1982. С. 370—371.

Рец. на кн.: Пособие по истории для подготовительных отделений вузов. М., 1979. Ч. 1, 2. 424 с. // ВИ. № 4. С. 116—119. Совм. с К. Ц. Саврушевой.

Ред.: Разрядная книга, 1475—1605 гг. М. Т. 2, ч. 1. 219 с.

Ред.: Историческая география России XVIII в. М. Ч. 1: Города, промышленность, торговля. 208 с.; Ч. 2: Источники и их характеристика. 171 с.

Ред., вступ. статья: Источниковедческие исследования по истории феодальной России. М. 162 с. Ротапр.

Ред., вступ. ст.: Библиография трудов по отечественному источниковедению и специальным историческим дисциплинам, изданных в XVIII в. М. 209 с. Ротапр.

Ред.: Козлов В. П. Колумбы российских древностей. М. 168 с. 2-е изд. М., 1985. 174 с.

Ред.: Соболева Н. А. Российская городская и областная геральдика XVIII—XIX вв. М. 263 с.

1982

XXVI съезд КПСС и актуальные задачи изучения отечественной истории // Изучение отечественной истории между XXV и XXVI съездами КПСС. М. С. 3—48. Совм. с С. С. Хромовым, В. П. Шерстобитовым.

Источниковедческие исследования по отечественной истории // Там же. С. 564—580.

Venäjäin kauppa 800—1500 luvuilla // Turun Historiallisen Indistykseen Julkaisuya 36 VI Suomalais-Neuvostoliittolainen Jntseikuntahistorian Simposiumi Turussa 22—25. 101980. Vammala.

О некоторых вопросах истории феодальной формации в России (по поводу критической статьи — рецензии А. С. Орлова) // ИСССР. № 5. С. 130—140. Совм. с А. А. Преображенским, Ю. А. Тихоновым.

Подгот. публ., вступ. ст., коммент.: Славяно-молдавские грамоты конца XV — первой четверти XVII вв. // Источниковедение отечественной истории, 1981 М. С. 272—279.

Рец.: На поле Куликовом и Угре-реке // Наука и человечество. С. 369—370.

Рец. на кн.: Прошгейн А. П., Кияшко В. И. Хронология. М., 1981. 191 с. // СА. № 6. С. 69—71.

Ред., вступ. ст.: Источниковедение отечественной истории. 1981. М. 280 с.

Ред.: Разрядная книга 1475—1605 гг. М. Т. 2. Ч. 2. 221—440 с.

Ред.: Россия начала XVII в.: Записки капитана Маржерета. М. 255 с.

Ред.: Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода: Сборник статей. М. 238 с. Ротапр. Soisaaalipsykologisesta tekijästä historiaisa // Suomalais — Neuvostoliittolaiset Historiantutkijoiden Simposiumit. Helsinki.

- Источниковедение отечественной истории на современном этапе // ВИ. № 3. С. 3—16. Совм. с Г. А. Труканом.
- Русские рукописи библиотеки герцога Августа в Вольфенбюттеле (ФРГ) // СА. № 2. С. 24—30.
- Рец.: Российская геральдика (Соболева Н. А. Российская городская и областная геральдика XVIII—XIX вв. М., 1981. 263 с.) // Наука и человечество. 1983. М. С. 374—375.
- Рец. на кн.: Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1981. 607 с. // Наука и жизнь. № 3. С. 114—115.
- Ред., вступ. ст.: Разрядная книга 1637/1638 гг. М. 187 с.
- Ред.: Приходо-расходные книги Московских приказов 1619—1621 гг. М. 479 с.
- Ред.: Памятники общественно-политической мысли в России конца XVII в.: Литературные панегирики. М. Вып. 1—2. 320 с.
- Ред.: Пушкарев Л. Н. Описание списков хронографа редакции 1512 г., хранящихся в ГБЛ. М. 204 с.
- Ред.: Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода: Сборник статей. М. 220 с. Ротапр.

- Пугачев. М. 383 с.
- Русское летописание в трудах Б. А. Рыбакова // Летописи и хроники, 1984. М. С. 3—12.
- Religions ideologies in Russian popular movements in the seventeenth and eighteenth centuries // Religion and rural revolt. Manchester.
- Некоторые проблемы изучения русского летописания на современном этапе // Проблемы источниковедения истории СССР и специальные исторические дисциплины: Статьи и материалы. М. С. 6—16. Совм. с Б. М. Клоссом и др.
- Некоторые проблемы истории России XIII—XVIII вв. в освещении современной советской историографии // Новое в исторической науке. М. С. 19—35. Совм. с А. А. Преображенским.
- Полтавское сражение — яркая страница героического прошлого // Тез. докл. и сообщ. научной конференции, посвященной 275-летию Полтавской битвы (26—27 июня 1984 г.). Полтава. С. 4—6.
- Отечественная история в серии «Жизнь замечательных людей» // ВИ. № 1. С. 20—34.
- Русские летописи // ВИ. № 6. С. 77—91.
- Важный вклад в изучение славянских культур: (О деятельности и изданиях Международной ассоциации и Советского комитета по изучению и распространению славянских культур) // ИСССР. № 2. С. 198—205.
- Venäjäin feodaaliajan tutkimus uusimmasa neuvostoliittoliisessa historiankirjoituksessa // Historian Tutkimus-ja Dokumentaatiolaitos. Helsinki.
- Сост. (совм. с В. И. Бовыкиным и др.): Новое в исторической науке: Пособие для учителей. М. 176 с.
- Рец.: Крупное патриотическое издание (Серия «История Отечества в романах,

- повестях, документах») // Коммунист. № 12. С. 117—120.
- Рец. на кн.: Пронштейн А. П., Мивинков Н. А. Крестьянские войны в России XVII—XVIII веков и донское казачество. Ростов — н/Д. 1983. 420 с. // ВИ. № 12. С. 124—127. Совм. с А. П. Новосельцевым.
- Рец.: Русь былинная (Калугин В. И. Герои русского эпоса. М. 1983. 351 с.) // Литературное обозрение. № 6. С. 62—66.
- Ред., вступ. ст.: Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой, 1489—1508 гг. М. 100 с. Ротапр.
- Ред. (совм. с А. А. Преображенским): Правила издания «Актос Русского государства XVI — начала XVII вв.» / Сост. И. А. Булыгин. М. 47 с. Ротапр.
- Ред.: Поле русской славы: Фотоальбом. Текст. Тула. 238 с.
- Ред., послесловие: Бахревский В. Гетман Войска Запорожского. М. 271 с.
- Послесловие к кн.: Митяев А. В. Ветры Куликова поля: Рассказы о воинской доблести предков. М. 318 с. 2-е изд. 1986.
- Послесловие к кн.: Смоленцев Л. Н. Вьюга: Повесть. Сыктывкар. 335 с.
- Ред.: Соловьев С. М. Публичные чтения о Петре Великом. М. 232 с.
- Ред.: Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода: Сб. статей. М. 216 с. Ротапр.
- Ред.: Пушкарев Л. Н. Юрий Крижанич: Очерк жизни и творчества. М. 213 с.

- Изучение проблем отечественного источниковедения дооктябрьского периода // Изучение истории СССР дооктябрьского периода в советской историографии, 1980—1984 гг.: Сб. статей. М. С. 205—228.
- Героические страницы боевого прошлого // Памятники отечества. № 1. С. 39—49.
- О роли социально-психологического фактора в истории // Труды VIII советско-финляндского симпозиума историков (Петрозаводск, 21—23 октября 1984 г.). Л. С. 45—58.
- Рец.: Два писателя об истории России второй половины XVIII в. (Соснора В. Спасительница Отечества: Повесть // Нева. 1984. № 12) // ВИ. № 11. С. 167—174.
- Ред., вступ. ст.: Баггер Х. Реформы Петра Великого: Обзор исследований. М. 199 с.
- Ред., вступ. ст.: Соболева Н. А. Старинные гербы российских городов. М. 176 с.
- Ред.: Улащик Н. Н. Введение в изучение белорусско-литовского летописания. М. 261 с.
- Ред.: Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв. М. 245 с.
- Ред.: Сербина К. Н. Устюжское летописание XVI—XVIII вв. Л. 135 с.
- Ред.: Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода: Сб. статей. М. 218 с. Ротапр.

Страницы летописи Москвы: Народные восстания XIV—XVIII вв. М. 206.
 Очерки истории классовой борьбы в России XI—XVIII вв. М. 237 с.
 Сокровищница документов прошлого. М. 355 с. Совм. с М. И. Автократовой и др.
 В. Т. Пашуто как источниковед // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования, 1985. М. С. 19—23.
 Новый список Разрядной книги («подлинника») 1637/1638 г. (в фондах Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина) // ЗОР ГБЛ. Вып. 45. С. 5—10.

Вступ. статья // Столетье безумно и мудро. М. С. 5—18.

История феодальной России в трудах В. И. Корецкого // ИСССР. № 2. С. 113—128.

Американские историки о социальной психологии русского крестьянства периода феодализма // ИСССР. № 5. С. 205—210. Совм. с А. Н. Медушевским.

Dei Strelitzen in Russland // Militärgeschichte. N 2 (16 — Anfang 18 Jahrhundert). Das methodologische Erbe Lenius und die Entwicklung der Quellenkunde zur Geschichte der USSR. Sowjetische Publikationen der siebziger und beginnenden achtziger Jahre // Jahrbuch.

М. Н. Тихомиров в Институте истории АН СССР // ИЗ. Т. 112. С. 305—312. Совм. с Ю. П. Глушаковой.

Крупное патриотическое издание: (О серии книг «История Отечества в романах, повестях, документах») // Литература и современность: М. Сб. 22/23. С. 514—521.

Рец.: Историческое повествование о южном «окне в Европу» (Ганичев В. Росс непобедимый // Молодая гвардия. 1983. № 12) // Москва. № 3. С. 195—197.

Ред., вступ. ст.: Боярская книга 1627 г. М. 208 с. Ротапр.

Ред.: Источниковедение отечественной истории, 1986. М. 254 с. Ротапр.

Ред.: Исследования по источниковедению истории СССР XIII—XVIII вв. М. 243 с. Ротапр.

Ред.: Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века. М. 219 с. Ротапр.

Ред., послесловие: Корецкий В. И. История русского летописания второй половины XVI — начала XVII в. М. 270 с.

1987

Памяти Николая Николаевича Улащика (1906—1986) // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М. С. 225—228. Совм. с А. И. Плигузовым.

Рец.: Документы по истории Коми края XVII в. (Документы по истории народа коми: Писцовая и переписная книга Яренского уезда XVII в. М. 1985. 389 с.) // СА. № 2. С. 58—60.

Рец. на кн.: Материалы по истории СССР: Для семинарских и практических занятий. М. 1985. Вып. 1. 303 с. // ИСССР. № 4. С. 202—204.

Ред., вступ. ст.: Чистякова Е. В. Михаил

Николаевич Тихомиров (1893—1965). М. 157 с.

Зам. гл. ред.: ПСРЛ. М. Т. 36: Сибирские летописи. 381 с.

1988

Булавин. М. 316 с.

А. А. Зимин как исследователь // Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в последней четверти XV — начале XVI вв. М. С. 3—27.

Отв. ред.: Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в последней четверти XV — начале XVI вв. М. 348 с.
 Отв. ред., вступ. ст.: Аксенов А. И. Генезисология московского купечества XVIII в. М. 189 с.

Статьи в энциклопедиях

МСЭ. 3-е изд. 1959—1960. Т. 6—8: Московское восстание 1648 г., Московское восстание 1662 г., Раскол, Судебники конца XV—XVI вв., Сибирское ханство, Соловецкий монастырь, Стрелецкие восстания конца XVII в.

СИЭ. 1961—1974. Т. 1—16: «Акты Археологической экспедиции», «Акты исторические», «Акты Кавказской археологической комиссии», «Акты Московского государства», «Акты Южной и Западной России», «Акты юридические», «Акты юридического быта», Археологические экспедиции, «Архив исторических и практических сведений», «Архив историко-юридических сведений», Бархатная книга, Башмаков Д. М., Битяговский М., Ближняя дума, Бояре, Боярская дума, Боярские книги, Василий I Дмитриевич, Василий II Васильевич, Василий III Иванович, Верстание, «Вечный мир» 1686 г., Висковатый И. М., Владимирский-Буданов М. Ф., Воротынский М. И., Выговский И. Е., Гваньини А., Гирей, Голицын В. В., Голова, Городовой приказ, Грибоедов Ф. И., Гуляй-город, Даточные люди, «Дворцовые разряды», Девлет-Гирей, Десятни, Дети боярские, Джанибек, Жильцы, Зборовский договор 1649 г., Золотая Орда, Золотаренко В. Н., Золотаренко И. Н., Иван I Данилович Калита, Иван IV Васильевич Грозный, Ислам-Гирей, История (совм. с М. Я. Волковым и М. И. Кузнецовым), Казанские походы 1547—1552 гг., Казанское ханство, Калайдович К. Ф., Касим-хан, Кривонос. М., Куликовская битва 1380 г., Лапто-Данилевский А. С., Ледовое побоище 1242 г., Лихачевы, Майерберг А., Мартовские статьи 1654 г., Менгли-Гирей, Милославские, Московское восстание 1662 г., Московское восстание 1682 г., Обезжие головы, Овчина-Оболенский-Телпнев И. Ф., Олеарий А., Ордынский выход, Орлов А. С., Патриарх, Первое ополчение 1611 г., Пискаревский летописец, «Полное собрание русских летописей», Поляновский мир 1634 г., Православная церковь (раздел о XIX—XX вв.), Путные бояре, Путь, Разряды, Разрядные книги, Разрядный приказ, Рюрик-Синеус-Трувор, Самозванцы в России, Скорина Г., Славяно-греко-латинская академия, Соборное уложение 1649 г., Соловецкий монастырь, Софья Алексеевна, Стольник, Сторожев В. Н., Стре-

лецкое восстание 1698 г., Строгановы, Текстология, Тимковский Р. Ф., «Труды Отдела древнерусской литературы», Тягло, Урочные лета, Филатьевы, Хованский И. А., Шапка Мономаха, Шишонко В. Н., Язычество, Яковлев К., Якубовский А. Ю., Ямгурчей, Ярило, Ярыжные люди.

БСЭ. 3-е изд. 1970—1978. Т. 1—30: «Акты Археографической экспедиции», «Акты исторические», «Акты Кавказской археографической комиссии», «Акты Московского Государства», «Акты Южной и Западной России», Бархатная книга, Башмаков Д. М., Битяговский М., Ближняя дума, Бояре, Боярская дума, Боярские книги, Василий I Дмитриевич, Василий II Васильевич, Василий III Иванович, Верстание, «Вечный мир» 1686 г., Висковатый И. М., Выговский И. Е., Гваньини А., Гирей, Голова, Грибоедов Ф. И., Даточные люди, Девлет-Гирей, Десятни, Дети боярские, Джанибек, Зборовский договор 1649 г., Золотаренко И. Н., Золотая Орда, Иван I Данилович Калита, Иван IV Васильевич Грозный, История (совм. с М. Я. Волковым и М. И. Кузнецовым), Казанские походы 1545—1552 гг., Казанское ханство, Калка, Кривонос М., Куликовская битва 1380 г., Лаппо-Данилевский А. С., Ледовое побоище 1242 г., Мартовские статьи 1654 г., Менгли-Гирей, Милославские, Московское восстание 1662 г., Московское восстание 1682 г., Обезьяние головы, Овчина-Оболенский-Телепнев И. Ф., Олеарий А., Ордынский выход, Патриарх, Первое ополчение 1611 г., Пискаревский летописец, «Полное собрание русских летописей», Путные бояре, Путь, Разряды, Разрядные книги, Разрядный приказ, Рюрик-Синеус-Трувор, Славяно-греко-латинская академия, Соборное уложение

1649 г., Софья Алексеевна, Стольник, Стрелецкое восстание 1698 г., Строгановы, Тягло, Урочные лета, Филатьевы, Хованский И. А., Шапка Мономаха, Язычество, Якубовский А. Ю., Ямгурчей, Ярило, Ярыжные люди.
Советская Военная Энциклопедия. 1977. Т. 4: Летописи русские.

Статьи в газетах

Книжное обозрение (18.05.79, псевд. В. Виктор; 10.08.79; 10.01.86; 24.04.86), Сельская жизнь (24.01.75); Советская культура (17.01.87), Советская Россия (16.02.73; 24.07.73; 20.08.73; 30.03.84), Московские новости (28.10.79; 18.11.79), Неделя (09—14.10.66; 12—18.02.67; 16—22.08.76), Вечерняя Москва (15.09.74; 06.09.80), Ленинское знамя (21.02.64), Правда Востока (28.02.64), Рыбинская правда (02.04.64), Советская Башкирия (02.06.74), Советская Калмыкия (23.01.74), Тувинская правда (03.04.64).

В печати

Петр Великий. М. 264 с.
О труде О. Кристенса по историографии истории России XVII в. // Кристенс О. Россия в XVII в.
Россия эпохи Суворова и Ушакова в «Россе непобедимом» В. Ганичева // Ганичев В. Росс непобедимый. М.
Тысяча лет героической военной истории России // Бегунов А. И. Путь через века. М.
Рец.: Новая книга об исторических корнях сближения армянского и русского народов // ВИ; Коммунист Армении.
Рец.: Нужное издание об историке и архивисте, педагоге и общественном деятеле // Советская библиография.
Рец.: Гроза 1812 года // Молодая гвардия.
Рец.: Кристенсен О. Россия в XVII в. М.

III. ПУБЛИКАЦИИ

ИЗ ПЕРЕПИСКИ Т. Н. ГРАНОВСКОГО С П. В. ПАВЛОВЫМ (1850 г.)

Публикуемое письмо интересно во многих отношениях. Прежде всего, установлением самого факта личного знакомства и переписки этих замечательных деятелей отечественной культуры и общественного движения России. Познакомились они, судя по всему, в конце 40-х годов в Москве, в университете, где преподавал Грановский и куда молодой адъюнкт кафедры русской истории Павлов был командирован Киевским университетом для сдачи экзамена на ученую степень доктора исторических наук, политической экономии и статистики. В старой столице он пробыл около года, сдал экзамен и успешно защитил диссертацию «Об историческом значении царствования Бориса Годунова». За три месяца до того — в самом конце 1849 г. — защитил свою докторскую диссертацию «Аббат Сугерий» Грановский. Обе диссертации произвели впечатление и вызвали оживленные споры — отзыв их отчетливо слышен в письме.

Павлова многое роднило с Грановским, хотя он был моложе на 10—11 лет. Оба университетские профессора, историки. Оба представители передовых слоев русского общества. Оба просветители. Н. Г. Чернышевский назвал Грановского «просветителем своей нации», «одним из сильнейших посредников между наукою и нашим обществом», «авторитетом добра и истины», имевшим «могущественное влияние на пробуждение у нас сочувствия к высшим человеческим интересам»¹. Признание Грановского просветителем укоренилось и в советской историографии. Общеизвестна ленинская характеристика «наших просветителей от 40-х до 60-х годов»². Просветителем по взглядам, роду и значению своей деятельности был и Павлов³. По силе и характеру влияния на молодое поколение Павлова сравнивали с его московским коллегой и называли «киевским Грановским». Письмо помогает проследить близость их взглядов.

Просветительская позиция Павлова выражена в нем на редкость выпукло. Сочувствие положению народа («крестьянским страданиям»), неприятие существовавших порядков, политической реакции, вера в прогресс и неминуемо приближающееся «великое будущее» («пакибытие») — России проступают в этом любопытном памятнике общественных настроений передовой интеллигенции тех лет.

Письмо исполнено веры в общественную миссию науки, в ее мощное воздействие на жизнь. Как и другие просветители, Павлов считал, что просвещение, знание — залог прогресса. Когда наука сумеет выработать правильную теорию общественного возрождения России и теория эта войдет в общественное сознание, жизнь будет пересоздана к лучшему во имя общего блага — таково credo Павлова. Подобные взгляды типичны для просветителей. Не менее типично выдвигание на первый план этических мотивов. Как просветитель Павлов далек от классового подхода.

¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: В 16 т. М., 1947. Т. 3. С. 350, 352—353.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 519—520.

³ Эймонтова Р. Г. Ученый-просветитель П. В. Павлов // ИЗ. 1986. Т. 113. С. 208—256.

⁴ Пакибытие (церковнославянизм) — возрождение, новая жизнь; новое, лучшее бытие.

Он стремился к сплочению «армии людей прогресса», в которую должны влиться «чистые», «благородные», «лучшие» люди разных сословий, разных кругов, разных взглядов, объединенные стремлением к «нравственному возрождению всех и каждого». К передовым деятелям, предвестникам общественного возрождения, он относил наравне с В. Г. Белинским и Т. Н. Грановским Н. А. Полевого, К. Д. Кавелина, С. М. Соловьева, П. Н. Кудрявцева, М. Н. Каткова, П. М. Леонтьева, Н. В. Калачова, из писателей — А. С. Грибоедова, Н. В. Гоголя, А. Н. Островского, И. А. Гончарова, Д. В. Григоровича.

Письмо относится к периоду «мрачного семилетия» в России. В условиях реакции положение передовых деятелей культуры стало невыносимым. За Грановским и некоторыми другими профессорами был установлен полицейский надзор. «Все мы держимся на волоске,— писал Грановский Герцену летом 1849 г. о себе и своих друзьях,— каждому предстоит или отставка или поездка в Вятку, а может и далее»⁵. В эти годы ему не раз приходила мысль об уходе из университета. Этим и объяснялось его обращение к Павлову с просьбой подыскать ему подходящий хутор на Днепре, куда бы он мог удалиться.

У Павлова тоже звучат грустные ноты, но — вопреки реакции — живет надежда: дело общественного прогресса восторжествует. В письме отразился тяжелый момент в истории отечественной науки: в 1850 г. правительственным распоряжением университетские кафедры философии были закрыты, ее преподавание ограничено логикой и психологией и передано профессорам богословия. Прежние преподаватели философии остались без мест. О них и идет речь в письме.

Публикуемый документ раскрывает характер взаимоотношений Грановского и Павлова, содержит высокий отзыв последнего о профессорской деятельности Грановского, показывает отношение Павлова к журнальным спорам вокруг «Аббата Сугерия» — сочинения, в котором Грановский выразил свой взгляд на общественное призвание науки. Из письма ясно вырисовываются связи между прогрессивно настроенными профессорами разных университетов.

Р. Г. Эймонтова

Киев, 7-го августа 1850 г.

Несказанно меня обрадовало Ваше письмо от 30 июля, многоуважаемый и многолюбимый Тимофей Николаевич: в нем так выразительно и просто высказывается Ваша благородная и любящая душа. Что это? Вы поручаете мне отыскать для Вас удобный и дешевый хутор на Днепре. Неужели Вы хотите расстаться с профессорской кафедрой? Почему? Говорите, что, удалясь от житейских тревожений, предадитесь ученым трудам и, может быть, оставите по себе след на русской почве. Мне очень бы хотелось жить подле Вас, но ведь это мое лишь эгоистическое желание. Не славнее ли бы было для Вас не только трудиться кабинетно, но и энергически действовать с кафедры, как это Вы до сих пор делали, посредством чего оставили глубокий след на русской почве? Сколько молодых людей вынесло из вашей святой аудитории и любовь к благородному и стремление внести его в нашу общественную жизнь, столь сильно нравственно расслабленную перед эпохой своего пакибытия! Полевой^{*}, Белинский, Грановский, Кавелин, Соловьев, Кудрявцев, Катков, Леонтьев, Калачов¹ — имена, долженствующие оставить по себе^{2*} память в сердце каждого русского. Им соответствуют в царстве искусства имена Грибоедова^{3*}, Гоголя, Островского, Гончарова, Григоровича, изобретателя крестьянских страданий, и др. Все это личности, предвестницы нашего общественного возрождения. Пускай неистовствует реакция, пускай лежит опала на университетах — дух времени, историческая ло-

⁵ Письма Т. Н. Грановского А. И. Герцену // Звенья. М.; Л., 1936. Сб. 6. С. 360.

* *Фамилия вписана над строкой.*

^{1*} *Далее зачеркнуто: оставить*

^{3*} *Фамилия Грибоедова вписана над строкой.*

гика восторжествуют, рано или поздно возьмут свое; нам становится тяжело, душно — авось, будущее поколение будет счастливее; наше время — время не жатвы, но посева, жнецы еще в поленицах. Пора полного самодержавного государственного развития, а вместе с нею и бессознательная художественная деятельность в литературе проходят ^{4*}; зарождается на Руси наука, из которой, как Афина из головы Зевса, должна выйти во всеоружии теория нашего общественного пакибытия. Не в голове ли нашего угнетенного, страждущего поколения, разумеется в его избранной, чистой части, в его меньшинстве, должна она выработаться, эта теория русского общественного пакибытия? Когда теория общественного возрождения России войдет в сознание русского нравственно разлагающегося общества, неминуемо перейдет она и в жизнь, пересоздаст ее; из своего научно сознанного исторического прошедшего мы перейдем в наше великое будущее: таково мое верование; им живу, утешаюсь, в нем, этом живом веровании, нахожу подкрепление для своих сил, свое воодушевление. Пускай же глубоко, самоотверженно, беспристрастно задумывается над своим минувшим, над своим настоящим, над своим угнетением, над своими колоссальными средствами для будущего ^{5*} наше молодое поколение; пускай отдает себе во всем сознательный отчет, кидает ^{6*} в общественный оборот свои мысли, сколь возможно посредством печати, более же устной беседой с людьми чистыми, лучшими во всех условиях, во всех кругах, не являясь исключительным, но благородно терпимым для всех убеждений. Одна цель, одно общее стремление должно примирить все убеждения — космополитические, патриотические, славянофильские и панславистические; эта цель — нравственное общественное возрождение всех и каждого. Зачем же хотите Вы, умный и сильный атлет, покинуть профессорскую кафедру, выйти в отставку из малочисленной армии людей прогресса? Может быть, думаете Вы, ваши ученые труды, совершенные в безмятежном уединении, будут плодотворнее для русской почвы? Если так, то другое дело! Буду, по вашему желанию, искать удобный и дешевый хутор на Днестре.

Вы спрашиваете: познакомился ли я с Самариним ²? Познакомился, но вполне разгадать не успел, полагаю, что ваша характеристика довольно верна. Чижова ³ в Киеве не нашел: он теперь в Одессе. Кафедра философии, доселе занимаемая Новицким ⁴ и приват-доцентом Гогоцким ⁵, упразднена для лица светского и поручена полу. Новицкий переходит, как слышно, в гражданскую службу; Гогоцкий, достойнейший, ученый и благородный человек, не знает, что ему делать. Хочу уговорить Юзефовича ⁶, чтоб похлопотал об открытии для Гогоцкого новой кафедры, как это сделали в Москве для Каткова ⁷. Что будет с Буличем ⁸? Кафедру политической экономии на нашем факультете, по всей вероятности, займет Бунге ⁹, доселе читавший финансы в Нежинском лицее: так хочет наш факультет. Несмотря на все уважение и привязанность, которую питаю к Бабсту ¹⁰, не могу ему очистить дорогу к кафедре политич[еской] экономии в Киевском университете, во 1-х потому, что Бунге в самом деле достойный ученый и благородный человек, во 2-х, потому что факультет и Совет ^{7*} хочет непременно видеть на этом месте Бунге, в 3-х, потому, что Юзефович еще до моего возвращения из Москвы имел в виду Бунге и не захочет переменить своего намерения. Если Бабст хочет занять кафедру финансов в Нежине, то об этом надобно будет ^{8*} похлопотать. Сообщите это, пожалуйста, почтенному Бабсту; пусть напишет мне свои виды на нежинское место. Если ж Бабст не хочет или не может занять кафедру финансов в Нежине, то прошу Вас, Тимофей Николаевич, поручить Мильгаузену ¹¹ найти финансиста из ^{9*} кандидатов Моск [ов-

^{4*} В оригинале описка: приходят.

^{5*} для будущего вписано над строкой.

^{6*} кидает написано над строкой вместо зачеркнутого: пускает

^{7*} Совет вписано над строкой.

^{8*} будет вписано над строкой.

^{9*} Далее зачеркнуто: моск

ского] университета, *благородного* человека, на место Бунге. Прошу Федора Богдановича мне о том написать в Киев: это его дело. Как скоро он укажет на желающего занять это место, немедленно переговорю с Юзефовичем и постараюсь устроить дело. Селин¹² еще не возвращался из Петербурга. Кажется, он там останется при университете; жена его, которой интересуются Лизавета Богдановна и Юлия Богдановна¹³, живет у Максимовича¹⁴ на хуторе. Метлинский¹⁵ оканчивает свой докторский экзамен в Харьк[овском] университете и скоро будет в наш университет, чтоб занять кафедру русской словесности: говорят про него, что человек трудолюбивый и честный. Драпусов¹⁶ благополучно окончил в Киевск[ом] университете свой диспут, о чем вам, по всей вероятности, подробно расскажет, равно как и о впечатлении, произведенном на него Киевом. Шульгин (Виталий Яковлевич)¹⁷ очень рад, что диссертация его произвела на Вас^{10*} приятное впечатление: раздайте экземпляры членам факультета и вашим ближайшим друзьям. Кавелину и его друзьям я также выслал по экземпляру диссертации «о женщине». Кавелин обещался написать на нее разбор. На меня в *Соврем[еннике]* написал разбор, если не ошибаюсь, Серг[ей] Мих[айлович] Соловьев¹⁸. Из него я мало извлек для себя пользы: повторение того, что сказано было им на моем диспуте с присовокуплением новых придирок и забавного совета (в конце) не увлекаться родовым бытом! На критику Соловьева антикритики писать я не буду: науке такая статья пользы не принесет, да сверх того, может показаться выражением оскорбленного авторского самолюбия: оставим мертвым хоронить своих мертвых. Bravo Бабсту и Леонтьеву за их статьи на Стасюлевича!¹⁹ Приготовлю статью для вашего сборника. Прощайте! Привет Лизавете Богд[ановне], Юлии Богдановне и Федору Богдановичу. Начинаются скоро лекции, а с ними борьба с цензурной реакцией и подлостями.

Весь ваш П. Павлов.

ОР ГБЛ. Ф. 84. 3. 32. Л. 1–2 об.

Комментарии

- ¹ Историк С. М. Соловьев и П. Н. Кудрявцев, античник П. М. Леонтьев, историк права и археолог Н. В. Калачов, а незадолго до того К. Д. Кавелин и М. Н. Катков — профессора и преподаватели Московского университета; Н. А. Полевой — издатель запрещенного царскими властями в 1834 г. журнала «Московский телеграф».
- ² По-видимому, имеется в виду славянофил Ю. Ф. Самарин.
- ³ Ф. В. Чижов — известный ученый-математик, публицист славянофильского направления.
- ⁴ О. М. Новицкий до 1850 г. был профессором философии в Киевском университете, впоследствии — цензор.
- ⁵ С. С. Гогоцкий после ликвидации отдельной кафедры философии преподавал в Киевском университете педагогику.
- ⁶ М. В. Юзефович — помощник попечителя Киевского учебного округа.
- ⁷ Вновь организованную в Московском университете кафедру педагогики занял в 1851 г. С. П. Шевырев. М. Н. Катков, числившийся до того адъюнктом при кафедре философии, был прикомандирован к редакции «Московских ведомостей», издававшихся тогда Московским университетом.
- ⁸ Н. Н. Булич — адъюнкт при кафедре философии в Казанском университете. В 1853 г. занял там же кафедру русской словесности.
- ⁹ Н. Х. Бунге — известный экономист, профессор Нежинского лицея. В 1850 г. переведен в Киевский университет. Впоследствии — его ректор, в 1880-х годах — министр финансов.
- ¹⁰ И. К. Бабст — ученик Грановского, учитель истории в Московском сиротском доме. С 1851 г. преподавал политическую экономию и статистику в Казанском университете. С 1857 г. — профессор Московского университета.
- ¹¹ Ф. Б. Мильгаузен — адъюнкт Московского университета при кафедре законов о финансах, шурин Т. Н. Грановского.
- ¹² А. И. Селин — профессор российской словесности в Киевском университете.
- ¹³ Елизавета Богдановна Грановская (урожд. Мильгаузен) — жена Т. Н. Грановского; Юлия Богдановна — ее сестра; Федор Богданович Мильгаузен (см. выше) — ее брат.
- ¹⁴ М. М. Максимович — русско-украинский историк, филолог, фольклорист и естествоиспытатель, первый ректор Киевского университета, ранее преподавал в Московском университете.

^{10*} Вас написано над строкой над зачеркнутым него.

- ¹⁵ А. Л. Метлинский — адъюнкт при кафедре русской словесности в Харьковском университете, с 1850 г. — профессор Киевского университета.
- ¹⁶ А. Н. Драшусов — адъюнкт, впоследствии профессор астрономии в Московском университете.
- ¹⁷ В. Я. Шульгин — адъюнкт, впоследствии профессор всеобщей истории в Киевском университете. Его диссертация «О состоянии женщин в России до Петра Великого» была частично опубликована в 1850 г. (вышел только выпуск 1). О нем, как и о названных выше профессорах, см. в кн.: *Эймонтова Р. Г. Русские университеты на грани двух эпох: (От России крепостной к России капиталистической)*. М., 1985; *Кавелин К. Д. Собр. соч.* СПб., [1897]. Т. 1. Стб. 1030–1044.
- ¹⁸ Неподписанная рецензия на книгу П. В. Павлова «Об историческом значении царствования Бориса Годунова» (М., 1850) была помещена в «Современнике» (№ 7 за тот же год).
- ¹⁹ Имеются в виду: критическая статья И. К. Бабста «Несколько замечаний по поводу критики г. Стасюлевича на книгу „Аббат Сугерий“, историческое рассуждение г. Грановского» (*Отечественные записки*, 1850. № 8) и рецензия П. М. Леонтьева на книгу: Стасюлевич М. М. «Афинская ижемония. Рассуждение, представленное для получения степени магистра всеобщей истории» (Москвитинин, 1850. № 11). Направленные против Стасюлевича выступления Бабста и Леонтьева явились прямым откликом на нападки некоторых московских и петербургских ученых на докторскую диссертацию Грановского «Аббат Сугерий».

АРХЕОГРАФИЧЕСКОЕ ВОЗЗВАНИЕ К. Н. БЕСТУЖЕВА-РЮМИНА

В архиве крупного русского историка прошлого века Константина Николаевича Бестужева-Рюмина (1829–1897) сохраняется черновик статьи, написанной им от имени Археографической комиссии. В ней автор объясняет читателям важность для изучения истории документов прошлых эпох; призывает владельцев частных коллекций и отдельных письменных источников бережно относиться к ним и или передать их в Археографическую комиссию для хранения с последующей публикацией, или переслать туда хотя бы описи документов, чтобы эти материалы не погибли бесследно, чтобы стали доступными исследователям.

Заглавия у рукописи нет, но так и хочется назвать ее «Археографическим воззванием». В списки научных трудов Бестужева-Рюмина данная статья не вошла. Это можно объяснить тем, что Бестужев-Рюмин очень часто печатался в различных периодических изданиях (особенно с середины 1850-х — 1860-х годов, когда работал в редакциях газет и журналов) и нередко для того, чтобы материал не был задержан из-за «мелькания» его фамилии, он публиковал некоторые свои статьи либо под инициалами, либо без подписи, либо под фамилией своих друзей (с их ведома, конечно). Об этом Бестужев-Рюмин упомянул потом в своих воспоминаниях. Данное обстоятельство, естественно, приводило к недоразумениям и сильно затрудняло работу библиографов даже в том случае, когда им помогал сам автор. Таким образом, становится ясным, что списки трудов Бестужева-Рюмина неполные. Поэтому публикуемая рукопись прежде всего представляет интерес с точки зрения установления ее авторства.

Важна она и для изучения творчества Бестужева-Рюмина. Несмотря на сжатость (всего три страницы), статья вместила в себя немало проблем. Она отразила понимание автором сущности истории как науки; в ней выдвинуто требование всесторонней критики источника, дана краткая история археологии, поставлен вопрос о необходимых мерах для сохранения исторических источников, приведены горькие примеры гибели источников. Статья Бестужева-Рюмина, написанная доходчиво и живо, не потеряла значения и сегодня, когда остро стоит вопрос об охране памятников истории и культуры, в том числе рукописных.

«Археографическое воззвание» Бестужева-Рюмина не имеет авторской датировки. Если судить по времени выхода в свет упоминаемых в тексте книг (а Бестужев-Рюмин всегда тщательно следил за новинками исторической литературы, и отечественной, и иностранной, что обычно быстро отражалось в его собственных работах), то можно заметить, что наиболее «свежие» относятся к началу 60-х годов (крайняя дата 1862 г.).

Вместе с тем известно, что Бестужев-Рюмин был избран членом Археографической комиссии 27 февраля 1865 г. Следовательно, до этой даты он не мог писать от имени комиссии.

Просматривая «Летопись занятий Археографической комиссии», в разделе протоколов встретили информацию о том, что на заседании 16 апреля 1865 г. «А. Ф. Бычков предложил Комиссии, не найдет ли она полезным в виду того, что многие важные исторические и юридические акты находятся у частных лиц и, подвергаясь всем случайностям утраты, остаются недоступными для науки, обратиться к ним чрез посредство современных изданий с просьбою сообщить Комиссии принадлежащие им акты на время или в полную ее собственность, а если число их очень велико, то краткую их опись». Предложение было принято и тут же поручено Бестужеву-Рюмину, Бычкову и Савваитову «составить для помещения в газетах проект объявления, которым приглашались бы частные люди к доставлению в Археографическую комиссию находящихся у них документов»¹. Таким образом, становится очевидным, что публикуемая рукопись является вариантом обращения к публике и что она могла быть написана не ранее 16 апреля 1865 г.

Автограф написан чернилами, имеет авторскую правку, первоначально сделанную чернилами, затем карандашом. Карандашная правка отмечается в подстрочных примечаниях, чернильная — указывается без оговорок. Звездочкой отмечен комментируемый в конце публикации текст. Оригинал хранится в Архиве АН СССР ЛО.

Р. А. Киреева

К. Н. Бестужев-Рюмин

[Археографическое воззвание]

[не ранее 16 апреля 1865 г.]

Изучение Русской истории сделало в последние годы значительные успехи ^{1*} вследствие ^{2*} приведения в известность и обнародованием ^{3*} большого количества старинных актов и произведений старинной письменности ^{4*}. Только внимательное изучение и сличение между собою этих памятников прошлого дает нам возможность понять жизнь ^{5*} общества, во многих существенных отношениях не похожего на то ^{6*}, в котором мы живем теперь ^{7*}, а также и на те общества, быт которых уже достаточно изучен для того, чтобы результаты этого изучения могли перейти в общее суждение. Только ^{7*} акты, напечат[анные] ^{8*} г. Ивановым ¹, издание Разрядных Книг Валуевым ² и II-го Отделения Соб. Его Императорского Величества канцелярии ³, дали возможность понять местничество, это самобытное учреждение Московского государства, пуштив[шее] ^{9*} такие глубокие корни в тогдашнем обществе и имевш[ее] ^{10*} такое сильное влияние как на общественные, так и на политические события и отношения. Открытие известной книги Котошихина ^{4*}, ^{11*}, ^{12*} несмотря на ее очевидную односторонность и пасмешливый

¹ Летопись занятий Археографической комиссии, 1865—1866. Вып. IV. СПб., 1868. Раздел: Выписки из протоколов заседаний Археографической комиссии с 9-го января 1865 г. по 23 декабря 1866 г. С. 4—5.

^{1*} *Далее зачеркнуто: и возбу[дили]; карандашом: вызвали сильное сочувствие в обществе. Эти успехи объясняются. На полях написано карандашом и зачеркнуто: благодаря*

^{2*} *Написано карандашом и зачеркнуто: обнародыванием*

^{3*} *Далее зачеркнуто: значительного и*

^{4*} *Далее зачеркнуто четыре неразборчивых слова и: прежних времен, когда*

^{5*} *Далее зачеркнуто: тех веков*

^{6*} *Далее зачеркнуто: общество*

^{7*} *Позднее зачеркнуто карандашом. На полях карандашом: Так напр*

^{8*} *Написано карандашом над зачеркнутым: собранные*

^{9*} *Написано карандашом над зачеркнутым: имевшие*

^{10*} *Вписано карандашом над строкой.*

^{11*} *Далее зачеркнуто: пролило много света на явления (и еще пять неразборчивых слов).*

^{12*} *Позднее зачеркнуто карандашом.*

тон^{12*}, пролило много света на явления, известные до того времени только отрывочно.^{13*} Г. Забелин при^{13*} помощи разных приходорасходных записей^{14*}, материал^{15*} в глазах многих вовсе не имевший никакой ученой цены, восстановил и объяснил домашний быт русских царей в XVI и XVII вв.⁵ и таким образом дал ключ к пониманию самых событий, ибо ясно что обстановка исторических деятелей указывает на их понятия, а понятия поясняют события^{16*}. В современной литературе весьма часты ссылки на «Домострой» Сильвестра, знакомивший нас с^{17*} нравственными и экономическими понятиями наших предков. Но как повлиял сам по себе одинокий памятник, только сопоставление его с многими другими и взаимная их проверка дает возможность определить его настоящее значение и сделать из него вполне верные выводы, способные с надлежащею ясностью^{18*} определить характер известного общества, его учреждений, прав и верований. Теперь весьма благоразумными людьми давно уже признано, что в этом главным образом состоит значение истории как науки; внешние события непонятны, если мы близко не знаем тех условий, посреди которых они совершались и которые равно отразились и в самых деятелях и в тех, на кого действие простиралось. Мы легко понимаем события настоящего времени потому, что для нас знакомы с детства те условия, посреди которых они совершаются; многое даже и теперь, при более, чем прежде, равномерном распределении просвещения, не возводится до сознания и чувствуется инстинктом^{19*}. В отношении к времени, давно прошедшем, этот инстинкт пропал в нас, что весьма понятно, если вспомним, какой громадный общественный и политический переворот совершился в полтораста лет, отделяющих нас от Московского государства. Замене этого инстинкта должно служить внимательное изучение, от которого не ускользали бы никакие мелочи; что мелочь для нас, то могло иметь огромное значение в обществе с иным общественным и государственным строем, с иными понятиями. Для многих теперь родословные книги кажутся неважными, а без внимательного изучения родословных книг мы не поймем состава нашего дворянства, игравшего такую важную роль в Русской истории, не уясним себе значения инородческого элемента и отношений к нему Московского государства. Важность писцовых книг понята весьма недавно; прежде смотрели на них иначе и считали, например, возможным издание только образцовых дел...^{20*} форм старинного делопроизводства; а между тем здесь важный материал для объяснения экономического устройства Московского государства; мало того — такой существенный вопрос, как прикрепление крестьян, мог быть понят более полно и ясно только после внимательного изучения писцовых книг. К сожалению, при собирании материалов для нашей истории долго преобладал так называемый археологический интерес: отбирали редкости, как будто для кунсткамеры, и менее всего смотрели на явления общие, особенно если они — хоть нередко только внешне — походили на явления нового времени. Это казалось слишком обыкновенным и часто глупо, сбываемое в мелочные лавочки. Люди, более вдумывавшиеся в требования науки, смотрели совершенно иначе: знаменитый французский писатель Токвиль поставил себе за правило: вносить^{21*} в свое сочинение только те явления, которые встречаются наиболее часто и, по-видимому, составляют общие черты. Конечно, и этого взгляда не следует доводить до его крайности, ибо нередко случается, что известные памятники уничтожались или случайно или по каким-пи-

^{13*} Позднее зачеркнуто карандашом.

^{14*} Далее зачеркнуто: восстановил домашний. На полях написано карандашом: дал г. Забелин (далее одно неразборчивое слово).

^{15*} Далее зачеркнуто карандашом: которых

^{16*} Далее зачеркнуто: Известно употребление

^{17*} Далее зачеркнуто: хозяй[ственными]

^{18*} Далее зачеркнуто: охарак[теризовать]

^{19*} Далее зачеркнуто: только

^{20*} Далее одно неразборчивое слово.

^{21*} Далее зачеркнуто: только те явления, которые

будь временным обстоятельствам (сожжение чешских книг после битвы при Белой горе⁶, уничтожение всего, что касалось до Иоанна Антоновича, и т. д.), и потому иногда памятник, сохранившейся в одном экземпляре (напр[имер], «Слово о полку Игореве»), открывает целую сторону жизни, которая без того была бы неизвестна. Исключительные явления имеют свое законное место, только не следует давать им преобладающее значение.

У нас памятников прошлого, особенно близкого прошлого (XVII и XVIII вв.), много, что доказали^{22*} Археографическая экспедиция гг. Строева и Бередникова, послужившая основанием Археографической комиссии, многочисленные присылки документов после того, более тщательное рассмотрение архивов, издание Московского общества истории и древностей и частных лиц (Шуйские, Воронежские, Рязанские, Казанские акты) и т. д. Но памятники эти далеко не все известны и появляются в печати более или менее случайно. Например, должно быть, есть много частных летописцев, а в печати мы знаем только *Летописец Нормантского* (Врем[енник], т. V)⁷. Домашние и деловые приписки XVII и XVIII вв. изредка появляются в печати, что дает повод думать, что их сохранилось гораздо более; выписки из писцовых книг должны быть у всех помещиков или по крайней мере у очень многих; а между тем в государственных собраниях писцовых книг оказываются важные пробелы, объяснимые многочисленными пожарами. Быть может, эти пробелы могли бы хоть частью восстановлены с помощью копий, хранящихся у частных лиц. В архивах старинных родов^{23*} должны находиться и жалованные грамоты царей и императоров и нередко письма исторических лиц. Кроме того, у многих есть собрания любопытных исторических документов, которые недоступны для публики, не всегда описаны и подвергаются всяким случайностям. Библиотека историка Татищева сгорела в его деревне, и, таким образом, наука навсегда лишилась возможности проверки^{24*} многих его очень любопытных показаний, которые теперь трудно принять на веру, так как нам известно неудовлетворительное состояние научной критики в его время. Кто не знает судьбы, постигшей лучшие частные библиотеки Москвы в 1812 г.? Бывают и другие случайности: бумаги Крешина продавали^{25*} на толкучке, бумаги Кулибина очутились в Нижнем в мелочной лавке и т. д.^{26*}

Ввиду всех подобных случайностей Археографическая комиссия обращается ко всем частным лицам с покорнейшей просьбой доставить ей или самые документы, или описи в случае, когда собрание велико. Только посредством издания самих актов и других памятников старины мы можем сохранить их от гибели и пора наконец понять, как много зла сделало Русской^{27*} науке прежде^{28*} небрежное отношение к ее источникам^{29*}.

ЛО ААН. Р. V. Оп. 1-Б. Д. 16. Л. 2-3

Комментарии

¹ Речь идет о первом директоре МАИЮ П. И. Иванове. Публикации актов осуществлены им в книгах «Описание Государственного разрядного архива» (М., 1842), «Описание Государственного архива старых дел» (М., 1850) и др.

² Имеется в виду «Симбирский сборник» (М., 1844. Т. 1), в исторической части которого Д. А. Валуев напечатал одну разрядную книгу, в качестве введения к ней приложив исследование о местничестве.

³ Дворцовые разряды по высочайшему повелению изданные II отделением с. е. и. канцелярии. СПб., 1850-1882. Т. 1-4.

^{22*} Далее зачеркнуто: нам

^{23*} Зачеркнуто одно неразборчивое слово.

^{24*} Далее зачеркнуто: его мн[огих]

^{25*} Далее зачеркнуто: в ме[лочной лавке]

^{26*} Далее зачеркнуто: В виду в

^{27*} Слово зачеркнуто. На полях: науке Русской

^{28*} Далее зачеркнуто: пренебрежение

^{29*} Далее приписан карандашом адрес, по которому следует высылать материалы.

- ⁴ О сочинении Г. К. Котошихина, получившем при издании название «О России в царствование Алексея Михайловича» (СПб., 1842), первым из русских исследователей узнал А. И. Тургенев в 1836–1837 гг. Скопировал хранящуюся в Швеции рукопись С. В. Соловьев в 1839 г.
- ⁵ Имеется в виду книга: Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII вв. (М., 1862. Т. I).
- ⁶ Битва при Белой горе состоялась под Прагой 8 ноября 1620 г., в результате чешский народ подпал под германское иго и подвергся насильственному онемечиванию.
- ⁷ Имеется в виду «Книга глаголемая Федора Кирилловича Нормантского» (Временник МОИДР. М. 1850. Кн. 5).

ОТЗЫВ С. Б. ВЕСЕЛОВСКОГО О ДРАМАТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ «ИВАН ГРОЗНЫЙ» А. Н. ТОЛСТОГО

Публикуемый отзыв, написанный Степаном Борисовичем Веселовским (тогда еще членом-корреспондентом АН СССР) в 1945 г., не первый отклик ученого на драмы Алексея Николаевича Толстого об Иване Грозном. По окончании работы над пьесой «Орел и орлица» Толстой ранней весной 1942 г. прочитал ее в Институте истории АН СССР. (Об этом упоминается в многих работах об А. Н. Толстом.)

Институт истории, как и другие гуманитарные институты Академии наук СССР, был эвакуирован в Ташкент и располагался в здании багетной школы Тамары Ханум на Пушкинской улице — одной из центральных в городе. В том же доме жили и многие сотрудники Академии наук. Большинство же членов АН СССР жили недалеко, в другом доме на той же Пушкинской улице (называвшемся в просторечии Домом академика, как и незадолго до того построенный дом в Москве — ныне дом 13 по Ленинскому проспекту). Открытое заседание происходило в зале первого этажа, где днем была столовая, а вечерами иногда научные заседания, вызывавшие особый интерес, а также бесплатные концерты (музыкантов и драматических актеров) и литературные вечера.

Мне, тогда студенту Среднеазиатского университета и к тому же проживавшему в доме Тамары Ханум, довелось быть свидетелем и этого чтения, и авторского чтения в университете. Сейчас уже не припомню, какое публичное чтение из этих двух было ранее (вероятно, в доме Тамары Ханум), но они различались.

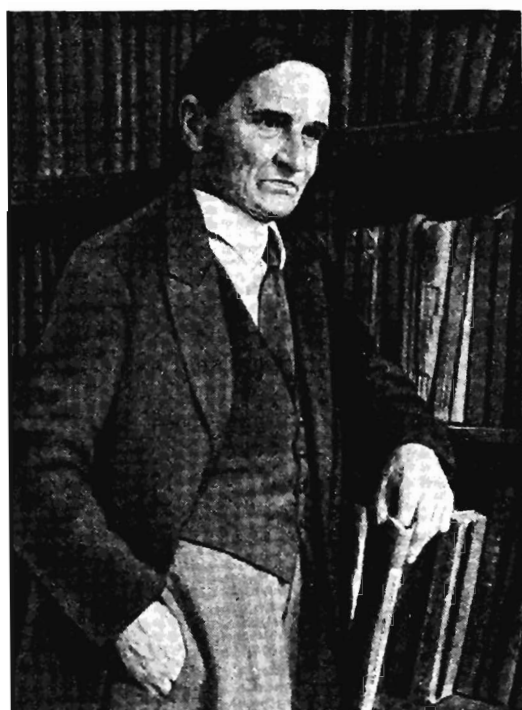
В университете, где в актовом зале было сравнительно много молодежи, Толстой сидел на возвышающейся сцене. Вид его — холеного, элегантного, с кольцом-печаткой на пальце, — столь отличный от вида других в ту трудную пору, и свободная артистичность исполнения как бы переносили нас в довоенное время, в атмосферу литературных вечеров, праздничной театральности, приподнятого настроения. Авторское чтение производило сильнейшее художественное впечатление, прямо-таки зачаровывало. («Чтение меня поразило, как поражает музыка», — писала и слушавшая Толстого, читавшего в 1943 г. «Трудные годы» артистам МХАТ, известный театральный деятель М. О. Кнебель)¹. Сочный, образный язык и четкость дикции, великолепное владение красивым, сильным, барственным тембра голосом, способность к актерскому перевоплощению в передаче интонационных особенностей речи действующих лиц и состояния их души казались поразительными и в какой-то мере даже мешали восприятию собственно исторического содержания пьесы, ее текста и подтекста.

В доме Тамары Ханум Толстой был сдержаннее в манере исполнения и голос казался глуше (быть может, и потому, что помещение не было приспособлено для публичных выступлений). Видимо, сказывалось и волнение автора, ожидание им отзывов историков-специалистов. О волнении

¹ Кнебель М. Вся жизнь. М., 1967. С. 433.

Толстого по дороге в дом Тамары Ханум писала позднее художница Валентина Ходасевич, сопровождавшая его на это заседание. Толстой, передавший заранее пьесу для ознакомления ученым, по ее словам, мрачно изрекал по дороге: «...Я знаю — многие уже прицелились, будут придирааться...»²

Сейчас уже трудно вспомнить, кто выступал именно в доме Тамары Ханум при обсуждении пьесы. Но суждение Веселовского выделялось среди хвалебных или учтиво-неопределенных речей. Непохожим на других был и его внешний «старомодный» облик: черная визитка, серые брюки в полоску, ботинки на более высоких каблуках, чем носили в предвоенные годы. Стоя на кафедре (расположенной на уровне пола), Веселовский обращался к написанному тексту. Замечаний было много — и общего характера, и особенно об исторических неточностях и несуразностях; причем, кажется, в последова-

Степан Борисович
ВЕСЕЛОВСКИЙ
(1946 г.)

тельности, соответствующей сценам пьесы. Дух и направленность того выступления были такими же, как и в отзыве 1945 г. (Вероятно, Веселовский в 1945 г. использовал текст 1942 г.). Толстой с несколько наигранной самоуверенностью, и плохо скрывая раздражение, говорил в ответ, что это произведение художника, а не историка и писательская образность допускает неточности в деталях и хронологии. Задержался в сознании и подтверждается воспоминаниями А. С. Веселовской о домашних рассказах ответ Толстого на упрек в небрежном отношении к памяти современников Грозного (кажется, боярина Федорова, для помпирования которого царь сделал большой вклад в монастырь, что свидетельствовало, по мнению Веселовского, о невинности боярина): «А Вам не все ли равно!», и на ехидное замечание, на каком же языке говорили (в картине третьей) при встрече Иван IV и воспитанная в восточных традициях, не знавшая настоящего языка черкесская княжна, Толстой парировал: «На языке любви, а он везде одинаков».

Любопытны подробности об этом заседании и реакции на него в дневниковых записях и письмах жены историка Ольги Александровны, с которыми любезно познакомила дочь их Анна Степановна. Материалы эти (цитаты из которых приводятся с сокращениями слов, как в автографе) много дают и для понимания биографии С. Б. Веселовского, его своеобразного положения в среде других историков. В письме Борису Степановичу Веселовскому (сыну от первого брака) читаем: «Ст. Бор. рассердился на Ал. Толстого за его драму „Иван Грозный“. И в Инст. истории после чтения автором драмы сказал все, что нашел пужным сказать». Письмо датировано 23 апреля 1942 г. Происшедшее волновало семью Веселовских и позднее. В письме к невестке Наталье Константиновне (жене Бориса Степановича) от 15 июня 1942 г. Ольга Александровна подробнее пишет

² Петелин В. Судьба художника: Жизнь, личность, творчество Алексея Николаевича Толстого. М., 1982. С. 524–525.

обо всем этом: «Особенно остро почувствовалось одиночество Ст. Бор. на чтении Алексея Толстого — он читал новую свою пьесу об Иване Грозном. У Ст. Бор-ча есть уже ряд еще ненапечатанных, но замечательных статей, работ об Ив. Грозном и его времени.

Пьеса Толстого очень эффектна, сценична, хватает за жабры, но „с точки зрения историка...в высшей степени бесцеремонна“. Но не на пьесу рассердился Степан Борисович. А на общий дифирамбный, гимновосторженный хор реверансов, какими была встречена эта пьеса историками! Как ни странно сказать это о Ст. Бор-че, но он до простодушия искренно сердился и негодовал („Им до истории никакого дела нет!“).

Я только рада была, что в своем беспощадно прямом, ясном, но вполне и безусловно корректном отзыве Ст. Бор. не повысил голоса и не делал жестов. М. б. корректность формы, спокойствие и ровность голоса и были еще более убийственны и действенны для автора. Автор не справился со своим оппонентом. Он поступил умно: просто отмахнулся и спрятался за общие фразы. (О том, что пьеса уже одобрена и копыа ломать уже ни к чему — не так грубо, но смысл совершенно этот.) Интересно — как она будет поставлена в Малом театре? Успех она, вероятно, иметь будет. Пьеса сценична и эффектна.

И как замечательно, великолепно прочел Толстой свою пьесу! Даже я, которая слушала ее невольно сквозь призму оскомины от нее Ст. Бор-ча, была зачарована авторской блистательной читкой. И дернула его пелегкая писать именно об Иване Грозном!» Закапчивается эта часть письма рассуждением: «Я понимаю: нужно и важно теперь вспоминать и художественно восстанавливать величавые и высокие моменты истории и строительства нашей страны, родины», но, «не теряя чувства меры и правды».

Публикуемый отзыв представляет интерес и для историков литературы, и для историографов, и для понимания общественного сознания тех лет. Хотя в комментариях к изданию диалогии в Полном собрании сочинений А. Н. Толстого написано, что он «неоднократно выступал с чтением первоначальных вариантов своей „драматической повести“ о Грозном, чутко прислушиваясь к отзывам аудитории»³, замечания Веселовского (во всяком случае, большинство их) писатель счел возможным не учитывать при доработке пьесы.

Отзыв интересен и в плане исследования России XVI в. (а Веселовский именно тогда особенно целеустремленно занимался историей этой эпохи): в частности, соображениями о том, каким путем Первое послание Курбского дошло до адресата — царя Ивана. Но особенно важен этот документ из архива ученого как показатель оценки им событий российской истории, противостоящей принятой тогда в советской литературе (и научной и художественной) апологетике Ивана Грозного и его политических деяний, и как свидетельство того, какое значение Веселовский придавал освещению исторических событий в художественной литературе (особенно в военные годы, когда так возросла тяга к познанию своего прошлого).

В этом отношении много дает сравнительное рассмотрение отзыва на пьесы А. Н. Толстого об Иване Грозном и отзыва августа 1943 г. на роман В. И. Костылева «Иван Грозный», опубликованного с предисловием А. А. Зиминой в 1973 г.⁴ Веселовский был стоек в своих представлениях о деятельности Ивана Грозного и ее последствиях и правдив в выражении своих мыслей — и в написанном и в публичных выступлениях. Он не мог не знать, как оценивается деятельность Ивана Грозного видными тогда историками (тем более что и С. В. Бахрушин и Р. Ю. Виппер жили с ним в Ташкенте в одном доме), и, конечно же, помнил соответ-

³ Толстой А. Н. Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1949. Т. 10: (Пьесы). С. 699. Авторы коммент. А. В. Алпатов и С. Н. Дурьлин.

⁴ Зимин А. А. Академик С. В. Веселовский и образ Ивана Грозного в художественной литературе // История и историки: Историогр. ежегодник, 1971. М., 1973.

ствующего характера выступлений при обсуждении пьесы А. Н. Толстого в Ташкенте. Вероятно, ему было ясно и то, какое высокое лицо заинтересовано в публичном выражении таких взглядов. Ведь отзыв о драматической повести «Иван Грозный» написан после того, как заставили переделать постановку пьесы «Орел и орлица» в Малом театре (осень 1944 г.) и в самых авторитетных органах массовой печати появились хвалебные отзывы о сочинении Толстого и новой постановке этой пьесы в том же Малом театре весной 1945 г.⁵

На обложке архивного дела с отзывом рукою жены ученого О. А. Веселовской помета чернилами «Весна 1945 г.». И там же памятка: «22.IX.45 г. читала вслух Ст[епану] Бор[исовичу], Ане, брату Борису». На последней странице машинописи, там где подпись С. Б. Веселовского, дата «VIII. 1945». Видимо, первоначальный вариант отзыва был написан весной 1945 г. (Не послужили ли поводом выход драматической повести отдельной книгой⁶ или известие о смерти писателя, скончавшегося 23 февраля 1945 г.?) Текст был, видимо, напечатан самим автором, так как, по свидетельству его дочери, Веселовский из-за катаракты в те годы печатал свои сочинения. В машинописи — многочисленные редакционные изменения первоначального текста, внесенные рукою жены ученого (быть может, под диктовку автора). Включен новый абзац: воспоминание о заседании в Ташкенте («После авторской читки... с такой же бесцеремонностью как с первой») — и изменено заключение. Первоначальный текст его был таким: «В заключение в связи с постановкой драматической повести А. Н. Толстого на сцене, что дает возможность познакомиться с повестью большому количеству лиц, мне представляется вполне уместным высказать недоуменный вопрос. Литература об Иване Грозном, научная и художественная, огромна. Об Иване Грозном и его времени напечатано множество книг и статей по старой и по современной орфографии. Эпохой Грозного интересовались и интересуются очень многие. Наконец, средняя школа и вузы дают учащимся некоторые сведения об основных фактах этой эпохи. Естественно, возникает вопрос, что скажут советские читатели, интересовавшиеся прошлым своей родины, и учащиеся, когда будут знакомиться с Повестью, в чтении или театре? Ведь они найдут в ней не только новую трактовку личности Ивана Грозного и оценку его как исторического деятеля, но также множество непримиримых противоречий решительно со всем, что они вычитали самостоятельно и чему учились в школе. А. Н. Толстой по справедливости пользуется репутацией великого мастера русского слова; но следует признать, что, написавши Повесть об Иване Грозном, он взялся не за свое дело, не имея на то надлежащей подготовки, и потому его произведение оказалось совсем неисторичным».

Веселовский, внешне, казалось бы, отрешенный от житейской суеты, преданный лишь своей науке и заботам о профессионализме готовящих себя к занятиям историей⁷, как теперь все в большей мере выясняется, был глубоко отзывчив к современности и болел за чистоту исторических знаний. В обращении к теме «Иван Грозный» он видел и свой нравственный долг⁸ (недаром для него в этом отношении всегда оставался примером Н. М. Карамзин со «своей неизменной добросовестностью» и под-

⁵ Некоторые из них — статья Д. Заславского о драматической повести Толстого (О правде русской // *Большевик*. 1944. № 10—11) и статьи о спектакле Малого театра С. Голубова (*Правда*. 1945. 30 мая) и Н. Погодина (*Известия*. 1945. 30 мая) — помещены в книге «Иван Грозный (драматическая повесть Алексея Толстого на сцене)» (М. 1946).

⁶ *Толстой Алексей*. Иван Грозный: Драматическая повесть в двух частях. М., 1945. С иллюстрациями П. П. Соколова-Скала, художника постановки пьесы «Орел и орлица» в Малом театре, и П. В. Вильямса, художника готовящейся постановки пьесы «Грудные годы» в Московском художественном театре.

⁷ См. записи его лекций в МГИАИ (*Веселовский С. Б. Труды по источниковедению и истории России периода феодализма*. М., 1978).

⁸ *Смирнов И. В.* Приобретение навики // *Знание — сила*. 1987. № 9. Очерк о С. Б. Веселовском в разделе «Люди науки».

черкиванием нравственного начала в истории⁹). Ученый писал в те годы преимущественно в ящик письменного стола, воспринимался некоторыми даже как реликт старой науки. Но, упорно работая в избранном им направлении, Веселовский охотно знакомил со своими ненапечатанными еще сочинениями и верил в то, что в будущем обратятся к его трудам. И с 1960-х годов имя академика С. Б. Веселовского прочно утвердилось среди классиков нашей науки о России XIV—XVII вв.

Ясно, что утверждение авторов комментариев к изданию дилогии в Полном собрании сочинений А. Н. Толстого, будто писатель лишь «в некоторых моментах второстепенного значения позволял себе известные отступления от исторической канвы»¹⁰, далеко от истины¹¹. Но несомненно и то, что Толстой был знаком и с первоисточниками — памятниками письменности и фольклора XVI — начала XVII в. (даже контаминировал цитаты из различных источников)¹², и с историческими трудами о времени Ивана Грозного¹³, и с предшествовавшими художественными произведениями об этой эпохе: М. Ю. Лермонтова (в пьесе «Трудные годы» среди действующих лиц купец Степан Парамонович Калашников), А. К. Толстого и др.

О языке и стиле сочинений Ивана Грозного Толстой говорил, выступая на I съезде писателей в 1934 г., а в январе 1935 г. В. Д. Бонч-Бруевич писал А. М. Горькому, что Толстой «очень много посвящает времени истории Иоанна Грозного, собирает материалы — книги, портреты, и говорит, что в его сознании Петр имеет свои истоки в Иоанне Грозном и что Иоанн Грозный для него даже интереснее, чем Петр, колоритнее и разнообразнее. Хочет о нем писать»¹⁴.

В мае 1940 г. Толстой получил заказ на пьесу об Иване Грозном и весной 1941 г., рассказывая о своих творческих планах, сообщил, что приступает «к пьесе о начале созидания русского государства из эпохи Ивана Грозного». Писать он ее начал 17 октября 1941 г. в Зименках под г. Горьким и завершил в феврале 1942 г. в Ташкенте¹⁵.

Еще в 1920-е годы на него заметное впечатление произвела книга Р. Ю. Виппера «Иван Грозный», и, работая над пьесой, Толстой сознательно придерживался в характеристике государственно-политической истории России времени Ивана Грозного и в оценке деятельности первого российского царя все более утверждавшейся в те годы точки зрения (нашедшей отражение и в вузовском учебнике, где автором соответствующего раздела был С. В. Бахрушин). Толстой был убежден в прогрессивности государственной централизации и необходимости для России единовластия: это прослеживается и по его романам «Хождение по мукам» и «Петр I».

Об Иване Грозном Толстой напоминал и в своих публицистических выступлениях тех месяцев. В статье «Родина», напечатанной 7 ноября 1941 г., он писал, что Иван Грозный «со страстной настойчивостью и жестокостью» «разломал обветшавший застой удельной Руси, разгромил

⁹ Шмидт С. О. «История государства Российского» Н. М. Карамзина в культуре дореволюционной России // Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1988. Кн. 4; *Он же*. «История государства Российского» Н. М. Карамзина в контексте истории мировой культуры // Всемирная история и Восток: (Сб. к 70-летию академика С. Л. Тихвинского). М., 1989.

¹⁰ Толстой А. Н. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 697.

¹¹ Веселовский Т. Т. Дилогия А. Н. Толстого «Иван Грозный» // Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та. 1958. Т. 184, вып. 6. С. 161—181; Титкина Т. С. Об исторической правде в дилогии А. Н. Толстого «Иван Грозный» // Учен. зап. ЛГУ. Сер. филол. 1959. Вып. 53.

¹² Векслер И. И. Алексей Николаевич Толстой. М., 1948. С. 468—469. Об этом же — в трудах литературоведов, изданных позднее.

¹³ Это отмечено в комментариях к т. 10 сочинений А. Н. Толстого, в трудах литературоведов, где указаны и исторические источники и труды историков, к которым обращался писатель в период работы над дилогией и ранее.

¹⁴ Крестинский Ю. А. А. Н. Толстой: Жизнь и творчество: Краткий очерк. М., 1960. С. 221.

¹⁵ Там же. С. 284, 287—288.

вотчинников-князей и самовластное боярство и основал единое русское государство и единую государственность с новыми порядками и новыми задачами огромного размаха. Таково было постоянное стремление всей Руси — взлет в непомерность»¹⁶. Выявлены и другие высказывания Толстого именно того времени (в том числе и неопубликованные тогда) о царе Иване — государственном деятеле, писателе, человеке.

Образ Ивана Грозного, воссоздаваемый А. Н. Толстым, явно противопоставлен был широко известному читателю и зрителю «каноническому» образу царя из драмы А. К. Толстого «Смерть Иоанна Грозного»¹⁷. Писатель ожидал сравнительного рассмотрения пьес двух знаменитых однофамильцев (и отзыв Веселовского является подтверждением такого хода мыслей у знакомящихся с новой пьесой о грозном царе) и стремился показать их несхожесть и по содержанию и стилистическую. Быть может, даже для подчеркивания этого несходства с трагедией в стихах А. К. Толстого введено было необычное для русской литературы определение: «драматическая повесть».

С пьесой Толстого, изданной первоначально тиражом в 200 экземпляров, ознакомился И. В. Сталин, проявлявший особый интерес к событиям времени Ивана Грозного и их оценке. И его суждение нашло отражение в статье М. Б. Храпченко (занимавшего тогда пост председателя Комитета по делам искусств) «Современная советская драматургия», напечатанной в газете «Литература и искусство» 30 мая 1942 г. При характеристике нового произведения Толстого отмечалось «большое значение правильного изображения» деятельности Ивана Грозного и то, что царь Иван показан в пьесе «преимущественно в личном быту. Кипучая деятельность Ивана Грозного по „собирацию“ земли русской, созданию централизованного государства не нашла отражения в пьесе. Широкий размах государственных преобразований, осуществляемых Иваном Грозным, также остался вне поля зрения автора. Борьба Ивана Грозного с боярством сведена в пьесе к внутриворцовым распрям. Роль опричнины, на которую опирался Иван Грозный, по существу не показана. В пьесе затронут вопрос о войне с Ливонией, однако разгром Ливонии русскими войсками в пьесе вовсе не показан. Несомненно, что пьеса А. Н. Толстого „Иван Грозный“ не решает задачи исторической реабилитации Ивана Грозного»¹⁸. А В. Р. Щербина в книге 1956 г. о А. Н. Толстом пишет: «В первом издании драматической повести „Иван Грозный“ в качестве главного мотива борьбы государя с боярством воздвигалась идея самовластия. И. В. Сталин, прочитав первую часть дилогии „Орел и орлица“, посоветовал автору дать более широкое освещение государственной деятельности Грозного и смысла введения им опричнины. Художник приступил к работе над второй частью произведения „Трудные годы“ и вносит серьезные дополнения в первую часть»¹⁹.

На самом деле изменения в пьесе «Орел и орлица» не имели принципиального характера. И Толстой решил написать еще одну новую пьесу об Иване Грозном, т. е. дилогию, а первоначально даже трилогию (о чем сообщил в статье «Над чем работаю», помещенной в журнале «Огонек» в январе 1943 г. и приуроченной к 60-летию писателя). Вторую часть Толстой сам считал «центральной»²⁰. Видимо, уже во второй половине 1942 г. начата была работа над второй пьесой, так как в заключенном в январе договоре о представлении пьесы МХАТ был указан срок сдачи — 1 марта 1943 г. Пьеса была закончена 16 апреля 1943 г.²¹ И именно в тот день, как вспоминал драматург Б. С. Ромашов, Толстой говорил ему: «Третью часть писать не буду. Это страшно. Это такой мрак,

¹⁶ Толстой А. Н. Полн. собр. соч. М. 1950. Т. 14. С. 162.

¹⁷ Крестинский Ю. А. Указ. соч. С. 290–291.

¹⁸ Цит. по кн.: Крестинский Ю. А. Указ. соч. С. 288–289.

¹⁹ Щербина В. Р. А. Н. Толстой: Творческий путь. М., 1956. С. 481. См. также: Западов В. Л. Алексей Николаевич Толстой. Л., 1969. С. 124.

²⁰ Толстой А. Н. Полн. собр. соч. Т. 14. С. 373.

²¹ Крестинский Ю. А. Указ. соч. С. 289.

крушение всех его (Ивана IV.—С. III.) надежд, нельзя писать в такое время. Не подниму. После войны как-нибудь»²².

Особенно важно указание самого писателя о различии его намерений при работе над разными частями дилогии, учитывая, что вторая часть была написана после указаний Сталина: «Работа над первой пьесой „Орел и орлица“ была для меня опытным изучением Грозного, его характера, людей его времени. Вторая пьеса — „Трудные годы“ — раскрывает характер царствования Ивана, смысл и причинную связь его деяний»²³. Изучавшая материалы, отложившиеся за период работы Толстого над дилогией, П. А. Бороздина цитует о многочисленных правках и изменениях, о трех основных редакциях первой пьесы и четырех основных редакциях второй части дилогии, о том, что отчетливо видно «стремление усилить политико-государственный стержень произведения»²⁴.

Тенденция автора ясна. Но что побудило писателя к такому смещению событий и дат и смешению стилей? К чему было так демонстративно нарушать хронологию известных исторических событий и деятельности исторических лиц, прибегать к почти балаганным формам в изображении значительных явлений государственной жизни, прежде всего Земского собора? Только ли поспешность и желание поскорее представить свое новое сочинение на суд тому, кто ожидал его окончания? Или потребность денежного обеспечения себя (а Толстой любил и умел жить «открытым домом», был, по словам С. В. Михалкова, «человеком застолья») и трудность в условиях эвакуации проверки исторических сведений (но ведь в Ташкенте, помимо сотрудников Института истории, находился тогда и такой знаток времени Ивана Грозного, как профессор И. И. Полосин)? Или сознательное небрежение к исторической точности, ненужной, мол, для произведения искусства? Все это, видимо, следует учитывать. Но вряд ли здесь не было и умысла.

Толстой — человек циничного ума, с развитым чувством юмора, склонный к игре в жизни и к наблюдениям ее проявления в окружающих²⁵. Не хотел ли Толстой, естественно, как и все интеллигентные люди той поры, тяготящийся сталинско-бериевскими приемами управления и сдерживания общественного мнения, показать, с одной стороны, что писателя-фаворита за произведение на заказную тему не посмеют (зная это) укорить в печати за отступление от исторической истины, а с другой — выявить и уровень требований к истории, и знания этой истории Сталиным и его окружением и вызвать ассоциации у читателя? Мудрый, да поймет! Трудно поверить в то, что автор «Сестер», «Гадюки», столь детально следовавший за наблюдениями академика М. М. Богословского в романе «Петр I», объясняющий (или, правильнее сказать, оправдывавший) в опубликованной в начале 1943 г. автобиографии литературные недостатки романа «Хлеб» тем, что это была попытка «обработки точного исторического материала художественными средствами»²⁶, не ведал, что творит, и не думал о том, как оценят потомки (да и современники) его «лебединую песню»? Тем более что Толстой считал дилогию «Иван Грозный» «любимым детищем», которое долго вынашивалось²⁷.

Обстоятельства общественно-политической жизни, стремление самоутвердиться (или точнее — утвердить себя в глазах Сталина и его окру-

²² Ромашов Б. Драматург и театр. М., 1953. С. 464.

²³ Толстой А. Н. Полн. собр. соч. Т. 14. С. 379. Первоначально напечатано в журнале «Смена» в феврале 1944 г.

²⁴ Бороздина П. А. А. Н. Толстой и театр. / 2-е изд. Воронеж, 1975. С. 18.

²⁵ Это ясно заметно в известных изображениях Толстого И. Л. Андрониковым и в записанных им устных рассказах.

²⁶ Толстой А. Н. Полн. собр. соч. М., 1951. Т. 1. С. 88. «Краткая автобиография» впервые была напечатана в журнале «Новый мир» (1943. № 1).

²⁷ «В моей литературной жизни эта повесть о Грозном — самая важная работа», — писал Толстой 18 октября 1943 г. секретарю Горьковского обкома партии М. И. Родионову (в 1950 г. осужденному вместе с Н. А. Вознесенским, А. А. Кузнецовым и др.). См.: Крестинский Ю. А. Указ. соч. С. 293.

жения) отодвигали сроки завершения работы Толстого над широким полотном романа о Петре Великом, начатой в момент раздумий о корнях, путях и катаклизмах революционных преобразований в нашей стране. Толстой нарочито писал в упоминавшейся автобиографии: «Что привело меня к эпохее „Петр I“? Неверно, что я избрал эту эпоху для проекции современности. Меня увлекло ощущение полноты „непричесанности“ и творческой силы той жизни, когда с особенной яркостью раскрывался русский характер.

Четыре эпохи влекут меня к изображению по тем же причинам: эпоха Ивана Грозного, Петра, гражданской войны 1918—1919 годов и наша сегодняшняя небывалого размаха и значительности». Писатель был заинтересован в том, чтобы дезавуировать распространенное тогда представление о поводах его особого интереса к определенным историческим эпохам и историческим личностям. И официально он преуспел в этом, получив публичную поддержку такого ведущего тогда критика, отличавшегося к тому же умением быстро ориентироваться в конъюнктуре и ее изменениях, как А. Л. Дымшиц. О характере историзма дилогии «Иван Грозный» Дымшиц писал: в произведениях А. Н. Толстого нет ни «искусственного притягивания истории к современности», ни «пресловутого „опрокидывания“ современного в прошлое», а «есть тот здоровый историзм, который выражается в органическом чувстве традиции, в осознании связи современности с прошлым»²⁸.

Но в выделении эпох отечественной истории, притягивающих его художественный интерес, Толстой был правдив. Образ царя Ивана привлек его не позднее начала 1930-х годов. И вероятно, не только как человека «великой страстной русской души»²⁹ и в какой-то мере предтечи Петра I на троне. Не побудили ли Толстого к этому и события рубежа 1920—1930-х годов, названные тогда «великим переломом», определившие дальнейшее развитие и деревни и города и непосредственно отразившиеся и на судьбах окружавшей писателя литературно-художественной интеллигенции, а вскоре и лиц, принадлежавших прежде (или по происхождению своему) к высшим слоям дворянства? А осенью 1941 г. трагические события первых месяцев Великой Отечественной войны, во многом обусловленные и государственно-политическими акциями предшествовавших лет?

Обращение к образу Ивана Грозного и именно к эпохе опричнины, к годам поражения в борьбе с ордами крымского хана и ухудшения положения на ливонском фронте позволяло показать, что такое жестокость самовластия и ее последствия, одиночество подозрительного и вознесенного надо всеми самовластца («Доколе еще вырывать плевелы и сучья гнилые рубить? Остаюсь голо как древо...»), самооценку самовластца и оценку его народом, как выглядит народное представительство, какой ценой «Россия должна стать великим государством». Небезынтересно, что вторую пьесу Толстой начал (после одобрения первой пьесы Сталиным) сразу со второй картины — сцены Земского собора³⁰. Вспомним многие слова и действия обеих пьес (особенно второй и ее название «Трудные годы») и завершающую вообще впечатлительную финальную картину второй пьесы: стан Грозного и «вдали зарево пылающей Москвы, сожженной крымскими татарами, слова из письма царя в этот трагический момент: «А мы, слава богу, здоровы и духом крепки. Случилась у нас беда великая...» — и заключительную фразу царя в дилогии: «Горит, горит Третий Рим... Сказано — четвертому не быть... Горит и не сгорает, костер нетленный и огонь неугасимый... Се — правда русская, родина человека...»³¹ Нет ли двусмысленности в словах и в образе действия царя в

²⁸ Дымшиц А. «Иван Грозный» Алексея Толстого // Звезда. 1944. № 4. С. 117.

²⁹ Толстой А. Н. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 89.

³⁰ Кнебель М. Указ. соч. С. 444.

³¹ В последней цитате отточия А. Н. Толстого. (См.: Толстой Алексей. Иван Грозный: Драматическая повесть в двух частях. С. 144, 145, 150; То же // Толстой А. Н. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 575).

заключительной сцене дилогии? Не этим ли объясняется и неоднозначность оценки дилогии (и ее общественно-политической направленности) в литературоведческих работах? ³²

Образ царя Ивана, особенно во второй пьесе, многое мог подсказать истинно даровитому актеру, на многое подтолкнуть его общественное сознание, ассоциативность психологических наблюдений. Роль царя в пьесе «Трудные годы» готовил в МХАТ Н. П. Хмелев — великий актер, особо ценный Сталиным. Сохранились записи близких к нему людей о вживании Хмелева в эту роль, поисках прообразов ее в жизни. Те, кто видел актера в сценах из пьесы, признавали единодушно это исполнение вершиной его творчества, когда «Хмелев впервые зазвучал как трагический актер». Отметившие это М. О. Кнебель и А. Д. Попов писали вскоре после кончины Хмелева (но еще при жизни Сталина!): «Одиночество Ивана в борьбе с боярством, возведение абсолютизма царской власти в степень божественной миссии делали для Ивана трагически непостижимой боярскую измену» ³³. Живым прообразом стал для Хмелева его дед — человек очень злого и властного характера, ослепший и потому особенно подозрительный. Для Хмелева Иван Грозный, по словам работавшей с ним над ролью М. О. Кнебель, человек «умный, властный, хитрый, жестокий». Хмелев говорил, что «Грозный для него сейчас — самое главное в жизни». «Поймите, я в Грозного вложил всю душу и боюсь, дойдет ли все то, что я задумал» ³⁴.

И вероятно, крупнейший наш театровед П. А. Марков — человек, близкий издавна Хмелеву, — был прав, когда добавил к ранее написанной — еще при жизни актера — статье о Хмелеве в 1964 г. текст об отношении актера к исполнению им роли Ивана Грозного: «Он брал роль очень глубоко. И Грозный возникал во всех сжигающих противоречиях. О какой бы то ни было сентиментальности здесь, конечно, не могло быть и речи. Хмелев судил своего Грозного с очень высоких человеческих позиций. Думаю, что „историзм“ образа его интересовал гораздо менее, чем борьба между пожаром страсти, охватившей этого измученного, страшно в своей подозрительности человека, и мучительными думами о родине и своем призвании» ³⁵. Хмелев понимал, на что он шел, был напряжен до предела и не вынес такого напряжения духа: он упал во время генеральной репетиции в костюме грозного царя и через несколько часов скончался в родном ему театре. Это случилось 1 ноября 1945 г.

И дилогия Толстого, и работа Хмелева над ролью Ивана Грозного — это поиски ответа на вопросы: как оценивать (или оправдывать, убеждая в себе государство и стремление народа, как объяснить отношение современников (и близко общающихся с ним и широких слоев) к такому государю. Проблема, к которой обращена мысль и сейчас, когда очевидны пагубные последствия культа личности Сталина. Но об этом думали — хотя и редко решались говорить вслух даже среди близких людей и тем более писать прямо — и участники и современники тех событий. Все это дает основания для дальнейших размышлений о творческих намерениях А. Н. Толстого, о «загадке», как удачно нашел слово С. Б. Веселовский, драматической повести «прославленного писателя».

В публикуемом тексте машинописи с рукописной правкой отдельные неточности в цитатах из пьес А. Н. Толстого исправлены публикатором.

С. О. Шмидт

³² Эти работы названы в книгах П. А. Бороздиной «А. Н. Толстой и театр» и Л. И. Зверевой «А. Н. Толстой — мастер исторической драматургии» (Львов, 1982).

³³ Попов А., Кнебель М. Н. П. Хмелев — Иван Грозный // Ежегодник МХАТ, 1945. М., 1948. Т. 2. С. 156.

³⁴ Кнебель М. Указ. соч. С. 441, 443, 464, 465.

³⁵ Марков П. А. О театре. М. 1974. Т. 2. С. 344.

О ДРАМАТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ «ИВАН ГРОЗНЫЙ»

А. Н. ТОЛСТОГО

Поставив себе задачу говорить о новом произведении А. Н. Толстого исключительно с точки зрения историка, тем не менее приходится сказать несколько слов о форме повести Толстого. Мы привыкли называть повестью такое художественное произведение, в котором есть та или иная фабула. В повести Толстого фабулы нет, и вся она состоит из ряда картин, связанных между собой только личностью главного действующего лица — Ивана Грозного. По существу повесть А. Н. Толстого есть серия эпизодов, характеризующих Грозного-царя. При такой постановке художественной задачи автор, естественно, не находил нужным считаться с исторической последовательностью событий и фактов. Это не могло не отразиться очень неблагоприятно на историчности произведения А. Н. Толстого, т. е. на соответствии его со всеми достижениями исторической науки.

Действующие лица повести носят исторические имена, но они говорят такие речи и совершают такие поступки, которых не могли говорить и делать те лица, именами которых пользуется автор. Приведу несколько примеров.

В 10-й картине 1-й части хронологическое смещение исторических лиц так велико, что имеет характер вызова исторической действительности. Приезд в Москву датского принца Магнуса и помолвка его с дочерью кн. Владимира Андреевича Старицкого состоялись в конце 1570 г. В картине выведены следующие лица: Ф. Ал. Басманов, кн. Телепнев-Оболенский, кн. Михаил Репнин, царица Марья Темрюковна, отец невесты и его мать старица Евдокия — целый сонм выходцев с того света. В довершение хронологической путаницы лиц в сцене упоминается о провозглашении казанского царя Симеона Бекбулатовича московским великим князем, что произошло в 1574 г.

Достаточно хотя немного разобраться в этом ералаше исторических лиц, чтобы убедиться в недопустимости такой свободы творческой фантазии. Кн. Дм. Телепнев был убит около 1563 г. По рассказам современников, причиной его гибели было то, что в ссоре с Ф. Басмановым он упрекнул его в том, что он занимается с царем «содомскими потехами» и на этой почве пользуется царским фавором, тогда как его, Дмитрия, отец погиб за родину в плену у литовцев. Сам Ф. Басманов погиб загадочной смертью приблизительно за год до прибытия в Москву принца Магнуса. Старик боярин кн. М. Репнин погиб в 1563 г. за решительный отказ скоморошничать на пиру у царя. Кнг. Евфросинья Хованская, по мужу княгиня Старицкая, в иночестве Евдокия, в 1564 г. была принудительно пострижена и отправлена в ссылку на Белоозеро, в Горицкий монастырь, где и жила безвыездно под присмотром царских приставов до 1569 г., когда была казнена одновременно с сыном.

Наконец, Марья Темрюковна умерла более чем за год до приезда в Москву Магнуса, в сентябре 1569 г. Есть указания на то, что в первые годы замужества у нее был ребенок, умерший в младенчестве. У А. Н. Толстого она выведена в сцене отравления для пущей трогательности беременной. Невероятного в этом ничего нет. Если автору было угодно забеременить для большего эффекта несчастную жертву боярской злобы, то можно не ставить ему в вину поэтической вольности подобного рода. Но дело в том, что самый факт отравления второй жены Ивана Грозного находится под большим сомнением. В 1572 г. Освященный собор владык церкви вопреки каноническим правилам разрешил царю четвертый брак и в своем „приговоре“ по этому поводу писал под диктовку царя об отравлении его первых трех жен. Но позже сам царь Иван в последнем письме к Курбскому обвинял бояр в том, что они чарами и колдовством жили со света его первую жену, но ничего не говорил об отравлении Марьи Темрюковны.

Соединение в одной сцене лиц, живших в разное время, проводится

автором последовательно во всех картинах повести. Это дает основание сказать, что автор пользуется историческими именами, как этикетками или ярлыками, чтобы придать историческую правдоподобность вымышленным им лицам, и не хочет признавать никаких границ своей творческой фантазии.

После авторской читки первой части повести в Институте истории (в Ташкенте) некоторые историки решились заметить А. Н. Толстому о нежелательности пользоваться так свободно историческими именами, на что Толстой возразил: а не все ли вам равно? Я в своем выступлении отвечал, что мне совершенно безразлично, какие имена употребит автор в романе или драме из жизни Вампуки, невесты африканской, но что мне, как и прочим историкам, далеко не все равно, как обращается автор художественного произведения на исторические темы с историческими именами. Эти замечания и возражения Толстой оставил без внимания и во второй части своей повести обращается с историческими лицами с такой же бесцеремонностью, как в первой.

Неудивительно после этого, что с такой же свободой А. Н. Толстой пользуется не только лицами, но и историческими событиями, и не какими-нибудь мелкими, а очень значительными в нашей истории.

В первых картинах 2-й части действие происходит осенью 1572 г., когда польский гонец Воропай прибыл в Москву с извещением о смерти короля Сигизмунда и с тайным поручением некоторых польских вельмож завести переговоры о призвании на польский престол царя Ивана или его сына. На сцене появляются, как и в других картинах, выходцы с того света: боярин Ив. П. Федоров, собственноручно убитый царем в 1568 г., думный дьяк и печатник Ив. М. Висковатый, казненный года за два перед тем в числе сотни представителей центрального аппарата власти, новгородский владыка Пимен, умерший в тюрьме в 1570 г., и, наконец, пленный магистр Ливонии Фюрстенберг, умерший в тюрьме в костромском пригороде Любиме в 1565 г.

Далее, известно, что в 1566 г. в Москве (а не в Александрове слободе, как у Толстого) состоялся Земский собор по вопросу о продлении перемирия с Польшей или о возобновлении войны из-за Ливонии. Никакого Земского собора в 1572 г. не было. Да если бы такой и был, то после смерти Сигизмунда и наступившего в Польше бескорольевья, т. е. по существу безвластия, международная обстановка была настолько отличной от 1566 г., что обсуждать в 1572 г. вопросы 1566 г. было совершенной нелепостью. Это обстоятельство нисколько не смущает А. Н. Толстого, тем более что усвоенная им манера не считается с исторической правдой не мешает ему проводить свои идеи.

Нет надобности много говорить, что в нашей истории Земские соборы были очень крупным явлением. Состав соборов, церемониал и процедура заседаний хорошо известны. При открытии заседаний собора царские дьяки читали программу вопросов, выработанную в приказах по указаниям царя, а затем участники собора порознь, по „чинам“ обсуждали предложенные им вопросы и подавали от каждого чина особо свои „речи“. Окончательное решение, „приговор“ собора, скреплялся печатями и подписями участников собора. В истории соборов бывали случаи разногласий, но окончательное решение всегда принадлежало царю и было обязательным для всех участников собора. Приговор собора 1566 г. давно напечатан и хорошо известен не только специалистам, но всем, интересующимся нашей историей.

„Освященный собор“, т. е. иерархи церкви, подали особый, как полагалось, совет: „Пригоже государю за те города Ливонские стояти“, если уступить их королю, то он в них укрепится, православным церквам в тех городах будет разоренье, а торговым людям Новгорода, Пскова и других городов „торговля затворится“... „А как ему, государю, за те города стояти, и в том его государская воля, как его, государя, Бог вразумит, а наша должная (т. е. обязанность.— С. В.) за него, государя, Бога молити,— о том советовати нам непригоже“.

Бояре и все думные люди подали особые речи, очень обстоятельные, с большим знанием дела. Печатник Ив. Висковатый, как руководитель внешней политики, подал особое мнение о том, что продление перемирия следует обставить категорическим требованием вывода польских войск из ливонских городов. Особые же речи подали другие чины: дворяне первой статьи, дворяне второй статьи, луцкие и торопецкие помещики, вызванные на собор как жители окраины, смежной с Литвой, приказные дьяки и, наконец, московские и смоленские торговые люди. Все чины с некоторыми отличиями в мотивировках высказались за то, что уступать нельзя, что перемирие возобновлять не следует, и изъявляли готовность служить, не щадя своих голов и „животов“. Очень возможно, что за кулисами собора раздавались и другие голоса, но об этом возможны только предположения, приписывать которые Земскому собору в целом совершенно недопустимо.

В изображении Земского собора, как и в других картинах, А. Н. Толстой употребляет прием вульгаризации, упрощенчества, доходящего до карикатуры. Действующие лица повести, начиная с царя Ивана до последнего опричника, обращаются друг к другу с нарочитой грубостью и бесцеремонной фамильярностью. По-видимому, автор полагал, что такой стиль разговоров лучше всего характеризует невысокий уровень культуры людей того времени. Двор московских государей, где все были приучены к чинопочитанию, где все было подчинено веками сложившимся обычаям, в изображении А. Н. Толстого очень часто смахивает на проходной двор или сельский кабак, открытый днем и ночью для всякого гулящего ярыжки.

Если не обращать внимания на дешевые сценические эффекты, которых так много в повести Толстого, то вот к чему сводится картина Земского собора.

Собор открывается зажигательной речью царя: „Что скажете, отцы духовные? Что скажете, князья, бояре? Что скажете, добрые люди московские и других (!) городов? ... Стонет русская земля... Как быть нам?“ Выступает новгородский владыка Пимен и говорит: «Новгородская и псковская земля пусты лежат, как от чумы... Хватит тебе, государь, чести от Полоцка, Нарвы да Юрьева... И те не стоят крови, за них пролитой“. Бояре одобрительно переглядываются и заговаривают: „Мира, мира хотим“. Среди купечества и посадских смущение. Кн. Мстиславский, первый боярин в Земщине, выступает и по важнейшему вопросу внешней политики говорит так: „Не под силу нам война. Уж как-нибудь сдержки сердце-то... Истину сказал митрополит Пимен новгородский: мира жаждем...“

Из учебников для средней школы Толстой мог бы узнать, что до учреждения патриаршества на Руси был один митрополит — московский и всея Руси, а Пимен был архиепископом, но ему нет дела до таких тонкостей.

Далее — хорош жаргон кн. Оболенского: „Обнищали, оскудели... Последнее отдали на эту прорву“. Царь обращается к боярину Ив. П. Федорову и, получив от него уклончивый ответ, раздражается гневной тирадой. Опричнина была отставлена перед приездом в Москву Воропая, а опричный двор в Москве на Воздвиженке был сожжен татарами крымского хана Девлета в 1571 г.; но царь забывает об этом и ни с того ни с сего раздражается похвалами опричнине: Земщина называет опричный дворец „преужасным звериным логовищем ... Потешается-де царь Иван, глумится над Москвой... Чего потупились? Правду говорю... Не ради потехи завели мы опричнину...“.

Естественно, что опричники повести Толстого один за другим заявляют о своей готовности стать горой за честь государя, но тут вмешивается Малюта Скуратов и, обращаясь к земским, бесцеремонно говорит: «Земские люди (!) ... Государь у вас не спрашивает — отдавать ли города немцам... Государь у вас спрашивает — любите ли вы его? Любите ли его, как мы любим?». Далее заседание Земского собора принимает

несколько балаганный характер. Опричник Б. Годунов выводит на сцену трех русских, ограбленных и избитых немцами по дороге в Англию и в срочном порядке вызванных Годуновым из Новгорода. Неизвестно, по соглашению ли с царем Годунов сделал это, но только царь немедленно пускает в ход это средство вызвать патриотический жар Земского собора: „Послушайте, поглядите, что сделали они (немцы.— С. В.) с нашими торговыми людьми!“

После этого на сцене происходит такой сумбур, что о нем не стоит говорить. Пимен, сказавши несколько дерзких слов царю, демонстративно удаляется.— „По палате проносится общий вздох облегчения“ (!). На этом заседание собора кончается.

Неужели эта балаганная сцена хоть сколько-нибудь похожа на Земские соборы, на которых „всяких чинов“ русские люди в тяжелые времена нашей истории чинпо, серьезно и добросовестно высказывали свои мнения и помогали государственной власти с честью выйти из тяжелого положения? Без преувеличения можно сказать, что на такую бесшабашную хулу прошлого нашей родины до А. Н. Толстого не отваживался ни один историк, ни один литератор, если не считать Чапыгина.

Если автор художественного произведения на исторические темы ставит себе задачу изобразить быт и нравы той или иной эпохи, людей разных слоев населения вообще, то имена действующих лиц и для самого автора и для читателя совершенно безразличны. Но если автор пользуется историческими именами, то он должен считаться со всем, что мы знаем о людях, которые носили эти имена. В психологической характеристике этих лиц, в оценке их поступков и исторического значения автор в известных пределах волен, но совершенно недопустимо приписывать историческим лицам такие речи и поступки, которых они не могли говорить и делать ни при каких условиях. Этой самоочевидной и бесспорной истины А. Н. Толстой не желает признать.

В 8-й картине 2 части раскрывается большой заговор. Малюта Скуратов докладывает об этом царю и просит указа взять под стражу боярина Ив. Петр. Федорова. Об этой крупной исторической личности времени царя Ивана мы имеем довольно много данных, чтобы дать ее характеристику. У Толстого царь, узнавши об измене Федорова, как бы пораженный удивлением, говорит: „Челядник! Его мать, Аграфена Ивановна, меня на руках вынянчила, оберегала от боярской злобы. Нам по три годочка было, обнявшись, сказки слушали, да засыпали на лавке под треск сверчков... Он у трона мой скипетр держит... Богат несчетно... Взыскан у меня более, чем я у бога (!)“ У читателя и зрителя повести, естественно, пробуждается жалость и симпатия к человеку, пораженному в самых дорогих воспоминаниях детства, и отвращение к человеку, отплатившему царю за его благодеяния изменой. Этот эффект достигается автором путем грубого искажения фактов.

Аграфена Федоровна (а не Ивановна, как у Толстого), мамка царя Ивана, которую умирающий вел. князь Василий заклинал не отходить ни шагу от доверенного ей ребенка, была сестрой кн. Ивана Федоровича Телепнева-Оболенского, известного любимца матери царя Ивана, Елены Глинской. После скоропостижной смерти Елены Глинской и казни Телепнева-Оболенского Аграфена Челяднина была принудительно пострижена и сослана в Каргополь. В это время она была уже пожилой женщиной, ее муж боярин Василий Андреевич Челядник умер в 1515 г. Их единственная дочь Марья в первом браке была за кн. Ив. Осип. Дорогобужским, а во втором — за своим далеким родственником Ив. Петр. Федоровым. Итак, Ив. П. Федоров не был сыном мамки царя Ивана, а так как он был лет на 20 старше царя Ивана, то никак не мог, обнявшись с ним, слушать сказки и треск сверчка.

Все это А. Н. Толстой мог бы легко узнать у Карамзина и у других общеизвестных историков. Очень возможно, что он и знал, но это не мешало ему проводить свою тенденцию. Царь Иван, узнав об измене Федорова, приказывает его схватить, но в это время на сцене появляется

Ф. Басманов и сообщает, что Федоров „нами нынче на заре найден на берегу Неглинной, на куче навозной, убитый и ободранный... Из гостей он, что ли, конный ехал. Как он туда попал, кто его убил?“ Малюта, оказывается, об этом еще не знал, и царь упрекает его за это.

Богатые бояре того времени никогда не появлялись на улицах, а тем более ночью, без многочисленной свиты вооруженных слуг. Сообщение Басманова, если поверить А. Н. Толстому, дает основания полагать, что Федоров возвращался с ночной пьянки. Очевидно, автору казалось недостаточным оклеветать жертву своей фантазии, и он нашел нужным втоптать ее в грязь, чтобы оттенить величие главного действующего лица — Грозного-царя.

Известно, что старик Федоров был убит царем Иваном собственноручно после 30-летней службы, а затем его обезображенный труп был выброшен для поругания на площади перед дворцом. Был ли он действительно виноват в измене, это не известно. Вероятнее предположение, что он был жертвой непроверенной царем клеветы. По душам действительно виновных и уличенных в преступлениях людей царь Иван никогда не делал вкладов по монастырям, а по душе Ив. П. Федорова он сделал через несколько лет очень большой вклад Кириллову и Новоспаскому монастырям.

Если Толстой хотел изобразить и заклеить образ боярина-предателя, сверстника царя и друга детства, взысканного его милостями больше, чем он сам у бога, то это не оправдывает преднамеренное и тендециозное искажение исторических фактов.

Не одним литераторам, но и историкам приходится восполнять воображением и догадками недостаток и пробелы исторических источников. В этом все зависит от художественного чутья и такта литератора. С этой точки зрения интересно сравнить трактовку исторического факта — побега кн. Курбского в Литву у Н. М. Карамзина, гр. Алексея Константиновича Толстого и у А. Н. Толстого.

Стихотворение А. К. Толстого „Василий Шибанов“ по силе и выразительности языка и по общей колоритности принадлежит к лучшим его произведениям на исторические темы. Канва стихотворения заимствована им у Карамзина. Карамзин построил свой рассказ о Василии Шибанове на так называемой Латухинской степенной книге: как Шибанов подал царю на Красном крыльце „епистолию“ Курбского, царь вонзил в ногу Шибанова свой жезл, оперся на него и стал слушать, а затем подверг пытке и казнил верного слугу Курбского. По своей неизменной добросовестности Карамзин заметил, что Летописец Русский противоречит рассказу Латухинской степенной книги, но А. К. Толстой не стал останавливаться на этой мелочи, так как на первом плане в его поэме стоит Шибанов, и задачей его было дать образ верного слуги-холопа, который пошел на верную смерть, чтобы исполнить волю своего господина. Автору повести „Князь Серебряный“ и драматической трилогии образ Шибанова был дорог в качестве контраста подлости и предательства, которыми была насыщена эпоха Грозного-царя. В образах Михенча в „Князе Серебряном“ и В. Шибанова так же много исторической правды, как в прекрасном живом образе Савельича, дядьки, раба, и в то же время опекуна молодого Гринева в „Капитанской дочке“ А. С. Пушкина. Поэтому если А. К. Толстой допустил в своей поэме некоторые погрешности против источников, то они представляются несущественными и не дают нам права сказать, что А. К. Толстой перешел границы допустимой свободы поэтического вымысла.

В ответном послании царя к Курбскому мы читаем: „Како же не усрамился раба своего Васьки Шибанова, еже бы он благочестие свое соблюде, и пред царем и всем народом, при смертных вратах стоя, и ради крестного целования тебя не отвержеса, и похваляя и всячески за тя умерети тпашаса“. Иван не говорит ни слова об епистолии Курбского. Из его слов можно заключить, что Шибанов в присутствии царя и народа был подвергнут пытке и, несмотря на грозящую ему смерть,

остался верен присяге своему господину. Царю нужно было это подчеркнуть, чтобы пристыдить Курбского, изменившего своей присяге.

Официозный Летописец Русский рассказывает о побеге Курбского несколько иначе. Воеводы Юрьева Ливонского писали царю, что ночью 30 апреля 1564 г. кн. Курбский бежал в Литву, „а людей с ним побегало 12 человек, а жены своей и живота (т. е. имущества.— С. В.) не взял. А человека его Ваську Шибанова воеводы поймали и прислали ко государю. Тот же человек его Васька Шибанов государю царю и великому князю сказал про государя своего князя Андрея изменные дела, что государю царю и великому князю умышлял многие изменные дела“. Непримиримого противоречия в этих двух известиях нет. Шибанов не успел бежать с своим господином, был пойман, прислан к Москве и подвергнут, как тогда полагалось, пытке. Сначала он давал показания в пользу своего господина, а затем, измученный пытками, стал говорить о „многих“ изменных делах Курбского.

Несомненным можно считать, что Курбский не посылал своего слугу на верную смерть, а Шибанов сам попался в руки царских воевод. Карамзин и вслед за ним А. К. Толстой были в затруднении: как доставить епистолию Курбского царю — и вышли из затруднения тем, что допустили вымысел, нелестный для Курбского и преувеличивающий героизм Шибанова. Объясняется это тем, что Карамзин, как и современные историки, трактуют знаменитую полемику царя Ивана с Курбским как переписку между двумя лицами. Поскольку почты в то время не было, надо было найти какой-нибудь способ сношений царя с его изменником. Вопрос разрешается очень просто, если признать, что это была не частная переписка двух лиц, а своего рода полемическая борьба царя Ивана с эмигрантом, что оба противника, сочиняя свои послания, „полные яда“, все время имели в виду большую аудиторию, в первую очередь общественное мнение Польши и Литвы, враждебных Москве, а затем — русское и православное население Литвы. Этим объясняется то, что памфлеты Грозного и его изменника дошли до нас во многих списках. Если дело было так, то ясно, что Курбскому не было надобности жертвовать своими верными слугами и посылать их на верную смерть — он широко распространял свои епистолии и другие писания в Литве, а лазутчики царя Ивана добывали их и услужливо доставляли царю.

Замечу в заключение, что епистолия Курбского была написана без всякого сомнения в Литве, когда автор был в безопасности; в конце епистолии сказано, что она написана в городе короля Жигимонта, в Вольмаре.

Следует отметить еще одно обстоятельство побега Курбского, с которым А. К. Толстому не приходилось считаться. Кн. М. Воротынский в письме к Григ. Хоткевичу писал, что Курбский изменил и бежал „от шибеницы утекаючи“, т. е. от виселицы. Это весьма вероятно и этим объясняются крайняя поспешность бегства и оставление в Юрьеве жены и „животов“. Известно, что после побега Курбский прилагал большие усилия, чтобы добыть оставленное им в Юрьеве оружие и дорогие ему рукописи: „Житие кн. Михаила Черниговского“, „Апостол“, разные „поучительные слова“ и т. п. Ключи от городских ворот были у воевод г. Юрьева, которые, вероятно, уже следили за Курбским и, быть может, имели уже приказание арестовать его. Курбский и его слуги бежали, спустившись с городской стены.

Как же обработал сюжет побега Курбского А. Н. Толстой? Отвечая на этот вопрос, приходится говорить не о каких-либо допустимых пределах поэтического вымысла, а о беспредельности авторской фантазии.

Прежде всего А. Н. Толстой осложняет побег Курбского убийством двух привратников и воеводы Новодворского. Кровавое пролитие на сцене — эффект очень употребительный в балаганах народных гуляний на Девичьем поле доброго старого времени, но не будем останавливаться на таких мелочах, когда вся сцена побега лишена всякого правдоподобия. В старых оперных либретто прошлого и позапрошлого веков бывали

иногда сцены, когда актеры пели соло, ансамблями или хором: „бежим, бежим“, а сами, чтобы допеть свой номер, должны были топтаться на месте. В такое неудобное положение ставит А. Н. Толстой своих героев. Курбский колеблется бежать. Шибанов и Козлов очень резонно его уговаривают. На это Курбский весьма несвоевременно, ни с того, ни с сего начинает разглагольствовать о своем происхождении от князей Рюрикова дома. Козлов и Шибанов убеждают его торопиться и не терять времени, что после убийства воеводы и стражников было тоже весьма резонно. На это Курбский раздражается такой невероятной тирадой: „Холопы! Живот мой заботитесь спасти... А царь Иван, развалясь за яствами да чашами, уж посмеется, ехидна, над убогим бегством моим... Блюдолизы меня трусом и собакой назовут... Царский шут, влезши на шута верхом, да погоняя его по заду пузырем с горохом, закричит, что-де то князь Курбский от тебя отъезжает... Этого хотите? Ох, стыд! Ох, мука!“

Затем Курбский приказывает призвать жену и сыновей. Происходит мелодраматическая и довольно фальшивая психологически сцена прощания. После этого Курбский обращается к Шибанову и вручает ему еписистолю царю и „тайное“ письмо кн. Евфросинье Старицкой. При этом он весьма неглубоко советует Шибанову сначала подать письмо кн. Старицкой, а потом еписистолю царю, „ибо будет тебе тяжко“. Можно ли поверить А. Н. Толстому, что Курбский был настолько неумен, что, не решившись еще окончательно бежать и рискуя быть задержанным при побеге, он заранее заготовил уличающие его письма и положил их себе на всякий случай в карман?

Сравнивая произведения Алексея Константиновича и Алексея Николаевича Толстых, можно сказать, что первый автор допустил несущественные отступления от исторических первоисточников и мастерски использовал еписистолю Курбского и в результате дал живые и весьма правдоподобные образы далекого прошлого. Алексей Николаевич в данной картине, как и в других частях своей повести, обращается с исторической правдой с непозволительной „свободой“, немотивированно, без всякой необходимости сочиняет то, чего не было и не могло быть, и в результате его повесть оказывается переполненной не живыми людьми, а куклами с этикетками исторических имен.

Если читателю нужны еще доказательства такой суровой оценки повести, то я позволю себе остановиться на последней картине 2-й части. Декорация картины театрально эффектна: „Стан Грозного, огороженный телегами. Горят костры. Ночь. Вдали огромное зарево пылающей Москвы... У шатра на седельных подушках сидит Иван“. Из дальнейшего с несомненностью видно, что речь идет о пожаре Москвы в конце мая 1571 г., когда крымский хан Девлет беспрепятственно подошел к Москве, поджог ее со всех концов, пограбил окрестности и также беспрепятственно ушел в Крым с большой добычей и многочисленным полонем. Действия и вообще поведение царя Ивана в это время нам хорошо известны.

Для отражения предстоявшего набега татар царь поставил во главе всех полков, опричных и земских, известного опричника, своего шурина кн. Михаила Темрюковича Черкасского, и сам отправился к нему в Серпухов, где стоял большой полк. Царь был в Серпухове, когда ему стало известно, что с ханом Девлетом идет на Москву во главе кабардинских князей его тесть и союзник кн. Темрюк Айдарович, отец кн. Михаила и царицы Марии. По-видимому, это известие было ближайшей причиной исчезновения в самый критический момент главнокомандующего кн. Черкасского. По одним известиям, он был посажен на кол, по другим — зарублен по приказанию царя стрельцами. Впоследствии московские послы в Крыму отрицали насильственную смерть кн. М. Черкасского. Как бы то ни было, но исчезновение главнокомандующего вызвало в полках замешательство, которым воспользовался Девлет. Татары уже переправились через Оку и прошли к Москве, когда царь в панике бросился из Серпухова в Коломну, а из Коломны прямо на север, минуя Александрову слободу, на Ростов, Ярославль, Вологду и, наконец, на Белоозеро,

под защиту каменных укреплений Кириллова монастыря. Именно этот случай из жизни царя Ивана подал Курбскому повод назвать его „бегуном и хоронякой“.

В середине июня царь вернулся с Белоозера в Александрову слободу и произвел расследование причин и виновников происшедшей колоссальной катастрофы. Результаты следствия нам известны. Из десяти земских воевод никто не подвергся опале, а из шести опричных воевод, не считая кн. Черкасского, трое были казнены.

Как же изобразил А. Н. Толстой этот прискорбный эпизод из жизни царя Ивана? Что заставил автор говорить и делать своего героя при эффектном зареве пылающей Москвы?

Иван при свете фонаря диктует дружеское письмо своему шурицу Никите Романовичу: „А мы, слава богу, здоровы и духом крепки. Только кручинимся, что долго нет от тебя добрых вестей. Скорее отпиши нам о новом взятии городов ливонских да о побитии войск любезных братьев наших короля польского да короля свейского...“ Следует заметить, что молчание Никиты Романовича объяснялось тем, что никаких военных действий в это время не было, ни против Польши, ни тем более против Швеции.

Входит Годунов и сообщает, что Москва горит со всех концов. Иван спрашивает: „Что ж ты молчишь про Опричный двор?“ Годунов коротко отвечает: „Опричного двора более нет, государь“. Царь спокойно замечает: „Многие этого хотели“, и продолжает диктовать письмо: „Случилась у нас беда невеликая (!) Хан Девлет Гирей... перелез через Оку... зажег посады и слободы... и сам огня испугался (!) Жалко только — много людей в плен увел и много скота поворовал“. Далее Иван предписывает Никите Романовичу распространять через лазутчиков в Литве слухи о том, что он помирился с ханом и „у нас началась любовь — какой не бывало“. Затем Иван хвалится, что хану не удалось, как он рассчитывал, взять его в плен и завладеть всем царством.

Годунов прерывает царя и просит слова, на что царь говорит: „Если ты смел — скажи правду“. Годунов говорит, что нам не справиться с ханом, и советует Ивану бежать в Ярославль, а лучше — на Вологду. Царь на это говорит: „За такие речи голову рубят“. Борис возражает: „Знаю, государь. С тем и говорю“. Эти мирные разговоры прерываются появлением Малюты Скуратова. На вопрос царя: „Под Москвой выстоят земские полки?“ — Малюта отвечает: „Люди осерчали, — надо выстоять...“

Далее сцена принимает несколько балаганный характер. Из глубины сцены появляются мужики и изъявляют готовность отстоять Москву (когда она уже сожжена и хан, по словам Толстого, ушел в Крым), лишь бы им дали оружие. Входят опричники Постник Суворов и кн. Темкин Ростовский и сообщают радостные вести о поражении татар на обоих флангах. Замечу, кстати, что Темкин, товарищ кн. Черкасского в большом полку, был признан виновником и казнен после следствия в слободе. Затем Васюк Грязной приводит взятого в плен Мустафу, первого улана Девлета. Опуская довольно нелепый эпизод с Мустафой, скажем несколько слов о финале.

Следует предварительно заметить, что после смерти кн. Черкасского и бегства царя главное командование принял кн. Ив. Бельский. Он отрадил нападение татар на Кремль, но, спасаясь от огня, задохнулся со всей своей семьей в погребе. Итак, на сцене появляется кн. Мстиславский, падает на колени перед царем и во всем признается. Это-де он навел хана на Москву, снял сторожи и увел сторожевой полк в Рязань... „Хан обещал мне ярлык на великое княжение... Ум мутится от горя... Жена, сыновья, внуки — на дворе московском — сгорели заживо. Мне гореть в огне вечном, в исподних ада». (В действительности семья Мстиславского не пострадала, и ему не было надобности так остро переживать катастрофу).

Иван, не теряя ни минуты времени, приказывает подьячему писать известную поручную запись, в которой Мстиславский признавался в своих винах. Историки давно обратили внимание на странность этого доку-

мента. Известно, что кн. Мстиславский, признававшийся в поручной в самых тяжелых преступлениях, не только не был казнен, но даже не подвергся опале и до конца своей жизни продолжал занимать первое место среди бояр. А после смерти царя Ивана он был регентом царя Федора. Костомаров дал вполне правильное объяснение странности поручной записи. После происшедшей страшной катастрофы и пожара, от которого Москва не могла оправиться несколько десятилетий, не только самому царю, но и оставшимся в живых опричникам, на которых пала главная вина, было необходимо реабилитироваться перед общественным мнением и свалить вину с больных голов на здоровую. Мстиславского заставили дать запись и принять всю вину на себя. Его признание в случае необходимости можно было использовать и перед общественным мнением Литвы и Польши, где всем было известно, что Мстиславский был потомком великих князей литовских, что его отец изменил родине и отъехал в Москву. Но, конечно, все это было сделано не при свете фонаря и не при зареве пылающей Москвы, а много позже, когда Иван вернулся с Белоозера и произвел расследование.

В заключение картины, так сказать под занавес, царь Иван, глядя на пожар Москвы, произносит такую речь: „Горит, горит Третий Рим... Сказано — четвертому не быть... Горит и не сторает, костер нетленный и огонь неугасаемый... Се — правда русская, родина человекам...». Что хотел сказать этим автор, неясно. Возможно, что некоторым зрителям повести Толстого эти заключительные слова Ивана Грозного покажутся глубокомысленными и значительными, но мне представляется, что возможна другая оценка заключительной сцены повести и философии автора ее.

Выше было показано, на каком грубом искажении исторической действительности построена вся последняя картина. Все действующие лица ее поставлены автором в фальшивое положение. Иван при зареве пылающей Москвы говорит, что это беда невеликая, и выражает уверенность, что Третий Рим, т. е. Московское государство, будет существовать вечно, несмотря на низость и предательство негодяев. Но правдоподобно ли это психологически, когда вся обстановка фальшива и не выдерживает никакой критики, начиная с дружеского письма Н. Романову и кончая раскаянием Мстиславского. Небрежность обработки картины бросается в глаза. В письме к Н. Романову царь говорит, что хан испугался (!) пожара, побегал и увел много людей и скота, а затем оказывается, что под Москвой идет сражение с татарами, Малюта выражает уверенность, что осерчавшие земские люди отстоят Москву, прибегает к помощи мужиков, когда татары уже сожгли Москву, поворожали много скота и ушли.

В последней картине небрежность художественного письма А. Н. Толстого достигает крайних пределов, но немногим лучше продуманы автором и изображены грубые сценические эффекты других картин. Непонятно, на каких актеров и на каких зрителей рассчитана повесть А. Н. Толстого. Литература об Иване Грозном, научная и художественная, огромна. Об Иване Грозном напечатано множество книг и статей по старой и новой орфографии. Эпохой Грозного царя интересовались и интересуются очень многие. Наконец, средняя и высшая школа дают учащимся некоторые сведения об основных фактах эпохи. А. Н. Толстой обращается с историческими лицами и фактами с такой свободой творческой фантазии, что, наверно, его повесть будет вызывать большое недоумение у всех, кто хоть сколько-нибудь знаком с историей нашей родины, кого не ослепляют дешевые сценические эффекты. Для всякого, кто знает славную литературную судьбу А. Н. Толстого, его драматическая повесть об Иване Грозном будет представляться загадкой: то ли он, как прославленный писатель, решил, что ему „все можно“, то ли он в конце своей карьеры утратил всякое уважение к читателю и писал свою лебединую песнь в убеждении, что советскому читателю „все равно“, лишь бы было занимательно.

VIII. 1945.

С. Веселовский

ААН. Ф. 620. Оп. 1. Д. 85 (25). Л. 1—18.

Подготовил к печати К. А. Аверьянов

11 Археографический ежегодник, 1988

ПИСЬМО М. Н. ТИХОМИРОВА 1955 г. О ПРОИСХОЖДЕНИИ СЛАВЯН И О ДРЕВНЕЙ РУСИ

Осенью 1988 г. мой дипломник по МГИАИ Петр Александрович Плюто начал работать в Госархиве Хмельницкой области. Я передал ему адрес корреспондента академика М. Н. Тихомирова А. Д. Плюта, проживавшего в 1955 г. в г. Хмельницком. И не потому, что по фамилии они могли показаться родственниками. Но прежде всего из-за того, что в ААН, в фонде Отделения исторических наук АН СССР, имеется небольшое письмо этого человека к М. Н. Тихомирову, датированное 12 апреля 1955 г. (ф. 457, оп. 1, 1954 г., д. 381, л. 26, машинопись)¹. Там читаем: «Я искренне благодарю Вас за письмо — оно было для меня приятным сюрпризом...»; благодарит также за указание «литературы вопроса» (видимо, о восточнославянских племенах и о «варяжском вопросе»). Хотелось узнать, не уцелело ли это письмо М. Н. Тихомирова, или хотя бы установить его содержание. Оказалось, что корреспондент М. Н. Тихомирова и сейчас живет в Хмельницком и сохранил письма академика. Он любезно дал согласие на публикацию адресованного ему письма, датированного 4 апреля 1955 г., и сообщил некоторые данные о себе.

Александр Дмитриевич Плюта родился в 1913 г. на Черниговщине в семье крестьянина, в 1935—1940 гг. учился на филологическом факультете Киевского университета, с 1946 г. был учителем украинского языка в селе, с 1954 г. — в г. Хмельницком. В настоящее время пенсионер. Он увлеченно занимался изучением предистории Руси, беседовал об этом с рядом ученых (очевидно, в 1946 г., как явствует из письма, находящегося в ААН), а 21 января 1955 г. обратился с письмом в Совет Министров СССР на имя В. М. Молотова по волнующим его вопросам истории (в частности, он считал необходимым решительно преодолеть в изучении Древней Руси представления норманнской теории) и объяснял это так: «...если я обратился не по инстанции, так это не столько потому, что я не знаю ни структуры АН СССР, ни адресов институтов в Москве, сколько потому, что я считаю установление истины в вопросах древней истории нашего народа вопросом очень важным и очень срочным» (ААН, ф. 457, оп. 1, д. 381, л. 26).

Понятно, что содержание (а возможно, и форма) письма М. Н. Тихомирова, написанного на бланке Отделения исторических наук СССР, в значительной мере предопределялось письмом А. Д. Плюта и тем обстоятельством, что ответ находился, как выражались, на контроле. Академик-секретарю Отделения исторических наук нередко приходилось отвечать на письма, переадресовываемые ему из вышестоящих инстанций. Но это письмо касается сюжетов, которые издавна интересовали М. Н. Тихомирова как исследователя, и показывает отношение ученого к проблеме и к литературе вопроса. Правка в машинописном тексте, как заметил П. А. Плюто, сделана тем же пером и теми же чернилами, что и подпись. Сопроводительный документ на бланке АН СССР датирован 8 апреля 1955 г. и подписан начальником канцелярии Президиума АН СССР.

А. Д. Плюта сохранил и другое — недатированное — письмо М. Н. Тихомирова. Очевидно, он просил о встрече (видимо, в 1955 или в 1956 г.), так как М. Н. Тихомиров ответил, что в июле находится в отпуске и не живет в Москве. Указал он и на то, что, «не будучи лингвистом», считает «себя плохим консультантом по вопросу происхождения тех или иных слов. В этом случае гораздо большую помощь мог бы оказать Вам кто-либо из лингвистов или археологов».

И. П. Староверова, готовя к изданию описание материалов М. Н. Тихомирова и о М. Н. Тихомирове, много сделала для выявления у адресатов писем ученого и концентрации их в ААН — в подлинниках или ко-

¹ Рукописное наследие академика М. Н. Тихомирова в Архиве Академии наук СССР: Науч. описание/Сост. И. П. Староверова. М., 1974. С. 144 (№ 1685).

пнях. Очевидно, что эту работу следует продолжить в отношении написанного и М. Н. Тихомировым и другими выдающимися нашими учеными.

С. О. Шмидт

Академия наук СССР

Отделение исторических наук

Москва, 19, Волхонка, 14   Телефон Б1-43-81

«4» апреля 1955 г.

№ 301/14

Глубокоуважаемый
тов. Плюта А. Д.

Вопросы, поднятые Вами в письме на имя товарища В. М. Молотова, отнюдь не являются забытыми или оставленными в советской науке без внимания. Вопросами происхождения славян занимаются историки, археологи, антропологи, этнографы и лингвисты, как в СССР, так и в других славянских странах. За последнее время ими был собран обширный новый материал, позволяющий говорить, в частности, о глубокой древности славянских племен в Европе. Однако, этот материал еще далеко не достаточен для того, чтобы считать задачу происхождения славян близкой к разрешению.

Из последних исследований, имеющих отношение к интересующим Вас вопросам, отмечу ряд статей в журналах «Вопросы языкознания», «Вопросы истории» и «Вестник древней истории», посвященных вопросам происхождения индоевропейцев. Непосредственным поводом к появлению этих статей было опубликование работы болгарского академика Вл. Георгиева, в течение ряд[а] * лет успешно занимавшегося древними языками Восточного Средиземноморья¹. Непосредственно вопросам происхождения славян посвящены книги: чешского археолога И. Филипа о происхождении славян², польского слависта Т. Лер-Сплавинского «О происхождении и прародине славян»³, проф. П. Н. Третьякова «Восточнославянские племена»⁴ и др.

Все эти исследователи хотя и расходятся друг с другом по ряду существенных вопросов, но единодушно признают, что славяне и их предки обитали между Одрой и Днпром с глубокой древности [,] исчисляемой в 4—5 тыс. [лет]^{2*}.

Имеются, в частности, новые работы об этническом составе древней Германии. Здесь имеются в виду статьи проф. А. Д. Удальцова «Об этническом составе Европы в первые века н/э»⁵ и Т. Лер-Сплавинского «О древних лугиях», опубликованная в польском журнале «Славия антиква»⁶, и др. Авторы этих статей приходят к выводу, что среди древнего населения Германии в первые века н/э действительно имелись славянские и балтийские племена.

Ваша поддержка взглядов Ломоносова⁷ и Геденова⁸ о том, что варяги были славянами, вряд ли может быть солидно аргументирована. Имеется достаточно фактов, свидетельствующих о скандинавском происхождении тех купеческо-разбойничьих шаяк, которые были известны во всех странах Европы в X в. Впрочем, сущность «варяжского вопроса» заключается не в том, кем были варяги по национальности, а в том, что пришельцы, откуда бы они ни происходили, не были и не могли быть создателями славянской государственности, которая явилась закономерным результатом внутреннего социально-экономического процесса.

Принадлежит к «ученому миру», я несколько удивлен Вашим сообщением о «печальном опыте» — неудачных попытках «завязать разговор с

* Машинописный текст с авторской правкой: в частности, в этом месте вставлена пропущенная буква «а» теми же фиолетовыми чернилами, что и подпись М. Н. Тихомирова внизу под письмом.

^{2*} Запятая перед исчисляемой вставлена карандашом из точки. Лет в конце — фиолетовыми чернилами.

учеными». Надеюсь, что не в нашей Союзной Академии Вы встретились с таким отношением к Вашим интересам.

Академик-Секретарь
Отделения исторических наук АН СССР
(академик М. Н. Тихомиров)

Комментарии

- ¹ Георгиева В. Проблемы минойского языка. София, 1953; *Он же*. Нынешнее состояние толкования крито-микенских надписей. София, 1954; *Он же*. Словарь крито-микенских надписей. София, 1955.
- ² Вероятно, имеется в виду книга или статья: Filip J. Dějinné počátky českého Růje. Praha, 1947; Filip J. Puvod a dějinné počátky slovanů // Československý Casopis Historicky. 1946. № 47. S. 144–150.
- ³ Lehr-Splawinski T. O przechodzeniu i proejczyźnie slowian. Poznań, 1946. [См. автореф. кн.: Lehr-Славинский Т. О происхождении и прародине славян // ВИ. 1946. № 10. С. 81–85].
- ⁴ Третьяков П. П. Восточнославянские племена. 2-е изд. М. 1953.
- ⁵ Удальцов А. Д. Об этническом составе Восточной Европы в первые века нашей эры // Вопр. этнографии. 1946. № 2.
- ⁶ Slavica antiqua. Poznań, 1950. N 6.
- ⁷ Ломоносов М. В. Древняя Российская история. СПб., 1766. Ч. 1, 2; *Он же*. Замечания на диссертацию Г. Ф. Миллера «Происхождение имени и народа российского». СПб., 1749–1750. Сочинения М. В. Ломоносова переиздавались См. о них: Тихомирова М. Н. Исторические труды М. В. Ломоносова // ВИ. 1962. № 5.
- ⁸ Гедеев С. А. Варяги и Русь. СПб., 1876. Ч. 1, 2.

Подготовил к печати П. А. Плютто

Н. Н. Воронин

СЛОВО В ПАМЯТЬ МИХАИЛА НИКОЛАЕВИЧА ТИХОМИРОВА

«Слово» о Михаиле Николаевиче Тихомирове Николай Николаевич Воронин произнес с трибуны на площади траурных церемоний Новодевичьего кладбища 6 сентября 1965 г.¹ Н. Н. Воронин имел перед собой текст, но говорил — очень взволнованно — почти не обращаясь к нему. «Слово» либо составлено под впечатлением известия о кончине М. Н. Тихомирова, умершего утром 2 сентября, или же (судя по отточиям, выделявшимintonационно разделы текста в авторском машинописном экземпляре) в таком виде записано вслед за его произнесением. По форме своей это сочинение большого мастера русской научно-художественной прозы напоминает традиционное еще для древнерусской литературы «Слово» памяти выдающихся людей. Потому и позволено его так озаглавить.

«Слово» много дает для понимания роли М. Н. Тихомирова — «ученого-гражданина» не только в научной, но и в общественной жизни его времени, особенно в противостоянии нигилистическим тенденциям по отношению к изучению прошлого нашего Отечества, его памятникам истории и культуры. Воронин не принадлежал к людям близкого круга М. Н. Тихомирова, видимо даже не часто общался с ним. И хотя в тематике научных интересов обоих ученых немало линий соприкосновения, Воронин мог и как бы со стороны видеть и «научный подвиг» академика Тихомирова, и общественное значение деятельности «чернорабочего и зодчего науки», особенно в последние годы его жизни, когда она получила высокое официальное признание. Воронин отметил прежде всего то, что особенно сближало их, а теперь, когда обоих уже нет, сближает и в нашей памяти.

Смелое выступление Воронина имело заметное общественное звучание. И оно конечно же характеризует не только М. Н. Тихомирова, но и самого Н. Н. Воронина, его образ мыслей и действий², его представление о роли личности ученого в истории.

¹ См. об этом: АЕ за 1965 год. М., 1966. С. 377.

² Ковалев И. В. Вопросы охраны памятников истории и культуры в эпистолярном наследии Н. Н. Воронина (См. наст. изд.).

Воронин передал затем машинописный текст выступления в Археографическую комиссию (откуда он поступил в личный фонд академика М. Н. Тихомирова в Архиве АН СССР)³ и мне. И естественно, оставил такой текст в своем архиве. Архив Н. П. Воронина в настоящее время находится в Государственном архиве Владимирской области. Текст выявлен при описании фонда Н. П. Воронина и публикуется И. В. Ковалевым по машинописному экземпляру, не имеющему авторской правки.

С. О. Шлидт

Нет больше Михаила Николаевича. Очень трудно уложить в сознании эту немислимую мысль. Трудно говорить сейчас, прощаясь с ним, в этот безмятежно сияющий над Новодевичьим кладбищем теплый сентябрьский день. Я не хочу повторять не раз уже сказанное сегодня о научном подвиге академика Тихомирова. Зачем? О нем знает вся наша страна, скорбящая сейчас вместе с нами, знают историки других стран. Сейчас Михаил Николаевич не нуждается в хвалах. Сейчас, в эту скорбную минуту последнего свидания, мне хочется говорить о другом...

Мне вспоминается такой же вот погожий день сентября трагического 1941 года, когда в далеких полях на подступах к Ленинграду косил дивизию Народного ополчения Васильевского острова фашистский огонь. Мы не могли подавить его. Просто у нас не было оружия. Мы могли ответить лишь огнем сердца, могли пасть, но не отступить. За нами был Ленинград, Россия... Сейчас наша медицинская наука также безоружна. Она еще не может отодвинуть старость, не может подавить шквальный огонь смертельных болезней, в числе которых идет та, которая скрывается под страшным, уже привычным псевдонимом — «продолжительной и тяжелой». Смерть бьет особенно беспощадно по тому относительно небольшому участку исторического фронта, который занят изучением древнейшего прошлого и эпохой средневековья в истории народов нашей страны. Просто страшно вспоминать длинный список ушедших от нас за последние годы еще далеко не старых археологов... А историки древней Руси... Только за одно это лето смерть взяла троих. И каких троих! Скончался выдающийся историк Русского летописания А. Н. Насопов, ушел и больше не вернется к своему рабочему столу прекрасный исследователь русского прошлого И. И. Смирнов... И теперь — третий: Михаил Николаевич. Это поистине страшно...

Невольно задаешься вопросом: почему же именно здесь, в среде немногочленной русской медиевистики, смерть собирает такую чудовищную дань, почему она так охотно делит именно сюда, так что каждый из нас иной раз невольно вспоминает слова поэта: «ходит смерть вокруг меня...»? Это вовсе не потому, что мы слабее других здоровьем или духом. Нет, мы очень крепки и стойки.

Но вспомним все же, сколько лет наш раздел науки живет в условиях как бы непрерывного землетрясения, сколько лет хлещет мутный вал ложно понятой «актуальности», сотрясающий почву под нашими ногами, сколько лет нас били заморозки холодного презрения за «любование прошлым», за «уход в прошлое» и т. д. и т. п. Вспомним, какой большой кровью оплачивалось введение в планы наших институтов так называемых «неактуальных» тем, сколько недостойных, но, увы, спасительных маскировок под «широкие проблемы» требовало сохранение в этих планах самих основ науки — исследования самих фактов, самих источников истории, сколько нервов трепали нам растленные коммерческим духом издательства, превращавшие научные работы и по названию, и по кричащему оформлению глянцевого суперобложки в нечто вроде «завлекательных» комиксов, лишь бы поскорее сбить их с рук, обернуть затраченный капитал... Все это ранило и смертельно утомляло, вело к бешеной растра-

³ ААН. Ф. 693. Оп. 2. Д. 351. Л. 1–3. Рукописное наследие академика М. Н. Тихомирова в Архиве Академии наук СССР. Науч. описание / Сост. И. П. Старовойта. М., 1974. С. 72 (№ 734).

те сил в борьбе с блокадой нелепостей. Признаемся — мы пока еще не научились беречь их силы и время для науки. И они сторали порой в бесплодной борьбе...

А Михаил Николаевич дрался на самом переднем крае... Этот, кажется, физически непрочный и болезненный человек обладал поистине кремневым характером и умел побеждать. Побеждать не чинами и званиями, а непреклонной волей ученого, верой в свою правоту, высоким сознанием того, что Русь стала не вчера, что наше сегодня стоит на фундаменте веков, что изучение многовекового прошлого русского народа не прихоть книжного червя, а патриотический долг русского учено-гражданина. Изучение истории древней Руси и ее культуры вовсе не «уход в прошлое», а воскрешение этого прошлого, его возврат сегодняшнему дню и коммунистическому завтра. Народ без прошлого — не народ, страна без прошлого — не родина. И нельзя снова не вспомнить 1941 год, когда мир содрогнулся, услышав чудовищные слова приказа по Восточному фронту гитлеровского фельдмаршала фон-Рейхенау, что «никакие исторические или художественные ценности на Востоке (читай в СССР!) не имеют значения». Уничтожив прошлое и памятники культуры народов, легче их поработить. Это прекрасно понимали фашистские главари. Этого не стоит забывать и нам: на земном шаре все время пахнет войной...

И вот Михаила Николаевича нет... Больно сознавать, что, пока он жил, пока неустанно трудился как чернорабочий и зодчий науки, пока он держал фронт русской медиевистики, мы как-то не оценивали в должной мере все его значение. И нужно было скрестить многодельные тихомирские руки и павсегда смежить зоркие и требовательные глаза ученого и учителя сотен историков, чтобы мы очнулись и сразу поняли, какой человек ушел. Упал щит, надежно прикрывавший от натиска недомыслия, а то и просто вельможного невежества наш участок науки. Когда враг пробивал брешь в твердых древнерусских крепостях, их защитники становились плечом к плечу и, закрывали собою пролом. И тогда люди были тверже камня и неодолинее могучих стен. Историки древней Руси обязаны закрыть своей сплоченностью ту зияющую брешь, которую проломил в нашей науке точно нацеленный удар смерти. Мы должны заменить Михаила Николаевича своим совокупным трудом на всех участках его деятельности: и в продолжении широкой археографической работы, и в распапке еще необъятных целин древней истории русского народа. Хочется верить, что становится теплее, что ветер поворачивает в нашу сторону, что нам будет легче: со страниц нашей печати все сильнее звучит священное слово „Отечество“ во всем его вечном объеме...

Мы не должны вешать голову. Мы склоняемся в прощальном поклоне перед тем, что было Михаилом Николаевичем Тихомировым, перед его прахом. Мы знаем, что он не умер. Такие ученые не умирают. Они просто уходят в страну, где нет смерти, ибо эта страна называется бессмертием. Так мир же Вашему праху, дорогой Михаил Николаевич. Пусть будет Вам легка земля, которая сейчас навсегда скроет от нас Ваше теперь спокойное лицо. Ведь это древняя русская земля, земля великой русской столицы — древней Москвы, которую Вы так беззаветно любили.

Н. Воронин

ААН. Ф. 693. Оп. 2. Д. 352.

Подготовил к печати И. В. Ковалев

IV. ХРОНИКА

СОСТАВ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ¹

БЮРО КОМИССИИ

1. Шмидт Сигурд Оттович – д. и. н. (ИИ СССР) – председатель
2. Литвак Борис Григорьевич – д. и. н. (ИИ СССР) – заместитель председателя
3. Покровский Николай Николаевич – член-кор. АН СССР – заместитель председателя
4. Черных Вадим Алексеевич – к. и. н. (ИСБ) – ученый секретарь
5. Афанасьев Юрий Николаевич – д. и. н. (МГИАН)
6. Болховитинов Николай Николаевич – член-кор. АН СССР
7. Дьяков Владимир Анатольевич – д. и. н. (ИСБ)
8. Елпатьевский Андрей Валерьянович – к. и. н. (Главархив СССР)
9. Жуковская Лидия Петровна – д. филол. н. (ГБЛ)
10. Журавлев Валерий Васильевич – д. и. н. (ИМЛ).
11. Ирошников Михаил Павлович – д. и. н. (ЛОИИ)
12. Каштанов Сергей Михайлович – д. и. н. (ИИ СССР)
13. Киселева Людмила Ильинична – д. и. н. (БАН)
14. Ковальченко Иван Дмитриевич – академик
15. Конашев Александр Ильич – д. и. н. (ЛОИИ)
16. Левшин Борис Венедиктович – д. и. н. (ААН)
17. Лихачев Дмитрий Сергеевич – академик
18. Соппин Евгений Федорович – к. и. н. (Главархив РСФСР)
19. Халидов Анас Бакиевич – д. филол. н. (ЛО ИВАН)
20. Чистякова Елена Викторовна – д. и. н. (УДН)
21. Шкурко Александр Иванович – к. и. н. (Министерство культуры РСФСР)
22. Янин Валентин Лаврентьевич – член-кор. АН СССР

ЧЛЕНЫ КОМИССИИ

23. Автократов Владимир Николаевич – д. и. н. (ВНИИДАД)
24. Александров Вадим Александрович – д. и. н. (ИЭ)
25. Аревшатын Сен Суренович – член-кор. АН Арм.ССР
26. Афанасьев Михаил Дмитриевич – к. пед. н. (ГПИБ)
27. Балясная Любовь Кузьминична – к. пед. н. (АПН)
28. Банасюкевич Вячеслав Дмитриевич – к. и. н. (ВНИИДАД)
29. Барахов Владимир Сергеевич – д. филол. н. (ИМЛИ)
30. Батаева Тамара Васильевна – д. и. н. (УДН)
31. Беленький Иосиф Львович – (ИНИОН)
32. Бем Юрий Оттович – (Изд-во «Правда»)
33. Буганов Виктор Иванович – д. и. н. (ИИ СССР)
34. Бычкова Маргарита Евгеньевна – к. и. н. (ИИ СССР)
35. Водарский Ярослав Евгеньевич – д. и. н. (ИИ СССР)
36. Волков Владимир Константинович – д. и. н. (ИСБ)
37. Волкова Наталья Борисовна – к. филол. н. (ЦГАЛИ)
38. Волкова Татьяна Федоровна – к. филол. н. (Сыктывкарский ГУ)
39. Гальцов Валерий Иванович – к. и. н. (Калининградский ГУ)
40. Данилов Виктор Петрович – д. и. н. (ИИ СССР)
41. Дегтярев Александр Яковлевич – д. и. н. (ЦК КПСС)
42. Демип Анатолий Сергеевич – д. филол. н. (ИМЛИ)
43. Дзидзигури Шота Варламович – академик АН ГССР
44. Дмитриев Василий Дмитриевич – д. и. н. (Чувашский ГУ)
45. Дмитриев Лев Александрович – член-кор. АН СССР
46. Днепров Эдуард Дмитриевич – к. и. н. (АПН)
47. Дорошенко Василий Васильевич – член-кор. АН Латв.ССР
48. Енишерлов Владимир Петрович – к. филол. н. (Советский фонд культуры)
49. Есаков Владимир Дмитриевич – к. и. н. (ИИ СССР)
50. Ефременков Николай Васильевич – д. и. н. (Калининский ГУ)

¹ Публикуется список Археографической комиссии (Комиссии по археографии, архивоведению и смежным историко-филологическим дисциплинам АН СССР), утвержденный Бюро Отделения истории АН СССР 31 марта 1988 г., с изменениями, внесенными постановлением Бюро Отделения 15 июня 1989 г.

51. Жигомирская Сарра Владимировна – к. и. н. (ВООПИИ)
52. Зайцев Андрей Дмитриевич – к. и. п. (Изд-во «Советская энциклопедия»)
53. Иваненко Борис Васильевич – к. и. н. (Главархив УССР)
54. Иванова Людмила Васильевна – д. и. п. (ИИ СССР)
55. Илизаров Борис Семенович – д. и. п. (МГИАИ)
56. Илизаров Симон Семенович – к. и. п. (ИИЕТ)
57. Исаевич Ярослав Дмитриевич – д. и. п. (ИОИ АН УССР, г. Львов)
58. Карев Дмитрий Владимирович – к. и. н. (Гродненский ГУ)
59. Какх Юхан Юханович – академик АН ЭССР
60. Кобрин Владимир Борисович – д. и. н. (МГИАИ)
61. Ковалев Феликс Николаевич – к. ю. н. (ИДУ МИД)
62. Ковальский Николаи Павлович – д. и. н. (Днепропетровский ГУ)
63. Козлов Владимир Петрович – к. и. н. (ОИ АН СССР)
64. Козлов Владимир Фотиевич – к. и. н. (Центральный музей древнерусской культуры и искусства им. А. Рублева)
65. Козлов Олег Федорович – к. и. п. (ВНИИДАД)
66. Колесников Петр Андреевич – д. и. н. (ВГПИ)
67. Кузев Раиль Гумерович – д. и. н. (БНЦ)
68. Кузнецова Татьяна Вячеславовна – к. и. н. (МГИАИ)
69. Ласунский Олег Григорьевич – к. филол. н. (Воронежский ГУ)
70. Лашкевич Владимир Викторович – (Главархив СССР)
71. Лебедев Виталий Иванович – к. и. п. (Пензенский гос. пед. ин-т)
72. Лисовина Анеллия Петровна – к. и. п. (Ин-т истории АН МССР)
73. Литаврин Геннадий Григорьевич – член-кор. АН СССР
74. Лукичев Михаил Петрович – к. и. н. (ЦГАДА)
75. Луцкий Евгений Алексеевич – д. и. н. (г. Москва)
76. Мамонов Владилен Михайлович – (Главархив СССР)
77. Медушевская Ольга Михайловна – д. и. п. (МГИАИ)
78. Метревели Елена Павловна – академик АН ГССР
79. Миклушинский Семен Романович – член-кор. АН СССР
80. Митрофанов Николаи Николаевич – к. и. п. (Главархив СССР)
81. Митюков Александр Георгиевич – к. и. п. (ЦНБ АН УССР)
82. Муравьев Виктор Александрович – д. и. н. (МГИАИ)
83. Мякушев Сергей Давидович – к. и. п. (ИИ СССР)
84. Мясников Владимир Степанович – д. и. п. (ИДВ)
85. Немировский Евгений Львович – д. и. п. (Книжная палата СССР)
86. Нерознак Владимир Петрович – д. филол. н. (ОЛЯ АН СССР)
87. Повосельцев Анатолий Петрович – член-кор. АН СССР
88. Опульская Лидия Дмитриевна – д. филол. н. (ИМЛН)
89. Панин Леонид Иванович – (Главархив СССР)
90. Пихоя Рудольф Германович – д. и. п. (Уральский ГУ)
91. Подобедова Ольга Ильинична – д. иск. н. (Ин-т искусствознания)
92. Поздеева Ирина Васильевна – к. и. н. (МГУ)
93. Поляков Юрий Александрович – член-кор. АН СССР
94. Присенко Галина Петровна – к. и. п. (Тульский гос. пед. ин-т)
95. Прокопенко Анатолий Стефанович – (Главархив СССР)
96. Прошштейн Александр Павлович – д. и. п. (Ростовский ГУ)
97. Просвирнин Анатолий Иванович – к. богосл. н. (Издательский отдел Московской Патриархии)
98. Ратнер Александр Владимирович – к. и. н. (редакция журнала «Советская библиография»)
99. Рогов Александр Иванович – к. и. н. (ИСБ)
100. Рыбаков Борис Александрович – академик
101. Самсонов Александр Михайлович – академик
102. Севастьянова Алла Александровна – к. и. н. (Ярославский ГУ)
103. Седелников Валерий Олегович – к. и. п. (МГИАИ)
104. Серебрякова Елена Ивановна – к. и. п. (ГИМ)
105. Соболева Надежда Александровна – д. и. п. (ИИ СССР)
106. Соколов Андрей Константинович – д. и. п. (ИИ СССР)
107. Сохань Павел Степанович – член-кор. АН УССР
108. Станиславский Александр Лазаревич – д. и. п. (МГИАИ)
109. Станкевич Сергей Борисович – к. и. п. (ИВИ)
110. Старостин Евгений Васильевич – к. и. н. (МГИАИ)
111. Степанский Александр Давидович – д. и. п. (МГИАИ)
112. Судаков Гурий Васильевич – д. филол. н. (ВГПИ)
113. Тенишев Эдхам Рахимович – член-кор. АН СССР
114. Тихомиров Николаи Борисович (г. Москва)
115. Тихонов Юрий Александрович – д. и. п. (ИИ СССР)
116. Толстой Никита Ильич – академик
117. Троицкий Николаи Алексеевич – д. и. п. (Саратовский ГУ)
118. Туманов Валерий Евгеньевич – к. и. п. (ЦМР)
119. Турищев Юрий Георгиевич (Главархив СССР)
120. Тюнеев Владимир Алексеевич (Главархив РСФСР)
121. Усманов Миркасым Абдулахатович – д. и. п. (Казанский ГУ)
122. Ушаков Анатолий Васильевич – д. и. п. (Московский гос. заочн. пед. ин-т)

123. Филимонов Сергей Борисович – к. и. н. (Симферопольский ГУ)
124. Фонкич Борис Львович – к. и. н. (ИВИ).
125. Формозов Александр Александрович – к. и. н. (Ин-т археологии АН СССР)
126. Хоружий Виктор Васильевич (Центральный архив ВЛКСМ)
127. Черторицкая Татьяна Владимировна – к. и. н. (Горьковский ГУ)
128. Чичуров Игорь Сергеевич – к. и. н. (ИИ СССР)
129. Чудакова Мариетта Омаровна – д. филол. н. (Литературный институт)
130. Чурбанов Вадим Борисович – д. филол. н. (ЦК КПСС)
131. Шацкило Корнелий Федорович – д. и. н. (ИИ СССР)
132. Шишкин Валерий Александрович – член-корр. АН СССР
133. Шумейко Михаил Федорович – к. и. н. (Ин-т истории партии при ЦК КП Белоруссии)
134. Шапов Ярослав Николаевич – член-корр. АН СССР
135. Эйдельман Натан Яковлевич – к. и. н. (Союз писателей СССР)
136. Ючас Мечислав Адольфович – д. и. н. (Вильнюсский ГУ)

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

1. Копанев Александр Ильич – д. и. н. (ЛОИИ) – председатель.
2. Воронова Тамара Павловна – к. и. н. (ГПБ) – заместитель председателя.
3. Ирошников Михаил Павлович – д. и. н. (ЛОИИ) – заместитель председателя.
4. Дмитриева Зоя Васильевна – к. и. н. (ЛОИИ) – ученый секретарь.
5. Алексеев Юрий Георгиевич – д. и. н. (ЛОИИ).
6. Амосов Александр Александрович – к. и. н. (БАН).
7. Анапич Борис Васильевич – д. и. н. (ЛОИИ).
8. Бобров Александр Григорьевич (ГПБ).
9. Бубнов Николай Юрьевич – к. и. н. (БАН).
10. Бударагин Владимир Павлович (ИРЛИ).
11. Вилинбахов Георгий Вадимович – к. и. н. (Гос. Эрмитаж).
12. Вацура Вадим Эразмович – д. ф. н. (ИРЛИ).
13. Ганелин Рафаил Шоломович – д. и. н. (ЛОИИ).
14. Горфункель Александр Хаимович – д. и. н. (ГПБ).
15. Гранстрем Евгения Эдуардовна – д. ф. н. (ГПБ).
16. Демкова Наталья Сергеевна – д. ф. н. (ЛГУ).
17. Дмитриев Лев Александрович – член-корр. АН СССР.
18. Ивина Людмила Ивановна – к. и. н. (ЛОИИ).
19. Киселева Людмила Ильинична – д. и. н. (БАН).
20. Кукушкина Маргарита Владимировна – д. и. н. (БАН).
21. Лебедева Ирина Николаевна – к. ф. н. (БАН).
22. Лихачев Дмитрий Сергеевич – академик.
23. Лихачева Ольга Петровна – к. ф. н. (БАН).
24. Лурье Яков Соломонович – д. ф. н.
25. Малков Аркадий Георгиевич – д. и. н. (ЛОИИ).
26. Маркелов Глеб Валентинович (ИРЛИ).
27. Мажуга Владлен Иванович – к. и. н. (ЛОИИ).
28. Моисеева Галина Николаевна – д. ф. н. (ИРЛИ).
29. Мыльников Александр Сергеевич – д. и. н. (ЛО ИСБ).
30. Николаев Николай Иванович (ЛГУ).
31. Пиотровская Елена Константиновна – к. и. н. (ЛОИИ).
32. Рейсер Соломон Абрамович – д. ф. н. (Ленинградский ин-т культуры).
33. Розов Николай Николаевич – д. ф. н.
34. Сапунов Борис Викторович – д. и. н. (Гос. Эрмитаж).
35. Сербина Ксения Николаевна – д. и. н. (ЛОИИ).
36. Скрышников Руслан Григорьевич – д. и. н. (ЛГУ).
37. Соболев Владимир Семенович – к. и. н. (ЛО ААН).
38. Соловьев Иван Николаевич – к. и. н. (ЦГА ВМФ).
39. Старцев Виталий Иванович – д. и. н. (ЛГПИ).
40. Творогов Олег Викторович – д. ф. н. (ИРЛИ).
41. Торопов Илья Арсентьевич (ЦГИА СССР).
42. Цамутали Алексей Николаевич – д. и. н. (ЛОИИ).
43. Чернуха Валентина Григорьевна – д. и. н. (ЛОИИ).
44. Шапиро Александр Львович – д. и. н. (ЛГУ).
45. Шварц Елена Михайловна (ГПБ).
46. Шепелев Леонид Ефимович – д. и. н. (ЛОИИ).
47. Шишкин Валерий Александрович – член-корр. АН СССР.
48. Эрастов Дмитрий Павлович (ЛКРД).

СЕКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ АРХЕОГРАФИИ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

1. Халидов Анас Бакиевич – д. ф. н. (ЛО ИВАН) – председатель.
2. Акимущкин Олег Федорович – к. ф. н. (ЛО ИВАН) – заместитель председателя.
3. Полосин Валерий Вячеславович – к. ф. н. (ЛО ИВАН) – ученый секретарь.
4. Алимардонов Амриездан Алимардонович – к. ф. н. (ИВАН Тадж.ССР).
5. Ахметзянов Марсель Ибрагимович – к. ф. н. (ИЯЛИ КФ АН)
6. Аширов Аннакурбан – к. ф. н. (ИЯЛ АН Туркм.ССР).
7. Галаяудинов Ишмухамед Гильмутдинович – к. ф. н. (ИИЯЛ БНЦ)

8. Гирс Георгий Федорович — д. ф. н. (ИВАН).
9. Горегляд Владислав Никонорович — д. ф. н. (ЛО ИВАН).
10. Давидович Елена Абрамовна — д. и. н. (ИВАН).
11. Дугар-Нимаев Цырен — Анчика — к. ф. н. (БИОН).
12. Каграманов Джангир Вагид-оглы — д. ф. н. (Ин-т рукописей АН Азерб.ССР).
13. Каюмов Азиз Пулатович — д. ф. н. (Ин-т рукописей АН Узб.ССР).
14. Кенесбаев Смет Кенесбаевич — академик АН Казах.ССР.
15. Кузеев Раиль Гумерович — д. и. н. (БНЦ).
16. Лебедев Виктор Владимирович — к. ф. н. (ГПБ).
17. Меньшиков Лев Николаевич — д. ф. н. (ЛО ИВАН).
18. Мухамедьяров Шамиль Фатыхович — к. и. н. (Ин-т истории СССР АН СССР).
19. Мухтаров Ахрор Мухтарович — д. и. н. (Ин-т истории АН Тадж.ССР).
20. Омаров Халид Абдуллаевич (ИЯЛИ ДФ АН).
21. Петросян Юрий Ашотович — д. и. н. (ЛО ИВАН).
22. Плоских Владимир Михайлович — д. и. н. (Ин-т истории АН Кирг.ССР).
23. Садвакасов Гожахмет Садвакасович — член-кор. АН Казах.ССР.
24. Сыдыкбеков Тугельбай Сыдыкбекович — академик АН Кирг.ССР.
25. Темкин Эдуард Наумович — к. ф. н. (ЛО ИВАН).
26. Тенишев Эдхам Рахимович — член-корр. АН СССР.
27. Урунбаев Асам Урунбаевич — д. ф. н. (ИВ АН Узб.ССР).
28. Усманов Миркасым Абдулахатович — д. и. н. (КГУ).
29. Халимов Назар Базарбаевич (Ин-т истории АН Туркм.ССР).
30. Юзеев Нил Гафурович — д. ф. н. (ИЯЛИ КФ АН).

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ В 1988 г.

18 января состоялось заседание, на котором *О. А. Князевская* (АК) выступила с докладом о принципах воспроизведения древнего текста в наборном издании Саввиной книги, хранящейся в ЦГАДА. С помощью специальной аппаратуры, предоставленной следственными органами, была скопирована наиболее трудная для прочтения часть пергаменной рукописи, представляющая собой палимпсест. Палеографическое и кодикологическое исследование этого древнейшего славянского памятника письменности проводится в связи с подготовкой совместного советско-болгарского издания. В обсуждении доклада принимали участие сотрудники АК *Б. Н. Морозов*, *Ю. В. Андрушайтите*, *В. В. Морозов*, *Н. Б. Шеламанова*¹.

22 февраля были заслушаны сообщения *А. А. Курносова* (АК) о конференции молодежных музеев в Ровно, где он прочитал доклад «Из истории собирания документальных памятников общественными организациями», и *В. В. Морозова* о конференции Института славяноведения и балканистики АН СССР «Славяне и их соседи. Место взаимных влияний в процессе общественного и культурного развития. Эпоха феодализма».

28 марта *В. А. Черных* (АК) и *А. А. Турпилов* (АК) сделали сообщение о Ленинградской конференции по восточной археографии и об организации В. А. Черных и Б. Н. Морозовым в Ленинграде выставки рукописных и старопечатных книг, собранных археографическими экспедициями.

25 апреля *В. В. Морозов* доложил о совещании по подготовке программы описания славяно-русских рукописей, про-

ходившем в Свердловске в рамках работы семинара по методике создания Свода документальных памятников России.

24–26 мая АК участвовала в проведении в Калинин Всероссийской научно-практической конференции «Документальные памятники и их использование в патриотическом воспитании молодежи», организованной ВООПИК и ЦК ВЛКСМ².

30 мая *С. О. Шмидт* (АК) информировал о Международной конференции по русской средневековой истории в США, в Йельском университете (*С. О. Шмидт* подготовил для конференции доклад «О приказном делопроизводстве в России второй половины XVI в.»), и о выступлении перед аспирантами и студентами Колумбийского университета. Устроители конференции предложили издать совместный сборник статей американских и советских историков. В обсуждении информации *С. О. Шмидта* участвовали *А. А. Курносов* и *В. А. Черных*.

14 июня состоялись Тихомировские чтения, посвященные 70-летию ленинского декрета «О реорганизации и централизации архивного дела».

20 июня *И. В. Поздеева* (НБ МГУ) выступила с сообщением о Библиотеке конгресса США в Вашингтоне, проводившей научную конференцию по истории русской культуры в связи с 1000-летием принятия христианства. Американская сторона заказала *И. В. Поздеевой* доклад «Просветительное и политическое значение деятельности Московского печатного двора в первой половине XVII в.». *И. В. Поздеева* отметила широту постановки проблем и наличие

¹ В сентябре *О. А. Князевская* выступила на рабочем заседании Археографической комиссии НРБ с сообщением «К вопросу о времени присоединения древнерусских дополнений к Саввиной книге».

² См.: Памятники Отечества, 1988. М., 1988. № 2 (18). С. 117–118.

свежих идей в докладах американских исследователей, которым новейшие технические средства помогают быстро осваивать обширную информацию, тогда как их советские коллеги зачастую вынуждены заниматься более узкими конкретными темами. К сожалению, предыдущая аналогичная конференция, посвященная историографии, прошла без участия советских ученых. По мнению И. В. Поздеевой, уровень американской исторической науки сейчас несравненно выше, чем в относительно недавнем прошлом; поэтому нужно быть в курсе ее достижений, а не ограничиваться критикой.

27 июня В. Ю. Афиани изложил основное содержание своего выступления «Каталог личных архивных фондов историков и архивы краеведов» на Всероссийском совещании музейных работников на ВДНХ.

26 сентября О. А. Князевская и С. О. Шмидт рассказали о X Международном конгрессе славистов в Болгарии и об участии в открытии Центра славяно-византийских исследований им. И. Дуйчева при Софийском университете. О. А. Князевская была награждена Софийским университетом почетным знаком им. Климента Охридского. (В этом году ее труды удостоены также Государственной премии РСФСР.)

27 октября проведено заседание АК, посвященное 100-летию со дня рождения выдающегося слависта Федора Федоровича Аристова (4(16) X.1888 — 5.XI.1932)³. Во вступительном слове С. О. Шмидт сказал, что АК по традиции устраивает заседания, посвященные памяти деятелей отечественной науки: М. Н. Тихомирова, С. Н. Валка, В. И. Шункова, Н. И. Кобленца, С. П. Моравского и др. Научное развитие — результат коллективных усилий многих людей, не всегда прославленных многочисленными опубликованными трудами, не всегда завершивших свои исследования, но оставивших учеников и обеспечивших движение науки. Ф. Ф. Аристов внес исключительно большой вклад в изучение истории карпато-русской (или галицеской) культуры. Его основная работа, увидевшая свет более 70 лет назад, сейчас переиздана в США⁴; следовательно, она не утратила актуальности.

В выступлении Т. Ф. Аристовой (Ин-т этнографии АН СССР), дочери покойного ученого, говорилось о том, что она с 1959 г. в течение 30 лет продолжала исследования отца, чтобы доказать правильность его идей в области карпатоведения. Ею собран обширный архивный материал об Ф. Ф. Аристове и подготовлена книга о нем, но издать ее пока не

удаётся. Т. Ф. Аристова напомнила о том, что после выхода в 1916 г. 1-го тома труда «Карпато-русские писатели» были набраны 2-й и 3-й тома, но они остались неопубликованными. Хотя Ф. Ф. Аристов еще в 1911 г. участвовал в революционной деятельности и подвергался арестам, а впоследствии стал видным работником культуры в Крыму — после изгнания белогвардейцев преподавал на курсах для красноармейцев в Феодосии, с 1926—1927 гг. его преследовали, изгнали из университета. Он скончался от недоедания и болезни сердца в возрасте всего 44 лет. Вскоре умерла и его жена, С. И. Авакимян. Четверо детей выросли в детских домах. Научное наследие Ф. Ф. Аристова большей частью было конфисковано, сохранились лишь отдельные главы из неопубликованных работ. Б. В. Левшин (ААН) задал вопрос об архивных материалах ученого, хранящихся у Т. Ф. Аристовой. Она ответила, что у нее остались только отдельные бумажки⁵. Камал (аспирант из Ирака, Университет дружбы народов им. П. Лумумбы) спросил, какова судьба неопубликованных трудов Ф. Ф. Аристова по востоковедению. По словам Т. Ф. Аристовой, они были конфискованы, в том числе книга «Восток и Россия». В. А. Черных (АК) предложил включить в Каталог личных фондов отечественных историков разработки Ф. Ф. Аристова об историках, живших в Прикарпатье. В выступлениях С. И. Красецкой (Львов-гипроводхоз) и В. А. Артамонова (Ин-т истории СССР АН СССР) затрагивался вопрос о насильственной украинизации русского населения Прикарпатья. Т. Ф. Аристова сказала, что местные энтузиасты по своей инициативе восстанавливали памятники мирным жителям, погибшим во время первой мировой войны в австрийском концлагере Талергоф, но ей пока что не удается опубликовать данные, проливающие свет на эту трагическую страницу истории Прикарпатья начала XX в.

31 октября А. А. Курносовым сделано сообщение о Всесоюзной конференции по источниковедению и историографии в Кутаиси⁶, где он прочитал доклад «К вопросу о повторяющихся явлениях в источниках личного происхождения по истории Великой Отечественной войны».

28 ноября В. А. Черных ознакомил с итогами источниковедческой конференции Новосибирского университета, на которой видное место было уделено археографической тематике, и конференции, посвященной 25-летию археографических экспедиций Казанского университета⁷.

26 декабря на заседании комиссии вы-

³ См.: Славяноведение в дореволюционной России: Библиограф. словарь / Под ред. В. А. Дьякова. М., 1979. С. 55.

⁴ Аристов Ф. Ф. Карпато-русские писатели: Исследования по неизданному источникам. Connecticut: Carpatho-Russian Literary association, 1977. Т. 1. Там же П. Юрьевым помещен «Опыт литературной биографии писателя и историка литературы с приложением краткой биографии Аристова и литературы о нем».

⁵ Личный фонд Ф. Ф. Аристова хранится в ЦГАЛИ СССР.

⁶ См. наст. изд.

⁷ См. наст. изд.

ступил *Б. Н. Морозов* (АК) с сообщением «„Книга Послание Курбского“» в библиотеке Н. Г. Строганова начала XVII в.» по описи имущества, составленной до 8 апреля 1620 г. (ЦГАДА, ф. 188 (Рукописное собрание ЦГАДА), оп. 1, д. 466)⁸. В описи значится «Книга Послание Курбского, цена гривна, продана стольнику Ивану Салтыкову, взято по цене гривна» (Л. 96). Исходя из принципов данного описания, можно полагать, что речь идет не просто о сборнике (они описывались только с указанием количества статей), а о тематической подборке, куда, возможно, входили другие сочинения Курбского или связанные с ним памятники. Известна рукописная традиция сочинений Курбского в списках XVI – начала XVII в. (см. публикацию автора в «АЕ за 1986 год»). Учитывая, что заголовок «Послание» может быть соотнесен с заголовком только шести списков первой редакции Первого послания Курбского Грозному, составляющих особый вид, наиболее близких к архетипу (см. «АЕ за 1986 год», с. 285), можно полагать, что в книге Н. Г. Строганова, скорее всего, был памятник, открывавший знаменитую переписку. Пути проникновения в собрание Строгановых сочинений Курбского могли быть различны, учитывая их широкие книжные связи и со средой придворной и приказной знати, с северными монастырями и наконец с Западнорусскими землями (в их собраниях, в том числе и у Н. Г. Строганова, имелись целые партии книг «литовской печати»). Относительно следующего владельца «Книги Послание Курбского» можно сказать определенно только то, что в первой четверти XVII в. жил лишь один стольник из рода Салтыковых, носящий имя Иван – Иван Иванович Львов-Салтыков (боярин с 1646 г., умер в 1671 г. не оставив потомства). Очевидно, его покупка была не случайной – в отличие от других покупателей строгановских книг он приобрел только данную рукопись, судя по некоторым признакам специально для него отобранную.

В выступлении *О. А. Князевской* (АК) отмечалась важность обнаружения новых сведений о бытовании сочинений Курбского в русской письменности начала XVII в., рекомендовалось уточнить структуру работы, подчеркнуть значение Строгановых в книжной культуре

этого времени. *В. В. Морозов* (АК) высказал мнение о возможности введения в научный оборот факта наличия в книжном собрании Строгановых памятника, связанного с Курбским, в более лаконичной форме, не останавливаясь на его комментариях, которые носят во многом гипотетический характер. Вместе с тем он обратил внимание на значение в формировании книжных собраний Строгановых тесных связей последних со столицей. *А. А. Турилов* (АК) согласился с мнением автора, что данное упоминание сочинения Курбского соотносится с его Первым посланием Ивану Грозному. Возможность бытования в виде отдельного кодекса комплекса его посланий старцу Вассиану, носящих богословский догматический характер, кажется менее вероятной. *А. И. Плигузов* (Ин-т истории СССР) сказал, что упоминание «Книги Послание Курбского» в описи имущества Строганова имеет существенное значение для спора о подлинности переписки Грозного с Курбским. По свидетельству описи, к 1616 г. (а не к 20-м годам XVII в., как думает Э. Киван) Курбского считали писателем, и существовала книга, открывающаяся каким-то «Посланием» Курбского. Среди известных сочинений, атрибутируемых Курбскому, подобное определение жанра характерно только для заголовка наиболее близких к архетипу списков первой редакции Первого послания. Отражение этого заголовка в описи и использование архетипного вида Первого послания Курбского 1564 г. в сочинениях Исаии второй половины 60-х годов XVI в. кажется достаточным подтверждением древности и аутентичности переписки Курбского с Иваном Грозным. Подводя итоги заседания, *С. О. Шмидт* подчеркнул важность находки. В данном случае сам факт наличия сочинения Курбского в библиотеке крупнейшего промышленника и земельного магната представляет интерес. Необходимо тщательно проследить возможные источники пополнения строгановских книжных собраний. Изучения заслуживает особый интерес именитых людей к политике, истории государства.

Намеченное на декабрь пленарное заседание, посвященное устной истории, перенесено на январь 1989 г.

Л. И. Шохин

⁸ Опись не была использована А. А. Введенским в его известной работе о библиотеке и архиве Строгановых в XV–XVII вв. (См.: Север. Вологда, 1922. Кн. 3–4.), но упоминалась им (без указания места хранения) в связи с собранием икон в обобщающем труде «Дом Строгановых в XVI–XVII веках» (М., 1962. С. 189). Сведения об описи и наличии в ней рукописи с сочинением Курбского автор обязан Т. С. Ивановой, под руководством которой он описывал Рукописное собрание ЦГАДА в 1970-е годы. Сейчас опись исследуется и готовится к печати Н. А. Мудровой, которая уточнила на основании «Родительских летописцев» строгановских синодиков, что Н. Г. Строганов скончался 24 ноября 1616 г.

В ОТДЕЛЕНИЯХ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

Ленинградское

Вышел в свет ежегодник «Вспомогательные исторические дисциплины», т. 19 (отв. ред. В. А. Шишкин) (Л., 1988).

17 ноября состоялось годовичное заседание отделения, посвященное итогам археографических экспедиций 1988 г. и новым поступлениям в рукописные хранилища Ленинграда. Н. В. Шухтина (ИРЛИ) рассказала о совместной экспедиции ИРЛИ и ЛГУ на Пинегу. А. Г. Бобров (ИРЛИ) сделал сообщение об экспедиции на Северную Двину. Г. В. Маркелов (ИРЛИ) поделился впечатлениями об археографической поездке в Прибалтику. И. В. Сесекина (ЛГУ) рассказала о результатах археографической разведки в районах Ленинградской области. П. А. Медведев (ГНБ) сделал сообщение об археографических исследованиях в Псковской обл., проводимых совместно с ПМЗ. Н. Ю. Бубнов (БАН) рассказал об экспедиции в Кировскую область, осуществленной совместно с УГУ. Л. А. Петрова (БАН) ознакомила присутствовавших с итогами археографической экспедиции в Прибалтику.

При обсуждении отчетов было обращено внимание на необходимость собирания остатков крестьянских архивов и публикации документов из них. А. А. Амосов (БАН) поставил вопрос о необходимости формализации языка археографических описаний рукописей. Он рассказал об итогах 3-го Международного семинара по унификации описаний, проведенного в Болгарии, и о совещании по этому же вопросу, состоявшемся в Свердловске. Т. А. Шрадер (БАН) информировала собравшихся о новой иностранной литературе по истории России. М. В. Рождественская обратила внимание участников заседания на бедственное положение Ленинградского отделения Архива АН СССР. Занимаемые им помещения находятся в аварийном состоянии, библиотека опечатана, читальный зал закрыт.

Председатель Ленинградского отделения Археографической комиссии А. И. Копанев поблагодарил выступавших и отметил необходимость скорейшего обеспечения Ленинградского отделения Архива АН СССР новым помещением.

Северное

Вышел в свет 2-й выпуск 5-й части каталога-путеводителя «Памятники письменности в музеях Вологодской области», содержащий описание документов совет-

ского периода, хранящихся в ВОКМ (отв. редактор П. А. Колесников).

В сентябре в Сыктывкаре состоялось годовичное собрание отделения, на котором обсуждены проблемы собирания и публикации источников по аграрной истории Европейского Севера и принято решение о проведении в мае 1989 г. в Вологде конференции «Археография и источниковедение Европейского Севера».

Сибирское

Вышел в свет сборник статей «Источники по истории общественной мысли и культуры эпохи позднего феодализма» (Археография и источниковедение Сибири, вып. XII / Отв. ред. Н. Н. Покровский. Новосибирск, 1988).

В НГУ проведена выставка рукописей и старопечатных книг, собранных археографическими экспедициями.

Проблемам собирания, изучения и описания документальных памятников истории и культуры была посвящена секция Всесоюзной научной конференции «Историография и источники изучения исторического опыта освоения Сибири», состоявшейся в ноябре в Новосибирске. В работе секции, проходившей под председательством Н. Н. Покровского, приняли участие археографы Москвы, Ленинграда, Новосибирска, Свердловска, Томска, Иркутска, Барнаула, Сыктывкара, Йошкар-Олы.¹ В рамках работы секции состоялось заседание круглого стола, на котором были обсуждены вопросы научного описания древнерусских рукописных памятников с использованием ЭВМ. Конференция приняла обращение в ЦК КПСС и Совет Министров СССР «Раскрыть истоки социальной памяти» о необходимости коренного улучшения доступа исследователей к архивным документам и статистической информации.

Уральское

В апреле в Свердловске состоялся научно-практический семинар «Разработка методики создания свода старинных документальных памятников России (древнерусских рукописей и старопечатных книг» под руководством Р. Г. Пихоя с участием археографов Москвы, Ленинграда, Урала и Сибири. На семинаре согласованы принципы подготовки научных описаний рукописей с использованием ЭВМ.

В УГУ организована постоянно действующая выставка рукописей и старопечатных книг, полученных в экспедициях.

¹ Подробнее см. сообщение Н. Н. Покровского (Памятники Отечества. М., 1989, № 1).

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ 1988 г.

I. Полевые исследования кириллической книжной традиции

Древлехранилище ИРЛИ организовало экспедиции в Архангельскую обл. с участием студентов ЛГУ (руководители А. Г. Бобров и Н. В. Шухтина), а также в Латвийскую ССР (Г. В. Маркелов). Археографы БАН продолжали исследования в Кировской обл. (совместно с УГУ) и в Литовской ССР (руководитель А. А. Амосов). ГИП совместно с ПМЗ работали в Псковской обл. (А. Г. Бобров и П. А. Медведев).

Археографы МГУ продолжали комплексные археографические и историко-культурные исследования в Пермской обл. и Удмуртской АССР (совместно с ПГУ, руководитель Г. Н. Чагин), Московской обл. (Е. А. Агеева и Л. А. Игошев), Владимирской и Ивановской областях (Е. А. Агеева), Татарской АССР (Н. А. Кобяк и Е. Б. Смилянская), Молдавской ССР и Одесской обл. УССР (А. Д. Паскаль), Краснодарском и Ставропольском краях, Дагестанской и Чечено-Ингушской АССР, Грузинской ССР (Е. А. Агеева). В экспедициях участвовали студенты МГУ, МГИАИ и Литературного института.

Сибирское отделение Археографической комиссии (ИИФФ СО АН, ГПНТБ СО АН, НГУ и ТГУ) провело экспедиции в Алтайском крае и Кемеровской обл. (руководители: Е. И. Дергачева-Скоп, А. Ю. Бородин, В. К. Васильев), Хабаровском крае и Амурской обл. (Л. А. Ситников), Восточно-Казахстанской и Северо-Казахстанской областях (Л. В. Титова и А. И. Мальцев), Тувинской АССР (А. И. Мальцев), Томской обл. (О. Н. Бахтина — ТГУ).

В экспедициях Уральского отделения Археографической комиссии, организуемых лабораторией археографических исследований УГУ, приняли участие сотрудники Ин-та истории и археологии УО АН СССР, Тюменского областного краеведческого музея, студенты УГУ, СГУ, Тюменского университета, Новосибирского пединститута. Их работы проходили на территории Свердловской, Курганской, Тюменской, Челябинской, Пермской, Кировской областей, Башкирской и Удмуртской АССР. Начальник экспедиции В. И. Байдин, руководители отрядов С. А. Галишев, И. Л. Манькова, И. В. Починская.

Археографы СГУ работали в Коми АССР и смежных районах Архангельской обл. (с участием БАН и ЛГУ; руководитель А. Н. Власов); ЯГУ — в Ярославской и смежных районах Костромской обл. (А. А. Севастьянова). Экспедиции ГГУ (Т. В. Черторицкая) ПМЗ (Н. П. Осипова) и ВОКМ (Н. Н. Малинина) работали в пределах соответствующих областей.

В ходе всех названных экспедиций получено 530 рукописей (XVI в. — 2; XVII в. — 15) и 334 старопечатные книги (XVI в. — 1, XVII в. — 63) кириллической традиции.

Древлехранилище ИРЛИ пополнилось

76 рукописями (XVII в. — 5). В том числе в Северодвинское собрание поступили Миней служебная (октябрь) начала XVII в., Провситель Иосифа Волоцкого 30-х годов XVII в., сборник служебный конца XVII в., списки житий Алексея человека божия, Козмы и Дамиана в составе сборной рукописи XVII—XIX вв.; Хождение Трифона Коробейникова и Житие Андрея Юродивого в списках XVIII в.; несколько списков Азбук и лицевые Святцы местного письма XIX в., а также архивы борющихся крестьян Задориных и Истоминых, сохранившие документы и семейную переписку с 80-х годов XIX в. до 60-х годов нашего столетия. Пинежское собрание пополнилось списками пастушеских и охотничьих заговоров, сборником духовных стихов, а также семейным архивом крестьян Земцовских из с. Шотова Гора. Латгальское собрание пополнилось преимущественно рукописями полемического и учительного содержания; в составе сборников XIX—XX вв. — повесть о царе Агее, Превие живота и смерти, повести о патриархе Никоне; получен также список сочинения Д. Я. Серкова «Крину сельныя или Цветы прекрасныя» с 17 гравюрами конца XVII в.

Вятское собрание БАН пополнилось 23 рукописными, гектографированными и гравированными книгами и 47 печатными изданиями. Среди рукописей — Служба и житие Зосимы и Савватия Соловецких в списке XVI—XVII вв., Поморские ответы в списке 2-й половины XVIII в. с богатой орнаментикой. Большинство других находок датируется XIX—XX вв., среди них целногравированная книжка с иллюстрациями, содержащая сказку о хозяине и работнике (1839); издания местного типографа конца XIX — начала XX в. Л. А. Гребнева; издания латинского шрифта, в том числе патристический сборник (Париж, 1686) с владельческой маргиналией.

ГПБ получены 14 рукописей XVIII—XX вв. и 3 гектографированных издания. Среди рукописей — сборник начала XIX в. с красочной иллюминацией поморского стиля, содержащий изложение понятий старообрядцев беспоповского согласия о церкви; житие Корнелия Выговского в списке конца XVIII в.; полемические сборники феодосеевского согласия.

Научная библиотека МГУ пополнилась 54 рукописями (XVI в. — 1, XVII в. — 3) и 47 печатными изданиями (XVI в. — 1; XVII в. — 12). В Верхокамье и северных районах Пермской обл. получены, в частности: Пролог, написанный в 1606 г., «а писал сию книгу Стретенъя Пречистыя Богородицы Владимирския поп Борисице Никитинъ»; Феодосий Иверский. Перевод «Ключа разумения» Иоанкия Галытовского (конец XVII в.); печатные издания: «Маргарит» (Острог, 1595) и Псалтирь (М.: Печ. Двор, 1640-е годы). В Татарской АССР у поморов-небрачников приобретены 10 рукописей, в том чис-

ле певческие крюковые: Ирмологион (конец XVIII в.) и Обиход (конец XIX — начало XX в.), местные старообрядческие сборники XIX — начала XX в. Наставник А. Е. Хрычев передал также рукописные материалы по истории поморских молитвенных домов Казани XIX—XX вв. Описано более 300 кириллических памятников, хранящихся в музеях, молитвенных домах, личных собраниях. Из Московской обл. поступили 6 крюковых рукописей XVIII—XX вв. в традиционном гусличком оформлении. Начатые исследования во Владимирской и Ивановской областях принесли: Толковый апокалипсис XIX в. с 70 миниатюрами; Календарный сборник (XIX в.) с иконописным подлинником и вмонтированными листами печатных Святцев (М.: Печ. Двор, 1645); печатное Евангелие-тетр (М.: Печ. Двор, 1657). Молдавско-Украинским отрядом получены редкие издания: Шестоднев (Львов, 1689); Апостол на молдавском языке кириллицей 1683 г. с молдавской записью XVII в.; библиотека К. И. Донцова, содержащая, в частности, брошюры, издававшиеся в Измаиле, Одессе, Кишиневе на русском языке в 1911—1934 гг.; материалы по истории православной молдавской церкви в с. Поянах и 6 крюковых певческих рукописей XVIII—XIX вв. Кавказским отрядом приобретены рукописи: Пандекты Никона Черногорца середины XVI в.; Хронограф последней трети XVII в. основной редакции 1617 г. с элементами распространенной редакции того же года и статьями III редакции 1620 г.; Книга о вере конца XVIII в.; Праздники на крюковых нотах; старообрядческие сборники; среди печатных книг: Минея служебная за август (М.: Печ. Двор, 1646) с владельческой записью «имянитого человека Дмитрия Андреевича Строганова»; Октоих (М.: Печ. Двор, 1631) с автографом Иова Лиговского; Минея служебная за сентябрь (М.: Печ. Двор, 1607) из «церкви Рождества Богородицы что на верхнем дому града Вологды».

Экспедициями Сибирского отделения Археологической комиссии получены на Дальнем Востоке 3 рукописи конца XIX — начала XX в. и 3 печатные книги XVII в., в том числе Требник (М., 1657) с владельческой записью кашинского купца Матвея Гурьева сына Собакина. На Алтае и в Кемеровской обл. получены рукописи современной старообрядческой традиции; одна из них датирована 1966 г. и представляет собой поморский полемический сборник, другая — список жития Кирика и Улиты. Получены также печатные книги: Шестоднев (М., 1625); Поучения Ефрема Сирина и Аввы Дорофея (М., 1652); Дюоптра и История об отцах и страдальцах соловецких XVIII в. У наследников наставника поморской общины г. Петропавловска Северо-Казхастанской обл. А. Малыгина приобретено книжное собрание, состоящее из 7 рукописей конца XIX в., гектографированного сборника и 12 старопечатных книг XVII—XIX вв. Среди них: Служебник (М., 1640) с вкладной

записью «имянитого человека Федора Петровича Строганова на Каме-реке в городе на устье на Орле городке в своей отчине» и Пролог на март—май (М., 1643) с вкладной записью «к дому пресвятыя Живоначальныя Троицы и великих чудотворцев Сергия и Никона в Троицку в вотчину в Московский уезд в село Ростокино...».

В библиотеку Томского университета поступило 7 рукописных книг XIX в. (в том числе Псалтирь и старообрядческие сборники) и 13 старопечатных книг XVII—XX вв. (среди них — Ефрем Сирий. Книга слов и поучений. М., 1647; Феофилакт Болгарский. Евангелие с толкованием. М., 1703).

Уральской объединенной археографической экспедицией получены 263 рукописи (XVII в. — 1, XVIII в. — 21, XIX в. — 89, XX в. — 152) и 79 старопечатных книг (XVII в. — 10, XVIII в. — 30, XIX в. — 27, XX в. — 12). Такое хронологическое соотношение характерно для экспедиционных находок последних лет. Среди рукописей: Сборник сочинений Николая Спафария (вторая половина XVII в.), включающий «Хрисмологион», «Книгу избранную вкратце о девяти мусах и о седми свободных художествах», четый сборник конца XVIII в., содержащий произведения Георгия Псида, Нила Постника, Епифания Кипрского, Ивана Пересветова. Среди печатных книг: Устав (Око церковное) (М., 1633); Служба, житие и чудеса Николая Чудотворца (М.: Печ. Двор, 1641).

Экспедицией ГГУ получено и передано на хранение в Горьковский государственный литературно-мемориальный музей Н. А. Добролюбова 10 рукописей XIX в. и 7 печатных изданий (из них 3 — XVII в.: Апостол (М.: Бурцев, 1638); Требник инокский. (М.: Печ. Двор, 1639); Псалтирь (М.: Печ. Двор, 1648).

В НБ ЯГУ поступило 10 рукописей XVIII—XX вв. и 18 старопечатных книг (XVII в. — 6). Среди рукописей — роскошно украшенный Ирмологий рубежа XIX—XX вв., а также два сборника на крюковых нотах, переписанные и украшенные местным книжником конца XIX — начала XX в. М. И. Гольшевцев. В числе печатных изданий — Требник (М., 1625), Октоих (М., 1631), Минея общая с праздничной (М., 1645), Минея служебная (М., 1650), Альфа и Омега (Вильно, 1786), Цветник (Гродно, 1795). Во многих книгах имеются обширные рукописные фрагменты восстановленного текста, маргиналии XVII—XVIII вв. Археографы ЯГУ продолжают научное описание рукописей, хранящихся в Ростовском музее-заповеднике. Описаны 103 рукописные книги (XVII в. — 3, XVIII в. — 77, XIX в. — 23). Обнаружены фрагменты ранних рукописей (XIV в. — 1, XV в. — 1, XVI в. — 2).

Экспедициями СГУ получено 28 рукописей (XVII в. — 1, XVIII в. — 2) и 13 старопечатных книг (XVII в. — 2, XVIII в. — 5). Среди рукописей — Пролог XVII в., Синописис 1725 г., Святцы XVIII в., Цветник конца XIX — начала XX в., сборники духовных стихов, сбор-

ники слов и поучений. В числе печатных изданий – Евангелие-апракос первой половины XVII в., Миняя служебная на октябрь XVII в., Цветник (Варшава, 1775), Часослов (Супрасль, 1722).

Фонды ВОКМ в результате экспедиции пополнились 25 рукописями (XVII в. – 5, XVIII в. – 4), 26 старопечатными книгами (XVII в. – 12) и литографированным изданием «Певческая учебная соловая азбука». В числе рукописей – Псалтирь и Синодик XVII в., Поморские ответы начала XVIII в., сборник духовных стихов начала XIX в. Наиболее ранние из печатных изданий:

Миняя общая (М.: Печ. Двор, 1625), Шестоднев (М.: Печ. Двор, 1635), Псалтирь (М.: Печ. Двор, 1634).

В ПМЗ поступили 2 рукописи XIX в. и 11 старопечатных книг (XVII в. – 5). Рукописный сборник – конволют – включает «Повесть о Петре и Февронии», «Службу Георгию Владимирскому», «Житие Евдокии мученицы». На Минее 1638 г. – запись XVII в. о вкладе книги в церковь Николая Чудотворца «всем миром», на Триоди цветной 1640 г. – запись о покупке книги в Святогорском монастыре в 1677 г. за 3 руб.

II. Полевые исследования книжной традиции на восточных языках

ИЯЛИ КФ АН предпринял экспедицию в Мордовскую АССР, в ходе которой Ф. С. Хакимзянов выявлял и фотографировал эпиграфические памятники (главным образом надгробия), а Ф. З. Яхин собирал рукописи. Получено 46 рукописей, в том числе 29 на татарском языке, 14 – на арабском, 2 – на персидском, 1 – на русском (копия грамоты пушкарю Ивану Богданову). Рукописи на арабском языке в основном религиозного содержания, хадисы, книги шариата; на персидском – поэтические произведения. Среди рукописей на татарском языке – сборник поэм XIV в., составленный Муллою Башаром в XVIII в.; поэма «Субатул Гажизин» Суфи Аллаара, переписанная Сайфуллою в 1819 г.; сборник мунаджатов, переписанный Мухамедгали бин Хусаином; список XIX в. поэмы XIV в. «Баг алмасы»; учебник «Гажаиб Махлукаат» («Удивительные животные»), переписанный в 1610/1620 г.

Экспедиции КГУ работали в Горьковской обл. (руководитель И. А. Гилязов) и Красноярском крае (М. А. Усманов). Получено 60 рукописей XIX–XX вв., в том числе 3 неполных списка поэмы Кул Гали «Киссаи Йусуф», 2 списка поэмы Хусамата Катиба «Джум-джума султан», поэтический сборник «Китаби

Бакыргын», фольклорные произведения, тексты по шариату, конспекты шакирдов.

Экспедициями ИИЯЛ ВЦ УО АН СССР на территории Башкирской АССР (руководители: И. Г. Гаялутдинов, Ф. А. Надршина, Р. М. Булгаков) получено 93 рукописи XVIII–XX вв. и 261 печатное издание конца XIX – начала XX в. на арабском, персидском и тюркских языках. Среди рукописей – списки «Киссаи Йусуф», «Дастан-и Аксак-Тимур».

Экспедиции ИИЯЛ ДФ АН СССР на территории Дагестанской АССР (руководители А. Р. Шихсаидов, Х. А. Омаров) проводят научное описание рукописей и печатных изданий, хранящихся в мечетях и личных собраниях; исследуются и копируются также надгробные надписи на старинных кладбищах. В ходе экспедиций получены сборные рукописи религиозного содержания XVII–XIX вв., сборники стихотворений, лингвистические и исторические трактаты на арабском языке и языках народов Дагестана, а также большой документальный материал (несколько тысяч писем конца XIX – начала XX в.)

В. А. Черныш

ВЫСТАВКА РУКОПИСНЫХ И СТАРОПЕЧАТНЫХ КНИГ, СОБРАННЫХ АРХЕОГРАФИЧЕСКИМИ ЭКСПЕДИЦИЯМИ

В феврале–мае 1988 г. в Ленинграде, в помещении БАН, экспонировалась Всероссийская выставка рукописных и старопечатных книг, собранных археологическими экспедициями в 1976–1986 гг. Весной 1987 г. эта же выставка была открыта в Москве (см. АЕ за 1987 год, с. 327). Выставка, по счастью, не пострадала во время трагического пожара в БАН, однако доступ на нее из-за длительного закрытия библиотеки был затруднен. Тем не менее выставку посетили свыше полутора тысяч человек, было проведено около 50 экскурсий. Издан

каталог-путеводитель по части экспозиции¹.

5 февраля 1988 г. в связи с открытием выставки состоялось совещание, в работе которого приняли участие археологи – организаторы экспедиций из научных учреждений и вузов Ленинграда, Москвы, Новосибирска, Свердловска, Вологды, Горького, Сыктывкара и Казани. На совещании были согласованы и уточнены планы полевых археологических исследований на ближайшие годы, достигнута договоренность о постоянной взаимной информации о результатах проведенных работ.

¹ Памятники письменности: Новые находки: Каталог-путеводитель по экспозиции археологических центров Северо-Запада и севера европейской части РСФСР на выставке «Полевая археология за 10 лет», посвященной 10-летию Закона РСФСР «Об охране и использовании памятников истории и культуры». Л., 1988. 205 с.

ВСЕСОЮЗНОЕ РАБОЧЕЕ СОВЕЩАНИЕ ПО ПРОБЛЕМАМ ВОСТОЧНОЙ АРХЕОГРАФИИ

1–4 марта 1988 г. в Ленинграде состоялось первое Всесоюзное рабочее совещание по проблемам восточной археографии, созданное Секцией восточной археографии Археографической комиссии АН СССР и ЛО ИВ АН. В совещании приняли участие сотрудники академических научных учреждений, вузов, архивов, музеев, библиотек Москвы, Ленинграда, Казани, Уфы, Махачкалы, Улан-Удэ и Средней Азии. Заслушано свыше 50 докладов и сообщений. Совещанием принято публикуемое ниже решение.

Решение

Участники совещания отмечают, что наибольшие успехи восточной археографии в СССР достигнуты в выявлении и сборе письменных памятников на языках народов Востока. В фондах различных государственных учреждений накоплены многие десятки тысяч единиц рукописных книг, документов и актов, старопечатных изданий, надписей и др. Особенно активно ведется собирательская работа за последние 30 лет, когда в ряде союзных и автономных республик были созданы специализированные институты рукописей или крупные рукописные отделы при востоковедных и историко-филологических институтах; сбор рукописей вели также некоторые библиотеки, музеи и архивы. При этом обработка материалов явно отстает от их притока: не успевают их инвентаризировать по всем правилам с фиксацией минимума обязательных данных, составить картотеку на них; подчас не проводится даже гигиеническая обработка новых поступлений. Причины известны: как правило, не хватает опыта, квалифицированных кадров, низкими являются престиж и оплата труда археографа, хранителя, реставратора.

Важная задача многих учреждений, имеющих фонды восточных письменных материалов, состоит в завершении инвентаризации и составлении рабочих карточек.

Задача выявления, учета и сбора новых материалов остается постоянной, но методы ее выполнения следует разнообразить и постоянно совершенствовать: популяризировать рукописные фонды и работу археографов, соблюдать корректность форм археографической работы среди населения, точнее фиксировать историю каждого списка, упорядочить оценку рукописей и т. д.

Определенные достижения есть в деле каталогизации: институты востоковедения АН СССР (Ленинградское отделение), АН УзССР и АН ТаджССР, институты рукописей АрмССР (Матенадаран), АН АзССР и АН ГССР, Гос. публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде подготовили и опубликовали каталоги части своих фондов. В целом эта задача актуальна и перспективна для всех учреждений, хотя поло-

жение в каждом из них индивидуально.

Участники совещания считают важной задачей составление кратких предварительных списков, а в дальнейшем и сводных каталогов рукописей и старопечатных книг на отдельных восточных языках, находящихся во всех хранилищах Советского Союза. Первым шагом в этом направлении должен явиться единый статистический учет рукописей по определенной форме, которую предстоит разработать. Признать целесообразным отражать в каталогах и описаниях письменных памятников терминологию соответствующей культурно-исторической традиции.

На первый план как самая актуальная задача археографов выдвигается обеспечение сохранности рукописей, документов, надписей от гибели или ущерба, вызываемых природными или антропогенными факторами. Необходим комплекс мероприятий: улучшение учета и хранения, проведение консервационных и реставрационных работ, охранное микрофильмирование, противопожарная защита и др. Каждое учреждение может и должно решать эту задачу собственными силами, опираясь на отечественный и зарубежный опыт, используя рекомендации специалистов. В отношении эпиграфических памятников признать необходимой сплошную паспортизацию, независимую от нахождения их в музее или на местности.

Достичь претворения в жизнь единых правил о доступности для читателей всех видов письменных материалов в оригиналах и копиях. Выполнение этой задачи связано с преодолением межведомственных барьеров и всякого рода бюрократических помех, порой создаваемых искусственно, а также с приобретением и эксплуатацией копировальных устройств.

Исключительно велика роль рукописей и документов в международном обмене востоковедной информацией: в зарубежных хранилищах находится много материалов, крайне необходимых для освещения истории и истории культуры народов СССР и сопредельных стран, для типологических и сопоставительных исследований; в то же время иностранные ученые нередко выражают заинтересованность в получении копий многих письменных материалов, хранящихся в учреждениях нашей страны. Для налаживания и регулирования такого обмена необходимы рабочие картотеки, полные и точно отражающие те материалы, которыми владеет данное учреждение. Нужны, конечно, и публикации каталогов и приобретение каталогов зарубежных хранилищ, обмен научной литературой, взаимные поездки специалистов.

Решению указанных задач будут способствовать продуманная организация труда, повышение квалификации и исполнительской дисциплины работников, обеспечение материалами и технически-

ми средствами для консервационных и реставрационных работ, приобретение копировальной техники, в конкретных случаях – расширение штатов и создание специальных лабораторий. Поэтому просить Археографическую комиссию настаивать перед руководством Академии наук и Министерства культуры СССР на необходимости обеспечивать техникой и материалами хранилища рукописей и фотореставрационные лаборатории при них.

Просить востоковедные центры, учреждения и библиотеки систематически информировать Археографическую комиссию АН СССР и ее восточную секцию о новых находках, новых изданиях и описаниях рукописей, а Археографическую комиссию – более подробно информировать о востоковедных археографических работах на страницах «Археографического ежегодника».

Просить Археографическую комиссию войти с ходатайством в соответствующие инстанции и министерства о подготовке кадров археографов, хранителей и реставраторов, об их аттестации, оплате труда, повышении квалификации.

Предложить всем востоковедным центрам, ведущим археографические и текстологические работы, учитывать перспективу введения суммы данных о рукописях и произведениях в автоматизированные системы научно-справочного аппарата с использованием вычислительной техники, продумать и добиваться унификации приемов описания и набора данных о каждой рукописи в рабочих карточках.

Подготовить на основании заслушанных докладов и сообщений сборник-справочник «Фонды рукописных, актов и эпиграфических материалов на языках народов советского и зарубежного Востока в СССР», включив в него и доклады методического содержания.

Просить Всесоюзную ассоциацию востоковедов (ВАВ) принять на себя заботу и расходы по изданию этого сборника, а Секцию восточной археографии АК и Ленинградское отделение ИВ АН СССР – по его подготовке к печати и редактированию.

Просить Археографическую комиссию и ее восточную секцию оказывать методическую помощь периферийным хранилищам, организуя поездки специалистов (кодикологов, реставраторов и др.) и изучая положение на местах.

Поддержать создание Комиссии по изучению памятников цивилизаций раннего и средневекового Востока при Всесоюзной ассоциации востоковедов.

Обратиться от имени совещания и Археографической комиссии к руководителям всех научных центров хранения и изучения рукописей и документов на восточных языках с предложением рассмотреть на заседаниях ученых советов в течение 1988 г. весь комплекс вопросов хранения и обработки принадлежащих им рукописных фондов.

Просить Академию наук УзССР рассмотреть вопрос о необходимости создания археографической комиссии при АН УзССР для координации работы многочисленных учреждений в республике, которые имеют фонды рукописей и документов и ведут археографическую работу.

Созвать очередные рабочие совещания по проблемам восточной археографии: в 1989 г. в Казани на базе археографической лаборатории Казанского гос. университета им. В. И. Ульянова-Ленина; в 1990 г. в Ташкенте на базе Ин-та востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН УзССР; в 1991 г. в Махачкале на базе Ин-та истории, языка и литературы им. Г. Цадаса Дагестанского филиала АН СССР.

АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В КАЗАНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

22–24 ноября 1988 г. на историческом факультете КГУ состоялась региональная археографическая конференция, организованная кафедрой истории СССР досоветского периода и посвященная 25-летию археографических экспедиций Казанского университета. С масштабами, принципами и результатами работы, проделанной сотрудниками вышеназванной кафедры Р. А. Шайхиевым, И. А. Гилязовым, Э. С. Миннуллиним, а также выпускниками и студентами университета, познакомил руководитель экспедиционных исследований М. А. Усманов. За четверть века полевых изысканий среди татарского населения Астраханской, Волгоградской, Горьковской, Иркутской, Кировской, Костромской, Курганской, Новосибирской, Омской, Оренбургской, Пермской, Рязанской, Саратовской, Свердловской, Тюменской и Ульяновской областей, Красноярского края, Татарской, Башкир-

ской, Удмуртской, Чувашской, Мордовской автономных республик РСФСР было собрано более 9 тыс. рукописей и старопечатных книг на различных восточных языках.

Целью конференции являлась не только подведение итогов деятельности университетских археографов, но и обмен передовым опытом и постановка новых задач для археографов региона Среднего Поволжья в целом. Поэтому на конференцию были приглашены ведущие археографы Москвы, Ленинграда, Ташкента, Махачкалы и других городов страны.

Вниманию участников форума было предложено несколько групп докладов. Ряд выступлений посвящался проблеме преодоления разобщенности исследований традиционной народной культуры. С неослабным вниманием и интересом был заслушан доклад И. В. Поздеевой (МГУ) о научных возможностях мно-

гоаспектного комплексного изучения крестьянской культуры на примере полевых исследований строабрядческого населения Пермской области (Верхокамья), проведенных московскими археографами в содружестве с этнографами ПГУ и областного краеведческого музея. Этнографическому направлению многоаспектного полевого исследования и значению коллекций памятников материальной культуры и быта для выявления особенностей традиционной жизни русского старообрядческого населения Верхокамья были посвящены доклады *Г. Н. Чагина* (ПГУ) и *С. А. Димухаметовой* (ПОКМ). Возможности комплексных экспедиций в изучении истоков и особенностей культуры населения Нижней Обвы блестяще продемонстрировал *О. Л. Кутъев* (ПОКМ).

В группе докладов было отражено современное состояние полевой археологии и в целом археографической работы в отдельных научных учреждениях и городах. Например, *А. А. Мадрамов* познанокомил с результатами деятельности и задачами, стоящими перед археографами Института востоковедения АН УзССР, *М. И. Ахметзянов* и *Ф. З. Яхин* — Института языка, литературы и истории КФАН СССР, *Е. Б. Смиланская* рассказала об экспедиции МГУ среди старообрядческого населения ряда районов ТАССР, предпринятой в 1987—1988 гг. Призыв к изучению татароязычных документальных материалов XIX—начала XX в., написанных арабской графикой, с целью исследования деятельности татарских просветителей, а также изучения особенностей национально-освободительного движения накануне и в период установления советской власти прозвучал в выступлениях

А. Х. Махмутовой (КГУ), *А. Р. Абзалиной* и *Ф. Г. Степановой* (Госмузей ТАССР), *Р. Г. Хайрулдинова* (КГУ). Своими наблюдениями над материалами археографической экспедиции АН СССР 1934 г. в ТАССР поделился *З. С. Миннуллин* (журнал «Казан улары»). *Р. А. Шайхиев* говорил о роли и значении полевых находок в изучении краеведческих сочинений.

Самостоятельную группу составили выступления о принципах обработки и публикации письменных источников по вопросам социально-политической и экономической жизни Среднего Поволжья XVI—XIX вв. В сообщениях *И. А. Гилязова* и *Д. А. Мустафиной* (КГУ) были подняты проблемы издания документальных материалов XVI—XVIII вв. *Г. Н. Вульфсон* и *А. С. Климова* (КГУ) рассказали о принципах составления сборника документов о крестьянском движении после реформы 1861 г.

В решении, принятом конференцией, одобрен опыт Казанского университета по организации и проведению археографических экспедиций, созданию и деятельности археографической лаборатории и подчеркнута необходимость принятия мер по обеспечению сохранности, консервации и реставрации собранного рукописного материала, особо отмечена актуальность работы по подготовке к изданию описаний рукописей, текстов наиболее ценных исторических и литературных первоисточников, а также работы по составлению справочных пособий и различных указателей.

Участники конференции признали целесообразным создание Казанского отделения Археографической комиссии.

Д. А. Мустафина

ВСЕСОЮЗНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ В КУТАИСИ

Сессия «Актуальные проблемы изучения и издания письменных исторических источников» состоялась 18—20 октября. Она была организована Комиссией по источникам истории Грузии АН ГрССР, Институтом истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили. Сессию открыл академик АН Гр. ССР *Ш. В. Дзидзигури*. С приветствием к участникам обратился первый секретарь Кутаисского горкома КП Грузии *Т. Г. Лордкипанидзе*. С докладами на пленарных заседаниях выступили *Р. К. Кикнадзе* (ИИАЭ АН ГССР) «Основные направления источниковедческих разысканий в Грузии», *Б. С. Илизаров* (МГИИИ) — «О границах, структуре и полноте документальной базы истории советского общества», членкорреспондент АН ГССР *М. Д. Лордкипанидзе* (ТбГУ) «Письменные источники по древней и средневековой истории Кутаиси», *Г. Г. Аласаниа* (ИИАЭ АН ГССР) «Учебник источниковедения истории Грузии». На пленарных заседаниях были заслушаны запланированные выступления *Г. Г. Аласаниа* (ИИАЭ АН ГССР), *Э. Д. Ванёниса* (ИИ АН

ЛитССР), *М. Г. Белогурова* (Отделение истории АН СССР), *В. П. Гугушвили* (СНИОН АН ГССР), *Р. А. Гусейнова* (ИИ АН АзССР), *Н. П. Ковальского* (ДГУ), *А. А. Курносова* (АК), *М. Д. Лордкипанидзе* (ТбГУ), *Л. Н. Пушкарева* (ИИ АН СССР), *В. Н. Ратушняка* (КГУ), *Л. Н. Свападзе* (КПИ), *А. К. Соколова* (ИИ АН СССР). Большое число ученых приняло участие в дискуссии по докладам и сообщениям.

Помимо пленарных заседаний, на сессии работали четыре секции: общего и теоретического источниковедения, конкретного источниковедения, специальных исторических дисциплин, количественных методов в источниковедении.

Особенность конференции состояла в том, что к анализу были привлечены разнообразные источники, хранящиеся как в отечественных, так и в зарубежных архивах. Значительное внимание, естественно, привлекли материалы по истории Кавказа и особенно Грузии. В ряде выступлений отмечено, что «годы застоя» не так тяжело отразились на развитии источниковедения, как на разви-

тии других областей исторического знания. Напротив, в рамках целого ряда его направлений были получены весомые результаты. Сессия была прекрасно организована. Оживленная общая дискус-

сия стала возможной, в частности, благодаря публикации тезисов докладов (Тбилиси, 1988).

А. К.

УКРАИНСКАЯ РЕСПУБЛИКАНСКАЯ АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

6–8 декабря 1988 г. в Киеве состоялась республиканская научная конференция «Украинская археология: современное состояние и перспективы развития». На пленарном заседании заслушаны доклады председателя Археологической комиссии АН УССР чл.-корр. АН СССР П. С. Соханя «Об основных направлениях деятельности Археологической комиссии АН УССР в свете современных задач реставрации», председателя Археологической комиссии АН СССР С. О. Шмидта «Деятельность Археологической комиссии АН СССР: итоги и перспективы» и А. Л. Хорошкевич (ИИ СССР) «Традиции советской археологии и некоторые проблемы координации публикационной деятельности при подготовке издания Литов-

ской метрики», а также выступления председателей гуманитарных институтов АН УССР, Главархива УССР и Киевского университета. На секционных заседаниях выступило более 70 научных работников и преподавателей Киева, Москвы и многих научных и университетских центров Украины.

Были всесторонне обсуждены проблемы источниковедческих и археологических исследований на Украине, задачи публикации исторических источников.

Конференция утвердила Положение об Археологической комиссии АН УССР, перспективный план публикации источников по истории Украины, а также Методические рекомендации по передаче текста документов XVI–XVIII вв.

70 ЛЕТ НА СЛУЖБЕ КУЛЬТУРЕ

15–16 сентября 1988 г. в подмосковном городе Дмитрове состоялась научно-практическая конференция, посвященная 70-летию Дмитровского историко-художественного музея.

Открывая конференцию, директор ДИХМ В. В. Воробьев коснулся проблем, стоящих перед одним из старейших музеев Подмосковья, главной из которых является сохранение и изучение музейной коллекции, насчитывающей более 20 тысяч единиц хранения основного фонда. В составе этой коллекции и исторический архив музея, собиравшийся в 1917–1918 гг. первым заведующим музеем, в то время начинающим ученым М. Н. Тихомировым. Краткому обзору истории музея был посвящен доклад Р. Ф. Хохлова (ДИХМ) «70 лет на службе культуре». На секции «Историческое краеведение и музееведение» были заслушаны также доклады и сообщения А. А. Носова (Дмитров) «Малоизвестные страницы деятельности П. А. Кропоткина – естествоиспытателя», о сотрудничестве ученого в комиссии по изучению болот при Дмитровском музее в 1918–1919 гг., И. В. Голицына (МОСХ) «О творчестве художника-самоучки А. П. Любимова», А. Ю. Егорова (Музей А. В. Суворова, Ленинград) «Василий Иванович Суворов – отец великого полководца», А. М. Поливанова (Дмитров) «Из истории рода Поливановых», краеведов А. Ф. Тлягачева (Дмитровская средняя школа № 1) «Фронтовые письма в собрании народного музея Дмитровской средней школы № 1» и Т. Д. Шолоховой (Синьковская средняя школа) «Пути создания школьного музея (Из опыта работы Синьковской сред-

ней школы)», В. С. Кашко (ДИХМ) «Структура отдела истории советского общества в местных музеях».

На секции архитектуры и искусства с докладами и сообщениями выступил искусствовед В. М. Сорокацкий (Госреставрация) «Исследования иконостаса Успенского собора в Дмитрове», В. В. Кавельмакер и М. Б. Чернышов (Мособлстройреставрация) «О происхождении иконописных икон Успенского собора», Т. А. Дудина (ГНИМА) «Архитектура театра в усадьбе Ольгово», Т. В. Сергеева (ГМИНВ) «О монгольских предметах из собрания ДИХМ», В. Н. Коломенцева (МИИГАиК) «Использование аэрокосмических методов для выявления и картографирования памятников архитектуры Московского региона». На секции этнографии и специальных исторических дисциплин выступили Н. И. Решетников (ЦМР) с докладом «Проблемы изучения и описания памятников письменности, хранящихся в районных музеях», Т. П. Черныш (ДИХМ) с сообщением «Исторический архив Дмитровского музея истории края», заслушаны доклады и сообщения Е. Л. Галкиной (НИИ культуры) «Информационный потенциал этнографических источников и вопросы их использования», Л. Н. Лобок (ЦМР) «Опыт работы над каталогом одежды», Н. В. Табуновой (ДИХМ) «Этнографические исследования Музея Дмитровского края 1920-х гг.», И. В. Ширякова (ДИХМ) «Ольговская коллекция русских медалей XVIII в. в собрании Дмитровского музея».

К конференции было приурочено открытие выставки, посвященной 70-летию Дмитровского музея, на которой представ-

лены документы, фотографии, труды музея и публикации его сотрудников и краеведов, работы художника В. М. Голицына (1902–1948), более 10 лет жизни и деятельности которого связаны с Дмитриевом и музеем, одна из реставрированных работ талантливого дмитровского художника-самоучки, создателя оригинальных масштабных макетов памятников архитектуры А. П. Любимова, личные вещи К. А. Соловьева, заведующего музеем в 1921–1932 гг., впоследствии директора Останкинского музея и профессора МВХПУ. Среди материалов, показанных на выставке, — отчеты М. Н. Тихомирова о его работе в качестве инструктора культурно-просветительного отдела Дмитриевского союза кооперативов и заведующего музеем за 1917–1918 гг., фотографии, связанные с жизнью и деятельностью П. А. Кропоткина в Дмитрове в 1918–1920 гг., «охранная грамота» Наркомпроса, выданная музею в 1920 г., выпуски рукописного методического журнала «Ольговские тетради» историка-краеведа И. А. Смирнова за январь–апрель 1928 г., письма К. А. Соловьеву от С. П. Подъячева, О. Н. Бадера, П. Н. Миллера, первые афиши музея, каталоги выставок, книги с дарственными надписями музею, от одного из активных участников

организации музея в 1917–1918 гг., в то время заведующего книжным складом Дмитриевского союза кооперативов М. В. Муратова, академика М. Н. Тихомирова и другие материалы.

В заключение участники и гости юбилейной конференции совершили экскурсию по памятным местам Дмитриевского края, маршрут которой, начатый и законченный в Дмитрове, включил наиболее интересные архитектурные ансамбли в северной и юго-западной части современного Дмитриевского района — Николо-Пешношский монастырь, Медведеву пустынь, усадьбы Ольгово и Никольское-Обольяново (ныне с. Подъячево), связанные, в частности, с именами К. Ф. Калайдовича, первого историка Николо-Пешношского монастыря, архитектора и художника Ф. И. Кампорези, писателей Л. Н. Толстого и С. П. Подъячева, других деятелей культуры.

Конференция стала заметным явлением в культурной жизни Дмитрова и одним из важных шагов в возрождении замечательных традиций дмитровского краеведения, основы которого заложены М. Н. Тихомировым, М. С. Померанцевым, А. Д. Шаховской, К. А. Соловьевым, И. А. Смирновым и другими энтузиастами культуры.

Р. Ф. Холлов

ВИКТОР ИВАНОВИЧ РУТЕНБУРГ (1911—1988)

6 мая 1988 г. на 77-м году жизни скончался Виктор Иванович Рутенбург. Смерть была внезапной, он ушел, никого не обременив ни единым днем своей немощи, не бив ни единого дня ни старым, ни больным человеком, ни в чем не уступив ни возрасту, ни судьбе. Еще 3 мая, во вторник, уходя из института после присутственного дня, он попрощался с коллегами со всегда присущим ему сдержанным достоинством и доброжелательностью. Только рука его обычно теплая, была холодной. Но кому могло прийти в голову, что повелю из уже приоткрывшейся студенкой бездны небытия? Через два дня Виктора Ивановича не стало.

Долг живущих блюсти память об ушедших. И можно ли сделать это лучше, чем рассказав о них? ¹ Виктор Иванович, будучи по всем представлениям «маститым» ученым — автором многих работ, членом-корреспондентом АН СССР, лауреатом Государственной премии СССР, членом бюро Археографической комиссии АН СССР, членом многих иностранных обществ и международных комиссий, при этом оставался начисто лишеным чинности и чуждым какой бы то ни было мысли о собственной особости. Всегда был выдержан и корректен, ровен и внимателен, доброжелательно и мягко ироничен и афористично остроумен в отношениях с людьми. Подобное поведение, глубоко коренившееся в натуре Виктора Ивановича, предлагало любому собеседнику уважительный разговор равных. Мало найдется людей, не замечающих или же отвергающих уважение к себе.

Виктор Иванович до последнего дня оставался работающим историком. В этот свой последний — оказавшийся последним — рабочий день он продолжал готовить материалы для своего нового труда, связанного, как и все предыдущие, с Италией — страной, в которой он часто бывал, которую прекрасно знал и любил, историю которой знал, по мнению итальянских коллег, как немногие — особенно период Возрождения ². В этом, вероятно, кроется наряду со строгим складом ума и собранностью натуры объяснение внешней простоты и внутренней насыщенности всех написанных им трудов. Выпустив в 1986 г. книгу «Итальянский город XIII—XV вв.», Виктор Иванович принялся за подготовку новой — ему давно хотелось написать историю Италии, план уже лежал на рабочем столе и несомненно осуществился бы. Это была бы первая в советской историографии авторская работа подобного рода.

В этой книге, как и в большинстве работ Виктора Ивановича, существенное место было предназначено архивным документам. В последний день он приходил в западноевропейскую секцию архива ЛОИИИ (института, в котором пропла вся его жизнь) с просьбой подготовить ему для работы самые ранние, X в. документы итальянского происхождения. Записка с перечнем интересовавших его документов — последняя рабочая запись Виктора Ивановича — содержит помету «Ит-1000 лет», показывающую его замысел.

С архивом ЛОИИИ связана вся научная работа Виктора Ивановича. Здесь, в запад-

¹ Нет сомнения, что со временем жизненный путь Виктора Ивановича и его научное наследие будут вдумчиво изучены и описаны; сейчас же важно сказать о нем самые первые слова памяти. Несколько некрологов и памятных статей уже написаны. См.: СВ. 1989. Вып. 52; ВИ. 1988. № 9; ВИД. 1989. Вып. XX.

² *Rico N. Viktor Rutenburg: quando l'interesse è anche amicizia. Intervista al capo della delegazione sovietica // Realtà sovietica. Roma, 1983. N 11/12. P. 45—46.*

ноевропейской секции, еще будучи студентом ЛГУ, он изучал палеографию и дипломатику, проникся уважением и любовью к «живому» документу и архивному труду. После демобилизации в феврале 1946 г. он уже с 1 марта работает в архиве – рабочим, научным сотрудником, а затем много лет ответственным хранителем западноевропейской секции. Перейдя из архива в группу всеобщей истории, которой затем он долгие годы заведывал, Виктор Иванович продолжал не только работать с документами как исследователь, но и живо интересоваться делами секции, оставаясь ее куратором и ответственным редактором публикаций, подготовленных в секции после войны³.

Уже первое исследование Виктора Ивановича (студенческая работа, написанная под руководством М. А. Гуковского) проведено на материалах западноевропейской секции – документах ломбарда г. Губбио, которые он через четверть века опубликует в книге «Итальянские коммуны». Но если говорить о том, какие из документов секции занимали в его работе историка самое значительное место, то назвать надо несомненно связанные с деятельностью флорентийской компании XIV в. Уццано. Сейчас, после того как Виктор Иванович разобрал, прочитал и свел эти документы воедино, в отдельный фонд, а затем самые значительные из них опубликовал в книге «Итальянские коммуны», удивляешься, глядя на эти исписанные с обеих сторон множеством чисел и неясных беглых записей листки, чутью молодого ученого, поражаешься решимости, с которой он взялся за такое дело, и завидуешь его упорству и результативности.

Папки с несколькими листками счетов Уццано Виктор Иванович впервые взял в руки, вероятно, зимой 1939/40 г., будучи уже аспирантом ЛГУ. Единственное, что о них было известно, записано на обложке папки рукой академика Н. П. Лихачева, коллекционера-подвижника, одного из создателей архива ЛОИИ: «Якобы из carteggio после Niccolò da Uzzano;» Вскоре Виктор Иванович отыскал в других картонах другие документы, относящиеся к Уццано, и вложил в папку записку с изложением первых результатов своих наблюдений над ними, датированную 15 февраля 1940 г. и написанную его четким и разборчивым почерком. Запись

на обложке, датированная 30.X.1940 г., подтверждает, насколько серьезно молодой исследователь втянулся в работу. Следующие записи на обложке папки с листками Уццано появились лишь 26 марта 1946 г. С началом войны Виктор Иванович ушел в армию, но, поступив работать в архив, вновь взялся за прерванное дело. Через несколько лет, блестяще разобравшись в палеографических особенностях и бухгалтерских хитростях флорентийских кушцов и финансистов XIV в., Виктор Иванович открыл неизвестную страницу истории раннего капитализма в Италии. Фонд Уццано занял важное место в историческом основании его первой монографии, показавшей, что ее автор – зрелый и самостоятельный историк-исследователь, и сохраняющей поныне свое научное значение⁴.

Казавшиеся разрозненными листки, открытые, собранные в единый фонд и объясненные Виктором Ивановичем, оказались на поверку единственными уцелевшими фрагментами торгово-банковских книг за 1363–1386 гг. флорентийской компании Уццано, конец деятельности которой прежде относили к 1341 г. Вдумчивая работа над новооткрытым источником дала Виктору Ивановичу основания внести серьезный вклад и в историю развития двойной бухгалтерии (как он писал, «уточнить»), и в историю развития банковской техники в Италии, и в изучение источниковой ценности торговых книг итальянских компаний⁵.

За без малого полвека научной деятельности Виктор Иванович работал во многих отечественных и зарубежных архивах, из каждой такой поездки привозил новый материал, делился своими знаниями об архивах с научной общественностью. Но собрание фонда Уццано и работа над ним всегда вспоминались Виктором Ивановичем с особым удовлетворением. Надписи его на обложке папки, вложенная туда записка и опубликованные на основе новооткрытых документов труды всегда будут напоминать нам наряду с воспоминаниями о личных встречах с ним об одной из самых интересных страниц научной биографии Виктора Ивановича Рутенбурга и о нем самом – крупном ученом-историке, пытливом архивном разыскателе, выдержанном полевом, добром товарище и терпеливом и мудром наставнике.

М. П. Прошкинов, Л. Г. Климинов, В. А. Шишкин

³ Акты Кремоны XIII–XVI вв. в собрании Академии наук СССР. М.; Л., 1961; Итальянские коммуны XIV–XV веков: Сб. документов из архива ЛОИИ АН СССР. М.; Л., 1965; Рукописные источники по истории Западной Европы в Архиве ЛОИИ СССР: Археогр. сб. Л., 1982; Акты Падуи конца XIII–XIV в. в собрании Академии наук СССР. Л., 1987.

⁴ Рутенбург В. И. Очерк из истории раннего капитализма в Италии: Флорентийские компании XIV в. М.; Л. 1951.

⁵ Все, что сделал Виктор Иванович в этой области, отражено в списке его трудов. См.: СВ. 1981. Вып. 44.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААН – Архив Академии наук СССР
АВВП – Архив внешней политики России Историко-дипломатического управления МИД СССР
АД – Архивное дело
АЕ – Археографический ежегодник
АК – Археографическая комиссия
АККМ – Архив Крымского краеведческого музея
АПН – Академия педагогических наук СССР
АСЭИ – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в.
АФЗХ – Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков
АЮ – Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства
БАН – Библиотека Академии наук СССР
БИОН – Бурятский институт общественных наук Бурятского филиала Сибирского отделения АН СССР
БНЦ – Башкирский научный центр Уральского отделения АН СССР
БСЭ – Большая Советская энциклопедия
ВА – Вопросы архивоведения
ВАН – Вестник Академии наук
ВГБИЛ – Всесоюзная государственная библиотека иностранной литературы
ВГПИ – Вологодский государственный педагогический институт
ВГУ – Вильнюсский государственный университет
ВИ – Вопросы истории
ВИД – Вспомогательные исторические дисциплины
ВИЖ – Военно-исторический журнал
ВИ КПСС – Вопросы истории КПСС
ВИМК – Вестник истории мировой культуры
ВОКМ – Вологодский областной краеведческий музей
ВООПИК – Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
ВОПиС – Всероссийское общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев
ГАК – Государственный архив г. Киева
ГАКиО – Государственный архив Кировской области
ГАКО – Государственный архив Калининской области
ГАКрО – Государственный архив Крымской области
ГАРО – Государственный архив Рязанской области
ГАУ СССР – Главное архивное управление при Совете Министров СССР
ГАУ УССР – Главное архивное управление при Совете Министров УССР
ГАФ СССР – Государственный архивный фонд СССР
ГАЯО – Государственный архив Ярославской области
ГБЛ – Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина
ГИМ – Государственный Исторический музей
ГМИНВ – Государственный музей искусства народов Востока
ГНИМА – Государственный научно-исследовательский музей архитектуры
ГПБ – Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина
ГПНТБ СО АН – Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения АН СССР
ГУ – государственный университет
ГУАК – губернские ученые архивные комиссии
ДАИ – Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией
ДГУ – Днепропетровский государственный университет
ДДГ – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI веков
ДИХМ – Дмитровский историко-художественный музей
ДСВ – Декреты Советской власти
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения
ЗНУ – Записки Новороссийского университета
ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей
ЗОР ГБЛ – Записки отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина
ИА – Исторический архив
ИАН – Известия Академии наук
ИВ – Исторический вестник

- ИВАН – Институт востоковедения АН СССР
 ИВИ – Институт военной истории АН СССР
 ИДВ – Институт Дальнего Востока АН СССР
 ИЗ – Исторические записки
 ИИАЭ – Институт истории, археологии и этнографии АН ГССР
 ИИЕТ – Институт истории естествознания и техники АН СССР
 ИИ СССР – Институт истории СССР АН СССР
 ИИФ СО АН – Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР
 ИИЯЛ БНЦ – Институт истории, языка и литературы Башкирского научного центра Уральского филиала АН СССР
 ИИЯЛ ДФАН – Институт истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР
 ИМЛ – Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС
 ИМЛИ – Институт мировой литературы АН СССР
 ИНИОН – Институт научной информации по общественным наукам
 ИОРЯС – Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук
 ИР АН ГССР – Институт рукописей АН ГССР
 ИРЛИ – Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР
 ИРЯ – Институт русского языка АН СССР
 ИСБ – Институт славяноведения и балканистики АН СССР
 ИСССР – История СССР
 ИТУАК – Известия Таврической ученой архивной комиссии
 ИЭ – Институт этнографии АН СССР
 ИЯЛТуркмССР – Институт языка и литературы АН Туркменской ССР
 ИЯЛИ КФАН – Институт языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР
 КА – Красный архив
 КазГУ – Казанский государственный университет
 КРПИ – Кутанский государственный педагогический институт
 КГУ – Киевский государственный университет
 КубГУ – Кубанский государственный университет
 ЛьвГУ – Львовский государственный университет
 ЛГ – Литературная газета
 ЛГУ – Ленинградский государственный университет
 ЛКРД – Лаборатория консервации и реставрации документов АН СССР
 ЛО ААН – Ленинградское отделение Архива АН СССР
 ЛО ИВАН – Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР
 ЛОИИ – Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР
 ЛО ИСБ – Ленинградское отделение Института славяноведения и балканистики АН СССР
 МАМЮ – Московский архив Министерства юстиции
 МВХПУ – Московское высшее художественно-промышленное училище
 МГАМИД – Московский главный архив Министерства иностранных дел
 МГИАИ – Московский государственный историко-архивный институт
 МГПИ – Московский государственный педагогический институт
 МГУ – Московский государственный университет
 МОИДР – Общество истории и древностей российских при Московском университете
 МОСХ – Московское отделение Союза художников РСФСР
 НБ – Научная библиотека
 НГУ – Новосибирский государственный университет
 ОИ АН СССР – Отделение истории АН СССР
 ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников Государственного исторического музея
 ОР БАН – Отдел рукописной и редкой книги Библиотеки АН СССР
 ОР ГБЛ – Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина
 ОР ГИМ – Отдел рукописей и старопечатных книг Государственного исторического музея
 ОР ГПБ – Отдел рукописей и редких книг Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина
 ПГУ – Пермский государственный университет
 ПИ – Проблемы источниковедения
 ПИШ – Преподавание истории в школе
 ПМЗ – Псковский государственный историко-художественный и архитектурный музей-заповедник
 ПОКМ – Пермский областной краеведческий музей
 ПР – Пролетарская революция
 ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи
 ПСРЛ – «Полное собрание русских летописей»
 РА – Русский архив
 РИБ – Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией

- РИЖ – Русский исторический журнал
 РИО – Русское историческое общество
 СА – Советские архивы
 САНУ – Српска академија наука и уметности
 Сб. ОРЯС – Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук
 СВ – Средние века
 СГУ – Свердловский государственный университет
 СИБАЛ – Международный центр информации об источниках по истории Балкан и Средиземноморья
 СИЭ – Советская историческая энциклопедия
 СО АН – Сибирское отделение АН СССР
 СР ГРМ – Сектор рукописей Государственного русского музея
 СУ РСФСР – Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства РСФСР
 СС АВСК – Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый семинарием им. Н. П. Кондакова
 ТбГУ – Тбилисский государственный университет
 ТВНИИДАД – Труды Всесоюзного научно-исследовательского института документоведения и архивного дела
 ТГУ – Томский государственный университет
 ТЛОИИ – Труды Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР
 ТМГИАИ – Труды Московского государственного историко-архивного института
 ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР
 ТОИАЭ – Таврическое общество истории, археологии и этнографии
 ТУАК – Таврическая ученая архивная комиссия
 УГУ – Уральский государственный университет
 УДН – Университет дружбы народов
 УИЖ – Украинский историчний журнал
 УО АН СССР – Уральское отделение АН СССР
 ЦАУ СССР – Центральное архивное управление при Президиуме ЦИК СССР
 ЦГА ВМФ – Центральный государственный архив Военно-Морского флота СССР
 ЦГА РСФСР – Центральный государственный архив РСФСР
 ЦГА ТССР – Центральный государственный архив Туркменской ССР
 ЦГАДА – Центральный государственный архив древних актов
 ЦГАЛИ СССР – Центральный государственный архив литературы и искусства СССР
 ЦГАОР ЭССР – Центральный государственный архив Октябрьской революции, высшей государственной власти и органов управления ЭССР
 ЦГВИА СССР – Центральный государственный военно-исторический архив СССР
 ЦГИА СССР – Центральный государственный исторический архив СССР (ГССР, ГССР, УССР, ЭССР)
 ЦГИА г. Москвы – Центральный государственный исторический архив г. Москвы
 ЦНБ АН УССР – Центральная научная библиотека Академии наук УССР
 ЦНБ ХГУ – Центральная научная библиотека Харьковского государственного университета
 ЦПА ИМЛ – Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС
 ЧОИДР – Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете
 ЯГУ – Ярославский государственный университет
 АС – Archivni časopis
 SA – Slovenská archivistika

СОДЕРЖАНИЕ

I. Статьи и сообщения

<i>Р. М. Савицкая.</i> Произведения В. И. Ленина периода подготовки Октября (март — октябрь 1917 г.). Вопросы археографии и источниковедения	3
<i>В. Ю. Афиани.</i> О журнальной археографии	15
<i>С. М. Каштанов.</i> К вопросу о типологии фальсификаций источников эпохи средневековья	25
Г. В. Семенченко О хронологии актов Северо-Восточной Руси XIV—XV вв.	31
<i>А. А. Лукашевич</i> (Феодосия). К истории публикации ордеров Г. А. Потемкина и П. А. Зубова	41
<i>И. В. Карнеев.</i> Архивные источники о роли армии во внутренней политике царизма в 1907—1914 гг.	46
<i>И. П. Ковальский</i> (Днепропетровск), <i>С. В. Абросимова</i> (Днепропетровск). Из истории Екатеринославской ученой архивной комиссии (1903—1916 гг.)	52
В. С. Голубцов К истории поисков партийных и советских архивов 1917—1918 гг. на Урале	58
<i>Э. Х. Чубинидзе</i> (Тбилиси). Вопросы общего источниковедения на страницах журнала «Архивное дело»	73
<i>И. Б. Халимов</i> (Ашхабад). К истории формирования собрания восточных рукописей АН Туркменской ССР	85
<i>Ю. В. Андрияшвили</i> . О составлении перечня справочников водяных знаков, имеющих в крупнейших хранилищах СССР	91
<i>Д. М. Шаговской</i> (Париж). Приемы изучения источников по русской генеалогии в новейшей исследовательской практике	93
<i>С. Б. Филимонов</i> (Симферополь). Малоизвестные материалы о деятельности академика М. Н. Тихомирова в 1918—1923 гг.	104
<i>Ю. Я. Рыбаков.</i> Археографическая деятельность В. В. Лукьянова	107
Список работ В. В. Лукьянова	110
<i>В. А. Бердинских</i> (Киров). Е. Д. Петряев — писатель и ученый	111
Список работ Е. Д. Петряева (1973—1987)	115
<i>Ю. З. Данилюк</i> (Киев), <i>Д. В. Табачник</i> (Киев). В. И. Стрельский — археограф, архивист и историк-краевед	117
<i>Р. В. Булатова, О. А. Князевская.</i> Археографическая деятельность Д. Богдановича в 1950—1980-х годах	124
<i>Л. В. Иванова.</i> Полвека, отданные науке (К 80-летию со дня рождения академика М. П. Кима)	128
<i>С. О. Шмидт.</i> К 80-летию академика Б. А. Рыбакова	131
<i>А. А. Курносов, Ю. К. Стрижков.</i> Пять лет трудов историка (К 80-летию академика А. М. Самсонова)	134
<i>В. С. Мясников.</i> Академик С. Л. Тихвинский как источниковед (К 70-летию со дня рождения)	138
<i>К 100-летию со дня рождения С. Н. Валка</i>	
<i>В. В. Журавлев.</i> С. Н. Валк и историко-партийное источниковедение	144
<i>И. В. Загоскина.</i> С. Н. Валк и подготовка сборника «Декреты Советской власти»	146
<i>С. В. Чирков.</i> Некоторые проблемы теории археографии в трудах С. Н. Валка	149
<i>Е. М. Добрушкин.</i> С. Н. Валк-археограф и преподавание археографии в МГИАИ	152
<i>Е. Н. Кушева.</i> Воспоминания о Сигизмунде Натановиче Валке	15

Н. А. Озогина. Хроника совместного заседания Археографической комиссии АН СССР и Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, посвященного 100-летию со дня рождения С. Н. Валка	157
---	-----

Тихомировские чтения 1988 года

Л. И. Шохин. Хроника заседания	159
--	-----

II. Обзоры, описания, библиография

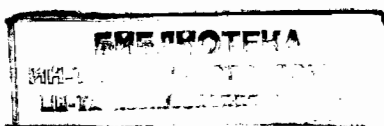
Л. И. Шохин. К истории публикации документов МАМЮ во второй половине XIX — начале XX в.	165
Л. М. Парова (Грозный). К истории Кавказской археографической комиссии (по новым архивным материалам)	176
С. В. Журавлев. К вопросу о роли ЦАУ СССР и РСФСР в выявлении документов по истории фабрик и заводов СССР в 1930-е годы	185
А. Л. Литвин (Казань). Документальные публикации по истории гражданской войны в Среднем Поволжье	193
И. И. Колесник (Днепропетровск). Конспект лекций С. М. Соловьева по русской историографии	201
И. Л. Кызласова. Из эпистолярного наследия Н. П. Кондакова	210
В. В. Кравченко (Харьков). Личный фонд Д. И. Багаля в рукописном отделе Центральной научной библиотеки Харьковского государственного университета	222
А. М. Дубровский (Брянск). Неопубликованные работы П. П. Смирнова в ОР ГБЛ	228
П. А. Сергеев. Деятельность Н. М. Дружинина в секции по изучению декабристов и их времени при Всесоюзном обществе бывших политических каторжан и ссыльнопоселенцев (1924—1934 гг.)	234
Е. Н. Шикигин (Зеленоград). Архив историка П. П. Парадизова	237
Р. Ш. Ганелин (Ленинград). А. Лооринг и его неосуществленный исследовательский замысел	252
С. В. Чирков. Доклад М. Н. Тихомирова «Об обеспечении сохранности, состоянии и использовании документальных материалов в учреждениях Академии наук СССР»	258
И. В. Ковалев (Владимир). Вопросы охраны памятников истории и культуры в эпистолярном наследии Н. Н. Воронина	261
Г. Н. Курбанов (Бухара). Новые поступления Бухарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника	268
В. И. Мажуга (Ленинград). Описание латинских рукописей V—XII вв. в ГПБ	269
Л. И. Киселева (Ленинград). Проблемы описания средневековых рукописей	272
С. В. Чирков. Книга об учителе	275
Список печатных трудов В. И. Буганова (сост. А. П. Богданов)	278

III. Публикации

Из переписки Т. Н. Грановского с П. В. Павловым (1850 г.) (подг. Р. Г. Эймонтова)	288
Археографическое воззвание К. Н. Бестужева-Рюмина (подг. Р. А. Киреева)	292
Отзыв С. Б. Веселовского о драматической повести «Иван Грозный» А. Н. Толстого (подг. К. А. Аверьянов, предсл. С. О. Шмидта)	296
Письмо М. Н. Тихомирова 1955 г. о происхождении славян и о Древней Руси (подг. П. А. Плютто, предисл. С. О. Шмидта)	314
Н. Н. Воронин. Слово в память Михаила Николаевича Тихомирова (подг. И. В. Ковалев (Владимир), предисл. С. О. Шмидта)	316

IV. Хроника

Состав Археографической комиссии	319
<i>Л. И. Шохин</i> . Деятельность Археографической комиссии в 1988 г.	322
В Отделениях Археографической комиссии	325
<i>В. А. Черных</i> . Археографические экспедиции 1988 г.	326
Выставка рукописных и старопечатных книг, собранных археографическими экспедициями	328
Всесоюзное рабочее совещание по проблемам восточной археографии	329
<i>Д. А. Мустафина</i> (Казань). Археографическая конференция в Казанском университете	330
<i>А. К.</i> Всесоюзная научная сессия в Кутаиси	331
Украинская республиканская археографическая конференция	332
<i>Р. Ф. Хохлов</i> (Дмитров). 70 лет на службе культуре	332
<i>М. П. Ирошников</i> (Ленинград), <i>Л. Г. Климанов</i> (Ленинград), <i>В. А. Шишкин</i> (Ленинград). Виктор Иванович Рутенбург (1911—1988)	334
Список сокращений	336

Научное издание

**Археографический ежегодник
за 1988 год**

Утверждено к печати

Отделением истории Академии наук СССР

Редактор издательства Ю. Г. Гордина
Художественный редактор В. В. Алексеев
Технический редактор Л. И. Куприянова
Корректоры К. И. Келаскина, К. П. Лосева

ИБ № 39088

Сдано в набор 06.05.89. Подписано к печати 04.08.89
А-03941. Формат 70×108^{1/16}. Бумага типографская № 1
Гарнитура обыкновенная. Печать высокая
Усл. печ. л. 30,1. Усл. кр. отт. 30,1. Уч.-изд. л. 34,5. Тираж 1550 экз.
Тип. зак. 3009. Цена 6 р. 30 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ
«НАУКА»
ВЫХОДЯТ ИЗ ПЕЧАТИ КНИГИ:

Дружинин Н. М.
ВОСПОМИНАНИЯ, МЫСЛИ, ОПЫТ ИСТОРИКА:
Избранные труды.

45 а. л.

Четвертая книга «Избранных трудов» академика Н. М. Дружинина содержит мемуарные, дневниковые и эпистолярные материалы, представляющие значительный интерес не только для изучения жизни и деятельности ученого, но и для истории советской исторической науки. Некоторые материалы публикуются впервые. Заключает книгу стенограмма торжественного заседания, посвященного 100-летию со дня рождения Н. М. Дружинина.

Для историков и широкого круга научной общественности.

Лапшо-Данилевский А. С.
ИСТОРИЯ РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ
И КУЛЬТУРЫ (XVII — XVIII вв.).

25 а. л.

Исследование академика А. С. Лапшо-Данилевского посвящено развитию общественно-политической мысли в контексте русского культурно-исторического процесса XVII—XVIII вв. В книге рассматриваются взаимосвязи русской общественной мысли и культуры европейского средневековья и Возрождения.

Для историков, литературоведов, философов.

ПИСЬМА И БУМАГИ ПЕТРА ВЕЛИКОГО.

Т. XIII, вып. I.

50 а. л.

Выпуск содержит письма Петра Великого за первую половину 1713 г. и комментарии к ним, ответные письма корреспондентов и переписку разных лиц. Документы отражают события Северной войны в Померании и Финляндии, дипломатические отношения России с зарубежными странами, вопросы государственного строительства и хозяйственной жизни, развитие внутренней и внешней торговли.

Для историков, филологов.

**Для получения книг почтой
заказы просим направлять по адресу:**

117192 Москва, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»; 197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкнига», имеющий отдел «Книга — почтой».

Адреса магазинов «Академкнига»;

480091	Алма-Ата , ул. Фурманова, 91/97 («Книга — почтой»);	197345	Ленинград , Петрозаводская ул., 7 («Книга — почтой»);
370001	Баку , ул. Коммунистическая, 51 («Книга — почтой»);	220012	Минск , Ленинский проспект, 72 («Книга — почтой»);
232600	Вильнюс , ул. Университето, 4;	103009	Москва , ул. Горького, 19а;
690088	Владивосток , Океанский проспект, 140 («Шинга — почтой»);	117312	Москва , ул. Вавилова, 55/7;
320093	Днепропетровск , проспект Гагарина, 24 («Книга — почтой»);	117192	Москва , Мичуринский проспект, 12 («Книга — почтой»);
734001	Душанбе , проспект Ленина, 95 («Книга — почтой»);	630076	Новосибирск , Красный проспект, 51;
375002	Ерван , ул. Туманяна 31;	630090	Новосибирск , Морской проспект, 22 («Книга — почтой»);
664033	Иркутск , ул. Лермонтова, 289 («Книга — почтой»);	142284	Противно Московской обл., ул. Победы, 8;
420043	Казань , ул. Достоевского, 53 («Книга — почтой»);	142292	Пушино Московской обл., МР, «В», 1 («Книга — почтой»);
252030	Киев , ул. Ленина, 42;	620151	Свердловск , ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга — почтой»);
252142	Киев , проспект Вернадского 79;	700000	Ташкент , ул. Ю. Фучика, 1;
252025	Киев , ул. Осипенко, 17;	700029	Ташкент , ул. Ленина, 73;
277012	Кишинев , проспект Ленина, 148 («Книга — почтой»);	700070	Ташкент , ул. Шота Руставели, 43;
343900	Краматорск Донецкой обл., ул. Марата, 1 («Книга — почтой»);	700185	Ташкент , ул. Дружбы народов, 6 («Книга — почтой»);
660049	Красноярск , проспект Мира, 84;	634050	Томск , наб. реки Ушайки, 18;
443002	Куйбышев , проспект Ленина, 2 («Книга — почтой»);	450059	Уфа , ул. Р. Зорге, 10 («Книга — почтой»);
191104	Ленинград , Литейный проспект, 57;	450025	Уфа , ул. Коммунистическая, 49;
199164	Ленинград , Таможенный пер. 2;	720000	Фрунзе , бульвар Дзержинского, 42 («Книга — почтой»);
194064	Ленинград , Тихорецкий пр-т, 4.	310078	Харьков , ул. Чернышевского, 87 («Книга — почтой»).

6A 39A

INSTITUT ZA VEŠTAČENJE